

Николай I:

Личность и эпоха

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский институт истории

Николай I:
Личность и эпоха

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Издательство «Нестор-История»
Санкт-Петербург
2007

УДК 947.073
ББК 633(2)521.2

Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2007. — 530 с.

Ответственный редактор *А. Н. Цамутали (д. и. н.)*

Составители:
Т. В. Андреева (к. и. н.) — ответственный составитель;
Л. А. Булгакова (к. и. н.),
Л. В. Выскочков (д. и. н.),
Т. Н. Жуковская (к. и. н.),
П. В. Ильин (к. и. н.),
С. Н. Искюль (д. и. н.),
И. В. Лукоянов (к. и. н.),
А. А. Михайлов (д. и. н.),
Т. Л. Пашкова (к. искусств. н.)

Рецензенты:
С. В. Куликов (к. и. н.),
М. Ф. Флоринский (д. и. н.)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-01-16345д

ISBN 5-98187-187-3

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Со времени смерти Николая I прошло более ста пятидесяти лет. За эти годы написано множество книг, посвященных истории России второй четверти XIX в., анализу деятельности и личности императора. Исследователи спорят о причинах исторической предопределенности поражения Российской империи в Крымской войне, о роли в этой трагедии носителя верховной власти. При этом как сторонники, так и противники Николая Павловича, независимо от их политических убеждений, едины в том, что черты личности монарха и принципы его государственной деятельности во многом определили судьбу страны.

Царствование Николая I в историографической традиции, восходящей еще к А. И. Герцену, характеризуется как эпоха торжества реакции, социально-экономического кризиса и идейного упадка, трагедии сломленного последекабристского поколения. Безусловно, крымская катастрофа продемонстрировала всю глубину отставания России в экономическом и социальном отношениях от ведущих государств Западной Европы, к этому времени совершивших стремительный скачок в своем развитии. Казалось, тридцатилетняя внутриполитическая стабильность в стране должна была дать верховной власти время и возможность решить, наконец, крестьянский вопрос, модернизировать экономику, укрепить военную мощь Российского государства и его влияние в мире. Между тем и в середине XIX в., когда в развитых европейских странах существовали конституционно-представительные системы, и общество давно пользовалось широкими гражданскими и политическими свободами, в Российской империи сохранялось самодержавие и крепостное право.

И все же николаевское царствованием вошло в историю не только как период тридцатилетнего застоя, но как масштабная и переломная эпоха кануна Великих реформ. В эти годы реформаторство в России, безусловно, не затрагивавшее самодержавных основ государственной власти, продолжало эволюционировать и усложняться. В то же время развивалось, принимая разные формы и исходя от различных социальных групп, и общественное движение. Даже по мнению такого ярого оппонента Николая I, как А. И. Герцен, «с виду Россия продолжала стоять на месте, даже, казалось, шла назад, но, в сущности, все принимало новый облик, вопросы становились все более сложными, а их решения — менее простыми»[1].

Во многом стагнационные явления, усилившиеся в царствование Николая I, были обусловлены характерными чертами личности императора и определенным примитивизмом его политического мировоззрения. По своему психотипу и мировоззренческим принципам Николай Павлович был «практиком» и консерватором,

---

[1] *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1955. Т. XI. С. 309.

а его важнейшей чертой как государственного деятеля были непоколебимая верность раз усвоенным взглядам и крайнее доктринерство, мешавшие ему видеть явления в их эволюционном движении. В силу этого при Николае I принцип личной неограниченной власти монарха был доведен до последней черты и оказался реализован полностью, произошел отход от гибкой и маневренной политики его предшественника. К тому же практический склад ума Николая Павловича, стремление императора к военной субординации и порядку определили степень его личного участия в функционировании государственного аппарата. Авторы-составители стремились показать Николая I как человека и государя, продемонстрировать взаимосвязь его характера и принципов государственного управления на основе новых документов и путем их сопоставления с уже известными материалами.

Николай I, взойдя на трон сквозь ряды «мятежников» на Сенатской площади, безусловно, осознавал, что выступление декабристов отражало общественное недовольство, что их желание перемен и реформ имело глубокие социально-политические основания. Поэтому при всем внешнем, официальном отношении к Александру I как к «освободителю Европы» и «ангелу» Императорского дома в политической концепции нового царствования присутствовала скрытая критика недостатков последнего периода предыдущего правления. Проблема революции и реформ — одна из центральных в настоящем издании. Авторы-составители не ставили перед собой задачи оценить с позиций современного научного видения такое сложное историческое явление, как «военная революция», но полагали, что материал, опубликованный в данной книге, будет способствовать более глубокому пониманию причин 14 декабря 1825 г. и выявлению последствий этого события. Документы, впервые вводимые в научный оборот, также дадут возможность проследить пути «рассеяния» в русской общественной мысли конца 1820–30-х гг. радикально-революционных идей и усиления в ней либерально-реформаторских тенденций.

Отказ Александра I от политики реформ способствовал усилению кризисных явлений. Николаевская модель абсолютизма, являя собой логическое продолжение линии, начатой еще в последний период предыдущего правления, во многом отличалась от александровской. Это выражалось в стремлении Николая I согласовать традиционалистские и западнические начала и стабилизировать самодержавную систему путем усиления единства идеологии и практики государственного консерватизма. Понимая реформы как компромисс между прошлым и будущим, а не уничтожение первого во имя второго, император строил политическую концепцию нового царствования с учетом «наследия» Александра I и декабристов. Важнейшими задачами правительственной политики были поставлены — формирование правовой основы абсолютизма и сословной структуры государства, совершенствование системы управления, подготовка крестьянской реформы. Думается, что документы, включенные в настоящее издание, и комментарии к ним расширят рамки исследовательских представлений о механизме государственной власти в России, о главных проблемах внутреннего строя страны, а также добавят новые штрихи к «портрету» российской бюрократии николаевского царствования.

Правление Николая I пришлось на особое время, когда совершенно четко обозначились три пути в движении вперед. Мощным толчком к созданию в лоне

государственной власти теории, традиционно называемой «теорией официальной народности», и к оформлению в русской общественной мысли основных положений либерального направления в концепциях славянофильства и западничества явилось использование декабристами западной модели политического радикализма. При этом 14 декабря 1825 г. не только породило недоверие императора к высшему обществу, взращенному на традициях европейской цивилизации, но и заставило отойти от основных принципов общеевропейского «дома» и отказаться от александровского космополитизма. Главной задачей государственной политики Николай I поставил борьбу против западных революционно-либеральных влияний. Собственное понимание интересов государства, общества, личности и инстинкт самосохранения заставляли императора поддерживать «устаревшие» абсолютистские «режимы» в Европе, а в самой России усиливать охранительные тенденции в государственной идеологии и внутренней политике, формировать общественное мнение в «видах правительства». Это приводило к нарастанию изоляции Российской империи от Западной Европы. Польское восстание, европейские революции 1830 г. и 1848 г., а также страх перед «язвами пролетариатства» и социальными проблемами, возникающими в конституционных государствах, способствовали еще большему усилению изоляционистских тенденций. Сохранение же самодержавия и крепостного права приводило к усилению и общественной полемики вокруг тезиса об «особых исторических путях» России. Новое звучание в 1830-х гг. получила карамзинская концепция, в основе которой лежало положение об отрицании тождества и повторяемости социально-политических процессов, происходивших и происходящих в России и в Европе. Проблема самобытного пути и вопрос о европейской интеграции, нашедшие отражение в государственной идеологии и общественном сознании эпохи, представлены в данном издании архивными документами, которые по-новому освещают, казалось бы, известные исторические факты и явления.

Тема «Россия и Запад» в мировоззрении Николая I была тесно связана с конституционным вопросом. Но если жизненный и политический опыт со временем усиливал консервативные тенденции во взглядах императора на проблему национальной самобытности России, то его отношение к конституции было неизменным. «Рыцарь идеи самодержавия», по словам И. И. Горбачевского, Николай Павлович не раз говорил, что «для государства и нации нет благополучия вне принципа самодержавия», и демонстрировал свое отрицательное отношение к конституционной форме правления: «Это нелепая форма правления, изобретенная мошенниками и интриганами для самих себя». Более приемлемой ему представлялась даже республика. «Если бы я был частным лицом, то, выбирая для себя и своей семьи страну проживания, выбрал бы страну с подобной формой правления, поскольку она предоставляет наибольшие гарантии и безопасность», — говорил Николай I П. Д. Киселеву[1]. Однако республика, по мнению императора, подходила не для всех стран: «Она может быть прекрасна для одних и опасна для других, поэтому нужно довольствоваться тем, что освящено временем»[2]. Таким

---

[1] *Киселев П. Д.* Записка о государе Николае Павловиче: РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 904. Л. 10 (*пер. с фр.*).
[2] Там же. Л. 11.

образом, для Николая I проблема конституционализма была крепко связана с проповедью самобытности. Вся логика его построений сводилась к одному главному тезису — тип развития российской государственности всегда так сильно отличался от европейского, что и в данный момент более прогрессивные формы правления не могут быть приемлемы для России и даже становятся опасны. Кроме этого, поражение представителей политического радикализма способствовало тому, что в правительственных программах, а также в проектах и предложениях, исходящих из общественной среды, все политические вопросы были подчинены социальным проблемам. Поэтому крестьянская и административная реформы, а также завершение кодификационного процесса становились для императора более насущными, чем борьба за конституционализм.

Правительственные реформаторские поиски наиболее отчетливо проявились в крестьянском вопросе, особенно в первое пятнадцатилетие правления Николая I. Великую крестьянскую реформу, являвшуюся идеологическим продолжением «дней александровых прекрасного начала», в политическом и практическом аспекте можно считать следствием первого «реформаторского» периода николаевского царствования. Ведь в 1826–40-х гг. преобразовательный процесс, пусть даже не в полном объеме, но все же продолжался. Паллиативный же характер первых подступов к реформе был связан со сложностью практической реализации коренных преобразований в аграрной сфере. Система крепостничества, называемая императором «злом, для всех ощутительным и очевидным», а потому требующим безусловного уничтожения, одновременно воспринималась им как «историческое наследие», являющееся основой российской государственности. «Настоящее положение таково, — говорил Николай I на одном из заседаний Секретного комитета 1835 г., — что не может продолжаться, но решительные к прекращению оного меры без общего потрясения невозможны»[1]. К тому же, политический багаж предыдущего правления и влияние на Николая Павловича господствовавших в сановной среде мнений, что крепостное право уничтожится постепенно, «мерами паллиативного свойства», приводили к тому, что император избрал для себя путь разделения общей проблемы крепостничества на отдельные задачи, которые решались властью постепенным и незначительным ограничением крепостных прав.

Умеренный характер реформы государственных крестьян, в первую очередь, был связан с воздействием на ход ее реализации взглядов видных сановников империи (Е. Ф. Канкрина, П. Д. Киселева, С. С. Уварова и др.). Не последнюю роль сыграли и доводы представителей общественного мнения — А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского, С. П. Шевырева, М. П. Погодина, стремившихся воздействовать на верховную власть посредством записок на Высочайшее имя и периодической печати. Сложившаяся в среде дворянских интеллектуалов либерально-консервативная концепция развития России сводилась к следующим главным положениям: при настоящих условиях и в силу социально-экономической отсталости страны социальное переустройство может быть осуществлено только правительством путем постепенного разрешения проблемы и посредством подготовительных экономических преобразований и предварительного просвеще-

[1] Цит. по: *Пресняков А. Е.* Самодержавие Николая I // Русское прошлое. 1923. № 2. С. 10.

ния народа. Николай I, на имя которого поступало большое число Всеподданнейших докладов и записок от государственных деятелей, Всеподданнейших писем от известных литераторов и журналистов и неизвестных чиновников и помещиков, должен был прислушаться к мнению «первенствующего» сословия страны, которое сводилось к главной мысли: «Россия не готова к крестьянской реформе!». Умеренность правительственных преобразовательных поисков решения аграрного вопроса во многом была обусловлена финансовыми трудностями, поскольку у казны, как всегда, не было денег для его решения. Таким образом, в условиях всеобщей потребности обновления, для осуществления крестьянской реформы была необходима продолжительная отсрочка. Политическое благоразумие требовало сначала подготовить идеологическую и финансовую основу для коренных преобразований. Думается, архивные материалы данного сборника помогут проследить эволюцию позиции Николая I по этому вопросу, понять логику и механизм принятия правительственных решений.

Одной из важнейших составляющих политической концепции Николая I, которой были подчинены задачи царствования, являлось расширение и упрочение имперской системы. Однако территориальный рост империи в результате кровопролитных кавказских войн и среднеазиатских походов усугублял тяжелое экономическое положение России, которая постепенно теряла военную мощь и свое влияние в мире. Необходимы были силы и ресурсы для решения важнейших внешне- и внутриполитических проблем — в первую очередь, крестьянской, военной и экономической. Вмешательство же Российской империи в европейские дела после революции 1848 г. еще более подорвало ее международный престиж и ослабило внутренние ресурсы государства. Но несмотря на это, именно с задачами укрепления и расширения империи было связано развитие торговли, промышленности, просвещения, фундаментальных и прикладных наук.

Тридцатилетие царствования Николая I — время резких противоречий. С одной стороны, этот период характеризуется стагнационными процессами в социально-экономической и военной сферах, подавлением общественного движения и всякого инакомыслия, а с другой — именно при Николае I была осуществлена кодификация законов, проведена реформа устройства и управления казенных крестьян, произведена реорганизация высших государственных учреждений. Безусловно, все эти преобразования были подчинены главной цели — усилению самодержавия, которое рассматривалось императором как гарантия стабильности государственного строя и общественной жизни. Кроме этого, николаевская тактика постепенного эволюционного развития страны в эпоху бурного промышленного подъема в Европе уже была неэффективной. Таким образом, Россия теряла время, отпущенное ей для кардинальных реформ. Ведь даже самые благие замыслы теряют свою значимость и обречены на неудачу, если они не реализованы вовремя.

Цель данной публикации — показать важнейшие события царствования Николая I глазами самого императора и его современников, продемонстрировать его личность и эпоху с разных точек зрения. Поэтому при формировании корпуса материалов для составителей приоритетными оказались документы личного происхождения: письма, дневниковые записи, воспоминания.

Данное издание имеет свою историю. В конце 1990-х гг. наш авторский

коллектив получил исследовательский грант РГНФ на этот проект. Были обследованы главные архивохранилища Москвы и Петербурга (ГАРФ, РГИА, ОР РНБ, РО ПД, Архив СПбИИ РАН), и выявлены различные материалы — официальные документы и источники личного происхождения. Имеющие неодинаковое научно-исследовательское значение, они были сгруппированы в два тома. Во второй том, который находится в стадии подготовки и будет называться «Николай I: Политика и государственная деятельность», войдут главным образом официальные материалы и аналитические записки, принадлежащие перу видных государственных деятелей и посвященные важнейшим проблемам царствования — кодификации, крестьянскому вопросу, имперской политике и т. д. В предлагаемый читателю первый том, имеющий название «Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы», вошли документы личного происхождения: воспоминания, дневники, письма.

Несмотря на то, что в последние годы опубликовано несколько сборников документов, посвященных Николаю I и его времени[1], наша книга имеет целый ряд преимуществ перед этими изданиями. Во-первых, в отличие от других публикаций подобного рода, которые представляют собой лишь перепечатку материалов из дореволюционной периодики («Русской старины», «Русского архива» и др.), наша книга включает только архивные документы, впервые вводимые в научный оборот. Исключением являются лишь записки Николая I, которые впервые публикуются с археографическим введением и основательными комментариями. Во-вторых, 70% публикуемого корпуса — это тексты на французском языке, переведенные С. Н. Искюлем. В-третьих, в основе концепции издания лежит проблемный принцип, т. е. каждый документ, вошедший в издание, дает представление о том или ином историческом событии или какой-то проблеме царствования. В-четвертых, формуляр наших комментариев включает: археографическую легенду (т. е. сведения о документе: место хранения, шифр, степень подлинности, вид документа — автограф, список, писарская копия), атрибуцию и датировку, а также исторические, научно-биографические и историографические комментарии.

Первый том состоит из введения, в котором дан общий взгляд на проблемы царствования и указаны принципы издания, и пяти частей. Первая и самая большая часть «Восшествие на престол» включает несколько разделов. В первый раздел «Наследие» вошли материалы, объединенные тремя основными проблемами конца царствования Александра I — политической и экономической стагнации конца 1820-х гг., усиления западных революционно-либеральных влияний на общество и армию, престолонаследия. Среди материалов, представленных в данном разделе, особый интерес представляют два документа. Во-первых, это глава «Шестой период царствования Александра Первого от 1818 года до 1825» из большой рукописи известного писателя и издателя «Русского вестника» С. Н. Глинки «Об обществах европейских и судьбе моего Отечества». В главе дана оценка последних семи лет царствования Александра I в аспекте деятельности тайных

---

[1] Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н.Тарасова. М., 2000. Т. 1–2; Николай I: Муж. Отец. Император / Под ред. Н. И. Азаровой. М., 2000; Николай I. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология русского рыцаря. Незабвенный / Подгот. изд. М. Д. Филина. М., 2002.

политических обществ. Во-вторых — Всеподданнейшая записка бывшего члена Союза благоденствия Н. И. Кутузова «О состоянии Российской империи в отношении ее внутреннего устройства». Поданная Николаю I 5 марта 1826 г., она содержит не только негативную оценку внутреннего состояния государства в последний период царствования Александра I, характерную для большей части передовой, мыслящей части русского общества того времени, но и глубокий анализ причин тяжелого социально-экономического положения страны. Как считал автор, причины такого «плачевного» состояния России в эти годы были связаны, прежде всего, с несовершенством государственного устройства и сохранением крепостничества.

По мнению современников, в том числе самих декабристов, события 14 декабря 1825 г. оказали значительное влияние на формирование политической концепции, принципа государственного управления и идеологической доктрины царствования Николая I. Поэтому логично, что второй и третий разделы первой части посвящены восстанию на Сенатской площади и его последствиям, т. е. суду и казни декабристов. В составе материалов этих разделов нужно особо выделить «Записку о декабристах», отложившуюся в Архиве СПбИИ РАН. Как оказалось, записка является черновым вариантом мемуаров С. П. Трубецкого, созданным им в 1846 г. В «Записке», имеющей много разночтений с классическим текстом, Трубецкой показывает основные этапы движения тайных политических обществ в России, дает яркую характеристику деятельности Северного общества в период междуцарствия и 14 декабря.

В эту же часть входит раздел «Коронация», в котором представлены как официальные материалы, так и источники личного происхождения. Документы дают представление о подготовке и проведении коронационных торжеств, которые проходили 22 августа 1826 г. в Москве.

Вторую часть под названием «Николай I: письма, резолюции, приказы, записки» составляют документы, исходящие от самого императора и дающие представление о его воззрениях на различные исторические события и проблемы царствования — казнь декабристов, холерный бунт, польское восстание, деятельность III Отделения, революцию в Германии 1848 г. и т. д. Из комплекса материалов, представленных в данной части, следует выделить «Инструкцию, данную Николаем I генерал-адъютанту П. Н. Игнатьеву при назначении его генерал-губернатором Витебской, Могилевской и Смоленской губерний. 2 июня 1853 г.», в которой ярко представлен взгляд императора на генерал-губернаторскую власть в России и в целом на функционирование бюрократического аппарата империи.

Третья часть «Николай I глазами современников» включает весьма интересные материалы: записки неизвестных лиц (о болезни Николая I в 1829 г. и пожаре в Зимнем дворце 1837 г.); отрывок из записок П. Д. Киселева о Николае Павловиче; заметку о царствовании Николая I Н. П. Мещерского; записку о характере правления за первые 12 лет царствования Николая I А. Ф. Воейкова.

Часть четвертая, «Император путешествует», в своем составе имеет материалы, посвященные ознакомительным путешествиям Николая I по России. Это — рассказ священника А. И. Трояновского о катастрофе в г. Чембаре в 1836 г., воспоминания коллежского советника Майера о посещении императором в 1840 г.

Киева, о приезде Николая I в 1840 г. в Москву на смотр войск, рассказ ямщика Г. Пахомова о случае из жизни Николая Павловича.

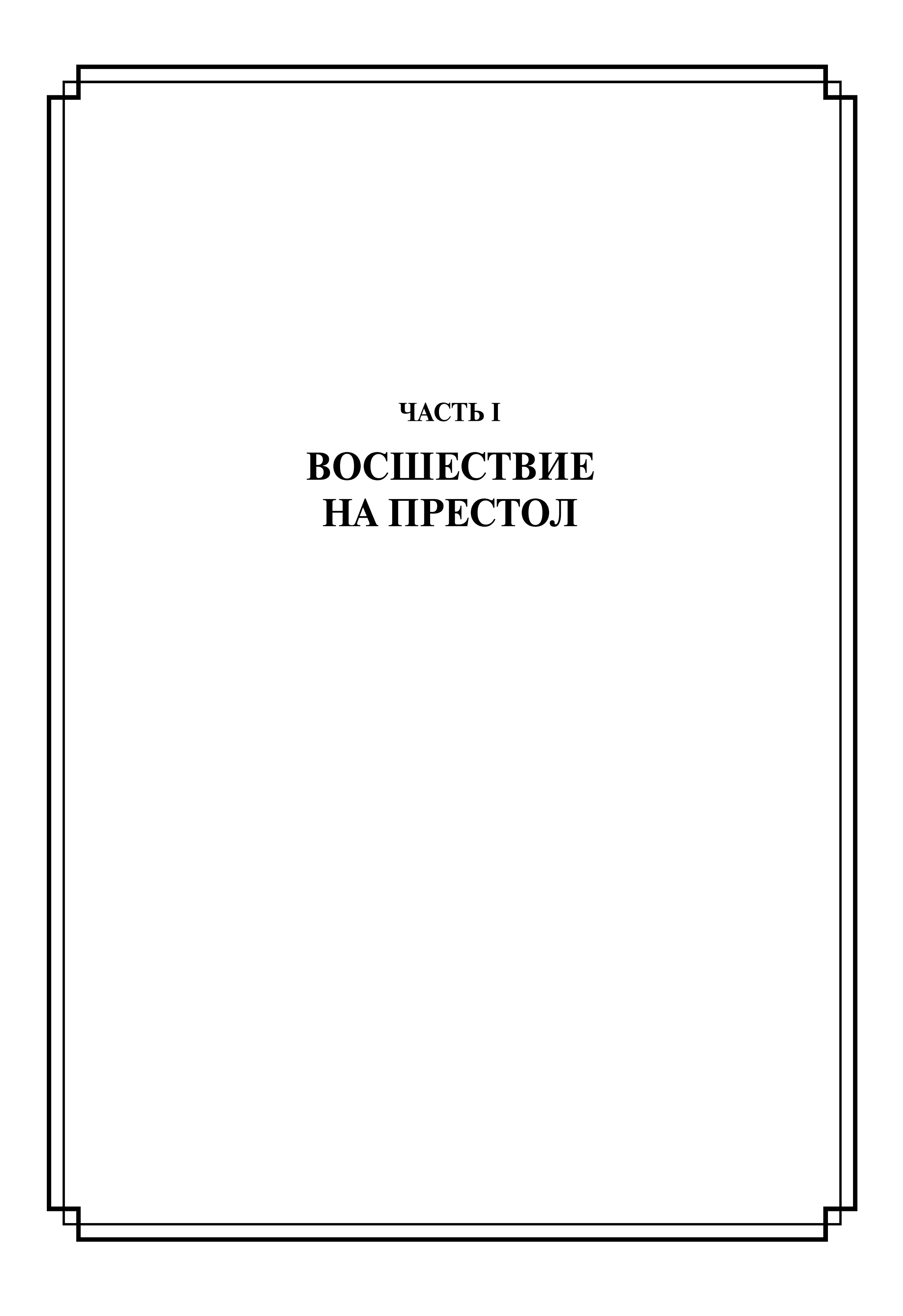
Пятая часть «Завещание Николая I, последние дни жизни, погребение» включает завещание императора, составленное им собственноручно в 1844 г., несколько записок современников, дающих свою интерпретацию причин болезни и обстоятельств смерти Николая Павловича, а также официальные документы об объявлении траура в стране и церемонии погребения.

В настоящем издании авторы избрали критический метод воспроизведения источников. Поэтому тексты приведены в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Конъектуры, сокращенные слова и инициалы (без фамилий) раскрываются в квадратных скобках. Варианты отмечены буквами латинского алфавита и даны под строкой. Немногочисленные примечания авторов обозначены римскими цифрами и также помещены под строкой; авторские подчеркивания оговариваются. Комментарии составителей обозначены арабским цифрами и вынесены в конец публикуемых текстов. Переводы иностранных текстов, сделанные д. и. н. С. Н. Искюлем, указаны звездочками и приводятся под строкой; при переводах целого документа язык оригинала не указывается.

Авторы-составители надеются, что представленное издание, включающее материалы и комментарии, объединенные общим идейным замыслом, будет способствовать более глубокому пониманию технологии власти в России, содействовать исследованию путей развития государства и общества в один из сложнейших периодов российской истории — в царствование Николая I.

Считаем своим приятным долгом выразить сердечную благодарность нашим институтским коллегам Т. Г. Смирновой, оказавшей помощь в сборе архивных материалов; д. и. н. А. К. Гаврилову и к. и. н. Н. Л. Корсаковой за помощь в переводе с иностранных языков. Неоценимую услугу при подготовке издания на всех ее этапах оказала М. Н. Румынская.

Ответственный составитель Т. В. Андреева

ЧАСТЬ I

ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ

НАСЛЕДИЕ

Николай I
Записки. Тетради 1-ая и 2-ая «О наследии после императора Александра I». [1831–1832 гг.]

Часто сбирался я положить на бумагу краткое повествование тех странных обстоятельств, которые ознаменовали время кончины покойного моего благодетеля императора Александра[1] и мое вступление на степень, к которой столь мало вели меня и склонности и желания мои; степень, на которую я никогда не готовился[2] и, напротив, всегда со страхом взирал, глядя на тягость бремени, лежавшего на благодетеле моем, коему посвящено было все его время, все его познания, и за которое столь мало стяжал благодарности, по крайней мере, при жизни своей! Меня удерживало чувство, которое и теперь с трудом превозмогаю — боязнь быть дурно понятым. Я пишу не для света, — *пишу для детей своих*[a]; желаю, чтоб до них дошло в *настоящем виде* то, чему был я свидетель. Решаюсь на сие для того, что испытываю уже после *шести лет*, сколь время изглаживает истину и память таких дел и обстоятельств, кои важны, ибо дают *настоящее* объяснение *причинам* или *поводам* происшествий, от коих зависит участь, даже жизнь людей, более, честь их, скажу даже — участь царств. Буду говорить, как сам видел, чувствовал — от чистого сердца, от прямой души: иного языка не знаю.

1

Лишившись отца, остался я невступно пяти лет[3]; покойная моя родительница[4], как нежнейшая мать, пеклась об нас двух с братом Михаилом Павловичем[5], не щадя ничего, дабы дать нам воспитание, по ее убеждению, совершенное[6]. Мы поручены были как главному нашему наставнику генералу графу Ламздорфу[7], человеку, пользовавшемуся всем доверием матушки; но кроме его находились при нас 6 других наставников, кои, дежуря посуточно при нас и сменяясь попеременно у нас обоих, носили звание кавалеров[8]. Сей порядок имел последствием, что из них иного мы любили, другого нет, но ни который без исключения не пользовался нашей доверенностию, и наши отношения к ним были более основаны на страхе или большей или меньшей смелости. Граф Ламздорф умел вселить в нас одно

---

[a] Здесь и далее выделение Николая I.

чувство — страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас *второе* в степени важности понятий. Сей порядок лишил нас совершенно счастия сыновнего доверия к родительнице, к которой допущаемы мы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор. Беспрестанная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим желаниям нам нужно было, и должно признаться, что не без успеха[9].

Генерал-адъютант Ушаков[10] был тот, которого мы более всех любили, ибо он с нами никогда сурово не обходился, тогда как гр. Ламздорф и другие, ему подражая, употребляли строгость с запальчивостию, которая отнимала у нас и чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное. Одним словом — страх и искание, как избегнуть от наказания, более всего занимали мой ум.

В учении видел я одно принуждение и учился без охоты[11]. Меня часто, и я думаю не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко гр. Ламздорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков.

Таково было мое воспитание до 1809 года, где приняли другую методу. Матушка решилась оставаться зимовать в Гатчине, и с тем вместе учение наше приняло еще более важности: все время почти было обращено на оное[12]. Латинский язык был тогда главным предметом, но врожденная неохота к оному[13], в особенности, от известности, что учимся сему языку для посылки со временем в Лейпцигский университет, сделала сие учение напрасным. Успехов я не оказывал, за что часто строго был наказываем, хотя уже не телесно. Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно; успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части[14].

Мы редко видали государя Александра Павловича[15], но всегда любили его, как ангела своего покровителя, ибо он к нам всегда был особенно ласков. Брата Константина Павловича[16] видали мы еще реже, но столь же сердечно любили, ибо он как будто входил в наше положение, имев гр. Ламздорфа кавалером в свое младенчество.

Наконец, настал 1812 год; сей роковой год изменил и наше положение. Мне минуло уже 16 лет, и отъезд государя в армию был для нас двоих ударом жестоким, ибо мы чувствовали сильно, что и в нас бились русские сердца, и душа наша стремилась за ним! Но матушке неугодно было даровать нам сего счастия[17]. Мы остались, но все приняло округ нас другой оборот; всякий помышлял об общем деле; и нам стало легче. Все мысли наши были в армии; ученье шло, как могло, среди беспрестанных тревог и известий из армии. Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа. Наступил 1813 год, и мне минуло 17 лет; но меня не отпускали. В это время в первый раз случайно узнал я от сестры Анны Павловны[18], с которой мы были очень дружны, что государь, быв в Шлезии, видел семью короля прусского, что старшая дочь его, принцесса Шарлота, ему понравилась, и что в намерениях его было, чтоб мы когда-нибудь с ней увиделись[19].

Наконец, неотступные наши просьбы и пример детей короля прусского подей-

ствовали на матушку, и в 1814 году получили мы дозволение отправиться в армию. Радости нашей, лучше сказать сумасшествия, я описать не могу; мы начали жить и точно перешагнули одним разом из ребячества в свет, в жизнь.

7-го февраля отправились мы с братом Михаилом Павловичем в желанный путь[20]. Нас сопровождал гр. Ламздорф и из кавалеров, при нас бывших, Саврасов, Ушаков, Арсеньев и Алединский, равно инженерный полковник Джанотти[b], военный наш наставник. Мы ехали не по нашему желанию, но по прихотливым распоряжениям гр. Ламздорфа, который останавливался, где ему вздумывалось, и таким образом довез нас в Берлин чрез 17 дней! Тяжелое испытание при нашем справедливом нетерпении! Тут, в Берлине, провидением назначено было решиться счастию[c] всей моей будущности: здесь увидел я в первый [раз] ту, которая по собственному моему выбору с первого раза возбудила во мне желание принадлежать ей на всю жизнь; — и Бог благословил сие желание шестнадцатилетним семейным блаженством[21].

Пробыв одни сутки в Берлине, повезли нас с теми же расстановками чрез Лейпциг, Веймар, где мы имели свидание с сестрой Марией Павловной[22], потом далее на Франкфурт-на-Майне. Здесь, несмотря на быстрые успехи армий наших, отнимавшие у нас надежду поспеть еще к концу кампании, те же нас встретили остановки, и терпение наше страдало несколько дней. Наконец, повезли нас на Бруксаль, где жила тогда императрица Елисавета Алексеевна[23], на Раштад, Фрейбург в Базель. Здесь услышали мы первые неприятельские выстрелы, ибо австрийцы с баварцами осаждали близлежащую крепость Гюнинген[24]. Наконец, въехали мы чрез Альткирх в пределы Франции и достигли хвоста армии в Везуле в то самое время, когда Наполеон сделал большое движение на левый наш фланг. В этот роковой для нас день прибывший флигель-адъютант Клейнмихель[25] к стоявшему при нас генерал-адъютанту Коновницыну[26], высланному к нам навстречу во Франкфурт, привез нам государево повеление возвратиться в Базель[27].

Можно себе вообразить наше отчаяние!

Повезли нас обратно той же дорогой в Базель, где мы прожили более двух недель и съездили в Шафгаузен и Цюрих, вместо столь желанного нахождения при армии, при лице государя. Хотя сему уже прошло 18 лет, но живо еще во мне то чувство грусти, которое тогда нами одолело и в век не изгладится. Мы в Базеле узнали, что Париж взят и Наполеон изгнан на остров Эльбу. Наконец получено приказание нам прибыть в Париж[28], и мы отправились на Кольмар, Нанси, Шион и Мо.

2

О наследии после императора Александра I[29]

В лето 1819-го года находился я в свою очередь с командуемою мной тогда 2-й гвардейской бригадой в лагере под Красным Селом[30]. Пред выступлением из оного было моей бригаде линейное ученье, кончившееся малым маневром в присутствии

---

[b] В рукописи — Жианотти.

[c] Исправлено из: «участи».

императора. Государь был доволен и милостив до крайности. После ученья пожаловал он к жене моей[31] обедать; за столом мы были только трое. Разговор во время обеда был самый дружеский, но принял вдруг самый неожиданный для нас оборот, потрясший навсегда мечту нашей спокойной будущности[32]. Вот в коротких словах смысл сего достопамятного разговора.

Государь начал говорить, что он с радостью видит наше семейное блаженство (тогда был у нас один старший сын Александр[33], и жена моя была беременна старшей дочерью Мариею[34]); что он счастия сего никогда не знал, виня себя в связи, которую имел в молодости; что ни он, ни брат Константин Павлович не были воспитаны так, чтоб уметь ценить с молодости сие счастие; что последствия для обоих были[d], что ни один, ни другой не имели детей, которых бы признать могли[35], и что сие чувство самое для него тяжелое. Что он чувствует, что силы его ослабевают; что в нашем веке государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время[36]. Что он неоднократно о том говорил брату Константину Павловичу, который, быв одних с ним почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле[37], тем более, что они оба видят в нас знак благодати Божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство.

Мы были поражены как громом[38]. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы молчали! Наконец государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатление слова его произвели, сжалился над нами и с ангельскою, ему одному свойственною ласкою, начал нас успокаивать и утешать, начав с того, что минута сему ужасному для нас перевороту еще не настала и не так скоро настанет, что может быть лет десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкать к сей будущности неизбежной.

Тут я осмелился ему сказать, что я себя никогда на это не готовил и не чувствую в себе [ни] сил, ни духу на столь великое дело; что одна мысль, одно желание было — служить ему изо[e] всей души и сил, и разумения моего в кругу поручаемых мне должностей; что мысли мои даже дальше не достигают.

Дружески отвечал мне он, что, когда вступил на престол, он в том же был положении; что ему было тем еще труднее, что нашел дела в совершенном запущении от совершенного отсутствия всякого основного правила и порядка в ходе правительственных дел; ибо хотя при императрице Екатерине[39] в последние годы порядку было мало, но все держалось еще привычками; но при восшествии на престол родителя нашего[40] совершенное изменение прежнего вошло в правило: весь прежний порядок нарушился, не заменясь ничем[41]. Что с восшествия на престол государя по сей части много сделано к улучшению, и всему дано законное течение[42]; и что потому я найду все в порядке, который мне останется только удерживать.

---

[d] Далее зачеркнуто: «те».
[e] Исправлено из: «от».

Кончился сей разговор; государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами, и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается[f] под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот — совершенное изображение нашего ужасного положения.

С тех пор часто государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространяясь более об оном; а мы всячески старались избегать оного. Матушка с 1822-го года начала нам про то же говорить, упоминая о каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный государь[43].

Весной 1825-го [года] был здесь принц Оранский[44]; ему государь открыл свои намерения, и на друга моего сделали они то же ужасное впечатление. С пламенным сердцем старался он сперва на словах, потом письменно доказывать, сколь мысль отречения от правления могла быть пагубна для империи; какой опасный пример подавала в наш железный век, где каждый шаг принимают предпочтительно с дурной стороны. Все было напрасно: милостиво, но твердо отверг государь все моления благороднейшей души[45].

Наконец, настала осень 1825-го года, с нею — и отъезд государя в Таганрог. 30-го августа был я столь счастлив, что государь взял меня с собою в коляску, ехав и возвращаясь из Невского монастыря[46], государь был пасмурен, но снисходителен до крайности. В тот же день я должен был ехать в Бобруйск на инспекцию[47], государь меня предварил, что хотел нам приобресть и подарить Мятлеву дачу, но что просили цену несбыточную, и что он, по желанию нашему, жалует нам место близ Петергофа, где ныне дача жены моей Александрия[48].

Обед был в новом дворце брата Михаила Павловича, который в тот же день был освящен[49]. Здесь я простился навсегда с государем, моим благодетелем, и с императрицею Елисаветой Алексеевной[50].

Дабы сделать яснее то, что мне описать остается, нужно сперва обратиться к другому предмету.

До 1818-го года не был я занят ничем; все мое знакомство с светом ограничивалось ежедневным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в 10 часов все генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие допуск к государю. В сем шумном собрании проходили[g] мы час, иногда и более, доколь не призывался к государю военный генерал-губернатор с комендантом и вслед за сим все генерал-адъютанты и адъютанты с рапортами, и мы с ними, и представлялись фельдфебели и вестовые. От нечего делать вошло в привычку, что в сем собрании делались дела по гвардии, но большею частию время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя [ни] начальников, ни правительство.

---

[f] Исправлено из: «открывается».
[g] Так в оригинале.

Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал — и в редком обманулся. Время сие было *потерей временно*[h], но и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я сим воспользовался[51].

Осенью 1818-го года государю угодно было сделать мне милость, назначив командиром 2 бригады 1 гвардейской дивизии, т. е. Измайловским и Егерским полками. За несколько пред тем месяцев вступил я в управление Инженерною частию[52].

Только что вступил я в командование бригады, государь, императрица и матушка уехали в чужие края; тогда был конгресс в Ахене[53]. Я остался с женой и сыном одни в России из всей семьи. Итак, при самом моем вступлении в службу, где мне наинужнее было иметь наставника, брата благодетеля, оставлен был я один с пламенным усердием, но с совершенною неопытностью.

Я начал знакомиться с своей командой и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были в нас твердо влиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести и долгу; но сим я явно ставил и начальников, и подчиненных против себя, тем более что меня не знали, и многие или не понимали, или не хотели понимать[54].

Корпусом начальствовал тогда генерал-адъютант Васильчиков[55], к нему я прибег, ибо ему поручен был как начальнику покойной матушкой[56]. Часто изъяснял ему свое затруднение, он входил в мое положение, во многом соглашался и советами исправлял мои понятия. Но сего не доставало, чтоб поправить дело; даже решительно сказать можно — не зависело более от генерал-адъютанта Васильчикова исправить порядок службы, распущенный, испорченный до невероятности с самого 1814 года, когда, по возвращении из Франции, гвардия осталась в продолжительное отсутствие государя под начальством графа Милорадовича[57]. В сие-то время и без того уже расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволена была офицерам носка фраков. — Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день[58].

В сем-то положении застал я и свою бригаду, хотя с малыми оттенками, ибо сие зависело и от большей или меньшей строгости начальников. По мере того как начинал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под сим, т. е. военным распутством, крылось что-то важнее; и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений[59]. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренно усердных и знающих; на добрых малых, но запущенных и оттого не

---

[h] Так в оригинале.

знающих; и на решительно дурных, т. е. говорунов дерзких, ленивых и совершенно вредных[60], на сих-то последних налег я без милосердия и всячески старался [от] оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей[i], коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне отплачивалось.

Государь возвратился из Ахена в конце года, и тогда в первый раз удостоился я доброго отзыва моего начальства и милостивого моего благодетеля, которого один благосклонный взгляд вселял бодрость и счастие. С новым усердием я принялся за дело, но продолжал видеть то же округ себя, что меня изумляло, и чему я тщетно искал причину[61].

Публикуется по: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подгот. к печати Б. Е. Сыроечковского. М.; Л., 1926. С. 11–16. Собственноручные записки Николая I, отложившиеся в коллекции Рукописного отдела Библиотеки Зимнего дворца Государственного архива Российской Федерации (Ф. 728. Оп. 1. Д. 1394. Л. 1–31), были опубликованы несколько раз. Составители вновь предлагают их читателю, поскольку они впервые приводятся с обширными комментариями. Записки представляют собой рукопись, писанную карандашом почерком Николая I и состоящую из четырех тетрадей. Описание тетрадей приводится в издании Б. Е. Сыроечковского. Это первое академическое издание записок, в котором они воспроизводятся в полном составе, сверены с оригиналами, даны в вариантах, что позволило составителям положить именно его в основу данной публикации. По мнению Сыроечковского, исследовавшего внешний вид рукописи, проведшего ее текстологический анализ и выявившего историю создания, она состоит из трех разновременных по происхождению частей, составленных в три этапа — в 1831, 1835 и 1848 годах. Первая часть, включающая тетради 1-ю и 2-ю, названную самим Николаем I «О наследии после императора Александра I», датируется 1831–1832 гг. Вторая часть, т. е. тетрадь 3-я, составлена в 1835 г., и третья — с тетрадью 4-ой — относится к 1848 г. (*Сыроечковский Б. Е.* Записки Николая I о вступлении его на престол // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах царской семьи. М.; Л., 1926. С. 9–10).

Датировка первой части записок основана на указаниях самого Николая I, что он приступил к их написанию «после шести лет» с момента описываемых им событий 1825 г., т. е. в 1831 г. Кроме этого, рассказывая о событиях 1814 г., император подчеркивал, что «уже прошло 18 лет» со времени, о котором ведется речь (см. наст. изд., с. 13, 15). Это указывает на 1832 год. Данные сведения мемуариста подтверждаются свидетельствами Модеста Андреевича Корфа, который пишет, что 16 декабря 1847 г. наследник Александр Николаевич, присутствовавший вместо больного императора на занятиях курса правоведения Корфа великому князю Константину Николаевичу, передал историку неизвестные ранее документы и сообщил: «Это личные воспоминания батюшки, положенные им на

[i] Исправлено из: «протекторов».

бумагу в два приема в 1831 и 1835 годах. Вот записка, вся собственная его руки карандашом, и вот копия чернилами, списанная нами» (т. е. Александром Николаевичем и Марией Николаевной — *сост.*) (*Корф М. А.* Историческая записка о происхождении и издании кн. «Восшествие на престол императора Николая I». СПб., 1857: ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф). Д. 51. Л. 1–3).

Речь идет о 2-ой и 3-ей тетрадях, которые использовались М. А. Корфом для написания его труда. Это подтверждает и тот факт, что в фонде Корфа отложились две писарские копии 3-ей тетради записок императора. На одной из них есть собственноручная резолюция Александра II: «стоит того, чтобы было тоже включено», а на другой — помета Корфа: «выписки из собственноручной записки императора Николая I, начатой им в 1831-м году и дописанной в 1835-м для августейшего своего семейства, о событиях 14 декабря 1825-го года» (Там же. Д. 63. Л. 1; Д. 107. Л. 2). Таким образом, можно предположить, что в 1831 г. Николай I начал работать сразу над двумя частями своего мемуарного текста, состоящими из трех тетрадей. В 1831–1832 гг. были написаны 1-я и 2-я тетради. Первая, посвященная детским и юношеским годам, системе воспитания и обучения, Отечественной войне 1812 г. и кампаниям 1814 г., заграничным путешествиям и встрече с будущей женой, — довольно лаконична и носит весьма поверхностный характер. Основной сюжет тетради 2-й «О наследии после императора Александра I», на котором строится вся логика создаваемой Николаем I версии о случайности и неожиданности его прихода к власти, — знаменитый разговор Александра I с великокняжеской четой летом 1819 г. в Красном Селе. Именно тогда император признался брату, в присутствии жены Николая, что намерен отречься от престола и передать со временем власть ему.

Безусловно, центральное место по значению и объему в записках Николая I занимают описание и анализ военного выступления 14 декабря 1825 г., предшествующих ему событий и последующих арестов, первых допросов «злоумышленников». Этим сюжетам посвящены 3-я и 4-я тетради.

Как уже отмечалось, работа над 3-ей тетрадью, т. е. второй частью записок, началась в 1831 г., после перерыва была продолжена и завершена в 1835 г. Эта дата находит подтверждение в указании самого Николая I, что «и ныне после 10 лет» он считает свою «жертву» в 1825 г. более тяжелой «в моральном, в справедливом смысле», чем «жертва» великого князя Константина Павловича, отказавшегося от престола. Итак, в 1835 г. император вновь вернулся к своим воспоминаниям о происшествиях накануне трагических событий на Сенатской площади, самом ходе восстания и его подавлении.

Согласно дневниковым записям М. А. Корфа, ему было известно о существовании этой части записок Николая I еще в 1843 г. (Записки Николая I // Русская старина. 1899. № 7. С. 29; № 9. С. 498; № 11. С. 273). Весной 1847 г. Корф получил ее от цесаревича. Однако, исполняя волю Николая I, считавшего невозможным «огласить это описание в общее сведение», Модест Андреевич так и не включил текст 3-ей тетради полностью в свою книгу, хотя использовал заключенную в ней информацию (см.: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. Изд. IV. Второе для публики. СПб., 1857. С. IV). Возможно, историк намеревался это сделать в следующем издании своей книги, о чем свидетельствует его марги-

налия на последнем листе одного из вариантов писарской копии 3-ей тетради: «Сшив, хранить при делах впредь до моего востребования. 17 января 1859 г.» (ОР РНБ. Ф. 380. Д. 107. Л. 6).

4-я тетрадь, т. е. третья часть записок Николая I, с описанием ночи с 14 на 15 декабря 1825 г., арестов и первых допросов декабристов после восстания, была написана императором в январе–феврале 1848 г. В обосновании датировки тетради лежат дневники и записки М. А. Корфа. В дневниковой записи от 20 февраля 1848 г. отмечается, что во время бала у главноуправляющего путями сообщения П. А. Клейнмихеля Николай I, заговорив об «Историческом описании 14 декабря 1825 года и предшедших ему событиях», сказал, что прочел его с большим удовольствием и «написал и еще несколько листов о дальнейших происшествиях, но... уже только более для памяти в семье» (*Корф М. А.* Историческая записка о происхождении и издании кн. «Восшествие на престол императора Николая I». Л. 1–6). Немного ранее, в январе, цесаревич Александр Николаевич говорил Корфу о новой записке императора, касающейся событий бурной ночи после восстания (Барон Модест Корф. Записки. М., 2003. С. 400–401). Следовательно, можно предположить, что эта часть записок была составлена императором в январе–феврале 1848 г.

Первая часть записок Николая I, состоящая из двух первых тетрадей, начинается маленьким вступлением («Часто сбирался я положить на бумагу краткое повествование...») и заканчивается возвращением Александра I из Ахена с конгресса Священного союза в ноябре 1818 г. Вторая часть, в составе 3-й тетради, сразу вводит читателя в сложную политическую атмосферу накануне декабристского восстания. Таким образом, логично предположить, что существовала еще одна часть записок Николая I, которая соединяла повествование и должна была занять место между 2-й и 3-й (а по сути 4-й) тетрадями, т. е. являлась 3-й тетрадью. Действительно, согласно свидетельству М. А. Корфа, имелась еще одна часть записок императора, в которой рассказывалось о получении Петербургским двором известия о смерти Александра I и перипетиях, связанных с принесением присяги Константину Павловичу. Однако эти воспоминания Николая Павловича, освещающие события, предшествовавшие выступлению декабристов, и демонстрирующие его взгляды на кризис междуцарствия, были утеряны. «Здесь, к сожалению, записка прерывается и переходит прямо в середину описания происшествий 14 декабря. Недостававших, написанных, но куда-то заложенных или затерянных листов император Николай никогда не мог отыскать, и они не нашлись и после его кончины», — отмечено рукой М. А. Корфа на последней странице писарской копии 3-й тетради записок Николая I, отложившейся в фонде историка (ОР РНБ. Ф. 380. Д. 63. Л. 18).

Записки Николая I использовались еще дореволюционными историками. Пересказ этих документов можно найти в книге М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (Изд. IV. Второе для публики. СПб., 1857). Фрагментарно они приводились в труде Н. К. Шильдера «Император Николай Первый: Его жизнь и царствование» (СПб., 1903. Т. 1. С. 122–123, 148–150, 226–228, 234, 243–244, 248, 264). В начале XX в. П. Е. Щеголев дважды опубликовал 3-ю тетрадь в «Былом» (Из записок императора Николая I // Былое. 1907. № 10. С. 76–88) и своей книге

«Николай I и декабристы» (Пг., 1919. Приложение. С. 44–62). В 1924 г. в «Красном архиве» П. Е. Щеголев издал 4-ю тетрадь.

Как уже отмечалось, впервые в полном объеме все записки Николая I были воспроизведены Б. Е. Сыроечковским по оригиналам, отложившимся в коллекции Рукописного отдела Библиотеки Зимнего дворца, в книге «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи» (М.; Л., 1926). Именно это издание содержало документы, которые отсутствовали в более ранних публикациях: впервые здесь были напечатаны вступление к запискам и 1-я тетрадь.

Почти через 70 лет собственноручные записки Николая I (тетради 2-я, 3-я и 4-я) были вновь воспроизведены по автографам, хранящимся в ГАРФ (Ф. 728. Оп. 1. Д. 1394. Л. 4–31), в публикации «14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа)» (М., 1994. С. 317–241), подготовленной Е. Л. Рудницкой и А. Г. Тартаковским. В 2000 г. все четыре тетради вновь были опубликованы в двух изданиях: Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / Сост., вступит. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М., 2000. Т. 1. С. 81–112; Николай I: Муж. Отец. Император / Сост. и предисл. Н. И. Азаровой. М., 2000.

В настоящем издании все записки Николая I (тетради 1-я, 2-я, 3-я, 4-я) впервые печатаются с обширным комментарием и вновь предлагаются широкому читателю.

1. Александр I Павлович (1777–1825) — сын Павла I и Марии Федоровны, старший брат Николая I, с 1801 г. российский император. Основные работы о нем.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 1–4; *Шиман Т.* Александр Первый. М., 1909; *Пресняков А. Е.* 1) Александр I. Пг., 1924; 2) Александр I. М., 2004. В последние 15 лет вышло большое число монографий и историко-публицистических исследований, а также переизданий дореволюционных трудов, посвященных жизни, политической и государственной деятельности Александра I. См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. М., 1989; *Валлотон А.* Александр I. М., 1991. Пер. с фр.; *Экштут С. А.* В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994; *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994; *Дмитриев Д. С.* Два императора: Александр I и Наполеон. М., 1995; *Соловьев С. М.* Император Александр I: Политика. Дипломатия. М., 1995; *Кондаков Ю. В.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. 1801–1825. СПб., 1998; *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998; *Балязин В. Н.* Император Александр I. М., 1999; *Архангельский А. Н.* Александр I. М., 2000; *Тальберг Н. Д.* Александр I: Очерки истории императорской России. М., 2000; *Бунич И.* Династический рок: Александр I, Николай II: (Историко-публицистическое исследование). СПб., 2002; *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002.

2. Созданная самим Николаем I «легенда» о случайности и неожиданности его прихода к власти получила широкое распространение в мемуаристике николаевской эпохи, а вслед за ней и в литературе. Эта «легенда» была необходима молодому царю, чтобы утвердить идею о самодержавной власти, врученной ему «Провидением» и являющейся «залогом», который он должен хранить, беречь, укреплять и передать в незыблемости сыну. Считая, что его победа на Сенатской площади — «Промысел Божий», император писал цесаревичу Александру Николаевичу 11 декабря 1827 г.: «Никто не ощущает большей потребности, чем я, быть судимым со снисходительностью; но пусть же те, которые судят меня, примут во

внимание, каким необычайным образом я вознесся с поста недавно назначенного начальника дивизии на пост, который занимаю в настоящее время, кому я наследовал и при каких обстоятельствах... Я твердо убежден в Божественном покровительстве, которое проявляется ко мне слишком ощутительным образом для того, чтобы я мог не замечать его во всем, случающимся со мною, и вот моя сила, мое утешение, мое руководящее начало во всем!» (ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдер). К. 4. № 11. Л. 22–23). Между тем, решение о передаче права наследования престола Николаю Павловичу было принято императорской семьей еще в 1807–1809 гг. После счастливого брака великого князя на дочери ближайшего друга Александра I прусского короля Фридриха-Вильгельма III оно приобрело вполне реальные очертания, а в 1822–1823 гг. получило документальное, хотя и незаконное (юридически не оформленное должным образом), подтверждение в письме на Высочайшее имя великого князя Константина Павловича от 14 января 1822 г. и секретном манифесте императора от 16 августа 1823 г. Более подробно об этом см. примеч. 37.

3. Великий князь Николай Павлович родился в Царскосельском дворце 25 июня 1796 г. Императрица Екатерина II, обычно присутствовавшая при рождении своих внуков, явившись на половину великокняжеской семьи, назвала ребенка небывалым до тех пор в царском доме именем Николай. «Я стала бабушкой третьего внука, который по необыкновенной силе своей предназначен, кажется мне, также царствовать, хотя у него и есть два старших брата», — пророчествовала императрица в письме Ф. Гримму (*Божерянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. СПб., 1915. С. 71). При святом крещении 6 июля 1796 г. великий князь был уже официально наречен Николаем во имя святого чудотворца Николая Мирликийского. По словам самого Николая Павловича, его рождение было «последним счастливым событием» в жизни императрицы. Он появился на свет после рождения пяти внучек подряд, а Екатерина хотела иметь внука. Кроме этого, большой и здоровый ребенок, Николай принес успокоение в императорскую семью после несостоявшегося бракосочетания великой княжны Александры Павловны со шведским королем Густавом-Адольфом IV. Этот скандал во многом стал причиной апоплексического удара Екатерины II, от которого она уже не смогла оправиться и скончалась 19 ноября 1796 г. (Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно / Изд. В. В. Квадри. СПб., 1906. С. 1–11. Переиздано: Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М., 2000. Т. 1. С. 69–78; см. также: Палатина Венгерская Александра Павловна // *Карнович Е. П.* Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб., 1884. С. 306–369). После восшествия на престол Павла I Николай Павлович, «разлученный с отцом и матерью» при жизни Екатерины II, которая своих внучат держала при себе, смог почувствовать родительскую любовь. Император Павел Петрович страстно любил своих маленьких детей, которых называл «мои барашки, мои овечки», и они отвечали ему той же привязанностью. «Отец мой нас нежно любил ... и мы очень любили отца...», — писал Николай I в своих воспоминаниях о детских годах. «Батюшка мой любил окружать себя младшими своими детьми, — вспоминала великая княгиня Мария Павловна, — и мы — Николай, Михаил и я часто приходили к нему играть в его покоях, пока его причесывали, единственное праздное время, когда ничем особенным он не был занят. Так бывало в особенности в последние годы его жизни. Батюшка был нежен и столь добр с нами, что мы всегда любили приходить к нему. Он говаривал, что старших детей удалили, оторвав их от него с тех пор, как они родились, и он хотел окружить себя младшими, чтобы получше узнать их» (*Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817) // Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 98. С. 21). Однако роковые события ночи с 11 на 12 марта 1801 г. вскоре нарушили эту идиллию. В воспоминаниях Николая Павловича есть одна деталь. Речь идет о пророчестве трехлетнего великого князя Михаила Павловича, который днем 11 марта, как писал Николай, «играл в углу один в стороне от нас; англичанки, удивленные, что он не принимает участия в наших играх, обратили на это внимание и задали ему вопрос, что он делает? Он, не колеблясь, отвечал: „Я хороню

своего отца!“. На следующее утро моего отца не стало. То, что я здесь говорю, есть действительный факт» (Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно / Изд. В. В. Квадри. С. 11). Об убийстве Павла I см.: Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников убийства Павла I. М., 1996; *Саблуков Н. А.* Записки генерала Н. А. Саблукова о времени императора Павла I и о кончине этого государя. М., 2002.

4. Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза, урожденная принцесса Вюртемберг-Штутгарская. 1759–1828) — жена Павла Петровича, с 1796 г. императрица. Мария Федоровна, по воспоминаниям ее младших детей, в их раннем возрасте была с ними довольно холодна, суха и строга, и их отношения были в пределах «церемонности и холодной учтивости и даже боязни», поскольку обязанности ее положения не только требовали этого, но и отнимали слишком много времени и сил. Все изменилось в годы их отрочества и юности, когда между императрицей, Николаем, Михаилом и Марией установились «сердечные и самые теплые отношения», и Мария Федоровна с удвоенной энергией целиком отдалась воспитанию младших сыновей (Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. С. 7–8). О Марии Федоровне см.: *Шумигорский Е. С.* 1) Императрица Мария Федоровна // Русский архив. 1892. № 3; 2) Императрица Мария Федоровна. 1756–1828: Ее биография. СПб., 1892. Т. 1; Императрица Мария Федоровна. Павловск; СПб., 2000; *Чижова И. Б.* Пять принцесс. СПб., 2002.

5. Михаил Павлович (1798–1849) — великий князь, младший из сыновей Павла I и Марии Федоровны, брат Николая I. С 1825 г. генерал-инспектор по инженерной части, с 1831 г. главный начальник кадетских корпусов, с 1844 г. главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами. О нем см.: *Божерянов И. Н.* 1) Памяти великого князя Михаила Павловича (1798–1898) // Русская старина. 1898. Т. 43. № 2. С. 401–420; 2) Первый царственный генерал-фельдцехмейстер, великий князь Михаил Павлович. 1798–1898: Биографический очерк. СПб., 1898; *Лалаев М. С.* Очерк жизни и деятельности в Бозе почившего великого князя Михаила Павловича: К столетию со дня рождения. 1798–1898. СПб., 1898.

6. После дворцового переворота в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., лишившего Павла I трона и жизни и возведшего на престол Александра I, вдовствующая императрица Мария Федоровна, приведя к императору своих младших детей, сказала: «Теперь ты их отец!». Однако Александр Павлович предоставил все заботы о воспитании своих младших братьев исключительно матери. Мария Федоровна своей основной задачей считала дать Николаю и Михаилу Павловичам прекрасное гуманитарное образование и отвлечь их от «страсти ко всему военному», которая проявлялась в мальчиках с раннего детства, а с возрастом стала приобретать профессиональные черты. Известно, что великий князь Николай еще в отрочестве ознакомился со всеми отраслями военного искусства, а его любовь к точным наукам и рисованию способствовала успехам на уроках стратегии и фортификации. Это увлечение «марсоманией» великих князей, особенно Николая, вызывало беспокойство и озабоченность Марии Федоровны, что, вероятно, было связано с одержимостью подобными «страстями» Павла I, принявшей маниакальный характер (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 14. Переиздано: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. М., 1997. Кн. I. С. 18. Далее ссылки только на первое издание).

7. По приказу Павла I от 23 ноября 1800 г. главный надзор за воспитанием обоих младших его сыновей, Николая и Михаила Павловичей, был поручен генерал-майору Матвею Ивановичу Ламздорфу (1745–1828), занимавшему ранее должность директора Первого Кадетского корпуса (Биографические сведения о Матвее Ивановиче Ламздорфе, предоставленные М. А. Корфу Н. М. Ламздорфом: ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф). Д. 95). Неизвестно, на чем основывалось доверие к Ламздорфу Марии Федоровны и уважение к его «педагогическим» способностям Павла I, поскольку сам Матвей Иванович прекрасно осознавал свою неспособность к подобного рода деятельности и пытался отказаться от предложения императора. Однако Павел Петрович жестко сказал: «Если ты не хочешь

взяться за это дело для меня, то обязан взяться для России; одно только требую, чтобы ты не сделал из мальчиков таких же шалопаев, каковы немецкие принцы» (*Корф М. А.* Заметки о детстве и юности Николая I. Пер. с фр.: ОР РНБ. Ф. 380. Д. 64. Л. 2 об.; см. также: *Божерянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. С. 77). Вероятно, выполняя поставленную перед ним задачу, Ламздорф, вместо того чтобы развивать те моральные и интеллектуальные качества, которые были заложены в детях, приложил все свои силы, чтобы переломить их живой и непосредственный нрав. Позже поддерживаемый вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая по ежедневным рапортам знала обо всех событиях, происшедших в детской, и мерах наказания, Матвей Иванович в воспитании Николая и Михаила Павловичей практиковал только одну систему — систему холодных приказаний, выговоров и наказаний, доходивших до жестокости. Согласно ежедневным журналам кавалеров и со слов самого Николая Павловича, Ламздорф бил мальчиков линейкой, ружейными шомполами, не раз случалось, что хватал за грудь или воротник и ударял об стену так, что они лишались чувств, или привязывал к ручке кровати, а потом порол розгами. Причем это не только не скрывалось от окружающих, но, наоборот, записывалось в журналы. «Дядька, к нам приставленный, — говорил впоследствии Николай I графу П. Д. Киселеву, — не умел ни руководить нашими уроками, ни внушить нам любовь к литературе и к наукам; он вечно ворчал, подчас раздражался сильнейшим гневом из-за пустяков, бранился и нередко наделял нас толчками и щипками, которых особенно много доставалось на мою долю... Бог ему судья за бедное образование, нами полученное» (*Божерянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. С. 78–79; см. также: *Корф М. А.* Заметки о детстве и юности Николая I. Л. 1 об.; *Н. [Ф.] Д[убровин].* Несколько слов в память императора Николая I // Русская старина. 1896. Т. 86. С. 450–451). Тем не менее, 1 июля 1817 г., в день бракосочетания Николая Павловича с прусской принцессой Шарлоттой, Ламздорф был возведен в графское достоинство, в 1822 г. назначен членом Государственного Совета, а в день коронации Николая I, 22 августа 1826 г., получил Андреевскую ленту с портретом императора, осыпанную бриллиантами. Умер Ламздорф в Петербурге 23 марта 1828 г. на 83-м году жизни. О М. И. Ламздорфе также см.: *Глинский Б. Б.* Царские дети и их наставники: Исторические очерки для юношества. СПб.; М., 1912. Переиздано: *Глинский Б. Б.* Царские дети и их наставники: Исторические очерки для юношества. Ростов-на-Дону, 1997; *Выскочков Л. В.* Николай I. М., 2003. С. 18–20.

8. Великие князья Николай и Михаил Павловичи, согласно дворцовому регламенту, до семилетнего возраста находились на попечении особого штата дам, во главе со статс-дамой графиней Шарлоттой Карловной Ливен. Воспитавшая великих князей Александра и Константина Павловичей, она заслужила общее уважение и любовь при Дворе. В штате состояли еще три дамы — Юлия Федоровна Адлерберг (до замужества Багговут), а также Е. Синицына и Е. Панаева, исполнявшие обязанности гувернанток. По достижении семилетнего возраста мальчики перешли «из женских рук в руки мужские», т. е. на попечение гувернеров, называвшихся тогда «кавалерами». С 1802 г. кавалерами при Николае и Михаиле состояли генерал-майор Н. И. Ахвердов, полковники К. И. Арсеньев и П. А. Ушаков, а с 1805 г. еще и майор А. П. Алединский, действительный статский советник Н. А. Дивов (после смерти в 1811 г. был заменен Г. А. Глинкой) и коллежский советник Вольф. С 1808 г. в состав «кавалеров» был добавлен статский советник И. Ф. Саврасов. Кормилицей маленького Николая Павловича была красносельская крестьянка Ефросинья Ершова, а бонной — шотландка Евгения Васильевна Лайон (Jane Laon). Дочь скульптора, в числе других деятелей искусства приглашенного в Россию еще Екатериной II, мисс Лайон была неординарной, сильной, по-рыцарски благородной личностью. «Няняльвица», как ее называл Николай, оказала весьма значительное влияние на формирование характера и жизненных ценностей будущего императора. Вероятно, именно ее рассказы о кровавых событиях в Варшаве весной 1794 г. и о жестокости поляков по отношению не только к русским войскам, но и к беззащитным женщинам и детям, заложили в Николае Павловиче чувство ненависти к полякам, которое прочно укоренилось в его сердце. Свою нежную привязанность и любовь к бонне, прожившей долгую, спокойную жизнь в Аничковом дворце, Николай сохранил до самой ее смерти в 1842 г. (*Корф М. А.* Материалы и

черты к биографии императора Николая I. С. 10–15; см. также: *Корсаков А. [Н].* Детство и отрочество Николая Павловича // Русский архив. 1896. Кн. 2. № 6. С. 278–290).

9. Николай Павлович, по словам его друга детства, а позже министра Императорского двора графа В. Ф. Адлерберга (кроме него, ближайшими друзьями великого князя были принц Александр Вюртембергский, внук графини Ш. К. Ливен А. Фитингоф, сын одной из гувернанток В. Панаев, братья Завадовские и Ушаковы), был «нрава престроптивого и вспыльчивого». Избранная Ламздорфом система воспитания (когда процветали «вечное шпионство и карауленье», за малейшую шалость, детский промах и незначительный проступок следовали суровое наказание) весьма негативно влияла на самобытный и непреклонный нрав Николая; мальчик перестал быть откровенным с окружающими. Так, в ежедневном журнале кавалеров за 14 июня 1808 г. имеется следующая запись: «Единственный упрек, который можно было сделать великому князю Николаю, заключается в том, что он не достаточно искренен и откровенен в отношениях своих с генералом Ламздорфом» (цит. по: *Корф М. А.* Материалы и черты к биографии Николая I. С. 29; см. также: *Корф М. А.* Заметки о детстве и юности Николая I. Л. 1 об.). Вероятно, со временем эта черта характера Николая Павловича стала превалирующей, а после событий 14 декабря 1825 г. превратилась в основную. Отчасти именно этим можно объяснить и тот факт, что в николаевскую эпоху государственное управление принимает личный характер, а император, не доверяя никому, сам пытается контролировать все сферы жизни страны.

10. Чрезвычайно веселого и живого нрава полковник, а впоследствии генерал-адъютант Павел Александрович Ушаков был любимцем младших великих князей. Избегая строгости и наказаний в отношении к детям, он пытался оградить Николая и Михаила от жестокости Ламздорфа. Записи Ушакова в ежедневных журналах были весьма лаконичны и стереотипны: «Великий князь здоров, вел себя и учился хорошо». Когда он появлялся после долгого отсутствия, то Николай и Михаил с радостным криком «Павлинька! Павлинька!» бросались к нему на шею (*Корф М. А.* Заметки о детстве и юности Николая I. Л. 3 об.).

11. Систематические занятия с великими князьями начались с осени 1802 г. Их проводили: по закону Божию — духовник императорской семьи отец Павел Криницкий; по русскому языку — П. А. Ушаков; по немецкому языку — Ф. П. Аделунг; по английскому языку, входящему тогда в моду, — англичанин К. И. Седжер; по древнегреческому и латинскому языкам — отец Самуил; по русской истории и словесности, а также статистике и географии — европейски образованный генерал-майор Н. И. Ахвердов; по всеобщей истории и географии на французском языке — швейцарец Дю-Пюже. Николай и Михаил Павловичи, обладая отменным здоровьем, рано стали заниматься гимнастикой, верховой ездой, плаванием, фехтованием. С 1802 г. начались уроки танцев, которые давал знаменитый в то время французский балетмейстер Лепик, которого в 1807 г. сменил Гуар. Учителем музыки был приглашен англичанин Теппер. В детстве Николаю Павловичу, несмотря на то, что он обладал необыкновенной музыкальной памятью и слухом и сочинял военные марши, по словам В. Ф. Адлерберга, «оба эти занятия (музыка и танцы — *сост.*) были не по вкусу». Впоследствии же именно музицирование доставляло императору истинное удовольствие. Он любил участвовать в домашних концертах своей супруги императрицы Александры Федоровны, и специально для него А. Ф. Львовым была составлена партия на cornet a piston. Но самым любимым занятием великого князя Николая были уроки рисования, проходившие под руководством профессора Академии художеств В. К. Шебуева. Вероятно, именно Шебуев, к которому Николай питал искреннюю привязанность, привил ему любовь к художественному творчеству. Неудивительно, что великий князь очень хорошо владел карандашом и создавал великолепные эскизы военных сцен, рисунки мундиров, лошадей, а также писал акварелью как опытный мастер. Обладая даром чрезвычайно выразительно схватывать смешные стороны людей и выразительно передавать их, Николай Павлович имел особенную склонность к карикатуре (*Божерянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. С. 79–82; *Выскочков Л. В.* Николай I. С. 22–24) .

12. В 1809 г. Николай и Михаил Павловичи вступили в отроческий возраст, и вдовствующая императрица Мария Федоровна, желая смягчить их увлечение военным делом,

решила провести с сыновьями две зимы в Гатчине, вдали от военных зрелищ парадного Петербурга. В этот же год прежняя методика обучения, названная М. А. Корфом «гимназической», была заменена «университетской». Замена гимназического образовательного курса университетским во многом была обусловлена принятием в 1809 г. императорской семьей решения сделать Николая Павловича преемником Александра I на российском престоле. В силу чего образование великого князя стало важнейшей задачей. Вначале Александр I считал, что его младшие братья должны получить университетское образование в одном из европейских университетов. Но позже, по предложению М. М. Сперанского, который разработал «Постановление о Лицее» (ПСЗ I. 1811. № 24325), было решено создать «под самым крылом царским» Лицей в Царском Селе, где «было бы удалено все военное». Предполагалось, что именно Лицей станет университетом для великих князей, которые будут подготавливаться вместе с детьми из лучших российских дворянских фамилий «к занятию высших государственных должностей». 19 октября 1811 г. Лицей был открыт, но Николай и Михаил Павловичи так и не стали его воспитанниками. Этому решительно воспрепятствовал Александр I, считавший абсурдной идею воспитания членов Императорского дома в общественном заведении (*Корф М. А.* Заметки о детстве и юности Николая I. Л. 1 об. — 2). Однако сам переход к университетскому курсу все же состоялся. Для обучения великих князей, помимо учителей по уже преподававшимся дисциплинам, были приглашены известные ученые. Статистик, академик А. К. Шторх читал политическую экономию, сотрудник М. М. Сперанского и член Первой комиссии составления законов М. А. Балугьянский — курс истории права, профессор Педагогического института В. Г. Кукольник — римское, гражданское и естественное право, преподаватель Первого кадетского корпуса, член Академии наук В. Л. Крафт — математику, физику и инженерное искусство (*Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей: Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб., 1911).

13. Вероятно, данное обстоятельство было связано с тем фактом, что науки, основанные на отвлеченных понятиях и слишком далекие от потребностей жизни, были чужды рационалистической натуре Николая Павловича. Поэтому латинский и древнегреческий языки, знание которых, по мнению Марии Федоровны, было необходимо для понимания многих терминов, вызывали отторжение великого князя. К тому же, по свидетельству ежедневных журналов кавалеров, древние языки давались ему с огромным трудом. Став императором, Николай I неоднократно признавался М. А. Корфу в своей ненависти к латинскому языку и поэтому совершенно исключил его из программы воспитания своих детей. А в октябре 1847 г., назначив Корфа преподавателем правоведения великого князя Константина Николаевича, император говорил: «Не надо слишком долго останавливаться на отвлеченных предметах, которые потом или забываются, или не находят никакого приложения в практике. Я помню, как нас мучили над этим два человека, очень добрые, может статься, и очень ученые, но оба несноснейшие педанты: покойный Балугьянский и Кукольник. Один толковал нам, на смеси всех языков, из которых не знал хорошо ни одного, о римских, немецких и, Бог знает, каких еще законах; другой — что-то о мнимом «естественном» праве. В прибавку к ним являлся еще Шторх, с своими усыпительными лекциями о политической экономии, которые читал нам по своей печатной французской книжке, ничем не разнообразя этой монотонии. И что же выходило? На уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор — иногда собственные их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбяшку, без плода и пользы для будущего» (*Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I. С. 30). Вероятно, поэтому великий князь Николай Павлович, безусловно, обладавший прекрасной памятью и быстрой реакцией, не имел хорошего политического и литературного образования. Притом что Александр I, понимая важность литературы и поэзии в жизни русского общества, как-то ему заметил: «Не забывай, что среди нации поэзия исполняет почти такую же роль, как музыка во главе полка: она — источник возвышенных мыслей; она согревает сердца, говорит душе при самых грустных условиях материальной жизни. Любовь к изящной словесности — одно из величайших благодеяний для России: материальный мир нашей страны действует так неблагоприятно на характер, что непременно

нужно предохранить его от этого влияния волшебными прелестями воображения» (*Н. [Ф.] Д[убровин]*. Несколько слов в память императора Николая I. С. 454).

14. Наполеоновские войны 1805–1807 гг. и огромный интерес Николая Павловича к военным действиям, происходящим в Европе, все же заставили Марию Федоровну обратить особое внимание на преподавание великим князьям военных наук — инженерного дела, артиллерии, тактики, фортификации. Для надзора за общим военным образованием был приглашен известный военный инженер генерал граф К. И. Опперман, а само преподавание было поручено военным инженерам, полковникам Н. П. Джанноти и А. И. Маркевичу. Николай любил впоследствии говорить: «Мы — инженеры», «наша инженерная часть». Александр Павлович, вероятно учитывая «страсть» брата, 3 июля 1817 г. назначил его генерал-инспектором по инженерной части и шефом Лейб-гвардии Саперного батальона, а 20 января 1818 г. дал ему в управление Инженерный корпус (*Тимченко-Рубан Г. И.* Очерк деятельности великого князя Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью // Инженерный журнал. 1911. № 4–7. С. 5–40).

15. В ежедневных журналах кавалеров встречается лишь одно упоминание о свидании Александра I с младшими братьями в их детском возрасте, которое состоялось 28 октября 1803 г. Сложность воспитательного процесса состояла в том, что формирование младших великих князей происходило под воздействием совершенно противоположных тенденций. С одной стороны, под влиянием их матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, с другой — старшего брата, цесаревича Константина Павловича. Император Александр Павлович (1777–1825) и цесаревич Константин Павлович (1779–1831) по возрасту были намного старше своих братьев, и, как всегда бывает в таких семьях, младшие брали пример со старших. Однако Александр был государем, и мог уделять детям немного времени и внимания; они же относились к нему с верноподданническим почтением. Остроумный, чрезвычайно живого характера Константин, одаренный к тому же необыкновенной памятью и блестящим даром рассказчика, любивший в неистощимых беседах вспоминать о царствовании Екатерины II и Павла I, о Суворовских походах, имел огромное влияние на своих младших братьев в их детстве и отрочестве. Наполеоновские войны и европейские походы, в которых он участвовал, несколько ослабили эту связь, которая оказалась более прочной в отношении великого князя Михаила Павловича. Цесаревич «научил» самого младшего брата не только военной выправке, но и острословию и подшучиванию над окружающими. Влияние же Константина на Николая Павловича было гораздо слабее. Причиной этого было не только различие их характеров и темпераментов, но и жизненных приоритетов. Цельная натура Николая, его целеустремленность, приверженность долгу, системе и порядку, вероятно, были слишком далеки эмоциональному, безалаберному характеру Константина. Поэтому неудивительно, что, по воспоминаниям современников, их отношения всегда были весьма неоднозначными и сложными (Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 51–55; Император Николай I в 1828–1829 гг. Из записок графа А. Х. Бенкендорфа // Русская старина. 1896. № 7–9. С. 10–13).

16. Константин Павлович (1779–1831) — великий князь, цесаревич, сын Павла I и Марии Федоровны, брат Николая Павловича, генерал-инспектор кавалерии, в 1815–1831 гг. наместник Царства Польского. О нем см.: *Карнович Е. П.* 1) Цесаревич Константин Павлович // Русская старина. 1877. Т. 19. № 1. С. 217–254; № 2. С. 361–388; № 3. С. 539–557; Т. 20. № 9. С. 77–100; № 12. С. 367–388; 1778. Т. 21. № 1. С. 1–28; № 2. С. 237–264; № 3. С. 367–384; 2) Цесаревич Константин Павлович: Краткий биографический очерк. СПб., 1899; *Кучерская М.* Константин Павлович. М., 2005.

17. Поль Лакруа, рассказывая об этом эпизоде из жизни Николая Павловича, писал, что великий князь, получив следующий ответ Марии Федоровны на свои жалобы о бездействии, когда отечество в опасности: «Вас берегут для других надобностей», обратился с письмом к Александру I. В послании к брату великий князь писал, что ему «стыдно видеть себя бесполезным на земле существом, непригодным даже для того, чтобы умереть смертью храброго на поле битвы». Император отреагировал на это сообщение так же, как Мария

Федоровна, но в утешение он «с серьезным и меланхолическим видом» сказал: «А покамест займись исполнением других обязанностей; доверши свое образование, сделай себя достойным того места, которое ты займешь со временем; это будет такая служба дорогому Отечеству, какую должен нести наследник престола». С этого момента великий князь Николай совершенно изменился. Он стал избегать веселого и шумного общества, стал более серьезен и строг «в словах и делах, что придавало его лицу холодный и чопорный вид». По словам Лакруа, «он разом перешел от детских лет к зрелому возрасту» (*Лакруа П.* Черты из жизни и царствования императора Николая I. СПб., 1869. С. 340–341). Достоверность сведений Лакруа может быть подтверждена тем фактом, что материалы для его труда были собраны из российских архивов помощником М. А. Корфа в Императорской публичной библиотеке князем В. Ф. Одоевским. В конфиденциальной записке по делу Поля Лакруа, представленной Одоевским министру Императорского двора графу В. Ф. Адлербергу 16 июня 1860 г., отмечалось, что следует «стараться укоренить в нем (Лакруа — *сост.*) то убеждение, что история царствования должна состоять не из ходячих анекдотов, кои могли дойти до него и могут доходить весьма разными путями, ибо их смысл и самая сущность всегда неопределенны и, переходя из уст в уста, подвергаются различным истолкованиям и редакциям; что история царствования в делах эпохи» (Отчет с сопроводительным письмом В. Ф. Адлербергу о подготовке В. Ф. Одоевским 7 томов материалов к биографии Николая I для Поля Лакруа: ОР РНБ. Ф. 380. Д. 109. Л. 4–5 об.).

18. Анна Павловна (1795–1865) — великая княгиня, дочь Павла I и Марии Федоровны, сестра Николая I, жена принца Вильгельма Оранского (с 1841 г. Вильгельма II), королева Нидерландская.

19. Вопрос о желательности и важности для России брачного союза великого князя Николая Павловича с дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III, принцессой Шарлоттой, обсуждался в императорской семье еще в конце 1808 — начале 1809 г., во время пребывания в Петербурге прусской королевской четы. В одной из приватных бесед между королевой Луизой и вдовствующей императрицей Марией Федоровной, прусская королева завела разговор на этот счет: «Наши дети — наши сокровища. Дочь моя замкнута в себе, сосредоточена, но, как и у ее отца, под холодной по-видимому внешностью бьется горячее сочувствующее сердце; вот причина, по которой в ее обращении проглядывает нечто величественное. Если Господь сохранит ее жизнь, я предчувствую для нее блестящее будущее» (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 83). Дружба же двух монархов, скрепленная, по словам Александра I, «испытаниями, воспоминаниями и надеждами», в огромной степени способствовала этому решению.

20. Н. К. Шильдер указывает другую дату первого заграничного путешествия Николая Павловича вместе с Михаилом Павловичем — 5 февраля 1814 г. (Там же. Т. 1. С. 41).

21. Первая встреча Николая Павловича с прусской принцессой Фредерикой-Луизой-Вильгельминой-Шарлоттой произошла 21 февраля 1814 г., когда он вместе с великим князем Михаилом Павловичем прибыл в Берлин и был принят прусской королевской семьей. По словам Ф. Ф. Вигеля, «тут впервые в жизни влюбился он в старшую дочь его (Фридриха-Вильгельма III — *сост.*) и умел понравиться сей только из ребячества выходившей принцессе Шарлотте» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 123). Николай и прусская принцесса значительно сблизились в октябре 1815 г., когда великий князь на обратном пути из Парижа вновь посетил Берлин. Возникшее взаимное влечение молодых людей облегчало осуществление семейных предположений и планов. 23 октября было объявлено о помолвке, но обручение было решено отложить до достижения Николаем Павловичем совершеннолетнего возраста. Почти через год, 21 сентября 1816 г., во время путешествия Николая и Михаила Павловичей по Европе (об этом см.: Дело с материалами о путешествиях великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича в 1816–1817 гг.: Донесения наставников великих князей: ОР РНБ. Ф. 380. Д. 132; частично опубликовано: *Глинка-Маврин Б. Г.* Путешествие по России и в чужих краях великого князя Николая Павловича 1816 и 1817 года // Русский архив. 1877. Кн. 2. № 6. С. 172–221) в Берлине состоялось обручение по протестантскому обряду. 27 апреля 1817 г. великие князья вернулись в Петербург; 31 мая того же года принцесса Шарлотта в сопровождении брата,

принца Вильгельма, выехала из Берлина в Санкт-Петербург. Через двадцать дней тяжелого пути принцесса торжественно въехала в российскую столицу. 24 июня 1817 г. была проведена церемония обращения в православие Шарлотты, нареченной великой княжной Александрой Федоровной. На следующий день, в день рождения Николая Павловича, — состоялся православный обряд обручения, а 1 июля, в день рождения Александры Федоровны, в церкви Зимнего дворца было совершено брачное венчание. «Рядом с прусским принцем ехал государь с видом чрезвычайно довольным, — писал Вигель. — За ним следовал Николай Павлович. Русские тогда еще мало знали его; едва вышед из отрочества, два года провел он в походах за границей, в третьем проскакал он всю Европу и Россию, и возвратясь, начал командовать Измайловским полком» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 391–392). Вечером того же дня был дан бал, после окончания которого молодые отправились в Аничков дворец, который император подарил великому князю. «Если кто-нибудь спросит тебя, — говорил позже Николай Павлович одному из своих приближенных вскоре после свадьбы, — в каком уголке мира скрывается истинное счастие, сделай одолжение, пошли этого человека в Аничкинский рай» (*Н. [Ф.] Д[убровин].* Несколько слов в память императора Николая I. С. 456). См. также: Русские императоры, немецкие принцессы. Династические связи, человеческие судьбы / Под ред. А. Данилова. М., 2002.

22. Дочь Павла I и Марии Федоровны, сестра Николая I, великая княгиня Мария Павловна (1786–1859) в 1804 г. вышла замуж за Карла-Фридриха (1783–1853) — герцога Саксен-Веймарского, и жила в Веймаре. Свидание с ней для обоих братьев было тем более радостным, что они не виделись со времени ее последнего пребывания в России (май 1808 — май 1809 г.).

23. Императрица Елизавета (Елисавета) Алексеевна (Луиза-Мария-Августа, 1779–1826) — жена Александра I, дочь маркграфа Баден-Баденского Карла-Людвига, в это время (февраль 1814 г.) гостила у своей матери маркграфини Амалии. О Елизавете Алексеевне см.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1908. Т. 1.

24. Гюнинг (Гюнинген), департамент Верхний Рейн — крепость, расположенная на левом берегу Рейна, вблизи Базеля. Благодаря своему важному стратегическому положению Гюнинг (закрывал проход между Юрским хребтом и Вогедскими горами и преграждал переправу через Рейн) выдерживал длительные осады в 1796, 1814 и 1815 гг. Французы защищали крепость в 1814 г. в течение 117 дней и сдали ее только после известия об отречении Наполеона от престола 16 апреля 1814 г. (*Богданович М. И.* История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона по достоверным источникам. СПб., 1865. Т. 1. С. 63–65).

25. Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869) — граф (с 1838), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., 16 мая 1814 г. был пожалован во флигель-адъютанты к Александру I. Получив чин полковника (1816), а затем генерал-майора (1820), был назначен начальником штаба военных поселений (1819–1832). Блестящую карьеру сделал в царствование Николая I, который ему благоволил, выделял среди своих сановников и даже в своем завещании назначал пенсию и подарки. В день коронации нового императора, 22 августа 1826 г., Клейнмихель был пожалован в генерал-адъютанты; в том же году он стал «наследником» А. А. Аракчеева, которого знал с детства, и адъютантом которого состоял в 1812 г. Приняв в свое управление Департамент военных поселений, Клейнмихель, кроме ведомственных дел, по поручению императора занимался широким кругом других государственных проблем. Николай I много времени проводил в обществе своего генерал-адъютанта, в 1837 г. поручил ему руководство ремонтом Зимнего дворца после катастрофического пожара, а в 1842 г. — строительством Николаевской железной дороги. Пожалованный в 1842 г. в генералы от инфантерии, Клейнмихель 11 августа того же года был назначен главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями. По свидетельству современников, «деятельный, беспощадный и неутомимый в выборе средств», он не признавал трудности, как будто хотел доказать, «что на свете нет ничего невозможного. Он относился к людям как к орудиям и машинам, не зная сострадания» (*Брэ О. де.* Император Николай и его сподвижники: (Воспоминания графа Оттона де Брэ).

1849–1852 // Русская старина. 1902. Т. 109. № 1. С. 115–139). И все же следует признать, что Клейнмихель сыграл важную роль в организации строительства первой железной дороги в России, попытался выработать долгосрочную программу развития путей сообщения в империи, провел ряд важных административных преобразований в своем ведомстве. Однако предельная военизация, жесткое административное давление, коррупционные методы управления привели к тому, что Клейнмихель, как никто другой из деятелей николаевского царствования, был окружен столь единодушной неприязнью со стороны не только общества, но и самой бюрократии. Уже после смерти Николая I, 12 августа 1855 г., директор Комиссариатского департамента Морского министерства Д. А. Оболенский записал в своем дневнике: «Осень приближается, а с ней распутица, а дорог все-таки нет и в течение всего лета в этом отношении много не предпринято. Неужели не повесят Клейнмихеля, ежели по случаю непроходимых дорог армия наша опять должна будет бедствовать, как в прошлом году?» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб., 2005. С. 81). О П. А. Клейнмихеле см.: *Панаев В. А.* Четыре министра путей сообщения. 1833–1869. СПб., 1889; Граф П. А. Клейнмихель // Русский архив. 1894. № 12; 1895. № 1; *Булгакова Л. А.* 1) Граф П. А. Клейнмихель // Новый часовой. СПб., 1996. № 5; 2) Финансовые «несообразности» в делах Главного управления путей сообщения и публичных зданий // Нестор: Банки и финансы Российской империи. СПб.; Кишинев, 2000. С. 149–175; *Клименко А.* Сиятельный управленец // Былое. 1997. № 7.

26. Коновницын Петр Петрович (1764–1822) — генерал-лейтенант (1808), генерал-адъютант (1816), генерал от инфантерии (1817). Участник русско-шведской войны (1808–1809), известный герой Отечественной войны, участник знаменитой битвы под Лейпцигом (1813) и взятия Парижа (1814), Коновницын 12 декабря 1815 г. был назначен на должность министра военно-сухопутных сил, вскоре переименованную в военные министры. Однако ни храбрость, ни здравый ум нового руководителя военного ведомства не смогли ничего изменить в огромной административной военной системе, разрушенной непрерывными войнами, утратившей былую дисциплину и имевшей многочисленные трудности в управлении и хозяйстве. Уже 12 декабря 1817 г. Коновницын был снят с поста министра и назначен главным директором военно-учебных заведений. О П. П. Коновницыне см.: *Булгарин Ф. В.* Краткое обозрение военного поприща графа Коновницына // *Булгарин Ф. В.* Сочинения. СПб., 1844. Т. 5; Граф П. П. Коновницын: биография. Одесса, 1912; *Иванов Е. П.* «Славян любовь» // Военно-исторический журнал. 1992. № 2.

27. Николай и Михаил Павловичи 28 февраля 1814 г. прибыли во Франкфурт, где их уже ожидал генерал-адъютант П. П. Коновницын, вызванный из Франции и назначенный Александром I сопровождать великих князей в их военных походах. Коновницын и великие князья переправились через Рейн в Базель и прибыли в Везуль. В это время было совершено движение Наполеона с основной армией в направлении Арси-сюр-Об, где он атаковал союзников вечером 20 марта 1814 г. Капитан П. А. Клейнмихель привез в Вузель великим князьям словесный приказ императора вернуться через Альткирх в Базель и остаться там до взятия Парижа. Николай I допускает здесь неточность. Как отмечалось выше, П. А. Клейнмихель был назначен не генерал-адъютантом, а флигель-адъютантом Александра I только 16 мая 1814 г., когда все боевые действия уже были прекращены.

28. После взятия Парижа (18 марта 1814 г.) и завершения кампании против Наполеона великие князья Николай и Михаил Павловичи 16 мая 1814 г. приехали в Париж. Они остановились в отеле «Инфантадо», находящемся поблизости от Елисейских полей и отданном князем Шарлем Талейраном в распоряжение Александра I. Именно здесь стояла русская гвардия. Великие князья присутствовали на всех церемониях, торжественных приемах и сопровождали Александра Павловича во время его прогулок по городу, которые всегда привлекали внимание огромной толпы парижан. По примеру царя Николай и Михаил Павловичи большую часть времени проводили в прогулках по Парижу, осматривая достопримечательности, научные, культурные и благотворительные заведения французской столицы. При этом Николай и здесь не изменил своим пристрастиям, предпочтя, в первую очередь, осматривать казармы, госпитали, Дом инвалидов, Политехническую школу. Это увлечение не помешало ему сблизиться с герцогом Луи-Филиппом Орлеан-

ским, семейное счастье которого произвело огромное впечатление на великого князя. «Жить семейной жизнью — вот истинное счастие», — как-то однажды поделился Николай своими мечтами с младшим братом. Подробнее см.: *Шильдер Н. К.* Великий князь Николай Павлович (1814–1822) // Русская старина. 1901. Т. 106. С. 449–459; *Лакруа П.* Черты из жизни и царствования императора Николая I. С. 341–343.

29. Название второй записки дано самим Николаем I. См.: *Сыроечковский Б. Е.* Записки Николая I о вступлении его на престол. С. 10.

30. Приказом Александра I от 27 июля 1818 г. великий князь Николай Павлович был назначен командиром 2-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии под начальством барона Г. В. Розена (с мая 1821 г. — И. Ф. Паскевича), в которую входили Лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки. Эту должность он занимал до декабря 1825 г.

31. Александра Федоровна (урожденная принцесса прусская Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, 1798–1860) — дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы, великая княгиня, с 1817 г. жена великого князя Николая Павловича, с 1825 г. российская императрица. О ней см.: *Яковлев С. П.* Императрица Александра Федоровна: Биографический очерк. М., 1866; *Божерянов И. Н.* Императрица Александра Федоровна, августейшая мать императора Александра II. СПб., 1914; Мир русской царицы: Александра Федоровна: Каталог выставки. СПб., 1997.

32. Разговор Александра I с Николаем Павловичем и Александрой Федоровной состоялся 13 июля 1819 г.

33. Старший сын Николая Павловича и Александры Федоровны, цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II, родился 17 апреля 1818 г. «В 11 часов я услыхала первый крик моего первого ребенка, — писала в своих воспоминаниях Александра Федоровна. — Никс целовал меня, заливаясь слезами... Счастие наше удвоилось, однако я помню, что почувствовала что-то внушительное и грустное при мысли, что это маленькое существо будет со временем императором!» (Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г. // Русская старина. 1869. № 10. С. 38–39). Всего у Николая Павловича от брака с Александрой Федоровной родилось семеро детей: Александр Николаевич (1818–1881), Мария Николаевна (1819–1876), Ольга Николаевна (1822–1892), Александра Николаевна (1825–1844), Константин Николаевич (1827–1892), Николай Николаевич (1831–1891), Михаил Николаевич (1832–1909). О сыновьях Николая I см.: *Белякова З. И.* Великие князья Николаевичи: В высшем свете и на войне. СПб., 2003.

34. Старшая дочь великокняжеской четы Мария Николаевна родилась 6 августа 1819 г. В первом браке она была замужем за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817–1852), во втором (незаконном) — за графом Г. А. Строгановым (1824–1879). Николай I знал о любовной связи своей дочери и о «совершившемся браке», но не признал его официально, т. е. не обнародовал указ о его совершении. Великий князь Александр Николаевич не только знал о намерении сестры выйти замуж за Строганова, но даже присутствовал на самом венчании. Императрица Александра Федоровна долго ничего не знала, и ей сообщили о новом браке дочери только в 1855 г. (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 79). О Марии Николаевне см.: *Белякова З. И.* 1) Великая княгиня Мария Николаевна и ее дворец в Санкт-Петербурге. СПб., 1996; 2) Мариинский дворец. СПб., 1996.

35. Николай I имел в виду тот факт, что к 1819 г., когда состоялся этот важный разговор Александра I с великокняжеской четой, оказывалось, что ни император, ни цесаревич не имели и не могли иметь законных наследников престола. Обе дочери Александра I, рожденные от брака с Елизаветой Алексеевной — Мария (1799–1800) и Елизавета (1806–1809) — умерли в младенчестве (Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича / Изд. В. В. Квадри. С. 10). Причем осложнения, возникшие при рождении младшей дочери царя, великой княжны Елизаветы Александровны, сделали императрицу Елизавету Алексеевну бесплодной. Александр Павлович, еще будучи великим князем, имел многочисленные романы (с актрисой Филлие, мадам Шевалье, девицей Жорж, фрейлиной В. И. Туркестановой и т. д.), а уже став императором, вступил в длительную связь с М. А. Нарышкиной, урожденной княжной Четвертинской. От этой связи родилось

трое детей, двое из которых умерли в раннем детстве, а любимая дочь Софья — в 1824 г. Однако никто из них по закону не имел права на российский престол (подробнее об этом см.: *Шиман Т.* Александр Первый. М., 1909; Александр I. 1777–1825: Его личность, правление и интимная жизнь. М., 1991). Что касается великого князя, цесаревича Константина Павловича, то и у него также не было законных детей. Бездетный и от этого, быть может, непрочный брак Константина с великой княгиней Анной Федоровной (до замужества и принятия православия Юлией-Генриеттой-Ульрикой, принцессой Саксен-Закфельд-Кобургской, 1781–1860), заключенный в 1796 г., после смерти Павла I фактически распался. Уже с 1801 г. великая княгиня жила постоянно за границей, а «полухолостой» образ жизни цесаревича доставлял много хлопот Александру I и Марии Федоровне. Так, в 1808 г. у Константина Павловича от Жозефины Фридрихс, в 1812 г. получившей дворянское звание и русское имя Ульяны Михайловны Александровой, родился внебрачный сын — Александров Павел Константинович (1808–1857), который Высочайшим указом от 27 апреля 1812 г. был возведен в дворянское достоинство. В 1823 г. он начал действительную службу поручиком Лейб-гвардии Подольского полка, а уже в 1829 г. стал флигель-адъютантом Николая I. В 1831 г. сын Константина Павловича принимал участие в подавлении польского восстания, за что был произведен в полковники, а затем в генерал-майоры и назначен в Свиту императора. Исполняя волю покойного брата, Николай I секретным рескриптом от 25 сентября 1831 г. назначил своему незаконнорожденному племяннику пожизненную ренту (РГИА. Ф. 472. Оп. 223/2732. Д. 230. Л. 58). В 1855 г. Александров П.К. получил придворное звание генерал-адъютанта и чин генерал-лейтенанта. Умер П. К. Александров в Петербурге в 1857 г. (Записки графа Мориолля // Исторический вестник. 1909. Т. 117. Кн. 7–9). Отсутствие законных наследников со стороны Александра I и Константина Павловича создавало проблемы в передаче права на российский престол, в то время как семейное счастье великого князя Николая Павловича не только давало путь ее разрешения, но и благотворно влияло на жизненные позиции его старших братьев. В столице с радостью заметили, что император в последние годы жизни стал в свете больше показываться с Елизаветой Алексеевной, а Константин Павлович вскоре вступил в морганатический брак с Иоанной Антоновной Грудзинской.

36. После Отечественной войны и заграничных походов, т. е. на рубеже второго и третьего десятилетий царствования Александра I, произошли изменения не только в политической концепции, но и жизненных приоритетах императора. Все чаще Александр Павлович говорил о своем намерении отречься от престола. Кроме этого, члены Императорской семьи — императрица Елизавета Алексеевна и великая княгиня Александра Федоровна, а также ближайшее окружение царя и даже иностранцы подметили произошедшую разительную перемену в его характере. Прежняя доброжелательность к людям сменилась подозрительностью и недоверием «ко всем и каждому, с оттенком презрения к человечеству вообще» (*[Тимощук В. В.] Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1909. Т. 1–3 // Русская старина. 1910. Т. 142. С. 327–346; Т. 144. С. 298–311; Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях // Русская старина. 1896. Т. 88. С. 27, 58). Усиливающаяся мизантропия усугублялась физическим утомлением и душевным кризисом. Наиболее ярко это проявилось в речи императора 8 сентября 1817 г. на обеде в Киеве: «Когда кто-нибудь имеет честь находиться во главе такого народа, как наш, он должен в момент опасности становиться лицом к лицу с нею. Он должен оставаться на своем месте лишь до тех пор, пока его физические силы будут ему позволять это, или, чтобы сказать одним словом, до тех пор, пока он в состоянии садиться на лошадь» (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 119). Этим настроениям, безусловно, способствовали слухи о цареубийстве, которые доходили до царя и зарождали в нем чувство опасности. Известно, что среди членов тайных обществ не раз возникали проекты убийства Александра I как возможного способа коренных перемен в стране. Первый по времени замысел, предложенный М. С. Луниным, относится к 1816 г. (Восстание декабристов. М., 1980. Т. 17. С. 27). Позже М. И. Муравьев-Апостол намеревался убить императора и всех членов царской семьи «на каком-нибудь большом придворном бале и тут же провозгласить установление

республики», а также подговаривал на это А. З. Муравьева, Ф. Ф. Вадковского, П. Н. Свистунова (Там же. С. 40). Согласно маргиналии Николая Павловича на полях первоначального текста рукописи книги М. А. Корфа, Александру I было известно о существовании тайного общества и планах декабристов его физического уничтожения. К осени 1817 г. относится «Московский заговор» о цареубийстве, которое взялся реализовать И. Д. Якушкин. «По некоторым доводам я должен полагать, что государю еще в 1818-м году в Москве после Богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство; с той поры весьма заметна была в государе крупная перемена в расположении духа, и никогда я его не видал столь мрачным, как тогда. Впоследствии сей наружный оттиск расположения души изгладился» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов. С. 41). О том, что правительство было осведомлено о существовании какого-то общества с радикальными целями, но не принимало никаких решительных мер, отмечали в своих воспоминаниях многие члены тайных организаций. В значительной мере это было обусловлено тем, что, как писал Д. И. Завалишин, некоторым государственным сановникам, «да и самому императору неловко было бы преследовать людей за те самые идеи и стремления, которые и они некогда разделяли» (Записки декабриста Д. И. Завалишина. СПб., 1906. С. 213). Николай I отмечал, что «заговор — давнего происхождения, он возник около 1815 года, и покойный император вполне был осведомлен о его существовании», но к Александру I, сдерживавшему заговорщиков многие годы «мудрыми и подозрительными мерами», только в последние годы пришло «горестное сознание, что их замыслы все еще продолжались и, что в какой-либо день они могут поставить страну и правительство в очень опасное положение» (цит. по: *Александаренко В.[Н].* Россия и Англия в начале царствования императора Николая I: (По донесениям английского посла, лорда Странгфорда) // Русская старина. 1907. Т. 131. С. 533). О деятельности тайных обществ в России в последний период жизни Александра I см.: *Андреева Т. В.* Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования. Историография, библиография. СПб., 1997. Вып. 1. С. 63–75.

37. Второй сын Павла I, великий князь, цесаревич Константин Павлович, получивший этот титул от своего отца в 1799 г., уже с самого детства не связывал свою жизнь с престолонаследием. «Он царь, а я — солдат, что мне перенимать от него», — как-то сказал Константин своему воспитателю князю Н. И. Салтыкову, сделавшему ему выговор за шалости и посоветовавшему брать пример с благопристойного Александра. Будучи человеком нетерпеливым и вспыльчивым, и, по словам современников, «не обладая ни дарованиями, ни силой, ни духом, необходимыми для самодержца», чувствуя это, а также боясь повторить судьбу своего отца, Константин Павлович добровольно решил уступить престол младшему брату (*Воейков А. Ф.* Великому князю Константину Павловичу невозможно было царствовать: ОР РНБ. Ф. 73. Д. 336. Л. 1–6). Этому решению, безусловно, способствовали непростые семейные обстоятельства цесаревича (см. наст. изд., с. 32–33, примеч. 35). После фактического распада брака Константина Павловича с Анной Федоровной, которая с 1801 г. постоянно жила в Швейцарии, цесаревич долгие годы вел довольно свободный образ жизни. Но в 1815 г. в Париже он познакомился с дочерью польского помещика, прусского подданного Антона Грудзинского, Иоанной (Жанной), блестящая красота которой, ее ум и образованность настолько его покорили, что он сделал ей предложение о вступлении в брак. После долгих и сложных переговоров с императором и Марией Федоровной Константин Павлович получил их разрешение на вступление в морганатический брак, главным условием которого был отказ цесаревича от престолонаследования. 20 марта 1820 г. был обнародован Высочайший манифест о расторжении брака великого князя, цесаревича Константина Павловича с великой княгиней Анной Федоровной; данный акт лишал детей от будущего морганатического брака соответствующих титулов и прав наследования российского трона. 12 мая 1820 г. Константин Павлович вступил в брак с И. Грудзинской, которой Александр I даровал титул светлейшей княгини Лович. Вероятно, именно этот факт оказался решающим в намерении великого князя отречься от престола. «Я женат на женщине, которая не принадлежит ни к какому владетельному дому и что еще более, на польке, — объяснял он свое решение великому князю Михаилу Павловичу,

посетившему Варшаву вместе с Николаем Павловичем летом 1821 г. — Следовательно, нация не может иметь ко мне необходимой доверенности, и отношения наши всегда останутся двусмысленными. Итак, я твердо положил уступить брату Николаю и ничто не поколебает этой зрело обдуманной решимости. Покамест она должна остаться в глубокой тайне...» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов. С. 50).

38. Николай I лукавит, поскольку как о наследнике престола о нем начали говорить еще в 1807–1809 гг. Об этом свидетельствует запись в дневнике личного секретаря вдовствующей императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламова от 16 марта 1807 г.: «Она (Мария Федоровна — *сост.*) видит, что престол все-таки со временем перейдет к великому князю Николаю, и по этой причине его воспитание особенно близко ее сердцу» (*Вилламов Г. И.* Воцарение императора Николая I: (Из дневника) // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1–3. С. 89–108). К 1809 г., ознаменовавшему, как писал в публикуемых записках Николай Павлович, переход в его воспитании к «другой методе», т. е. университетскому курсу, относится медаль с изображением подростка — Николая Павловича с надписью: «Цесаревич Николай 10 января 1809» (*Корсаков А. Н.* Детство и отрочество Николая Павловича // Русский архив. 1896. Кн. 2. № 5–8. С. 285), появление которой не смог объяснить даже Н. К. Шильдер (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 476). С 1815 г. решение Императорской семьи о передаче прав наследования российского престола Николаю Павловичу приобретало все более явные очертания, хотя еще документально не оформленные должным образом. Об этом свидетельствует характер путешествий великого князя Николая по России и Европе в 1815–1817 гг., его брак на дочери ближайшего друга Александра I, прусского короля Фридриха Вильгельма III, важные поручения царя, не раз отправлявшего его с инспекторскими поездками на Дон, в Новороссийский край, в Крым, а также та роль, которую он стал играть в царской семье. Известно, что в последние годы жизни Александра Павловича на время его частых и долговременных путешествий за границу или на конгрессы Священного союза главой Императорского дома назначался Николай Павлович (Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях. С. 45). Взгляд на Николая как на преемника Александра I в 1820-х гг. установился в европейском общественном мнении, а позже — в российском. Это было связано, с одной стороны, с морганатическим браком цесаревича Константина, с другой — вытекало из положения Николая, являвшегося отцом большого, счастливого семейства и имевшего мужское потомство (*Трубецкой С. П.* Замечания на книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I»// 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 232–233; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. М.,1866. С. 413; *Шильдер Н. К.* Великий князь Николай Павлович с 1814 по 1822 гг. // Русская старина. 1901. Т. 106. С. 449–471; Т. 107. С. 5–29, 225–235.

39. Екатерина II Алексеевна (урожденная София-Фредерика-Августа, принцесса Ангальт-Цербстская, 1729–1796) — жена Петра III, российская императрица с 1762 г., бабушка Николая I. О просвещенном абсолютизме Екатерины II см.: *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Лондон, 1895. Т. 1–2; Абсолютизм в России: XVII–XVIII вв. М., 1964; *Каменский А. Б.* «Под сению Екатерины...». СПб., 1992; *Омельченко О. А.* Законная монархия Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993; *Анисимов Е. В.* Реформы Екатерины II // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 164–191.

40. Павел Петрович (1754–1801) — российский император с 1796 г., отец Николая I. О Павле I в последние годы вышли следующие монографии и переиздания дореволюционных трудов: *Валишевский К.* Сын Великой Екатерины император Павел I. М., 1990; *Вишняков В.* Венок на гробницу императора Павла I. СПб., 1991; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. Переиздано: *Шильдер Н. К.* Император Павел I. М., 1997; *Песков А. М.* Павел I. М., 1999; *Скоробогатов А. В.* Павел Первый в российской исторической литературе. Казань, 1999; *Оболенский Г. Л.* Император Павел I. М., 2000; *Тальберг Н. Д.* Павел I: Очерки истории императорской России. М., 2000; *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович: 1754–1796. СПб., 2001.

41. Этот отзыв Александра I о царствовании Павла I сходен с характеристикой павлов-

ского режима, данной Александром Павловичем в письме к Ф. Ц. Лагарпу от 27 сентября 1797 г. (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 282). За последующее четырехлетнее правление Павла Петровича ничего не изменилось; ему так и не удалось решить внутри- и внешнеполитические задачи, стоявшие перед страной. Попытка же их разрешения путем усиления деспотических приемов в государственном управлении и насилия в отношении дворянства привела к дворцовому перевороту в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. И все же кратковременное, но весьма насыщенное правление Павла I стало важным этапом в истории российской самодержавной государственности. После Великой Французской революции, поставившей перед властью и обществом вопрос о путях прогресса, Павел Петрович видел единственный путь Российской империи в максимальной централизации, усилении авторитарной власти и расширении личного влияния монарха на работу центрального аппарата. Павловская модель самодержавия в царствование Николая I получила дальнейшее развитие; в это время произошло максимальное укрепление власти монарха и усиление централизации государственного управления. О политических идеалах Павла I и павловской системе управления империей см.: *Сорокин Ю.* Непросвещенный абсолютизм Павла I: Проблема и опыт изучения. Омск, 1994; *Анисимов Е. В.* Россия при Павле I // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 191–199; *Флоринский М. Ф.* Самодержавие и развитие российской государственности в конце XVIII — первой четверти XIX века // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 369–374; о модели самодержавия Николая I см.: *Цамутали А. Н.* Апогей Самодержавия. Николай I // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 255–271; *Выскочков Л. В.* Николай I. С. 150–165.

42. Александр I уже в Манифесте о восшествии на престол от 12 марта 1801 г. возвещал, что будет управлять «Богом врученным ему народом по закону и сердцу Екатерины Великие». Таким образом, молодой император с первого дня публично отказался от павловских методов управления государством и провозглашал себя продолжателем просветительской концепции абсолютизма Екатерины II. Центральной в этой системе идеологических и правовых идей, приспособленных императрицей к условиям России, т. е. к абсолютизму, являлся новый взгляд на отношения между властью и обществом. Их основой провозглашалась законность, т. е. правопорядок, при котором сословная структура общества, правовой статус отдельных сословий, их взаимоотношения друг с другом и верховной властью, деятельность органов государственного управления обеспечивались и гарантировались исходящими от просвещенного монарха фундаментальными законами при отделении их от частных. Сходство реформаторских поисков при Екатерине Великой и ее внуке отмечал Ю. В. Готье: «При огромном различии в исторических эпохах все же имелось внешнее сходство: правительство брало на себя почин либерального движения, общество сначала лениво следовало за ним; затем оно начинало перегонять правительство; возникало столкновение, вследствие начавшегося поворота власти к реакции. Изменения же в правительственной политике соответствовали изменениям в идеях самой Екатерины II, как позднее Александра I» (*Готье Ю. В.* Общественное движение и развитие общественной мысли в XVIII–XIX вв.: Архив РАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 13. Л. 10). По именным указам и манифестам, появившимся уже в первые годы царствования Александра I, был принят целый ряд освободительных мер для российской торговли и промышленности, восстановлены Жалованные грамоты дворянству и городам и Городовое положение, уничтожена Тайная экспедиция, учреждена целая система низших и средних учебных заведений, созданы новые университеты. Основное назначение цензуры определялось не как «стеснение свободы мысли и писания», а как принятие «пристойных мер против злоупотреблений» и путей к «истинному просвещению» (ПСЗ I. 1801. Т. XXVII. С. 439–444). Безусловно, каждое новое царствование начиналось с подобных либеральных установлений. Сложнее было сохранить реформаторскую тенденцию. Хотя Александр I и его «молодые друзья» имели целый «пакет» проектов административных и социальных преобразований, опыт Великой Французской революции подсказывал им, что приоритетной является фундаментальная правовая реформа. Продолжая начатое Екатериной II реформирование власти и общества, император главной задачей своей политической программы поставил вопрос о конституции. Это находило

отражение в составлении «Плана Всеобщего государственного образования» 1809 г. и создании «Государственной уставной Грамоты Российской империи» в 1819–1820 гг. Однако реализация «Плана» была приостановлена по воле Александра I, а работа над «Грамотой» «свернута». Правительственное реформаторство первой четверти XIX в. наталкивалось на сопротивление коренным переменам со стороны большинства дворянства, с которым верховная власть не желала вступать в конфликт. Александр I прекрасно осознавал, что преобразовательная направленность политического курса давала в руки консервативной оппозиции инструмент легального сопротивления реформаторскому «произволу» правительства. Кроме этого, император очень скоро понял, что для введения основ представительства в России еще не созрели социально-экономические условия. При этом самодержавие представлялось ему наиболее удобным механизмом осуществления реформ. Таким образом, проведение фундаментальной правовой реформы и подчиненных ей социально-экономических преобразований не было осуществлено. Противоречивость же последнего периода александровского царствования, когда прогрессивные меры сочетались с репрессиями и ограничениями, в какой-то мере объясняет реплика, брошенная Александром I в его разговоре с великим князем Николаем Павловичем осенью 1816 г.: «Я никогда не стану врагом прогресса, но я постоянно предпочту оставить зло, чем искоренять его реформой плохой и опасной» (цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 482). Подробнее о правительственном реформаторстве конца XVIII — первой четверти XIX в. см.: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957; *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982; *Сафонов М. М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *Цамутали А. Н.* Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. С. 201–255; *Андреева Т. В.* 1) Александр I и русское общество // Проблемы социально-экономической и политической истории России: XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 168–186; 2) Александр I и М. М. Сперанский: Еще раз о «Плане Всеобщего государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4. СПб., 2001. С. 41–74.

43. Речь идет о письме великого князя Константина Павловича к императору Александру I от 14 января 1822 г., в котором цесаревич писал, что «не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть, когда бы то ни было, возведенному на то достоинство, к которому по рождению своему мог иметь право», желает отречься от престола и передать право наследования «тому, кому оно принадлежит» (Об отказе от престола великого князя, цесаревича Константина Павловича: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4567. Л. 1–8). Согласно «Учреждению об Императорской Фамилии» от 5 апреля 1797 г., это право законно принадлежало Николаю Павловичу. В ответном письме от 2 февраля 1822 г. Александр I давал свое согласие на отречение Константина от прав на российский престол. Однако это намерение цесаревича не было оформлено законодательным актом, что делала саму передачу трона от Александра I к Николаю нелегитимной. А тот факт, что информация о содержании письма Константина Павловича к императору от 14 января 1822 г. держалась в тайне не только от общества, но и большинства членов Императорского дома, способствовал возникновению династического кризиса и междуцарствия. Подробнее о междуцарствии в России в ноябре — декабре 1825 г. см.: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857; *Шильдер Н. К.* 1) Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4; 2) Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1; 3) Междуцарствие в России с 19 ноября по 14 декабря 1825 года // Русская старина. 1897. Т. 89. № 2. С. 193; *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 2; *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926; *Окунь С. Б.* История СССР: 1796–1825. Л., 1947; *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 19–226; *Сафонов М. М.* 1) Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166–182; 2) 14 декабря 1825 года как кульминация междуцарствия // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, истори-

ография, библиография. СПб.; Кишинев. 2001. Вып. 4. С. 61–93; 3) К истории междуцарствия: (А. П. Башуцкий и М. И. Милорадович) // Мавродинские чтения / Под ред. Ю. Г. Кривошеева и М. В. Худякова. СПб., 2002. С. 145–153; *Андреева Т. В.* Противостояние: Константин и Николай // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 175–209.

44. Вильгельм Оранский (1792–1849) — принц Оранский, с 1841 г. король нидерландский Вильгельм II, муж великой княгини Анны Павловны.

45. Имеется в виду разговор Александра I с Вильгельмом Оранским. Сам факт откровенности императора с европейским родственником не вызывает сомнения, поскольку о своем намерении «абдикировать» император говорил не раз и многим лицам. В 1823 г. Александр I доверил свое сокровенное желание прусскому наследному принцу Вильгельму, брату Александры Федоровны, в разговоре, состоявшемся 5 ноября. По возвращении в Берлин, Вильгельм, скорее всего, рассказал о тайных замыслах российского императора Фридриху-Вильгельму III. Вероятно, именно этим можно объяснить тот факт, что дело получило официальную огласку. В Берлинском придворном календаре на 1824 г. Николай Павлович прямо назван наследником российского престола (*Schneider A.* Aus dem Leben Kaisers Wilhelm. Berlin, 1888. S. 199–201; 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 404–440; *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 144). Почти в то же время Александр I сообщил о своем намерении отречься от престола Николаю Михайловичу и Екатерине Андреевне Карамзиным (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 413).

46. Отъезд Александра I из Петербурга в Таганрог был назначен на 1 сентября 1825 г. Состояние здоровья императрицы Елизаветы Алексеевны внушало все большие опасения, и врачи рекомендовали ей провести зиму в южном климате — в Италии, южной Франции или на юге России. Александр Павлович остановил свой выбор на Таганроге и объявил, что они отправляются в южную императорскую резиденцию, в надежде вернуться в столицу к новому году. Накануне отъезда из Петербурга, 30 августа, Александр I поехал в Александро-Невскую лавру, чтобы получить благословение на поездку митрополита Санкт-Петербургского Серафима. Посещение лавры императором было широко известным фактом и уже после его кончины обсуждалось в обществе. Современники Александра I, пораженные его неожиданной кончиной, искали в этом эпизоде предзнаменование. Так, известный мемуарист М. А. Дмитриев писал: «Говорят... уезжая из Петербурга, он как бы предчувствовал, что не возвратится. Говорят, что в самую ночь отъезда он был в Невском монастыре, долго молился на коленях и со слезами, был в келье у митрополита, виделся с бывшим в монастыре схимником и прислал в монастырь масла, свеч и ладану, принадлежностей церковной службы и погребения. Во всем этом видели тогда многие как будто предзнаменование и предчувствие кончины. Действительно, это можно почесть замечательным, потому что прежде никогда государь не присылал в монастырь подобного вкладу» (*Дмитриев М.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 232). О последней поездке императора в Таганрог и его кончине см.: *Андреева Т. В.* Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 года. С. 63–85.

47. Действительно, вечером 30 августа 1825 г. Николай Павлович выехал в Бобруйск для инспектирования собранных вблизи города в лагере войск.

48. Речь идет о загородной резиденции великокняжеской, а позже императорской семьи в Петергофе — Александрии. Созданная по проекту архитектора А. А. Менеласа и названная, согласно семейной традиции, в честь жены Николая Павловича Александры Федоровны «Александрия», дача была построена в оригинальном неоготическом стиле, напоминавшем английские загородные особняки. Во время путешествия А. Кюстина по России сам цесаревич Александр Николаевич демонстрировал эту резиденцию (*Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 1. С. 272). Об Александрии см.: Александрия. Коттедж. Готическая капелла. СПб., 2000; *Выскочков Л. В.* Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 460.

49. 30 августа 1825 г. был освящен вновь отстроенный дворец великого князя Михаила Павловича, позже получивший название Михайловский дворец (ныне — Государственный

Русский музей); в тот же день состоялся последний совместный обед трех братьев — Александра, Николая и Михаила Павловичей — перед отъездом императора в Таганрог.

50. Николай I имеет в виду, что более он не видел в живых ни Александра I, скончавшегося 19 ноября 1825 г. в Таганроге, ни Елизавету Алексеевну, умершую 4 мая 1826 г. в г. Белеве по дороге в Петербург.

51. Возможно, понимание важности знания психологии людей пришло к Николаю Павловичу не только с жизненным опытом, но и напутствием генерал-адъютанта П. П. Коновницына, который, расставаясь с великим князем в октябре 1815 г., писал: «Убегайте льстецов, кои неверно проникнут в чертоги ваши. Они слабостями вашими воспользуются для своих выгод ко вреду вашему и других. Держитесь людей таких, которые бы от вас ничего не желали, которые не ослеплялись бы величием вашим и с надлежащим почтением говорили бы вам истину, и противоречили бы для воздержания вас от погрешностей. Есть средства узнавать людей в самых разговорах, в которых приметна и ветреность, и неосновательность, и лесть, и неискренность, и гордость, и храбрость, и проч. Выслушивайте советы полезные, но потом рассуждайте об истине и пользе. Не удаляйтесь от познания людей ни под каким предлогом, различайте их, и да избавит вас Бог от таких, которые притворялись, что не видят ваших погрешностей, и вкрадываются в сердце, а такие люди бывают, к сожалению, приятны» (цит. по: *Божерянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. С. 85–86).

52. Великий князь Николай Павлович в должности генерал-инспектора приступил к управлению Инженерным корпусом 20 января 1818 г. (*Тимченко-Рубан Г. И.* Очерк деятельности великого князя Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью // Инженерный журнал. 1911. № 4–7). Весьма яркую характеристику Николая в этот период его жизни дал в своем дневнике князь П. Б. Козловский: «Великий князь изучает не только подробности военного дела, но, как слышно, он отличный инженер, следовательно, и хороший математик. Он много читает, и все приближенные к нему лица уверяли меня, что он, в высокой степени, обладает тою силою внимательности, которая, по знаменитому определению Монтескье, есть не что иное, как гений. До сих пор он ограничивается званием генерала; но все доказывает, что он способен быть и государственным человеком. Если бы Его Высочество кончил свою жизнь, не произведя ничего великого, то не выполнил бы своего призвания, ибо природа предназначила его именно к тому» (цит. по: *Лакруа П.* Черты из жизни и царствования императора Николая I. С. 115).

53. Александр I отправился на конгресс в Ахен (Аахен, Э-ля-Шапель — французское название города) 27 августа 1818 г. Конгрессы Священного союза, кроме совещания в Ахене, состоялись: в 1815 г. в Вене, в 1820 г. в Троппау-Лайбахе, в 1822 г. в Вероне. На Ахенском конгрессе было подтверждено следующее: готовность монархов ведущих европейских стран противостоять революционному движению и право союзников в случае антиправительственных выступлений прямо вмешаться во внутренние дела союзнических стран, вплоть до интервенции. Подробнее см.: *Пресняков А. Е.* Александр I. С. 143–179; Внешняя политика России XIX и начала XX в. М., 1979. Сер. 2: 1815–1830. Т. 2 (10). Н. К. Шильдер, ссылаясь на Поля Лакруа, приводит слова Александра I, обращенные к Николаю, ознакомившемуся с актом Священного союза в сентябре 1815 г.: «Помните, что с сегодняшнего дня вы примкнули к нему. Мне хотелось бы думать, что со временем вы в свою очередь будете твердой подпорой его» (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 479).

54. Действительно, отношение современников к великому князю Николаю Павловичу было более чем прохладное; его не любили в гвардии, да и в столичном обществе тоже. По словам Ф. Ф. Вигеля: «Он был несообщителен и холоден, весь преданный чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и другим. В правильных чертах его белого, бледного лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которые в первой молодости облегли чело его, были будто предвестием всех напастей, которые посетят Россию во дни его правления. Не при нем они накопились, не он навлек их на Россию; но природа и люди при нем ополчились. Ужаснейшие преступные страсти в его время должны были потрясать мир, и гнев Божий справедливо карать их. Увы,

буря зашумела в то самое мгновение, когда взялся он за кормило, и борьбою с нею должен был он начать свое царственное плавание. Никто не знал, никто не думал о его предназначении; но многие в неблагосклонных взорах его, как в неясно писанных страницах, как будто уже читали историю будущих зол. Сие чувство не могло привлекать к нему сердец. Скажем всю правду: он совсем не был любим...» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 392).

55. Васильчиков Илларион Васильевич (1775–1847) — генерал-лейтенант (1812), генерал от кавалерии (1823). Участник кампании 1806–1807 гг., герой Бородинского сражения и битвы при Лейпциге, 29 сентября 1817 г. Васильчиков был назначен командующим Гвардейским корпусом. Однако события 16–18 октября 1820 г. в Семеновском полку, имевшие негативное влияние на Александра I и способствовавшие усилению государственного консерватизма, привели к тому, что 1 декабря он был уволен от командования корпусом. Во время событий 14 декабря 1825 г. находился при Николае Павловиче. Именно с этого дня на долгие годы Васильчиков стал одним из самых близких людей для Николая I, который однажды в приватной беседе с М. А. Корфом заметил: «Есть человек, душевно преданный мне и России, высоких чувств, всеми любимый и уважаемый... это граф... Илларион Васильевич» (*Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 60). В самом деле, по своим профессиональным достоинствам и человеческим качествам Васильчиков был одним из самых привлекательных личностей в плеяде государственных деятелей николаевской эпохи. Отличаясь рыцарским благородством, неизбывной честностью, редким бескорыстием, на всех государственных постах он пользовался всеобщим уважением и любовью. Стремительный взлет карьеры Васильчикова пришелся на начало 1830-х гг., когда он был назначен командующим войсками в Петербурге, генерал-инспектором кавалерии, председателем Комитета по делам Царства Польского, председателем Департамента законов Государственного Совета. После смерти Н. Н. Новосильцева Васильчиков 13 апреля 1838 г. стал председателем Государственного Совета и Комитета министров. Приступив к своим обязанностям, он обратил особое внимание на проблему крепостничества. Единомышленник Николая I, он, также как император, считал, что нельзя проводить форсированную крестьянскую реформу, а необходимо «продолжить дорогу для постепенного перехода к другому порядку вещей» и обратить внимание на преобразование в государственном управлении. Под руководством Васильчикова в попытках найти способ безболезненного решения крестьянского вопроса усиленно работали два (1835 и 1839–1842 гг.) из одиннадцати николаевских Секретных комитетов. Самостоятельный в действиях и бесстрашный в суждениях, Васильчиков, по словам того же Корфа, был «единственным человеком, который во всякое время и по всем делам имел свободный доступ и свободное слово к своему монарху, человек, которого Николай I не только любил, но и чтил, как никакого другого; один, в котором он никогда не подозревал скрытой мысли, которому доверял без утайки, как прямодушному и благонамеренному советнику, почти как ментору; один, можно сказать, которого он считал и называл своим другом!» (Там же. С. 372). Об И. В. Васильчикове см.: *Валенкампф Г. В.* Памяти истинно русского вельможи князя И. В. Васильчикова. СПб., 1847; *Давыдов В. Д.* Генерал И. В. Васильчиков во время командования Гвардейским корпусом: 1818–1822 // Русская старина. 1873. Т. 7. С. 785–798.

56. Здесь Николай I не точен, вдовствующая императрица Мария Федоровна скончалась 24 октября 1828 г., т. е. в то время, о котором он ведет рассказ, она была жива.

57. Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) — генерал от инфантерии, военный генерал-губернатор Петербурга (1818–1825). Участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова, герой Аустерлица, Силистрии, Бородина, Тарутина, Малого Ярославца, после Отечественной войны 1812 г. и наполеоновских походов он стал самым любимым и популярным военачальником. Вероятно, именно поэтому Александр I в 1815 г. назначил Милорадовича командиром Гвардейского корпуса, и во время долгого отсутствия императора в столице в период подготовки и работы конгресса Священного союза в 1815 г. гвардия «осталась под начальством» генерала. Однако талантливый боевой командир, Милорадович мало разбирался в стратегических и военно-хозяйственных вопросах и отличался безалаберностью и мотовством, не обращал внимания на «лихачество» своих

гвардейцев и даже поощрял их. В сентябре 1817 г. Милорадович был сменен на этом посту И. В. Васильчиковым, а 10 августа 1818 г. назначен военным генерал-губернатором Петербурга. С этого времени он держал в своих руках всю полноту гражданской и военной власти в столице. Судя по данной записке, отношение великого князя Николая к Милорадовичу было более чем прохладным. Их взаимоотношения еще более осложнились 25 ноября 1825 г., когда столичный военный губернатор, заняв проконстантиновскую позицию, выступил против «незаконных», по его мнению, притязаний Николая Павловича на российский престол. Но уже 27 ноября, когда Николай привел к присяге цесаревичу Константину Павловичу войска, Государственный Совет, Сенат и народ, «законность» его действий сделала отношения великого князя и губернатора более близкими. В роковой для обоих день 14 декабря 1825 г. Милорадович не смог пресечь военное выступление и был ранен. Николай I, который считал, что «по долгу своего звания» столичный губернатор, имевший сведения о готовящемся восстании, должен был информировать его, а главное — действовать, чтобы «пресечь бунт», узнав о ранении, несмотря на сложнейшую ситуацию, несколько раз присылал наведываться о здоровье Милорадовича. Поздно вечером, после подавления восстания, на клочке бумаги император собственноручно написал письмо умирающему генералу: «Мой друг, мой Любезный Михайло Андреевич, да вознаградит тебя Бог за все, что ты для меня сделал. Уповай на Бога, так как я на него уповаю, он не лишит меня друга. — Если бы я мог следовать сердцу, я бы при тебе уже был, но долг мой меня здесь удерживает. Мне тяжел сегодняшний день, но я имел утешение ни с чем несравненное, ибо видел в тебе и во всех, во всем народе друзей, детей. Да даст мне Бог всещедрый сил им за то воздать; вся жизнь моя на то посвятится. Твой друг искренний. Николай» (цит. по: Журнал 1826 года. Воспоминания генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского: ОР РНБ. Ф. 488. Д. 24. Л. 60). Милорадович умер в ночь с 14 на 15 декабря 1825 г. О М. А. Милорадовиче см.: *Семевский М. И.* М. А. Милорадович // Военный сборник. 1869. № 9. С. 141–190; *Зотов Р. М.* Записки // Исторический вестник. 1896. Т. 65. № 1. С. 5–50; № 2. С. 301–302; *Башуцкий А. П.* Убийство графа Милорадовича: (Рассказ его адъютанта) // Исторический вестник. 1908. Т. III. Кн. 1. С. 132–164; *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. С. 20–230; *Сафонов М. М.* 1) Междуцарствие. С. 166–182; 2) 14 декабря 1825 года как кульминация междуцарствия // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 61–93; *Андреева Т. В.* 1) Противостояние: Константин и Николай. С. 175–209; 2) Император Николай Павлович и граф М. А. Милорадович // Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. СПб., 1998. С. 230–251; *Выскочков Л. В.* 1) Император Николай I: Человек и государь. С. 211–235; 2) Николай I. М., 2003. С. 80–122; *Брюханов В. А.* Заговор графа Милорадовича. М., 2004.

58. Речь идет о том, что после тяжелейших испытаний Отечественной войны 1812 г. и европейских походов дисциплина, и в мирное время являющаяся важным компонентом боеспособности армии, была на чрезвычайно низком уровне. Рассуждения Николая I о порядках, царивших в русской армии после наполеоновских войн, свидетельствуют, что политические условия, в которых оказалось правительство и военное командование, были весьма сложными. Ведь не только офицеры, но и нижние чины «набрались заморского духа». В условиях огромного влияния либеральных идей, прежде всего на гвардию, ужесточение дисциплины и даже муштры казалось не только великим князьям, но и некоторым генералам александровской плеяды — И. В. Васильчикову, А. Х. Бенкендорфу — единственной преградой либерализации вооруженных сил страны и средством сопротивления западноевропейским революционным идеям. Но безудержная марсомания, когда после вступления в командование бригадами гвардейского корпуса Николая и Михаила Павловичей началась унификация не только всех мелочей формы, но внешности солдат, вызывала недовольство даже людей, всю свою жизнь посвятивших армии. Знаменитый герой Отечественной войны, генерал-лейтенант Д. В. Давыдов писал в своих мемуарах: «Для лиц, не одаренных возвышенным взглядом, любовью к просвещению, истинным пониманием дела, военное ремесло заключается лишь в несносно-педантическом, убивающем всякую умственную деятельность, парадировании. Глубокое изучение ремешков,

правил вытягивания носков, равнения шеренг и выделывания ружейных приемов, коими щеголяют все наши фронтовые генералы и офицеры, признающие устав верхом непогрешимости, служат для них источником самых высоких наслаждений. Поэтому и ряды армии постепенно наполняются лишь грубыми невеждами, с радостью посвящающими всю свою жизнь на изучение мелочей военного устава; лишь это знание может дать полное право на командование различными частями войск, что приносит этим личностям значительные, беззаконные материальные выгоды, которые правительство, по-видимому, поощряет» (Записки Дениса Васильевича Давыдова. Лондон, 1863. С. 11). Подробнее см.: *Лапин В. В.* Семеновская история. Л., 1991. С. 51–79; *Андреева Т. В.* А. Х. Бенкендорф, его предки и потомки // Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 269–273.

59. Эти рассуждения Николая Павловича весьма симптоматичны, поскольку они свидетельствовали о том, что уже в последний период александровского царствования он чутко уловил внутреннюю глубокую связь между нарастающим оппозиционным движением и усиливающимися проявлениями нарушения воинской и общественной дисциплины. Позже и 14 декабря 1825 г. Николай рассматривал не только как покушение на монархические институты власти, но, в определенной мере, как нарушение гражданского долга и воинской дисциплины.

60. Известен отзыв Николая I об ораторских прениях, распространенных в английских клубах и на митингах, весьма сходный с его мнением об офицерах-«говорунах»: «Если бы, к нашему несчастию, какой-нибудь злой гений перенес к нам эти клубы и митинги, делающие более шума, чем дела, то я просил бы Бога повторить чудо смешения языков, или, еще лучше, лишить дара слова всех тех, которые делают из него такое употребление» (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 80). Николай Павлович был человеком дела, для него «словоблудие» казалось пустым препровождением времени.

61. Заключительная фраза второй записки свидетельствует о том, что Николай Павлович, еще будучи великим князем, не только осознавал нарастание социально-экономического и политического кризиса в стране, но и пытался понять его причины. Во многом Николай I связывал этот кризис со слабостью, изменчивостью характера брата, со стремлением Александра уйти от решения проблем, прежде всего связанных с деятельностью тайного общества в России. Известно, что Николай, еще будучи подростком, весьма уважительно относился к Наполеону, по его мнению, силой воли и характера победившему анархию во Франции, и критиковал Людовика XVI. Имея уже в столь юном возрасте собственное представление о долге монарха, он однажды сказал своему учителю Дю-Пюже: «Король Людовик XVI не исполнил своей обязанности и был наказан за то. Быть милосердным не значит быть слабым. Государь не имеет права прощать врагам государства. Людовик XVI видел перед собою действительный заговор, прикрытый ложным именем свободы, он избавил бы свой народ от множества бедствий, если бы не пощадил заговорщиков» (*Лакруа П.* Черты из жизни и царствования императора Николая I. С. 337).

Подготовка текста и комментарии Т. В. Андреевой

Константин Павлович, вел. кн.
О вредном направлении умов военных людей и о мерах, принятых для отвращения в войсках духа вольнодумства[a]. 19 мая 1821 г.

Секретно
Копия

От Его Императорского Высочества, цесаревича начальнику Штаба Его Императорского Величества, господину генерал-адъютанту, генералу от инфантерии и кавалеру, князю Волконскому[1]. Варшава. 19-го мая 1820 года[b].

По случаю существующих ныне обстоятельств и вкрадывающегося духа вольнодумства, какое к отвращению сего в войсках, Высочайше вверенным начальству моему, сделано мною секретное предписание командиру Отдельного Лит[овского] корпуса ген[ерал]-л[ейтенанту] Довре[2] и начальнику штаба Главного моего г[енерал]-л[ейтенанту] Куруте[3], которое препровождаю к вашему сиятельству в копии и имею честь просить Всеподданнейше представить оную на Высочайшее Его Императорского Величества благосоизволение. Варшава. Мая 19 дня 1821 года.

Генерал-инспектор всей кавалерии Константин[c]

Копия с секретного предписания, данного Его Императорским Высочеством, цесаревичем командиру Отдельного Литовского корпуса генерал-лейтенанту Довре. 19 мая 1821 года. № 35[d].

Вашему превосходительству известны обстоятельства, возникшие в Италии[4], которые угрожали нарушить спокойствие Европы и зловредные предприятия бунтовщиков к ниспровержению законных их правительств. Хотя намерения сии, благодарение Всевышнему, принятыми со стороны союзных августейших монархов мерами и силою оружия благополучно укрощены[5], но таковые успехи противу распространившегося духа вольнодумства не должны нас оставить в заблуждении, что вкоренившиеся в умах зловредные правила противу силы и стечения обстоятельств принуждены были навсегда преклонить колена. Нет никакого в том сомнения, что сие не могло переменить образа их мыслей и желаний, которые остались те же самые, как и при начале их предприятий. Неудача в оных остановила их только на время, и будет крыться под пеплом, пока не представится удобных случаев и вновь возгореться может быть с большим еще ожесточением. Неудача теперешняя сделает их гораздо осторожнее, и тогда только опять явно обнаружатся замыслы, когда злонамеренные успеют привести себя в такое положение, от которого могут ожидать лучшей удачи. Тем более сего ожидать можно, что в одной только Италии восстановляется прежний порядок вещей, в других же местах как Европы, так и Америки[6] успехи вольнодумцев и бунтовщиков распространяются и утверждаются до сего времени. Следовательно, из всего оного должно вывести

[a] Название документа дано Н. К. Шильдером (Л. 53).
[b] Вставка рукой Н. К. Шильдера (Л. 54).
[c] Вставка рукой Н. К. Шильдера (Л. 54).
[d] Вставка рукой Н. К. Шильдера (Л. 54).

неоспоримое заключение, что сими извергами общественного порядка будут употребляться теперь все ухищрительные меры, дабы сокровенными средствами повсеместно стараться иметь более себе приверженцев и поколебать умы их обманчивыми внушениями, могущими наиболее действовать: во-первых, на молодых людей, получивших образ воспитания последних времен, занимающихся и наполняющих себе головы чтением сочинений, хоть соблазнительных и ложных, но не менее того весьма сильно на них действующих по неумению находить истинной цены и цели в поступках; а во-вторых, на людей, которые не будут одарены здравыми понятиями о вещах, но, слепо подражая примерам, которые будут им казаться чрез ухищренные внушения на первый раз весьма соблазнительными; и, наконец, слыша повторения одного и того же, не помышляя о последствиях, вкоренять в свои слабые головы мысли и правила, которые сделаются для них привычкою до такой степени, что они совершенно осмелятся, соделаются ревностными приверженцами вольнодумства и самыми ожесточенными защитниками сих вредных и опасных для всякого благомыслящего правил.

Принимаемыми со стороны правительств мерами, главные, по-видимому, зачинщики случившихся обстоятельств Италии, хотя отыскиваются и понесут достойное наказание, но настоящие путеводители всего оного стараться будут скрыться в неизвестности, ибо сии особенной хитрости люди, действуя со всею осторожностию, выставляют на сцену других служащих, служащих только орудиями их замыслов, сами же, руководствуя едиными подстреканиями и наставлениями, остаются на счету людей благомыслящих. Таковых людей есть весьма много. Они в нынешние обстоятельства суть самые опаснейшие и без всякого сомнения будут продолжать действовать, вероятно, еще с большими напряжениями противу прежнего к приведению в исполнение начатых ими предприятий. Из самых опытов мы теперь видим, что как в Гишпании[7] и Португалии[8], так в Неаполе и Пьемонте сии разрушители законных властей обращают наиболее свои вредные внушения на войска, посредством коих действуют с удачею, ибо сими способами отнимают средства поставить преграду их зловредным замыслам.

Из сего рассуждения всего вероятнее должно предполагать, что сии возмутители употребят первоначальные происки ко внушениям в Штабах войск, в Квартирмейстерской части и адъютантам при гг. генералах, где употребляются ныне по большей части молодые люди с большим противу прочих образованием, занимающиеся чтением разных периодических сочинений, иностранных газет и более сведующие об обстоятельствах и распространившемся во многих местах духе вольнодумства. Они по большей части не будучи занятыми по службе столько, сколько прочие чины, имеют более свободного времени и, следовательно, более подвержены таковым соблазнам. Умышленники будут подстрекать затем прочих низших чинов, в штабах употребляемых и на коих обыкновенно лежит вся тягость трудов и работы, внушая им, что они трудятся не для себя, что труды их присваиваются другими, пожинающими за то награды, оставляя их в неизвестности. Таким образом, делая более и более недовольных, стараться будут улавливать в свои сети людей, употребляемых для производства дел и по мере в том успеха распространять далее отрасли своих замыслов и в самых войсках, и сим средством приближаться к настоящей цели своих намерений.

Мы видели пример в Корпусе войск, в коем адъютанты генерала от кавалерии Раевского[9], гвардии офицеры князья Ипсилантии[10] (хотя к удовольствию нашему не русского происхождения), набравшись правил вольнодумства, уехали с братом своим генералом сего же имени[11] за границу, и, провозглашая вольность и свободу, произвели бунт и возмущение в Молдавии противу законного их правительства[12]. Сие ни к чему другому отнести можно, как к тем же самым источникам, от которых проистекают ныне в Европе беспорядки и восстания против властей законных[13]. С прискорбием упомяну я здесь и об известном происшествии, случившемся в нынешнее время в бывшем Лейб-гвардии Семеновском полку[14], первом и отличном полку в российских войсках, происшествии, которому не было примера в России с тех пор, как существуют регулярные войска. Впоследствии открываются разные подобные сему происшествия и далее, так что нижние чины выходят из послушания к своим начальникам; что все некоторым образом приписать можно к духу до неповиновения властям относящемуся и послаблению к тому начальства. По поводу чего государь император изволил уже перевести ныне в армию двух гг. гвардейских дивизионных начальников[15], а дивизии их поручить другим.

Поставя Вашему превосходительству все сии обстоятельства на вид, я по долгу, на меня Высочайше возложенному, обязываюсь предложить вам принять в теперешних обстоятельствах самые благоразумные меры, дабы описываемый дух вольнодумства не мог вкрасться в Литовском корпусе, имея бдительнейшее наблюдение на чинов штабных и на молодых офицеров, которые воспитывались в корпусах, университетах и лицеях, и кои более имеют просвещения, стараться узнавать всемерно под рукою о связях и образе их мыслей, а равным образом не будет никаких посторонних на оные вредных влияний. Если же, паче чаяния, где будет замечено противное порядку и вольнодумство, то имея таковых людей на строгом замечании, узнав в точности, не проистекло ли оное от посторонних внушений, с принятием надлежащих мер осторожности, доносить немедленно в подробности о всяком случае. О чем предписано также от меня начальнику штаба Главного моего генерал-лейтенанту Куруте.

Полностью публикуется впервые по писарской копии, отложившейся в личном фонде Н. К. Шильдера в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Ф. 859. К. 19. № 12. Л. 53–60. Оригинал документа хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве: Ф. 1. Оп. 1. Д. 3456. Л. 5–5 об. Об этом же свидетельствует маргиналия Н. К. Шильдера «ВУА № 24» на первой странице рукописи (Л. 54). Документ представляет собой копию предписания, данного 19 мая 1821 г. великим князем, цесаревичем Константином Павловичем командиру Отдельного Литовского корпуса генерал-лейтенанту Ф. Ф. Довре, которая была отправлена начальнику Главного штаба князю П. М. Волконскому. Определение документа — «записка» и его название даны Н. К. Шильдером (Л. 53).

Можно предположить, что история создания этого документа связана с запиской о тайном обществе в России М. К. Грибовского, которую Александр I получил в начале 1821 г. через графа А. Х. Бенкендорфа и князя И. В. Васильчикова. В записке говорилось о конкретной деятельности Союза благоденствия (подготовке Московского съезда и совещаниях, проходивших в провинции), его структуре,

целях и задачах; в ней приведены сведения о наиболее активных его членах — М. А. Фонвизине, М. Ф. Орлове, П. Х. Граббе, Н. И. Тургеневе, Ф. Н. Глинке и др. (см. об этом: *Рогинский А. Б.*, *Равдин Б. Н.* Вокруг доноса Грибовского // Освободительное движение в России. Саратов, 1978. С. 90–99; *Федоров В. А.* Доносы на декабристов (1820–1825) // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып. 5. С. 130–151; *Семенова А. В.* Новое о доносе М. К. Грибовского на декабристов // Советские архивы. М., 1991. № 6. С. 65–71).

Александр I получил записку М. К. Грибовского после возвращения из очередной поездки по Европе, но каких-либо следов работы с ней императора не обнаружено. И хотя реакция Александра документально не подтверждена, не вызывает сомнения, что он был чрезвычайно взволнован полученной информацией, и, вероятно, поэтому отправил копию записки великому князю Константину Павловичу. Цесаревич, обеспокоенный растущим влиянием западных либеральных идей на русское общество, а главное — на армию, изложил свои взгляды в предписании от 19 мая 1821 г. командиру Литовского корпуса, генерал-лейтенанту Ф. Ф. Довре и переслал копию этого документа начальнику Главного штаба П. М. Волконскому с просьбой представить свою записку на Высочайшее рассмотрение. Таким образом, предписание превращалось из циркулярного документа в концептуальный. В силу чего Н. К. Шильдер назвал его «запиской» Константина Павловича и опубликовал отрывок из нее в своем труде (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 204).

В своей записке Константин, в надежде, что его услышит монарх, предупреждал, что «зловредные» планы «бунтовщиков к ниспровержению законных их правительств» даже после вооруженных мер союзных держав сохранились, «неудача <...> остановила их только на время», и их борьба «вновь возгореться может быть с большим еще ожесточением». В рамках политического мифа о деятельности «всеевропейского тайного общества» Константин Павлович подчеркивал, что «успехи вольнодумцев и бунтовщиков», нашедшие наиболее яркое отражение в Семеновской истории и в европейских революциях, имеют одни и те же «источники», и призывал «принять самые благоразумные меры, дабы дух вольнодумства не мог вкрасться в войска».

Константин Павлович (1779–1831) — великий князь, цесаревич, второй сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны. Воспитывался вместе с братом Александром Павловичем под наблюдением Екатерины II. По замыслу Екатерины Великой для Константина Павловича предназначался престол предполагаемой Константинопольской империи, которая должна была быть образована после победы над турками и их изгнания из Европы. Участник Итальянского похода А. В. Суворова, «за подвиги храбрости и беспримерного мужества», проявленные в боях, по манифесту от 28 октября 1799 г. Константин был пожалован титулом цесаревича (ПСЗ I. 1799. Т. XXV. № 19170). Участвовал в войне с Наполеоном, в битве при Аустерлице (20 ноября 1805 г.) был легко ранен. Со времени аустерлицкого поражения русских войск принадлежал к сторонникам мира с Францией, т. е. к так называемой «французской партии», под влиянием которой Александр I заключил Тильзитский мирный договор с Францией (27 июня

1807 г.). В начале Отечественной войны 1812 г. Константин Павлович находился в войсках, но затем вернулся в Петербург, вследствие постоянных и резких столкновений с верховным главнокомандующим 1-й западной армией М. Б. Барклаем де Толли. В кампаниях 1812–1813 гг. цесаревич командовал гвардией и получил звание генерал-инспектора кавалерии. С образованием, согласно генерального акта Венского конгресса от 28 мая 1815 г., Царства Польского (ПСЗ I. 1815. Т. 33. № 25863) Константин Павлович назначен его наместником, главнокомандующим польской армии, т. е. по сути — вице-королем Польши.

12 мая 1820 г. был заключен морганатический брак Константина Павловича и Иоанны Грудзинской, во многом определивший решение цесаревича отказаться от российского престола. Однако отказ не был оформлен законодательным актом, т. е. манифестом, что делало саму передачу права наследования престола от Александра I к Николаю Павловичу нелегитимной. Это привело к династическому кризису, которым воспользовались члены Северного общества.

В русской армии, особенно в гвардии, Константина Павловича любили. Он имел репутацию вспыльчивого, но доброго человека, благородного и отзывчивого по отношению к подчиненным; его храбрость была не раз проявлена в боях (Из рассказов старого лейб-гусара князя А. Н. Г. // Русский архив. 1887. № 10. С. 192–196; *Дмитриев М.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 236). Об этих чертах характера Константина свидетельствует и эпизод с М. С. Луниным. Известно, что после событий 14 декабря 1825 г. в столице Константин Павлович получил приказ об аресте своего адъютанта, который находился в это время в отпуске. Когда же Д. Д. Курута, обеспокоенный возможностью побега «злоумышленника», сказал об этом цесаревичу, то последний вспылил: «Я бы с Луниным не решился спать в одной комнате, но что касается побега, опасаться нечего, давши слово, он не побежит; я за то поручусь» (*Лунин М. С.* Письма из Сибири. М., 1988. С. 292, 479).

Поскольку за весь период междуцарствия Константин Павлович так и не прислал Николаю манифест о своем отречении от престола и не приехал в Петербург, это вызвало массу толков. В крестьянской среде слухи, спровоцированные военным выступлением 14 декабря 1825 г. в столице и бунтом Черниговского полка на юге, были связаны с надеждами на «крестьянскую свободу» и легендой о «Константине-освободителе» и привели в мае 1826 г. к массовым крестьянским выступлениям (О письме коллежского асессора Фролова «О бегстве помещичьих крестьян на Урал и толки среди них о воле»: РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4641. Л. 1–13; *Чернов С. Н.* Слухи 1825–1826 годов: (Фольклор и история) // *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 329–346; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967; *Рахматуллин М. А.* 1) Крепостное крестьянство в России и движение декабристов // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 127–151; 2) Легенда о Константине в народных толках и слухах 1825–1858 гг. // Феодализм в России. М., 1987). Долгое отсутствие Константина Павловича в Москве в торжественные дни коронации Николая I еще более усиливало народные слухи, поэтому приезд цесаревича в первопрестольную 20 августа 1826 г. был воспринят как примирение братьев (Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1893. Ч. 7. С. 79; Воцарение императора Николая I-го: (Из дневника Г. И. Вилламова) // Русская старина. 1899. Т. 97. № 3. С. 668;

Отрывок из записанных рассказов сенатора И. Д. Данилова о цесаревиче Константине Павловиче // Русская старина. 1870. № 3. С. 280; *Дмитриев М.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 245).

Следует признать, что Константин Павлович, несмотря на свою неуравновешенность и некоторую безалаберность, пользовался уважением обоих братьев-императоров — Александра I и Николая I. Об этом свидетельствуют записка цесаревича, публикуемая в данном издании, и переписка Константина с Николаем I, посвященная важнейшим вопросам внутренней и внешней политики России (Переписка императора Николая Павловича с великим князем, цесаревичем Константином Павловичем. Т. 1: 1825–1829 // Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 131; Т. 2: 1830–1831 // Там же. СПб., 1911. Т. 132. На фр. яз.). В своих поисках правильного решения той или иной проблемы Николай Павлович часто консультировался с братом, которому отправлялись в Варшаву подготовительные материалы различных проектов. Так, в мае 1830 г. Константину Павловичу был выслан проект дополнительного закона о состояниях и указа о дворовых людях. Этот проект был подготовлен Комитетом 6 декабря 1826 г., членами которого были М. М. Сперанский, граф В. П. Кочубей, князь А. С. Меншиков и др., и направлен на ограничение крепостничества. Великий князь двумя записками на имя Николая I от 15 и 20 июня 1830 г. изложил свои взгляды относительно основных идей полученных документов. Мысли Константина по этому поводу сводились к следующим концептуальным положениям: в России «крепостное право — заповедное наследство», связанное с «твердостию государственного строя», поэтому все преобразования, намеченные в проектах, следует «отдать на суд времени». Обе записки были переданы императором для рассмотрения в Государственный Совет, который согласился с точкой зрения великого князя. Таким образом, реализация законов, направленных на введение существенных ограничительных мер крепостничества, прежде всего, запрета на безземельную продажу помещичьих крестьян и дворовых людей, под влиянием Константина Павловича была приостановлена (см. об этом: *Андреева Т. В.* Несостоявшийся прорыв: к вопросу о запрещении продажи крепостных людей без земли в начале царствования Николая I // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сб. статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 17–25).

В последние годы жизни Константин Павлович жил «затворником» в Варшаве. Во время Польского восстания в ноябре 1830 г. поляки напали на его загородный дворец Бельведер, но великий князь успел спастись и встал во главе русских войск, отведя их на границу Царства Польского. При подавлении восстания командовал резервным корпусом. Константин Павлович умер 15 июня 1831 г. под Витебском от холеры.

1. Волконский Петр Михайлович (1776–1852) — князь, светлейший князь (с 1834), генерал от инфантерии (с 1817), генерал-фельдмаршал (с 1850). Участник событий ночи с 11 на 12 марта 1801 г., полковник Волконский в день коронации Александра I (15 сентября 1801 г.) был произведен в генерал-майоры и пожалован в генерал-адъютанты. С этого момента в течение 25-летнего царствования Александра I он был одним из наиболее близких императору лиц. В 1801–1805 гг. — помощник начальника Военно-походной Его Императорского Величества (ЕИВ) канцелярии, во время войны с Наполеоном молодой генерал отличился под Аустерлицем (Л. Н. Толстой сделал его прототипом Андрея Болконского в романе «Война и мир»). В кампанию 1806–1807 гг. находился при Александре I.

В 1809 г. командирован во Францию для ознакомления с деятельностью наполеоновского Генерального штаба. Возвратившись в Петербург, назначен генерал-квартирмейстером (1810). В начале Отечественной войны 1812 г. сопровождал императора в действующую армию, 12 декабря 1812 г. назначен начальником Главного штаба при М. И. Кутузове. За геройское участие в битве при Люцене в апреле 1813 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В сентябре 1814 — январе 1815 г. сопровождал Александра I на конгресс Священного союза в Вену, затем в Париж, Берлин, Лондон. После возвращения в Петербург в марте 1815 г. представил императору проект учреждения Главного штаба и 12 декабря того же года был назначен его начальником, фактически возглавлял управление русской армией вплоть до своей отставки с этого поста 25 апреля 1823 г. Все эти годы пытался противостоять влиянию на Александра I А. А. Аракчеева, но в этом столкновении с начальником военных поселений потерпел «поражение». И все же, уезжая в Таганрог, Александр I именно Волконского назначил главой Свиты Елизаветы Алексеевны. Николай I, благоволивший Волконскому еще будучи великим князем, в день своей коронации (22 августа 1826 г.) назначил его министром образованного в тот же день Министерства Императорского двора и уделов и управляющим Кабинетом ЕИВ. Возглавляя это министерство на протяжении почти всего царствования Николая I (1826–1852) и пользуясь «всею доверенностию императора», по словам М. А. Корфа, Волконский, «человек дела и практики, был далек от всякой идеологии». «Здравого ума, логики, рассудительности.., он был холоден, как воплощенный опыт» (*Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 81, 547). О П. М. Волконском см.: Биографический очерк генерал-фельдмаршала, светлейшего князя П. М. Волконского. СПб., 1914; *Шилов Д. Н.* «Каменный князь»: Светлейший князь П. М. Волконский при дворе двух императоров // На рубеже двух эпох: 1801–1825. 1825–1855: Тезисы 2-й Царскосельской конференции. СПб., 1996.

2. Довре Федор Филиппович (1766–1828) — родом из Франции, генерал от инфантерии. В 1785 г. перешел на русскую службу, в 1801 г. в чине полковника причислен к Свите ЕИВ по квартирмейстерской части, в 1805 г. участвовал в известном посольстве графа Ю. А. Головкина в Китай. Участник кампании 1807 г., в 1810–1811 гг. Довре возглавлял инспекцию западных пограничных войск, за что был произведен в генерал-майоры (1811). Во время Отечественной войны 1812 г. — начальник штаба корпуса графа П. Х. Витгеншейна. Участник битв 1813 г. при Люцене, Бауцене, за что произведен в генерал-лейтенанты (1813); в 1819 г. Довре был назначен командиром Отдельного Литовского корпуса, которым в чине генерала от инфантерии (1826) командовал до 1827 г.

3. Курута Дмитрий Дмитриевич (1770–1838) — по происхождению грек, граф, генерал от инфантерии, ближайший сподвижник и самое доверенное лицо великого князя Константина Павловича. По окончании Сухопутного кадетского корпуса в отделении для греков в 1787 г. был выпущен в столичный Гренадерский полк. В это же время состоял при Константине Павловиче для обучения цесаревича греческому языку. В 1789 г. Курута перешел в морскую службу, был зачислен мичманом флота, в 1794 г. командовал фрегатом. С восшествием на престол Александра I снова перешел в армию, был зачислен в Свиту ЕИВ по квартирмейстерской части. Участник войны с Наполеоном 1805–1807 гг., в 1809 г. назначен флигель-адъютантом великого князя Константина Павловича и командиром Отдельного Дворянского полка. Во время Отечественной войны 1812 г. и европейских походов 1813–1814 гг. геройски проявил себя в битвах при Бородине, Люцене, Лейпциге, за что был произведен в генерал-майоры (1814). После возвращения в Россию командовал 2-м Кадетским корпусом. В 1816 г. произведенный в генерал-лейтенанты, был назначен начальником Главного штаба главнокомандующего польскими войсками, Литовским корпусом и гвардейской дивизией великого князя, цесаревича Константина Павловича. В день коронации Николая I Курута был удостоен графского титула (22 августа 1826 г.). Участник подавления Польского восстания 1830 г., генерал находился при цесаревиче в момент его кончины в 1831 г.

4. Речь идет о движении карбонариев в Италии и национально-освободительных революциях в Пьемонте и Неаполе. Об этом см.: *Ковальская М. И.* Движение карбонариев в Италии. М., 1971.

5. Теория «всеевропейского заговора» в политической концепции правительств государств-членов Священного союза упрочилась после революций, почти одновременно вспыхнувших в Неаполе, Пьемонте, Испании, Португалии, Греции, и была развита в секретных протоколах трех конгрессов: Аахенского (1818), Троппауского (1820), Веронского (1822). Протоколы определяли право вмешательства во внутренние дела тех государств, политическая обстановка в которых могла быть квалифицирована как революционная угроза субъектам Союза (Внешняя политика России: документы и материалы. М., 1978. Т. XII. С. 591). Именно поэтому союзниками было санкционировано военное вмешательство во внутренние дела Испании и Португалии.

6. Речь идет о национально-освободительной войне в начале 1820-х гг. в португальских колониях, прежде всего в Бразилии. Вспыхнувшая под влиянием Португальской революции, война завершилась победой бразильских патриотов. 7 сентября 1822 г. регент Бразилии, сын португальского короля Жуана VI Педру, стремясь сохранить свою власть в стране, провозгласил независимость Бразильского государства, которая была признана Португалией в 1825 г.

7. Речь идет об Испанских революциях 1808–1814 гг. и 1820–1823 гг. Направленная на достижение двух целей — изгнание французов и ликвидацию феодализма, — первая завершилась созданием 25 сентября 1808 г. революционного правительства — Хунты, и избранием нового короля, сына отрекшегося от престола Карла IV, Фердинанда VII. 24 сентября 1810 г. были открыты Учредительные Кортесы близ г. Кадисы, которые в 1812 г. утвердили либеральную Кадисскую конституцию. Еще в 1811 г. после сражения при Витории французские войска стали отступать из Испании, а 18 мая 1814 г. была окончательно провозглашена независимость Испании. Вторая революция началась весной 1820 г. военным восстанием расположенных под Кадисом частей Экспедиционного корпуса, который предназначался для подавления освободительного движения в колониях. В конце февраля — начале марта 1820 г. восстание было поддержано населением испанских городов, что вынудило Фердинанда VII 9 марта 1820 г. выполнить основное требование восставших — принести присягу Кадисской конституции. 9 июля 1820 г. возобновилась деятельность Учредительных Кортесов, декретировавших национализацию монастырских земель, запрещение Ордена иезуитов, отмену майората, уничтожение инквизиции. Летом 1820 г. в испанской деревне развернулось стихийное антифеодальное движение, направленное на уничтожение монопольных прав помещиков на землю. Однако лидеры Кортесов, желая сохранить монархию, оградить принцип частной собственности и стремясь остановить революционную волну, пошли на компромисс с Фердинандом. Уже осенью 1823 г. при военном вмешательстве объединенных войск Священного Союза в Испании была восстановлена абсолютная монархия. 1 октября 1827 г. Фердинанд VII объявил конституционные декреты лишенными законной силы.

8. Португальская революция, также направленная против феодального гнета и французского господства, началась в г. Порту 6 июня 1808 г., а уже 19 июня того же года была образована Жунта верховного правительства, которая призвала на помощь Англию. В августе 1808 г. в Португалии высадились английские войска. Наполеон дважды — в 1809 и 1810 гг. — пытался вернуть португальские земли, но так и не добился успеха. Для самой же Португалии изгнание французов не сделало ее независимой, поскольку страна фактически находилась под протекторатом Англии. 24 августа 1820 г. — теперь против англичан — восстал гарнизон г. Порту, что стало началом второго этапа португальской революции. В январе 1821 г. были созваны Учредительные Кортесы, которые приняли проект либеральной конституции, составленной по образцу Кадисской. Король Жуан VI, возвратившийся из Бразилии, был вынужден признать конституцию. Однако нерешительность и непоследовательность лидеров Кортесов привели к тому, что значительная часть принятых в 1821–1823 гг. реформаторских проектов не была реализована. Борьба же между абсолютистами и конституционалистами в Кортесах привела к гражданской войне, в которой победу одержали последние. В 1828 г. конституционным королем Португалии был провозглашен Мигел Браганский и установлена конституционная монархия.

9. Раевский Николай Николаевич, старший (1771–1829) — генерал от кавалерии, член

Государственного Совета, участник Отечественной войны, отец А. Н. Раевского и Н. Н. Раевского.

10. Речь идет о представителях греческого аристократического рода Ипсиланти, являвшихся на протяжении XVIII в. драгоманами Порты и господарями Валахии и Молдовы. В начале 1820 г. братья Ипсиланти стали во главе движения гетеристов — освободителей Греции от турецкого ига. В данном контексте имеются в виду штаб-ротмистры Лейб-гвардии Гусарского и Кавалергардского полков, адъютанты Н. Н. Раевского-старшего князья Дмитрий Константинович Ипсиланти (1793–1832) и Николай Константинович Ипсиланти (1796–1833).

11. Имеется в виду Александр Константинович Ипсиланти (1792–1828) — князь, участник Отечественной войны, генерал-майор русской службы, с 1816 г. адъютант Александра I. В апреле 1820 г. вступив в греческое общество «Филики Этерия» (Гетерия), он вскоре возглавил движение за освобождение Молдавии от турецкого ига. А. С. Пушкин, сочувствовавший движению гетеристов, писал о нем: «Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли вождя, за которую взялся горячо».

12. В результате Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. по Бухарестскому миру 1812 г. территория между Днестром и Прутом, названная в 1813 г. Бесарабией, была освобождена от владычества Османской империи и присоединена к России. Однако Молдавия оставалась под властью турок. В силу чего 6 марта 1820 г. А. Ипсиланти с небольшим отрядом вступил на территорию Молдовы с целью поднять балканские народы на борьбу против турецкого ига. Однако, отказавшись от ликвидации земельных привилегии бояр, он вступил в конфликт с вождями румынских повстанцев, и был вынужден уйти из Молдавии. 19 июня 1821 г. отряд Ипсиланти был разбит турками, сам он бежал в Австрию, где был схвачен австрийскими властями и посажен в тюрьму. Только благодаря вмешательству Николая Павловича А. Ипсиланти был освобожден. Несмотря на неудачу, выступление Ипсиланти послужило толчком для начала Греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг., приведшей к освобождению Греции от турецкого владычества и провозглашению в 1830 г. независимости Греческого государства.

13. Версию о «всеевропейском революционном заговоре» поддерживал и сам Александр I. Получив известие о восстании греческих патриотов под руководством А. Ипсиланти, император писал 24 февраля 1821 г. из Лайбаха А. Н. Голицыну: «Нет никаких сомнений, что побуждение к этому возмущению было дано тем же самым центральным распорядительным комитетом <...> из Парижа с намерением устроить диверсию в пользу Неаполя и помешать нам разрушить одну из этих синагог Сатаны, устроенную с единственной целью: проповедовать и распространять антихристианское учение. Ипсиланти сам пишет в письме, обращенном ко мне, что принадлежит к секретному обществу, основанному для освобождения Греции. Но все эти тайные общества примыкают к парижскому центральному комитету. Революция в Пьемонте имеет ту же цель — устроить еще один очаг, чтобы проповедовать ту же доктрину и парализовать воздействие христианских начал, исповедуемых Священным союзом» (цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 558).

14. Речь идет о восстании Лейб-гвардии Семеновского полка 16–18 октября 1820 г., ставшем школой политического образования и воспитания русского общества и продемонстрировавшем членам тайных обществ, что единственной реальной силой в борьбе за власть является армия. См. об этом: *Лапин В. В.* Семеновская история. 16–18 октября 1820 г. Л., 1991.

15. Имеются в виду репрессивные действия верховной власти против отдельных участников тайного общества в России — М. А. Фонвизина, М. Ф. Орлова, П. Х. Граббе, А. Ф. Бригена, которые «за явное несоблюдение порядка военной службы» в 1817–1820 гг. были отставлены от командования воинскими подразделениями или вовсе уволены от службы.

Подготовка текста и комментарии Т. В. Андреевой

Записка неизвестного «О средствах, тайно употребляемых приверженцами либерализма для усиления своей партии, после одержанных противу оной успехов». 1824 г.[a]

ВУА № 35 Отд[ел] Секр[етный] Copie ВУА № 35[b]

Опора либерализма и смутьянов, будучи ниспровержима в Европе мудрыми и энергичными мерами, принятыми Вашим Императорским Величеством[1], во многом ослабили смутьянов в нашей стране; но позвольте мне охарактеризовать часть принципов, исповедуемых ими в настоящее время.

1. Не беспокоить правительство и в особенности не давать ему подозрений необдуманными речами, которые только усиливают его бдительность.

2. Усыплять его как можно более, действуя осторожно.

3. Участвовать во всяком недовольстве, увеличивая его всеми средствами, которые позволены правительством.

4. Посредством связей в чиновничьем аппарате стараться подвигать правительство к ложным демаршам.

5. Как можно более отдалять все предполагаемые к осуществлению полезные мероприятия.

6. Осуждать все законы и пытаться, при их исполнении, дать им абсолютно иное направление.

7. Влиять на дух армии и в особенности на солдат в отпуску, пытаться иметь связи в штабах корпусов, дивизий и даже полков.

8. Всеми средствами пытаться запутывать администрацию, побуждать к бесполезным кредитным расходам и посредством этого стараться, чтобы из-за увеличения налогообложения уменьшалась армия.

Перевод с французского С. Н. Искюля

Публикуется впервые по копии чернилами на французском языке, отложившейся в фонде Н. К. Шильдера в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Ф. 859. К. 19. № 12. Л. 5–6. Данный документ является копией, сделанной историком с черновой записки на французском языке неизвестного лица, предназначенной для Александра I и отложившейся в Военно-ученом архиве (ныне — Российский государственный военно-исторический архив). Об этом свидетельствует и две маргиналии Н. К. Шильдера: «ВУА № 35 Отд. Секр.» и «Copie ВУА № 35» (ОР РНБ. Ф. 859. К. 19. № 12. Л. 5). Датируется историком 1824 годом (Там же. Л. 5).

Можно предположить, что автор записки — член тайных обществ или человек, имевший связи в конспиративной среде, для которой начало 1820-х гг. ознаменовано провокационной деятельностью и доносительством. Ведь пункты, предложенные им, имеют определенное сходство с тактическими задачами устава Обще-

[a] Название документа и дата даны Н. К. Шильдером (Л. 5).
[b] Пометы на полях Н. К. Шильдера (Л. 5).

ства Московского съезда или «Восстановленного Союза благоденствия», созданного в Петербурге на развалинах Союза благоденствия в январе 1821 г. и просуществовавшего до 1823 г. Устав, создание которого относится к январю — апрелю того же года, состоял из двух частей. Первая часть, написанная И. Г. Бурцевым и Н. И. Тургеневым, представляла собой отредактированную «Зеленую книгу». Она была предназначена для «новопринятых» членов, составлявших низшую ступень. Главной целью общества в этой части определялось «распространение просвещения и добродетели», т. е. она полностью совпадала с «официальной», «открытой» целью Союза благоденствия. Вторая часть устава была написана Н. И. Тургеневым и определяла «скрытую», «сокровенную» цель «Восстановленного Союза благоденствия» — ограничение самодержавия в России путем «действия на войска». Об этой главной цели знали только руководители. Общество должно было делиться на четыре думы — Петербургскую, Московскую, Смоленскую и Тульчинскую. Однако попытка создания думы на юге была приостановлена П. И. Пестелем и его приверженцами. В марте 1823 г. в Тульчине, который и раньше назывался «Южным округом Союза благоденствия», было создано Южное общество, состоявшее только из офицеров двух групп — штабных офицеров и «самостоятельных начальников» (от командира батальона до бригадного генерала). В то же время петербургская ветвь «Тайного общества» в апреле предприняла новую попытку восстановления Союза благоденствия. В апреле 1821 г., когда в столицу вернулся Н. М. Муравьев, было возобновлено общество, которое стало называться Северным или «Обществом соединенных и убежденных». Его руководили, стремясь расширить социальную основу деятельности общества, искали связи не только со столичным, но и провинциальным дворянством, чиновничеством и даже купечеством (см. об этом: *Бокова В. И.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 420–456; *Ильин П. В.* Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004).

Публикуемая записка отражает искажение классических принципов либеральной доктрины в общественном сознании начала 1820 г. Еще в начале XIX века под людьми с «либеральными идеями» понимали «людей с высшими взглядами о необходимости общего преобразования, конституции» (*Лубяновский Ф. П.* Воспоминания. 1777–1834. М., 1872. С. 209). В течение всех этапов истории декабризма представители даже его радикального крыла называли себя «либералами», предполагая революционными только средства для достижения обществом политических целей (*Чернов С. Н.* Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма. СПб., 2004. С. 98–118). Однако после европейских революций в восприятии широких кругов дворянского общества понятия «либерализм» и «либерал» стали синонимами «вольнодумства» и «революционера».

Безусловно, это смещение было связано с изменением правительственной позиции в отношении к социальной активности в форме тайного общества, антиреволюционной пропагандой в печати и внедрением в общественное сознание мифа о «всеевропейском революционном заговоре». Надо сказать, что Александр I мифологему о конспиративных организациях, «совершающих революции и управляемых из единого невидимого центра», использовал весьма избирательно

и в той мере, насколько это было связано с интересами российской внешней политики. В большей степени политические выгоды, чем страх перед «призраком революции», заставляли императора стать вдохновителем военного вмешательства в дела Испании во время революции кортесов и подписать антиреволюционные протоколы на конгрессах Священного союза в Троппау и Вероне в ноябре 1820 г. и 1822 г. (об этом см.: *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 190–192).

Тем не менее, «воюя» с революцией в Европе и зная о Союзе спасения и Союзе благоденствия еще с 1817–1818 г., Александр I не обращал должного внимания ни на одно из российских тайных обществ. По словам Николая I, только в последний период жизни к Александру Павловичу пришло горестное сознание того, что «заговорщики» опасны и «их замыслы все еще продолжались, и что в какой-либо день они могут поставить страну и правительство в очень опасное положение» (цит. по: *Александаренко В.* Россия и Англия в начале царствования императора Николая I: (По донесениям английского посла лорда Странгфорда) // Русская старина. 1907. Т. 131. № 9. С. 533). Начались усиленные поиски связей и документов тайного общества, но не находилось ни того, ни другого. Между тем не только подозрительность и опасения Александра I росли с каждым днем, но в целом произошла определенная трансформация его восприятия сущности и значения либерализма, а также отношения к деятельности тайных обществ. «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно, как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии, — писал Александр I в собственноручной записке, относящейся к 1824 г. и найденной в кабинете императора уже после его смерти. — Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, граф Гурьев, Дм. Столыпин и многие другие из генералов, полковых командиров, сверх того большая часть разных штаб- и обер-офицеров» (Русская старина. 1883. Т. 40. С. 659–660). По распоряжению Николая I 18 марта 1826 г. копия с императорской записки была отправлена Константину Павловичу в Варшаву для выяснения обстоятельств ее написания и адресованности. В своем ответе на запрос И. И. Дибича цесаревич писал, что давно знал о ее существовании, и указывал, что она предназначалась графу А. А. Аракчееву или князю А. Н. Голицыну (автограф записки и документы, связанные с историей ее написания, хранятся в фонде Военно-ученого архива РГВИА: Ф. 846. Оп. 10. Д. 1, 5). Но если это было действительно так, то вплоть до декабря 1825 г. никаких следов решительных действий самых влиятельных сановников империи против «возмутителей спокойствия» не обнаруживается.

1. Имеется в виду подавление войсками союзных государств революций в Неаполе, Пьемонте, Испании. Секретные протоколы Священного союза законодательно закрепляли право вмешательства во внутренние дела государств-субъектов Союза в обстановке революционной ситуации и антиправительственных движений (Внешняя политика России: Документы и материалы. М., 1978. Т. 12. С. 591).

Подготовка текста и комментарии Т. В. Андреевой

[Лонгинов Н. М.]
История о болезни и последних минутах жизни императора Александра, основанная на подлинных сведениях

Получено в Уилтоне 18 января н. с. 1826 г.[a]

Путешествие в Крым, которое должно было стать столь гибельным по своим последствиям, было как нельзя более приятным для сего августейшего государя. После несносных дождей и тумана 20 октября день был великолепный; император выехал из Таганрога в 8 часов утра[1]. Уже в 100 верстах от города дорога стала вполне сухой, и изрядно пылило. По прибытии в Крым, 25 и 26 октября император провел на его южном берегу, которым он был настолько очарован, что распорядился приобрести земли Ориадны, где он хотел построить дворец по проекту архитектора Эльзона, который предназначал его паче всего для этих владений. 27-го император покинул Алупку, простившись с графом В[оронцовым][2] на три недели, с которым он вновь должен был встретиться в Таганроге. В Балаклаве император побывал у Ревелиотти, где ел мало, находя его кухню мало подходящей для себя[3].

К вечеру он оставил всю свиту дожидаться себя на большой дороге, а сам в одиночестве верхом ездил осматривать монастырь Св. Георгия. Он не хотел, чтобы кто-либо его сопровождал, и отказался взять с собой бурку, несмотря на то, что погода переменилась. Подул холодный ветер, который принес с собой туман и сырость. Под лучами ветер стал теплым только наутро. Чтобы прибыть в монастырь, надобно было спуститься в пропасть и затем карабкаться наверх. Для императора это имело роковые последствия, поелику именно там он и простудился[4].

Прибыв в Севастополь для ночлега, утром император осматривал город, больницы, казармы и проч. В некоторых из них было натоплено до духоты, в других, напротив, едва отделанных, не было окон, и внутри дул пронизывающий ветер. Прямо из натопленной казармы император, оставаясь в мундире и отказавшись надеть шинель, в шлюпке направился на военный корабль. По прошествии некоторого времени он высадился на берег и завтракал там вместе с адмиралом Грейгом[5] под тентом. После полудня он посетил остальную часть города. И 29-го числа обследовал арсеналы, порты и проч. Поелику император ничего не хотел принять от насморка, состояние его здоровья ухудшалось день ото дня, тем более что он совсем не берег себя, особливо в Бахчисарае, где он ездил по окрестностям на лошади[6].

1 ноября в Козлове, 2-го числа в Перекопе он чувствовал себя не совсем здоровым; 3-го в Орехове ему уже было хуже[7]. Погода в то время была изрядно скверной. Несмотря на это, поелику епископ Екатеринославский[8] оказался там, чтобы его встретить, император вышел из дома и направился в церковь. 4-го он был в дороге вместе с несколькими офицерами-казаками, которых пригласил затем к себе на обед. Вечером, после того как чувствовал озноб в течение всего дня, в Мариуполе император выпил стакан горячей подслащенной воды, говоря, что

[a] Помета на полях рукописи.

этого ему достаточно. На шинель ему накинули шубу, по каковой причине на следующий день император чувствовал себя сносно[9].

5-го ноября государь приехал из Мариуполя в Таганрог, чувствуя постоянный озноб. В 6 $^{1}/_{2}$ часов вечера он прибыл во дворец и лег спать как обычно, дважды выпив только зеленого чаю[10]. На следующий день я видел его в 10 часов выходящим из покоев Ее Величества императрицы на пути к себе; он показался мне разгоряченным от ветра и поездки; но вскоре я узнал от Ее Величества, что, по ее мнению, у императора крымская лихорадка. Все утро он занимался огромным числом бумаг, скопившимся у него на бюро. Император обедал с Ее Величеством, но не весьма существенно. Когда мы обедали, лакей принес записку г-ну Вилье[11], из которой явствовало, что император лег отдохнуть, и, по-видимому, лихорадка не отпускает его. Вилье тотчас же отправился к государю и вернулся к концу обеда недовольным состоянием здоровья императора, который, однако, согласился вечером принять легкое слабительное в виде пилюль[12]. 7-го Ее Величество сказали мне, что императору лучше. К вечеру он вновь почувствовал лихорадку и приписывал ее снадобью, о котором более и слышать не хотел. Ночь император провел дурно, а 8-го с раннего утра к нему был призван Штофреген[13]. Не без труда обоим врачам и Ее Величеству удалось добиться того, чтобы к обедне государь не выходил, хотя день был не только воскресным, но и праздничным. Вечером в Петербург отбыл курьер, который повез последнее письмо императора, а при нем официальные бумаги; все их велено было датировать 6 ноября[14].

9-го утром состояние больного было лучше, но лекарства не оказывали своего действия. Вечером усиление лихорадки убедило всех, что это отнюдь не обычная лихорадка, но сильная, перемежающая и желчная. Ночь больной император провел весьма дурно; но утром 10-го наступило улучшение. Врачам удалось расслышать, как император сказал: *«Надобно принять в соображение состояние моих нервов, кои слишком расстроены, и после этого врачам не о чем будет заботиться»*[b]. Слова сии явились доказательством того, что императора занимали какие-то неприятные мысли[15].

11-го я снова узнал, что императору утром было лучше, но что прошлой ночью лихорадка не на шутку усилилась. Его Величество продолжали настаивать на том, что речь идет о крымской лихорадке, тогда как на самом деле это было нечто другое. 12-го день прошел довольно сносно, но вечером усиление лихорадки было слишком резким и представляло большую опасность. 13-го утром наступило облегчение, поелику средства, принятые накануне в виде пилюль, оказали свое действие и выгнали немало желчи. Предложение о кровопускании не было принято императором. Летаргическая дремота, сопровождавшаяся затрудненным и прерывистым дыханием, а также мучительными судорогами, указывала на то, что требовались лекарства более действенные, чтобы ослабить наступающую болезнь. Ночь прошла ужасно, и страхи за здоровье императора усиливались по мере того, как усиление лихорадки становилось все более и более жестоким[16].

14-го врачи, уже исчерпавшие все возможные в таких случаях средства, были близки к отчаянию, а все остальные присутствовавшие при том были взволнованы

[b] Выделено автором.

и полны опасений. Император продолжал отказываться от всех без исключения лекарств. Все мы выслушивали жалобы и самые настоятельные просьбы императрицы, делаемые с редким красноречием и возвышенным чувством, дабы побудить его позволить приставить себе к голове пиявки и принять предлагавшиеся снадобья, поелику состояние императора того требовало. Все мы заливались горькими слезами, слушая эти речи и твердый отказ императора, который говорил, что от этих, уже принятых лекарств, с ним и приключилась лихорадка и расстройство нервов; что он всегда и во всем надеялся на Бога, видя в том священный свой долг, и полагался на дарованное им крепкое сложение. Все врачи были в отчаянии, и Вилье плакал с нами в соседней комнате. С тех пор сон императора был одной лишь беспокойной и часто прерывающейся дремотой. Врач Рейнхольд[17], который находился рядом с ним в ночь с 13 на 14 число, говорил мне, что, войдя первый раз в комнату августейшего больного, он отметил про себя следующие симптомы, а именно, что голова его была поникшей, и положение тела — неестественным. Дремотное состояние выражалось более резко и носило летаргический характер; но вечером усиление лихорадки было столь жестоким, что императрица просила напомнить императору о необходимости исполнить долг христианина, что было встречено с радостью[18].

15-го в воскресенье, в 5 $^{1}/_{2}$ часов утра к императору был призван священник собора Федотов[19]. Государь исповедовался и приобщился Св. Тайн с восхитительным и трогательным умилением. Священник сказал ему, что сама религия требует ничем не пренебрегать ради собственного здравия и не подвергать опасности существование, дарованное Богом. Император обещал подчиниться сему требованию[20]. Когда при моем пробуждении я узнал о том, что только что произошло во дворце, я тотчас же направился туда. К голове императора было приставлено тридцать пиявок. Действие сей операции было ощутительным, но ожидать благополучного исхода было уже слишком поздно. Князь Волконский[21] чувствовал себя плохо и едва передвигался, угнетенный печалью. Штофреген говорил, что только могучее сложение императора могло сопротивляться случившемуся утром припадку, когда он уже думал, что император вот-вот испустит последний вздох. После краткого облегчения, во время коего император спросил августейшую свою супругу, не выйдет ли она подышать воздухом, и, получив отрицательный ответ со ссылкой на неблагоприятную погоду, которая на самом деле не была такой плохой, он вновь погрузился в дремоту или, скорее, в состояние тревожной нечувствительности. Горчичники, приложенные к обеим его рукам, привели императора в сознание и вызвали с его стороны горестные жалобы: «*Не мучьте меня!*»[c]. Его оставили в покое, и он вскоре вновь впал в забытье. Дыхание его было затруднено, и свинцово мертвенная бледность легла на черты императора, в коих еще проглядывали та милость и доброта, что столь хорошо обрисовывали его душу. После полуночи он, казалось, получил облегчение, но усиление лихорадочного состояния сопровождалось признаками приближающейся смерти. И действительно, по мере того, как самая степень этих припадков все усиливалась, они исчерпали силы, таившиеся в этой болезни. Император провел весь тот день в состоянии нечувстви-

[c] Выделено автором.

тельности столь полной, что горчичники оставались на обеих его ногах 10 часов, и он не чувствовал их, разве что к вечеру он пожаловался на боль, каковую они ему причиняли. Нам казалось, что голова его частично парализована, особливо глаза, а также язык, однако он пришел в сознание к 11 часам вечера. Император узнал императрицу, улыбнулся ей и сказал несколько слов, сжав ей руки и трогательно поцеловав их; затем он попросил мороженого с лимоном, которое ему тотчас же было подано. После полуночи он снова впал в расслабленное состояние, а к утру как обычно имело место усиление лихорадки[22].

17-го утром к затылку императора был приложен нарывной пластырь. В течение некоторого времени он ничего не чувствовал, но потом начал жаловаться, испуская вздохи. Через несколько мгновений он вновь призвал императрицу и сжал ей руки; с Ее Величеством он заговаривал несколько раз. Голос императора был слабым и прерывистым. Внезапно он произнес окрепшим и почти обыкновенным для себя голосом: «*Какая прекрасная погода!*»[d]. Действительно, погода стояла великолепная. Это призрачное состояние улучшения продолжалось более 2 часов и воскресило наши надежды, хотя он испытывал страдания, когда дотрагивались до пластыря или когда он шевелился. Вечером, однако, болезнь, очевидно, распространилась далее, и императрице вынуждены были объявить, что все средства исчерпаны. Были минуты, когда император уже, казалось, испустил дух, и наступили судороги. Однако к 1 часу после полуночи государем овладело тихое дремотное состояние[23].

18-го, рано утром, имело место усиление лихорадки, сопровождавшееся теми же беспокойствами и страхами, тем более основательными, что слабость августейшего больного распространилась до безнадежной степени. Священник находился здесь же и читал отходную. В 9 часов позвонили настенные часы, и император посмотрел на них глазами, еще полными жизни! Его взгляд встретил горячо любимый предмет — то была императрица! Он улыбнулся ей, еще раз сжал ей руки и поцеловал их. Увы! Более он уже не говорил! По движению его губ некоторое время догадывались, что он хотел сказать. Никакого более звука не донеслось из его уст. К вечеру судороги в различных участках головы, в частности в глазах, с каждым мгновением обнаруживали приближение конца существа, толико притягивавшего внимание и любезного всей России. Дыхание являло собой лишь приглушенный храп. Стоны и плач наполнили стены дворца. Позднее, однако, вновь наступило спокойное облегчение, черты его лица, за исключением рта, который оставался открытым, приняли свой обыкновенный вид; император опять узнал императрицу и свидетельствовал ей все те же знаки нежного отношения. Его взгляд остановился на человеке, видеть которого было для него непривычным — на докторе Добберте[24], исполнявшим свои обязанности при нем во время дежурства. Взгляд императора был полон любопытства и удивления. Наверное, он хотел спросить его о причинах его присутствия, но поелику не мог этого сделать, то и вскоре закрыл глаза. Блеснул слабый луч надежды, и лакей императора Анисимов уже был убежден, что он «выбаливается» и будет здоров, выражение характеристическое, но, к несчастью, не сбывшееся. Поелику император более ничего не

[d] Выделено автором.

говорил, то ему сделали два клистира из бульона со смоленской крупой. После этого на несколько часов установилась тишина; наступило более глубокое забытье. Но оно не было продолжительным. С наступлением полуночи лихорадка вновь усилилась[25].

В четверг, 19 ноября, день навсегда прискорбный, припадок сменился длительной агонией. К дыханию примешивались стоны, которые служили указанием на страдания больного, и икота предвещала близкую смерть. Дыхание становилось все более учащенным; пять раз оно совершенно прекращалось, и столько же раз оно возобновлялось опять. В 10 $^{3}/_{4}$ часа император испустил последний вздох[26] в присутствии императрицы, которая оставалась одна в молитвах перед своим августейшим умирающим супругом. Она оставалась почти полчаса рядом с безжизненным телом; она и закрыла глаза и рот покойного. Кто бы мог тому поверить? Немощное и истощенное тело болезнью более, нежели опасной, окажется источником толиких сил, можно сказать нечеловеческих! Но оно заключало в себе душу великую, сильную и возвышенную! По предположенному течению событий разве можно было поверить, что она пережила бы человека сильного, крепкого и здорового, который сохранял силу своего сложения, благодаря соблюдению режима и замечательной умеренности во всем? Два часа спустя эта необыкновенная женщина находилась рядом с телом для того, чтобы слушать молитвы. Ее слезы были трогательными для всех, а ее твердая и решительная манера держаться внушала уважение. Проведя целый день в полном самоотречении от дел мира сего, она вечер провела в молитвах у тела покойного, а также утро и вечер следующего дня.

20-го, в 6 часов вечера, Ее Величество, уступив, наконец, просьбе князя Волконского, покинула дворец и переехала в дом Шахматова на то время, которое было необходимо для вскрытия тела и приведения его в порядок для выставления затем на общее обозрение. Императрица приняла решение употребить это время с тем, чтобы молиться в часовне, которая была со следующего дня устроена в покоях императора. Всякий день она направлялась в 5 $^{1}/_{2}$ часов утра к телу ее августейшего супруга. Физическое ее состояние внушало обоснованные опасения, но нравственное мужество достойно было восхищения[27].

Вскрытие имело место 20-го вечером и продолжалось ночью[28]. У императора было атлетически сложенное тело. Как и предполагалось, в голове покойного, ближе к затылку, обнаружилась вода, почти полстакана, мозг с левой стороны был почти черным, как раз в том месте, где покойный постоянно жаловался на жестокую головную боль, и артерия, что у левого виска, оказалась прилегающей к другой вене, и обе были как бы связаны вместе. Сердце по отношению к телу было скорее небольшим, а вокруг него скопилась жидкость, которая могла образоваться там еще до болезни; все это дает основание предположить, что император в течение некоторого времени чувствовал болезненное сердцебиение. Печень не представляла собой ничего особенного; но, будучи слишком распластанной, она была залита желчью, несмотря на сильное выделение желчи, вызванное применением лекарств 15-го и 16-го ноября. Почки были словно окаменевшие, но окостенение еще не наступило, однако они находились в хорошем состоянии, как и прочие внутренние органы. Таковы были факты о тех скорбных событиях, каковы

лишили отечество одного из его величайших государей и отца своих подданных, факты, коих сам я был свидетелем или которые были доведены до моего сведения.

Не имея притязаний на то, чтобы дать точный отзыв обо всех подробностях касательно сего воистину общественного бедствия, ограничиваюсь здесь только главными фактами. Кроме того, я пишу не для публики, но для себя самого и своих друзей. Впрочем, журнал, который вели врачи, должен рассматриваться как единственный официальный и законный документ[29] для того, чтобы составить себе представление о постепенном течении болезни императора от перемежающейся лихорадки к желчно-перемежающейся и о превращении сей последней в нервную лихорадку или тиф. Развитие болезни было столь стремительным, что 10–12 дней было достаточно для того, чтобы разрушительным образом подействовать на сложение императора, коего вполне могло хватить на две жизни, а не на ту, которую он прожил.

Чтобы довершить эту картину несчастия, я должен отметить здесь два факта, кои доказывают предчувствие смерти, бывшее у сего знаменитого покойного. Известно было, что во всякое время он отправлялся путешествовать после того, как исполнял долг благочестия в Казанском соборе С.-Петербурга. Действительно, он ездил туда накануне своего отъезда в Таганрог. Но следующей ночью он распорядился насчет дрожек на Каменный остров в 3 часа ночи и в назначенное время приказал вести себя в Невский монастырь. Это обстоятельство поразило его кучера Илью, поелику прежде такого никогда не было. Император оставался там около 2 часов и, покидая монастырь, казался весьма взволнованным. После этого он тотчас же отправился в путешествие, из которого уже больше не вернулся! За день до отъезда в Крым, когда император был занят своими бумагами, между 4 и 5 часами вечера на Таганрог спустилась черная туча и распространила такую тьму, что государь, позвонив своему лакею Анисимову, распорядился, чтобы тот принес свечи. Но едва оные были зажжены, вновь появилось солнце. Лакей же вернулся в комнату и просил разрешения унести свечи. Император взглянул на него и сказал: *«Да, вы, верно, полагаете, что со стороны подумают, будто здесь покойник; я тоже так подумал, унесите»*[e]. На следующий день по своем возвращении из Крыма, 6 ноября, вечером, почувствовал себя плохо, он напомнил тому же лакею сие обстоятельство, добавив при этом, что его опасения могли быть весьма недалеки от действительности, поелику он чувствует себя не на шутку больным.

Мир долго еще будет вспоминать о его славе, а Россия навсегда сохранит память о его добродетелях и благодеяниях[30]. Господь вознаградит его за это в загробной жизни!

Перевод с французского С. Н. Искюля

Публикуется впервые в переводе с французского на русский язык по черновому списку, хранящемуся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН: Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 2. Д. 122. Л. 1–7об. Перевод с французского. Датируется 1826 г., согласно помете на первом листе рукописи: «Получено в Уилтоне 18 января н. с.

[e] Выделено автором.

1826». С огромной долей вероятности можно предположить, что автором данной записки является личный секретарь жены Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны Николай Михайлович Лонгинов (1779–1853). Авторство устанавливается на основании содержания документа, а также того факта, что данная записка, с приведенной выше пометой, отложилась в фонде Воронцовых. Н. М. Лонгинов, с 1798 г. служивший в Канцелярии русского посольства в Англии, был близко знаком с послом графом С. Р. Воронцовым, который после своей отставки в 1806 г. и до кончины (1832) постоянно жил в своем поместье Уилтон, на севере Англии. Именно по протекции Воронцова в 1812 г. Н. М. Лонгинов получил место личного секретаря Елизаветы Алексеевны. Сопровождая императрицу во всех ее путешествиях, он находился в ее свите и во время поездки в Таганрог и, вероятно, сопровождал Александра I в его путешествии в Крым. Следовательно, публикуемая записка является мемуарным свидетельством очевидца событий. Кроме этого, во время последней поездки императора в Крым часть пути по южному берегу его сопровождал новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов, в составе свиты которого находился коллежский асессор, с 1823 г. начальник 1-го Отделения генерал-губернаторской канцелярии, Никанор Михайлович Лонгинов, брат Н. М. Лонгинова. В фонде Н. К. Шильдера, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, имеется еще один список данного документа на французском языке, на титульном листе которого рукой Шильдера отмечено: «Бумаги, касающиеся до вступления на престол и[мператора] Николая Павловича и находившиеся у графа Николая Гурьева» (ОР РНБ. Ф. 859. К. 18. № 18. Л. 72–82 об). Граф Николай Дмитриевич Гурьев (1789–1849) — сын министра финансов Д. А. Гурьева, был полномочным послом России в Гааге, Риме, Неаполе и мог получить копию с записки Н. М. Лонгинова по своим дипломатическим «каналам». Этот «гурьевский» список на французском языке вошел в книгу Н. К. Шильдера, но без атрибуции: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 568–572.

Таганрогская трагедия не только перевернула последнюю страницу в исторической судьбе одной из самых загадочных фигур на российском троне, но и завершила определенный этап в развитии российской государственности. Эпоха Александра I — драматический период в истории России. Начавшаяся официальным либерализмом и реформаторскими поисками власти, на рубеже первого и второго десятилетия XIX в. она характеризовалась разочарованием императора в «благодетельности» форсированных преобразовательных проектов М. М. Сперанского и приостановкой реальной реформаторской деятельности. Блестящая победа над Наполеоном, казалось, продемонстрировала императору незыблемость принципа авторитарной власти и огромные возможности абсолютизма в борьбе против революции. Возвышение А. А. Аракчеева, который всячески внушал императору, что любая реформа государственного управления неминуемо ограничит права самодержца, еще более способствовало усилению охранительных тенденций в политической идеологии власти. По мнению Аракчеева, авторитаризм являлся наиболее удобным механизмом осуществления реформ. Хотя авторитет Александра I в посленаполеоновские годы сильно возрос в России и за границей, государь не спешил с реализацией либеральных преобразований и придерживался весьма

осторожного курса. Пытаясь уничтожить противоречие и найти компромисс между старой государственной системой и новыми потребностями жизни, император все более убеждался, что гармоничное равновесие возможно лишь в объединении Европы против революционной опасности и умеренном государственном либерализме. Для Александра I идеалом было «сочетание формы правления, которого требует нынешнее время, с правилами порядка и дисциплины, которые только и могут обеспечить прочность учреждений» (Рескрипт Александра I генерал-лейтенанту П. А. Шувалову. 10 апреля 1820 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел. Серия вторая. Т. 3. С. 347). Тем более что национально-патриотические настроения, вызванные военными победами этой знаменательной эпохи, находили различное выражение. С одной стороны, они проявлялись в недовольстве гвардейской молодежи, т. е. будущих декабристов, внутренней и внешней политикой правительства. А с другой — в борьбе консервативной аристократии и большинства дворянского общества с «французской заразой», под которой понимались не только «ужасы» революции, но и западноевропейские либеральные модели. Таким образом, послевоенные годы стали перерывом в процессе превращения России в «законную» монархию и дальнейшего движения в сторону крестьянского освобождения.

Но уже 1816–1819 гг. продемонстрировали, что осознание внутренней, глубокой связи Европы и России, а главное — опасности ее социально-экономического и политического отставания и необходимости его преодоления, присуще как передовому общественному мнению, так и самому императору и его ближайшему окружению. В эти годы по повелению Александра I велась работа над созданием Российской конституции в Канцелярии Н. Н. Новосильцева. Известными сановниками империи — В. П. Кочубеем, П. Д. Киселевым, Н. С. Мордвиновым, А. А. Аракчеевым, Д. А. Гурьевым, Е. Ф. Канкриным — были написаны (по собственной инициативе, но чаще по приказу императора) проекты ликвидации крепостного права на всей территории страны. В большей или меньшей степени радикальные они олицетворяли главную идею эпохи — необходимость перемен.

1820 год стал переломным для России. Широкое распространение западных либеральных идей в обществе и армии, а также революционные события в Европе способствовали усилению консервативных тенденций в политическом мировоззрении Александра I, на которого все большее влияние оказывала победившая в сановной среде концепция самобытного развития страны. После конгресса в Троппау (ноябрь 1820 г.) император не сомневался, что кардинальным преобразованиям в таком отсталом (в политическом и социальном аспектах) государстве, как Россия должен предшествовать долговременный и основательный подготовительный этап, обеспечивающий эволюционное движение вперед и охрану от революционных потрясений. Политический и жизненный опыт подсказывал ему, что следует укрепить самодержавие и, не жертвуя полнотой власти, подготовить реформы в финансовом и идеологическом аспектах. Однако к этому времени Александр I уже не имел ни политических, ни физических, ни духовных сил, чтобы возобновить реформаторский процесс. Потрясенный восстанием Семеновского полка и открытием деятельности тайного «злоумышленного» общества в России, которое имело планы цареубийства и ждало благоприятного момента, чтобы

начать мятеж, император уже не думал о реформах. В свою очередь, именно отказ Александра I от конституционной дипломатии в Европе и от реформирования России «на либеральных установлениях» приводил к тому, что император не стремился решить проблемы, а «убегал» от них.

По мнению современников, в последние годы жизни у Александра Павловича возникло, постоянно усиливаясь, разочарование жизнью, и в нем с каждым годом «гасла сила и охота к управлению государством». Впечатление о стремлении императора отойти от правительственных дел, уклониться от них или затянуть решение важнейших вопросов последнего периода царствования — реформ, деятельности тайного общества и престолонаследия — прослеживается во взглядах частных лиц и высказываниях государственных деятелей (Материалы, собранные Н. К. Шильдером о смерти Александра I: ОР РНБ. Ф. 859. К. 7. № 7; Из бумаг, доставленных Н. К. Шильдеру гр. Э. Чапским в 1892 г.: Там же. К. 18. № 14. Л. 49–53). И совсем не случайно, как отмечали современники, после 1820 г. царь слишком часто совершал продолжительные и неоднократные поездки в Европу и по России. В этом, по их мнению, выражалась та моральная депрессия, в которой он находился на закате жизни. «Потеряв главные устои своего мироощущения, он точно не находил себе места, постоянно передвигаясь.» (Из рассказов, записанных Н. С. Голицыным от П. А. Тучкова: Там же. Л. 61). Только с середины 1820 по октябрь 1824 г. Александр I посетил неоднократно Варшаву, Троппау, Вену, Лайбах, Женеву, Вильно, Буду, Верону, Венецию, Баварию, Богемию. Ежегодно — с ранней весны до поздней осени — император путешествовал по внутренним губерниям империи. В конце лета 1824 г. началось последнее продолжительное путешествие по России — через Псковскую, Смоленскую, Тверскую, Московскую, Тульскую, Симбирскую губернии в Самару, Оренбург, Уфу, на Урал-Златоустовский завод и Екатеринбург; обратный маршрут — через Пермь, Вятку, Вологду, Череповец, Новгород, Петербург. 25 октября 1824 г. Александр вернулся в Царское Село. Судя по воспоминаниям лейб-хирурга Д. К. Тарасова, на конец 1825 г. было намечено путешествие в Сибирь до Иркутска и было приказано «заняться осмотром дорог и составлением подробного маршрута» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 355).

Лето 1825 г., по свидетельству большинства мемуаристов, освещающих последний период жизни Александра I, для императора было омрачено доносом И. В. Шервуда и все более ухудшающимся состоянием здоровья Елизаветы Алексеевны. По совету врачей было решено, что предстоящую зиму императрица, у которой развивалась чахотка, проведет в благоприятном южном климате. Очень долго император не мог решить, отправится ли его супруга в южную Францию, как предлагали врачи, или на юг России. Наконец, царь назначил местом пребывания государыни Таганрог. Между тем личные врачи императрицы, лейб-медики К. К. Штофреген и И. Ф. Рюль, были против этого решения, считая, что город слишком удален от основных путей сообщения и от обеих столиц. Елизавета Алексеевна своим решением положила конец этим прениям, объявив, что поедет только в Таганрог, который, как она говорила, «по внутреннему убеждению своему предпочитает Крыму». Однако все приготовления к этому путешествию были отмечены, по словам того же лейб-хирурга Д. К. Тарасова, «каким-то особенным

чувством тревоги и в то же время равнодушия». Никто не знал, на какой срок императрица уезжает в Таганрог, и будет ли император ее сопровождать постоянно или отправится в свое очередное путешествие по России или поездку за границу (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 101). Было лишь известно, что, согласно маршруту, утвержденному царем 8 августа 1825 г., Александр Павлович должен был сначала посетить Нижнюю Волгу — Царицын, Черный Яр, Астрахань, затем проехать степями к Азовскому морю, а оттуда — в Таганрог. Составление маршрутов по этому плану было поручено офицерам Главного штаба — П. А. Тучкову, Н. И. Шенигу и Кожевникову. Отъезд Александра был назначен на конец августа – начало сентября, а вслед за императором, через несколько дней, должна была отправиться в путешествие на юг и императрица. Главой Свиты царя был назначен начальник Главного штаба, генерал-адъютант барон И. И. Дибич, а Елизаветы Алексеевны — генерал-адъютант князь П. М. Волконский.

Итак, Александр I покидал свою столицу и, как оказалось, навсегда. Его отъезд сопровождался обычными посещениями, которые, однако, после смерти императора воспринимались современниками как предзнаменование его неожиданной кончины (см. наст. изд., с. 60). Накануне отъезда, 30 августа 1825 г., император посетил Казанский собор, а на следующий день — Александро-Невскую лавру, где принял благословение на предстоящее путешествие митрополита Петербургского Серафима, затем простился с могилами своих предков в Петропавловском соборе. 1 сентября в 4 часа утра император выехал из Петербурга в Царское Село. Около городской заставы приказал своему кучеру Илье Байкову остановиться, привстал в коляске и долго в задумчивости смотрел на спящий город, как бы прощаясь с ним. Кроме этого, интересна и еще одна подробность, о которой упоминает Н. К. Шильдер в неопубликованных материалах: император взял с собой в Таганрог церемониал погребения императрицы Екатерины II. Была ли эта случайность? Или Александр Павлович, видя, как ухудшается здоровье Елизаветы Алексеевны, или имея какие-то свои личные намерения, позаботился о траурном церемониале? Ответы на эти вопросы царь унес с собой в могилу (Материалы, касающиеся легенды о старце Федоре Кузьмиче и «белой монахине»: ОР РНБ. Ф. 859. К. 18. № 14. Л. 6).

В 8 часов утра того же дня император выехал по Белорусскому тракту из Царского Села, собираясь объехать Москву, чтобы избежать утомительных церемоний. Кроме И. И. Дибича его сопровождали лейб-медик Я. В. Виллие, лейб-хирург Д. К. Тарасов, вагенмейстер полковник А. Д. Соломко, директор Канцелярии начальника Главного штаба Ваценко, капитаны А. Г. Вилламов и Н. М. Петухов, гоффурьер Д. Г. Бабкин, капитан фельдъегерского корпуса Ж. Годефруа, метрдотель Ф. И. Миллер, камердинеры Анисимов и Федоров и четыре лакея. 13 сентября 1825 г. вечером государь благополучно приехал в Таганрог, а через 10 дней в императорскую резиденцию прибыла императрица Елизавета Алексеевна. Для ее встречи Александр Павлович выехал на первую за городом станцию, а по приезде супружеской четы во дворец «все свитские» заметили, что провинциальное уединение возобновило их прежние теплые взаимоотношения. По словам одного из современников, П. А. Тучкова, «это было как бы предсмертное примирение двух венчанных супругов» (Из рассказов, записанных Н. С. Голицыным от

П. А. Тучкова. Л. 62 об). Под влиянием «нежной любви со стороны мужа», как отмечали окружающие, Елизавета Алексеевна «стала оживать и состояние ее здоровья с каждым днем становилось все лучше» (Письмо князя П. М. Волконского Г. И. Вилламову от 23 сентября 1825 г.: ОР РНБ. Ф. 859. К. 37. № 16. Л. 6; Император Александр I на юге России. Письма инспектора Таганрогского карантина Константина Карловича Гирса к его брату Карлу Гирсу // Русская старина. 1888. № 11. С. 389–392).

Однако таганрогская идиллия была вскоре омрачена известием о трагедии, происшедшей в Грузино, где 10 сентября 1825 г. дворовые графа А. А. Аракчеева убили его любовницу Н. Ф. Минкину. 22 сентября император получил письмо от Аракчеева с описанием случившегося. Неделей же раньше генерал от артиллерии, начальник всех военных поселений России передал все дела, без уведомления об этом царя, генералу Эйлеру «по тяжкому расстройству здоровья» из-за случившегося. Кроме этого, Аракчеев приказал все письма, приходящие на его имя, отправлять императору в Таганрог, а ему «ничего не присылать». Поэтому, когда провокатор И. В. Шервуд, встретив в Курске члена Южного общества Ф. Ф. Вадковского, войдя к нему в доверие и узнав о программе, составе и целях организации, послал сообщение с информацией о заговоре на цареубийство Аракчееву, тот даже не видел этого отчета. Не вскрывая пакет, генерал тотчас отправил бумаги в Таганрог на имя Александра I.

В это время Александр Павлович, пользуясь своим пребыванием на юге России, 11 октября 1825 г. отправился из Таганрога в столицу области войска Донского — Новочеркасск. И лишь в дороге император вручил И. И. Дибичу пакет от Аракчеева, приказав генералу послать в помощь Шервуду полковника Лейб-гвардии Казачьего полка С. С. Николаева. Проведя несколько дней в Новочеркасске, царь отправился в станицу Аксайскую, расположенную на берегу Дона, а оттуда — в греческую колонию Нахичевань, где остановился на ночлег. На следующий день император поехал в Ростов и вернулся в Таганрог лишь 15 октября. Через три дня состоялась встреча прибывшего в императорскую резиденцию начальника военных поселений Херсонской и Екатеринославской губерний генерала от кавалерии графа И. О. Витта. Еще в августе 1824 г. Александр I поручил ему важное задание вступить в тайное общество, о котором императору донесли, с разведывательной целью. Для этого Витт через служащего при нем и завербованного им чиновника особых поручений А. К. Бошняка вступил в переговоры с членами тайной организации (а это было Южное общество) В. Н. Лихаревым и В. Л. Давыдовым. Однако по совету одного из директоров Союза А. П. Юшневского, заподозрившего что-то неладное, всяческие переговоры с генералом были прекращены, и он так и не был принят в общество. Сведения же, собранные Виттом, в соединении с доносом Шервуда открывали возможность пресечения деятельности тайного общества на юге России. Однако по приказу императора Витт и Шервуд должны были лишь продолжить свои наблюдения. По мнению последнего, именно политическая недальновидность Александра I сыграла трагическую роль в событиях в столице и на юге в декабре 1825 – январе 1826 г.: «Если бы не было этого промедления, а действия правительства были более активны, то никогда возмущения гвардии 14 декабря на Исакиевской площади не случилось, и затеявшие бунт

были бы заблаговременно арестованы» («Исповедь» Шервуда-Верного // Исторический вестник. 1896. Т. 6. Январь. С. 66–85; об этом же писал С. Н. Глинка, см.: *Глинка С. Н.* Об обществах европейских и судьбе моего отечества: Шестой период царствования Александра Первого от 1818 года до 1825 // Наст. изд. С. 118–121. Об истории доносов на тайные общества декабристов и причинах отказа Александра I от открытого судебного преследования членов антиправительственных организаций см.: Дневник полковника С. С. Николаева // Воля России. 1925. Т. 12. С. 48–58; *Сыроечковский Б. Е.* Записка А. К. Бошняка // Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 195–203, 217–225; *Троцкий И. М.* Жизнь Шервуда-Верного. М., 1931; III-е Отделение при Николае I. Л., 1990. С. 75–230; *Федоров В. А.* Доносы на декабристов (1820–1825 гг.) // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1985. Вып. 4. С. 130–151; «Своей судьбой гордимся мы». Следствие и суд над декабристами. М., 1988; *Андреева Т. В.* Александр I: 1825 год // 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. СПб., 1997. Вып. 1. С. 63–75; *Шешин А. Б.* К истории доносов на тайное общество декабристов // Там же. СПб., 2004. Вып. 6. С. 291–307; *Севастьянов Ф. Л.* Процесс по делам о государственных преступлениях в России в первую четверть XIX в. // Там же. С. 308–334; *Коржов С. Н.* К истории провокации И. В. Шервуда. Критический анализ «Исповеди» Шервуда-Верного и реконструкция его агентурно-провокаторской деятельности // Там же. СПб., 2005. Вып. 7. С. 215–296).

Между тем, Александр Павлович, которому казалось, что он «убежал» от проблем и своими запоздалыми действиями сделал все необходимое для пресечения деятельности тайного общества на юге России, по рассказам очевидцев, прекрасно проводил время в Таганроге. «Император гуляет ежедневно, несмотря ни на какую погоду, поутру с 7 часов до 10 в саду или по улицам города, затем катается верхом или едет в крытых дрожках или коляске, с государыней, а после обеда они катаются снова вместе до 6 часов. Они живут вместе в прекрасно устроенном доме; рассказывают, что по вечерам императрица постоянно играет на фортепьяно, а император сидит возле нее и поет. Он так оживлен здесь все время, что окружающие просто не узнают его.» (Письма инспектора Таганрогского карантина Константина Карловича Гирса к его брату Карлу Гирсу. С. 391; см. также: Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине Александра Павловича, оставшиеся после смерти генерал-вагенмейстера Главного штаба Афанасия Даниловича Соломко, состоявшего безотлучно при Александре I с 1814 по 1825 гг. СПб., 1910. С. 33–34).

Видя улучшение здоровья Елизаветы Алексеевны и согласившись на уговоры прибывшего в Таганрог во второй половине октября новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, император решил совершить путешествие в Крым, которое стало последним в его жизни. Маршрут был рассчитан на 17 дней, а сопровождать царя должны были генерал-адъютант князь П. М. Волконский, генерал-адъютант барон И. И. Дибич, врачи Я. В. Виллие и Д. К. Тарасов, полковник А. Д. Соломко и, вероятно, личный секретарь Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинов. Именно с этого момента начинается рассказ Николая Михайловича о последних днях жизни Александра I в записке, впервые в русском переводе вводимой в научный оборот в настоящем издании.

1. Эта дата расходится с указаниями некоторых современников и историков (О кончине императора Александра Павловича. Письмо Таганрогского градоначальника П. А. Папкова к флигель-адъютанту генерал-майору Н. Д. Дурново. 23 ноября 1825 г.: РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5; Последние дни жизни государя императора Александра Первого. СПб., 1827. С.10; *Николай Михайлович*, *вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Пг., 1914. С. 335), считавших, что император выехал из Таганрога 23 октября. Согласно же свидетельству очевидцев событий, Александр I отправился в свое предсмертное путешествие в Крым именно 20 октября 1825 г. (Воспоминания И. И. Дибича: ЦГВИА. Ф. 36. Оп. 1/248. Д. 15/318. Л. 32–35; Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине Александра Павловича, оставшиеся после смерти генерал-вагенмейстера Главного штаба Афанасия Даниловича Соломко. С. 33; Последние дни жизни Александра I: Рассказы очевидцев, записанные княгиней Зинаидой Александровной Волконской // Русская старина. 1878. Т. XXI. С. 143; см. также: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 368).

2. Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) — граф, за Даргинскую экспедицию (1845) получил титул князя, в 1852 г. — светлейшего князя, генерал от инфантерии (1825), генерал-фельдмаршал (1856). В 1803–1805 гг. служил на Кавказе под командованием князя П. Д. Цицианова, в 1823 г. был назначен новороссийским генерал-губернатором и наместником Бессарабской области, с 1844 г. по 1854 г. — наместник Кавказа и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом. По должности новороссийского генерал-губернатора обязан был сопровождать Александра I в его поездке в Крым. О деятельности Воронцова на Кавказе см.: Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб., 2006.

3. Переночевав 23 октября в Мариуполе, император, действительно, прибыл в Крым 25 октября. В Симферополе он оставался целый день, осматривая военный госпиталь, богоугодные и учебные заведения. На следующий день в сопровождении своего ближайшего окружения и графа М. С. Воронцова он посетил южный берег Крыма — Гурзуф, Алушту, Ялту, где впервые увидел Никитский сад, которым был так очарован, что вновь вернулся к своей любимой идее. «Я скоро переселюсь в Крым и буду жить частным человеком, — будто бы говорил он князю П. М. Волконскому. — Я отслужил двадцать пять лет, и солдату в этот срок дают отставку.» (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 370). Отобедав в Алупке, в имении Воронцова, на следующий день император в коляске в сопровождении И. И. Дибича отправился в Балаклаву для осмотра расположенного там греческого батальона под командованием Ревелиотти (О кончине императора Александра Павловича. Письмо Таганрогского градоначальника П. А. Папкова. Л. 4; Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 111–112).

4. 27 октября проехав через Байдарскую долину (16 км — в длину и 10 км — в ширину) по совсем недавно проложенной графом М. С. Воронцовым шоссейной дороге, соединяющей Ялту и Севастополь, Александр I «остановился на дороге и осматривал верхом с двумя татарами и переводчиком Георгиевский монастырь, лежавший в пяти верстах от дороги. Уже смеркалось, и было очень холодно. Спросили: „Не угодно ли надеть шинель или бурку?“ — „Не надо!“ — сказал он и отправился, а оттуда возвратился часа через два и, оставя лошадь, сказал, что очень холодно и что он озяб, надел шинель, сел в коляску и поехал в Севастополь, куда уже прибыл в девять часов вечера» (О кончине императора Александра Павловича. Письмо Таганрогского градоначальника П. А. Папкова. Л. 4).

5. Грейг Алексей Самуилович (1775–1845) — адмирал, сын героя Чесменского сражения адмирала Самуила Карловича Грейга (1736–1788), вступившего в русскую службу в 1764 г., и отец адмирала, министра финансов (1878–1880) Самуила Алексеевича Грейга. А. С. Грейг изучал морское дело в Англии, совершил путешествие в Ост-Индию, в 1805 г. командовал морским десантом при взятии Тенедоса. Участник Отечественной войны 1812 г., в 1813 г. был назначен начальником гребной флотилии и парусных судов, отличившейся при взятии Данцига. В 1816–1830 гг. — командующий Черноморским флотом и севастопольский военный губернатор. В 1828 г. во время русско-турецкой войны принимал участие во

взятии Анапы и Варны. О нем см.: *Асланбегов С.* Адмирал А. С. Грейг: Биографический очерк. СПб., 1873.

6. 28 октября в Севастополе после утреннего приема И. И. Дибича и А. С. Грейга, а также общего представления высших военных чинов флота Александр I присутствовал на Александровской батарее при спуске на воду судна «Воробей», а во второй половине дня осматривал укрепления, находящиеся у входа в бухту Севастополя. Особое внимание царя привлек линейный 120-ти пушечный корабль «Франц I», а также морской госпиталь и казармы. Вечером император давал обед, на котором присутствовали высшие военные чины и все местное «благородное» общество. Утром 29-го числа после осмотра севастопольского порта и окрестностей города, переехав через бухту, император отправился в коляске в Бахчисарай. Он прибыл туда в 4 часа дня. Именно с этого времени, согласно свидетельствам большинства мемуаристов из его ближайшего окружения, здоровье императора стало вызывать беспокойство (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие // Русская старина. 1892. Т. 73. С. 69–78; Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 114–115; Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине Александра Павловича, оставшиеся после смерти генерал-вагенмейстера Главного штаба Афанасия Даниловича Соломко. С. 35; см. также: О кончине императора Александра Павловича. Письмо Таганрогского градоначальника П. А. Папкова. Л. 4). Усиливающееся недомогание заставило императора позвать лейб-хирурга Д. К. Тарасова и приказать ему приготовить из риса «то самое питье», какое, по его словам, «он пил в 1824 году, в январе во время горячки с рожею на ноге». Речь шла о ранении, полученном Александром I еще в сентябре 1823 г. во время общевойскового смотра, проходившего в Брест-Литовске. Во время проезда императора по фронту польской кавалерии он потребовал к себе полкового командира для того, чтобы отдать приказание; и когда тот, подъехав с правой стороны и выслушав царя, повернул назад свою лошадь не влево, а вправо, она лягнула царя в правое бедро. Несмотря на сильный удар, Александр Павлович не проявил ни малейшего беспокойства и оставался верхом до самого окончания смотра. Лишь вернувшись с маневров, он позвал Я. В. Виллие, который перевязал распухшее бедро. Почти через год, 12 января 1824 г., прогуливаясь в царскосельском парке, император вдруг почувствовал сильные признаки лихорадки с жестокою головной болью, а вскоре последовала тошнота и рвота. В тот же день Александр вернулся в Петербург. На следующий день стало еще хуже; были позваны Я. В. Виллие и Д. К. Тарасов, которые обнаружили рожистое воспаление на левой ноге императора. Горячка все более усиливалась, и 14 января 1824 г. был объявлен первый бюллетень о болезни Александра I. Целую неделю состояние царя то улучалось, то становилось хуже. Наконец, 19 января наступило облегчение, а уже 17 февраля император присутствовал на бракосочетании великокняжеской четы — Михаила Павловича и Елены Павловны (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1871. Т. 4. С. 223–261). Вероятно, вспомнив, что в 1824 г. ему помог рисовый отвар, император и в октябре 1825 г. решил воспользоваться опробованным средством. Несмотря на плохое самочувствие, 30 октября Александр поехал верхом в караимское местечко Чуфут-Кале, находившееся в нескольких верстах от Бахчисарая, а на обратном пути посетил Успенский монастырь. По возвращении в город он устроил большой обед, на который были приглашены представители татарской и караимской знати. Но после обеда он сказал И. И. Дибичу, что чувствует «некоторую слабость в желудке», которую он приписывал «прокислому барбарисовому сиропу». И все же 31 октября он выехал в Евпаторию, где посетил церкви, мечети, синагогу, казармы, карантины, а на следующий день прибыл в Козлов (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 117–119).

7. Поздно вечером 2 ноября император приехал в Перекоп. 3 ноября, согласно маршруту, он остановился в селении Знаменском, осматривая квартировавшую там артиллерийскую бригаду и лазарет. В тот же день после обеда при переезде из Знаменки в город Орехов, где царя ожидал епископ Феофил, Александр I оказался свидетелем известного трагического эпизода с фельдъегерем Н. И. Масковым, сильно его поразивший (О Н. И. Маскове

см.: Выписки Н. А. Лашкова о службе и смерти фельдъегеря Н. И. Маскова: РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 280. Л. 100–101). Д. К. Тарасов вспоминал, что, когда он сообщил царю о гибели Маскова, то заметил «в государе необыкновенное выражение в чертах лица, хорошо изученного мною в продолжение многих лет; оно представляло что-то тревожное и вместе болезненное, выражающее чувство лихорадочного озноба» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 119). Предчувствия императора вскоре оправдались.

8. Речь идет о епископе Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний Феофиле. О проезде Александра I в ноябре 1825 г. через Орехов и Севск см.: Воспоминания и автобиография Одесского протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. 1906. Т. 92. № 1–12.

9. Содержание записки в определенной мере диссонирует со свидетельствами других очевидцев событий. Еще во время пребывания в Орехове император почувствовал «необыкновенную усталость и тяжесть в голове», а при переезде из Орехова в Мариуполь на ночлеге он позвал Я. В. Виллие и сказал, что «чувствует озноб и что намерен выпить пуншу, чтобы пропотеть; выпил пуншу, укутался, но не вспотел» (О кончине императора Александра Павловича. Письмо Таганрогского градоначальника П. А. Папкова. Л. 4 об.; см. также: *Данилевский Н.* Таганрог или подробное описание болезни и кончины императора Александра I. М., 1828. С. 27). В среду, 4 ноября, прибыв в 7 часов вечера в Мариуполь, Александр уже настолько плохо себя почувствовал, что, снова позвав к себе Виллие, впервые серьезно заговорил с ним о своей болезни. Лейб-медик, осмотрев больного, диагностировал лихорадку, которую не мог пока определить — крымская или эпидемическая, т. е. тифозная (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие // Русская старина. 1892. Т. 73. С. 70).

10. В четверг, 5 ноября, в 10 часов утра в закрытой коляске, в теплой меховой шинели Александр отправился из Мариуполя в Таганрог. На все уговоры врачей остаться в Мариуполе он отвечал, что обещал императрице вернуться в этот срок. По словам таганрогского градоначальника П. А. Папкова, сопровождавшего государя, во время пути «он все засыпал и последнюю станцию едва двигался: так тяжело было ему ехать! Беспрестанно спрашивал, сколько верст осталось, но на голову не жаловался» (О кончине императора Александра Павловича. Письмо таганрогского градоначальника П. А. Папкова. Л. 4 об.). Приехав в таганрогский дворец в 6 часов 30 минут вечера, император никого не стал принимать. На вопрос Елизаветы Алексеевны о его здоровье ответил, что «нездоров, что у него уже второй день лихорадка, и он думает, что схватил крымскую лихорадку.., и он приписывал свою болезнь кислому сиропу из барбариса, который он пил в Бахчисарае, когда у него была сильная жажда» (Отрывки из записок Елизаветы Алексеевны // *Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. СПб., 1907. С. 16). Между тем Я. В. Виллие записал в своем дневнике: «5 ноября. Ночь прошла дурно. Отказ принять лекарство. Он приводит меня в отчаяние. Страшусь, такое упорство не имело бы когда-нибудь дурных последствий» (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. С. 73; см. также: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 374).

11. Виллие (Вилье) Яков Васильевич (1768–1854) — баронет, родом из Шотландии, в 1790 г. был приглашен военным врачом в Литву и Польшу. В 1806 г. приехал в Петербург и быстро приобрел широкую известность как талантливый хирург. В том же году был представлен при Дворе, получил звание лейб-медика, был назначен главным медицинским инспектором (1806–1854). С 1808 по 1838 гг. являясь президентом Медико-хирургической академии, написал «Госпитальный устав», основал Санитарную часть в армии, создал «Военно-медицинский журнал», завещал 1 млн рублей на устройство медицинского учреждения, получившего позже название «Клиническая больница баронета Вилье».

12. Утром в пятницу, 6 ноября, как обычно князь П. М. Волконский пришел в 8 часов утра к императору с докладом и спросил о его самочувствии. Александр ответил, что провел ночь хорошо, и лихорадки не было. Однако, по словам князя, «взгляд у государя был слабый, и глаза мне показались мутны. Сверх того, глухота была приметнее» (Собственный

журнал генерал-адъютанта князя Волконского во время болезни императора Александра I. 5–19 ноября: ОР РНБ. Ф. 859. К. 37. № 16. Л. 10; см. также: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 563). Об этом же свидетельствуют строчки из записок Елизаветы Алексеевны: «Он пришел ко мне около 11 часов; он был желт, имел дурной вид и казался больным... Когда он пришел к обеду, я нашла его вид еще хуже, чем утром... Ему подали суп с крупой; он его съел и сказал: «У меня более аппетита, чем я думал»; затем подали лимонное желе, которое он только попробовал и сказал метрдотелю, что он делает желе слишком сладким. Он встал из-за стола. Около 4 часов прислал за мной; я нашла его на диване; он мне сказал, что, войдя к себе, он лег и заснул, затем он хотел работать, но так утомился, что ... захотел отдохнуть... В 5 часов Федотов доложил о Виллие. Он едва услыхал, так как слух его стал особенно туг... Виллие попросил его принять лекарство, он долго отказывался... Я сзади Виллие глазами умоляла о том же. Наконец, он мне сказал: „Вы соглашаетесь с мнением Виллие?“ Я сказала: „Да!“ „Ну, хорошо“, — сказал он, и Виллие пошел делать пилюли. Они были готовы через полчаса; Виллие их нес; в это время вошел кн. Волконский. Двух пилюль не хватило, они скрылись в рукаве, где их нашли и шутили над искусным похищением» (Отрывки из записок Елизаветы Алексеевны // *Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. С. 17–19).

13. Штофреген фон Конрад Конрадович (1767–1841) — уроженец Ганновера, доктор медицины. В 1788 г., окончив медицинский факультет Геттингенского университета, Штофреген был вызван в Россию отцом, служившим военным врачом в Риге. В 1806 г. по рекомендации графа П. А. Палена был представлен императрице Елизавете Алексеевне и назначен ее личным врачом. В 1808 г. во время болезни великой княжны Елизаветы Александровны императрица доверяла только Штофрегену, который в том же году получил звание лейб-медика. Во время поездок императрицы по России и за границу личный врач всегда ее сопровождал, поэтому, когда здоровье Александра I ухудшилось, к нему был приставлен Штофреген. После смерти Елизаветы Алексеевны в 1826 г. по духовному завещанию императрицы ему была назначена пенсия. В 1833 г. Штофреген вышел в отставку, уехал за границу и умер в Дрездене 23 мая 1841 г.

14. Согласно дневниковым записям Елизаветы Алексеевны, на самом деле утром в субботу, 7 ноября, императору было гораздо лучше, и он занимался бумагами, а когда императрица попросила его меньше работать, то ответил: «Работа настолько сделалась моей привычкой, что я не могу без нее обойтись, и если я ничего не делаю, то чувствую пустоту в голове. Если бы я покинул свое место, я должен был бы поглощать целые библиотеки — иначе я бы сошел с ума» (Отрывки из записок Елизаветы Алексеевны // *Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. С. 20). Но уже ночью с субботы на воскресенье у императора поднялся жар, а в воскресенье, 8 ноября, Я. В. Виллие, наконец, дал точное определение болезни: «Это лихорадка. Очевидно, Febris gastricu biliosa; это – гнилая отрыжка, это — воспаление в стороне печени des presscordess, рвота sine vo-mitu nec dolore fortiter comprimendo, требует, чтобы premieres voies (кишки) были хорошо очищены. Надо traire печень. Я сказал Штофрегену» (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. С. 76). Все же в тот день Александр Павлович приказал отправить письмо в Петербург к императрице Марии Федоровне, однако велел сделать отправление 6 ноября и запретил писать о своем нездоровье, чтобы «не навлечь хлопот и не встревожить матушку этим известием». На что дальновидный П. М. Волконский позволил себе заметить императору, что «лучше писать правду, потому что нельзя совершенно отвечать, чтобы кто-нибудь из жителей не написал чего и это более чем скорее может всех встревожить» (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 376). Поэтому уже на следующий день (9 ноября) император с экстра-почтой разрешил послать письмо вдовствующей императрице с извещением о своей болезни, а уже 11 ноября приказал написать об этом же в Варшаву цесаревичу Константину Павловичу, вероятно, в надежде, что последний срочно приедет в Таганрог.

15. По свидетельству дневника Я. В. Виллие, в понедельник 9 ноября, Александру было «немножко легче», и он «с полной верою в Бога ждет совершенного выздоровления от

недугов», тем более, что К. К. Штофреген сообщил ему, что «болезнь можно считать пресеченной и что, если лихорадка вернется, то она примет перемеживающуюся форму» (Отрывки из записок Елизаветы Алексеевны // *Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. С. 24). Однако после смерти императора люди из его ближайшего окружения считали, что врачи должны были убедить царя принимать лекарства. «Вилье, этот подлый интересан и малодушный медик, — писал камер-гоффурьер Д. Г. Бабкин своему сыну, — не нашел искусства и духа убедить императора принимать лекарства, тешил только разным лимонадом.» (Письмо Данило Бабкина сыну Григорию Даниловичу. 20 ноября 1825. Таганрог: ОР РНБ. Ф. 859. К. 18. № 18. Л. 1). Ссылка на тот факт, что Александр I долгое время не желал принимать никаких лекарств, кроме слабительных и потогонных, часто повторяется другими мемуаристами, освещающими историю его болезни и смерти. Это было связано с несколькими обстоятельствами. По свидетельству некоторых очевидцев событий и современников, до 14 ноября император «не полагал себя в опасности», и что «болезнь могла стать серьезной, еще не думали» (Письмо П. М. Волконского Г. И. Вилламову из Таганрога. Декабря 7 1825 года: ОР РНБ. Ф. 859. К. 37. № 16. Л. 8; *Ламберт Я. О.* Записка о болезни и кончине императора Александра. Пер. с фр.: РГИА. Ф. 1643. Оп. 1. Д. 8. Л. 3). Кроме этого, возможно, отказ Александра Павловича принимать лекарства был связан с боязнью возможности отравления как со стороны членов тайных обществ, так и со стороны высшего генералитета. О подобных страхах императора не раз намекала в своих дневниковых записях Елизавета Алексеевна (Отрывки из записок Елизаветы Алексеевны // *Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. С. 23, 28). С другой стороны, запоздалое горестное осознание, что заговорщики «могут поставить страну и правительство в очень опасное положение», терзало его душу. Ведь, по словам лейб-хирурга Д. К. Тарасова, в ночь с 9 на 10 ноября от генерала И. О. Рота к Александру прибыл с секретным донесением И. В. Шервуд, которого император принял тайно у себя в кабинете и полчаса говорил с ним. После разговора Александр приказал Шервуду срочно выехать из Таганрога, «притом так, чтобы никто не мог узнать о его приезде в Таганрог». В ту же ночь Александр I потребовал к себе полковника Лейб-гвардии Казачьего полка С. С. Николаева, командовавшего отрядом донских казаков при Императорской Квартире, и коменданта Таганрога гвардии-полковника Фридерица и дал им «важное секретное повеление», приказав тотчас выехать из Таганрога. Причем «это отправление и данное Высочайшее повеление не знал даже б. Дибич» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 122). Безусловно, проблемы, связанные с деятельностью тайного общества на юге страны, чрезвычайно волновали императора, но к утру 10 ноября Александру стало хуже, был обморок, после которого он чрезвычайно ослабел. По словам Елизаветы Алексеевны, он «впал в тяжелейшую дремоту. В первый раз я увидела опасность». К вечеру было улучшение. При этом Я. В. Виллие фиксировал в своем дневнике: «Что-то такое занимает его более, чем его выздоровление, и волнует душу». Положение больного то ухудшалось, то становилось лучше. Однако как только врачи в очередной раз заговаривали с ним о применении лекарств или кровопускании, император «приходит в бешенство», и не было уже «человеческой власти, которая бы могла сделать этого человека благоразумным» (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. С. 76). «Я отлично знаю, что мне вредно и что полезно, — говорил Александр. — Мне нужны только уединение и покой. Уповаю на Всевышнего и на свой организм. Желаю, чтобы вы обратили внимание на мои нервы, так как они чрезвычайно расстроены. А в настоящее время я имею на это причины более, чем когда-либо.» (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 378). Именно сильнейшему нервному потрясению, которое было вызвано информацией о заговоре во 2-ой армии, приписывали современники не только отказ императора от применения всяческих лекарств, но и быстрое развитие болезни: «Нет ни малейшего сомнения, что <...> открытие заговора <...> имело влияние на развитие того нервного раздражения, о котором говорил государь докторам и которое внушило ему пагубное убеждение, что болезнь его главным образом нравственная, а потому медицин-

ские пособия, раздражая его больные нервы, скорее вредны для него, чем полезны» (*Дуров Н. П.* История болезни и последних минут Александра I // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 161).

16. По свидетельству очевидцев событий, 11 ноября у императора снова был обморок, но к вечеру 12 ноября стало легче. Однако с 13 ноября характер лихорадки изменился, и «из перемеживающейся она перешла в непрерывную». Я. В. Виллие записал в этот день: «Все пойдет скверно, потому что он не дозволяет, не слушает делать то, что, безусловно, необходимо» (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. С. 76; см. также: Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 123).

17. Имеется в виду Рейнгольд (Рейнхольд) Э. И. — лейб-медик, личный врач императрицы Елизаветы Алексеевны.

18. Утром в субботу, 14 ноября, император встал в обыкновенное время, в 7 часов, приказал подать себе побриться, но вдруг упал в обморок. С этого момента, по свидетельству большинства очевидцев событий, стало «видно, что болезнь императора приняла опасное направление». Он уже не мог вставать, и из уборной его перенесли на большой диван в кабинете, и все испугались отчаянного положения, в какое он впал» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 124; Письмо Данило Бабкина сыну Григорию Даниловичу. Л. 1 об.). Тем не менее, царь «отказался и даже с гневом» от принятия лекарств, даже пиявок за уши, которые Я. В. Виллие предлагал ему поставить, чтобы снять повышенное артериальное давление. Лейб-медик в этот день записал в своем дневнике: «Все очень нехорошо, хотя у него нет бреда. Я намерен был дать acide muriatique с питьем, но получил отказ по обыкновению. „Уходите“. Я заплакал, и, видя это, он мне сказал: „Подойдите, мой милый друг. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня свои причины“» (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. С. 76–77). В 9 часов вечера император потребовал к себе Д. К. Тарасова, который позже вспоминал: «При самом моем входе, взглянув на государя, я был поражен его положением, и какое-то бессознательное предчувствие произвело решительный приговор в душе моей, что император не выздоровеет, и мы должны его лишиться» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 125). Это «предчувствие» лейб-хирурга было подкреплено диагнозом личного врача императрицы Э. И. Рейнгольда, дежурившего у постели Александра Павловича в ночь с 13 на 14 октября, который заметил у императора «признаки поражения мозга и что болезнь приняла такой плохой оборот, что уже нет надежды на выздоровление». О том, что состояние императора ухудшилось, тотчас сообщили князю П. М. Волконскому, который предположил, что единственным средством склонить Александра I начать принимать лекарства может стать лишь причащение Святых Тайн. Взволнованный князь немедленно пошел к Елизавете Алексеевне, умоляя ее уговорить императора исполнить свой христианский долг. Около полуночи к Александру Павловичу вошла «весьма смущенная» императрица, которая предложила мужу «прибегнуть к врачеванию духовному». «Разве мне так худо? — спросил он. Нет, — отвечала ему Елизавета Алексеевна, — но вы отказываетесь от всяких лекарств; обратитесь же к этой помощи. – Весьма охотно! — отвечал император, и, позвав Виллие, спросил — Разве я так плох? — Да, Государь! — отвечал Виллие, заливаясь слезами. — Вы не желали следовать моим советам, теперь я обязан — не как врач ваш, но как честный человек, как христианин — сказать вам, что не должно терять ни минуты.» (цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 382). Но уже на следующий день Виллие записал: «Сегодня и вчера, что за печальная моя должность объявить ему о грядущем его разрушении» (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. С. 77).

19. По свидетельству большинства мемуаристов из ближайшего окружения императора, в воскресенье, 15-го числа, в 5 часов 30 минут утра был приглашен таганрогский соборный протоиерей Алексей Федотов. Любопытно замечание жителя Таганрога Алексея Шатова: «Удивительно, что Александр I приблизил его к себе, так как спустя даже 50 лет никто из знавших его в Таганроге не мог вспомнить о нем без некоторого содрогания как о человеке

в высшей степени грубом, бесчеловечном и даже кровожадном. При воспоминании о нем всегда прилагали эпитеты в роде „поп-изверг“, „поп-разбойник“». «Таков был приближенный собеседник и духовник одного из кротчайших людей на свете», — заметил в этой связи Н. К. Шильдер (ОР РНБ. Ф. 859. К. 18. № 18. Л. 45–46).

20. 15 ноября 1825 г. царь, прослушав молитву священника к исповеди, сказал присутствующим, что ему нужно остаться одному, и исповедался. После чего в присутствии Елизаветы Алексеевны, П. М. Волконского, И. И. Дибича, лейб-медиков Я. В. Виллие, К. К. Штофрегена, Д. К. Тарасова и камердинеров приобщился Святых Тайн. После того как отец Алексей приобщил царя, он, встав перед Александром на колени, сказал, что «уврачевал душу и просил его от Церкви и народа, чтобы он согласился врачевать тело». На что император ответил: «Если надобно, то я согласен! Теперь я вижу, что опасно болен!» (О кончине императора Александра Павловича. Письмо таганрогского градоначальника П. А. Папкова. Л. 5). По другой версии, после приобщения Александр обратился к присутствующим: «Я никогда не испытывал большего наслаждения и очень благодарен вам за него. Теперь, господа (он имел в виду врачей — *сост.*), ваше дело; употребите ваши средства, какие вы находите для меня нужными» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 127; см. также: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Т. 4. С. 382).

21. См. наст. изд., с. 48, примеч. 1.

22. По свидетельству князя П. М. Волконского ночь с 15 на 16 ноября император провел «худо и все почти в забытье. Во весь день государь был все хуже в забытьи и ничего не говорил» (Собственный журнал генерал-адъютанта князя Волконского во время болезни императора Александра I. 5–19 ноября. Л. 13). Поражение мозга, о котором несколько дней назад говорил Э. И. Рейнгольд, все более давало о себе знать; лихорадочные припадки следовали один за другим. В этой ситуации было решено немедленно поставить монарху за уши и на затылок 30 пиявок и на голову положить ледяные примочки. Но было уже поздно. Очевидцы событий в своих письмах родственникам и друзьям не раз сокрушались по поводу трагического поворота событий: «Государь во всем велик — даже во время болезни. Лекарства не принимает, все пособия отвергает. Молчит, страдает, и никто на ангельском лице его не видел ни знаку неудовольствия или нетерпения... Вчера он согласился и исполнил желание врачей, но ныне ничего не изволил принимать, и когда настоятельно просят, он говорит: „Чего вы от меня требуете! Оставьте меня в покое“» (Письмо М. Н. Соломко к матери. 16 ноября 1825. Таганрог // Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине Александра Павловича, оставшиеся после смерти А. Д. Соломко. С. 44). В тот же день Я. В. Виллие записал в своем дневнике: «Все мне кажется слишком поздно. Только вследствие упадка сил физических и духовных и уменьшения чувствительности удалось дать ему некоторые лекарства после Св. Причастия и напутствия Федотова» (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. С. 77).

23. После трудного дня 16 ноября, в течение которого император по большей части находился в бессознательном состоянии, казалось, что во вторник, 17 ноября, наступило облегчение. Жар стал менее сильным, а поставленная на затылок «шпанская мушка» или «нарывный пластырь» хорошо подействовал, и император перед самым рассветом заснул. Он проспал до 8 часов утра. Утро было прекрасное, «солнце светило во всем блеске, коего лучи падали прямо на окна кабинета государя, — вспоминал Д. К. Тарасов. — Его Величество приказал поднять оконные шторы, любовался светом солнца, которое он вообще всегда очень любил», и затем, по словам П. М. Волконского, «произнес довольно внятным голосом: „Comme il est beau!“ (Как красиво! — пер. с фр.), и попросил бузину и лимонад» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 127; Письмо князя П. М. Волконского к шталмейстеру А. Ф. Кузнецову. 10 часов утра. Таганрог 19 ноября 1825: ОР РНБ. Ф. 859. К. 37. № 16. Л. 23). Всем показалось, что наступил перелом в болезни. Елизавета Алексеевна и И. И. Дибич поспешили сообщить в столицу об улучшении состояния больного. Но уже к вечеру состояние императора стало резко ухудшаться: «Все припадки ожесточились, признаки угнетения мозга были очень очевидны и погасили всякую надежду на благоприятный исход

болезни» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 127).

24. Добберт — придворный врач.

25. Это свидетельство автора записки подтверждается показаниями других очевидцев событий. В ночь со вторника на среду, т. е. с 17 на 18 ноября, положение императора ухудшилось; он находился все время в беспамятстве. Утром 18 ноября жар еще более усилился, и, по словам П. М. Волконского, император пришел «в совершенную опасность, ничего уже не говорил, но узнавал, ибо каждый раз, как открывал глаза и видел императрицу, то, взяв ее за руку, целовал и прикладывал к сердцу» (Собственный журнал генерал-адъютанта князя Волконского во время болезни императора Александра I. 5–19 ноября. Л. 13). Любопытна еще одна деталь, о которой говорил в своих воспоминаниях Д. К. Тарасов. Когда Елизавета Алексеевна, сидя около постели больного, говорила с ним, то время от времени он «обращался взором на святое распятие в золотом медалионе, висевшее над диваном, на коем лежал больной. Святыня эта, как родительское благословение, всегда и везде сопровождала Его Императорское Величество и свято была им хранима» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 127). К вечеру император начал очень быстро слабеть и Виллие записал в своем дневнике: «Ни малейшей надежды спасти моего обожаемого повелителя. Я предупредил императрицу и князя Волконского и Дибича» (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. С. 77). В 10 часов вечера пришла в кабинет и села подле умирающего императрица, а в 11 часов 40 минут он впал в бессознательное состояние, из которого уже не вышел. В 4 часа утра, по словам Д. К. Тарасова, всю ночь проведшего рядом с умирающим монархом, «дыхание заметно стало слабее». Все приближенные, все это время стоявшие в ногах умирающего, ожидали «конца этой сцены, который приближался ежеминутно» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 127).

26. Дата и время смерти Александра I, приведенные автором записки, подтверждаются другими источниками. Судя по официальным документам — свидетельству о смерти Александра I (ЦГВИА. Ф. 35. Оп. 3/244. Д. 1712. Л. 17–18), акту о кончине императора (РГИА. Ф. 468. Оп. 39. Д. 98; опубликовано: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 375–376) и рапорту генерал-адъютанта И. И. Дибича Константину Павловичу от 19 ноября 1825 г. (Междуцарствие в России с 19 ноября по 14 декабря 1825 г. // Русская старина. 1882. Т. 35. С. 158–163; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 375, 567), а также свидетельствам очевидцев (Собственный журнал генерал-адъютанта князя П. М. Волконского во время болезни императора Александра I. 5–19 ноября. Л. 16; Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 127), Александр Павлович скончался 19 ноября 1825 г. в 10 часов 50 минут утра. «Наступило 19 ноября, — вспоминал Д. К. Тарасов. — Утро было пасмурное и мрачное; площадь перед дворцом вся была покрыта народом, который из церквей, после моленья об исцелении государя приходил толпами ко дворцу, чтобы получить весть о положении императора. Государь постепенно слабел, часто открывал глаза и прямо устремлял их на императрицу и святое распятие. В выражении лица его незаметно было ничего земного, а райское наслаждение и ни единой черты страдания. Дыхание становилось все реже и тише. Наконец в 10 ч. 50 м. утра умер». При кончине царя присутствовали князь П. М. Волконский, барон И. И. Дибич, приехавший незадолго до этого горестного события генерал-адъютант А. И. Чернышев, статс-секретарь, личный секретарь императрицы Марии Федоровны Н. М. Лонгинов, лейб-медики Я. В. Виллие, Д. К. Тарасов, К. К. Штофреген, Э. И. Рейнгольд (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 128–130).

27. Почти все мемуарные источники, посвященные истории болезни и смерти Александра I, отмечают самоотречение, духовную силу и нравственное мужество хрупкой и слабой императрицы Елизаветы Алексеевны в дни болезни и затем кончины Александра Павловича. Ее дневниковые записи, оборванные на полуслове, в самую важную минуту, включающие странные реминисценции и пророчества императрицы, на первый взгляд, создают впечатление документа, созданного или «сфабрикованного» post factum. Однако, судя по

характеру и содержанию материала, отражающего начальный период болезни императора (с 5 по 11 ноября) и передающего детали, которые невозможно придумать через какое-то время, все же трудно предположить, что они могли быть оформлены намного позже описываемых событий. Скорее всего, императрица не вела свой дневник каждый день, а обращалась к нему спустя некоторое время. Поэтому в дневнике зафиксированы ее чувства и эмоции, относящиеся к более раннему времени. Последнюю же неделю, когда положение больного монарха становилось с каждым днем все более опасным, Елизавета Алексеевна старалась как можно больше времени проводить с Александром Павловичем, поэтому не вела дневник. К тому же постоянный страх за его жизнь мало способствовал мемуарному вдохновению. Когда же наступило резкое ухудшение в состоянии Александра I, т. е. 11 ноября, Елизавета Алексеевна вовсе прекратила вести свой дневник и уже находилась при супруге неотлучно. Таганрогский градоначальник П. А. Папков писал своему другу генерал-майору Н. Д. Дурново: «Императрица была безотлучно при нем, пять суток не спала и не кушала, а когда стал кончаться, начали читать отходную, императрица все держала его руки, а когда испустил дух, то она закрыла ему глаза, подвязала платком подбородок, сложила руки, поцеловала, поклонилась и сказала: „Прощай, мой друг!“ Обратилась к образу, помолилась и пошла в свою половину; едва к себе вошла, зарыдала, но потом вскоре сказала: „Господи! Прости моей слабости!“ Ободрившись, приказала при теле служить панихиду, взяла свечу и не плакала, но скорбь ужасная видна была на лице ее». «Она ходит, стоит по целому часу подле него, — писала 19 ноября 1825 г. из Таганрога в Петербург своей матери жена А. Д. Соломко М. Н. Соломко, — ее положение опасно. Боимся, чтобы вместо одного мы двух гробов отсюда не повезли. Государыня не плачет и не стонет, она как окаменелая.» (О кончине императора Александра Павловича. Письмо таганрогского градоначальника П. А. Папкова. Л. 4; Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине Александра Павловича, оставшиеся после смерти А. Д. Соломко. С. 48). Прошло менее полугода, и 4 мая 1826 г. Елизавета Алексеевна умерла по дороге в столицу в г. Белеве.

28. 20 ноября 1825 г. было произведено анатомическое исследование тела покойного императора. На протоколе вскрытия имеются подписи: «младшего лекаря Дмитриевского вотчинного госпиталя Яковлева, штаб-лекаря Лейб-гвардии Казачьего полка Васильева, таганрогского городского врача Лакиери, придворного врача Добберта, лейб-хирурга Тарасова, штаб-лекаря Александровича, доктора медицины и хирургии Рейнгольда, лейб-медика Штофрегена, лейб-медика Виллие». Из заключения этого акта следовало, что император Александр I «был одержим острою болезнею, коею первоначально была поражена печень и прочие к отделению желчи служащие органы; болезнь сия в продолжении своем постепенно перешла в жестокую горячку, с приливом крови в мозговые сосуды и последующим затем отделением и накоплением сукровичной влаги в полостях мозга, что и было, наконец, причиною самой смерти Его Императорского Величества» (цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 573–574). На следующий день было произведено бальзамирование. «Добберт и Рейнгольд, с сигарами в зубах, — писал очевидец событий офицер Главного штаба Н. И. Шениг, — варили в кастрюльках в камине травы. Они провели в этом занятии всю ночь, с той поры, как Виллие вскрыл тело и составил протокол. Череп на голове был уже приложен, а при мне натягивали кожу с волосами, чем немного изменили выражение черт лица... Доктора жаловались, что ночью все разбежались, и что они не могут добиться чистых простыней и полотенец. Это меня ужасно раздосадовало. Давно ли все эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страх, и благодеяния... Между тем, фельдшера перевертывали тело, как куклу, и я с трепетом и любопытством имел время осмотреть его» (Воспоминания Н. И. Шенига // Русский архив. 1880. Т. III. С. 267–326). Сердце Александра I было положено в серебряный с позолотой сосуд, а внутренности — помещены в особый кивот. Герметически закрытые, позже они были положены в гроб. Снятая же гипсовая маска с покойного императора затем хранилась в Царском Селе, в кабинете Александра II. В процессе анатомического исследования и бальзамирования были выявлены раны на ногах императора, полученные им в Брест-Литовске в 1823 г. и после рожистого воспаления в

1824 г., что является неопровержимым свидетельством того, что забальзамированное тело было телом Александра I. Несколько дней оно оставалось в постели в кабинете, поскольку из Москвы ждали царские регалии. И только 27 ноября 1825 г. тело монарха, облаченное в парадный общий генеральский мундир со звездою и орденами (кроме андреевской ленты и шпаги), с возложенной на голову императорской короной, было положено в свинцовый гроб и выставлено на катафалке в тронном зале таганрогского дворца. Каждый день со дня смерти Александра греческим архимандритом совершались панихиды по усопшему, а с 1 декабря обряд стал производиться прибывшим из Екатеринославля архиепископом Феофилом (Письма П. М. Волконского к Г. И. Вилламову. 21 ноября – 29 декабря 1825 г.: ОР РНБ. Ф. 859. К. 37. № 16. Л. 16–20).

29. 3 декабря 1825 г. Я. В. Виллие записал в своем дневнике: «С экстренной почтой все документы с историею болезни посланы сегодня доктору Клинле for the Dowager Empress» (Дневник лейб-медика баронета Я. В. Виллие. С. 78). Между тем, по свидетельству одного из перлюстрированных писем, уже в декабре 1826 г. Парижская медицинская академия, проанализировав историю болезни императора, пришла к заключению, что Я. В. Виллие «лечил не основательно» (Письмо Николая Обручева Владимиру Обручеву из Смоленска в Варшаву от 10 декабря 1826 г. // Русская старина. 1882. Т. 33. С. 480). Лейб-медик, вынужденный себя реабилитировать, признавал, что болезнь Александра I была не столь опасной, но все же считал, что «на императора сильно подействовали моральные впечатления». И тем не менее все ожидали, что придворная карьера лейб-медика будет закончена. Но, по словам Д. К. Тарасова, «хитрый шотландец», который в течение некоторого времени после смерти царя демонстрировал «страшное отчаяние», как только были получены первые известия из Петербурга о восшествии на престол Николая I, тотчас выехал в столицу «вперед печальной процессии». Он был представлен новому императору и в конце 1820-х гг. практиковал как придворный медик (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 132).

30. Между тем даже императорская семья, озабоченная династическим кризисом, долгое время не занималась траурными вопросами. В Таганрог и из Варшавы, и из Петербурга почти две недели не поступало никаких распоряжений по поводу тела покойного императора. Наконец 3 декабря 1825 г. великий князь Николай Павлович, которому цесаревич Константин Павлович поручил решение всех проблем, связанных с доставкой тела Александра I в Петербург, прислал недоумевающему долгим молчанием Императорского дома П. М. Волконскому письмо, в котором просил уведомить его о решении Елизаветы Алексеевны «касательно отъезда, дороги и времени прибытия сюда» (ОР РНБ. Ф. 859. К. 37. № 16. Л. 77; *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 430). В день восшествия на престол Николая I по его приказу была создана «Печальная Комиссия» по погребению тела императора Александра I (ее председателем был назначен князь А. Б. Куракин) и объявлен траур на весь год с 19 ноября 1825 г. Организация похоронной процессии из Таганрога в северную столицу была возложена на П. М. Волконского, который через Г. И. Вилламова осведомлялся о решении Марии Федоровны относительно отпевания тела покойного. Сам князь считал, что это следовало сделать уже на месте, поскольку из-за сырого таганрогского воздуха, а также из-за долгого нахождения тела в жаркой комнате лицо императора почернело, и «даже черты лица покойного совсем изменились». В своем ответе императрица писала: «Гроба его уже не открывать». Но поскольку по желанию Марии Федоровны намечалось вскрыть гроб покойного по прибытии траурного кортежа в Царское Село, то П. М. Волконский решился, не отпевая тела в Таганроге, «снять корону с головы, дабы от дороги не повредили черепа, и для удобнейшего вскрытия свинцовый гроб не запаяли по согласию на то медиков, которые сами обложили тело травными подушками с хлопчатою бумагою» (Докладные записки Николаю I А. Б. Куракина. Дела Канцелярии Печальной Комиссии по погребению Александра I: РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 45; Там же. Д. 28. Л. 3–143; Письма П. М. Волконского к Г. И. Вилламову от 21 ноября до 29 декабря 1825 г.: ОР РНБ. Ф. 859. К. 37. № 16. Л. 32–32 об.). Поэтому когда 11 декабря 1825 г. тело Александра I из таганрогского императорского дворца было перенесено в церковь греческого Александровского монас-

тыря, то гроб уже не открывали. 29 декабря в 9 часов утра после литургии и панихиды по усопшему траурная процессия двинулась из Таганрога на север по следующему маршруту: через Харьков, Курск, Орел, Тулу, Москву в Санкт-Петербург. По распоряжению Николая I командовать церемонией и войсками, охранявшими процессию, был назначен генерал-адъютант граф В. В. Орлов-Денисов. В число 45 чинов, сопровождавших останки покойного императора, по желанию Елизаветы Алексеевны был включен Д. К. Тарасов, поскольку Я. В. Виллие выехал из Таганрога в столицу почти сразу с получением известия о восшествии на престол Николая I. Для постоянного наблюдения за сохранностью тела покойного монарха Д. К. Тарасов в присутствии особой комиссии, состоящей из 12 человек во главе с В. В. Орловым-Денисовым, пять раз секретно, в полночь, во время остановок на ночлег производил осмотр останков монарха, о чем каждый раз докладывал императрице и графу, который в свою очередь сообщал об этом барону И. И. Дибичу (Список чинам при шествии из Таганрога в Санкт-Петербург. Дела Канцелярии Печальной Комиссии по погребению Александра I: Ф. 472. Оп. 8. Д. 28. Л. 161–162; Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 133; ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3548. Л. 7). Согласно «порядку процессии», утвержденной Николаем I, все ночлеги производились в главных церквях или соборах сел или городов, в которых останавливался кортеж и ставился гроб с телом покойного императора. В один день совершался переход не более чем на 50 верст. Причем всякий раз на границе уездов или губерний процессию встречали высшие духовные и светские власти, сопровождая шествие через свою область. На протяжении всего пути, даже в степных районах, траурный кортеж сопровождали огромные толпы народа (ОР РНБ. Ф. 859. К. 17. № 7. Л. 25). 3 февраля 1826 г. погребальная процессия прибыла в Москву (РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 280. Л. 73–74). События 14 декабря 1825 г. в Петербурге спровоцировали слухи, распространившиеся в Москве, что будто бы, когда тело императора будет доставлено в древнюю столицу, в городе вспыхнет мятеж (ОР РНБ. Ф. 859. К. 17. № 7. Л. 6–12, 20–29; там же. К. 18. № 18. Л. 59–60). По приказу Николая I были приняты все меры предосторожности и усилена охрана. «Александра провезли чрез Москву благополучно, то есть не было никакого бунту, хотя и уверяли, что непременно будет, — говорилось в одном из перлюстрированных писем от 25 февраля 1826 г. — Что будет дальше — не знаем. Он стоял в Архангельском соборе. Что касается до печальной процессии, то она изъявляла более радость, нежели печаль. Лошади в черных мантиях лягали, а ведущие их хохотали. Господа сенаторы встречались с знакомыми, и все разговаривали об картах и еде. Даже генералы хохотали и были нагреты спиртоузом-старушкой. Адъютанты их как угорелые скакали из одного конца улицы в другой, без всякого дела. Словом, это была более комедия, нежели трагедия.» (Письмо студента Московского благородного пансиона Егора Морозова к корнету Лубенского Гусарского полка А. А. Куницкому в Могилев от 25 февраля 1826 г.: ОР РНБ. Ф. 859. К. 17. № 7. Л. 75 об.). В течение трех дней москвичи прощались с покойным императором. 6 февраля траурный кортеж выступил из Москвы. В Новгороде граф В. В. Орлов-Денисов получил извещение от верховного маршала печальной процессии князя А. Б. Куракина о приготовлениях для встречи шествия в столице (Докладные записки Николаю I от князя А. Б. Куракина: РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 5). В этой связи недалеко от Новгорода Д. К. Тарасовым было проведено очередное освидетельствование тела Александра I. Последний перед Царским Селом осмотр останков покойного монарха был произведен уже Я. В. Виллие по приказу Николая I в селе Бабино недалеко от Тосно. В своей записке, представленной императору, лейб-медик писал: «Раскрыв его до мундира, я не нашел ни малейшего признака химического разложения..., мускулы крепки и тверды и сохраняют первоначальную форму и объем. Поэтому я смело утверждаю, что тело находится в совершенной сохранности, и мы обязаны этим удовлетворительным результатом точному соблюдению во время пути необходимых мер предосторожности. Поэтому я не буду принимать никаких дальнейших мер до прибытия в Царское Село» (Междуцарствие в России от 19 ноября до 14 декабря 1825 г. С. 213). 28 февраля печальная процессия приблизилась к Царскому Селу; навстречу ей выехал император Николай Павлович в сопровождении великого князя Михаила Павловича и высших чинов Двора. «Сошед с коляски, император, приближаясь к колеснице, поклонил-

ся в землю, — вспоминал Д. К. Тарасов, — потом, вошед на колесницу, упал на гроб и залился слезами.» (Воспоминания моей жизни: Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. С. 138). Затем гроб с телом покойного императора был установлен в дворцовой церкви. Через несколько дней, 1 марта, после очередного осмотра тела царя, проведенного Д. К. Тарасовым, в половине двенадцатого ночи, удалив из церкви священников и охрану, вся императорская семья простилась с покойным. 5 марта тело Александра I было перевезено из дворцовой церкви Царского Села в Чесменскую дворцовую церковь и из дорожного переложено в новый свинцовый гроб. На следующий день траурный кортеж двинулся в Петербург. Граф Е. Ф. Комаровский вспоминал: «День этот с утра был пасмурный, морозный, с ветром и снегом. За гробом следовали император Николай, великий князь Михаил Павлович, чужестранные принцы, герцог Веллингтон и многочисленная свита, вся в черных шляпах и плащах» (цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 440). Во второй половине дня 6 марта траурный поезд прибыл в Казанский собор, где гроб был установлен на великолепный катафалк, и в течение семи дней тысячи жителей столицы могли отдать последний долг императору России. Огромный интерес к императорским похоронам был вызван еще и тем фактом, что город был наполнен самыми невероятными слухами, вплоть до таких, что будто бы в Казанском соборе под катафалком было найдено до 50 пудов пороха, который бунтовщики хотели взорвать (ОР РНБ. Ф. 859. К. 17. № 7. Л. 65). Лишь 13 марта 1826 г. в 10 часов утра погребальная процессия «тронулась по Невскому проспекту, Малой Садовой и новой улице, между Михайловским дворцом и Инженерным замком к Марсову полю, вдоль Летнего сада к крепости. У ворот крепости сняли гроб с колесницы и понесли в церковь». Во втором часу дня тело императора Александра I было погребено в Царской усыпальнице Петропавловского собора (Церемония погребения тела в Бозе почившего государя Александра I: РГИА. Ф. 479. Оп. 8. Д. 5. Л. 172–175; Воцарение императора Николая I (Из дневника Г. И. Вилламова) // Русская старина. 1899. Т. 97. № 3. С. 685–686; Депеша шведского посланника Пальмшерна шведскому министру иностранных дел гр. Ветерштету от 15 марта 1826 г. // Русская старина. 1903. Т. 116. С. 210).

Неожиданная смерть Александра I почти в 2 тысячах верстах от столицы и необычные обстоятельства восшествия на престол Николая I породили массу слухов, распространившихся в стране в конце 1825 – начале 1826 г. (О народных слухах, вызванных смертью императора Александра I: ОР РНБ. Ф. 859. К. 17. № 7. Л. 6–7). Наиболее невероятным из них был слух, появившийся в Таганроге и Новочеркасском крае сразу после кончины императора, будто бы Александр I умер не своей смертью, а был отравлен заговорщиками, во главе которых стоял граф М. С. Воронцов, поднесший ему рюмку вина с ядом. Эта история была рассказана отставным урядником черноморского войска Я. В. Анцимирисовым в его прошении на Высочайшее имя, где он обещал подтвердить эту версию документально. В июле 1826 г. Анцимирисов был вызван в Петербург, однако ничем, кроме голословных заявлений, он подтвердить свои обвинения так и не смог (ЦГВИА. Ф. 36. Оп. 4/847. Д. 498. Л. 1–32; *Кунтиков И. Н., Денисьев В. И.* Легенда и документы о смерти Александра I // Советские архивы. 1966. № 3–4. С. 107–109). Некоторые слухи (более пятидесяти) уже с 1825 г. собирались, записывались и систематизировались полицией. Об этом свидетельствуют материалы допроса полицией Федора Федорова (дворового человека отставного поручика Ф. И. Зимбулатова), который сам «собрал и записал московские слухи из любопытства, которые после окажутся правдивые, а которые лживые; записывал с 25 декабря 1825 года» (ОР РНБ. Ф. 859. К. 17. № 7. Л. 110–117 об.). Главной особенностью, объединяющей почти все слухи, была уверенность народа в том, что Александр I не умер в Таганроге, что вместо него через всю Россию везли тело другого человека или куклу, а царь невероятным образом скрылся за границей или на бескрайних просторах России. Комментируя эти слухи, записанные Ф. Федоровым, Н. К. Шильдер подчеркивал такую характерную для того времени черту, как «протест народа против крепостного права» (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 445). Постепенно эти слухи утихли, но во второй половине 1860-х гг. вспыхнули вновь и были связаны с личностью старца Федора Кузьмича. Эта легенда о перевоплощении российского

императора в таинственного сибирского старца оживала, как в народном сознании, так в отечественной и зарубежной исторической литературе еще несколько раз — в конце 1880-х, в начале 1890-х, в 1900-х, в 1920-х, в 1960-х годах. Об этом см.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 445, 490; *Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича; *Барятинский В. В.* Царственный мистик (император Александр I — Федор Кузьмич). Б. м., 1912 (репринт: Л., 1990); *Любимов Л. Д.* Тайна старца Федора Кузьмича // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 209–215; *Окунь С. Б., Белянчиков Н. Н.* Существует ли «тайна Федора Кузьмича»? // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 191–201.

В последние двадцать лет эта тема вновь стала предметом размышлений историков и публицистов, что способствовало переизданию старых работ и публикации новых. См.: *Николаев В. А.* Александр Первый — старец Федор Кузьмич. Историческая биография. Сан-Франциско, 1984; *Кудряшов К. В.* Александр I и тайна Федора Кузьмича. М., 1990 (репринт); *Василич Г.* Император Александр I и старец Федор Кузьмич. М., 1991 (репринт); Два монарха и таинственный старец Федор Кузьмич: О российских императорах Павле I и Александре I. М., 1992; Таинственный старец Федор Кузьмич в Сибири и император Александр I / Под ред. А. Валлона. Калуга, 1993 (репринт); *Труайя А.* Александр I или Северный Сфинкс / Пер. с фр. М., 1997; *Федоров В. И.* Александр Благословенный — святой старец Федор Томский. Историческое исследование. Томск, 2001; Император — старец Федор Кузьмич: (об Александре I). М., 2002. На наш взгляд, для дальнейшего исследования темы, основанного на глубоком анализе источников и истории их возникновения, все же следует отделить вопрос о жизни сибирского старца от вопроса о смерти Александра I и рассматривать ее в контексте тех сложнейших проблем, которые возникают при изучении последнего периода его царствования. Об этом см.: *Андреева Т. В.* Смерть Александра I (некоторые новые аспекты) // Мартовские чтения памяти С. Б. Окуня. Материалы научных конференций. СПб., 1996. С. 39–45.

Подготовка текста и комментарии Т. В. Андреевой

Кутузов Н. И.
О состоянии Российской империи в отношении внутреннего ее устройства

Подана Государю 5 марта 1826 года[a].

Причины благосостояния общественного заключаются в правильном, точном движении всех частей внутреннего управления государства, основанного на развитии нравственных и физических сил народа, поддерживаемого совершенною безопасностью лица и имущества.

Приняв сие мнение за основание устройства государственного и счастия каждого из его членов, мы должны, дабы увидеть состояние какого-либо общества людей, называемого народом, обозреть части, составляющие целое его управление, и наконец — сие целое, ибо подобное только рассмотрение покажет — согласно ли оное с коренными уставами общества и той мыслью правителя,

[a] В списке из коллекции БАН имеется надпись: «Подана Его Императорскому Величеству 21-го февраля 1826 г.».

которая стремится и желает государственного благосостояния; предполагать противное — значит унижать достоинство лучшего творения Божия.

В России, управляемой волею самодержавною, исполнительная власть, непосредственно завися от государя, разделяется по местам, составляющим последующие правительственные части, и лицам, облеченным доверенностью монарха. Сии части суть министерства. Итак, приступим к рассмотрению действия каждого из них по предметам, подлежащим их управлению, и наконец — влияние их на общий состав государственного устройства.

Министерство финансов

Богатство народное есть важнейший признак благосостояния государственного, ибо от него проистекает возможность к устройству прочих правительственных мест внутри общества и влияние его на дела внешние. В настоящее время политического существования Европы совершенство финансовой системы служит порукою народного могущества.

Говоря о богатстве народном, не должно заключать его в случайном накоплении капиталов извне; напротив — в производительных силах самого народа, ибо одни только капиталы, скопляемые трудом граждан, составляют истинное государственное богатство. Золото Америки, истребя всякий труд испанцев, с высоты могущества свело сие государство в разряд ничтожных народов, тогда как трудолюбие голландцев возвело неизвестную землю на верх благосостояния и силы. Преимущество Англии и Франции в настоящее время утверждено на сем же основании.

Россия, заключающая в себе произведения счастливейших климатов, страшная могуществом, изобильная способами к поддержанию первенства своего в общем составе царств, постепенно, так сказать, исчезает в благосостоянии частном, на котором основано благосостояние и сила общественная. Бедность русского народа во всех классах достигла крайней степени. Причины сему мы должны искать не в недостатке труда, ибо деятельность и трудолюбие есть отличительное достоинство русского народа, — но в действии Министерства финансов, не предпринимающего никаких деятельных мер, даже не обращающего внимания на умножение частных капиталов, на которых основан капитал общественный. Мало изобретать средства умножать ежегодный доход государственный, надо стараться, чтобы сей доход не истреблял, а распространял тот источник, из коего почерпается, иначе — он иссякнет.

Для яснейшего изображения действий сего Министерства необходимо разделить оное на части, его составляющие, и рассмотреть каждую из них отдельно. Три главных предмета подлежат финансам:

1-ое. Наложение прямых и косвенных податей и взимание оных.

2-ое. Увеличение количества грубых произведений земли и обработывание оных.

3-е. Внутренняя и внешняя торговля.

Первая из сих частей, то есть наложение прямых и косвенных податей и взимание оных, — составляет чистый государственный доход.

Наложение у нас прямых податей не есть уравнительная повинность, сообразная с производительными силами природы и местными удобствами, но личная подать, равно падающая на богатого и бедного, на того, кто при всей удобности страны своей может вносить малейшую часть своей прибыли, как излишек, и на того, чьи потовые труды не вознаграждаются природой; следовательно, платимая повинность сим последним отъемлет у него часть, необходимую для его благосостояния, ибо извлекается не из прибытка с капитала, а из самого капитала.

Впрочем, должно сказать, что тягость прямых повинностей и даже самое неуравнение их по своей малости не были бы даже чувствительны классу людей, их несущих, ежели бы сей класс не был предоставлен прихоти и своеволию сильнейших его, хотя он, находящийся в таковом страдательном состоянии, есть класс производительный и служит основанием богатства и самого могущества государственного. Жид, цыган, всякий бродяга иноплеменный пользуется в России покровительством законов, имеет право приобретение трудов своих употреблять по произволу, защищать себя от притеснения общими государственными постановлениями, а русский земледелец не имеет сего; — не только имущество, но и самая личность его предана безусловно воле других.

У нас два главных вида земледельцев: *экономический*, или *государственный*, и *помещичий*.

Экономические крестьяне, по состоянию своему могли бы быть в цветущем положении; напротив, — они даже в худшем противу помещичьих, ибо, начиная от первого областного чиновника до последнего писаря земского суда, каждый может делать (и делает) разные притеснения и поборы. И это производится так ясно, что должно удивляться дерзости одних и невниманию других высших начальников. Благосостояние сего класса при настоящем ходе вещей не может быть даже случайным: ежели бы чиновник с благородным намерением — улучшить их состояние — вошел в их положение, то весьма недолго бы оставался на своем месте, как не имеющий для сего убеждения звонкого достоинства[b].

Помещичьи крестьяне, хотя преимуществами своих владельцев защищены некоторым образом от притязаний местных начальств, но, преданные безусловно[c] воле помещиков, не могут быть уверены в безопасности имущества и лица своего, ибо помещик имеет все средства похитить все принадлежащее земледельцу, употреблять[d] личность его по произволу; одним словом — делать все, что хочет, тогда как крестьянин не имеет никакой возможности защищать себя и семейство свое от самоволия, поелику нет законов, которые бы бросали хоть тень своего покровительства и облегчали бремя, подавляющее миллионы несчастных. Притом помещичьи крестьяне, неся государственные подати, платя оброк трудом или деньгами помещику, должны платить подати и за дворовых людей, которые в общем составе государства есть то же, что черви в корне плодовитого дерева. К несчастию, число сих тунеядцев, благодаря невежеству помещиков, столь велико, что половина, иногда и более, труда земледельческого истребляется на их прокормление. К сему присовокупить чинимые сборы с селянина яйцами, маслом, гусями,

[b] На полях помета карандашом: «И как человек, вредный для общества, своею снисходительностью».
[c] В списке из коллекции БАН: «беспрекословно».
[d] В списке из коллекции БАН: «употребить».

баранами, окороками и пр. и пр. — то что останется для его пропитания?[e] Посему большая из них часть за весь, можно сказать, кровавый труд считает себя счастливым, если в течение года имеет с семейством хлеб насущный. Может ли такое состояние не только вложить охоту, но даже подать мысль к распространению деятельности своей к приобретению имущества! Вообще признано непреложною истиною, что человек только тогда может желать и действовать для умножения своего состояния, следовательно — увеличения общественного капитала, когда уверен, что его приобретение, обеспеченное государственными постановлениями, составляет его неотъемлемую принадлежность, переходящую к детям. Любовь родительская есть та пружина, которая в сем случае сильнее действует прочих убеждений.

Конечно, есть помещики, пекущиеся о благосостоянии своих крестьян; — но много ли их? Притом, добродетели отца бывают ли уделом добродетелей детей, и попечение об участии людей, судьбой нам вверенных, не есть наследственное достояние. Счастие гражданское тогда только может быть постоянно, когда основано на непременных, постоянных, незыблемых государственных постановлениях.

Благосостояние экономических крестьян зависит от твердой воли водворить правосудие, истребить притеснение и неослабно преследовать корыстолюбие, в каком бы лице оно не заключалось, ибо до сего времени, так сказать, одни малые воришки были наказываемы, но воры большие не только избегали ответственности, но нередко по представительству своих покровителей возвышались более и более. Причины сему возвышению в лице государственного преступника увидим впоследствии.

Улучшение же состояния крестьян помещичьих требует глубокого соображения и осторожности, поелику, с одной стороны, личные выгоды и предрассудки немногих, с другой — вековое[f] состояние сего класса, в настоящем положении могут препятствовать благим намерениям правительства. Раздражение умов, как при взятии мечтательных прав у первых, так и при возвращении должных последним, не может быть полезно. Кажется, весьма легко, не лиша преимуществ помещиков, ввести поселян в гражданское состояние, дав им права имущественные, т. е. обеспечить их собственность во владении, приобретении и наследовании общими государственными постановлениями и означить пределы их повинностей в отношении владельцев. В таком случае не бесполезно:

1. Постановить, что крестьянин может приобретать движимое и недвижимое имение, состоящее в домах, землях, фабриках и заводах.

2. Имущество, таким образом приобретенное, переходит к наследникам, на основании существующих постановлений.

3. Помещик должен пользоваться трехдневною работою поселянина (с сохи, или венца), положенною законами, или условным оброком. В первом случае крестьянин может представлять за себя здорового работника.

---

[e] На полях почти неразборчивая помета карандашом: «Осташковский уезд <...> 120 оброку <...> 1 (?) купчих сажен дров, поднятия (?) полей, ежегодная <...> овца с дому, побору припасами и даже свечами (?)».

[f] В списке из коллекции БАН: «невежественное».

4. Крестьяне могут от своего лица производить торговлю в месте своего уезда[g]; ежели же далее оного — то платят правительству особенную повинность, для сего установленную.

5. Подушину за дворовых людей должны платить помещики, а не разлагать на крестьян; это средство истребить многочисленный класс сих тунеядцев (впрочем, приведение сего в исполнение необходимо назначить чрез год по объявлении, дабы дать время помещикам обратить излишних людей в хлебопашество).

6. Всякие поборы птицами, скотом и прочим должны быть прекращены. Сие средство, умножа благосостояние поселян, заставит помещиков радеть о скотоводстве и птицеводстве, что у нас до сего времени весьма многими пренебрегается.

Меры сии, или другие какие-либо, необходимы как для счастия миллионов подданных, на которых основано богатство государственное, так и для спокойствия общественного. Частые возмущения крестьян против помещиков, бывшие в разных местах империи, доказывают таковую потребность; иначе они могут слиться в общую массу беспорядка и произвесть гибельные явления. Обязанность законодателя предвидеть события и полагать в настоящее время уставы, истребляющие зло грядущих лет. Состояние же помещичьих крестьян в настоящее время таково, что голос всякого негодяя может подвигнуть их к неповиновению; чего же должно ожидать в будущем?[h]

Не полагая пределы частному угнетению землевладельцев, не должно ли возбранить людям, облеченным доверенностью правительства, разорять их под видом повинностей государственных? Не должно ли принудить областо-начальников и градоправителей распределить поступки их с законами без примеси своих предположений, требований и улучшений, ибо возможность делать каждому по своим соображениям, вопреки государственных постановлений, есть источник безначалия и беспорядков. Одна мысль правителя должна двигать все части управления, дабы произвесть правильность целого государственного движения, основанного на благосостоянии всех и каждого.

В последнее четырехлетие все генерал-губернаторы и губернаторы старались превзойти один другого отделкою больших и проселочных дорог. Для чего они прибегали к самым насильственным мерам, даже непозволительным в Турецкой империи; сделали поголовные сгоны на дороги, так что в деревнях остались одни увечные, старики и малолетние. Работы сии продолжались с весны до осени, т. е. во время посева, сенокоса и жатвы, отчего поля остались невозделанными, луга не кошеные, озимый хлеб не убран в свое время; цветущие области утратили свое благосостояние, и всеобщий недостаток пропитания был следствием столь мудрых распоряжений[i]. В иных же губерниях к таковым действиям присоединились денежные сборы, которые втрое и более превышали общие государственные повинности. Но все сии пожертвования и усилия остались тщетными, ибо делание путей производилось под надзором людей несведущих, которые рыли, перерывали и, наконец, старые дороги, столетиями укорененные в основании, испортили до

[g] В списке из коллекции БАН: «в месте своего жительства и в пределах своего уезда».

[h] На полях помета карандашом: «Возмущения в Старорусском и Новгородском селениях не <...> мученической смерти дворян».

[i] В списке из коллекции БАН последние пять слов отсутствуют.

такой степени, что при малых дождях не было возможности проехать. Это повлекло за собою работы следующих лет[j], что еще более разорило области, и богатейшие из них сравнились с беднейшими.

Желание сделать дороги во всех губерниях на подобие дорог иностранных весьма похвально; но надо принять в соображение, что во Франции, Германии и Англии улучшены оные в течение столетий, а не трех лет, и что пространство некоторых губерний русских равняется пространству целой Франции, населенной 30.000.000 жителей образованных и богатых.

Конечно, для удобности сообщения исправность дорог необходима, но для поправки их определено законами время, именно — после окончания сельских работ. Должно заметить, что улучшение путей идет наряду с благосостоянием государства. Было бы что возить, а по чем возить, всегда будет. В России же, покрытой несколько месяцев снегом, торговое сообщение сухим путем производится в зимнее время.

О взимании податей то же можно сказать, что и о наложении оных, поелику и сия часть правительственного распорядка не имеет постоянных правил и совершенно зависит от произвольных распоряжений местного начальства. Смотря на великие суммы государственных недоимок, невольно спросишь: от чего оные происходят? Ежели сие проистекает от состояния земледельцев вышеизложенного, то не менее того — от непозволительных действий собирателей податей. Известно, что сия обязанность лежит на ответственности земской расправы[k]; — по чему, ежели в назначенное время, по каким бы то обстоятельствам ни было, подати не были доставлены в уездное казначейство, — является в экономическое селение исправник или заседатель, требует бургомистра, который, во избежание тяжелого наказания, подносит подарок из числа денег, собранных с волости для смягчения гнева; через несколько времени является другой член правления и так далее до последнего писаря, так что в продолжение нескольких месяцев выберут более государственных повинностей, но в общественный доход поступает одна недоимка. Недоимки помещичьих крестьян по большей части происходят от сей же причины, только деньги остаются в руках помещиков, из которых многие употребляют их на свои нужды, в ожидании милостивого манифеста.

Таковые причины, более и более увеличивающие недоимки, нередко вынуждали правительство предпринимать строгие меры для получения оных. Но сии меры всегда оканчивались совершенным разорением селений, ибо в таком случае земледелец не только лишался своего имущества, за бесценок продаваемого, но подвергался всем возможным жестокостям и истязаниям[l], приличным одним временам варварства, от чего лишался средств уплачивать повинности и будущих лет. Все сие не доказывает ли необходимости постоянных правил, как для отклонения от произвольных и законопротивных действий местных начальств, так и для порядочного взимания податей и разложения личных повинностей?

---

[j] На полях помета карандашом: «Несмотря на издание Манифеста, освобождающего помещичьих крестьян от срока на дор[о]ги».

[k] В списке из коллекции БАН: «полиции».

[l] В списке из коллекции БАН: «наказаниям».

Но дабы дать уставам настоящую силу в исполнении и отклонить всякую частную волю, необходимо губернское правление составить из депутатского собрания[1] (которое, на основании Учреждения губерний[2], выдает свидетельства о дворянстве и подписывает грамоты), присоединя к нему депутатов от сословия купеческого всех городов губернии, так, чтобы распорядок внутренний области, разложение повинностей общественных, взимание податей по городам и селам лежало на ответственности сего собрания, ибо кто лучше знает нужды какого-либо места, его удобности и средства, как не представители сего места, связанные с ним собственною выгодою и доверенностью других. Взимание же податей по уездам необходимо возложить также на собрание, составленное из судьи, исправника и казначея, городничего и градского главы, под непосредственным ведением уездного предводителя, вообще избираемого из лучшего и богатейшего дворянства.

Говоря о налогах прямых, должно упомянуть о некоторых, называемых косвенными. Для сего рассмотрим продажу вина. Вообще ни одни налоги не бывают столь отяготительны для народа, как налоги на жизненные потребности, когда они зависят от самого правительства, ибо в сем случае правительство, имея всю силу в руках своих, следовательно, — не имея за собою блюстителя, превращает их в орудие угнетения. История таковых налогов в Италии и Франции представляет печальное зрелище несчастий общественных. Конечно, винная продажа в России не может сравниться в сем отношении с налогами сих государств; не менее того она вредна по своим действиям и последствиям.

Первая и священная обязанность[m] правительства пещись о нравственном состоянии народа, как об основании благосостояния государственного, а оно добровольно приняло на себя продажу вина, источника буйства и развращения. Уже это одно зло столь важно, что прочее может назваться второстепенным. Ежели правительство по необходимости должно терпеть сие зло, — то не быть самому распространителем оного, ибо в сем случае лишает себя лучшей обязанности своей — прекращать зародыш вредных действий страстей человеческих. Вообще, те селения, в которых учреждены казенные питейные домы, в самом бедном и развращенном состоянии, поелику вертепы порока не только заключают в себе предметы пьянства, но многие другие средства разврата для большего привлечения посетителей[n].

Кроме сего, эта так называемая винная операция влечет за собою другие последствия, вредные для благосостояния частного и государственного. Казна, продавая ведро вина по 8 и 10 рублей, определила, чтоб ей продавали по 2 рубля; следовательно, цену для своей покупки до крайности понизила, тогда как для продажи весьма возвысила, от чего внутренний оборот денег, особенно в низшем классе, пришел в упадок, — ибо земледелец или должен отдать хлеб свой за бесценок, или гноить его дома, тогда как во время откупщиков он был восстановитель цены на рынке и имел всегда в предмете верный сбыт. Может быть, скажут, что откупщики приобретали в короткое время великие капиталы и не всегда прямыми путями; но прекращение несправедливых приобретений в сем случае

---

[m] На полях против начала абзаца карандашом поставлен знак NB.
[n] На полях помета карандашом: «А также и местом безопасного сбыта краденых вещей за полцены».

находится в руках правительства, тогда как сего же зла в настоящем положении оно остановить не может, как кроющегося в лицах, облеченных его доверенностью. Кажется, лучше дозволить 52 откупщикам обогащаться, чем 3000 чиновникам, которые беспрестанно будучи сменяемы, все-таки наживают великие суммы в самое короткое время, следовательно — также непозволительными путями; — первый прибыток есть законный, оборотливостью и трудом приобретаемый; второй — законопреступный, основанный на похищении части государственного имущества. Сей последний вред есть, может быть, один из важнейших, истребляющий общественное благосостояние России, поелику возможность скоро приобретать имущества до такой степени развратило чиновников, что корыстолюбие явно попирает божественные и человеческие законы. Сравнив доход первого года с доходом последующих лет, явно можно увидеть, что он постепенно упадает и никогда не может возвыситься, потому что злоупотребления чиновников по сему предмету превосходят всякое вероятие и едва ли могут быть искоренены, ибо зло глубоко пустило корни свои.

Думаю, что можно найти средства, которые бы, отклоняя подобное неудобство, могли бы принести прибыль выше той, которая когда-либо была от казенной продажи вина.

Второй предмет действий Министерства финансов заключается в усовершенствовании производительных сил природы в грубых произведениях и в совершенстве искусственной обработки оных, как причин внутреннего довольства и обширности внешней торговли.

Россия, богатая произведениями климатов, наделенная природою всеми благами земли, далеко отстоит в количестве произведений в отношении других государств Европы. Сему причины мы должны искать, во-первых — в состоянии землевладельцев вышеизложенном; во-вторых — в глубоком невежестве народа; в-третьих — в весьма малой о сем попечительности. Иногда у нас было обращаемо на сей предмет внимание; но это, так сказать, минутный порыв какого-либо лица, пользующегося доверенностью правительства, который исчезал или с удалением от должности сего лица, или от собственного его непостоянства. От сего в России много было предпринято полезного и ничего не кончено, тем более что все почти поощрения были письменные, без существенного вспомоществования и пожертвования капиталом. Во Франции и Англии, даже в настоящее время богатства и образованности сих государств, всегда правительство делается деятельным участником в полезных предприятиях, а в отдаленные годы даже оно одно полагало капиталы, что при постоянном усилии доставило сим народам первенство на всемирных рынках. Недостаток у нас искусства в обработке грубых произведений основан на вышеозначенных причинах. Не говоря о предметах утонченной роскоши, даже предметы, необходимые для жизни, в обработке своей не могут соответствовать внутренней потребности государства, не говоря уже — выдержать совместничество на европейских рынках. Рассмотрев некоторые из них, можно заключить о прочем.

Сукно и вино, две отрасли действительной нужды и, вместе, роскоши, извлекают великие суммы из России без вознаграждения, ибо ни грубые произведения, ни искусственные изделия наши, вывозимые из целой империи, не могут равняться в ценности с одним из сих предметов; следовательно — за другие мы платим

чистыми деньгами, что при постоянном положении подрывает основание государственного богатства.

Кажется, что, имея в пределах империи обширное скотоводство и превосходные роды виноградов, можно, при усилении и попечении правительства, не только удовлетворить внутреннюю потребность[o], но даже высылать в другие государства.

Суконные фабрики наши, за исключением, может быть, двух, ограничиваются вырабатыванием низшего сорта сукна, но и при этом не многие могут поддерживать свои заведения, ибо, по неимению у нас частных капиталов, фабриканты не в силах выдержать совместничества с иностранцами, которые, пользуясь правом ввозить сукна сколько угодно и какой доброты угодно, имеют все средства подорвать наши фабрики уменьшением цены на свои изделия, всегда с выгодою для себя[p]. Англичане часто подрывали сим средством французские фабрики, а наши — держат в почтительном от своих отдалении.

Один только у нас заграничный сбыт сукна — в Азию, но и тот нередко пресекается транзитною торговлею, которая истребляет всякое желание учреждать какие-либо заведения, поелику они оканчиваются почти всегда банкротством.

Кажется, ввоз произведений иноземных должен основываться не на правилах, заключающихся в книгах, но согласоваться со степенью образования государства и производительных сил его. Правила политических экономий, составляемых в виду фабрик и заводов Англии и Франции, хороши и полезны для сих земель, но не для России, далеко отстоящей от них в просвещении.

Чем изделия Англии и Франции достигли такой степени совершенства? Запрещениями[q]. Даже в настоящее время[r], хотя первая из сих держав объявила свободным ввоз и вывоз всех изделий, поелику нет народа, который мог бы выдержать с Англиею совместничество, но министерство предпринимает меры ограничить ввоз шелковых французских материй, кои превосходством доброты и дешевизною могут подорвать шелковые фабрики в Англии.

Не бесполезно было бы для усовершенствования наших суконных фабрик:

1. Стеснить сколь возможно ввоз иностранных изделий в сем роде.

2. Не только транзитную торговлю, но даже слово сие истребить из коммерческого словаря.

3. Выписать хороших мастеров и распределить их по заведениям на казенном содержании.

4. Учредить училище для образования мастеровых и посылать их для усовершенствования на фабрики Англии и Франции.

5. Заставить военных и гражданских чиновников носить мундиры из русского сукна. Петр Великий всегда употреблял на одежду свою грубые изделия и гордился сим.

6. Учредить ежегодную публичную выставку русских изделий на подобие парижской, делая награждение за усовершенствование. Ежели хотеть лучшего, то необходимо обращать внимание не только на то, чтобы делали, но и на то, чтоб делали хорошо.

---

[o] В списке из коллекции БАН далее идет: «происходящую от сих предметов».

[p] На полях помета карандашом: «Тут нет конца».

[q] В списке из коллекции БАН предложение отсутствует.

[r] В списке из коллекции БАН начало предложения отсутствует.

Виноделие в России находится в самом младенческом состоянии, хотя мы имеем во множестве и превосходной доброты винограды. Это происходит от неумения обработывать, от недостатка капиталов и от неуверенности в сбыте. Хотя были выписываемы виноделатели, но они находятся на казенных заводах. Предмет же частных заводчиков в отношении произведения не в качестве, а в количестве и в скорейшем сбыте оных, ибо от незнания как обращаться (во Франции виноград с великим тщанием разделяется по зрелости, очищается от стеблей, чего у нас нет) с виноградом даже во время спеяния оного, не говоря уже — при производстве работ, от чего вино, делаемое у частных людей, скоро киснет и не имеет никакого достоинства, разве у немногих, да и то для собственного продовольствия; оно превосходной доброты. У нас даже нет на заводах принадлежностей, которые необходимы для улучшения работ, тем менее погребов, где бы вино, выдержанное несколько лет, могло от времени получить свое достоинство.

Возбранить ввоз вин, без возможности своим удовольствовать внутреннюю потребность, было бы несправедливо; но, кажется, стеснить, даже запретить привоз некоторых весьма полезно, например — шампанского, которое одно, и притом подделанное на заводах гамбургских, переводит из России великие суммы.

К улучшению виноделия необходимы те же меры, которые были выше изложены при рассматривании суконных фабрик, с присоединением попечения правительства для устройства погребов, с пожертвованием для сего капитала, могущего впоследствии возвратиться, при разделении уплаты суммы процентами. Притом не бесполезно бы послать искусных и знающих людей, дабы они исследовали свойство виноградов донского, астраханского, кавказского и крымского, и, опытом изведав способ приготовления из оных вина, издали бы руководство для сего с подробным изложением: каким образом во Франции, Германии и Италии обращаются с виноградом во время его спеяния, жатвы, разделения и обработывания.

Иногда для улучшения какой-либо отрасли государственного довольства необходимо жертвовать частью дохода общественного в настоящее время, дабы получить большую и действительную прибыль в будущем, не извне, но из недр самого государства.

Фридрих Великий[3], видя из представленного ему расписания государственных доходов, что за ввоз в Пруссию коровьего масла и сыра поступает в таможню 500.000 талеров пошлины, вымарал сию статью государственного дохода и положил совершенное запрещение на ввоз сих предметов. Вместо же сего он велел отделить 500.000 талеров из общественной кассы на расчистку болот, на покупку голландского скота и на выписание мастеров, и все ро́здал (не иностранцам, как у нас делается) прусским подданным, дабы они процентами с капитала, на сие употребленного, выплатили в определенное число лет всю сумму и остались владельцами заведений. Чрез 10 лет болота превратились в тучные пажити, покрытые многочисленными стадами; владельцы уплатили деньги, на их часть употребленные, а в общий государственный доход поступило 500.000 же талеров пошлины, но не за ввоз, а вывоз из Пруссии масла и сыра, следовательно, доход общественный не умалился и королевство выиграло до 2.000.000 талеров чистого ежегодного прибытка, не говоря уже о капитале.

К сему должно присовокупить, что у нас не обращено никакого внимания ни

на усовершенствование, ни на образование мастеров; следовательно — на улучшение изделий и усовершенствование работ. Сие обстоятельство не должно предоставлять ни времени, ни собственному побуждению людей, ибо ни то, ни другое без положительных правил и постоянных усилий не достигает совершенства. На примере: у нас всякий, кто только умеет держать в руках иголку, шило, может выставлять вывеску портного, сапожного, слесарного и других ремесел, хотя произведение трудов его, основанное на обмане, едва доставляет дневное пропитание. Сие породило общее мнение, усиленное невежеством и пристрастием к иноземному, что русские мастеровые не могут ничего делать прочного и хорошего; иностранцы же, пользуясь сим, в непродолжительном времени наживая великие капиталы, уезжают с ними на родину, что, конечно, не увеличивает благосостояния Русского государства.

От чего, например, в Англии ремесла достигли высочайшей степени совершенства? От того, что правительство уже несколько веков печется об образовании ремесленников и об улучшении их работ. Там тот только получает право держать мастерства, кто, учась у известного мастера определенное число лет и быв подмастерьем положенное время, представит в Ремесленную управу отличные произведения своего искусства. Но и в сем случае, дабы леность не восторжествовала над трудолюбием, мастер все работы свои должен представить на суд избранных, и ежели они найдут оные в отделке и прочности не довольно хорошими, — то истребляют их.

Относя к ремеслам все мелочные изделия, питающие роскошь, должно присовокупить, что не бесполезно было бы остановить распространение роскоши, как предмета, подрывающего благосостояние и препятствующего развитию нравственных и умственных сил государства. Роскошь должна быть признаком избытка внутреннего довольства; она всегда следует за последнею степенью общественного просвещения; это, так сказать, старость народная, влекущая за собою болезненное состояние царств и признак ничтожества чувств и дел человеческих. Виды роскоши, столь многозначительные и переменчивые, составляют даже часть прибыльной промышленности народа просвещенного с другими, еще необразованными или имеющими начатки образования; но зато сии последние с видами роскоши (за которые платят предметами существенного своего богатства, более и более истощающего государство) заимствуют все виды разврата, истребляющие народные добродетели — добродетели, служащие основанием благосостояния и могущества общественного.

Положа[s] одну форму платью мужчинам и женщинам, форму, сообразную с нашим климатом и характером народным, дав единообразный и постоянный вид мебелям и экипажам; возбранив ввоз всех мелочных эфемерных произведений, — можно еще остановить бурный поток роскоши и разврата, обратить чувства и умы людей к предметам возвышенным и приличным достоинству человека. Сие средство водворить опять семейное счастие, изгнанное у нас французскими модами, вложить в сердца отцов и матерей (занятых колясками, фраками, чепцами, шляпками и блондами) ощущения природы, теплые и благотворные для детей их, следовательно — и для государства.

---

[s] В списке из коллекции БАН: «приложа».

Третий предмет действий Министерства финансов суть торговля внутренняя и внешняя.

Хотя бы следовало начать рассматриванием первой из них, но так как внутренняя торговля России, в обширном ее значении, находится в руках иностранцев, то и необходимо обозрением последней определить достоинство первой.

В России преимущественно англичане, потом армяне, жиды, французы, вообще все народы, кто только имеет малейшую возможность, пользуется не только правами внешней торговли, но и преимуществами внутренней, которая всегда и у всех есть исключительное достояние подданных собственного народа (кроме Португалии и России, составляющих колонии Англии[4]). От сего то происходит, что русское купечество не имеет больших капиталов и беспрестанно подвержено банкротствам, ибо возможность каждому иностранцу и целым их обществам, называемым компаниями, заплатя гильдейскую повинность, заводить магазины, открывать лавки для мелочной торговли и собственными, и русскими произведениями, подорвала все купеческие домы наши и сосредоточила все суммы в руках иностранцев; их богатство, просвещение, собственное наше пристрастие к ним — все сие совокупилось, дабы истощить благосостояние России. И ежели мы при всем том не совсем утратили богатство народное, то должны благодарить провидение, пекущееся о нас.

Цари Иван Васильевич, Алексей Михайлович и Петр Великий (в начале своего царствования) дозволяли иноземцам только оптовую заграничную торговлю, от чего в то время еще грубое и невежественное русское купечество гораздо было богаче, чем в настоящее [время].

Последнее же дополнительное постановление о гильдиях[5] и остатки внутренней торговли, находившиеся в руках русских, передало иностранцам. Не спорю, что изданием сих дополнительных постановлений хотели (препятствуя слишком раздроблять промышленность) возвысить капиталы купечества, но не заметили, что, оставив иностранцев производителями торговли сей, еще более увеличили их преимущество, т. е. начали тем, чем бы окончить должно было. Притом, при издании таковых дополнений не обращено было внимания на физическое и нравственное состояние государства, что, кажется, должно в сем случае входить в состав соображений, ибо законы издаются для людей, а не люди рождаются для законов.

Другая причина упадка купеческих домов заключается в переходе их в дворянское сословие. В настоящее время главный предмет их стремления — нажить сколь возможно скорее состояние и сделаться дворянином[t]. От сего у нас нет торговых домов, которые десятками лет занимались промышленностью, приобретали бы доверенность внутри и вне государства, без чего торговля процветать не может. Не думаю, чтобы мысль сия причтена была к желанию сохранить преимущества сословия, к которому принадлежу; нет; не выгоды, сопряженные с дворянством, руководствуют пером моим, а искреннее желание славы[u] Государю и счастия[v] Отечеству. Не все ли сословия в государстве одинаково почтенны, ибо каждое из них составляет звено общей цепи, общего стремления миллионов к одной цели —

[t] Напротив предложения на полях отчеркнуто карандашом двумя вертикальными чертами.
[u] В списке из коллекции БАН: «счастия».
[v] В списке из коллекции БАН слово отсутствует.

благосостояния и могущества общественного. Конечно, отделить класс купечества от преимуществ или, так сказать, от участия в правительственных действиях, несправедливо; но разве нельзя дать ему сие участие как принадлежность самого сословия, а не другого, имеющего особенный круг деятельности в общей машине государственного устройства? Полагаю, что даже необходимо при настоящем состоянии России ввести купечество в часть политических преимуществ, присвоенных дворянству, но не вывод оного из настоящего звания. Это заставит купечество, не гоняясь за мечтательными правами, обратиться к предмету, существенно ему принадлежащему, и быть полезным государству. Торговля, как женщина, имеет большие причуды и требует для благосклонной улыбки своей постоянное и долговременное поклонение.

Теперь необходимо сказать несколько слов о вреде, причиняемом торговле вообще и благосостоянию в частности участием жидов во внутренней промышленности. Это племя, подобно саранче, поглощает богатство, даже пожирает предметы необходимых нужд человеческих во всей Белоруссии, во многих местах Малороссии, и ныне, несмотря на запрещение, водворилось в столицах, где торгует развратом и контрабандою, чрез границы Польши, Пруссии и Австрии им же провезенною. От пленения египетского и до настоящего времени жиды сохраняют отличительный свой характер, полезный для их сообщества, — вредный для народа, давшего им убежище. Сии-то причины везде возбуждали на них гонения, и ныне во всей почти Европе, кроме России, стараются уничтожить вред, ими наносимый. Зло заключается в необыкновенном их размножении и в недостатке рачительных мер для возбранения им производить малейшие виды промышленности, для чего не бесполезно бы было: во-первых, постепенно заселить ими степи, особенно границы империи, принадлежащие к кочующим племенам, и дать им одни только способы к хлебопашеству и скотоводству. Это средство может отклонить многие набеги диких опустошителей, ибо жид, угрожаемый опасностью, скорее всякого найдет средство с ними уладить и отвратить свою погибель. Во-вторых, — запретить им ранние браки. В-третьих, — заставить их нести личные государственные повинности. Конечно, жид никогда не может быть солдатом, но он может владеть лопаткою; почему легко из них составить рабочий батальон для поправки дорог, для рытья каналов, что принесет государству существенную пользу, ибо подает многие средства возвратить многие тысячи людей здоровых и сильных к сельским работам, между тем положит другой предел размножению сего племени.

Должно также присовокупить, что учреждение таможен на границах империи с Царством Польским причиняет величайший вред нашим фабрикам и торговле, поелику фабриканты польские, из тщеславия и желания подорвать наши заведения, дают своим торговцам и жидам виды на изделия Австрии, Голландии и Пруссии, которые и ввозят к нам под видом изделий польских. Для отвращения сего вреда и вреда тайных провозов, подрывающих основание торговли, необходимо уничтожить всякое разделение между областями государства и отодвинуть таможни наши на конечные пределы Царства Польского с Германией, подчиняя оные русским чиновникам с помощником Царства Польского[w].

---

[w] Так в рукописи.

Говоря о подрыве торговли юго-западной России и ее фабрик от такового отношения Царства Польского к империи, необходимо упомянуть о том неисцелимом вреде, который происходит от различия их политических постановлений и преимуществ[6]. В сих-то преимуществах кроется тот дух, который произвел перемену в понятиях и положил основание событию, вспыхнувшему 14 декабря и отбросившему отблеск свой на дела грядущих лет[7].

Кому не известна речь покойного государя, произнесенная им на сейме Варшавском? Речь, исполненная благородных, высоких чувств души и упрочившая благоденствие и политическое существование Польши?[8]

Сия то речь, обнаруживающая великое намерение Александра I-го дать и России подобные уставы, как электрическою силою потрясла сердца пылких[x] русских: 1818 и 1819 годы были лета волнения умов; везде и все толковали о конституции: одни явно роптали на преимущества, дарованные Польше; другие, как открыло настоящее происшествие, положили в тайне и насилием достигнуть того, чего не могли получить явным старанием[9]. Поступки людей в действиях добра и зла всегда решительны и важны, когда рождение их не зависит от чувств наших, но от обстоятельств времени и постановлений государственных. Состав государственного управления должен быть во всех областях одинаков, ежели не хотим, чтобы преимущество одной поселило зависть и роптание в других, всегда имеющие вредное влияние на общественное благосостояние, тем менее — давать важные преимущества областям, приобретенным завоеванием в отношении господствующего народа; это значит — усиливать первые, унижая достоинство последнего. И в сем случае само правительство как бы сознается в несовершенстве и недостатке коренных государственных постановлений. Опыты веков, устройство царств в настоящее время удостоверяют, что необходимо стараться не отделять [завоеванные области], но, так сказать, слить понятиями, языком с покорителями[10]. 1812 год доказал, что удаление от сего правила не может быть полезно. Польша подняла знамя независимости на призывный голос Наполеона и вторично, ежели останется в настоящем положении, поднимет его при нападении честолюбивого врага на пределы России[11]. Происшествия в мире не всегда зависят от мудрости и предусмотрительности человеческой. Преимущества, которыми пользуется Царство Польское и другие области германского происхождения[12], поселили в душах русских к ним ненависть, тем более возрастающую, что почти все важнейшие должности в государстве заняты иноземцами, которые всеми силами стараются поддержать себя удалением русских от общественного служения[13]. Не знаю, может ли сие быть полезным для государя и государства; для государя потому, что сие предпочтение, оскорбляя народную гордость, поселяет в душах подданных чувство охлаждения и мысль, что презирают ими; для государства — потому что его выгоды чужды для иностранца; следовательно, он в исполнении возлагаемой на него должности видит только свою пользу, с которою соображает свои поступки, всегда почти противоположные с пользою общественною. Не говоря о происшествиях, видимых в Истории[y], 14-ое декабря показало, что озлобление народное всегда бывает след-

[x] В списке из коллекции БАН слово отсутствует.

[y] В списке из коллекции БАН: «Не говоря о других происшествиях...»

ствием сего предпочтения: чернь явно кричала во время сего происшествия, что будет истреблять иноземцев, и можно было читать на лицах их ту радость исступления, которая бывает предзнаменованием событий, горестных для человечества[14]. Может быть, ни одно царство в мире не имеет столь превосходную политическую систему, как Австрия; она всегда была добычей; сколько раз, казалось, исчезала с лица земли и опять возрождалась с большею силою, увеличиваясь в пределах и могуществах. Это не есть действие случайности, но мудрости в управлении, возлагаемом только на одних коренных подданных и удаляющем от важных должностей государственных не только пришельцев иноземных, но даже подданных покоренных областей, которые всегда после присоединения вскоре сливаются с господствующим народом, не только в составе управления, но даже языком и обычаями. Прочие государства Европы.., но зачем нам брать примеры среди чуждых народов, когда собственная история представляет их во множестве. Петр и Екатерина Великая основали славу дел своих и могущество народное на доверенности к русским; ежели иностранцы и были ими употребляемы, то не в важных должностях и более как орудие действия, а не самое действие.

Бессмертная Екатерина в наставлении своем наместнику Польских губерний, в то время присоединенных к империи, явно обнаруживает великое намерение свое, дабы грань инородия исчезла, и покоренные области слились с господствующим племенем славян[15]. Царство Польское, некоторым образом имеющее самобытное существование в гражданском устройстве, не приносит никакой пользы России, купившей его ценою крови и великих жертв, — есть ни что иное, как нарыв на теле империи, который может заразить здоровые части и произвесть воспаление в целом составе[16].

Говоря о недостаточном действии Министерства финансов, надо присовокупить, что совершенство оного зависит от совершенства других частей государственного управления, особенно от просвещения народного и правосудия.

Министерство просвещения

Просвещение есть одна из важнейших причин могущества народного, порука общественного благосостояния, источник высоких государственных добродетелей и, так сказать, ключ к богатству общественному и первенству в их составе политическом внешних отношений и внутреннего устройства[17]. Ежели мы видим, что при развитии понятий человеческих, при образовании умственном являются события горестные для благородного сердца, то не должны относить сие (как делают многие) к просвещению, но к способу, которым оно распространяется, к тем действиям, посредством коих мы приобретаем познания наши, одним словом — к ложному просвещению, которое есть умственное развращение. Но прежде, нежели приступим к рассмотрению просвещения Российской империи, должно определить: что такое просвещение и образование, дабы увидеть, первое или второе у нас существует[z].

---

[z] В списке из коллекции БАН: «...существует ли у нас первое».

Просвещение и образование — два слова, часто принимаемые за одно и то же, хотя они заключают в себе понятия и действия совершенно противоположные.

Просвещение означает состояние души в полном свете, то положение, в котором она, постигая причины и удивляясь мудрости мироздания, поклоняется Предвечному сердцем, полным любви и благочестия, но чуждым суеверия и страха, в котором она, зная устройство обществ человеческих, дела их великие и ничтожества, проникает в глубь грядущих событий и по ошибкам настоящего предугадывает бедствия грядущих лет. Просвещение наполняет сердце наше кроткими ощущениями в частной, высокими порывами в общественной жизни. Счастие собратий, благо земли родной есть лучшая мечта, цель всех поступков и дел истинно просвещенного человека; ему известны все отрасли, все оттенки произведений умственных; природа, как книга, открыта пред ним с великими и благодетельными тайнами своими. Просвещение не есть принадлежность одного общества, но достояние всех народов.

Образование же есть преддверие просвещения; оно следует за воспитанием и служит, так сказать, формою, в которой отливаются наши ощущения, страсти и первоначальные понятия, это облик, по коему отличаются народы один от другого; посему-то образование (также и воспитание) должно быть народное: ибо оно одно только может поддержать добродетели, упоить[aa] сердце наше любовью к отечеству, которая служит основанием могущества царств. Напротив, образование занятое, или производимое по образцам и по чувствам чуждых племен, лишая общество народных добродетелей, изглаживая отличительные его черты, укореняет чуждые пороки, развращает нравы, препятствует государственному благосостоянию.

В России просвещения не существует, и нет народного образования, поелику нет тех основных правил непреложных истин, которые бы, опираясь на свойствах, русским принадлежащих, заключали в себе государственную мысль, развиваемую в понятиях и чувствах граждан.

Заведение школ, гимназий, университетов без сих основных правил образования есть то же, что огромное здание, воздвигнутое на песке зыбучем; порыв ветра — и здание представляет развалины.

Но, по званию Министерства просвещения, положим, что мы имеем просвещение, которое разделим по роду и виду; рассмотрим каждый из сих видов, дабы приблизиться к точке, долженствующей послужить центром описываемого круга.

Два рода у нас просвещения: общественное и частное; каждое из них имеет два вида — первое: гражданское и военное; второе: общественное и домашнее.

Гражданское просвещение. Образование общественное (хотя в малой части граждан), судя по усилиям правительства, могло бы приблизиться к своему назначению, ежели бы всеобщее зло, источник всех беспорядков и несчастий, не препятствовало бы успешному его ходу и постепенному улучшению. Сие зло заключается в возможности каждому начальнику, часто не имеющему ни нравственного, ни умственного образования, разрушать прежний порядок, изгонять людей достойных и сведущих, единственно потому, что познания последних служат обличением невежества первых. Университет Казанский представляет

[aa] В списке из коллекции БАН: «упокоить».

жалкие остатки первобытного устройства[18]; Петербургский университет также не в цветущем положении после удаления лучших профессоров[19]. В сих-то источниках просвещения почерпаются одни поверхностные познания в науках, одни недостаточные сведения, что должно отнести к умственному развращению, ибо сообщать поверхностное понятие о предметах — значит лишать ум и природного его достоинства. Наши университеты не образовали ни одного человека, который познаниями своими мог был стать наряду с людьми сего рода в других государствах, как будто Творец наложил на умы русских печать отвержения.

После сего можно судить о достоинстве училищных заведений в губерниях и уездах, которые впрочем (кроме Петербургской губернии) не имеют никаких способов к улучшению.

Сельские же училища, по закону долженствующие находиться при церквах, не существуют[20], и может быть — к лучшему; ибо в них должны обучать священники, которых невежество и пороки могут истребить последние черты народной нравственности. Сии последние училища, не обращающие на себя никакого внимания, составляют основание частного и общественного счастия, поелику от них зависит начальное образование, развитие нравственных и умственных сил — 50 000 000 ч[еловек]. Народ русский в отношении просвещения, конечно, не многим выше времен Ярослава[21], тогда как круг правительственных действий заключается в XIX столетии; посему-то нужды правительства далеко превосходят производительные силы народа и не могут быть вполне удовлетворяемы.

При сей противуположности действия и сил упадок государственного благосостояния неминуем и влечет за собою вредные последствия. Вообще, успехи в земледелии, совершенство мануфактур, ремесел, цветущее состояние торговли зависят от народного просвещения; не говоря уже об Англии и Франции, взглянуть только на Германию — и всякий согласится в непреложности сей истины. Двадцать лет Германия была позорищем[22] битв и опустошений и, тотчас по удалении их бедствий, явилась в цветущем состоянии, как будто разорение не касалось земель ее[23]; напротив, наши губернии, бывшие театром войны только несколько месяцев, еще и до сего времени представляют горестные остатки несчастий и, может быть, надолго сохранят их как плачевный памятник бедности народной.

В Германии все земледельцы под руководством добродетельного и образованного пастыря получают те наставления в нравственности и сведения в быту сельском, которые разливают семейственное счастие — основу государственного благоденствия — и то совершенство земледельческих работ, которое есть признак богатства общественного.

Просвещение военное в умственном отношении еще несовершеннее гражданского; в отношении же нравственном столь недостаточно, что превосходит всякое вероятие.

Образование частное.

Образование частное домашнее с предшествующим воспитанием в России может назваться источником разврата и ничтожества, ибо оно служит залогом порабощения чувств наших владычеству иноплеменному, порабощению нравственному, приуготовляющему господство политическое.

Мы говорили выше, что образование служит преддверием просвещению, что оно необходимо должно быть народное, поелику образует граждан для государства; прибавим, чтобы достигнуть сей цели, необходимо, дабы воспитание детей составляло обязанность родителей. У нас, напротив, отцы и матери знают детей своих только в минуту их рождения; ибо после сего они поступают на руки наемников и делаются их принадлежностью, доколь не придут в возраст, в котором могут бранить и бить своих менторов. Каждый иностранец, только бы он не говорил по-русски (это важнейшее достоинство воспитателя), и хотя бы развратною жизнью своею, самыми преступлениями заслужил на родине виселицу, у нас получает полное право на воспитание детей, на образование первых их понятий, первых впечатлений души, впечатлений, служащих основанием будущего достоинства их частной и общественной жизни. Надо отдать справедливость державам европейским, особенно Франции; они, из любви к России, толпами присылают бродяг и негодяев для просвещения нашего благородного дворянства. Сим-то источником втекают в Россию пороки и заблуждения всех народов, истребляющие народные добродетели и любовь к отечеству, любовь, которая должна вливаться в нас с молоком матери, с ласками отца, с первым внятным для нас трепетанием сердца. Сие высокое, благородное чувство могут ли внушить иноземцы? — к сему должно присоединить страсть посылать детей для воспитания в чужие земли, где они узнают все, кроме того, что надо знать русскому. И эти несчастные жертвы невежества возвращаются на родину с чувством хладным к ее пользам, с понятиями ложными о ее состоянии, но зато с пламенною тошнотою[24] по чужбине, которая по необходимости делается частью их существования, предметом поклонения.

Законодатели новейших веков совершенно не обращают внимания на сей предмет, хотя он есть важнейший в составе обществ, ибо воспитание и образование ручается за непоколебимость постановлений и могущества государственного. Одни только древние законодатели постигли сию великую истину и утвердили на ней знаменитость народов того времени.

Образование частное общественное.

Сие образование я полагаю в тех учебных заведениях, которые учреждены частными лицами. Но кто сии лица? — опять иностранцы! Следовательно, — это образование есть продолжение предыдущего со всеми его видами и последствиями. Благодаря сим заведениям, в России русские с трудом объясняются на отечественном наречии, но зато как превосходно выражают понятия свои на французском языке, с какою легкостью пляшут французскую кадриль, как будто юноши и девы русские готовятся в скоморохи на французские бульвары. К тому же познания, приобретаемые в таковых училищах, столь поверхностны и ничтожны, что самый лучший ученик знает все, ничего не понимая, а сие познание, как выше сказано, есть не просвещение, а развращение народное, и тем вреднейшее, что дети лучших семейств, воспитанные подобным образом, готовятся занимать государственные должности, на которые приносят они одно ничтожество чувств и понятий.

Министры Людовика XIV, помышляя о всеобщей монархии, рассуждали о средствах к достижению сей цели; в сие время один из них сказал: «Заставьте всех говорить по-французски и Европа у ног наших». Истина неопровергаемая.

Наречие есть та связь понятий и ощущений, которая соединяет людей, рождает в нас чувства, дает одинакие направления душе, в общественной жизни образует общие привычки. Желания наши по необходимости согласуются с свойствами того народа, которого наречие господствует; и господство над мыслями и чувствами людей есть явный признак политического владычества.

Для отвращения вреда, проистекающего от общественного просвещения и частного образования, не бесполезно было бы:

1. Дать русским русское образование, основанное на коренных государственных истинах, с тем чтобы оно везде было единообразно и не зависело от прихотливой воли частных лиц. По общему закону природы — все изменяется, тем более — человеческие постановления, которые зависят от времени, обстоятельств, опытности лет; но перемены в сем отношении должны быть общие для целого государственного состава, ежели не хотим потерять единства чувств и понятий.

2. В губернские и уездные училища определять людей сведущих и просвещенных и изгнать безграмотных. Для достижения сей цели прежде нужно возвысить достоинство университетов в отношении учения и прибавить число учеников на казенном содержании с тем, чтобы они, по окончании курса, ежели найдутся достойными, непременно поступали в учители вышесказанных заведений, где, в замену попечений об их образовании, должны быть 10 лет, а по истечении сего срока стараться почетными наградами, а еще более — достаточным содержанием, удержать их при настоящих местах.

3. Определить, чтобы при каждой церкви в городе и уезде непременно учреждены были приходские училища, поставя в обязанность священникам учить детей своих приходов грамоте и закону Божию.

Но в сем случае не бесполезно бы обратиться к образованию сего сана, весьма важного в составе общественном, ибо от его поучений и примера зависит народная нравственность, тогда как у нас сельские священники пороками своими едва ли не превышают самый последний класс граждан. Впрочем, справедливость требует сказать, что это происходит не от людей, носящих сей сан, но от обстоятельств и нужд, их окружающих. Сие происходит: во-первых, земное звонкое убеждение нередко пленяет людей, долженствующих жить одними небесными надеждами, от чего посвящаются в сельские приходы дети и ближайшие родственники старых священников, как бы по наследству, хотя не получили никакого предварительного образования и самую службу церковную выучили по слуху. Возбраняя посвящать в пастыри церкви не учившегося в семинарии, легко можно истребить сие зло. Во-вторых, и те священники, которые выходят из семинарии, вскоре сливаются понятиями с низшим классом народа, заимствуют его привычки и невежество, ибо стесненные в потребностях жизни, долженствующие своими руками обрабатывать землю, дабы иметь хлеб насущный, они не могут поддерживать прежнее свое образование, что по необходимости соединяет их не духовными, но плотскими узами с поселянами. Сие неудобство легко отвратить, приказав, дабы прихожане обрабатывали земли священников или бы давали натурою все потребное для жизни, определя притом денежное вспомоществование. Причем не худо бы возбранить пастырям брать деньги с овец духовных при исполнении церковных треб, что служит нередко причиною соблазнов, уничтожающих достоинство сего сана.

Также не бесполезно бы обратить внимание на улучшение семинарий, в которых, на основании повеления Екатерины Великой[25], предписать преподавать медицину, что принесет великую для государства пользу, ибо тысячи умирают единственно от неимения малейшей помощи.

4. Возбранить брать в семейства иностранцев для воспитания детей. Это средство избавить государство от иноплеменной заразы и обратить отцов и матерей к их обязанностям — быть руководителями детей своих и, не предавая сердца их чуждым порокам, образовать их в тех отличительных свойствах и добродетелях, которые составляют особенную принадлежность каждого народа.

5. Изгнать из кадетских корпусов разврат, в высшей степени укоренившийся, и дать образованию и просвещению в оных истинное направление.

6. Образовать девушек в казенных заведениях для России, а не для Франции или другого какого народа. Образование женского пола весьма важно и должно обращать на себя особенное внимание законодателя, ибо свойства, понятия, чувства матери делаются принадлежностью души нашей и производят первые и решительные впечатления на сердце. По сему-то древние законодатели старались воспитанием возвысить достоинство прелестного пола и влить в него пламенную любовь к отечеству, которая бы была наследием детей, народною подпорою. У нас, напротив, матери, не зная даже говорить по-русски, примером своим истребляют искру благородных чувств, хотя случайно заронившуюся в сердца детей: первые слова ее, внятные для дочери и сына — иноземные; первое понятие сих последних устремлено к иноземному; первое желание души их — иноземного; первая любовь — к государству иноземному; первые познания о делах человеческих — иноземных. Дикие, и те гордятся отечеством, и они едва понятными звуками передают дела отцов своих поколениям грядущим, а мы, русские, о подвигах и состоянии земли отечественной узнаем по рассказам иноземцев; узнаем, дабы презирать то, что должны любить более жизни.

7. Возбранить иноземцам учреждать так называемые пансионы и почетными наградами ободрить, дабы добродетельные и богатые россияне учредили несколько таковых заведений, которым дать единообразное направление, согласное с общественным воспитанием.

8. Запретить воспитывать русских подданных в чужих краях; в противном случае такого не допускать ни к каким общественным должностям.

Министерство юстиции

Правосудие есть первое и главнейшее основание общественного благоденствия; из него проистекает спокойствие, безопасность[bb], деятельность гражданская — причина частного довольства и общественного богатства; ибо тогда только люди пекутся об умножении своего состояния, когда сие состояние совершенно обеспечено от притязаний сильнейшего, когда законы ручаются за безопасность каждого и пред лицом их водворено равенство состояний и лиц. Сие побудило

[bb] В списке из коллекции БАН слово отсутствует.

людей отказаться от большей части естественных прав дикой жизни и соединиться в общества[26]; следовательно — государство тогда только достигает своей цели, когда правосудие неколебимо; оно крепит основы царственные. Напротив, неправосудие, разлитое по всем отраслям управления и от сего постепенно превратившееся в общее угнетение, служит причиною гражданских несчастий, потрясает государства, приближает их к тем страшным переворотам, которые или перерождают, или истребляют народы.

Ни судилища, ни правда в других многоразличных видах в Российской империи не соответствуют высокому своему назначению. Может быть, нет в Европе государства, где бы неправосудие и неправда являлись столь открыто и ненаказанно: потворство сильному, угнетение слабого — одни права, которые до сих пор у нас господствовали и приносили обильную пищу страстям людей, их прихотям и корыстолюбию. Не думаю, чтобы общество при таком состоянии могло наслаждаться спокойствием и счастием, и не знаю, что полезнее: господствовать ли страхом, повсюду распространенным, или любовию, везде разлитою? Но, оставя рассматривание действий несправедливости вообще, обратимся в частности к судилищам.

К действию законов наших легко применить слова, сказанные Анахарзисом Солону: «Законы подобны паутине, в которую попадают слабые мухи, но сильные и смелые всегда прорывают». И по истине, правосудие в России в гражданских и уголовных судилищах столь несовершенно и пристрастно, что трудно найти сему примеров даже во времена, предшествовавшие разрушению Римской империи.

Конечно, нет в целой империи 1000 семейств, уцелевших от общего потопления неправды и ябеды, и нет 10, которые бы могли быть уверены в спокойном обладании своим достоянием. Таковая неуверенность произвела общее охлаждение к пользам государственным и породила преступное стремление всех почти обогатиться непозволительными средствами, дабы выйти из общей массы угнетенных, поелику богатство после силы есть вернейший способ притеснять других, не страшась ответственности. Особенно судилища низшей дистанции[27] — губернские и уездные — превосходят всякое вероятие; из них-то проистекает разорение империи; в них явно владычествует ябеда и корысть. Это проистекает от безусловного владычества губернаторов, которые, преследуя всякое благородное чувство, всякое похвальное рвение к истине, стараются оскорблениями и властию своею, едва ли не равною самодержавной, изгнать людей добродетельных и честных; наполнить места, им подведомственные, бродягами и негодяями, кои были бы слепыми орудиями их воли, их личных выгод.

Но ежели зло заключается в преступных действиях лиц, то повод к оному кроется: во-первых — в самих законах; во-вторых — в судопроизводстве; в-третьих — в недостаточном жалованьи чиновников; в-четвертых — в их невежестве.

1. **В законах**. Законы, по которым производится у нас суд и расправа, можно сравнить с хаосом, предшествовавшим мирозданию; это пучина, которая грозит одною гибелью. Истины в незапамятные времена разбивались об ее подводные камни. Нет предмета, для которого бы не было издано 30 и более указов, один другому противоречащих. От сего у нас самая явная несправедливость непременно основана на каком-либо законе, из коих большая часть так написана, что дает

возможность толковать их смысл как угодно. А где законы могут зависеть от толкования судей и секретаря, там уже не может быть никакого правосудия. Законы должны исполняться буквально; для сего нужно, чтобы они были написаны ясно и не заключали в себе сложности и изъяснений.

Еще Петр Великий видел необходимость в общих, постоянных определенных законах, не в указах, а в Уложении заключающихся, и поручил составить оное особой Комиссии; но смерть положила предел течению благотворной для России жизни Великого и всем благим его начинаниям[28]. Последующие государи также учреждали под разными наименованиями места для составления Уложения; Екатерина Великая даже издала бессмертный наказ для сего[29]; наконец, в Бозе почивающий император Александр I учредил Комиссию составления законов[30].

Сия Комиссия, имея у себя вековые труды, все средства к превосходному составлению Уложения, наконец, года четыре назад представила оное для гражданских и уголовных дел[31], но столь несовершенное и ошибочное, что трудно поверить составлению их в XIX столетии.

Я представил замечания мои на эти Уложения[cc, 32], и теперь могу присоединить только то, что Уложение, составляемое[dd] для какого-либо народа, должно быть основано на коренных его законах, а не составлено из обломков законодательств других народов[ee], ни свойствами, ни духом, ни потребностями общественной жизни не равными[ff]. Тем менее ум какого-либо человека, положим величайшего гения, может составить законодательство для народа уже в полном развитии общественной жизни, ибо кто может сказать: я постиг все потребности, проник все изгибы сердца и дел человеческих и на них основал всю непреложность своих положений. Законы возникают от обстоятельств, нужд народных и никогда не могут и не должны проистекать от произвола ума. Вот причина, по которой у нас не могут в течение с лишком ста лет составить Уложения.

Во время римского императора Юстиниана[33] один человек в течение трех лет составил то превосходное Уложение (Дигесты или Пандекты[34]), которое 1000 лет служит основанием законодательств просвещенной Европы и навсегда останется памятником великого ума, хотя труд сей, судя по образу объявления законов до императоров, представлял величайшие затруднения[gg]; Трибониан[35] должен был собирать узаконения[hh] по целой Империи, в словесных и письменных суждениях предшествовавших ему правоведцев (в двух тысячах томах заключающихся), [и] искать постановлений.

Это ведет к заключению, что у нас до тех пор не составится Уложение, покуда не соберутся законы Империи, и на них, а не на проектах, один другого несовер-

---

[cc] В списке из коллекции БАН: «Я представлял замечания свои по сему предмету».

[dd] В списке из коллекции БАН: «издаваемое».

[ee] В списке из коллекции БАН: «племен».

[ff] В списке из коллекции БАН: «...ни духом народа, ни физическим положением не равным[и]».

Далее в этом же списке, вместо следующих до конца абзаца предложений, имеется фраза: «Странно, как до сего времени, при всех возможных способах, не могли окончить труд сей, необходимый для блага России, как будто он был бесконечен как вечность».

[gg] В списке из коллекции БАН далее следует: «и в миллион крат выше столетнего труда Комиссии нашей, ибо...».

[hh] В списке из коллекции БАН: «учреждения».

шеннее, утвердятся законы, или яснее сказать, из них извлечется существо нашего законодательства[ii, 36].

2. **Судопроизводство**. У нас нет постоянных правил судопроизводства, тех формул, которые бы повсеместным единообразием своим определяли правильное течение дел, необходимое для правосудия и отстранения ябеды. Притом самое устройство судилищ наших дает все способы владычествовать несправедливости и угнетению. Еще при обозрении Уголовного уложения 1821 года[37] я сказал, что тайну судилищ можно сравнить с бездною стоячей воды, с бездною, которая, не будучи приводима в движение мнением народа, одобрением и порицанием общего голоса, портится в берегах своих, гноит суда, по нужде на ней плавающие, и заражает воздух испарениями, удушающими истину. Опытность прошедших лет, примеры настоящего могут быть порукою[jj] общественного благосостояния и безопасности личной. Дозволение налагать клеймо общего презрения и порицания останавливает самого дерзкого и закоренелого корыстолюбца и криводушника. Мнение народное должно быть блюстителем за правосудием, ибо каждый из членов государства зорко наблюдает поступки судей, дабы несправедливость в отношении ближнего не могла со временем отяготеть на нем. Только в открытом судопроизводстве сила и бессилие, богатство и бедность с одними правами, с одинакою доверенностью предстают лицу законов, карающих одно преступление и неправду.

Судя по потребности времени и той порче, которая кроется в судилищах наших, кажется, не бесполезно было бы переменить устройство судебных мест от Земского суда и до Сената, который при настоящем своем положении более приносит вреда, чем пользы. Екатерина Великая учредила губернские и уездные расправы, как приуготовительные средства к другому, высшему их преобразованию, по собственному сознанию Ее, только на двадцать пять лет[38]. Не служит ли сие доказательством необыкновенного ума сей государыни, ума, предвидящего грядущие события?

3. **Недостаточное жалованье чиновникам.** В начале человеческих обществ нужда есть мать изобретений и первый шаг к совершенству нашему; впоследствии же, когда общежитие умножит число потребностей наших, и роскошь и развращение правил сделают и самое излишество необходимостью, нужда уже есть мать пороков. Основываясь на таком ходе общежития, при всем презрении к лихоимству, у нас некоторым образом должно извинить оное, как основанное на нужде, на удовлетворении самых необходимых потребностей жизни. Конечно, у нас лихоимство достигло высшей степени, даже, можно сказать, превратилось в явное грабительство, но какие меры может предпринять правительство к прекращению сего зла, если оно само дает для сего повод, не обеспечивая существования чиновников даже во время их служения. Жалованье, определенное чиновникам во всех присутственных местах, столь маловажно, что едва достаточно на платье одному человеку, который, конечно, захочет иметь пристанище и пищу. Откуда же он возьмет для

[ii] В списке из коллекции БАН вместо данного абзаца содержится: «Без Уложения никакие силы человеческие не могут восстановить правосудия во всем блеске и достоинстве его. Но ежели по издании Уложения будут объявляться указы во всей обширности Указов, до днесь существующих, то существование Уложения и благодетельное его действие не может быть прочно и долговременно».

[jj] В списке из коллекции БАН: «причиною».

сего денег? — Из карманов просителей и подсудимых, которые, по обратному порядку, делаются уже без пристанища и пищи. Теперь чиновник, имеющий многочисленное семейство, где найдет средства к его содержанию? — В тех же карманах! И может ли он, при всей наклонности к добру, твердою рукою держать весы правосудия, когда стон близких к сердцу провожает его в судилище, слезы детей встречают его у порога дома.

4. **Невежество чиновников.** У нас от образа воспитания вышеизложенного высшие чиновники вступают в отправление должностей для того, чтобы чему-нибудь научиться, почему все производство дел лежит на средних и низших чиновниках, которые только долговременными опытами приобретают те сведения, которые столь превосходны для их пользы, а пагубны для государства. У нас вообще все секретарские и другие подобные места занимают дети вечных титулярных советников, класса, можно сказать, по многочисленности особенного в государстве, но не имеющего никаких определительных и другим классам свойственных преимуществ. Дети титулярного советника, если он не из дворян, не принимаются ни в какое заведение казенное, а большая часть из них бедны, следовательно остаются без всякого образования, с одними пороками, проистекающими от праздности и невежества. Впоследствии они поступают писцами в судебные места и, постепенно возрастая, приносят в места, ими занимаемые, разврат сердца и души, весьма худые спутники частной и общественной жизни человека. Для отвращения сего зла необходимо учредить юридический институт, где всякий бы мог учиться, но на казенный кошт были бы принимаемы дети титулярных советников не из дворян, что может образовать превосходных секретарей и возвысить их нравственное достоинство.

Конечно, для выполнения всех потребностей по министерствам просвещения и юстиции, нужно несколько миллионов рублей — более, чем ныне на них употребляется, что не весьма легко исполнить; но не от Министерства ли финансов зависит изыскать новый источник государственного дохода, не обременяя классов, несущих личные государственные повинности.

Военное ведомство

Сухопутное. Вообще военная часть в отношении организации своей в цветущем положении, если не коснемся до пагубной мысли, разрушающей всякое основание благоустройства — что старший всегда прав, а младший виноват. Это проистекает от ошибочного понятия о дисциплине. Что такое порядок? Порядок есть то состояние, в котором каждый движется в кругу его обязанностей, по точным правилам, определенным законами, не имея возможности отягощать участи себе подобного ни физическим, ни нравственным страданием; когда высший блюдет за исполнением обязанностей низшего, не имея права делать ему личных оскорблений, иначе подвергается ответственности пред судом справедливости. Напротив, возможность поступать самовольно начальствующему по движению страстей своих без ответственности есть отсутствие дисциплины и источник тех беспорядков, которые обнаруживаются в начале голосом ропота и наконец переходят в общее сопротивление.

Военное состояние необходимо должно согласоваться с производительными силами государства, иначе оно послужит предметом народного отягощения, ибо многочисленные войска, поглощая большую часть общественных доходов, воспрепятствуют устройству других частей внутреннего управления. Вообще великие ополчения есть более признак слабости народной, нежели силы, и доказывают, что общество, утратив тот дух народный, который составляет истинное могущество, поддерживает себя насильственными средствами: Рим повелевал вселенною, когда в мирное время не имел ни одного воина, и вселенная поработила Рим, когда сотни их тысяч были на страже империи. Притом многочисленное войско поглощает собственные[kk] силы свои, поелику, пополняя недостаток свой людьми цветущих лет и здоровья, истребляет народонаселение, распространяет разврат и препятствует развитию производительных сил государства.

Теперь должно обратиться к новому явлению наших времен — к образованию поселенных войск[39].

Конечно, цель военных поселений похвальна по чувствам и намерению; но не такова по исполнению и последствиям. Уменьшить издержки на содержание войск, уничтожить рекрутские наборы, до крайности обременительные, дали мысль произвесть новый гражданский класс, выходящий из круга обыкновенного устройства государства. Какие же средства употреблены для достижения сей цели? — вынуждение! — отнять у сотни тысяч граждан их достояние, заставить пожертвовать даже сердечными узами, принудить отказаться от всех общественных сношений, — и за все сие обременить тягостными трудами — не значит ли нарушать Божественные и человеческие законы, поселить в душах ненависть там, где потребны чувства преданности и любви, на коих зиждется слава царя и спокойствие общественное? Возмущение некоторых деревень во время учреждения поселений[40] не есть ли явное доказательство вреда оных, ибо те меры, которые вынуждают сопротивление граждан, разрушают всякое основание порядка и противоречат общественной пользе?

Конечно, для выгоды государственной должно жертвовать иногда частию временных гражданских преимуществ; но в таком случае, когда сия жертва доставляет в настоящее или, по крайней мере, в будущее время общественную пользу и не может заключать в себе причин отдаленных несчастий.

Прежде устройства военных поселений нужно б было решить два вопроса: полезно ли учредить в государстве особый класс людей, который бы заключал в себе великий перевес в силах общественных? — Ежели сей класс, почувствовав важность свою и увлеченный честолюбием одного, или собственным буйством, решится ниспровергнуть существующий порядок, — то какая сила может противустать ему и уничтожить пагубные замыслы? Не считаю нужным давать на сие ответы, ибо они сами собою вытекают из вопросов, присовокупляю только, что легионы, поселенные на пределах Римской империи, были причиною величайших несчастий и беспорядков, причинивших падение сей державы[41].

Морское. Существование флота в России есть только именовательное. Петр Великий употребил необыкновенные усилия для устройства морского ополчения

[kk] В списке из коллекции БАН слово отсутствует.

и флоту обязан важными преимуществами в борьбе северной[42]. Екатерина Великая пеклась о его поддержании и принудила Англию подписать знаменитый нейтральный трактат[43], нанесла решительный удар Турции, остановила стремление Швеции[44]. В наше же время даже сия последняя держава может господствовать на водах Балтийского моря, ибо флот в столь жалостном положении, что едва ли пять кораблей могут снарядить и вооружить, как следует, тогда как прежде в два месяца могли вывести двадцать пять и более[45].

Рассмотря действие каждого министерства в особенности, теперь приступим к обозрению влияния их на общий состав государственного устройства.

Каждый образ правления имеет свои особенные принадлежности, свои отличительные черты или, лучше сказать, свойства, коим должны соответствовать все части управления, ежели хотим, чтобы они согласовались с духом государственных постановлений, поддерживали, а не разрушали оные. На основании сей непреложной истины, учреждение министерств есть необходимая часть конституционных правлений и [вредная][ll] — монархического неограниченного[mm, 46].

Монархическое неограниченное правление имеет основанием своим волю монарха, исполнительная часть которой разделяется между людьми, пользующимися доверенностью государя, управлению вверенных им частей[nn]. Ежели сия доверенность сосредотачивается в одном лице, заведывающем какою-либо частью устройства, то она превращается в неограниченное действие сего лица, которое, действуя в кругу своем по своему усмотрению, есть представитель и вместе судия своих поступков пред лицом монарха, коего власть уже делается уделом власти сего лица и постепенно превращается в орудие угнетения; следовательно — чем больше сих лиц (как бы они ни назывались) в сем роде правления, тем бедственнее состояние государства, тем ближе повреждение основных его начал[oo].

Учреждение министерств в монархиях неконституционных принадлежит Людовику XIV, и действия сих второстепенных царей довели французский народ до преступления, ужаснувшего вселенную[47]. Состояние Франции столько же было горестно до революции, сколь ужасно в дни оной; сия несчастная земля уподоблялась гнойному трупу, брошенному на съедение червям. Отцы и матери кляли день рождения детей своих, которых жизнь обречена была всеми ужасами бедности и угнетения. Даже доходило до того, что, не имея чем питать сил несчастных, уступали на них права свои. И это было делом рук французских министров, которые, как люди, имеющие страсти, связанные в общежитии родством и приязнию, разделяли власть, им вверенную, с своими любимцами; сии, в свою чреду, уделяли оную своим приверженцам. От сего родилась непрерывная цепь притеснителей, и жалобы, стон народа или не доходили до монарха, или представляемы были в виде непокорности и желания общего беспорядка, чрез что более и более отягощалась участь его.

Напротив, в конституционных правлениях, где законодательная власть в руках

[ll] В списке из коллекции БАН это слово присутствует.
[mm] В списке из коллекции БАН: «в монархическом неограниченном».
[nn] Так в рукописи.
[oo] В рукописи исправлено из слова «правил». В списке из коллекции БАН: «правил».

народа, а исполнительная и блюстительная принадлежит государю, министры составляют необходимую часть устройства: они суть посредники между государем и народом, завися от первого и подверженные суду последнего, по необходимости располагают поступки свои с законами и истиною, пекутся о соблюдении порядка и справедливости. В сем положении министры не могут надолго уклоняться с прямого пути своих действий, не только по прихоти и стремлению страстей, но даже по свойственному человечеству заблуждению, ибо тысячи глаз блюдут за их поступками, тысячи голосов обличат их несправедливость и принудят или изменить действие, или уклониться с поприща государственного служения, чего не может быть в монархическом правлении[рр].

Вообще, в правлении монархическом неограниченном исполнительная власть должна быть совещательная (или коллегиальная), находиться в руках многих, поелику власть, сообщаемая законодательною властью не лицу, а месту, составленному из многих лиц, ближе действует по общим государственным постановлениям и тем непреложным истинам, кои блюдут общественное благосостояние. Конечно, и в сем положении страсти и ошибки людей могут втекать в действия и распоряжения; но зло бывает не столь повсеместно и продолжительно, ибо ежели из числа многих членов один находится с благородною душою и здоровым смыслом, то может остановить его действие. Притом, мысль какого-либо полезного предприятия развивается постепенно и постоянно, чего не может быть при министрах, которые, принимая управление, изменяют порядок предшествовавший сообразно с своими об нем понятиями; от чего у нас нет единства в действии, твердости в исполнении, что необходимо для достижения какой-либо полезной цели в правлении.

Ежели правление монархическое неконституционное не допускает учреждения министерств, то не менее противно его основанию власть исполнительную соединить в одном лице, как было во время Екатерины Великой[48]; ибо злоупотребление сего лица, облеченного всею доверенностью государя в отношении всех частей управления, всегда бывают важны по вреду и следствиям. Это неудобство, может быть, побудило покойного императора Александра I-го учредить министерства, что однако же по причинам вышеизложенным не удовлетворило благородным его намерениям[49]. Устройство Государственного Совета[50] и самые даже министерства представляют все средства образовать новое превосходное правительственное место, в котором бы сосредоточились правительственные действия, до бесконечности у нас раздробленные.

Покойный государь, кажется, чувствовал несообразность учреждения министров с свойствами управления; почему в последнее время он до крайности ослабил власть министров; но это произвело другое зло, важнее первого. Каждый генерал-губернатор и губернатор, каждое присутственное место признали себя независимыми, от чего в Российской империи произошло столько различных формул устройства и распорядков, сколько находится градоправителей, областоначальников и судей; следовательно — столько же беспорядков и злоупотреблений, сколько силы каждого произвести могут[51].

[рр] В рукописи первоначально ошибочно: «не может быть в конституционном правлении».

Что же произвело подобное состояние дел? Общее несчастие, повсеместную бедность, цветущие города и губернии разорены, лучшие люди удалены и преследуемы, единство в управлении потеряно, и государственная машина представляет беспорядочную громаду, — то состояние, которое укоренило и дало пищу горестному событию 14 декабря, покрывшему стыдом землю Русскую.

Печатается по: Архив СПбИИ РАН. К. 154. Ед. хр. 41. Л. 1–39. 1826 г. Копия (список).

Записка Н. И. Кутузова «О состоянии Российской империи в отношении внутреннего ее устройства» (1826 г.) сохранилась в оригинальном виде и нескольких списках. Оригинальная рукопись записки, поданная Кутузовым весной 1826 г., вскоре после его освобождения из-под следствия по делу декабристов, отложилась в собрании бумаг М. М. Сперанского (РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 77), очевидно, в связи с поступлением Кутузова на службу во II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и для публикатора осталась недоступной. В коллекции собирателя историко-литературных материалов, профессора филологии Санкт-Петербургского университета И. А. Шляпкина (1858–1918) хранится список записки Кутузова. На бумаге рукописи И. А. Шляпкина — штемпель Петергофской бумажной фабрики, применявшийся с 1828 г. (*Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства. XVII–XX вв. М., 1959. С. 27). Рукопись включает несколько листов с другим вариантом штемпеля той же фабрики (применялся в 1832–1839 гг.; см.: Там же. С. 27), что, вероятнее всего, говорит о том, что документ включил в себя части записки, копированные в разное время. Эти несколько листов писаны почерком, отличающимся от почерка большей части рукописи. Данный экземпляр включает следы мелкой редакционной правки, которые, при сличении с другими списками, свидетельствуют о дальнейшей работе автора записки над ее текстом.

В коллекции рукописей Библиотеки Академии наук (БАН), переданной в 1920-е гг. в архив Археографической комиссии, имеется другой список записки Кутузова (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. К. 226. Ед. хр. 3. Л. 1–38).

В фонде известного художника и медальера, члена Союза благоденствия Ф. П. Толстого — ближайшего друга Кутузова, его товарища по масонской ложе «Избранный Михаил», тайному обществу Союз благоденствия и «Вольному обществу учреждения училищ по методе взаимного обучения», — хранятся две копии записки (Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 244. Оп. 1. Д. 12. Л. 15–30; Д. 13. Л. 9–30). Наконец, в другом фонде Ф. П. Толстого **(**Государственный Русский музей (ГРМ). Сектор рукописей. Ф. 4 (Ф. П. Толстой). Оп. 1. Д. 18. Л. 1–10**)** имеется еще одна рукопись записки Кутузова — список рукой самого Ф. П. Толстого.

Обширные фрагменты текста записки Кутузова (из архива Ф. П. Толстого в ГРМ) были введены в научный оборот Н. Н. Коваленской (см.: *Коваленская Н. Н.* Художник-декабрист Ф. П. Толстой // Очерки из истории движения декабристов: Сб. ст. М., 1954. С. 533–543). В этой публикации авторство документа ошибочно приписано Ф. П. Толстому. Основанием послужил тот факт, что копия записки

(как и ряда других записок Кутузова) сохранилась в архиве Ф. П. Толстого и является его автографом. Данная ошибка на некоторое время укрепилась в историографии (см.: Река времен: (Книга истории и культуры). 1995. Кн. 1. С. 36–48; здесь Ф. П. Толстому приписано авторство и другой записки Кутузова «О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса»); в настоящее время исправлена (см.: «Истинное изображение нравственного состояния войск»: Записка декабриста Н. И. Кутузова Николаю I. 1826 г. / Публ. А. В. Семеновой // Исторический архив. 2000. № 6. С. 30–31).

В настоящем издании впервые публикуется полный текст записки Н. И. Кутузова. За основу взята рукопись из коллекции И. А. Шляпкина, поскольку при сопоставлении различных списков выясняется, что она отразила дальнейший ход работы автора над текстом документа. Кроме того, в рукописи из собрания Шляпкина на полях текста имеются карандашные пометы, принадлежащие неизвестному лицу. Вероятнее всего, им мог быть один из чиновников, которому было поручено рассмотреть записку, представленную Кутузовым. Маргиналии и другие пометы приводятся в подстрочных примечаниях. В подстрочных примечаниях приводятся также все содержательные отличия и списка из коллекции БАН.

Кутузов Николай Иванович (1796?–1849) — общественный деятель, военный историк, правовед, литератор и публицист.

Из дворян Новгородской губернии, сын отставного гвардии прапорщика. В 1814 г. поступил на службу в Лейб-гвардии Измайловский полк. В 1822 г. вышел в отставку в чине поручика для определения к статским делам, с переименованием в титулярные советники. С 1823 г. вновь на военной службе в Лейб-гвардии Егерском полку, штабс-капитан, назначен старшим адъютантом начальника штаба Гвардейского корпуса.

Участник декабристских тайных обществ: в 1818 г. принят в члены «Союза благоденствия», один из руководителей самостоятельного тайного общества (т. н. «общества Ф. Н. Глинки»), состоял в «Измайловском обществе» — кружке гвардейских офицеров, находившихся под влиянием «Союза благоденствия». В 1822 г. от участия в политическом движении отошел, однако сохранил контакты с членами тайных обществ (Ф. Н. Глинка, Н. М. Муравьев, Е. П. Оболенский). Входил в ближайшее окружение видных деятелей декабристских обществ 1810-х гг. Ф. Н. Глинки и Ф. П. Толстого.

Масон, член ложи «Избранный Михаил». Участник Петербургского «Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения», один из членов управляющего Комитета общества, принимал непосредственное участие в организации петербургской «образцовой» ланкастерской школы для бедных городских жителей. Действительный член «Вольного общества любителей российской словесности» (с 1821 г.).

Публицист либерального направления, Кутузов на протяжении 1810-х — начала 1820-х гг. выступал в печати за введение в России неизменяемых законов и конституционного строя. Работал над серией очерков по военной и политической истории XVIII — начала XIX в., опубликовал ряд статей: «О воспитании» (Журнал древней и новой словесности. 1818. № 9), «О причинах и следствиях заблуждения»

(Там же. 1819. № 4, 7; отд. изд.: СПб., 1819), «Обозрение царствования Людовика XIV» (Сын Отечества. 1819. Ч. 58. № 50. С. 145–169; № 51. С. 193–206), «О причинах благоденствия и величия народов (Отрывок)» (Сын Отечества. 1820. Ч. 59. № 1. С. 3–20; Ч. 60. № 10. С. 137–161), «Аполлон с семейством» (Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № 5. С. 193–210).

В январе 1826 г. был арестован и привлечен к следствию по делу декабристских тайных обществ. Содержался под арестом на Главной гауптвахте в Зимнем дворце, в феврале 1826 г. по решению Следственного комитета и с санкции Николая I освобожден с выдачей «оправдательного аттестата» (выявленная принадлежность Кутузова к Союзу благоденствия не стала основанием для наказания). После этого призывался к допросам не арестованным в связи с расследованием дела о тайном обществе Ф. Н. Глинки. После окончания следствия уволен с военной службы в чине штабс-капитана для определения к статским делам. В 1826 г. принят младшим чиновником во II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1835 г. произведен в действительные статские советники, назначен старшим чиновником. В 1842 г. причислен к Министерству юстиции и назначен членом Консультации при Министерстве.

Еще в начале 1820-х гг. Кутузов занялся критикой опубликованного Комиссией по составлению законов проекта Уголовного кодекса. Записка, обобщившая критические замечания, была направлена им в Комиссию и впоследствии оказалась среди бумаг М. М. Сперанского (см.: *Солодкин И. И.* Очерки по истории уголовного права в России (первая четверть XIX в.). Л., 1961. С. 19–22; оригинал: РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1–22). Несколько позднее Кутузов работал над проектом «открытого уголовного судопроизводства», о чем сообщал в письме к Ф. Н. Глинке (см.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 222–223).

Кутузов неоднократно выступал автором записок, обращенных на имя императора. В 1826 г., еще до окончания следственного процесса над участниками декабристских обществ, подготовил и подал императору публикуемую в настоящем издании записку «О состоянии Российском империи в отношении внутреннего ее устройства» (февраль–март 1826 г.), а также записку «О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса», затрагивающую положение дел в русской армии (июнь 1826 г.). (См. научную публикацию этой записки: «Истинное изображение нравственного состояния войск»: Записка декабриста Н. И. Кутузова Николаю I. 1826 г. / Публ. А. В. Семеновой // Исторический архив. 2000. № 6. С. 30–45). Подобные шаги он предпринимал и позднее. В 1836 г. Кутузов подает Николаю I записку «О гибельном направлении военного законодательства», которая, по его словам, осталась «голосом в пустыне». В том же году последовало новое обращение Кутузова к императору — записка «О необходимости уничтожения отдельных прав в губерниях, от Польши возвращенных». В 1841 г. Кутузов написал и представил новую обширную записку, озаглавленную «О причинах настоящего бедственного состояния государства» и также адресованную императору (опубликована: Русская старина. 1899. № 9. С. 517–531; оригинал: РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 66. Л. 15–30). Поводом для написания записки и основным ее содержанием стали наблюдения, сделанные во время поездки по Новгородской и Псковской губерниям, предпри-

нятой Кутузовым. В следующем году была написана и подана записка «О необходимости ввести во всех губерниях и областях империи русские органические законы» (оригинал: РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 66. Л. 31–42 об.), в которой Кутузов подверг критике автономные начала государственного управления национальных областей и окраин Российской империи, прежде всего Царства Польского. В эти же годы Кутузов продолжал заниматься военно-историческими трудами. В 1845 г. он опубликовал статью «Воспоминания о генерал-фельдмаршале Румянцове-Задунайском» (Отечественные записки. Т. 39. Отд. 2. С. 35–80; отд. изд. — СПб., 1845).

Часть трудов Кутузова так и не увидела свет. В рукописи осталась первая полковая история Лейб-гвардии Измайловского полка, офицером которого Кутузов являлся (напечатаны два отрывка: Сын Отечества. 1822. Ч. 81. № 42. С. 51–63; № 43. С. 99–113); ряд работ по вопросам правоведения, морали, воспитания и эстетики («О законодательстве древних», «О законах древних славян», «Практическое законодательство (о законах египтян)», «О музыке», «О театре», «Об удовольствиях общественных», «О внешней торговле»).

О Кутузове, его литературном и публицистическом наследии см.: Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 94, 272; *Шешунова С. В.* Кутузов Николай Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 249–250; «Истинное изображение нравственного состояния войск»: Записка декабриста Н. И. Кутузова Николаю I. 1826 г. / Публ. А. В. Семеновой // Исторический архив. 2000. № 6. С. 30–45 (публикация записки «О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса»); «Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов / Сост., вступит. ст. и коммент. С. С. Волка. М., 1983. С. 190–193, 244–260 (публикация статей Н. И. Кутузова «О причинах благоденствия и величия народов» и «Аполлон с семейством»; в сокращении); *Базанов В. Г.* 1) Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; 2) Ученая республика. М.; Л., 1964; *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958 (по указателю); *Ильин П. В.* 1) Из истории либеральной публицистики 1810–1820-х гг.: Н. И. Кутузов и его статья «О причинах благоденствия и величия народов» // Общество и власть: Межвузовский сб. науч. трудов. СПб., 2001. Ч. 1. С. 104–116; 2) Записки члена Союза благоденствия Н. И. Кутузова к императору Николаю I: К изучению эволюции «декабристского либерализма» после 1825 г. // История глазами историков: Межвуз. сб. науч. трудов, посвященный 70-летию... проф. Е. Р. Ольховского. СПб.; Пушкин, 2002. С. 45–65.

1. Дворянское депутатское собрание — постоянно действующее губернское сословное учреждение, созданное для составления и ведения дворянских родословных книг. Снабжало департамент Герольдии Сената соответствующими сведениями, выдавало свидетельства о дворянстве. Избиралось губернским дворянским собранием.

2. Учреждение об управлении губерний 1775 г. — государственный акт, урегулировавший взаимоотношения верховной и местной власти, структурную организацию местной власти, а также закрепивший принципы выборного местного управления в императорской России конца XVIII — середины XIX вв.

3. Фридрих II Великий (1712–1786) — прусский король с 1740 г.

4. Очевидно, иронический прием автора.

5. Речь идет о главном документе, оформившем т. н. «гильдейскую реформу» 1824 г., проведенную министром финансов Е. Ф. Канкриным — «Дополнительном постановлении об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний», опубликованном 14 ноября 1824 г. (ПСЗ. Т. 39. № 30115). «Постановление» сопровождалось манифестом Александра I и именным указом Сенату. Оно предусматривало строгую регламентацию торговой деятельности основных участников внутреннего рынка (дворяне, не находящиеся на службе, купцы трех гильдий, мещане и «посадские», торгующие крестьяне, иностранные купцы и «гости»). Вводилась патентная система, в основу которой был положен размер капитала, уточнялись права и «преимущества» купеческого сословия и «повинности» торгующих лиц.

«Гильдейская реформа» Е. Ф. Канкрина имела своей целью ограничение мелкой торговли крестьян и мещан в городах и укрепление, тем самым, позиций крупного гильдейского купечества. Она снизила количество повинностей и платежей для «торговых классов»; одновременно реформа способствовала развитию иностранной торговли на внутреннем рынке.

6. Политические постановления и особые «преимущества» Царства Польского были отражены в Конституционной хартии и сопровождавших ее актах (ноябрь 1815 г.), оформивших автономию Царства Польского в составе Российской империи, причем русский император объявлялся польским королем. Законодательная власть принадлежала совместно царю и Сейму — двухпалатному парламенту, нижняя палата которого формировалась путем прямого голосования; исполнительная власть — только царю. Избирательная система носила сословный характер, существовал высокий имущественный ценз (всего насчитывалось около 100 000 избирателей — см.: *Ашкенази Ш.* Царство Польское. М., 1915. С. 35). Высшие административные функции осуществлял Административный совет (министры, наместник императора, а также особо назначенные императором лица), под председательством наместника, а также Государственный Совет. Была провозглашена независимость судебных органов и гласность судопроизводства. Польская хартия 1815 г. гарантировала жителям конституционного и автономного Царства Польского ряд буржуазных свобод, в т. ч. слова, печати, равенство всех сословий перед законом, неприкосновенность личности. Крестьяне Царства Польского пользовались правами личной свободы еще до 1815 г.

Однако автономные права и управление Царства Польского серьезно ограничивала власть наместника российского императора (установленная законом от 29 апреля 1818 г.), который представлял волю самого Александра I.

7. Возможно, Кутузов знал о критическом отношении части русского общества, в том числе и некоторых из участников тайных обществ, к мерам Александра I по установлению в Польше автономного политического устройства. Особенно болезненную реакцию вызвал распространившийся слух о намерении императора присоединить к Царству Польскому ряд западных губерний Российской империи, соседствующих с ним. Этот слух стал одной из главных причин т. н. «Московского заговора 1817 г.» — предложения о покушении на жизнь императора со стороны И. Д. Якушкина (см.: *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 175–179; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 85–93). Вероятно, сведения о «Московском заговоре» Кутузов мог получить от своих ближайших друзей, входивших, как и он, в Союз благоденствия (Ф. Н. Глинка, Ф. П. Толстой, С. М. Семенов).

8. Речь Александра I, произнесенная при открытии польского парламента (Сейма) 15 (27) марта 1818 г., имела значительный резонанс в русском обществе. В ней император обещал распространить конституционное устройство и парламентские учреждения («представительное правление» и «законно-свободные учреждения») на всю Российскую империю. Более того, Александр сообщал о том, что планами введения конституции в России он занимается уже давно и последовательно. В частности, в речи говорилось: «Образование, существовавшее в вашем краю, дозволило мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно

предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные. Таким образом, вы мне подали средство явить моему Отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Кроме того, Александра I в своей речи давал понять о том, что территория Царства Польского может быть увеличена за счет «польских» губерний Литовского края. Текст речи был составлен И. А. Каподистрией, однако подвергся значительному редактированию со стороны самого Александра I (см.: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. С. 155–158).

9. Подразумеваются тайные общества, в которых участвовал сам Кутузов. Он присоединился к Союзу благоденствия, судя по всему, весной–летом 1818 г., после возвращения Гвардейского корпуса из Москвы. Кутузов был принят, вероятнее всего, товарищем по масонской ложе «Избранный Михаил» Ф. Н. Глинкой. Будучи офицером Измайловского полка, входил в управу Союза благоденствия, существовавшую в этом полку (ею руководили А. А. Кавелин и Н. П. Годеин, принятые в тайное общество в начале 1818 г. в Москве А. Н. Муравьевым). Кроме того, положение Кутузова в Союзе основывалось на его тесных дружеских связях с Глинкой и Ф. П. Толстым. Кутузов стал одним из основателей и руководителей самостоятельного тайного общества Ф. Н. Глинки, известного в литературе как «общество Глинки–Перетца», или «Хейрут» (сведения о нем содержатся в показаниях Г. А. Перетца, Д. А. Искрицкого, М. Д. Лаппы и С. М. Семенова — см.: Восстание декабристов (ВД): Документы. Т. XV, XVIII, XX, по указателю). Кутузов находился в Союзе благоденствия вплоть до его закрытия в 1821 г. О Северном обществе и планах государственного переворота, имевших место в 1823–1825 гг., судя по имеющимся данным, он не знал.

10. Этим вопросам позднее была посвящена отдельная записка Кутузова под заглавием «О необходимости ввести во всех губерниях и областях империи русские органические законы» (1842 г.).

11. Имеется в виду участие польской армии в войне 1812 г. на стороне Наполеона. Прогноз Кутузова в определенной степени оправдался, когда в 1830–1831 гг. и в 1863 г. в Царстве Польском и на территории соседних губерний произошли массовые выступления национально-освободительного характера.

12. Вероятнее всего, подразумеваются: Прибалтийское генерал-губернаторство, объединившее три губернии т. н. Остзейского края (Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую), а также присоединенные к России области: Царство Польское, Великое княжество Финляндское (с 1809 г.) и Бессарабская область, также имевшая свой «Устав образования Бессарабской области» (1818 г.) В каждом из этих случаев учреждался особый образ управления, фактически означающий определенную степень автономии в рамках Российской империи, либо, как в прибалтийских губерниях, подтверждались традиционные права и привилегии.

Под «преимуществами» автор записки, по-видимому, понимает наличие конституционной хартии в Царстве Польском, конституционного акта Великого княжества Финляндского, а также особенности административного устройства прибалтийских губерний и Бессарабии, отраженные в их уставах и положениях, зафиксированные в указанных документах особые права жителей этих территорий (в основном, дворянства и других «свободных сословий»). См. также примеч. 6.

13. Как известно, патриотизм входил в комплекс первоначальных идей, которые легли в основу программы как Союза спасения, так и Союза благоденствия (что отразилось в сохранившейся 1-й части устава Союза — т. н. «Зеленой книге»). Одним из слагаемых недовольства либерально-патриотических сил существующим положением в русском обществе было предпочтение, которое в ряде случаев оказывала верховная власть иностранцам на русской службе и выходцам из «Остзейского края». О сложном отношении участников тайных обществ, и «либералистского» движения в русском обществе 1810–1820-х гг. в целом, к проблеме иностранцев и «немецкому засилью» в военном и бюрократическом аппарате империи, о соединении национальной идеи, патриотизма и европейской ориен-

тации «либералистов» см.: *Рогов К. Ю.* Декабристы и «немцы» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26.

14. По всей видимости, комментируемые слова автора записки свидетельствуют о том, что Кутузов находился в числе очевидцев событий 14 декабря 1825 г. (в это время он занимал должность старшего адъютанта штаба Гвардейского корпуса) и лично наблюдал за происходившим в этот день в Петербурге. О настроениях агрессивно настроенной в отношении правительственной стороны части собравшейся на Сенатской площади толпы см. обзор свидетельств: *Нечкина М. В.* День 14 декабря 1825 года. М., 1985. С. 133–143.

15. Подразумеваются именной указ Екатерины II «О поручении генералу графу Чернышеву управления присоединенных к России польских губерний» от 28 мая 1772 г., сопровождавший его именной указ генерал-майорам Каховскому и Кречетникову, с приложением «Наказа, по коему они должны поступать при исправлении должностей губернаторов в присоединенных от Польши губерниях» (от 28 мая 1772 г.), а также именной указ «О принятии под российскую державу уступленных от Польши провинций, о назначении жителям срока принятия присяги, о постановлении столбов на новых границах, о сборе в казну всех публичных доходов, и о произвождении суда и расправы в настоящих судебных местах по тамошним правам и обычаям», данный генерал-губернатору З. Г. Чернышеву 16 августа 1772 г. (см.: ПСЗ. Т. 19. № 13807, 13808, 13850; см. также: Законодательство Екатерины Великой. М., 2000. Т. 1. С. 8–824).

Перечисленные законодательные акты оформляли присоединение к Российской империи новых территорий после первого раздела Польши. В этих актах Екатерина II выражала намерение ввести «единые правила управления» присоединенных губерний, предоставить жителям равные «права и вольности» со всеми другими подданными Российской империи «без всякого изъятия» (включая «еврейские общества»), на основании присяги «в верности»: «...Каждое состояние из жителей присоединенных земель вступает с самого сего дня во все оному [российскому подданству — *П. И.*] свойственные выгоды по всему пространству империи Российской», взамен чего императрица ожидала и требовала «признания и благодарности от новых своих подданных». В «Наказе» императрицы говорилось, что дела управления следует вести на русском языке, при этом рекомендовалось привлекать к участию в управлении «тамошних уроженцев». Других специальных мер по русификации присоединенных областей перечисленные указы, а также и особый «Наказ», не содержат.

16. Царство Польское было образовано в 1815 г. по решению Венского конгресса, в результате присоединения к Российской империи большей части великого герцогства Варшавского (без Познанского воеводства и Галиции). Вопрос об особом статусе и привилегиях польских губерний и территорий, ранее находившихся в составе Польского государства, был, по-видимому, одним из наиболее волнующих для Кутузова. Позднее он обратился к нему с особой, адресованной Николаю I, запиской, имевшей заголовок «О необходимости уничтожения отдельных прав в губерниях, от Польши возвращенных» (1836 г.).

17. Автор записки развивает важнейшие положения своих публикаций предыдущих лет (статьи «О воспитании», «О причинах благоденствия и величия народов») и рукописных трудов. В них отразились просветительские основы мировоззрения, характерные для участников либерального общественного движения 1810-х — начала 1820-х гг.

18. Имеется в виду «разгром» Казанского университета, осуществленный под руководством М. Л. Магницкого в 1819–1820 гг. Назначенный попечителем Казанского учебного округа в июне 1819 г., Магницкий провел «ревизию» учебной деятельности университета, выявил многочисленные «нарушения и злоупотребления» и даже потребовал его закрытия. Следствием этого стала санкционированная высшей властью программа реорганизации университета (январь 1820 г.), которая привела к исключению ряда предметов преподавания, уничтожению книг, признанных «вредными», установлению особого режима для студентов, отдаче «провинившихся» студентов в солдаты и т. д. По подозрению в «неблагонадежности» были уволены 11 профессоров университета. Характер преподавания ряда предметов изменился в духе обскурантистской религиозно-мистической программы. См. об этом: *Загоскин Н. П.* История Казанского университета. Казань, 1904. Т. 3; *Феоктистов Е. М.* Материалы для истории просвещения в России: Магницкий. СПб., 1865.

19. Печально известное «дело» профессоров Санкт-Петербургского университета было начато осенью 1821 г. попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, единомышленником Магницкого Д. П. Руничем. Еще раньше, в конце 1820 г., из университета был удален профессор А. П. Куницын, автор книги «Право естественное». В августе 1821 г. Рунич предписал собрать сведения о постановке учебной деятельности университета, а затем рассмотреть содержание лекций трех профессоров университета — К. Ф. Германа, А. И. Галича, Э. Раупаха и адъюнкта К. И. Арсеньева. По итогам рассмотрения в ноябре 1821 г. началось расследование по обвинению в «ложном направлении» преподаваемых дисциплин (всеобщая история, статистика, философия, право), пропаганде «ошибочных теорий», «неверия», «зловредных и разрушительных правил», подрывающих существующий общественный порядок. В результате из университета были уволены не только перечисленные четыре преподавателя, но и ряд других сочувствующих им сотрудников; еще несколько профессоров (в т. ч. его первый ректор М. А. Балугьянский) добровольно подали в отставку и покинули университет. Разбирательства по «делу» профессоров в Министерстве народного просвещения и Комитете министров тянулись до 1827 г. (см. об этом: Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. Пг., 1919; *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1; *Косачевская Е. М.* М. А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л., 1971; *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 114–175).

И «дело» Казанского университета, и события в Петербургском университете являлись существенным признаком поворота правительства в сторону реакции, смены идеологических основ внутренней политики.

20. Речь идет о приходских («низших») училищах, основание которых было предусмотрено законодательством Екатерины II (в частности, Учреждением об управлении губерний 1775 г.).

21. Имеется в виду великий князь Киевский Ярослав Мудрый (около 978–1054), объединитель русских княжеств, в годы его княжения был составлен свод древнерусского права «Русская правда».

22. Здесь в смысле: место действия.

23. Вероятнее всего, подразумеваются события 1790–1810-х гг., эпоха наполеоновских войн, когда на территории различных германских земель непрерывно шли военные действия.

24. Здесь в смысле: пристрастие, приверженность.

25. Речь идет об указе Екатерины II Синоду от 25 января 1787 г. «О невоспрещении обучающимся в семинариях увольняться в медицинское звание» (ПСЗ. Т. 22. № 16500). Согласно указу, медицинским образовательным заведениям (прежде всего, медицинским академиям и учебным отделениям крупнейших госпиталей) позволялось, после соответствующей аттестации, набирать лучших семинаристов для последующего медицинского образования. Указ был вызван ощутимым недостатком квалифицированных лекарей и хирургов, в особенности, знающих латинский и иностранные языки. Ранее появился рескрипт Екатерины II (от 15 июля 1786 г.), в котором, имея в виду задачу подготовки «искусных врачей», императрица признавала необходимым отправку лучших воспитанников провинциальных духовных семинарий для обучения медицинским предметам в главные госпитали, хирургические школы и училища лекарских учеников (см.: *Титков Е. П.* Образовательная политика Екатерины Великой. М., 1999. С. 246).

26. Кутузов излагает основные положения теории «общественного договора», согласно которой государство возникло в результате договора между людьми, предусматривавшего добровольный отказ от части «естественных прав» с целью обеспечения безопасности и защиты собственности.

27. Т. е. инстанции.

28. В царствование Петра I были учреждены три кодификационные комиссии. Первая из них создана по указу 18 февраля 1700 г. (указ о создании «Палаты о уложении») (ПСЗ. Т. 5. № 1765). Она должна была составить свод законодательных актов, объединяющий

Уложение 1649 г. и законы 1649–1699 гг. Такой свод был составлен, но не введен в употребление.

Вторая комиссия была учреждена по указу Петра I Сенату от 20 мая 1714 г. (ПСЗ. Т. 5. № 2828). Задача, поставленная перед ней, была изменена: собрать все «новоуказные» акты и расположить их по особой «табели», утвержденной Сенатом (т. н. «Сводное уложение»). Работа Комиссии затянулась на долгие годы и закончилась безрезультатно.

Третья «Особая комиссия для составления Уложения» была создана 9 августа 1720 г. по сенатскому указу «об учинении свода русских законов» (ПСЗ. Т. 5. № 3626). Сенатский указ в свою очередь опирался на указ Петра I, который предписывал создание свода русских законов, по образцу шведского свода законов (ПСЗ. Т. 5. № 3202). Третья Комиссия составила проект манифеста и предисловия к Уложению, а также четыре «книги» (части) будущего Уложения. Действия этой Комиссии не прекратились после восшествия на престол Екатерины I. Комиссия существовала до 1728 г., когда была образована новая (см.: *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII столетии: Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. С. 1, 18–22, 35, 45).

29. Наказ императрицы Екатерины II Уложенной комиссии 1767 г. — документ, предназначенный для рассмотрения избранным по манифесту от 14 декабря 1766 г. особым сословно-представительным органом, цель которого состояла в выработке нового проекта Уложения (ПСЗ. Т. 17. № 12801). Комиссия для составления нового Уложения работала в Москве (1767–1769 гг.), ее деятельность прекращена в связи с началом войны с Турцией (некоторые органы, возникшие при Комиссии, существовали до 1774 г.). Основной задачей Комиссии являлось обсуждение новых законов и выработка нового Уложения законов. В ходе обсуждения проектов различных законов и «наказов», полученных в процессе выборов, неоднократно высказывались мнения о необходимости изменения положения крепостных крестьян и ограничения абсолютистской власти. Наказ Екатерины II охватывал широкий круг вопросов государственного и общественного устройства, положения сословий, законотворчества, судопроизводства, экономических отношений и торговли, политики в области образования и воспитания, охраны порядка и местного управления. В основе Наказа лежали идеи теории «общего блага» и «естественного права», представления о «просвещенной монархии», заимствованные из сочинений Ш.-Л. Монтескье. В Наказе провозглашались верховенство законов, европейский характер Российской империи, особая роль дворянства в государственном устройстве.

30. «Комиссия составления законов» была учреждена указом от 28 февраля 1804 г., взамен «Комиссии для составления законов» (созданной в 1796 г.). Новая комиссия первоначально была подчинена Министерству юстиции, а с 1810 г. состояла при Государственном Совете. Основными задачами Комиссии являлись: кодификация имеющегося законодательства, составление Общей книги законов Российской империи. В 1815 г. она приступила к составлению Свода существующих законов, несколько ранее — подготовила проект основных разделов Гражданского и Уголовного уложений (рассматривались в соответствующих департаментах Государственного Совета). В 1821 г. Комиссия издала «Основания русского права, извлеченные из существующих законов Российской империи», в 1825 г. — «Реестр законодательных актов...», который лег в основу будущего Полного собрания законов Российской империи. Упразднена в связи с образованием II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии 31 января 1826 г.

31. Проект Уголовного уложения готовился Комиссией составления законов с 1808 г., был закончен в 1812 г. и напечатан в сенатской типографии в 1813 г. В 1821 г. проект Уголовного уложения, отредактированный «Комиссией составления законов», был переиздан.

32. «Замечания на проект Уголовного уложения, изданного Комиссиею составления законов» Н. И. Кутузова были написаны в 1821 г. (авторизованная копия, датирована 20 марта 1821 г.: РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1–22) и предназначались для представления императору. Замечания, действительно, оказались на рассмотрении у Николая I, который велел статс-секретарю Н. Н. Муравьеву «препроводить» их М. А. Балугьянскому «для сведения и приобщения к делам II Отделения» Собственной канцелярии;

затем они оказались среди бумаг М. М. Сперанского. Очевидно, экземпляр замечаний был в числе документов, собранных в связи с деятельностью «Комиссии составления законов» (подробнее об этих замечаниях Кутузова см.: *Солодкин И. И.* Очерки по истории российского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961. С. 19–22).

33. Юстиниан I (482 или 483–565) — император Византии с 527 г., осуществил кодификацию римского права, в результате которой был составлен Corpus juris civilis, содержавший систематическое изложение византийского права VI в. н. э., основанное на собранных законах и иных нормативных актах.

34. Дигесты (пандекты) — часть кодификационного корпуса, оформленного в годы правления императора Юстиниана, составленная из отрывков из сочинений римских классических юристов и выдержек из законов. Основа сохранения римского права и последующего его распространения в средневековой Европе. Кроме Дигест, итогом кодификации Юстиниана стал Кодекс Юстиниана (отрывки распоряжений и указов императоров со II в. н. э. по уголовным, финансовым, гражданским, церковным вопросам) и Институции (систематический обзор действующего, в основном частного, права).

35. Трибониан (ум. около 545) — византийский юрист, активный участник кодификации Юстиниана.

36. Это пожелание Кутузова было воплощено в деятельности II Отделения Собственной канцелярии, М. М. Сперанского и его помощников, подготовивших и издавших Полное собрание законов Российской империи и Свод законов.

37. См. примеч. 32.

38. Расправы губернские и уездные — с 1775 г. по 1796 г. название суда для государственных крестьян, однодворцев и казаков. Нижний орган (уездная расправа) решала мелкие уголовные и гражданские дела. В верхнем (губернской расправе) — обжаловались решения уездных расправ.

39. Имеются в виду военные поселения — особая организация комплектования и содержания части российской армии в 1810–1857 гг., перевод регулярной армии на положение «поселян» с целью, прежде всего, уменьшения государственных расходов и реорганизации формирования армии. Одновременно крестьяне тех мест, где образовывались военные поселения, также переходили в состояние «военных поселян». Идея создания военных поселений принадлежала Александру I, который заимствовал ее из практики военных поселений некоторых европейских государств (Австрия, германские земли) и ряда посвященных им сочинений. Основной задачей военных поселений предполагалось: облегчение государственного бюджета (перевод армии на хозяйственную окупаемость), отмена рекрутской системы комплектования армии (не отрывать солдат от семьи), а впоследствии, принимая во внимание начавшийся перевод государственных крестьян в военные поселяне, — улучшение положения части крестьянства, возможно, связанное с планами упразднения крепостного права. Планомерное введение военных поселений в России началось в 1816 г. К 1 января 1826 г. в военных поселениях числились 374 480 человек (Отчет по военным поселениям за 1826 год. СПб., 1827. С. 4).

40. Речь идет о вооруженном сопротивлении нижних чинов поселенных войск и волнениях крестьян, переведенных на положение военных поселян, которые произошли на протяжении 1817–1819 гг. Волнения начались уже при организации первого поселения в Высоцкой волости Новгородской губернии. Сначала крестьяне деревень, переведенных в военное ведомство, ограничивались отправлением депутаций к Аракчееву и Александру I, что не привело к желаемому результату. В мае 1817 г. произошли первые беспорядки, которые продолжались несколько месяцев, а осенью начались волнения в соседней Холынской волости. Выступления крестьян были подавлены регулярными воинскими частями. В июне–июле 1817 г. произошли первые большие волнения в «южных» военных поселениях (Бугский уланский полк), подавленные регулярной армией. Весной 1818 г. волнения в Бугских поселениях повторились в еще большем масштабе. В январе–феврале 1818 г. произошло возмущение в Чугуевских военных поселениях (Слободско-Украинская губерния), к поселенным солдатам здесь присоединились местные крестьяне; волнения продолжались до осени. Летом 1818 г. вновь вспыхнуло восстание обращенных в поселян солдат

и крестьян Новгородской губернии, которое пришлось усмирять с помощью частей регулярной армии, проведя 9-дневную осаду села Естьяне (Естьяны) — центра выступления. В июне–августе 1819 г. произошли массовые выступления в Змиевском и Волчанском уездах Слободско-Украинской губернии (Чугуевское поселение), которые переросли в первое крупное восстание военных поселян; для подавления «бунта» были направлены регулярные войска, возглавлял подавление А. А. Аракчеев (см.: *Верещагин Г. А.* Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I // Дела и дни. 1920. Кн. 3; *Федоров В. А.* Борьба крестьян России против военных поселений (1810–1818 гг.) // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 112–124).

41. Легионы (в Римской империи) — основная организационная единица в армии Древнего Рима. Автор записки, по-видимому, подразумевает активную роль, которую играли на протяжении истории Римской империи части регулярной армии в политических событиях при смене императоров.

42. Имеются в виду война России со Швецией за выход к Балтийскому морю (Северная война 1700–1721 гг.) и меры по устройству первых морских флотилий, предпринятые Петром I. Война закончилась морскими победами при Гангуте и Гренгаме (1714 и 1720 гг.).

43. Речь идет о Декларации о вооруженном нейтралитете («Декларация дворам Лондонскому, Версальскому и Мадридскому»), объявленной Екатериной II 28 февраля/11 марта 1780 г. Декларация возникла в условиях войны Северо-Американских колоний Англии за независимость и была направлена на создание союза нейтральных государств, с целью поддержания отношений (прежде всего экономических) с колониями Англии и для охраны торгового мореплавания. Декларация была обращена к Англии, Франции и Испании, но в первую очередь нацелена против интересов первой из них. В течение следующих нескольких лет к «вооруженному нейтралитету» присоединились Швеция, Дания, Португалия, Пруссия, Австрия, Нидерланды, поддержку Декларации выразили Франция и Испания. Оказавшееся в изоляции английское правительство в силу создавшихся обстоятельств, а также благодаря дипломатическим усилиям России, было вынуждено признать провозглашенные в Декларации принципы международного права (к Декларации Англия не присоединялась). Принципы «вооруженного нейтралитета» явились одним из факторов, приведших к признанию независимости США в 1783 г. (см.: *Мартенс Ф.* Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1892. Т. 9 (10): Трактаты с Англией. С. 307–310).

44. Войны с Турцией 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. велись на Черном море при активном участии флота (сражения при Чесме, Калиакрии); военные действия закончились полным поражением турецкой армии и ее морских сил. Подразумевается также русско-шведская война 1788–1790 гг., которая закончилась Верельским миром 1790 г. Победы в сражениях при Гогланде и Выборге обеспечили благоприятные для России условия этого мира. 19 октября 1791 г. в Стокгольме был подписан мирный договор, который предусматривал военный союз России и Швеции против революционной Франции.

45. О плачевном состоянии русского флота в первой четверти XIX в. см.: [*Головнин В. М.*] О состоянии российского флота в 1824 году: Сочинение мичмана Мореходова. СПб., 1861; *Огородников С. Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования. СПб., 1902; *Каллистов Н. Д.* Флот в царствование Александра I // История русской армии и флота. СПб., 1913. Вып. 9; *Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. М.; Л., 1939.

46. Учреждение министерств в России было осуществлено согласно манифесту от 8 сентября 1802 г. (ПСЗ. Т. 27. № 20405). Вместо сенатских коллегий учреждались 8 министерств с единоличными руководителями во главе и несколько главных управлений, начальники которых были приравнены к министрам. Реформа центрального управления вводила принципы единоначалия и персональной ответственности глав министерств и главных управлений перед императором. Она вводила в состав высшего государственного управления новый орган — Комитет министров и директоров главных управлений.

47. Речь идет о Великой французской революции 1789–1794 гг. и последующих политических событиях во Франции.

48. Речь, несомненно, идет о роли в государственном управлении фаворита Екатерины II Г. А. Потемкина.

49. В 1810–1811 гг. последовало завершение министерской реформы, согласно проекту и предложениям М. М. Сперанского. Манифест от 25 июня 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению подлежащих» (ПСЗ. Т. 31. № 24307), содержал принципы общего разделения государственных дел, подлежащих ведению министерств и главных управлений. Манифест от 17 августа 1810 г. «О разделении государственных дел по министерствам» (ПСЗ. Т. 31. № 24326) развивал эти принципы в отношении каждого из существующих министерств. 25 июня 1811 г. было опубликовано «Общее учреждение министерств» (СПб., 1811. Ч. 1–2; ПСЗ. Т. 31. № 24686) — законодательный акт, который имел своей целью совершенствование системы министерств, введение четкого разграничения их функций, единых принципов организации, установление общего порядка прохождения дел и т. д. В 1812 г. было введено в действие «Учреждение о Комитете министров», в котором Комитету были приданы функции высшего законосовещательного административного учреждения.

50. Государственный Совет был учрежден в 1810 г., согласно проекту М. М. Сперанского. Манифест от 1 января 1810 г. (ПСЗ. Т. 31. № 24064) определял компетенцию и состав высшего законосовещательного органа — Государственного Совета, его цели и задачи, порядок формирования и деятельности, а также перечень и структуру учреждений, состоявших при нем (Государственная канцелярия, Комиссия прошений, Комиссия составления законов). В том же году при Государственном Совете был образован Комитет председателей Департаментов.

51. Вероятно, имеется в виду передача важнейших функций государственного управления А. А. Аракчееву, а также учреждение генерал-губернаторств («наместничеств»), объединявших несколько губерний и возглавляемых специально назначенными чиновниками с особыми полномочиями (Малороссийский военный генерал-губернатор Н. Г. Репнин (1816 г.), генерал-губернатор Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской губерний А. Д. Балашев (1820 г.) и т. д.). В 1816–1818 гг. ходили слухи об имевшемся у императора плане разделить управление страной на 8 или 12 «наместничеств» (или генерал-губернаторств, «областей из нескольких губерний»), руководить которыми должны были чиновники, по своему положению приравненные к министрам. В эти же годы по инициативе императора Н. Н. Новосильцовым был разработан проект создания «наместничеств», во главе которых должны были встать чиновники с большими полномочиями. В 1821 г. при участии М. М. Сперанского активно разрабатывался проект учреждения «наместничеств» на всей территории Российской империи. Возможно, вся эта деятельность соотносится с планами Александра I ввести конституционное правление и реформировать внутреннее устройство империи на федеративных принципах (см. об этом: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. С. 178–181, 199–202).

Подготовка текста и комментарии П. В. Ильина

Работа по сверке рукописей и выявлению разночтений выполнена А. П. Ковалевой

Глинка С. Н.

Исторический взгляд на общества европейские и судьбу моего отечества: шестой период царствования Александра Первого от 1818 года до 1825. 8 января 1844 г.

Конституция

Si la justice et la bonne foi etaient bannies du reste de la terre, il faudrait du moins qu' elles se trouvassent dans le coeurs des rois (paroles du roi Jean Second)*.

Для меня важнейший год царствования Александра Первого — *тысяча восемьсот осмнадцатый*[a]. В этом годе на сейме так называемого Царства Польского, император Александр Первый сказал, что «ту *Конституцию,* которую он дает Польше, он распространит и на страны, врученные ему Провидением»[1]. Произнесенную им речь в Варшаве перевел Петр Вяземский[2]. Александр сам пересматривал ее и *конституцию* назвал «Законоположением»[3].

Надлежало бы тотчас приступить и к делу. Вот почему. После 1812 года, три года войны и действий заграничных вовсе охолодили души русские в России. Москва выглядывала из пожарного пепла, а души и мысли не шевелились. Граф Аркадий Иванович Марков[4], проезжая 1813 года чрез Москву в Петербург, сказал графу Растопчину[5], что надобно вытребовать у императора Александра Конституцию. Растопчин улыбнулся и возразил: «Это вздор».

Признаюсь, я и сам тогда так же думал и напечатал о том в «Русском Вестнике» того же 1813 года[6]. Решительно в Москве ни у кого до 1818 года не срывалось с языка слово: «Конституция». Император Александр Первый сам пустил в ход это заманчивое слово: ибо французская его речь помещена была в тогдашнем «Conservateur Impartial»[7]. Его же волею и в то же время тайно *закипели* масонские ложи, и в уставе их тоже сказано: «L'autorité suprême maçonique n'a aucun secrêt pour l'autorité suprême de l'Etat. L'autorité suprême maçonique est gouverné par la législation, l'administration et la constitution»**. Не могу сказать утвердительно, но говорят, что и Александр поступил в братство масонское[8]. Это ничего. Дело в том, надобно было заранее поразмыслить: состоится ли оно и с какою целию оно установлено? На самом деле, перед войной направление умов вовсе переменилось. Все стремилось к обновлению России в России. Кто навел умы на эту колею? Сам император Александр[9]. Чем? Своим посулом *Конституции* или *Законоположения*. Кто мешал ему оправдать императорское слово свое и привесть его в действие? Никто! Но вот что еще страннее. От 1809 года до 1812 года, нам уже было весьма показано, кабинет Александра Первого заваливался кипами новых поступлений и рассужде-

---

* *Пер. с фр.:* Ежели напоследок справедливость и праводушие оказались бы изгнанными из пределов земных, то по крайней мере долженствовало б оным оставаться в сердцах королей (слова короля Иоанна Второго).

[a] Здесь и далее выделение автора.

** *Пер. с фр.:* Верховная масонская власть не представляет никакой тайности для верховной власти государства. Верховная масонская власть руководствуется посредством законодательства, администрации и конституции.

ниями «о достоинстве человека»[10]. И когда же все это было! В ту годину, когда нужнее всего было готовить защиту России от ее врага, от явной, от очевидной, угрожавшей ей бури. А вот, что *еще страшнее*. Когда эта буря миновалась; когда внутренняя жизнь России волею императора Александра могла и обновиться, и укрепиться, и передать имя его потомству в сиянии первой славы в земной вселенной, в бессмертной славе «законодателя»: когда он мог совершить то, чего не сделал Петр Первый[11] и что остановила Екатерина Вторая при первой попытке своей[12], тогда он же перенесся мыслию вне России, для пустых *конгрессов* и домогался[b]... Стало подавлять обыкновенную словесность; следственно и мои бренные труды. Во-вторых, потому, что я трепетал еще тогда при мысли какого-либо волнения: теперь не страшит меня ни то, ни другое. В старинной Франции забушевала буря революции от того, что снизу, то есть, из стен *парламента*, раздался голос, требовавший преобразования Франции; а в России вспыхнуло волнение от того, что первое в ней лицо, это сам император Александр, распустил молву о преобразовании России и потом, Бог знает почему, домогался заглушить ее неуместным самовластием. Закрыли двери залы масонской, но общество оставалось; закрылись масонские ложи, состоявшие под надзором правительства[13]. Зато возникли тайные общества мимо надзора правительства. Но об этих обществах будет далее. Здесь скажу только, что в это время завелись полиции над полициями[14]. Фуше, министр полиции[15], уверяет, что «la couronne n'avait succombé en 1789, que par la nullité de la haute police, ceux qui étaient dépositaires alors n'ayant pas su pénetrer les complots qui menaçaient la maison royale»[*]. Что же, по его мнению, поддерживает верховную полицию? Во-первых: *деньги*. Хорошо. Sans argent, — говорит он, — point de police»[**]. Ну, если тот, кому нужно затеять и предпринять что-нибудь против существующего правительства[c] <...> количеством денежных приманок последит то, что какой-либо член верховной полиции получает по званию своему? Беда! Где общество опирает безопасность свою на звонкости денежной! Во-вторых, Фуше говорит, что *обязанность* верховной полиции, чрезвычайно важна в каком бы то ни было правлении. И вот от чего намерения его la tâche est difficile, car rien ne transpire au dehors[***]. Прекрасно! Если ничто не обнаруживается, то на что же эти *Аргусы*[16], эти стоглазые оборотни верховной полиции? Каким же образом можно до чего-нибудь добраться? Фуше отвечает: «J'ai mieux connu la *France occulte* par les communications orales et confidentielles, et par des conversations expansives, que par le fatras d'écriture, qui passé sous les yeux»[****].

Очень справедливо, что перо или злоумышленное, или бестолковое, Бог знает, что намечет на бумагу. Но *Фуше* полагает, что для исследования *тайной внутрен-*

---

[b] Далее часть текста утрачена.

[*] *Пер. с фр.*: В 1789 году королевская власть пала только вследствие полного ничтожества верховной полиции; те, кто был тогда блюстителями власти короля, не сумели проникнуть в тайны заговоров, кои угрожали королевскому дому.

[**] *Пер. с фр.*: Нет денег, — говорит он, — нет полиции.

[c] Далее часть текста утрачена.

[***] *Пер. с фр.:* Задача трудная, ибо извне ничего не обнаруживается.

[****] *Пер. с фр.:* Я составил себе лучшее представление о потаенной Франции посредством словесных и конфиденциальных сообщений и из откровенных разговоров, нежели из той ни на что не годной писанины, которую приходилось просматривать.

ности государства должны самому, своими устами, словом, лично допытываться ее. Стало быть, *одному* надобно быть *везде*. Свойственно ли это человеку? Допустим, что и нашелся бы такой человек; но вить и он как человек заплатит в свой час общую дань могиле. Был в этом убежден и Наполеон[17], и здесь кстати повторить слова его: «Les hommes sont trop impuissants pour assurer l'avenir; les institutions seules fixent les destinées des nations»[*]. И наш умный историк Татищев[18] сказал: «Не родился еще такой человек, без которого общество человеческое не могло бы обеспечиться». Стало быть: чем животворнее постановления общественные, тем прочнее и долговременнее и жизнь обществ. Умный и праводушный маршал *Катина́*[19] говорил Людовику XIV[20], хваставшему тайною своею полицией: «Государь! Рано или поздно, но доносы погубят Францию».

Обращаюсь к России. Кажется, что с закрытием лож масонских последовала тайная сделка[21] между Александром Первым и цесаревичем Константином о наследстве престола. Сделка ужасная, которая, как увидим далее, откликнулась кровавою борьбою и которая (чего не дай Бог!) откликнется еще и грознее. Страшно и подумать о тайных сделках там, где это сопряжено с участием и спокойствием целого народа. Продавая несколько десятин земли, сколько берут прежде предосторожностей узаконенных: как же было колебать целую Россию потаенною сделкою? Да и к чему? Петр Первый явно производил суд над сыном своим цесаревичем Алексеем[22], и Россия не шевельнулась; Петр Первый явно и при жизни своей венчал на царство Екатерину[23], и Россия повиновалась[24]. То же было бы, если б и Александр при жизни своей повестил о добровольном отречении Константина от престола. В наши ли шаткие времена путать и не откры[вать] сокровенные за[мыслы]. В то ли время играть[d]... народом, когда в оча[х] [поддан]ных совершались все превратности и когда [прес]толы царей как будто пошатнулись над какою-то бездною, куда залетают от малейшего дуновения ветра! «Maintenant que nous avons vu, — говорит Шатобриан, — de grandes et de subites invasions que le Tartare, voisin de la muraille de la Chine, a campé dans la cour du Louvre, et est retourné à sa muraille; que le soldat français a bivouaqué sur les remparts du Kremlin ou à l'ambre des pyramides; maintenant que nous avons vu des rois; [...]ielle ou nouvelle race, mettre[...] dans leurs porte-manteaux leurs [...] vermoulus ou coupés le matin [...] arbres, *ces jeux de la fortune ... devenus familiers; il n'est [...]erque si bien aparenté,* qui ne[...]e perdre dans quelques heures [...] bandeau royal-; il n'est si [...] ince *clerc* ou gardeur de *Cavales* qui ne puisse rencontrer une couronne dans la poussière son étude ou dans la paille de sa grange»[**].

---

[*] *Пер. с фр.:* Люди слишком слабы, чтобы обеспечить свое будущее; одни только государственные установления определяют судьбу целых народов.

[d] Далее часть текста утрачена.

[**] *Пер. с фр.:* Ныне же мы зрели, — говорит Шатобриан, — великие и скоропостижные нашествия, как татары, обитавшие в соседстве с Китайской стеной, стали лагерем во дворе Лувра и воротились затем в свои пределы, как французский солдат раскинул свой лагерь близ стен Кремля или в тени пирамид; а ныне видели мы королей.., или новой отрасли, которые клали в свои чемоданы.., источенные червями или изрезанные.., эти игры фортуны стали привычными.., столь хорошую родню, которая не могла бы потерять всего за какие-то несколько часов королевский венец; ...ученый или пастух лошадей, который не мог бы отыскать корону, лежащую в пыли своего кабинета или в соломе своего овина.

Вот о чем надобно было крепко подумать и пораздумать. Веди меня сейчас на казнь, а я все-таки скажу, что Александр Первый не вправе был затевать никаких тайных сделок с братом своим Константином. Будут отвечать Богу и те люди (если только Александр сносился с кем-нибудь), которые не отвлекли его от этой пагубной сделки и для нашего времени, и повторяю еще, может быть, для потомства.

Как случилось в это же время восстание Семеновского полка[25], не знаю. Император Александр был тогда за границею. Его тревожило какое-то опасение о влиянии университетов Северной Германии[26]. Он говорил об этом Меттерниху[27], прибавя, что «он ручается головою, что у него в России никаких не будет восстаний». Но Австрийское посольство прежде нашего гонца успело известить из Петербурга *Меттерниха* о восстании Семеновского полка и, как я слышал, он сказал императору Александру: «Sire, ne perdez pas votre tête; elle est trop présieuse pour la Russie et l`Europe»[*, 28].

История скажет и докажет, что *четырнадцатый декабрь* 1825 года вышел из царствования Александра Первого. Но вот что удивительно. В начале 1824 года в «Constitutionel» напечатано было: «Il existe en Russie une vaste conspiration dont les raniffications s'étend sur tout l'Empire»[**, 29]. И это бы еще ничего. Но эту самую бурную повестку слова от слова перепечатали в половине того же 1824 года и поместили в тогдашней газете «Le Conservateur»[30]. Стало быть, тогдашнее правительство уверено было, что в России существует заговор, распустивший ветви свои по всей империи. По всей империи! И ни министры, ни Государственный Совет — никто этого не видел. Боже мой! На что же и к чему установлены правительства! К чему заводить огнеспасительные снаряды, если, видя обширный пожар, не двигаться с места?

Перевод с французского С. Н. Искюля

Публикуется по черновому автографу, отложившемуся в личном фонде С. Н. Глинки в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Ф. 191. Д. 18. Л. 208–214. Текст представляет собой главу двенадцатую под названием «Шестой период царствования Александра Первого от 1818 года до 1825» обширной рукописи С. Н. Глинки «Исторический взгляд на общества европейские и судьбу моего отечества» (ОР РНБ: Ф. 191. Д. 18. Л. 1–399), написанной на русском и французском языках и датированной самим автором 8 января 1844 г.

Сергей Николаевич Глинка (1775–1847) — брат декабриста Ф. Н. Глинки, поэт, прозаик, драматург, историк, издатель журнала «Русский вестник» (1808–1824), автор известных автобиографических «Записок» (СПб., 1895). Родился в с. Сутоки Смоленской губернии в патриархальной помещичьей семье. Отец — Николай Ильич Глинка (1744–1802), отставной капитан; мать — Анна Яковлевна Каховская. Получив образование в Сухопутном шляхетском корпусе в Петербурге, в

[*] *Пер. с фр.:* Государь, не теряйте голову; она слишком драгоценна для России и для Европы.

[**] *Пер. с фр.*: В России существует обширный заговор, разветвления коего простираются по всей Империи.

1782 г. Глинка был выпущен поручиком в один из московских батальонов; дослужился до чина майора, но в 1802 г. подал в отставку и жил в Москве, занимаясь литературным трудом, главным образом драматургией и переводами иностранных пьес. С началом боевых действий против Наполеона вступил в милицию и был назначен бригад-майором дружины в г. Сычеве. Однако не оставил своих драматических занятий и в 1807–1810 гг. написал ряд популярнейших в то время историко-героических драм — «Наталья, боярская дочь», «Ольга Прекрасная», «Баян». После заключения Тильзитского мира вернулся в Москву и стал издавать журнал «Русский вестник» (1808–1826).

Эпоха Наполеоновских войн стала временем наибольшей популярности С. Н. Глинки и его журнала, созданного, по словам самого издателя, для «возбуждения духа народного и вызова к новой и неизбежной борьбе с тираном». Встретив Отечественную войну в Москве, Сергей Николаевич первым записался в ополчение (*Глинка С. Н.* Записки. С. 254–255), но по распоряжению Александра I должен был остаться в древней столице, чтобы продолжить издание своего журнала, столь необходимого в это тяжелое время. «Он был рожден народным трибуном, но трибуном законным, трибуном правительства. Он умел по-православному говорить с народом православным», — писал о нем князь П. А. Вяземский (*Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1879. Т. 2. С. 341).

После победы над Наполеоном, когда национально-патриотические настроения общества и власти постепенно стали утихать, популярность и влияние Глинки упали, а его журнал стал никому не нужен и начал чахнуть. Кое-как дотянул издатель до 1825 г., выпуская все более и более незначительные номера и пробуя усилить «Русский вестник», прибавляя к нему «Детское чтение» (1822–1823) и «Плутарх в пользу воспитания» (1822–1823), но и это делу не помогло. Понимая, что потерял свою былую славу и значимость публициста, Глинка обратился к отечественной истории. Еще в 1816 г. он начал печатать в журнале свой обширный труд «Русская история» (последние части вышли уже в 1825 г.), которая, несмотря на определенную легковесность и компилятивность, имела успех у публики и выдержала три издания.

С воцарением Николая I в творческой биографии Глинки начался новый этап. По Всеподданнейшему докладу министра народного просвещения адмирала А. С. Шишкова Глинке было выдано весьма солидное денежное пособие и предложено место цензора в Московском цензурном комитете. Однако служба по этому ведомству, начавшаяся 1 октября 1827 г., доставила Глинке одни неприятности. К своим обязанностям он относился довольно небрежно, да и по своему характеру совершенно не подходил к подобного рода деятельности. «Это был человек, одетый крайне небрежно, всегда с полувыбритой бородой и странными движениями, не подчинявшийся никаким формам общественного и служебного приличия», — писал о Глинке служивший с ним в Комитете С. Т. Аксаков (цит. по: Русская беседа. 1856. С. IV). Не желая стеснять свободы слова авторов представляемых рукописей, «горе»-цензор подписывал их к печатанию, не читая. Вследствие этого у него начались скандалы с издателями видных московских журналов, подогреваемые слухами о будто бы его принадлежности к тайному обществу масонов или иллюминатов. Как ни парадоксально, но после одного скандала, когда Глинка в связи с за-

держанием рукописи в Комитете заявил, что пойдет в тайную полицию и донесет о притеснениях, его стали считать агентом III Отделения. Таким образом, он оказался «отверженным» для всего московского литературного общества, хотя в эти годы в первопрестольной столице по ведомству цензуры служили П. А. Вяземский, И. М. Снегирев, Ф. И. Тютчев. В итоге в конце 1830 г. Глинка был вынужден уволиться из Цензурного комитета, даже не оформив пенсионного пособия.

Считая невозможным оставаться в Москве, из-за ходивших о нем слухов, Глинка вскоре переехал с семейством в Петербург, где у него были влиятельные покровители — А. С. Шишков и В. А. Жуковский, — при содействии которых через несколько лет он издал свои «Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815» (СПб., 1837), а в 1842 г. выпустил свою знаменитую книгу «Русские в доблестях своих» (СПб., 1842). Однако разочарование жизнью и болезни все больше давали о себе знать. В последний год жизни он ослеп, и под диктовку за ним записывала дочь. С. Н. Глинка скончался в Петербурге 5 апреля 1847 г. и был похоронен на Волковом кладбище.

«Исторический взгляд на общества европейские и судьбу моего отечества» — последнее, предсмертное сочинение Глинки, своеобразное «завещание». Главной темой труда, посвященного политической истории России конца XVIII — первой четверти XIX в., стала проблема национального пути и западных образцов. По мнению автора, начиная с эпохи Петра Великого, пытавшегося изменить ход исторических часов России, вся последующая история отечественной политической мысли представляла собой столкновение двух моделей. Первая была ориентирована на самобытное развитие страны, с сохранением и учетом национальных и исторических традиций, и вторая — на реформирование российской государственности с учетом социально-экономических и политических перемен, происходивших на Западе. Не являясь «правоверным» славянофилом, все же Глинка в рамках именно первой модели подходил к оценке всех событий, происходивших в Европе и России на протяжении «бурного осмнадцатого» и «исторического девятнадцатого» столетий. Анализируя особенности исторического развития своего отечества, автор пришел к важному выводу: тот факт, что «великий реформатор Петр» привил на русскую почву только верхний, европейский, культурный слой, ничего не сделав для развития собственных духовных сил, явился главной причиной отставания России от западных государств: «Петр создал флот и новое войско, но не дал России жизни внутренней, самобытной, без которой весь внешний блеск, все вещественные силы рано или поздно падают и исчезают» (ОР РНБ. Ф. 191. Д. 18. Л. 108). И все же отсталость для России, с точки зрения Глинки, имеет ряд преимуществ, главное из которых — возможность избежать социальных конфликтов Запада. Особого внимания заслуживает устойчивая тенденция автора рассматривать в неразрывной связи идейную жизнь России и Европы. При этом он постоянно подчеркивал сложное переплетение славянофильских и западнических идей в программах как правительственных реформаторов, так и наиболее ярких представителей различных течений русской общественной мысли конца XVIII — первой четверти XIX в.

Глава двенадцатая «Шестой период царствования Александра Первого от 1818 года до 1825», которая впервые публикуется в данном издании, представляет собой

краткий очерк различных сторон русской жизни этого времени, в котором автор попытался проанализировать истоки политического кризиса в России, приведшего к событиям 14 декабря 1825 г. Поражает осведомленность Глинки, интенсивно использующего важные сведения из русской и иностранной периодики, официальных документов, а также, вероятно, из рассказов, разговоров, слухов. Безусловно, оценки автора носят личностный характер, но это — взгляд современника, отразивший в себе основные черты и идеи эпохи.

Ведущая мысль главы — историческая обусловленность выступления членов тайных обществ, основанная не только на «обетах власти», но и на неспособности правительства решить важнейшие проблемы социально-экономического развития страны. Именно кризис государственного либерализма обусловил превращение реформаторского по свой сущности оппозиционного движения в революционное по способу действия. Важной вехой в этом процессе Глинка считает 1818 г., когда 15 марта на открытии Варшавского сейма Александр I произнес речь, в которой, признавая себя конституционным монархом Польши, декларировал будущее конституционное устройство России. В этот период император не только был уверен в степени зрелости внутриполитических «кардинальных» реформ и готовности страны к преобразованиям, но и пытался форсировать реформаторский процесс. При этом Польша оказывалась «опытным полем», которое Александр использовал для реализации основных идей правительственной программы.

Вскоре после варшавской речи Александр I поручил своему представителю при Правительственном совете Царства Польского Н. Н. Новосильцеву и сотрудникам его Канцелярии, в числе которых был П. А. Вяземский, составить проект российской конституции — «Государственной уставной грамоты Российской империи» (о работе над «Грамотой» см.: *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л. 1957; *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение в России в начале XIX в. Саратов, 1982. С. 184–192; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 8–10, 162–178; *Коршунова Н. В.* «Либеральная диктатура» Александра I: реформы в России в первой четверти XIX века. М., 2002).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на чрезвычайную секретность деятельности Канцелярии Новосильцева по составлению «Уставной грамоты», о ней знали не только члены Союза благоденствия и их ближайшее окружение (*Кутанов Н. (Дурылин С. Н.)* Декабрист без декабря: (П. А. Вяземский) // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2. С. 205–206), но, как видно из публикуемого текста, некоторые их современники, в том числе С. Н. Глинка. Постоянные указания автора на французские газеты и журналы свидетельствуют о том, что московское и петербургское общество было осведомлено о «секретной работе» в Варшаве из публикаций в зарубежной либеральной прессе. Так, 9 ноября 1819 г. в парижском журнале Б. Констана «Le Constitutionel» была напечатана статья с информацией, что в России готовится проект конституции. Сам же Глинка мог узнать о работе над «Уставной грамотой» от самого П. А. Вяземского, приезжавшего в Петербург и Москву в мае–июле 1820 г.

К маю 1820 г. проект «Грамоты» был подготовлен в Варшаве и отправлен в

Петербург к императору. Предполагалось, что вскоре будут обнародованы манифесты, возвещающие о введении в России конституции и упразднении польской конституции 1815 г., поскольку Польша в случае принятия «Уставной грамоты» становилась бы одним из наместничеств Российской империи. Некоторое время проект конституционной реформы был оставлен без движения, а вскоре приостановлен. Важные мотивы охлаждения Александра I к проведению конституции в жизнь приоткрыл П. А. Вяземский в своем сочинении «Моя исповедь», относящемся к 1829 г. Припоминая некоторые подробности разговора с императором, состоявшегося летом 1820 г., Вяземский писал, что Александр обосновывал свою позицию, прежде всего, недостатком финансовых средств, необходимых для проведения правовой реформы. Кроме этого «он знает, сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречий в людях, коих предубеждение, легкомыслие приписывают сим политическим правилам многие бедственные события современные» (цит. по: РГАЛИ. Ф. 195. Д. 1005. Л. 3 об.). По мнению С. В. Мироненко, опасения царя были связаны и с тем негативным резонансом, который вызвала его «конституционная» речь в Варшаве, истолкованная большинством консервативного дворянства как форсированное освобождение крестьян и потому несущая «гибельные последствия» (*Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 158–161).

И все же русская конституция увидела свет, но в Варшаве, в 1831 г., когда в руки революционного польского правительства попал один из экземпляров «Уставной грамоты», который и был напечатан. После подавления восстания в Польше по приказу Николая I подлинник «Государственной уставной грамоты Российской империи» на французском и русском языках был найден и отправлен на хранение в Государственный архив. В настоящее время подлинник «Грамоты» хранится в Российском государственном архиве древних актов: Ф. 3 (разряд III). Оп. 1. Д. 25. Копия этого документа находится в личном фонде Н. К. Шильдера в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Ф. 859. К. 19. Д. 6. Впервые полностью «Грамота» была опубликована в приложении к труду историка об эпохе Александра I (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 499–526).

Кроме этого, одной из главных причин политического кризиса в России в декабре 1825 г., по мнению Глинки, стал династический кризис, в основе которого была «страшная сделка» между императором и цесаревичем Константином Павловичем. Автор обвиняет Александра I не в его стремлении отречься от престола и стать частным человеком, а в незаконных действиях. Ведь в январе 1822 г. царь принял неофициальное отречение законного наследника, а в 1823 г. подготовил секретный манифест о передаче прав наследования российского престола великому князю Николаю, но не обнародовал эти важнейшие документы. Результатом этих действий стало междуцарствие, когда после смерти Александра I в Таганроге 19 ноября 1825 г. Россия была приведена к присяге Константину Павловичу. Новая присяга, уже Николаю Павловичу, так и не дождавшемуся от брата официального акта отречения, была назначена на 14 декабря 1825 г., чем и воспользовались члены тайных обществ. «Смерть императора Александра, два отречения, две присяги, последовательные и противоречащие, тайное завещание, отысканное в архивах,

взволновали, расстроили умы, породили происшествия 14 декабря в Петербурге и отважное движение одного полка на юге», — писал М. С. Лунин (*Лунин М. С.* Письма из Сибири. М., 1988. С. 56).

Подводя итог анализа важного исторического периода, закончившегося событиями на Сенатской площади, и размышляя о причинах столь широкого распространения антиправительственного «заговора», Глинка видит их в политической недальновидности и государственной легкомысленности Александра I, так и не решившего две важнейшие проблемы царствования — реформ и престолонаследия.

1. Неточное воспроизведение отрывка из речи Александра I, произнесенной на французском языке 15 марта 1818 г. при открытии сейма Царства Польского, перевод которой был сделан П. А. Вяземским и позже опубликован в официальных столичных газетах «Северная почта» и «Санкт-Петербургские ведомости». Александр I, обращаясь к депутатам, говорил: «Образование, существовавшее в вашем краю, дозволило мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные» (цит. по: Северная почта. 1818. 29 марта. № 26).

2. Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) — поэт, прозаик, член литературного общества «Арзамас», видный общественный и политический деятель первой половины XIX в. О нем см.: *Кутанов Н. (Дурылин С. Н.)* Декабрист без декабря // Декабристы и их время. Т. 2; *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969; *Перельмутер В.* «Звезда разрозненной плеяды»: Жизнь поэта Вяземского. М., 1993; *Бондаренко В. В.* Князь Вяземский: Жизнеописание. Минск, 2000; *Акульшин П. В.* П. А. Вяземский: Власть и общество в дореформенной России. М., 2001. С 1807 г. числившийся в Московской межевой канцелярии, в конце 1817 г. в чине коллежского асессора Вяземский был переведен в Варшаву. Местом его новой службы стала Канцелярия Н. Н. Новосильцева. Уже в начале 1818 г. Вяземскому был поручен перевод на русский язык речи Александра I на польском сейме. Об отношении самого переводчика к речи императора свидетельствуют строки из письма Вяземского А. И. Тургеневу: «Пустословия тут искать нельзя: он говорил от души или с умыслом дурачил свет» (*Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу. 3 июня 1818 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 105). И все же в надежде на реальность правительственного реформаторства Вяземский с головой окунулся в работу по подготовке «русской конституции». Вспоминая в «Моей исповеди» об этом периоде жизни, Вяземский признавался, что именно конституционно-реформаторские замыслы верховной власти, а также сама работа в Канцелярии Новосильцева над созданием этого важнейшего политического документа еще более способствовали утверждению в его мировоззрении идей политического либерализма: «Новые надежды, которые открывались для России в речи государя, характер Новосильцева, все вместе дало еще больше оживления моему образу мыслей, преданных началам законной свободы, началам конституционно-монархического правления, которое я всегда почитал надежнейшим законом благоденствия общего и частного, надежнейшим кормилом царей и народов» (цит. по: РГАЛИ. Ф. 195. Д. 1005. Л. 2 об.). Однако, по его словам, «дело, которое сначала кипело, стало остывать», а затем вовсе было приостановлено. «Я остался, таким образом, — писал Вяземский, — приверженцем мнения уже не торжествующего, а опального... из рядов правительства очутился я, не тронувшись с места, в ряду противников его: дело в том, что правительство перешло на другую сторону» (Там же. Л. 7). Это способствовало разочарованию Вяземского как в самом государе, так и в государственной службе. И если осенью 1817 г. Петр Андреевич бежал «в Польшу от России», то осенью 1820 г. «от России бегу теперь из Польши» (*Вяземский П. А.* Письмо А. И. Тургеневу. 3 сентября 1820 г. // Остафьевский архив. Т. 2. С. 58).

3. Глинка пишет, что Александр I назвал конституцию «законоположением». На это обратил внимание и Вяземский в «Автобиографическом введении» к своему собранию сочинений, говоря, что перевод слов «le regime constitutionnel» и «institutions liberales» — «законоположенное управление» и «законо-свободные постановления» — принадлежит самому императору (*Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1878. Т. 1. С. XXXV–XXXVI).

4. Марков (Морков) Аркадий Иванович (1747–1827) — граф, действительный тайный советник, посланник в Стокгольме и Париже, член Государственного Совета.

5. Растопчин (Ростопчин) Федор Васильевич (1763–1826) — граф (с 1799), государственный деятель, литератор. С 10-летнего возраста числился в Лейб-гвардии Преображенском полку, в 1782 г. получил звание камер-юнкера. В 1786–1788 гг. путешествовал по Европе, слушал лекции в Лейпцигском университете. Участвовал в русско-турецкой войне 1787–1789 гг., отличился при штурме Очакова, в Фокшанском и Рымникском сражениях. В 1791 г. вместе с графом А. А. Безбородко вел переговоры о мире с Турцией. После восшествия на престол Павла I быстро возвысился, в 1798–1801 гг. фактически руководил Коллегией иностранных дел, проводя политику отхода России от союза с Великобританией и Австрией и сближения с Францией. В эти же годы являлся членом Совета при императоре. Однако в 1801 г. в результате неудачного соперничества с новым фаворитом Павла Петровича — П. А. Паленом — отправлен в отставку и выслан в Москву. При Александре I в 1801 г. назначен обер-камергером. С 1812 по 1814 гг. — главнокомандующий (генерал-губернатор) Москвы. Накануне и в начале Отечественной войны вел активную антифранцузскую пропаганду, с 1 июля по 31 августа 1812 г. почти ежедневно выпускал «Дружеские послания главнокомандующего в Москве к жителям ее» в форме «афиш» (листовок). Их главной целью было успокоение москвичей и вселение в них уверенности в победе русского оружия. Позже листовки были не раз изданы: Ростопчинские афиши 1812 года. СПб., 1889; Летучие листки 1812 года. СПб., 1904; Ростопчинские афиши. СПб., 1912. Часть «афиш» переиздана: *Ростопчин Ф. В.* Ох, французы. М., 1992. После войны за Ростопчиным утвердилась «слава поджигателя Москвы», поскольку он сжег свой дом, который заново отстроил только после возвращения из-за границы в 1823 г. Еще в 1813 г. С. Н. Глинка в ряде публикаций своего журнала пытался реабилитировать своего друга и коллегу по редакции журнала (Русский вестник. 1813. Ч. 1. С. 67–88, 89–107; Ч. 2. С. 65–75). Александр I, летом 1814 г. вернувшийся из заграничного похода в древнюю столицу, весьма холодно обошелся с московским генерал-губернатором: 30 августа Ростопчин был уволен от должности с назначением в члены Государственного Совета. После отставки в 1823 г., живя, главным образом, в Париже и занимаясь литературным трудом, Ростопчин опубликовал брошюру «La verite sur lincendie de Moscou» (Paris, 1823), переизданную в Москве под названием «Правда о пожаре Москвы» (М., 1823), в которой доказывал свою невиновность в инициации московского пожара. Скончался Ф. В. Ростопчин в 1826 г. в Париже. Его сочинения: Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I. М., 1864; Тысяча восемьсот двенадцатый год. Пер. с фр. // Русская старина. 1889. № 12. О Ф. В. Ростопчине см.: Материалы о графе Ф. В. Ростопчине: ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдер). К. 27. № 1; Письма Д. В. Давыдова к А. И. Михайловскому-Данилевскому 1827–1834 гг.: ОР РНБ. Ф. 488 (А. И. Михайловский-Данилевский). Д. 54; *Тихонравов Н. С.* Граф Ф. В. Ростопчин и литература 1812 года. СПб., 1854; *Брокер А.* Ф. В. Ростопчин: Биографический очерк // Русская старина. 1893. № 1; *Шницлер И. Г.* Ростопчин и Кутузов: Россия в 1812 году. СПб., 1912; *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию в 1812 г. // *Тарле Е. В.* Сочинения. М., 1959. Т. 7.

6. Речь идет о статье С. Н. Глинки «Мысли пустынника», написанной в форме письма, в которой дана негативная оценка европейского общества и его либерально-конституционных ценностей в 1813 г.: «Вижу Европу в пламени, где попираются ногами обязанности человека, гражданина и христианина. Названию христианина смеется своеволие. Презрев все должности, отвергнув все добродетели праотеческие, вопиют: мы независимы, мы свободны, мы совершенны. Боже! Какое ужасное состояние обществ и держав, ибо новая независимость есть презрение веры предков, новая свобода — отвержение всех обязанно-

стей, новое всесовершенство есть равенство с бессословными» (Русский вестник. 1813. Ч. 4. С. 10–14).

7. Речь Александра I была напечатана 29 марта 1818 г. в петербургской газете «Le Conservateur Impartial», № 26.

8. Вопрос о том, был ли Александр I масоном, весьма сложен, и на него нет однозначного ответа. Достоверных сведений о посвящении Александра Павловича в масоны не сохранилось, но существуют версии о его принадлежности к различным масонским ложам. По имеющимся в литературе предположениям, император мог быть принят в масонский орден в 1808 г. в Эрфурте, или в 1812 г. в Петербурге, или в 1813 г. в Париже одновременно со своим ближайшим другом, прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III. Кроме того, согласно устным рассказам, в 1814 г. Александр председательствовал в Париже в походной русской ложе «К верности», действовавшей в Лейб-гвардии Конном полку, в которой состоял цесаревич Константин Павлович; принадлежал к ложе «Великий Польский Восток», а в 1817–1818 гг. посещал ложу «Трех добродетелей». Но все это лишь предположения. Документальных подтверждений о принадлежности Александра I к какой-либо европейской или российской масонской ложе до сих пор не обнаружено. Одно несомненно, что в начале царствования Александра I масонство в России вновь возродилось и имело широкое распространение не только в обеих столицах, но и в провинции. Думается, правы те исследователи, которые считают, что не столь важно, был ли император фактически принят в члены одной из масонских лож или нет, «важно, что Александр, искавший мятежной душой исхода своему нравственному чувству, вечно колеблющийся, был долгое время масоном по духу. И масоны видели поэтому в Александре оплот своему ордену» (*Бакунина Т. А.* Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 79–80). В самом деле, в 1801–1812 гг., т. е. в период преобразовательных поисков власти и правительственного реформаторства, император окружал себя людьми, близкими ему не только по политическим взглядам, но и по мировоззрению. Адам Чарторыский, Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей, А. Д. Балашов, М. М. Сперанский, А. Н. Голицын, работавшие с ним, в той или иной мере были причастны к масонству. О масонстве в России см.: *Готье Ю. В.* Общественное движение и развитие общественной мысли в России XVIII–XIX вв.: Архив РАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–19; *Соколовская Т. О.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1908; Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1914–1915. Т. 1–2; *Пыпин А. Н.* Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. Пг., 1916.

9. Н. И. Греч так писал о роли Александра I в усилении конституционных пристрастий его подданных: «Я был в то время отъявленным либералом. Да и кто из тогдашних молодых людей был на стороне реакции. Все тянули песню конституционную, в которой запевалой был сам Александр Павлович» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. Л., 1930. С. 687).

10. Имеются в виду записки и проекты М. М. Сперанского (написанные им по поручению императора или по собственной инициативе) о преобразовании государственного строя в России, в основе которых лежали просветительские принципы «естественного права», свободы и достоинства человека, а также идеи христианской морали. В конце декабря 1808 г. Александр I поручил Сперанскому разработать общий план государственных преобразований, целью которого являлся переход от самовластия к рационально и четко организованной «законной» или «истинной монархии». Идеологические обоснования необходимости модернизации абсолютистской системы в России наиболее четко и последовательно представлены в двух записках Сперанского. Отложившиеся в личном фонде его ближайшего сотрудника и личного секретаря К. Г. Репинского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и относящиеся к 1809 г., они были переведены на французский язык и названы «Considerations sur lesprit et la maturite d une reforme politique en Russie» («Рассуждения о духе и зрелости политической реформы в России» с подзаголовком «Беседа М. М. Сперанского с Александром I»: Ф. 637. Д. 745) и «Precis de lorganisation generale de lempire» («Очерк общего устройства империи» с подзаголовком «Мысли Александра I, изложенные М. М. Сперанским»: Там же. Д. 746). В этих документах Сперанский, выражая собственные взгляды и точку зрения императора, обосновывает необходимость правовой

реформы неизбежностью общечеловеческого движения к прогрессу и естественного включения в этот процесс России. Кроме этого, эти записки, представляющие собой подготовительные варианты «Введения к Уложению государственных законов (плана Всеобщего государственного образования)» 1809 г., не только проливают свет на процесс создания российской конституции, реконструируют идеологические основы предлагаемых реформ, но и подтверждают версию, выдвинутую еще дореволюционными исследователями и поддержанную некоторыми советскими и современными историками, что «Введение» — результат совместной работы императора и исполнителя его замыслов (*Уманец Ф. М.* Александр I и Сперанский. СПб., 1910. С. 67–81; *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 127–137; *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982. С. 105–115, 128; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 27–30; *Андреева Т. В.* Александр I и Сперанский: Еще раз о «Плане всеобщего государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4. СПб., 2001. С. 41–74).

11. Петр I Алексеевич (1672–1725) — русский царь (с 1682), император (с 1721). Имеется в виду, что Петр Великий, несмотря на идеологическое прокламирование идей «обязанности» и «должности» монарха перед народом, не стремился к юридическому оформлению своих реальных обязательств и ответственности, а также точному определению своих полномочий как власти первого российского императора. См. об этом: *Анисимов Е. В.* Рождение империи: Власть и реформы при Петре Великом // Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 113–152.

12. В данном контексте Глинка почти повторяет мысли М. М. Сперанского, который в политическом развитии России особо выделяет эпохи Петра I и Екатерины II как «великих преобразователей за прогресс». Реформатор считал, что, хотя Петр Великий «вовсе не имел непосредственного намерения дать нации политическую свободу, но, руководимый счастливым инстинктом, подготовил все, что нужно, для того, чтобы она родилась». Екатерина, «осторожная в отношении политических реформ и отвлеченная событиями войны и внешней политики», удовлетворилась тем, «что относится к основным законам: она дала лишь Жалованные грамоты дворянству и городам» (Мысли Александра I, изложенные М. М. Сперанским. Л. 5–5 об.).

13. Речь идет о том, что масонские ложи, хотя и являлись тайными организациями, но долгое время были разрешены правительством. Перелом в отношении Александра I к масонским ложам наступил в начале 1820 г. и был связан с кризисом государственного либерализма, отразившимся в изменении позиции императора к тайным обществам в целом. В первую очередь, это было связано с революционно-освободительным процессом, охватившим центральную и южную Европу. Тот факт, что революции в южной Европе возглавлялись карбонариями и гетеристами — членами тайных организаций, сходных по своей структуре и политической программе с масонскими ложами, — чрезвычайно насторожил императора. Его недовольство по поводу широкого распространения масонства в России также было усилено восстанием Семеновского полка (16–18 октября 1820 г.), поскольку среди полковых офицеров, участвовавших в «истории», многие были масонами. 1 августа 1822 г. был обнародован рескрипт Александра I управляющему Министерством внутренних дел графу В. П. Кочубею о запрещении всех масонских лож в России. Позже, во второй половине 1820-х — 1830-х гг., русское масонство переживало некоторый подъем, связанный с попыткой его руководителей приспособить деятельность масонских организаций к новым историческим условиям. Постепенно освобождаясь от ритуальности, масонские ложи превратились в досуговые общества. Согласно мемуарам М. В. Толстого, «после закрытия лож все обряды исчезли, но собрания братьев продолжались в виде бесед довольно частых..., и принятие новопоступающих продолжалось тайно» (*Толстой М. В.* Мои воспоминания // Русский архив. М., 1881. № 3). О масонстве в николаевской России см.: *Пыпин А. Н.* Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. С. 472–480; *Бакунина Т. А.* Знаменитые русские масоны. С. 79–80.

14. Вступив на престол, Александр I манифестом от 2 апреля 1801 г. уничтожил Тайную

экспедицию, но уже в 1805 г., в условиях военных действий против Наполеона, желая усилить полицейское ведомство, писал генерал-адъютанту графу Е. Ф. Комаровскому: «Я желаю, чтобы учреждена была la haute police (высшая полиция — *сост.*), которой мы еще не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах» (Записки графа Е. Ф. Комаровского // Русский архив. 1867. С. 754). 15 сентября 1805 г. был создан Комитет высшей полиции (1805–1807). 13 января 1807 г., после двух лет сложной организационной деятельности, он был преобразован в самостоятельный орган на французский манер — Комитет охранения общей безопасности (материалы Комитета отложились в фондах Российского Государственного исторического архива: Ф. 1163. 1807–1829), главное назначение которого состояло в охране государственной безопасности. 25 июня 1810 г. было создано Министерство полиции во главе с генерал-лейтенантом А. Д. Балашовым, просуществовавшее до 23 марта 1812 г. Учреждая «la haute police», Александр I взял за образец устройство французского полицейского аппарата, созданного Наполеоном при помощи министра полиции Ж. Фуше. При этом главные средства, применяемые Фуше в деятельности своей системы — провокация и шпионаж, — стали основными и в работе российской высшей полиции. И если на первых порах ее агентами были добровольные доносители, которые, так сказать, работали из «любви к искусству», то со временем появились кадры профессиональных сексотов и провокаторов. «Со времени войны с французами, — писал в своем дневнике С. П. Жихарев, — появился в Москве особый разряд людей под названием «нувелистов», которых все занятие состоит в том, чтоб собирать разные новости, развозить их по городу и рассуждать о делах политических» (Записки С. П. Жихарева. СПб., 1911. С. 381). Восстановленное 15 октября 1819 г., уже 4 ноября 1819 г. Министерство полиции было ликвидировано. Большинство его департаментов передавалось в состав Министерства внутренних дел. Новое разделение сыскных органов ставило их под взаимный контроль, и вместо одного «Фуше» в российской столице появилась тройная полиция: одна — в Министерстве внутренних дел, другая — у военного генерал-губернатора Петербурга М. А. Милорадовича, а третья — у графа А. А. Аракчеева, которые вели тайное наблюдение друг за другом. См. об этом: *Троицкий И.* [*М.*] III-е Отделение при Николае I. Л., 1990. С. 138–150.

15. Фуше Жозеф (1759–1820) — герцог Отрантский, французский государственный деятель. В 1792 г. примкнул к якобинскому клубу, был избран в Конвент, где принадлежал к партии «Горы». В 1795 г. арестован как один из участников якобинского террора, но вскоре освобожден и на время сошел с политической сцены. Но уже в 1798 г. назначен французским посланником в Цизальпинской республике, а в 1799 г. — в Гааге. Вернувшись из-за границы, в том же году был назначен Бонапартом министром полиции и занимал эту должность вплоть до реставрации монархии во Франции в 1815 г. О нем см.: *Madelin L.* Fouche. Paris, 1901. Vol. 1–2.

16. Аргус — многоглазый страж в греческой мифологии. По преданию, богиня Гера поручила ему стеречь девушку Ио, превращенную в корову. Гермес усыпил Аргуса и убил его, освободив Ио. Гера поместила глаза Аргуса на хвосте павлина.

17. Наполеон I Бонапарт (1769–1821) — французский полководец и государственный деятель, первый консул Французской республики (1799–1804), император французов (1804–1815).

18. Татищев Василий Никитич (1686–1750) — русский историк и государственный деятель. О нем см.: *Попов Н. А.* 1) В. Н. Татищев и его время. М., 1861; 2) Ученые и литературные труды В. Н. Татищева. М., 1887; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Василий Никитич Татищев: Администратор и историк XVIII века (1861–1750) // Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 99–140; *Тихомиров М. Н.* Василий Никитич Татищев // Историк-марксист. М., 1940. № 6; *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по истории России // *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2.

19. Катина́ Николас (ум. 1712) — французский маршал, герой войны с Фландрией, пользовавшийся любовью солдат за бескорыстие и готовность разделить с ними все труды и опасности.

20. Людовик XIV (1643–1715) — французский король династии Валуа, в эпоху которого во Франции была утверждена абсолютная монархия.

21. Под «тайной сделкой» Глинка имел в виду два секретных документа — письмо великого князя Константина Павловича к Александру I от 14 января 1822 г. и манифест Александра I от 16 августа 1823 г., согласно которым право наследования российского трона передавалось великому князю Николаю Павловичу. Однако тот факт, что цесаревич Константин так и не оформил свой отказ от престола законодательным актом, и оба документа так и не были опубликованы, привел к междуцарствию, которым воспользовались декабристы.

22. Алексей Петрович (1690–1718) — цесаревич, сын Петра I и его первой жены Евдокии Федоровны Лопухиной, в 1717 г. бежал за границу, был возвращен, судим в Сенате и приговорен к смерти, скончался в Петропавловской крепости при невыясненных обстоятельствах.

23. Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская, 1684–1727) — вторая жена Петра I, российская императрица с 1725 г. О ней см.: *Арсеньев К. И.* Царствование Екатерины I. СПб., 1856; *Андреев В.* Екатерина Первая // Осмнадцатый век. М., 1896. Кн. 3; *Брикнер А. Г.* Императрица Екатерина. 1725–1727 // Вестник Европы. 1894. Т. 1; *Анисимов Е. В.* 1) Россия без Петра. СПб., 1994; 2) Женщины на российском престоле. СПб., 1997. С. 9–65.

24. Исторический экскурс Глинки был направлен на усиление основного тезиса автора — недальновидность Александра I, скрывавшего свои замыслы о передаче права престолонаследия от общества, привела к трагическим событиям на Сенатской площади. Упоминая дело цесаревича Алексея Петровича, преданного суду по приказу отца, и прецедент с Мартой Скавронской, ставшей по воле Петра I российской императрицей Екатериной Алексеевной, Глинка подчеркивает, что все это совершалось открыто, «в очах подданных», и потому закончилось успехом.

25. Речь идет о восстании Лейб-гвардии Семеновского полка 16–18 октября 1820 г. Продолжавшееся всего двое суток выступление солдат против произвола и жестокости полкового командира Ф. Е. Шварца стало важной вехой в истории общественного движения в России первой четверти XIX в. «Семеновская история» не только способствовала усилению либеральных тенденций в русском обществе, но оказала влияние на формирование тактики руководителей Союза благоденствия. Из происшедших событий они сделали важный политический вывод: в России нет другой реальной силы кроме армии, и тот, кто установит контроль над ней, окажется «хозяином положения». Об этом см.: *Чернов С. Н.* Из истории борьбы за армию в начале 20-х годов XIX в. // *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 96–157; *Федоров В. А.* Солдатское движение в годы декабристов. 1816–1825 гг. М., 1963; *Лапин В. В.* Семеновская история. Л., 1991.

26. Речь идет о волнениях в университетах Германии в 1819 г. и убийстве иенским студентом К. Зандом известного русского дипломата, генерального консула в Кенигсберге А. Ф. Коцебу, которого считали шпионом Русского двора. Эти события стали поводом к провозглашению, а после конференции в Карлсбаде (осенью того же года) — к санкционированию в Священном союзе вмешательства во внутренние дела союзных государств и даже интервенции в случае подъема в них революционного движения. Кроме этого, революция в Испании, восстание в Неаполитанском королевстве, убийство 1 февраля 1820 г. герцога Беррийского поставили союзников перед необходимостью созвать новый конгресс, который был проведен в Троппау в октябре — ноябре 1820 г. Подробнее: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 180–183; *Пресняков А. Е.* Александр I. С. 143–149.

27. Меттерних Виннебург Клеменс (1773–1859) — князь, министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства в 1809–1821 гг. С 1821 г. по 1848 г. — канцлер Австрии.

28. О своем разговоре с Александром I, состоявшемся сразу после получения первого известия о восстании в Семеновском полку, Меттерних записал в своем дневнике 3 ноября 1820 г.: «Царь полагает, что должна быть какая-нибудь причина для того, чтобы три тысячи русских солдат решились на поступок, так мало согласующийся с народным характером. Он

доходит до того, что воображает, что никто иной, как радикалы устроили все это, чтобы застращать его и принудить вернуться в Петербург; я не разделяю его мнения» (Из записок князя Меттерниха // Исторический вестник. 1880. Т. 1. С. 168–180). О том, что именно члены тайного общества спровоцировали возмущение Семеновского полка, Александр I писал и графу А. А. Аракчееву 5 ноября 1820 г. (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 185). Однако ни в материалах Следственной комиссии по делу декабристов, ни в декабристских воспоминаниях нет упоминаний об их причастности к выступлению семеновцев (*Лапин В. В.* Семеновская история. С. 169–173). Вероятно, Глинка в данном сюжете воспроизводил легенду, которая была чрезвычайно популярна в обществе в октябре–ноябре 1820 г., что именно Меттерних, получив сообщение о восстании Семеновского полка раньше Александра I, уверил его, что это — «дело рук» российских инсургентов. В действительности же первое Всеподданнейшее донесение генерал-адъютанта И. В. Васильчикова от 19 октября 1820 г. было получено Александром уже 28 октября. Таким образом, П. Я. Чаадаев, бывший тогда адъютантом Васильчикова и прибывший с донесением в Троппау 30 октября, т. е. позже австрийского курьера, привез уже второе, более развернутое сообщение о событиях в российской столице (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 4. С. 496). Этот эпизод из биографии Чаадаева всегда вызывал различные толкования в исторической литературе. Так, с точки зрения Ю. М. Лотмана, Чаадаев это сделал намеренно (*Лотман Ю. М.* Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 311–314).

29. Речь идет о французском либеральном журнале Б. Констана «Le Constitutionel», распространение которого в 1822 г. было запрещено в России, а затем в Царстве Польском: РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3453.

30. Речь идет о петербургской газете, выходившей на французском языке, «Le Conservateur Impartial».

Подготовка текста и комментарии Т. В. Андреевой

Митрополит Филарет
Воспоминания, относящиеся к восшествию на престол государя императора Николая Павловича [1845–1846 гг.]

Записывать воспоминания чрез двадцать лет и более, после событий, довольно поздно. Память происшествий с важнейшими обстоятельствами сохраняется, но некоторые подробности уже неясно видимы в туманной дали.

Предприемлющий сие описание не предпринял бы оного и теперь, если бы не был возбужден Высокою волею: хотя это могло бы ему придти на мысль и ранее, дабы объяснить свое участие в событиях, которые, по запутанности обстоятельств, могли показаться не соответствующими ожиданию. Он полагал и полагает, что сделанное по крайнему разумению и по совести не потеряно, если ли и не приобрело одобрение человеческого, и что оправдание пред человеками не великое приобретение, если не подтвердит оного суд Божий.

Теперь да исполнится долг послушания Высокой воле. Летом в 1823 году архиепископ (ныне митрополит) Московский Филарет[1], находившийся тогда в Петербурге для присутствования в Синоде, просил у государя императора Александра Павловича увольнения во вверенную ему епархию на два года. Министр духовных дел, князь Голицын[2], объявил на сие открыто Высочайшее соизволение, и в то же

время секретное повеление, чтобы архиепископ прежде отбытия из Петербурга исполнил особенное поручение государя императора. Вслед за тем передано архиепископу подлинное письмо цесаревича Константина Павловича, которым он отрекается от наследования престола, и повелено написать проект Высочайшего манифеста о назначении наследником Всероссийского престола великого князя, ныне благополучно царствующего императора Николая Павловича, с тем, чтобы акт сей оставался в тайне, доколе не придет время оного в исполнение, и чтобы он хранился в Московском Успенском соборе, с прочими царственными актами. Мысль о тайне тотчас представилась архиепископу ведущею к затруднению[3]. Как восшествию на престол естественно быть в Петербурге, то как оно может быть соображено с манифестом, втайне хранящимся в Москве? Архиепископ не скрыл сего недоумения; представил, чтобы списки с составляемого акта хранились также в Петербурге, в Государственном Совете, в Синоде и в Сенате; и, получив на сие также Высочайшую волю, внес сие в самый проект манифеста[4].

Вручив проект князю Голицыну, архиепископ, как уволенный в Москву, просил позволения пред отбытием представиться государю императору, чего и удостоен в Каменноостровском дворце; но между тем получил повеление дождаться возвращения проекта от государя императора, для некоторых в нем исправлений. Государь император отбыл в Царское Село. Прошло несколько дней, архиепископ, заботясь о вверенной ему тайне и видя, что продолжение пребывания его в Петербурге, после совершенного увольнения, возбуждает вопросы любопытства, просил позволения исполнить Высочайшую волю по проезде чрез Царское Село, где мог остановиться под видом посещения князя Голицына. Так и сделалось. Архиепископ нашел у князя проект, в котором некоторые слова и выражения подчеркнуты были карандашом; и, стараясь угадывать, почему оные не соответствовали мысли государя императора, заменил их другими.

25 августа государь император прибыл в Москву и, помнится, 27 дня прислал архиепископу утвержденный акт, с приложением в подлиннике письма цесаревича, в запечатанном конверте, с собственноручною его величества надписью: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть Московскому Епархиальному архиерею и Московскому генерал-губернатору, в Успенском соборе, прежде всякого другого действия».

28 дня посетил архиепископа граф Аракчеев[5] и, спросив сперва, получены ли от государя известные бумаги, спросил далее, как будут внесены они в Успенский собор. Архиепископ ответствовал, что завтра 29 дня на вечере дня тезоименитства государя императора, он будет совершать всенощное бдение в Успенском соборе, и как он, по чину службы, прежде начатия оной должен войти в алтарь, то сим временем воспользуется для положения запечатанного конверта в ковчег к подобным актам, не открывая, впрочем, никому, что сие значит. Граф, не отвечая на сие, удалился, но вскоре пришел опять и объявил, что государю императору не угодна ни малейшая гласность. Мысль архиепископа была, чтобы, по крайней мере, немногие находящиеся в алтаре приметили, что нечто неизвестное приобщено к государственным актам, и чтобы от сего осталась некоторая догадка и побуждение, в случае кончины государя, вспомнить о ковчеге и заняться вопросом, нет ли в

оном чего на сей случай. Но поздно было изъясняться, и потому 29 дня в полдень, когда в Успенском соборе не было никого, кроме протопресвитера[6], сакеллария[7] и прокурора Синодальной конторы с печатью, архиепископ вошел в алтарь, открыл ковчег государственных актов, показал присутствующим принесенный конверт, и на нем печать, но не надпись, положил оный в ковчег, запер, запечатал и объявил присутствующим к строгому наблюдению Высочайшую волю, чтобы о сем никому открываемо не было.

Хранители тайны были верны. Следующей осенью и зимою приходили из Петербурга скромные слухи, что в Государственный Совет и в Святейший Синод поступили от государя императора запечатанные конверты[8], а не случилось ли подобного в Москве, даже и не спрашивали.

Архиепископ Московский полагал, что существование нового акта открыто московскому генерал-губернатору, которому поручено наблюдение за вскрытием оного, но не решился объясниться о сем с князем Д. В. Голицыным[9], не имея на то Высочайшей воли.

В ноябре 1825 года известия о болезни государя императора Александра Павловича приводили в уныние верноподданных[10]. 27 дня было в Москве известие успокоительное: но то был последний луч угасающей надежды. 28 дня пришел к архиепископу Московскому один знакомый для слушания всенощного бдения и на вопрос, что он печален, ответил: «Разве вы не знаете? Уже с утра нынешнего дня известно, что мы лишились государя императора». Когда архиепископ опомнился от первого поражения печалию, ему показалось странным, что он долго оставлен в неизвестности со стороны генерал-губернатора, которому должна быть известна не только важность, но и затруднительность открывающихся обстоятельств.

В следующее утро 29 дня архиепископ, пригласив действительного тайного советника князя Сергея Михайловича Голицына[11], приехал с ним к генерал-губернатору для совещания. Архиепископ изложил свои мысли о затруднительности настоящих обстоятельств. Цесаревич Константин Павлович написал к государю императору Александру Павловичу письмо о своем отречении от наследования престола в начале 1822 года. До половины 1823 года не было по сему составлено императорского акта. Последовавшее составление и хранение акта о назначении на престол государя великого князя Николая Павловича произошло в глубокой тайне. Посему может случиться, что цесаревич не знает о существовании сего акта и намерение свое почитает не получившим утверждения; что посему он может быть убежден к принятию престола, и что мы можем получить из Варшавы манифест о вступлении на престол Константина Павловича прежде, нежели успеем получить из Петербурга манифест о вступлении на престол Николая Павловича[12].

При сем оказалось, что генерал-губернатор не знал о существовании нового акта в Успенском соборе; и он изъявил было желание идти в Успенский собор в сем удостовериться. На сие архиепископ не согласился, представляя, что из сего возникнуть могут молвы, каких нельзя предвидеть, и даже клевета, будто теперь что-то подложено к государственным актам или положенное подменено.

В заключение сего совещания положено, чтобы в том случае, если бы получен был манифест из Варшавы, не объявлять о нем и не приступать ни к какому

действию по оному в ожидании манифеста из Петербурга, который укажет истинного императора.

Едва таким образом взята предосторожность против возможного затруднения, как открылось еще большее затруднение с другой стороны.

Вечером того же дня генерал-губернатор приехал к архиепископу с письмом графа Милорадовича, в котором объявлялось, что в Петербурге принесена присяга в верности императору Константину Павловичу, что первый присягнул великий князь Николай Павлович, что непременная воля великого князя есть, чтобы и в Москве принесена была также присяга, и чтобы не была открываема бумага, какая есть в Успенском соборе[13]. Архиепископ представил на сие, что объявление графа Милорадовича не может быть принято как официальное в деле толикой важности. Но генерал-губернатор находил, что когда присяга принесена уже в Петербурге, отлагать оную в Москве было бы неблаговидно и, может быть, неблагоприятно для общественного спокойствия. Архиепископ продолжал представлять, что в основание государственной присяги в церкви нужен государственный акт, без которого, и также при неимении указа от Святейшего Синода, неудобно на сие решиться духовному начальству[14]. Генерал-губернатор сказал, что он уже виделся с обер-прокурором Общего собрания Сената князем Гагариным[15], и что сей обещал созвать сенаторов в чрезвычайное собрание, что, впрочем, если они не решатся ни на какое действие, то он полагает привести к присяге, по крайней мере, губернские чины. На сие архиепископ выразил, что было бы не только далеко от точности официальной, но и неблаговидно и сомнительно для народа, если бы присягала вся губерния, а Сенат не присягал.

Наконец, когда генерал-губернатор требовал, чтобы присяга была по крайней мере в том случае, если Сенат постановит о сем определении, и оно прочитано будет в Успенском соборе; архиепископ не нашел возможным отказаться от сего и принять на свою ответственность последствия сего отказа. Нельзя быть одному императору в Петербурге, а другому в Москве. Как произошла присяга в Петербурге, обстоятельства сего в Москве были не известны. Нельзя было думать, чтобы без важных причин оставлен был бездейственным акт, вверенный Государственному Совету, Синоду и Сенату[16]. Нельзя было предполагать неизвестность содержания сего акта, которое, хотя было закрыто печатью, однако довольно обличалось надписью на конверте, и, без сомнения, благовременно объяснено знавшим оное и всегда верным исполнителем в Бозе почившего императора министром духовных дел князем Голицыным[17]. Надобно было предположить крайне важные причины, почему председатель Государственного Совета, первенствующий член Синода и министр юстиции[18] не напомнили Государственному Совету, Синоду и Сенату об исполнении, и сии не исполнили того, что государь император Александр Павлович повелел им исполнить в случае своей кончины, прежде всякого другого действия. Сии соображения представлялись архиепископу повелительными, чтобы не отказываться долее от совершения в Москве присяги, совершившейся уже в Петербурге.

Поелику нельзя было знать, решится ли Сенат постановить определение о присяге, то, дабы не производить неблаговременной гласности, старшему духовенству было только подтверждено собраться в Успенский собор на молебен 30

ноября, в день святого Андрея Первозванного, обыкновенно совершаемый; а от генерал-губернатора взято обещание, что о решении Сената дано будет в 11-ть часов утра известие в Чудов монастырь, где будет ожидать оного архиепископ. Когда получено было известие, что Сенат составил определение и идет к присяге, тогда печальным благовестом в Успенский колокол дано церковное извещение столице о преставлении благочестивейшего императора Александра Павловича, и вслед за тем произошла в Успенском соборе предположенная присяга[19].

Дни, протекшие между 30 ноября – 15 декабря 1825 года, конечно, ни для кого в Москве не были так тяжки, как для архиепископа, которому выпал странный жребий быть хранителем светильника под спудом; зато, наконец, ему прежде других показался открывающийся свет. С 16 на 17 декабря, вскоре после полуночи, он разбужен был священником Троицкой церкви, что близ Сухаревой башни, пришедшим просить разрешения находящуюся на Сухаревой башне ведомства Морского министерства команду привести к присяге на верность государю императору Николаю Павловичу. «На каком основании?» — спросил архиепископ. Священник отвечал, что у начальника есть печатный манифест. Странно было начать провозглашение императора с Сухаревой башни, особенно в тогдашних обстоятельствах, при обуревании умов народа разными неблагоприятными и непрекословными молвами, но и остановить сие — значило бы произвесть неблагоприятное впечатление. Посему архиепископ, не произнося решения и выигрывая время, потребовал, чтобы ему для удостоверения показан был манифест, и в то же время послал письмо к генерал-губернатору, спрашивая, не получил ли он манифеста, и прося его совета. Когда принесен был печатный манифест о восшествии на престол Всероссийский государя императора Николая Павловича и приложения к нему[20], архиепископ, увлеченный тем, что дело наконец вышло на чистую дорогу, тотчас разрешил священнику приведение к присяге, но вслед за тем получил от генерал-губернатора ответ, что он манифеста не получал и что, по его мнению, ничего не должно делать по требованию начальствующего на Сухаревой башне. Между тем присяга на Сухаревой башне была совершена.

Утром 17 дня генерал-губернатор получил собственноручный рескрипт государя императора Николая Павловича о восшествии его на Всероссийский престол[21], но не было получено ни в Сенате высочайшего Манифеста, ни по духовному ведомству Синодского указа о присяге на верноподданство. Новое затруднение было и потому, что Высочайшего рескрипта нельзя было объявить Сенату, между прочим, потому что в нем заключались неподлежавшие при торжественном случае оглашению упоминания о происшествии 14 декабря и о судьбе графа Милорадовича, которому, как бы за то, что спешил объявить Москве несуществовавшего императора, не суждено жить при истинном императоре[22].

Затруднение разрешилось вечером того же дня получением Высочайшего манифеста и прибытием по высочайшему повелению генерал-адъютанта графа Комаровского[23], для присутствования при открытии копии манифеста и подлинного отречения цесаревича, хранившихся в Успенском соборе.

Дабы после бывшей погрешительной присяги народ лучше понял настоящее дело, архиепископ просил генерал-губернатора в продолжение ночи напечатать и доставить потребное число экземпляров Высочайшего манифеста и приложений

к нему, чтобы они 18 дня могли быть прочитаны пред присягою во всех церквях столицы. Сие исполнено в точности.

18 дня пред полуднем по собрании в Большом Успенском соборе Правительствующего Сената, военных и гражданских чинов архиепископ Московский в полном облачении в предшествии прочего духовенства вышел из алтаря, неся над головою серебряный ковчег, в котором хранятся государственные акты, остановился пред приготовленным на предалтарном амвоне облаченным столом, и, имея пред собою ковчег, говорил: «Внимайте, россияне! Третий год, как в сем святом и освящающем царей храме, в сем ковчеге, который вы видите, хранится великая воля Благословенного Александра, назначенная быть последнею его волею. Ему благоугодно было закрыть ее покровом тайны, и хранители не смели прежде времени коснуться сего покрова. Прошла последняя минута Александра; настало время искать его последней воли, но мы не знали, что настало сие время. Внезапно узнаем, что Николай, с наследственною от Александра кротостию и смирением, возводит старейшего брата, и в то же время повелевает положить новый покров тайны на хартию Александра. Что нам было делать? Можно было предугадывать, какую тайну заключает в себе хартия, присоединенная к прежним хартиям о наследовании престола. Но нельзя было не усмотреть и того, что открыть сию тайну в то время — значило бы разодрать надвое сердце каждого россиянина. Что же нам было делать? Ты видишь, благословенная душа, что мы не были не верны тебе, но верности нашей не оставалось иного дела, как стеречь сокровище, которое не время было вынести на свет, как оберегать молчанием то, что не позволено было провозгласить. Надлежало в сем ковчеге, как бы во гробе, оставить царственную тайну погребенною, и небесам предоставить минуту воскресения. Царь царствующих послал сию минуту. Теперь ничто не препятствует нам сокрушить сию печать, раскрыть сей государственную жизнь, скрывающий гроб. Великая воля Александра да воскреснет! Россияне! Двадцать пять лет мы находили свое счастие в исполнении державной воли Александра Благословенного. Еще раз вы ее услышите, исполните и найдете в ней свое счастие».

После сего ковчег, по снятии печати, раскрыт, вынут из него конверт; печать на нем и собственноручная надпись в Бозе почившего государя императора Александра Павловича освидетельствованы близ стоявшими московским военным генерал-губернатором и генерал-адъютантом графом Комаровским; и прочитан архиепископом манифест в Бозе почившего императора Александра Павловича с приложенным при нем в подлиннике отречением цесаревича великого князя Константина Павловича от права на наследование престола. За сим, по прочтению также Высочайшего манифеста государя императора Николая Павловича, приступлено к принесению его Императорскому величеству присяги на верность подданства.

По требованию обстоятельств архиепископ нашел нужным чтение формы присяги предначать следующим образом: «По уничтожении силы и действия прежней присяги непреклонным отречением того, кому оная дана (за сим следовало осенение народа крестным знамением) Аз нижеименованный и пр.»[24].

О сем предисловии присяги слышны были впоследствии времени неодинаковые суждения. Некоторые говорили архиепископу, что мысль о предшествовавшей

присяге и о новой присяге при жизни того, кому дана предшествовавшая, действительно, наводила на них некоторую мнительность, и вышеозначенное предисловие, действительно, послужило для них к прекращению сей мнительности. Другие говорили, что архиепископ принял на себя не принадлежавшую ему власть разрешить от присяги. Но архиепископ отнюдь не признавал, чтобы его действие имело такое значение. Не разрешение от присяги произнес он, а только свидетельствовал, что сила и действие прежней присяги сами собою уничтожились непреклонным от престола отречением того, кому оная дана; он выразил словами мысль, которая должна была в сие время быть у каждого приступающего к присяге.

За присягою следовало молебное пение о благословении Божием на начинающееся царствование. При возглашении многолетия благочестивейшему государю императору Николаю Павловичу, по начатии звона на Ивановской колокольне, по предварительному распоряжению, в то же время произведен звон при всех церквах столицы.

В сие время не было заботы о том, что еще не был получен от Святейшего Синода указ с приложением Высочайшего манифеста и с предписанием о верноподданнической присяге, но когда прошло потом несколько дней и указа еще не было, а происшествие 14 декабря сделалось в Москве известным; тогда мрачным представлялся вопрос: что же делается в Петербурге? Наконец нарочно посланный от Святейшего Синода с указом явился в Москве и объяснял свое умедление тем, что останавливался в Нове-городе и в Твери для раздачи указов. Сие обстоятельство упоминается здесь для того, чтобы представить на усмотрение, не заслуживает ли внимания и распоряжения то, чтобы в случаях государственной важности Москва не была поставляема после Новгорода и Твери, и чтобы Высочайший манифест получаем был Сенатом, московским генерал-губернатором и московским епархиальным архиереем не позже, нежели начальствующим на Сухаревой башне.

Полностью публикуется впервые по писарской копии, хранящейся в РГИА: Ф. 832. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–16. Документ датируется 1845–1846 гг. по упоминаниям самого автора, который писал, что приступил к запискам «чрез двадцать лет и более, после событий». Авторство устанавливается на основании содержания документа, а также — полной идентичности начала данного мемуарного текста с отрывком воспоминаний митрополита Филарета, помещенным М. А. Корфом в «Историческую записку о происхождении и издании книги „Восшествие на престол императора Николая I-го“»: ОР РНБ. Ф. 380. Д. 51. Л. 39–40 об. Кроме этого, информация, имеющаяся в документе, использовалась Корфом для подготовки его труда и вошла в издание для «общего сведения» (*Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I-го. Изд. IV. СПб., 1857. С. 27–29, 63–69). Некоторые сведения из воспоминаний Филарета были включены в публикацию «Русского архива» (Из рассказов московского митрополита Филарета // Русский архив. 1897. Т. 1. № 1. С. 113–115). Отрывок из публикуемого текста, с указанием автора, вошел и в книгу Н. К. Шильдера (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 140–143).

Воспоминания Филарета, написанные по заказу цесаревича, великого князя Александра Николаевича (о чем свидетельствует ссылка мемуариста на «Высокую

волю»), были представлены ему в октябре 1849 г. После прочтения их Николаем I, в декабре 1849 г. они были переданы Корфу. Этот материал давно интересовал историка, который еще 20 марта 1849 г. заметил, что «сообщениями, которые можно еще принять от митрополита Московского, теперь исчерпаны, кажется, все уже источники для возможной полноты нашей книги». Поэтому, несмотря на замечание Александра Николаевича, что воспоминания Филарета не содержат «ничего ни особенно важного, ни много нового», Корф все же использовал их при описании событий, происходивших в Москве в дни междуцарствия и восшествия на престол Николая I (*Корф М. А.* Историческая записка о происхождении и издании книги «Восшествие на престол императора Николая I-го». Л. 34).

По мнению Корфа, воспоминания Филарета, или его «записка», — «вещь очень любопытная». Она давала несколько иную интерпретацию истории создания секретного манифеста Александра I от 16 августа 1823 г., иначе трактовала действия высших духовных и должностных лиц Москвы после получения известия о кончине императора, чем рассказ, представленный в первом секретном издании труда Корфа под названием «Историческое описание 14 декабря 1825 года и предшедших ему событий» (1848) «по слышанному некогда, правда, вскользь, от князя А. Н. Голицына». Тот факт, что историк, с 1849 г. имея на руках записку Филарета, не включил ее полностью в следующие издания, был связан с неприятием Корфом стиля документа. По словам Модеста Андреевича, написанные «каким-то полуприказным, полуцерковным языком», воспоминания не удовлетворили его, поэтому он счел возможным при дальнейшей работе использовать «словесные, и только частью письменные сообщения» митрополита. В силу этих причин мемуарный текст Филарета и в оригинале, переданном Корфу Александром Николаевичем, и в копиях не отложился в личном фонде Корфа (*Корф М. А.* Историческая записка о происхождении и издании книги «Восшествие на престол императора Николая I-го». Л. 39–40 об.; *Корф М. А.* Дополнительные сведения к описанию 14 декабря 1825 года: ОР РНБ. Ф. 380. Д. 56; Дело о бумагах, относящихся к истории царствования Николая I, опечатанных после смерти М. А. Корфа. Январь 1876 года: Там же. Ф. 380. Д. 114. Л. 15–17, 28; см. также: 14 декабря 1825 года и его истолкователи: (Герцен и Огарев против барона Корфа) / Подгот. Е. Л. Рудницкой, А. Г. Тартаковским. М., 1994. С. 19, 59.

Согласно «Учреждению об Императорской Фамилии», подписанному Павлом I 5 апреля 1797 г., в России устанавливался новый порядок наследования трона в мужском колене по нисходящей (ПСЗ II. 1797. Т. XXIV. № 17906). В условиях широкого проникновения в страну революционных идей новый акт о престолонаследии оказался весьма актуальным, поскольку не только возвышал авторитет монархических институтов власти, обеспечивал независимость ее носителей от сановно-бюрократической элиты, но и устанавливал юридические нормы, регламентировавшие порядок престолонаследия. Ввиду того, что у Александра Павловича не было мужского потомства, а также «за подвиги храбрости и примерного мужества», проявленные великим князем Константином Павловичем в Итальянском походе А. В. Суворова, как было сказано в указе от 28 октября 1799 г., титул цесаревича был пожалован Константину (Там же. 1799. Т. XXV. № 19170). Поэтому, когда 19 ноября 1825 г. в Таганроге неожиданно оборвалась жизнь Александра I,

для всей России это означало, что на престол должен вступить его законный преемник. Однако этого не произошло, и страна вступила в сложный период междуцарствия.

Известно, что Александр I не раз высказывал желание уйти от государственных дел и стать частным человеком графу В. П. Кочубею, принцам Вильгельму Прусскому и Вильгельму Оранскому, Николаю Михайловичу и Екатерине Андреевне Карамзиным, а также членам Императорского дома: цесаревичу Константину Павловичу, Николаю Павловичу и Александре Федоровне. 13 июля 1819 г. во время войсковых учений в Красном Селе между Александром Павловичем и его братом Николаем в присутствии супруги последнего произошел чрезвычайно важный и имевший дальнейшую историю разговор: «Государь начал говорить, что он... чувствует, что силы его ослабевают; что в нашем веке государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время» (*Николай I.* Записки. Тетрадь 2-я «О наследии после императора Александра I» // Наст. изд. С. 16; см. также: Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях // Русская старина. 1896. Т. 88. № 10. С. 52–53). Однако результатом разговора оказались лишь одни намеки, которые делал император «про сей предмет, но не распространяясь более об оном», «а мы, — как писал в своих записках Николай I, — всячески старались избегать оного». Это казалось тем более странным, что решение относительно этого разговора было принято Александром I и цесаревичем Константином Павловичем после целого ряда обсуждений и подготовки. Сущность «семейной сделки», как считали современники, состояла в том, что оба старших брата «сговорились» передать столь «тяжелую ношу» младшему, более молодому (*Глинка С. Н.* Об обществах европейских и судьбе моего Отечества: Шестой период царствования императора Александра Первого от 1818 года до 1825 // Наст. изд. С. 120–121). О «сделке», состоявшейся в 1819 г., свидетельствует также рассказ генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского, в дневниках которого приведен разговор Александра I с Константином Павловичем, состоявшейся осенью того же года. «Я должен сказать тебе, брат, что я хочу абдикировать, — сообщал император о своем намерении цесаревичу, — я устал и не в силах сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае» (цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 146). Согласно Михайловскому-Данилевскому, именно с 1819 г. Николай Павлович стал присутствовать в кабинете императора при всех докладах о наиболее важных делах по военной и гражданской части.

Однако в своих записках Николай I, подробно описывая начало своей служебной карьеры в 1818–1819 гг., не упоминает об этом факте (*Николай I.* Записки. Тетрадь 2-я «О наследии после императора Александра I»). Вместе с тем, через много лет, в 1848 г., читая рукопись первоначального текста книги М. А. Корфа, против сюжета о своем посещении вместе с братом Михаилом Варшавы в 1821 г. император оставил следующую запись: «Когда мы прибыли в Варшаву, брат

Константин Павлович принял нас с свойственной ему приветливостью, меня же пристыдил не подлежавшими мне почестями; и когда старался от них увертываться, прося избавить меня от них, принимая их почти за насмешку, то он, шутя, мне отвечал: «Это все потому, что ты — Мирликийский царь»; и с тех пор часто мне давал это прозвище, не объясняя зачем» (Заметки Николая I на полях рукописи М. А. Корфа // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 37). По воспоминаниям Михаила Павловича, цесаревич в ту же встречу летом 1821 г. однажды в откровенной беседе поведал ему «великую тайну» своей души, что «твердо положил себе уступить престол брату Николаю, и ничто не поколеблет этой зрело обдуманной решимости» (Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. // Там же. С. 50).

В свой очередной приезд в Петербург письмом на Высочайшее имя от 14 января 1822 г. Константин Павлович сделал формальное отречение, передавая право наследования престола «тому, кому оно принадлежит», т. е. — по закону 1797 г. — великому князю Николаю Павловичу. Вопрос о том, насколько добровольным было отречение цесаревича, впервые был поставлен С. Б. Окунем в 1947 г. Историографическая традиция до него считала этот факт неоспоримым (*Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I-го. С. 13–20; *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. С. 140–144; *Василич Г.* Восшествие на престол императора Николая I. М., 1910. С. 37–39; *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 52–81). По мнению же С. Б. Окуня, отречение Константина Павловича явилось результатом давления на него вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которую беспокоил вопрос о «чистоте династии», и Александра I, озабоченного проблемой «сохранения самой династии» (*Окунь С. Б.* История СССР. 1725–1825: Курс лекций. Л., 1947. С. 445). До сих пор эта проблема остается дискуссионной. Я. А. Гордин и С. В. Мироненко не сомневаются в добровольном характере отказа Константина Павловича царствовать (*Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 22, 53–60; *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 84–87). С точки зрения М. М. Сафонова, поддерживающего мнение С. Б. Окуня, цесаревич передал наследование престола Николаю Павловичу под давлением своей матери и императора (*Сафонов М. М.* 1) Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166–182; 2) Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст. к 60-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 532–541; 3) 14 декабря 1825 года как кульминация междуцарствия // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 61–93; 4) Шубертовский экземпляр константиновского рубля // Там же. С. 483–497; 5) Из истории междуцарствия: критический анализ мемуарных свидетельств С. П. Трубецкого// Там же. СПб., 2005. Вып. 7. С. 296–332).

На наш взгляд, сильнейшим доводом в пользу тезиса о добровольном отречении Константина является мотивировка его позиции, сформулированная в письме Константина Павловича от 14 января 1822 г.: «Все обстоятельства моего нынешнего положения меня наиболее к сему убеждают и будут пред государством нашим и всем

светом новым доказательством моих искренних чувств» (цит. по: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4567. Л. 4 об.) На документе есть помета рукой императора: «С подлинным верно: Александр». 2 февраля 1822 г. царь, от своего имени и от имени вдовствующей императрицы Марии Федоровны изъявляя согласие на «просьбу» Константина Павловича, писал: «Нам обоим остается, уважив причины, вами изъясненные, дать полную свободу вам следовать непоколебимому решению вашему» (Там же. Л. 5). Таким образом, если и было давление на Константина Павловича, то это — давление жизненных обстоятельств, в которые он заключил себя сам. Ведь разрешение на морганатический брак с Иоанной Грудзинской великий князь получил, как считали современники, «не иначе, как дав отречение от престола» (Рассказ сенатора И. А. Данилова: Цесаревич Константин Павлович в 1825–1826 гг. // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 251; Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 109; об этом см.: *Андреева Т. В.* Противостояние: Константин и Николай // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев. 2000. Вып. 2. С. 179–181).

Однако семейными письмами не мог быть изменен основной закон Российской империи. Александр I, понимая это, приказал приступить к составлению манифеста. И хотя все распоряжения на этот счет держались в глубокой тайне, и при Дворе соблюдалось полное молчание, об отречении цесаревича и подготовке «духовного завещания» Александра I знал довольно широкий круг людей. Кроме членов царской семьи — вдовствующей императрицы Марии Федоровны, великой княгини Марии Павловны, великих князей Михаила и Николая Павловичей — об этом были осведомлены не только люди из ближайшего окружения императора, но и чиновники, по долгу службы «приобщенные к тайне». Из столичных сановников «в дело» были посвящены генерал-адъютант, главный начальник Отдельного корпуса военных поселений граф А. А. Аракчеев, главноначальствующий над Почтовым департаментом князь А. Н. Голицын, министр юстиции, князь Д. И. Лобанов-Ростовский, председатель и секретарь Государственного Совета князь П. В. Лопухин и А. Н. Оленин, санкт-петербургский генерал-губернатор граф М. А. Милорадович. Из московских — генерал-губернатор князь Д. В. Голицын, архиепископ Филарет и архиреи Успенского собора (*Оленин А. Н.* Заметки, относящиеся к восшествию на престол императора Николая I-го 1825: ОР РНБ. Ф. 542 (Оленины). Д. 34. Л. 4–4 об., 11 об.); Из рассказов московского митрополита Филарета. С. 114; Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 50–51).

Именно Филарету (в то время архиепископу Московскому), находившемуся летом 1823 г. в Петербурге, Александр I поручил составление манифеста, отредактированного и подписанного императором в Москве 16 (29) августа 1823 г.

1. Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович) — святой русской православной церкви (канонизирован в 1994 г.); выдающийся богослов и церковный администратор, являвшийся одним из самых влиятельных и приближенных к верховной власти духовных наставников в царствование трех императоров — Александра I, Николая I, Александра II.

Родился 26 декабря 1792 г. в семье соборного протоиерея г. Коломны Московской губернии. Образование получил в Коломенской, а затем в Троицкой Лаврской семинарии, которую закончил одним из первых учеников (1803). В дальнейшем состоял преподавателем той же семинарии. 16 ноября 1808 г. принял монашеский постриг с именем Филарета. Преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии, а с 1812 г. стал ее ректором в звании ординарного профессора богословских наук. Стремясь реформировать высшее богословское учебное заведение, которое бы отвечало «духу» и потребностям времени, в 1814 г. утвердил новый Устав Академии. Филарет состоял также членом Библейского общества, занимался переводом славянской Библии на русский язык. Уже с самого начала своей духовной карьеры Филарет пользовался покровительством Московского и Петербургского митрополитов, а также обер-прокурора Синода А. Н. Голицына. 27 июня 1817 г. Филарет был назначен викарным епископом Санкт-Петербургской епархии, а через два года — архиепископом Тверским и членом Св. Синода (в этом звании состоял до своей смерти). 26 октября 1820 г. стал архиепископом Ярославским, затем Московским (1821). С 22 августа 1826 г. Филарет — митрополит Московский. Влияние Филарета на церковные и государственные дела в Российской империи было особенно велико в 1820–1840 гг. В 1823 г. по поручению Синода Филарет составил православный катехизис, считающийся и поныне классическим богословским трудом. В течение почти 50 лет ни одно важное дело в Синоде не слушалось без присутствия Филарета. Кроме участия в составлении секретного манифеста Александра I от 16 августа 1823 г., Филарет активно помогал светским властям в деле «успокоения» населения древней столицы после неожиданной смерти императора в ноябре 1825 г. Филаретом были также написаны и многие части законоположений, вошедшие в Свод законов Российской империи, прежде всего законы о «раскольниках». Через много лет он же участвовал в составлении манифеста 19 февраля 1861 г. Митрополит Филарет являлся ординарным академиком Императорской академии наук, почетным членом Московского университета, Общества истории и древностей российских, Археологического и Географического обществ, Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской духовных академий, а также действительным членом Московской духовной академии, был награжден всеми возможными для русского иерарха наградами, включая знаки патриаршего достоинства. Скончался 19 ноября 1867 г. в Москве. О Филарете и его церковно-государственной деятельности см.: *Зыков А. Я.* Деятельность митрополита Филарета в борьбе с расколом. М., 1893; *Беликов В.* Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань, 1895; *Флоринский И. Н.* Филарет, митрополит Московский и «Записки» о нем С. Соловьева. М., 1896; *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916 (переиздано: СПб., 2000); *Вишленкова Е. А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» в России александровской эпохи. Казань, 1997; *Кондаков Ю. В.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. 1801–1825. СПб., 1998; *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999; *Тинина З. П.* Самодержавие и русская православная церковь в первой четверти XIX в. Волгоград, 1999.

2. Голицын Александр Николаевич (1773–1844) — князь, действительный тайный советник, член Государственного Совета (с 1810), сенатор (с 1812), министр просвещения (1816–1824), главноначальствующий над Почтовым департаментом (с 1819). Одно из самых доверенных лиц Александра I. Еще юношей он был представлен Екатерине II М. С. Перекусихиной. Остроумие и живость характера приблизили его и к великому князю Александру Павловичу, ближайшим сподвижником которого Голицын стал на многие годы. В 1805 г. был назначен обер-прокурором Св. Синода, а с 1810 г. — главноуправляющим иностранными вероисповеданиями и Почтовым департаментом. С 10 августа 1816 г. являлся министром народного просвещения (с 24 октября 1817 г. — духовных дел и народного просвещения). Если в начале александровского царствования Голицын был известен в обществе как «вольтерьянец и либерал», то в последние годы жизни Александра I, вслед за императором, погрузился в мистику, чем настроил против себя и прогрессивное дворянство, и высшее православное духовенство. Интригами известного архимандрита Фотия был отстранен от поста министра народного просвещения (15 мая 1824). Вместе с

тем, «добрый, благородный, набожный человек», по словам А. Д. Боровкова, Голицын много сделал в сфере благотворительности. Являясь президентом «Человеколюбивого общества» и создателем «Попечительного о тюрьмах общества», а также приюта для бедных и неизлечимо больных, Голицын оставил о себе прекрасную память. С воцарением Николая I, который всегда относился к нему с искренним почтением, Голицын вернул свое прежнее положение при Дворе. Оставаясь главноначальствующим над Почтовым департаментом, что давало ему право присутствовать в Государственном Совете и Комитете министров, 12 января 1830 г. он был назначен канцлером Капитула Российских орденов. С 1839 по 1841 гг. Голицын — председатель Общего собрания Государственного Совета, на заседаниях которого всегда проявлял лояльность и никогда не вступал в прения, «ограничиваясь <...> простым присоединением своего голоса к какой-нибудь из спорящих сторон». Рескриптом Николая I от 27 марта 1842 г. Голицын был уволен от всех должностей и через два года умер в своем крымском имении Гаспра-Александрия. О нем см.: *Карнович Е. П.* А. Н. Голицын и его время // Исторический вестник. 1882. № 4–5; Архимандрит Фотий и князь Голицын // Русская старина. 1881. № 1; Рассказы князя А. Н. Голицына: Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. Кн. 1. № 3. С. 375–379; *Стеллецкий Н. С.* Князь Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев, 1901; *Кондаков Ю. Е.* 1) Личность и государственная деятельность князя А. Н. Голицына // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 117–126; 2) Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. 1801–1825. СПб., 1998; *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. (Репринт).

3. На негативные последствия «гибельной таинственности», окружавшей оба секретных документа (письмо великого князя Константина Павловича от 14 января 1822 г. и манифест Александра I от 16 августа 1823 г.), «смутившей умы» и вызвавшей «роковые происшествия» 14 декабря 1825 г., указывают и другие современники событий (*Глинка С. Н.* Об обществах европейских и судьбе моего отечества: Шестой период царствования Александра Первого от 1818 года до 1825 // Наст. изд. С. 120–121; *Булгаков А. Я.* Современные происшествия и воспоминания мои: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 506. Д. 134. Л. 4; *Лунин М. С.* Взгляд на тайное общество в России (1817–1826) // *Лунин М. С.* Письма из Сибири. М., 1988. С. 271; *Эйдельман Н. Я.* О преемнике Александра // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 318–320). Вопрос о том, почему Александр I при жизни так и не решился обнародовать манифест от 16 августа 1823 г., был поставлен в 1848 г. самим Николаем I. В рукописи книги М. А. Корфа напротив рассуждения автора о вероятных причинах сохранения тайны есть помета, сделанная рукой Николая I: «Я не иначе могу себе изъяснить сие молчание пред нами, как опасением государя, что я последую примеру старшего брата» (Заметки Николая I на полях рукописи М. А. Корфа // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 37). Эта версия Корфа–Николая вызвала отрицательную реакцию уже первых читателей рукописи, считавших, что этот сюжет не следовало включать в текст рукописи, поскольку, по их мнению, Александр I «оставил Россию в жертву междоусобию, единственно из трусости, или, опасаясь, чтобы второй брат не отказался от наследования ему, подобно старшему, или для того, чтобы при жизни своей оберечь щекотливое самолюбие этого старшего» (*Корф М. А.* Историческая записка о происхождении и издании книги «Восшествие на престол императора Николая I-го». Л. 79 об. – 80).

В литературе эта проблема нашла различную интерпретацию. Исследователи, отмечая известную противоречивость поведения Александра I, объясняют ее: либо властными амбициями самого императора, цепко державшегося за свой трон и намеренно создавшего такую ситуацию, при которой оказалось два наследника — официальный Константин Павлович и тайный Николай Павлович, — но никто из них не имел бесспорных прав (*Сафонов М. М.* Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166); либо страхом не столько перед «энергичным, напористым и жестоким» Николаем, сколько перед движением против царя с использованием имени великого князя (*Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. С. 21–22; *Сахаров А. Н.* Александр I: К истории жизни и смерти // Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1994. С. 87).

Следует добавить и гипотезу С. В. Мироненко, по мнению которого, на окончательном решении вопроса о наследнике престола более всего настаивал Константин Павлович, который своим отказом царствовать и требованием законного оформления прав нового наследника вынуждал императора действовать. Да и сам Александр Павлович прекрасно понимал, что в таком важном вопросе, как престолонаследие, необходима ясность. Летом 1823 г. император поручил митрополиту Филарету составить секретный Манифест об отказе от российского трона цесаревича Константина Павловича и о передаче права престолонаследия великому князю Николаю Павловичу. Однако обнародование Манифеста, где наследником престола без всяких условий назывался Николай, никогда не признававший конституционного устройства, означало бы, что с мечтами императора «о конституции покончено навсегда». Поэтому Александр I, подготовив все необходимое для оформления передачи трона, так и не решился придать секретным документам (письму Константина Павловича государю от 14 января 1822 г. и императорскому Манифесту от 16 августа 1823 г.) законную силу, тем самым оставив «для себя иллюзию возможности иного выбора» (*Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 87–88).

На наш взгляд, проблема перемены преемника российского трона должна рассматриваться отдельно, без жесткой связи с реформаторскими поисками власти. Представляется, что Александр I, подготовив манифест о передаче прав наследования Николаю Павловичу, не придал ему законную силу, не столько остерегаясь честолюбивых притязаний великого князя, сколько считая, что вопрос о переходе власти от одного монарха к другому является прерогативой только царствующей династии и потому должен быть сохранен в тайне от общества.

Относительно позиции Я. А. Гордина, следует напомнить, что в мемуаристике александровской эпохи, а вслед за ней в литературе, всегда отмечалась непопулярность Николая Павловича в обществе и армии, что делает весьма сомнительным предположение автора о возможности создания и деятельности «партии», «знаменем» которой мог быть Николай или его имя. В последние годы жизни и царствования Александра I у императора, согласно воспоминаниям близких ему людей, развились подозрительность и нетерпимость к людям, в том числе и к членам Императорской семьи. Боясь иметь наследников, более популярных, чем он сам, Александр Павлович, по словам современников, «специально усиливал контрасты между собою и братьями» (Письмо гр. М. Д. Нессельроде (урожденной Гурьевой) брату Н. Д. Гурьеву от 6 декабря 1825 г. // *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 204–205). Поэтому Николай Павлович был весьма осторожным и не стремился приобрести симпатии армии, особенно гвардии.

Во многом это было обусловлено тем фактом, что документы о престолонаследии так и не были опубликованы. Это создавало для Николая (которому было известно о существовании и содержании актов, скорее всего, от вдовствующей императрицы Марии Федоровны и своего ближайшего друга, принца Вильгельма Прусского) в высшей степени затруднительное положение. С одной стороны, опасность состояла в том, что не исключалась возможность перемены лица, предназначенного в преемники престола, а с другой — изъятия в любой момент самого акта о престолонаследии. «Хранить до востребования моего, — было написано собственноручно Александром I на конверте с оригиналами документов о престолонаследии, хранящимися в Успенском соборе Московского кремля, — а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору, в Успенском соборе, прежде всякого другого действия». На конверте же с их копиями, положенными в Государственный Совет, концовка была иная: «...прежде всякого другого действия в Чрезвычайном собрании Совета» (*Оленин А. Н.* Записка об особом пакете (завещании) императора Александра I, переданном 16 августа 1823 г. председателю Государственного Совета кн. Лопухину: ОР РНБ. Ф. 542. Д. 427. Л. 1). Кроме этого, Николай Павлович прекрасно осознавал, что отречение Константина Павловича было связано, в первую очередь, с условиями, которые были выдвинуты цесаревичу в связи с браком на Иоанне Грудзинской, и потому в экстремальной ситуации, при поддержке «константиновской партии» цесаревич все же мог решиться принять корону. Именно эта таинственность и неопределенность в столь важном государственном вопросе

дестабилизировали социально-политическое положение в империи и усиливали кризисные явления (подробнее об этом см. наст. изд., с. 32–35, 37–38, примеч. 35, 37, 43, а также: *Андреева Т. В.* Противостояние: Константин и Николай. С. 186–191). «В наши ли шаткие времена путать и не открывать сокровенные замыслы, — выдвигал царствующей династии одно обвинение за другим С. Н. Глинка, — в то ли время играть народом, когда в очах подданных совершилась все превратности и когда престолы царей как будто пошатнулись» (*Глинка С. Н.* Об обществах европейских и судьбе моего отечества: Шестой период царствования Александра Первого от 1818 года до 1825 // Наст. изд. С. 120).

4. Александр I согласился с предложением Филарета, и поэтому с манифеста императора от 16 (29) августа 1823 г. князем А. Н. Голицыным были сделаны три копии, которые 15 октября того же года были отправлены из Москвы в Петербург и с того момента хранились в Государственном Совете, Сенате и Синоде.

5. Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) — граф (1799), генерал от артиллерии, министр военно-сухопутных сил (1808–1810), главный начальник военных поселений (1819–1825), к моменту описываемых в воспоминаниях Филарета событий совершил головокружительную карьеру и стал самым влиятельным и близким Александру I человеком. Именно Аракчееву, одному из немногих доверенных лиц, император открыл тайну секретных бумаг о престолонаследии. Выходец из семьи мелкопоместного дворянина Новгородской губернии, в 1783 г. Аракчеев надел мундир кадета Шляхетского инженерного артиллерийского корпуса. Блестящими успехами в математике и военных науках вскоре обратил на себя внимание всего корпусного начальства и был произведен в капралы, а затем — в сержанты. С 15-летнего возраста сделался помощником офицеров-воспитателей в надзоре за порядком в корпусе и на строевых учениях. В 1787 г. произведен в поручики и оставлен в корпусе в должности преподавателя математики, а через несколько лет определен адъютантом в чине капитана в штаб графа Н. И. Салтыкова. Вскоре молодой офицер, пользуясь покровительством генерала П. И. Мелиссино, был представлен великому князю Павлу Петровичу. В 1793 г. Аракчеев стал командиром артиллерийской роты с чином капитана, а позже — майора артиллерии. В 1796 г. его назначение гатчинским военным губернатором было встречено в обществе с определенной настороженностью: уже в это время он имел репутацию «нещадного муштровщика». 28 июня 1796 г. по особому ходатайству Павла Петровича Аракчеев был произведен в подполковники артиллерии и полковники войск наследника. Став императором, Павел доверил ему пост петербургского военного коменданта. В том же году Аракчеев был произведен в генерал-майоры и назначен командиром сводного гренадерского батальона Лейб-гвардии Преображенского полка. 5 апреля 1797 г. ему был пожалован титул баронета, а через месяц он был назначен генерал-квартирмейстером всей армии. Через некоторое время Павел I вверил ему командование Лейб-гвардии Преображенским полком. Однако вскоре произошло первое падение Аракчеева. 18 марта 1798 г. без прошения, но с производством в генерал-лейтенанты, он был уволен в отставку. Но уже 11 августа 1798 г. снова принят на службу и зачислен в свиту Павла I. Пожалованный в том же году графским титулом, в октябре 1799 г. Аракчеев был вновь отставлен от службы, уволен и отправлен в свое новгородское имение Грузино. В начале 1801 г. Павел I вновь приблизил его к себе. Первые годы царствования Александра I не изменили положения Аракчеева. Казалось, о нем забыли. Лишь 27 апреля 1803 г. он был вызван в столицу и назначен генерал-инспектором всей артиллерии и командиром Лейб-гвардии Артиллерийского батальона. В этот период им было много сделано для подготовки армии к будущей войне. Главной заслугой Аракчеева стало поднятие российской артиллерии на невиданный доселе уровень: он выделил артиллерийские части в отдельные боевые единицы, создал артиллерийские бригады, учредил «Артиллерийский ученый комитет» (1808) и «Артиллерийский журнал» (1808). Успешные действия русских войск в наполеоновских войнах были бы невозможны без отлаженных действий артиллерийских частей. 27 июля 1807 г. Аракчеев был произведен в генералы от артиллерии. После войны с Францией назначенный военным министром (13 января 1808 г. – 1 января 1810 г.), Аракчеев все свое внимание сосредоточил на коренном преобразовании внутреннего устройства армии и на ее управлении. С началом Отечественной войны 1812 г. в звании

члена Особого комитета при императоре занимался организацией ополчения, а в 1814 г. участвовал в походе на Париж. 31 марта 1814 г. произведен в генерал-фельдмаршалы, но отказался принять это звание, поскольку не был непосредственным участником боевых действий. После наполеоновских войн Аракчеев становится одним из самых влиятельных сановников империи, что было связано с теми полномочиями, которые он получил от императора. Уже 24 декабря 1815 г. в связи с болезнью председателя Комитета министров Н. И. Салтыкова Аракчееву были поручены функции «доклада и надзора по делам Комитета», а с 1816 г. — право доклада и контроля над Государственным Советом. Это давало ему возможность не только воздействовать на деятельность и решения высших государственных учреждений, но и влиять на мнение Александра I, которого он теперь сопровождал почти во всех путешествиях монарха по России и Европе. Когда император, стремясь уменьшить расходы на содержание армии, решил внедрить в России военные поселения, именно Аракчееву была поручена реализация этого проекта. Первый опыт подобного поселения был сделан еще в 1809 г., а уже к концу 1824 г. сорок полков были расселены среди жителей Новгородской, Могилевской, Харьковской и Херсонской губерний, вызывая недовольство как государственных крестьян, так и дворянского общества. В последние годы своей жизни Александр I удостоил Аракчеева безграничной «доверенностью», что еще более укрепляло позиции «всесильного» начальника всех военных поселений империи. Влияние Аракчеева в армии, и соответственно в государстве, возросло настолько, что ему поручалась разработка проектов, имевших общегосударственное значение. Наиболее интересным из них является относящийся к 1818 г. проект освобождения крестьян, согласно которому основными мерами для уничтожения крепостного состояния в России должно было стать приобретение в казну помещичьих крестьян и дворовых людей путем покупки их у владельцев. Причем ущерб собственников должен был возмещаться денежными вознаграждениями или выдачей специальных государственных бумаг, т. е. своеобразных выкупных свидетельств. Таким образом, Аракчеев одним из первых в России выдвинул идею о возможности выкупа крестьян с землей посредством кредитных операций, которые были положены в основу крестьянской реформы 1861 г. (об этом см.: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 117). Однако трагедия 10 сентября 1825 г., происшедшая в имении Аракчеева Грузино (когда дворовые убили любимую женщину генерала Н. Ф. Минкину), стала для него роковым событием, после которого он так и не оправился. 12 сентября того же года Аракчеев передал все дела по артиллерийскому ведомству и по управлению военными поселениями, без уведомления царя, генерал-майору Эйлеру. Поэтому, когда И. В. Шервуд в начале ноября 1825 г. послал Аракчееву сообщение о заговоре на цареубийство среди членов тайного общества, тот даже не видел доноса. Не вскрывая пакет, он тотчас отправил бумаги в Таганрог. «Не знаю, чему приписать, что такой государственный человек, как граф Аракчеев, — писал в своей «Исповеди» Шервуд, — которому столько оказано благодеяния императором Александром I, и которому он был так предан, пренебрег опасностью, в которой находилась жизнь государя и спокойствие государства для пьяной, рябой, необразованной, дурного поведения и злой женщины: есть над чем задуматься» («Исповедь» Шервуда-Верного // Исторический вестник. 1896. Т. 63. С. 66–85). Несмотря на то, что, находясь в Таганроге, царь постоянно звал Аракчеева, с которым как с доверенным лицом собирался обсудить сложные проблемы, связанные с открытием заговора во 2-ой армии, последний так и не отправился на юг. Даже известие о тяжелой болезни монарха не заставило генерала приехать в южную императорскую резиденцию. В этой связи интересна версия А. Н. Сахарова, полагающего, что этот факт может быть связан с возможным заговором против Александра I высшего генералитета (*Сахаров А. Н.* Александр I: К истории жизни и смерти. С. 89), которая подтверждается весьма любопытной заметкой «Обвинение графа Аракчеева в государственном преступлении» (Русская старина. 1900. Т. 101. С. 642).

После вступления на престол Николая I Аракчеев был уволен в отставку и отправлен на лечение в Карлсбад. Любопытно, что Николай Павлович пожаловал ему на путевые издержки и лечение 50 000 рублей, которые Аракчеев тотчас препроводил вдовствующей

императрице Марии Федоровне, курирующей благотворительные и богоугодные заведения. За границей Аракчеев издал сборник писем к нему Александра I, а вернувшись в Грузино, пожаловал 50 000 рублей в награду автору лучшего исторического труда об «Александре Благословенном». На средства Аракчеева в Грузино был воздвигнут бронзовый памятник Александру I, после открытия которого Алексей Андреевич писал другу: «Теперь я все сделал и могу явиться к императору Александру с рапортом». Умер Аракчеев 13 апреля 1834 г. По его духовному завещанию право определения наследника было предоставлено Николаю I, который передал все имущество покойного в Новгородский кадетский корпус, с этого времени носивший фамильный герб Аракчеева с девизом: «Предан без лести». Об А. А. Аракчееве см.: *Ратч В. Ф.* Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831. СПб., 1871; *Струков Д. П.* Аракчеев, граф Алексей Андреевич. СПб., 1894; *Кизеветтер А. А.* Император Александр I и Аракчеев в их взаимоотношениях. СПб., 1911; *Якушкин В. Е.* Сперанский и Аракчеев. Пг., 1915; *Богданович П. Н.* Аракчеев: граф и барон Российской империи. Буэнос-Айрос, 1985; *Ячменихин К. М.* 1) Алексей Андреевич Аракчеев // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 37–50; 2) А. А. Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 17–63; *Коваленко А. Ю.* А. А. Аракчеев и М. М. Сперанский: история взаимоотношений. М., 1992; *Федоров В. А.* 1) А. А. Аракчеев (1769–1834) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1993. № 3. С. 54–74; 2) М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997; *Томсинов В. А.* Временщик. М., 1996; *Сахаров А. Н.* Александр I и Аракчеев // Отечественная история. 1998. № 4; *Ячменихин К. М., Соломенная Т. В.* Алексей Андреевич Аракчеев // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 196–197.

6. Протопресвитер (*греч.* protos presbyteros — наистарейший) — высший частный титул белого духовенства. Белое духовенство имело следующие частные титулы: протопресвитер, протоирей, священник (иерей), протодиакон, диакон. Протопресвитеров в XIX в. было четыре: глава придворного ведомства (он же возглавлял собор Зимнего дворца и Благовещенский собор в Московском Кремле), старшие священнослужители Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля, а также глава военного и морского духовенства. Иногда звание протопресвитера носил руководитель армейского духовенства, но до 1890 г. это не являлось правилом. Особых прав и преимуществ протопресвитеры — настоятели Успенского и Архангельского соборов — не имели.

7. Сакелларий — в Константинопольской церкви лицо, обязанности которого заключались в сборе денег и контроле в подведомственных ему церквях и монастырях. В России звание сакеллария в XIX – начале XX в. давалось одному из протоиереев Большого Кремлевского дворца.

8. Как уже отмечалось, конверт, в который были запечатаны подлинники манифеста Александра I, собственноручно подписанного им 16 августа 1823 г., и письма великого князя Константина Павловича к императору от 14 января 1822 г., был положен в ковчег Успенского собора московского Кремля, а другие конверты с копиями секретных документов о престолонаследии были отправлены в октябре 1823 г. в Петербург. См. наст. изд., с. 146, примеч. 4.

9. Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844) — светлейший князь, генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор. Участник штурма Праги (1794), Голицын блестяще зарекомендовал себя в войне с Наполеоном (1806–1807), участвуя в сражениях под Прейсиш-Эйлау и Фридландом. Во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. командовал войсками в Финляндии, но когда командующим русскими войсками, действующими на севере Европы, был назначен М. Б. Барклай-де-Толли, ушел в отставку (1809). С началом Отечественной войны 1812 г. Голицын снова в рядах русской армии; он неоднократно демонстрировал свою храбрость и умелые действия в сражениях под Тарутиным и Бородиным, а затем в кампаниях 1813–1814 гг. Назначенный генерал-губернатором Москвы (1820), членом Государственного Совета (1821), к 1825 г. Голицын был не только одним из высших сановников империи, но и человеком, весьма близким ко Двору. Неудивительно, что Александр I, вероятно, доверил ему «тайну» секретного пакета (см. наст. изд., с. 144, примеч. 3; Из рассказов московского митрополита Филарета. С. 114).

10. Известие о том, что Александр I тяжело болен, достигло Москвы 26 ноября 1825 г. и чрезвычайно поразило жителей древней столицы, поскольку, как писал управляющий Московским почтовым департаментом А. Я. Булгаков, «мало кому было известно, что государь не здоров». В Петербурге и в Варшаве о болезни императора также знали только избранные, т. к. все известия из Таганрога держались в строгой тайне, а любые слухи о недуге царя власти старались всячески пресекать (Междуцарствие в России от 19 ноября до 14 декабря 1825 г. // Русская старина. 1882. Т. XXXV. С. 150–155; Дневник В. П. Шереметевой (Алмазовой). 1825–1826. М., 1916. С. 109–111). О тяжелом состоянии больного монарха в Петербурге стало известно в 4 часа дня 25 ноября 1825 г. В этот день личный секретарь вдовствующей императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламов получил письмо из Таганрога от начальника Главного штаба И. И. Дибича от 15 ноября с описанием хода болезни императора и просьбой предупредить Марию Федоровну об этих тревожных новостях с юга (Воцарение императора Николая I: Из дневника Г. И. Вилламова // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1. С. 92–93). Подобного рода извещения Дибич послал всем высшим сановникам северной столицы — петербургскому генерал-губернатору графу М. А. Милорадовичу, председателю Государственного Совета князю П. В. Лопухину, командиру гвардейского корпуса, генерал-адъютанту А. Л. Воинову. После получения этой информации, имевшей огромное государственное значение, все указанные выше лица на особом совещании, в присутствии дежурного генерала Главного штаба А. Н. Потапова и начальника штаба Гвардейского корпуса А. И. Нейгардта, приняли решение «держать это известие в тайне от общества» и сообщить о состоянии здоровья Александра I лишь членам Императорского дома (Междуцарствие в России от 19 ноября до 14 декабря 1825 г. С. 160, 201). 25 ноября в Аничков дворец к великому князю Николаю Павловичу с тревожным известием явился М. А. Милорадович. «25-го ноября, вечером, часов в 6, я играл с детьми, у которых были гости. Как вдруг пришли мне сказать, что военный генерал-губернатор граф Милорадович ко мне приехал, — вспоминал этот день через много лет Николай I. — Я сейчас пошел к нему и застал его в приемной комнате, живо ходящим по комнате, с платком в руке и в слезах; взглянув на него, я ужаснулся и спросил: „Что это, Михаил Андреевич, что случилось?“ Он мне отвечал: „Ужасные известия“. Я ввел его в кабинет, и тут он, зарыдав, отдал мне письмо от князя Волконского и Дибича, говоря: „Государь умирает; остается самая слабая надежда“» (Заметки Николая I на полях рукописи М. А. Корфа // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 37). Сразу после встречи с Милорадовичем великий князь поехал в Зимний дворец к вдовствующей императрице Марии Федоровне, которая «изволила за ним прислать», чтобы официально сообщить, что существуют секретные акты, передающие ему право на российский престол. Через несколько часов, проведенных с матерью, Николай вернулся в Аничков дворец. В восемь часов вечера того же дня состоялось экстренное совещание великого князя с высшими лицами империи; на нем обсуждались те меры, которые следовало принять в случае получения известия о смерти Александра I. События, разворачивающиеся на этом совещании, являясь результатом необдуманных, тайных действий Александра I, в литературе характеризуются как «первая схватка за власть», которая стала важной причиной начала междуцарствия (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 182–203; *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. С. 23; *Сафонов М. М.* Междуцарствие. С. 167; *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 88). Однако существуют два варианта беседы Николая Павловича с генералами. Согласно официальному письму «От брата Николая брату Константину», составленному по приказанию великого князя специально для Константина Павловича 3 декабря, сам Николай предложил М. А. Милорадовичу и А. Л. Воинову, приглашенным на совещание в Аничков дворец, что в случае кончины императора «он первым присягнет старшему своему брату, как законному наследнику престола» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 129–130). По другой версии (записанной С. П. Трубецким со слов бывшего адъютанта Константина Павловича Ф. П. Опочинина), когда Николай Павлович объявил приглашенным на совещание сановникам (согласно Опочинину, это были князь П. В. Лопухин, князь

А. Б. Куракин и граф М. А. Милорадович) свои права на трон вследствие отречения Константина, М. А. Милорадович «ответил наотрез, что великий князь Николай не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не дозволяют располагать престолом по завещанию, что притом завещание Александра известно только некоторым лицам и неизвестно в народе; что отречение Константина также не явное и осталось не обнародованным; что Александр, если хотел, чтоб Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни своей волю свою и согласие на нее Константина; что ни народ, ни войско не поймет отречения и припишет все измене, тем более, что ни государя самого, ни наследника по первородству нет в столице, но оба были в отсутствии; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах, и неминуемое за тем последствие будет возмущение. Совещание продолжалось до двух часов ночи. Великий князь доказывал свои права, но гр. Милорадович их признавать не хотел и отказал в своем содействии. На том и разошлись» (цит. по: *Трубецкой С. П.* Замечания на книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го» // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 385). Справедливо считая рассказанный Опочининым вариант беседы Николая Павловича со столичной аристократией вполне реальным и достоверным, исследователи все же поразному интерпретируют расстановку сил при Дворе и причины принятия тех или иных решений заинтересованными лицами. Действительно, 25 ноября 1825 г. произошло первое столкновение за власть в правительственных кругах и среди членов Императорского дома. Однако до сих пор остается невыясненной реальная роль всех участников этих переговоров. Одни авторы полагают, что эти события положили начало борьбе за престол 3-х претендентов: вдовствующей императрицы Марии Федоровны и великих князей Константина и Николая Павловичей; а М. А. Милорадович, которого все считали сторонником Константина, в действительности являлся «орудием» в руках Марии Федоровны, имевшей свои собственные планы захвата власти (*Сафонов М. М.* Междуцарствие. С. 167). Другие исследователи считают, что петербургский генерал-губернатор «выстраивал свою версию событий», и 25 ноября решающее слово принадлежало ему. Опираясь на общественное мнение, которое, естественно, оказывалось на стороне Константина как законного наследника престола, а также — на поддержку генералитета и гвардии, М. А. Милорадович занял «непоколебимую проконстантиновскую позицию» и стремился возвести его на трон цесаревича (*Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. С. 27–29; *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. С. 89–90; *Сахаров А. Н.* Александр I: К истории жизни и смерти. С. 89). Более логичной представляется вторая версия. Но следует все же заметить, что в сложнейших обстоятельствах междуцарствия М. А. Милорадович не столько хотел стать «делателем царей», сколько попытался соблюсти законность, хотя бы в юридических нормах абсолютной монархии (подробнее об этом см.: *Андреева Т. В.* Император Николай Павлович и граф М. А. Милорадович // Россия в царствование Николая I: Наука, политика, экономика. СПб., 1998. С. 230–251). В Варшаве узнали о критическом положении императора уже 19 ноября 1825 г. До этого момента о болезни Александра I здесь было известно (как об этом писал Константин Павлович И. И. Дибичу 23 ноября 1825 г.) только трем лицам — самому великому князю, его врачу генералу Кучковскому и Варшавскому градоначальнику, генералу от инфантерии графу Д. Д. Куруте. Ни великий князь Михаил Павлович, находившийся в это время в Варшаве, ни жена цесаревича ничего не подозревали о тревожных известиях, поступавших из Таганрога, хотя видели по дневным рапортам коменданта Варшавы, что беспрестанно приезжают фельдъегеря, и замечали, что Константин «не во всегдашнем расположении духа и необыкновенно пасмурен» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 51–52; *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. С. 76–80). Трудно объяснить, почему Константин Павлович «один носил в своем сердце терзавшие его предчувствия и беспокойство» и скрывал их от самых близких ему людей? Почему, видя, что надежд на улучшение вестей из Таганрога не осталось, не поехал к умирающему брату и монарху, а в письме И. И. Дибичу мотивировал это следующей странной фразой: «Если бы я повиновался одному внушению моего сердца, то, разумеется, давно уже был бы у вас; но вы,

конечно, сами поймете, что препятствует мне этому» (Междуцарствие в России от 19 ноября до 14 декабря 1825 г. С. 153). Таким образом, 25 ноября 1825 г. в России закончилось в тягостной и зловещей неопределенности. На следующий день было официально объявлено о болезни императора, и в храмах стали совершаться молебны о его здоровье. «Я был свидетелем необыкновенного зрелища: народ отовсюду повалил в церкви молиться о здоровье государя. Все мысли сосредоточивались на одном предмете, и в общем напряжении умов пропадали всякие личные соображения, — вспоминал об общих настроениях в эти критические дни принц Евгений Вюртембергский. — Все кругом плакало. Редко случалось мне быть свидетелем такой тревоги и самому живо ощущать ее» (Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 107).

11. Голицын Сергей Михайлович (1774–1859) — князь, попечитель Московского учебного округа, председатель Московского цензурного комитета (1830–1835), ближайший друг архиепископа Филарета. Согласно характеристике М. А. Дмитриева, «добрый и пустой человек князь Сергей Михайлович Голицын, который по своему роду, богатству и чину мог бы быть вельможей», но не был им. «Во-первых, жил не открыто; потом, по своей торопливости, по своей фигурке прыгающего петушка, по своим пустым речам, скороговоркою и до крайности пошлым, он не имел той спокойно вежливой осанки, которая принадлежала старинным вельможам» (*Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 280).

12. Династический кризис, возникший в России в ноябре–декабре 1825 г., усугублялся тем, что возникла сложная юридическая ситуация, при которой ни один из претендентов не имел бесспорного права на престол, поскольку секретные документы о престолонаследии не были обнародованы. Однако общественное и «народное мнение» оказались на стороне Константина Павловича, и точка зрения, высказанная М. А. Милорадовичем на совещании в Аничковом дворце 25 ноября, а также версия митрополита Филарета, нашедшая отражение в публикуемых воспоминаниях, в огромной мере отражали общие настроения. Дело было не только в том, что Константин имел титул наследника престола, и его имя упоминалось на богослужениях первым после императора, главное — симпатии общества, а также войск и народа были на стороне цесаревича. «Он был тогда народнее Николая, — писал А. И. Герцен, — отчего, не понимаю, но массы, для которых он никакого добра не сделал, и солдаты, для которых от делал один вред, любили его... отсюда — целый год поклонения этому чудаку» (*Герцен А. И.* Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 8. С. 63). Дворянство предпочитало Константина Николаю Павловичу, полагая, что, как старший по возрасту и занимавший много лет пост наместника Царства Польского и командующего польской армией, цесаревич был более опытен в государственных делах. Гвардейская молодежь искренне желала, чтобы императором был Константин Павлович, поскольку, как писал С. П. Трубецкой, «молодые великие князья надоели» (*Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 310–320). В сознании народа Константин Павлович представлялся не только «отцом нации», но на него возлагались особые надежды, связанные с крестьянским вопросом. «Известие о смерти императора Александра I в Рязани, так же как почти во всей России, было неожиданной новостью, — замечает А. И. Ростиславов в своих записках. — Солдаты и простой народ, особенно помещичьи крестьяне, ликовали и радовались перемене царствования; то есть вообще почему-то любили своего сподвижника по Итальянской кампании; народ уверен был, что новый царь, не любивший дворян, освободит его от крепостного ига» (цит. по: ОР РНБ. Ф. 859. Д. 37. № 16. Л. 19–20; см. также: *Рахматулин М. А.* Легенда о Константине в народных толках и слухах 1825–1858 // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1987. С. 298–308). Вопрос о претензиях Константина Павловича на российский престол весьма сложен и неоднозначен. Ведь известие о смерти императора было получено в Варшаве на два дня раньше, чем в Петербурге, т. е. 25 ноября 1825 г. в 7 часов вечера. Существует некоторая противоречивость показаний различных мемуарных источников, описывающих события в польской столице сразу после получения трагической вести. Согласно воспоминаниям великого

князя Михаила Павловича, а также сенатора И. Д. Данилова, Константин Павлович, получив сообщение о кончине брата, созвал экстренное совещание, на котором присутствовали, кроме великого князя, граф Н. Н. Новосильцев, князь А. Ф. Голицын, сенатор И. Д. Данилов, генерал Д. Д. Курута, дежурный генерал Главного штаба цесаревича А. И. Кривцов, адмирал П. А. Колзаков, и объявил им о случившемся. Причем когда Н. Н. Новосильцев обратился к Константину Павловичу с титулом «Ваше Величество», цесаревич накричал на него и прочитал хранившееся у него в копии письмо к Александру I от 14 января 1822 г. с отречением от престола в пользу Николая. Затем он сказал: «Теперь настала торжественная минута доказать, что весь мой прежний образ действий был не какою-нибудь личиною, и продолжать его с тою же твердостию, с которою я начал. В намерениях моих, в моей решимости ничего не переменилось, и воля моя – отречься от престола — более чем когда-либо непреложна. Приступим к исполнению». Тотчас по приказанию Константина началась работа по составлению чернового варианта официальных писем цесаревича к вдовствующей императрице Марии Федоровне и Николаю Павловичу, где подтверждалось его отречение и Николай признавался «законным монархом России». Работа продолжалась всю ночь и только к 5 часам утра 26 ноября Константин подписал документы. (Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 52–53; Цесаревич Константин Павлович в 1825 и 1826 гг.: Рассказ сенатора И. Д. Данилова // Русская старина. 1870. Т. 3. С. 250–251). По наблюдениям других современников, в первое время после получения известия о смерти Александра I Константин как будто колебался и еще окончательно не отказывался от короны русской и особенно польской. Согласно рассказу адмирала П. А. Колзакова, а также запискам графа Мориолля, цесаревич объявил своим приближенным о трагедии в Таганроге, «ничего не сказав им притом о своем отречении». В Варшаве известие о смерти Александра I разнеслось повсюду и вызвало толки, что цесаревич собирается принять корону. «Все знатнейшие чины двора, военные и гражданские, войско и духовенство, русское и польское, готовились к присяге и ждали только приказаний. Весь город был на ногах», — писал П. А. Колзаков. Положение осложнилось еще более, когда Константин некоторое время не выходил из дворца, сказавшись нездоровым, а на все вопросы любопытствующим был один и тот же ответ: «Приказания в свое время будут объявлены, а покуда все остается по-прежнему» (Цесаревич Константин Павлович в 1825 и 1826 гг.: Рассказ П. А. Колзакова // Русская старина. 1870. Т. 3. С. 252–253; Записки графа Мориолля // Там же. С. 541–542; см. также: *Окунь С. Б.* Декабрист М. С. Лунин. Л., 1961. С. 82–83).

13. Имеется в виду частное письмо графа М. А. Милорадовича (о нем см. наст. изд., с. 40–41, примеч. 57) от 27 ноября 1825 г., посланное с адъютантом Г. А. Мантейфелем к Московскому генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну. В письме говорилось: «Всемогущему Богу угодно было взять к себе обожаемого Монарха! Его Императорскому Величеству Константину Павловичу сделана здесь присяга Его Императорским Высочеством Николаем Павловичем, Государственным Советом, Синодом и войском. По повелению Его Высочества Николая Павловича посылаю к Вашему Сиятельству адъютанта графа Мантейфеля с тем, чтобы Вы сделали распоряжения к приведению к присяге Его Императорскому Величеству Константину Павловичу в Москве. У Вашего Сиятельства в сохранении есть бумага блаженной и достойной памяти Его Императорского Величества императора Александра I. Его Высочеству Николаю Павловичу угодно, чтобы Ваше Сиятельство не распечатывало того текста. Его Высочество и сам Вам об оном будет особо писать. На случай, если сей пакет распечатан, то непременная и непоколебимая воля Его Императорского Высочества есть, чтобы присяга учинена была Его Императорскому Величеству Константину Павловичу. Исполняя волю Его Императорского Высочества, имею честь о сем для точнейшего исполнения» (цит. по: РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). И хотя это письмо Милорадовича было написано по воле Николая Павловича, но почти через двадцать лет, в 1848 г., Николай I при чтении рукописи книги М. А. Корфа напротив места, где шло описание приведения к присяге Константину Павловичу жителей Москвы, написал: «Не могу объяснить, почему митрополит Филарет, которому известно было содержа-

ние духовного завещания императора Александра I, не распечатал и не объявил оного». Тогда же это было передано кем-то Филарету, который в особом письме на Высочайшее имя объяснил свою позицию, напомнив государю о приведенном выше письме (Из рассказов московского митрополита Филарета. С. 115). Что же касается самого письма, то, надо думать, оно являлось составной частью «плана» Николая Павловича. Понимая нелегитимность необнародованного при жизни Александра I манифеста от 16 августа 1823 г. и считая присягу Константину «индульгенцией» своего прихода к власти, Николай подчинился решению, принятому на совещании в Аничковом дворце 25 ноября 1825 г.: если курьер привезет известие о смерти Александра I, то немедленно должна быть проведена присяга цесаревичу Константину Павловичу. Поэтому, когда весть о смерти Александра I достигла Петербурга, а это произошло между 11 и 12 часами утра 27 ноября 1825 г. во время молебна царской семьи в церкви Зимнего дворца о здоровье императора, Николай Павлович, сообщив о случившемся Марии Федоровне, вместе с принцем Евгением Вюртембергским, графом М. А. Милорадовичем и находившимися в церкви генералами первым принес присягу императору Константину.

14. Речь идет о том, что в данных обстоятельствах были нарушены все установленные законом правила и традиции, согласно которым присяга могла приноситься только после оглашения манифеста о восшествии на престол нового монарха, причем первыми должны были быть приведены к присяге высшие государственные учреждения империи — Государственный Совет и Сенат, который указом должен был объявить о присяге; особое распоряжение, объявлявшее о присяге, должно было поступить на места и от Синода.

15. Гагарин Павел Павлович (1789–1872) — князь, действительный тайный советник, обер-прокурор Общего собрания московских департаментов Сената (1823), член Государственного Совета (1831), позже ставший председателем Государственного Совета и Комитета министров (26 февраля 1864 – 21 февраля 1872). Родившийся в Москве и получивший начальное образование дома, а затем в петербургском училище аббата Николя, в 1801 г. Гагарин был определен в Московский архив государственной коллегии иностранных дел. В 1808 г. перешел на военную службу, став адъютантом главнокомандующего 1-ой армией графа А. И. Татищева, а позже — М. А. Милорадовича. В 1810 г. вернулся на статскую службу в должности советника при правлении Петербургского ассигнационного банка, а в 1815–1818 гг. состоял чиновником особых поручений при военном министре П. П. Коновницыне. В конце 1823 г. назначенный обер-прокурором Общего собрания московских департаментов Сената, Гагарин обязан был следить за соблюдением юридических норм при объявлении присяги императору Константину в Москве, но, поддерживая Николая Павловича, попытался сам нарушить их, предлагая привести к присяге губернские чины до принятия присяги московских департаментов Сената. Со вступлением на престол Николая I был произведен в действительные тайные советники и назначен сенатором (28 января 1831 г.). Переехав в Петербург и участвуя в заседаниях Департамента законов Сената, в 1849 г. Гагарин вошел в Особую секретную следственную комиссию по делу петрашевцев. 3 января 1857 г. был назначен членом Главного комитета по крестьянскому делу и с этого времени принимал самое деятельное участие в подготовке крестьянской реформы. С 1 января 1862 г. Гагарин — председатель Департамента законов, являлся одним из разработчиков судебной реформы. 24 февраля 1864 г. став председателем Государственного Совета и Комитета министров, до конца дней он оставался видным государственным деятелем России. Умер 21 февраля 1872 г. По словам М. А. Дмитриева, «князь Павел Павлович Гагарин, прославившийся своей смелостью и своим строгим правосудием... человек очень умный, знаток в законах и судопроизводстве, бойкий, резкий, смелый и по русским понятиям честный, то есть деньгами не подкупный; но честолюбивый, угодник власти и готовый на все из почести и возвышения» (*Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 259–260, 413).

16. Тревога Филарета относительно легитимности присяги на подданство императору Константину в Петербурге была вполне оправдана. 27 ноября 1825 г., уже после того, как, вопреки закону и традиции, первыми присягнули войска, в два часа дня пополудни был созван Государственный Совет для ознакомления с секретными документами о престоло-

наследии, копии которых хранились в архиве Совета. Причем действия этого высшего государственного учреждения России в этот день полностью оправдывали метафору современников, называвших Государственный Совет «государевой канцелярией». Дело в том, что, когда А. Н. Голицын, еще до начала заседания рассказавший собравшимся все подробности «таинственного пакета», вместе с председателем Совета князем П. В. Лопухиным предложил распечатать документы до присяги и огласить «последнюю волю покойного императора», министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовсий отклонил это предложение, высказав мнение — не вскрывать пакет и идти присягать Константину. Лобанова-Ростовского поддержал адмирал А. С. Шишков, мотивируя свою позицию тем, что «империя ни на мгновение не может остаться без монарха» (Сборник РИО. СПб., 1877. Т. XX. С. 507; Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 39–40; *Василич Г.* Восшествие на престол императора Николая I. С. 30). Потом оказалось, что нет графа М. А. Милорадовича. Согласно записке Я. О. Ламберта, графа задержал Николай Павлович, чтобы дать определенные рекомендации относительно позиции графа в Совете (*Ламберт Я. О.* Записка о болезни и кончине императора Александра I. Пер. с фр.: РГИА. Ф. 1643. Оп. 1. Д. 8. Л. 15 об.). Придя в зал заседания, М. А. Милорадович объявил советникам, что содержание секретных документов известно Николаю Павловичу, но он торжественно отрекся от предоставленного ему права, первым присягнул на подданство императору Константину и ожидает, что и члены Совета последуют его примеру. Однако главный вопрос — распечатывать ли пакет, хранящийся в архиве Совета с 1823 г., — решен не был. Когда А. Н. Оленин, как секретарь Государственного Совета, обратился к М. А. Милорадовичу, держа в руках пакет с собственноручною надписью Александра I — «в случае моей кончины раскрыть, прежде всякого другого действия, в Чрезвычайном собрании Совета», — граф только посоветовал идти присягать (Документы Государственного Совета, относящиеся к восшествию на престол императора Николая I. Копии 1825 года: ОР РНБ. Ф. 542. Д. 430. Л. 12). И все же большинством голосов решили раскрыть пакет. Оглашенные акты ошеломили всех, и после совещания было решено идти к Николаю Павловичу, который сам повел советников к присяге, а вскоре присягнул Сенат и Синод. Таким образом, Государственный Совет не подчинился завещанию покойного царя и предоставил Сенату право провозгласить императором Константина Павловича. К трем часам ночи весь Петербург присягнул новому монарху на основании Указа Правительствующего Сената и распоряжения Синода. Именно эта «лакейская выходка» Государственного Совета, по свидетельству современников, сыграла важную роль в стремительном движении к «вспышке 14 декабря». Причем Совет, по мнению многих, «не потому не исполнил воли Александра, что признавал ее противузаконной, а для того, чтобы угодить Николаю, который в качестве великого князя, никем не уполномочен к такому распоряжению, взял на себя противузаконно право объявлять Константина царем» (*Булгаков А. Я.* Современные происшествия и воспоминания мои. Л. 8; *Лунин М. С.* Разбор донесений Тайной следственной Комиссии // *Лунин М. С.* Письма из Сибири. М., 1977. С. 72–73; *Марченко В. Р.* События, в глазах моих совершившиеся, при вступлении на престол императора Николая I // Русская старина. 1896. Т. 86. С. 307–315; Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского // Междуцарствие 1925 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 108).

17. На самом деле, «самовластные» действия Николая Павловича вызвали негодование, в первую очередь, со стороны тех высших государственных чиновников, которые были посвящены в «тайну» завещания Александра I. Князья А. Н. Голицын и Д. И. Лобанов-Ростовский, узнавшие в Александро-Невской лавре о том, что Николай первым присягнул Константину, немедленно приехали в Зимний дворец. Причем Голицын был, по словам Николая I, «в исступлении, вне себя от горя, но и от вести во дворце, что все присягнули Константину Павловичу; он начал мне выговаривать, зачем я брату присягнул и других сим завлек, и повторил мне, что я слышал от матушки, и требовал, чтобы я повиновался мне неизвестной воле покойного государя. Я отверг сие неуместное требование положительно, и мы расстались с князем, я — очень недовольный его вмешательством, он — столько же моей неуступчивостию» (Заметки Николая I на полях рукописи М. А. Корфа // Междуцарствие

1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 39). Действиями великого князя были недовольны и члены Императорского дома. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, узнав, что Николай Павлович присягнул брату, с испугом сказала: «Что сделали вы, Николай? Разве вы не знаете, что есть акт, который объявляет вас наследником?». В маргиналиях на полях книги Корфа Николай I писал, что он отвечал матери о его будто бы неведении относительно секретного манифеста Александра I и письма Константина Павловича, передающих ему право на российский трон (см.: Там же). Но в разговоре с приехавшим из Варшавы 3 декабря 1825 г. великим князем Михаилом Павловичем он был более откровенен, и на вопрос последнего: «Зачем же ты все это сделал, когда тебе известны акты покойного государя и отречение цесаревича? Что теперь будет при второй присяге в отмену прежней, и как Бог поможет все это кончить?» — цинично отвечал, что «едва ли есть повод тревожиться, когда первая присяга была совершена с такою же покорностию и так же спокойно» (цит. по: *Корф М. А.* Историческая записка о происхождении и издании книги «Восшествие на престол императора Николая I-го». Л. 76).

18. Речь идет о председателе Государственного Совета и Комитета министров князе Петре Васильевиче Лопухине (1753–1827), первенствующем члене Правительствующего Синода митрополите Серафиме (1763–1843, с 1821 г. являлся митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским), а также министре юстиции князе Дмитрии Ивановиче Лобанове-Ростовском (1758–1838).

19. Объявление о присяге на верноподданство императору Константину в Москве должен был сделать Московский департамент Сената. Согласно рассказу А. Я. Булгакова, когда 30 ноября 1825 г. московские граждане получили приглашение явиться к 11 часам пополудни в Успенский собор «для принесения присяги императору Константину Павловичу», то всех удивило такое приглашение», и все советовали московскому генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну «сначала получить Манифест о восшествии на престол нового монарха». Затем все повиновались, «а потому двинулись в Собор». Когда же граф М. А. Милорадович, который по приказу Николая Павловича специально приехал в Москву, «пригласил принять присягу, то все желали, чтобы таковой призыв сделан был самим великим князем Николаем Павловичем. Случай казался довольно важен, чтобы дать повод к таковому, и чтение оного в соборе было бы приличным». Любопытна еще одна деталь, переданная Булгаковым: «Несмотря на богатые ризы духовенства, на шитые кафтаны статских чиновников, на золотые мундиры генералитета, на колокольный звон, на бесчисленное стечение народа... и несмотря, наконец, на торжественное празднование восшествия на престол всероссийский нового государя, вся эта церемония имела нечто мрачное: всякий смотрел на то место, где всегда стоял покойный государь, всякий искал его глазами... Протодьякон при провозглашении царского дома два раза забывал и вместо Константина упоминал Александра Павловича. Женские особы всех сословий рыдали горько» (*Булгаков А. Я.* Современные происшествия и воспоминания мои. Л. 1–5).

20. Имеется в виду манифест от 12 декабря 1825 г. о вступлении на престол императора Николая I (ПСЗ II. 1825. Т. 1. № 1), над проектом которого Николай Павлович трудился, начиная с 9 декабря 1825 г. Вначале редакция манифеста была поручена Н. М. Карамзину, которому великий князь показывал свой вариант текста уже 10 декабря, но, по предложению М. А. Милорадовича и А. Н. Голицына, в тот же день работа по окончательной доработке манифеста была передана М. М. Сперанскому, который и подготовил его 11 декабря 1825 г. (*Сперанский М. М.* Проект манифеста о вступлении на престол Николая I. 12 декабря 1825 года. Черновой автограф: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 312. Л. 1–10; Записки очевидцев 14 декабря 1825 года. Из архива М. А. Корфа. Записка графа Д. Н. Блудова // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 54–55). Главной целью манифеста стало юридическое закрепление прав Николая Павловича на российский престол. Именно поэтому оба секретных документа (т. е. манифест от 16 августа 1823 г. и письмо Константина Павловича от 14 января 1822 г.) были опубликованы в приложении к манифесту, а позже — в книге М. А. Корфа (*Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I-го. С. 17–18).

21. Имеется в виду рескрипт московскому генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну от 15 декабря 1825 г. о восшествии на престол императора Николая I и о принесении ему присяги в Москве. Рескрипт был отправлен с высокопоставленным «курьером» — военным министром графом А. И. Татищевым. Однако длительное отсутствие информации о событиях в Петербурге способствовало распространению в древней столице различных слухов и домыслов. «Сегодня 17-ое число, — отметил этот день в своем дневнике следующей интересной записью А. Я. Булгаков. — Как нам в Москве узнать все. Одно из двух: или Константин Павлович начал действовать прежде приезда брата своего в Варшаву, или же Николай Павлович, не дождавшись решения цесаревича, захотел принять престол, отчего и последовали все беспокойства» (цит. по: Старина и новизна. Пг., 1917. Кн. 22. С. 124).

22. Речь идет об упоминавшемся уже частном письме графа М. А. Милорадовича к московскому генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну от 27 ноября 1825 г. (см. наст. изд., с. 152–153, примеч. 13), в котором он, по приказу Николая Павловича, просил не вскрывать секретного пакета, хранящегося в Успенском соборе Кремля, и проводить присягу императору Константину. По мнению Филарета, нелегитимность действий Милорадовича предопределила трагическую судьбу генерала. 14 декабря 1825 г. Милорадович был ранен на Сенатской площади и умер в ночь с 14 на 15 декабря.

23. Речь идет о генерал-адъютанте графе Комаровском (Камаровском) Евграфе Федотовиче (1769–1843), который 15 декабря 1825 г. был послан Николаем I в Москву. Комаровский начал службу в 1792 г. в Лейб-гвардии Измайловском полку, а уже в 1796 г. был назначен адъютантом к великому князю Константину Павловичу. Произведенный в 1798 г. в полковники, а в следующем году — в генерал-майоры, он участвовал в Итальянском походе А. В. Суворова. В 1801 г., получив звание генерал-адъютанта, был назначен помощником петербургского военного губернатора графа М. Ф. Каменского, а в 1816 г. — командиром Отдельного корпуса внутренней стражи. Позже, в 1828 г., был произведен в генералы от инфантерии и назначен присутствовать в Сенате. Тот факт, что Николай I отправил в Москву «курьера» столь высокого ранга, был связан с тем, что после военного выступления 14 декабря 1825 г. в Петербурге, поводом для которого стала присяга Николаю Павловичу, император был весьма озабочен вопросом, как будет она проведена в Москве. Понимая, что для ее спокойного осуществления в древней столице необходимо оглашение государственного акта, Николай поспешил отправить документ с генералом. Вечером 17 декабря Комаровский привез в Москву копию Высочайшего манифеста о восшествии на престол императора Николая I. На следующий день генерал присутствовал на церемонии в Успенском соборе; там были зачитаны подлинники манифеста Александра I от 16 августа 1823 г. и письма Константина Павловича императору от 14 января 1822 г., хранившиеся в ковчеге собора с 1823 г. и передающие право на российский престол Николаю Павловичу.

24. Очевидец событий Е. Ф. Комаровский в своих воспоминаниях передал иную формулировку обращения Филарета к народу: «Прежде, нежели приступить к присяге, Филарет, осеняя всех, громкогласно сказал: „Разрешаю и благословляю“. Это неожиданное изречение архипастыря произвело удивительное действие, в особенности, когда оно разнеслось между народом. После сего началась присяга» (цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 325).

Подготовка текста и комментарии Т. В. Андреевой

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

Николай I
Записка [о событиях 12–14 декабря 1825 г.]

Надо было решиться — или оставаться мне в совершенном бездействии, отстранясь от всякого участия в делах, до коих, в строгом смысле службы, как говорится, мне дела не было, или участвовать в них и почти направлять тех людей, в руках коих, по званию их, власть находилась. В первом случае, соблюдая форму, по совести я бы грешил, попуская делам искажаться может быть безвозвратно, и тогда бы я заслужил в полной мере название эгоиста. Во втором случае — я жертвовал собою с убеждением быть полезным отечеству и тому, которому я присягнул. Я не усомнился, и влечение внутреннее решило мое поведение. Одно было трудно: я должен был скрывать настоящее положение дел от мнительности Матушки, от глаз окружающих, которых любопытство предугадывало истину. Но с твердым упованием на милость Божию я решился действовать, как сумею.

Город казался тих; так, по крайней мере, уверял граф Милорадович[1], уверяли и те немногие, которые ко мне хаживали, ибо я не считал приличным показываться и почти не выходил из комнат. Но в то же время бунтовщики были уже в сильном движении, и непонятно, что никто сего не видел. Оболенский[2], бывший тогда адъютантом у генерала Бистрома, командовавшего всею пехотой гвардии[3], один из злейших заговорщиков, ежедневно бывал во дворце, где тогда обычай был сбираться после развода в так называемой Конногвардейской комнате. Там, в шуме сборища разных чинов офицеров и других, ежедневно приезжавших во дворец узнавать о здоровье Матушки, но еще более приезжавших за новостями, с жадностию Оболенский подхватывал все, что могло быть полезным к успеху заговора, и сообщал соумышленникам узнанное. Сборища их бывали у Рылеева[4]. Другое лицо, изверг во всем смысле слова, Якубовский[5], в то же время умел хитростию своею и некоторою наружностию смельчака втереться в дом графа Милорадовича и, уловив доброе сердце графа, снискать даже некоторую его к себе доверенность. Чего Оболенский не успевал узнать во дворце, то Якубовский изведывал от графа, у которого, как говорится, часто *сердце было на языке*[6].

Мы были в ожидании ответа Константина Павловича на присягу, и иные ожидали со страхом, другие — и я смело ставлю себя в число последних — со спокойным духом, что он велит. В сие время прибыл Михаил Павлович[7]. Ему вручил Константин Павлович свой ответ в письме к матушке и несколько слов ко

мне[8]. Первое движение всех — а справедливое нетерпение сие извиняло — было броситься во дворец; всякий спрашивал, присягнул ли Михаил Павлович.

— Нет, — отвечали приехавшие с ним.

Матушка заперлась с Михаилом Павловичем; я ожидал в другом покое — и точно ожидал решения своей участи[a]. Минута неизъяснимая! Наконец дверь отперлась, и матушка мне сказала:

— Eh bien, Nicolas, prosternez vous[b] devant votre frère, car il est respectable et sublime dans son inalterable determination de vous abandonner le trône*.

Признаюсь, мне слова сии было тяжело слушать, и я в том винюсь; но я себя спрашивал, кто большую приносит из нас двух жертву: тот ли, который отвергает Наследство Отцовское под предлогом своей неспособности и который, раз на сие решившись, повторяет только свою неизменную волю и остается в том положении, которое сам себе создал сходно всем своим желаниям, — или тот, который, вовсе не готовившийся на звание, на которое по порядку природы не имел никакого права, которому воля братняя была всегда тайной, и который неожиданно, в самое тяжелое время и в ужасных обстоятельствах должен был жертвовать всем, что ему было дорого, дабы покориться воле другого[9]? Участь страшная, и смею думать и ныне, после 10 лет, что жертва моя была в моральном, в справедливом смысле гораздо тягче.

Я отвечал Матушке:

— Avant que de me prosterner, Maman, veuillez me permettre de savoir pourquoi je devrais le faire, car je ne sais lequel des sacrifices est le plus grand: de celui qui refuse ou de celui qui accepte en pareilles circonstances**!

Нетерпение всех возрастало и дошло до крайности, когда догадывались по продолжительности нашего присутствия у Матушки, что дело еще не решилось. Действительно, брат Константин Павлович прислал ответ на письмо матушки хотя и официально, но на присягу, ему данную, не было ответа, ни манифеста, словом ничего, что бы в лице народа могло служить актом удостоверения, что воля его непременна, и отречение, оставшееся при жизни императора Александра тайною для всех[10], есть и ныне непременной его волей.

Надо было решить, что делать, как выйти из затруднения, опаснейшего в своих последствиях, и которым, как увидим ниже, заговорщики весьма хитро воспользовались.

После долгих прений я остался при том мнении, что брату должно было объявить манифестом, что, оставаясь непреклонным в решимости, им уже освященной отречением, утвержденным духовной императора Александра, он повторяет оное и ныне, не принимая данной ему присяги. Сим, казалось мне, торжественно утверждалась воля его и отымался[c] всякая возможность к усумлению.

---

[a] Так в оригинале.

[b] Первоначально: prosternez vous à genoux.

* *Пер. с фр.:* Ну, Николай, преклонитесь пред вашим братом: он заслуживает почтения и высок в своем неизменном решении предоставить вам трон.

** *Пер. с фр.:* Прежде чем преклоняться, позвольте мне, матушка, узнать, почему я это должен сделать, ибо я не знаю, чья из двух жертв больше: того ли, кто отказывается (от трона), или того, кто принимает (его) при подобных обстоятельствах.

[c] Так в рукописи; первоначально было «отымались».

Но брат избрал иной способ: он прислал письмо официальное к Матушке, другое — ко мне[11], и, наконец, род выговора князю Лопухину как председателю Государственного Совета[12]. Содержание двух первых актов известно; вкратце содержали они удостоверение в неизменной его решимости, и в письме к Матушке упоминалось, что решение сие в свое время получило ее согласие. В письме, ко мне писанном, как к императору, упоминалось только в особенности о том, что Его высочество просил оставить *его при прежде занимаемом им месте и звании*.

Однако удалось мне убедить Матушку, что одних сих актов без явной опасности публиковать нельзя, и что должно непременно стараться убедить брата прибавить к тому другой, в виде манифеста, с изъяснением таким, которое было[d] развязывало от присяги, ему данной. Матушка и я, мы убедительно о том писали к брату; и фельдъегерский офицер Белоусов отправлен с сим. Между тем решено было нами акты сии хранить у нас в тайне.

Но как было изъяснить наше молчание пред публикой? Нетерпение и неудовольствие были велики и весьма извинительны. Пошли догадки, и в особенности обстоятельство *неприсяги* Михаила Павловича навело на всех сомнение, что скрывают отречение Константина Павловича. Заговорщики решили сие же самое употребить орудием для своих замыслов. Время сего ожидания можно считать настоящим междуцарствием, ибо повелений от императора, которому присяга принесена была, по расчету времени должно было получать, — но их не приходило; дела останавливались совершенно; все было в недоумении, и к довершению всего известно было, что Михаил Павлович отъехал уже тогда из Варшавы, когда и кончина императора Александра, и присяга Константину Павловичу там уже известны были. Каждый извлекал из сего, что какое-то особенно важное обстоятельство препятствовало к восприятию законного течения дел, но никто не догадывался настоящей причины.

Однако дальнейшее присутствие Михаила Павловича становилось тягостным и для него, и для нас всех, и потому решено было ему выехать будто в Варшаву, под предлогом успокоения брата Константина Павловича насчет здоровья Матушки, и остановиться на станции Неннале, дабы удалиться от беспрестанного принуждения, и вместе с тем для остановления по дороге всех тех, кои, возвращаясь из Варшавы, могли повестить в Петербурге настоящее положение дел. Сия же предосторожность принудила останавливать все письма, приходившие из Варшавы; и эстафет, еженедельно приходивший с бумагами, из канцелярии Константина Павловича приносим был ко мне. Бумаги, не терпящие отлагательства, должен был я лично вручать у себя тем, к коим адресовались, и просить их вскрывать в моем присутствии. Положение самое несносное!

Так прошло 8 или 9 дней. В одно утро, часов в 6 был я разбужен внезапным приездом из Таганрога Лейб-гвардии Измайловского полка полковника барона Фредерикса[13], с пакетом <о самонужнейшем> от генерала Дибича, начальника Главного штаба, и адресованным в собственные руки императору[14]!

Спросив полковника Фредерикса, знает ли он содержание пакета, получил в ответ, что ничего ему не известно, но что такой же пакет послан в Варшаву, по

---

[d] Так в оригинале.

неизвестности в Таганроге, где находился государь. Заключив из сего, что пакет содержит обстоятельство особой важности, я был в крайнем недоумении, на что мне решиться. Вскрыть пакет на имя императора — был поступок столь отважный, что решиться на сие казалось мне последнею крайностию, к которой одна необходимость могла принудить человека, поставленного в самое затруднительное положение, и — пакет вскрыт!

Пусть изобразят себе, что должно было произойти во мне, когда, бросив глаза на включенное письмо от генерала Дибича, увидел я, что дело шло о существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись чрез всю империю, от Петербурга на Москву и до второй армии в Бессарабии[15].

Тогда только почувствовал я в полной мере всю тягость своей участи и с ужасом вспомнил, в каком находился положении. Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полною властью, с опытностью, с решимостью — я не имел ни власти, ни права на оную; мог только действовать чрез других, из одного доверия ко мне обращавшихся, без уверенности, что совету моему последуют; и притом чувствовал, что тайну подобной важности должно было наитщательнейше скрывать от всех, даже от Матушки, дабы ее не испугать, или преждевременно заговорщикам не открывать, что замыслы их уже не скрыты от правительства. К кому мне было обратиться — *одному, совершенно одному без совета*!

Граф Милорадович казался мне, по долгу его звания, первым, до сведения которого содержание сих известий довести должно было; князь Голицын, как начальник почтовой части и доверенное лицо императора Александра, казался мне вторым[16]. Я их обоих пригласил к себе, и втроем принялись мы за чтение приложений к письму.

Писанные рукою генерал-адъютанта графа Чернышева[17] для большей тайны, в них заключалось изложение открытого обширного заговора, чрез два разных источника: показаниями юнкера Шервуда, служившего в Чугуевском военном поселении, и открытием капитана Майбороды, служившего в тогдашнем 3-м пехотном корпусе[18]. Известно было, что заговор касается многих лиц в Петербурге и наиболее в Кавалергардском полку, но в особенности в Москве, в главной квартире 2-й армии и в части войск, ей принадлежащих, а также в войсках 3-го корпуса. Показания были весьма неясны, неопределительны; но однако еще за несколько дней до кончины своей покойный император велел генералу Дибичу, по показаниям Шервуда, послать полковника Лейб-гвардии Измайловского полка Николаева взять известного Вадковского, за год выписанного из Кавалергардского полка[19]. Еще более ясны были подозрения на главную квартиру 2-й армии, и генерал Дибич уведомлял, что вслед за сим решился послать графа Чернышева в Тульчин, дабы уведомить генерала Витгенштейна о происходящем и арестовать князя С. Волконского, командовавшего бригадой, и полковника Пестеля, в оной бригаде командовавшего Вятским полком[20].

Подобное извещение, в столь затруднительное и важное время, требовало величайшего внимания, и решено было узнать, кто из поименованных лиц в Петербурге, и не медля их арестовать; а как о капитане Майбороде ничего не упоминалось, а должно было полагать, что чрез него получатся еще важнейшие

сведения, то решился граф Милорадович послать адъютанта своего генерала Мантейфеля[21] к генералу Роту, дабы, приняв Майбороду, доставить в Петербург[22]. Из петербургских заговорщиков по справке никого не оказалось налицо: все были в отпуску, а именно — Свистунов, Захар Чернышев и Никита Муравьев[23], что более еще утверждало справедливость подозрений, что они были в отсутствии для съезда, как в показаниях упоминалось. Граф Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существовании заговора и в вероятном участии и других лиц, хотя об них не упоминалось; он обещал обратить все внимание полиции, но все осталось тщетным и в прежней беспечности. Наконец наступил роковой для меня день. По обыкновению обедали мы вдвоем с женой, как приехал Белоусов. Вскрыв письмо брата, удостоверился я с первых строк, что участь моя решена, — но что единому Богу известно, как воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всем нашим убеждениям решительно отказывал в новом акте, упираясь на то, что, не признавая себя императором, отвергая присягу, ему данную, как такую, которая неправильно ему принесена была, не считает себя вправе и не хочет другого изречения непреклонной своей воли, как обнародование духовной императора Александра и приложен[ного][e] к оному акта отречения своего от престола[24]. Я предчувствовал, что, повинуясь воле братней, иду на гибель, но нельзя было иначе, и долг повелевал сообразить единственно, как исполнить сие с меньшею опасностью недоразумений и ложных наветов. Я пошел к матушке и нашел ее в том же убеждении, но довольною, что наступил конец нерешимости.

Изготовив в скорости проект манифеста, призвал я к себе М. М. Сперанского и ему поручил написать таковой, придерживаясь моих мыслей; положено было притом публиковать духовную императора Александра, письмо к нему Константина Павловича с отречением и два его же письма — к Матушке и ко мне как к императору[25].

[Прибавить о Ростовцеве][f, 26].

В сих занятиях прошел вечер 12 декабря. Послано было к Михаилу Павловичу, дабы его воротить, и надежда оставалась, что он успеет воротиться на другой день, т. е. в воскресенье 13-го числа. Между тем весть о приехавшем фельдъегере распространилась по городу, и всякий убедился в том, что подозрения обратились в истину.

Гвардией командовал генерал Воинов, человек почтенный и храбрый, но ограниченных способностей и не успевший приобресть никакого весу в своем корпусе[27]. Призвав его к себе, поставил его в известность воли Константина Павловича и условился, что на другой же день, т. е. в понедельник, соберет ко мне всех генералов и полковых командиров гвардии, дабы лично мне им объяснить весь ход происходившего в нашей семье и поручить им растолковать сие ясным образом своим подчиненным, дабы не было предлога к беспорядку. Требован был также ко мне митрополит Серафим[28] для нужного предварения и, наконец, князь Лопухин, с которым условлено было собрать Совет к 8 часам вечера, куда я намерен был явиться вместе с братом Михаилом Павловичем как личным свидетелем и вестником братней воли.

---

[e] Конец слова написан неразборчиво.
[f] Вписано между строк.

Но богу угодно было повелеть иначе. Мы ждали Михаила Павловича до половины одиннадцатого ночи, и его не было. Между тем весь город знал, что Государственный Совет собран, и всякий подозревал, что настала решительная минута, где томительная неизвестность должна кончиться. Нечего было делать, и я должен был следовать один.

Тогда Государственный Совет сбирался в большом покое, который ныне служит гостиной младшим моим дочерям[29]. Подойдя к столу, я сел на первое место, сказав:

— *Я выполняю волю брата Константина Павловича.*

И вслед за тем начал читать манифест о моем восшествии на престол. Все [в]стали, и я тоже. Все слушали в глубоком молчании и по окончании чтения глубоко мне поклонились, при чем отличился Н. С. Мордвинов[30], против меня бывший, всех первый вскочивший и ниже прочих отвесивший поклон, так что оно мне странным показалось. Засим должен был я прочесть отношение Константина Павловича к князю Лопухину, в котором он самым сильным образом выговаривал ему, что ослушался будто воли покойного императора Александра, отослав к нему духовную и акт отречения и принеся ему присягу, тогда как на сие права никто не имел.

Кончив чтение, возвратился я в занимаемые мною комнаты, где ожидали меня Матушка и жена. Был 1-й час и понедельник, что многие считали дурным началом. Мы проводили Матушку на ее половину, и хотя не было еще объявлено о моем вступлении, комнатные люди Матушки, с ее разрешения, нас поздравляли.

Во внутреннем Кон[но]гвард[ейском][g] карауле стоял в то время князь Одоевский[31], самый бешеный заговорщик, но никто сего не знал; после только вспомнили, что он беспрестанно расспрашивал придворных служителей о происходящем. Мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совесть была чиста, и мы от глубины души предались Богу.

Наконец наступило 14 декабря, роковой день! Я встал рано и, одевшись, принял генерала Воинова; потом вышел в залу нынешних покоев Александра Николаевича[32], где собраны были все генералы и полковые командиры гвардии. Объяснив[h] им словесно, каким образом, по непременной воле Константина Павловича, которому незадолго вместе с ними я присягал, нахожусь ныне вынужденным покориться его воле и принять престол, к которому, за его отречением, нахожусь ближайшим в роде; засим прочитал им духовную покойного императора Александра и акт отречения Константина Павловича. Засим, получив от каждого уверение в преданности и готовности жертвовать собой, приказал ехать по своим командам и привесть к присяге.

От двора повелено было всем, имеющим право на приезд, собраться во дворец к 11 часам[33]. В то же время Синод и Сенат собирались в своем месте для присяги.

Вскоре засим прибыл ко мне граф Милорадович с новыми уверениями совершенного спокойствия. Засим был я у Матушки, где его снова видел, и воротился к себе. Приехал генерал Орлов, командовавший Конной гвардией[34], с известием,

---

[g] В оригинале — «кон. гвард.».
[h] Так в оригинале.

что полк принял присягу; поговорив с ним довольно долго, я его отпустил. Вскоре за ним явился ко мне командовавший гвардейской артиллерией генерал-майор Сухозанет[35], с известием, что артиллерия присягнула, но что в гвардейской Конной артиллерии офицеры оказали сомнение в справедливости присяги, желая сперва слышать удостоверение сего от Михаила Павловича, которого считали удаленным из Петербурга, как будто из несогласия его на мое вступление. Многие из сих офицеров до того вышли из повиновения, что генерал Сухозанет должен был их всех арестовать[36]. Но почти в сие же время прибыл наконец Михаил Павлович, которого я просил сейчас же отправиться в артиллерию для приведения заблудших в порядок[37].

Спустя несколько минут после сего, явился ко мне генерал-майор Нейдгарт, начальник штаба Гвардейского корпуса[38], и взойдя ко мне совершенно в расстройстве, сказал:

— Sire, le régiment de Moscou est en plein insurrection; Chenchin et Frederichs (тогдашние бригадный и полковой командиры) sont grièvement blessés, et les mutins marchent vers le Sénat, j'ai à peine pu les dévancer pour vous le dire. Ordonnez, de grâce, au 1-er bataillon Préobrajensky et à la garde-à-cheval de marcher contre*.

Меня весть сия поразила, как громом, ибо с первой минуты я не видел в сем первом ослушании действие одного сомнения, которого всегда опасался, но, зная существование заговора, узнал в сем первое его доказательство.

Разрешив 1 бат[альону] Преобра[женскому][i] выходить, дозволил Конной гвардии седлать, но не выезжать; и к сим отправил генерала Нейдгарта, послав в то же время генерал-майора Стрекалова, дежурного при мне[39], в Преображенский батальон для скорейшего исполнения. Оставшись один, я спросил себя, что мне делать, и, перекрестясь, отдался в руки Божии, решил сам идти туда, где опасность угрожала.

Но должно было от всех скрыть настоящее положение наше, и в особенности от Матушки, и, зайдя к жене, сказал:

— Il y a du bruit au régiment de Moscou; je veux y aller**.

С сим пошел я на Салтыковскую лестницу; в передней найдя командира Кавалергардского полка флигель-адъютанта генерала Апраксина[40], велел ему ехать в полк и сейчас его вести ко мне. На лестнице встретил я Воинова в совершенном расстройстве. Я строго припомнил ему, что место его не здесь, а там, где войска, ему вверенные, вышли из повиновения. За мной шел генерал-адъютант Кутузов[41]; с ним пришел я на дворцовую Главную гауптвахту, в которую только что вступила 9 егерская рота Лейб-гвардии Финляндского полка, под командой капитана Прибыткова[42]. Полк сей был в моей дивизии[43]. Вызвав караул под ружье и приказав себе отдать честь, прошел по фронту и, спросив людей, присягали ль мне и знают ли, отчего сие было и что по точной воле сие брата Константина Павловича, получил в ответ, что знают и присягнули.

---

* *Пер. с фр.:* Ваше величество! Московский полк в полном восстании; Шеншин и Фредерикс тяжело ранены, и мятежники идут к Сенату; я едва их обогнал, чтобы донести вам об этом. Прикажите, пожалуйста, двинуться против них первому батальону Преображенского полка и Конной гвардии.

[i] В оригинале: «1 бат. Преобра.».

** *Пер. с фр.:* В Московском полку волнение; я отправляюсь туда.

Засим сказал я им:

— Ребята, московские шалят; не перенимать у них и свое дело делать молодцами!

Велел зарядить ружья, и сам, скомандовав: «Дивизия вперед, скорым шагом марш!» — повел караул левым плечом вперед к главным воротам дворца. В сие время разводили еще часовых, и налицо была только остальная часть людей.

Съезд ко дворцу уже начинался, и вся площадь усеяна была народом и перекрещавшимися экипажами. Многие из любопытства заглядывали на двор и, увидя меня, вошли и кланялись мне в ноги. Поставя караул поперек ворот, обратился я к народу, который, меня увидя, начал сбегаться[j] ко мне и кричать ура. Махнув рукой, я просил, чтобы мне дали говорить. В то же время пришел ко мне граф Милорадович и, сказав:

— Cela va mal; ils marchent au Sénat, mais je vais leur parler*, — ушел, и я более его не видал, как отдавая ему последний долг[44].

Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным — все эти мысли пришли мне как бы вдохновением, и я начал говорить народу, спрашивая, читали ль мой манифест. Все говорили, что нет; пришло мне на мысль самому его читать. У кого-то в толпе нашелся экземпляр; я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый бог меня поддержал.

[О Хвощинском прибавить][k, 45].

Наконец Стрекалов повестил меня, что Преображенский 1[-й] батальон готов. Приказав коменданту генерал-лейтенанту Башуцкому[46] остаться при гауптвахте и не трогаться с места без моего приказания, сам пошел сквозь толпу прямо к батальону, ставшему линией спиной к Комендантскому подъезду[47], левым флангом к экзерциргаузу[48]. Батальоном командовал полковник Микулин, и полковой командир полковник Исленьев был при батальоне[49]. Батальон мне отдал честь; я прошел по фронту и, спросив, готовы ли идти за мною, куда велю, получил в ответ громкое молодецкое:

— Рады стараться!

Минуты единственные в моей жизни! Никакая кисть не изобразит геройскую, почтенную и спокойную наружность сего истинно первого батальона в свете, в столь критическую минуту.

Скомандовав, по-тогдашнему: «К атаке в колонну, первый и осьмой взводы, в полоборота налево и направо!» — повел я батальон левым плечом вперед мимо заборов тогда достраивавшегося дома Министерства финансов и иностранных дел[50] к углу Адмиралтейского булевара. Тут, узнав, что ружья не заряжены, велел батальону остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мне лошадь, но все прочие были пеши. В то же время заметил я [у] угла дома Главного штаба полковника князя Трубецкого; ниже увидим, какую он тогда играл роль[51].

Зарядив ружья, пошли мы вперед. Тогда со мною были генерал-адъютанты Кутузов, Стрекалов, флигель-адъютант Дурново и адъютанты мои — Перовский

---

[j] Первоначально было: «сбераться».

* *Пер. с фр.:* Дело плохо; они идут к Сенату, но я буду говорить с ними.

[k] Вписано между строк.

и Адлерберг[52]. Адъютанта моего Кавелина[53] послал я к себе в Аничкин дом[54], перевесть детей[55] в Зимний дворец. Перовского послал я в Конную гвардию с приказанием выезжать ко мне на площадь. В сие время услышали мы выстрелы, и вслед засим прибежал ко мне флигель-адъютант князь Голицын Генерального штаба[56] с известием, что граф Милорадович смертельно ранен[57].

Народ прибавлялся со всех сторон; я вызвал стрелков на фланги батальона и дошел таким образом до угла Вознесенской. Не видя еще Конной гвардии, я остановился и послал за нею одного бывшего при мне конным старого рейткнехта из Конной гвардии Лондыря[58] с тем, чтобы полк скорее шел. Тогда же слышали мы ясно — «Ура, Константин!» — на площади против Сената, и видна была стрелковая цепь, которая никого не подпускала.

В сие время заметил я слева против себя офицера Нижегородского драгунского полка, которого черным обвязанная голова, огромные черные глаза и усы и вся наружность имели что-то особенно отвратительное. Подозвав его к себе, узнал, что он Якубовский, но не знав, с какою целью он тут был, спросил его, чего он желает. На сие он мне дерзко сказал:

— Я был *с ними*, но услышав, что они за Константина, бросил и явился к вам.

Я взял его за руку и сказал:

— Спасибо, вы ваш долг знаете.

От него узнали мы, что Московский полк почти весь участвует в бунте, и что с ними следовал он по Гороховой, где от них отстал. Но после уже узнато было, что настоящее намерение его было под сей личиной узнавать, что среди нас делалось, и действовать по удобности[59].

В это время генерал-адъютант Орлов привел Конную гвардию, обогнув Исаакиевский собор и выехав на площадь между оным и зданием Военного министерства, то[1] тогда было домом князя Лобанова[60]; полк шел в галоп и строился спиной к сему дому. Сейчас я поехал к нему и, поздоровавшись с людьми, сказал им, что ежели искренно мне присягнули, то настало время сие мне доказать на деле. Генералу Орлову велел я с полком идти на Сенатскую площадь и выстроиться так, чтобы пресечь елико возможно мятежникам сообщение с тех сторон, где их окружить было можно. Площадь тогда была весьма стеснена заборами от стороны собора, простиравшимися до угла нынешнего синодского здания[61]; угол, образуемый бульваром и берегом Невы, служил складом выгружаемых камней для собора, и оставалось между сими материалами и монументом Петра Великого не более как шагов 50. На сем тесном пространстве, идя по шести, полк выстроился в две линии, правым флангом к монументу, левым достигая почти заборов.

Мятежники выстроены были в густой неправильной колонне спиной к старому Сенату. Тогда был еще один Московский полк. В сие самое время раздалось несколько выстрелов: стреляли по генералу Воинову, но не успели ранить тогда, когда он, подъехав, хотел уговаривать людей. Флигель-адъютант Бибиков, директор канцелярии Главного штаба, был ими схвачен и, жестоко избитый, от них вырвался и пришел ко мне; от него узнали мы, что Оболенский предводительствует толпой[62].

[1] Так в оригинале.

Тогда отрядил я роту Его величества[63] Преображенского полка с полковником Исленьевым, младшим полковником Титовым и под командой капитана Игнатьева[64] чрез булевар занять Исаакиевский мост, дабы отрезать сообщение с сей стороны с Васильевским островом и прикрыть фланг Конной гвардии; сам же, с прибывшим ко мне генерал-адъютантом Бенкендорфом[65], выехал на площадь, чтоб рассмотреть положение мятежников. Меня встретили выстрелами.

В то же время послал я приказание всем войскам сбираться ко мне на Адмиралтейскую площадь и, воротясь на оную, нашел уже остальную малую часть Московского полка с большею частию офицеров, которых ко мне привел Михаил Павлович[66]. Офицеры бросились мне целовать руки и ноги. В доказательство моей к ним доверенности поставил я их на самом углу у забора, против мятежников. Кавалергардский полк, 2-й батальон Преображенского стояли уже на площади; сей батальон послал я вместе с первым рядами направо примкнуть к Конной гвардии. Кавалергарды оставлены были мной в резерве у дома Лобанова. Семеновскому полку велено было идти прямо вокруг Исаакиевского собора к манежу Конной гвардии и занять мост[67]. Я вручил команду с сей стороны Михаилу Павловичу. Павловского полка воротившиеся люди из караула, составлявшие малый батальон[68], посланы были по Почтовой улице и мимо Конногвардейских казарм на мост у Крюкова канала и в Галерную улицу.

В сие время узнал я, что в Измайловском полку происходил беспорядок и нерешительность при присяге[69]. Сколь мне сие ни больно было, но я решительно не полагал сего справедливым, а относил сие к тем же замыслам, и потому велел генерал-адъютанту Левашову[70], ко мне явившемуся, ехать в полк и, буде есть какая-либо возможность, двинуть его, хотя бы против меня, непременно его вывесть из казарм. Между тем, видя, что дело становится весьма важным, и не предвидя еще, чем кончится, послал я Адлерберга с приказанием шталмейстеру князю Долгорукому[71] приготовить загородные экипажи для Матушки и жены и намерен был в крайности выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село. Сам же, послав за артиллерией, поехал на Дворцовую площадь, дабы обеспечить дворец, куда велено было следовать прямо обоим саперным батальонам — гвардейскому и учебному. Не доехав еще до дома Главного штаба, увидел я в совершенном беспорядке со знаменами без офицеров Лейб-гренадерский полк, идущий толпой[72]. Подъехав к ним, ничего не подозревая, я хотел остановить людей и выстроить; но на мое — «*Стой*!» — отвечали мне: «Мы — *за Константина*!» Я указал им на Сенатскую площадь и сказал: «*Когда так*, — то вот вам дорога». И вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска, и присоединилась без препятствия к своим одинако заблужденным товарищам. К счастию, что сие так было, ибо иначе бы началось кровопролитие под окнами дворца, и участь бы наша была более чем сомнительна. Но подобные рассуждения делаются *после*; тогда же один Бог меня наставил на сию мысль.

Милосердие Божие оказалось еще разительнее при сем же случае, когда толпа лейб-гренадер, предводимая офицером Пановым[73], шла с намерением овладеть дворцом и в случае сопротивления истребить все наше семейство. Они дошли до главных ворот дворца в некотором устройстве, так что комендант[74] почел их за присланный мною отряд для занятия дворца. Но вдруг Панов, шедший в голове,

заметил Лейб-гвардии Саперный батальон, только что успевший прибежать и выстроившийся в колонне на дворе, и, закричав:

— *Да это не наши*! — начал ворочать входящие отделения кругом и бросился бежать с ними обратно на площадь. Ежели б Саперный батальон опоздал только несколькими минутами, дворец и все наше семейство были б в руках мятежников, тогда как занятый происходившим на Сенатской площади и вовсе безызвестный об угрожавшей с тылу оной важнейшей опасности, я бы лишен был всякой возможности сему воспрепятствовать. Из сего видно самым разительным образом, что ни я, никто не могли бы дела благополучно кончить, ежели б самому милосердию Божию не угодно было всем править к лучшему. Здесь должен я упомянуть о славном поступке капитана Лейб-гвардии Гренадерского полка князя Мещерского[75]. Он командовал тогда ротою Его величества, и когда полк, завлеченный в бунт ловкостью Панова и других соумышленников, отказался в повиновении своему полковнику Стюрлеру[76], из опасения нарушить присягу своему законному государю Константину Павловичу, Мещерский догнал свою роту на дороге и убеждением своим и доверием, которое вселял в людей, успел остановить большую часть своей роты и несколько других[77] и привел их ко мне. Я поставил его с саперами на почетное место — к защите дворца.

Воротившись к войскам, нашел я прибывшею артиллерию, но, к несчастию, без зарядов, хранившихся в лаборатории. Доколь послано было за ними, мятеж усиливался; к начальной массе Московского полка прибыл весь Гвардейский экипаж и примкнул от стороны Галерной; а толпа гренадер стала с другой стороны[78]. Шум и крик делались беспрестанны, и частые выстрелы перелетали чрез голову. Наконец, народ начал также колебаться, и многие перебегали к мятежникам, пред которыми видны были люди невоенные. Одним словом, ясно становилось, что не сомнение в присяге было истинной причиной бунта, но существование другого важнейшего заговора делалось очевидным. «Ура Конституция!» — раздавалось и принималось чернью за ура, произносимое в честь супруги Константина Павловича!

Воротился генерал-адъютант Левашов с известием, что Измайловский полк прибыл в порядке и ждет меня у Синего моста. Я поехал к нему; полк отдал мне честь и встретил с радостными лицами, которые рассеяли во мне всякое подозрение. Я сказал людям, что хотели мне их очернить, что я сему не верю, что, впрочем, ежели среди [н]их есть такие, которые хотят против меня идти, то я им не препятствую и дозволяю присоединиться к мятежникам. Громкое ура было мне ответом. Я при себе велел зарядить ружья и послал полк с генералом-майором Мартыновым, командиром бригады[79], на площадь, велев поставить в резерв спиной к дому Лобанова. Сам же поехал к Семеновскому полку, уже стоявшему на своем месте.

Полк, под начальством полковника Шипова[80], прибыл в величайшей исправности и стоял у самого моста на канале[81], батальон за батальоном. Михаил Павлович был уже тут. С этого места было еще ближе видно, что с Гвардейским экипажем, стоявшим на правом фланге мятежников, было много офицеров экипажа сего и других, но видны были и другие во фраках, расхаживавшие между солдат и уговаривавшие стоять твердо.

В то время как я ездил к Измайловскому полку, прибыл требованный мною митрополит Серафим из Зимнего дворца, в полном облачении и с крестом.

Почтенный пастырь с одним поддиаконом вышел из кареты и, положа крест на голову, пошел прямо к толпе; он хотел говорить, но Оболенский и другие сей шайки ему воспрепятствовали, угрожая стрелять, ежели не удалится[82].

Михаил Павлович предложил мне подъехать к толпе в надежде присутствием своим разуверить заблужденных и полагавших быть верными присяге Константину Павловичу, ибо привязанность Михаила Павловича к брату была всем известна. Хотя страшился я для брата изменнической руки, ибо видно было, что бунт более и более усиливался, но, желая испытать все способы, я согласился и на сию меру и отпустил брата, придав ему генерала-адъютанта Левашова. Но и его увещания не помогли; хотя матросы начали было слушать, мятежники им мешали, и Кюхельбекер взвел курок пистолета и начал целить в брата, что однако три матроса ему не дали совершить[83].

Брат воротился к своему месту, а я, объехав вокруг собора, прибыл снова к войскам, с той стороны бывшим, и нашел прибывшим Лейб-гвардии Егерский полк, который оставил на площади против Гороховой за пешей гвардейской артиллерийской бригадой.

Погода из довольно сырой становилась холоднее; снегу было весьма мало, и оттого — весьма скользко; начинало смеркаться, — ибо был уже 3[-й] час пополудни. Шум и крик делались настойчивее, и частые ружейные выстрелы ранили многих в Конной гвардии и перелетали чрез войска; большая часть солдат на стороне мятежников стреляла вверх.

Выехав на площадь, желал я осмотреть, не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития. В это время сделали по мне залп; пули просвистали мне чрез голову, и, к счастию, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска были б в самом трудном положении.

Я согласился испробовать атаковать кавалериею. Конная гвардия первая атаковала поэскадронно, но ничего не могла произвести и по тесноте, и от гололедицы, но в особенности не имея отпущенных палашей[84]. Противники в сомкнутой колонне имели всю выгоду на своей стороне и многих тяжело ранили[85], в том числе ротмистр Велио лишился руки[86]. Кавалергардский полк равномерно ходил в атаку, но без большого успеха[87].

Тогда генерал-адъютант Васильчиков[88], обратившись ко мне, сказал:

— Sire, il n'y a pas un moment à perdre; l'on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille*!

Я предчувствовал сию необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не мог решиться на подобную меру, и меня ужас объял.

— *Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon régne*** — отвечал я Васильчикову.

— *Pour sauver votre Empire****, — сказал он мне[89].

---

* *Пер. с фр.:* Ваше величество, нельзя терять ни минуты; ничего не поделаешь: нужна картечь!

** *Пер. с фр.:* Вы хотите, чтобы я пролил кровь моих подданных в первый день моего царствования?

*** *Пер. с фр.:* Чтобы спасти Вашу империю.

Эти слова меня снова привели в себя; опомнившись, я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверно *все*; или, *пощадив себя*, жертвовать решительно Государством.

Послав одно орудие 1-й легкой пешей батареи к Михаилу Павловичу с тем, чтобы усилить сию сторону, как единственное отступление мятежникам, взял другие три орудия и поставил их пред Преображенским полком, велев зарядить картечью; орудиями командовал штабс-капитан Бакунин[90].

Вся во мне надежда была, что мятежники устрашатся таких приготовлений и сдадутся, не видя себе иного спасения. Но они оставались тверды; крик продолжался еще упорнее. Наконец, послал я генерал-майора Сухозанета объявить им, что ежели сейчас не положат оружия, велю стрелять. Ура и прежние восклицания были ответом и вслед за этим — залп.

Тогда, не видя иного способа, скомандовал: «Пали!». Первый выстрел ударил высоко в Сенатское здание, и мятежники отвечали неистовым криком и беглым огнем. Второй и третий выстрел от нас и с другой стороны из орудия у Семеновского полка ударили в самую середину толпы, и мгновенно все рассыпалось, спасаясь Английской набережной на Неву, по Галерной и даже навстречу выстрелов из орудия при Семеновском полку, дабы достичь берега Крюкова канала[91].

Велев артиллерии взяться на передки, мы двинули Преображенский и Измайловский полки через площадь, тогда как гвардейский Конно-пионерный эскадрон и часть Конной гвардии преследовали бегущих по Английской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Неве, но два выстрела картечью их рассеяли[92], — и осталось сбирать спрятанных и разбежавшихся, что возложено было на генерал-адъютанта Бенкендорфа с 4 эскадронами Конной гвардии и гвардейским Конно-пионерным эскадроном под командою генерал-адъютанта Орлова на Васильевском острову и 2 эскадронами Конной гвардии на сей стороне Невы. Вслед за сим вручил я команду сей части города генералу-адъютанту Васильчикову, назначив ему оставаться у Сената и отдав ему в команду Семеновский полк, 2 батальона Измайловского[93], сводный батальон Московского и Павловского полков, 2 эскадрона Конной гвардии и 4 орудия Конной артиллерии. Васильевский остров поручил в команду генерал-адъютанту Бенкендорфу, оставя у него прежние 6 эскадронов и придав Лейб-гвардии Финляндского полка 1 батальон и 4 орудия пешей артиллерии. Сам отправился ко дворцу. У Гороховой, в виде авангарда, оставил на Адмиралтейской площади 2 батальона Лейб-гвардии Егерского полка[94] и за ними 4 эскадрона Кавалергардского полка. Остальной батальон Лейб-гвардии Егерского полка держал посты у Малой Миллионной, у Большой Миллионной, у казарм 1-го батальона Преображенского полка и на Большой набережной у театра[95]. К сим постам придано было по 2 пеших орудия. Батареи о 8 орудиях поставлены были у Эрмитажного съезда на Неву, а другая о 4 орудиях против угла Зимнего дворца на Неву. 1 батальон Измайловский стоял на набережной у парадного подъезда, 2 эскадрона кавалергардов — левее, против угла дворца. Преображенский полк и при нем 4 орудия роты Его Величества стоял на Дворцовой площади спиной к дворцу, у главных ворот в резерве, а на дворе оставались оба саперных батальона и рота 1 гренадерская Лейб-гвардии Гренадерского полка.

Печатается по: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1394. Л. 10–23 об. 1835 г. Часть 2-я записок (Третья тетрадь).

Автограф из коллекции рукописей Библиотеки Зимнего дворца. Рукопись на больших листах, состоит из четырех тетрадей. Третья тетрадь содержит описание событий междуцарствия и 14 декабря 1825 г.

1. См. наст. изд., с. 40–41, примеч. 57

2. Оболенский Евгений Петрович (1796–1865) — князь, поручик Лейб-гвардии Финляндского полка, старший адъютант дежурства Штаба гвардейской пехоты. Член Союза спасения, Союза благоденствия, один из руководителей Северного общества, один из главных действующих лиц заговора декабристов, активный участник выступления 14 декабря 1825 г. Осужден по 1-му разряду на бессрочную каторжную работу. В 1839 г. переведен на поселение. Амнистирован в 1856 г. Мемуарист.

3. Бистром Карл Иванович (1770–1838) — генерал-лейтенант, командующий всей пехотой Гвардейского корпуса. С 20 декабря 1825 г. — генерал-адъютант, член Верховного уголовного суда. Впоследствии генерал от инфантерии (1831). Бистром являлся непосредственным начальником для командиров гвардейских пехотных частей, к которым в первую очередь относились возглавлявшие сначала бригады Гвардейского корпуса, а затем гвардейские дивизии великие князья Николай и Михаил.

4. Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) — правитель дел канцелярии Российско-Американской компании (с 1824), литератор и издатель, один из руководителей Северного общества и заговора 14 декабря 1825 г., участник выступления на Сенатской площади, осужден вне разрядов на смертную казнь по приговору Верховного уголовного суда, повешен 13 июля 1826 г.

К. Ф. Рылеев жил в доме Российско-Американской кампании на набережной Мойки у Синего моста, где собиралась значительная часть заговорщиков.

5. Подразумевается Якубович Александр Иванович (около 1796–1845) — капитан Нижегородского драгунского полка, в 1818 г. вследствие участия в дуэли переведен из гвардии в Кавказский корпус, имел репутацию храброго офицера и авантюриста. Летом 1825 г. приехал в Петербург для лечения от ран, вскоре сблизился с членами тайного общества. Предложил свои услуги для покушения на жизнь Александра I, что повлекло за собой оживленное обсуждение в руководстве тайных обществ (предложение отвергнуто). Член Северного общества и активный участник заговора в декабре 1825 г. (назначен командующим частями мятежных войск), в день восстания неудачно пытался исполнить роль «переговорщика» между восставшими и Николаем I. Осужден по 1-му разряду на бессрочную каторжную работу. В 1839 г. переведен на поселение.

6. Об установившихся постоянных и оживленных связях М. А. Милорадовича и Якубовича свидетельствуют многие очевидцы. Вероятнее всего, Якубович осуществлял связь между столичным генерал-губернатором и руководящими участниками декабристского заговора.

7. Великий князь Михаил Павлович прибыл в Петербург 3 декабря 1825 г.

8. Речь идет о письмах великого князя Константина Павловича к императрице Марии Федоровне и великому князю Николаю Павловичу от 26 ноября 1825 г., в которых цесаревич подтверждал свое отречение от принадлежащих ему прав на российский трон. Оба письма были приложены к манифесту Николая о вступлении на престол.

9. Версия о неосведомленности Николая Павловича относительно завещательных распоряжений императора Александра I, отраженная в записках и замечаниях Николая I на рукопись книги М. А. Корфа, вступала в противоречие с указаниями мемуаристов, другими документальными свидетельствами (запись журнала Государственного Совета от 27 ноября 1825 г., в которой отразились слова Николая Павловича об известном ему содержании завещательного манифеста Александра I), во многом противоречила собственным воспо-

минаниям Николая I о разговоре с императором Александром I, состоявшемся летом 1819 г.

10. Утверждение автора не вполне точно. Достоверными сведениями о содержании распоряжений Александра I, помимо членов императорской фамилии, владели А. А. Аракчеев, А. Н. Голицын, митрополит Филарет. Слухи о завещании Александра I проникли в русское общество.

11. См. примеч. 8.

12. Лопухин Петр Васильевич (1753–1827) — светлейший князь (1799), действительный тайный советник 1-го класса, министр юстиции (1803–1810), главноуправляющий Комиссией составления законов, председатель Государственного Совета и Комитета министров (1816–1827), председатель Верховного уголовного суда над декабристами.

Письмо Константина Павловича к П. В. Лопухину от 3 декабря 1825 г. было ответом на донесение председателя Государственного Совета о присяге 27 ноября, с приложенной к нему копией журнала Совета. В своем ответе Константин отказывался «принять» присягу и «выговаривал» за нее главе Совета, указывая на незаконность пренебрежения к завещательным распоряжениям Александра I. В приложении к письму были даны копии письма Константина от 14 января 1822 г. и ответного письма Александра I от 2 февраля 1822 г.

13. Фредерикс Александр Андреевич (1788–1849) — барон, полковник Лейб-гвардии Измайловского полка, с 1826 г. флигель-адъютант, впоследствии генерал-лейтенант (1843).

14. Дибич Иван Иванович (1785–1831) — барон, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, начальник Главного штаба с 1823 г., находился в Таганроге вместе с Александром I. Впоследствии граф (1827), генерал-фельдмаршал (1829).

15. Донесение И. И. Дибича от 4 декабря 1825 г. и приложенные к нему копии документов содержали сведения, полученные из доносов А. К. Бошняка (сообщенные И. О. Виттом), А. И. Майбороды и И. В. Шервуда (см. примеч. 18).

16. См. наст. изд., с. 143, примеч. 2.

17. Чернышев Александр Иванович (1785–1857) — граф (с 1826), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, начальник легкой гвардейской кавалерийской дивизии. Член Следственной комиссии. Впоследствии генерал от кавалерии (1826), военный министр (1827–1852), председатель Государственного Совета и Комитета министров (с 1848), светлейший князь (с 1849).

18. Шервуд Иван Осипович (1798–1867) — унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка, входившего в корпус военных поселений (Херсонская губерния). Принят Ф. Ф. Вадковским в члены Южного общества, с провокаторской целью сам принял нескольких офицеров. Награжден за донос переводом в гвардию (Лейб-гвардии Драгунский полк). Однако впоследствии, благодаря своей провокаторской и авантюристической деятельности, лишился доверия полицейских служб, за ложный донос заключен в Шлиссельбургскую крепость (1844–1851), затем состоял под секретным надзором, проживая в Смоленской губернии. Мемуарист.

Майборода Аркадий Иванович (ум. 1844) — капитан Вятского пехотного полка, принятый в 1824 г. в Южное общество Пестелем. Доносчик на декабристов (подал донос в ноябре 1825 г.). Привлекался к следствию в качестве свидетеля. Награжден переводом в Лейб-гвардии Гренадерский полк. Впоследствии полковник, командир полка в Кавказском корпусе. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

В сообщении И. И. Дибича были также использованы данные, полученные от И. О. Витта, опиравшиеся главным образом на сведения, доставленные А. К. Бошняком.

19. Николаев Степан Степанович (1789–1849) — полковник Лейб-гвардии Казачьего полка, был направлен в помощь И. В. Шервуду для захвата бумаг Ф. Ф. Вадковского, в целях получения убедительных доказательств существования тайного общества. Впоследствии генерал-лейтенант, наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска. Автор дневника, посвященного событиям 1825 г.

Вадковский Федор Федорович (1800–1844) — прапорщик Нежинского конно-егерского полка, до 1824 г. служил в Кавалергардском полку, откуда переведен за «вольные» стихи в армию. Член Южного общества. Осужден по 1-му разряду на бессрочную каторжную

работу. С 1826 г. в крепостном заключении, с 1828 г. в Читинском остроге, с 1830 г. в Петровском заводе. В 1839 г. переведен на поселение.

20. Имеются в виду: Волконский Сергей Григорьевич (1788–1865) — князь, генерал-майор. Один из руководителей Южного общества, осужден по 1-му разряду на 20 лет каторжных работ. Переведен на поселение в 1835 г. Амнистирован в 1856 г. Мемуарист; Пестель Павел Иванович (1793–1826) — полковник, командир Вятского пехотного полка. Член Союза спасения (автор его устава), Союза благоденствия, глава Южного общества. Автор проекта государственного устройства России «Русская правда». Казнен по приговору Верховного уголовного суда.

21. Мантейфель Григорий Андреевич (р. 1795) — граф, штабс-ротмистр Кавалергардского полка, адъютант Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора М. А. Милорадовича. 27 ноября 1825 г. отправлен Милорадовичем в Москву с частным письмом московскому военному генерал-губернатору Д. В. Голицыну; в письме сообщалось о состоявшейся присяге императору Константину и запрете на обнародование завещательных актов Александра I. В декабре 1825 г. по повелению Николая I послан в Тульчин (Главный штаб 2-й армии) за доносчиком А. И. Майбородой. На следствии по делу тайных обществ стало известно, что во время этой поездки Мантейфель рассказывал офицерам 1-й армии о планах покушения на Александра I, которые разрабатывали участники тайных обществ, в связи с чем о Мантейфеле собирались показания. К самому следствию не привлекался. С 1 января 1826 г. флигель-адъютант, впоследствии действительный статский советник.

22. Речь идет о Роте Логгине Осиповиче (1780–1851) — генерал-лейтенанте, командире 3-го пехотного корпуса.

23. Упоминаются члены Северного общества и отделения Южного общества в Петербурге. Сведения об их принадлежности к декабристскому обществу поступили Дибичу от А. И. Майбороды и А. К. Бошняка.

Муравьев Никита Михайлович (1795–1843) — в 1825 г. капитан гвардейского Генерального штаба. Один из основателей Союза спасения, один из руководителей Союза благоденствия и Северного общества, автор проекта Конституции. На момент 14 декабря 1825 г. отошел от непосредственного руководства тайными обществами. Осужден по 1-му разряду на 20 лет каторжных работ. В 1835 г. переведен на поселение в Иркутскую губернию. Историк, публицист.

Свистунов Петр Николаевич (1803–1889) — в 1825 г. корнет Кавалергардского полка, руководитель Петербургского филиала Южного общества. Возражал против подготовки военного выступления в декабре 1825 г., указывая на его слабую подготовленность и бесперспективность. Осужден по 2-му разряду на 20 лет каторжных работ. С 1835 г. на поселении. В 1856 г. амнистирован. Мемуарист.

Чернышев Захар Григорьевич (1797–1862) — граф, ротмистр Кавалергардского полка, член Петербургского филиала Южного общества. Осужден по 7-му разряду на 2 года каторжных работ, на поселении с 1828 г. В 1829 г. переведен рядовым на Кавказ. В 1837 г. вышел в отставку.

В донесении И. И. Дибича также упоминались К. Ф. Рылеев, один из братьев Бестужевых, а также ряд участников Южного общества.

24. Речь идет о завещательном манифесте Александра I от 16 августа 1823 г. и письме Константина Павловича к Александру I от 14 января 1822 г.

25. Перечисляются следующие документы: манифест о восшествии Николая I на престол, датированный 12 декабря 1825 г., манифест Александра I от 16 августа 1823 г. с распоряжением о перемене престолонаследия, письмо Константина Павловича к Александру от 14 января 1822 г. с отказом от прав наследования престола, письма Константина Павловича к императрице Марии Федоровне и великому князю Николаю Павловичу от 26 ноября 1825 г. с подтверждением отказа от прав на российский престол. Автор записок не упомянул еще один документ, приложенный к манифесту о восшествии на престол: ответное письмо Александра I Константину Павловичу от 2 февраля 1822 г., в котором был одобрен отказ Константина от наследования.

26. Помета автора говорит о том, что Николай I предполагал описать один из важнейших

эпизодов 12 декабря — свою встречу с адъютантом К. И. Бистрома Я. И. Ростовцевым и содержание принесенного им письма, адресованного великому князю.

Ростовцев Яков Иванович (1803–1860) — подпоручик Лейб-гвардии Егерского полка, старший адъютант дежурства гвардейской пехоты, член Северного общества. Накануне выступления, 12 декабря, явился в Зимний дворец, встретился с Николаем Павловичем и передал ему письмо. И в письме, и в устной беседе просил великого князя отказаться от решения занять российский трон, ссылаясь на опасность мятежа в день присяги и последующих волнений в стране. После 14 декабря Ростовцев стал известен как «друг» заговорщиков, пытавшийся «предупредить» великого князя о грозящей ему опасности и помешать своим товарищам подготовить выступление в гвардии. С 1826 г. состоял при великом князе Михаиле Павловиче, впоследствии генерал-адъютант (1849), начальник Главного штаба по военно-учебным заведениям, близкий к наследнику престола, будущему Александру II, член Государственного Совета (1855), генерал от инфантерии (1859). Председатель Главного комитета по крестьянскому делу и Редакционных комиссий, один из инициаторов крестьянской реформы 1861 г. В 1820-е гг. литератор.

27. Воинов Александр Львович (1770–1832) — генерал от кавалерии, командующий Отдельным Гвардейским корпусом, с 15 декабря 1825 г. генерал-адъютант, член Верховного уголовного суда. В 1826 г. отставлен от должности.

28. Серафим (в миру Глаголевский Стефан Васильевич) (1757 или 1763–1843) — митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский (с 1821), по требованию Николая Павловича был направлен на Сенатскую площадь с целью уговорить мятежников сложить оружие. Его сопровождали: Евгений (в миру Болховитинов Евфимий Алексеевич) (1767–1837), митрополит Киевский и Полоцкий (с 1822), и два иподьякона. Миссия митрополитов закончилась безрезультатно.

29. Младшие дочери Николая Павловича — великие княжны Ольга Николаевна (1822–1892; в замужестве королева Вюртембергская) и Александра Николаевна (1825–1844; в замужестве принцесса Гессен-Кассельская).

30. Мордвинов Николай Семенович (1754–1845) — граф (1834), адмирал (1797), морской министр (1802), участвовал в заседаниях Негласного комитета в первые годы царствования Александра I, председатель Департамента государственной экономии, а с 1818 г. по 1838 г. — Департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета. Член Комитета министров. Пользовался репутацией одного из главных либералов в высшем чиновничестве. Президент Вольного экономического общества. Экономист, публицист, автор многочисленных речей и мнений о необходимости преобразований в социальном и государственном строе. Согласно ряду указаний, Мордвинов был осведомлен о заговоре 14 декабря 1825 г. и его политической цели, выражал согласие поддержать заговорщиков в случае благоприятного исхода выступления (см.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 94–97).

31. Одоевский Александр Иванович (1802–1839) — князь, корнет Лейб-гвардии Конного полка, член Северного общества, участник выступления 14 декабря 1825 г., осужден по IV разряду на 12-летнюю каторжную работу. В 1832 г. переведен на поселение. В 1837 г. разрешено вступить рядовым в Кавказский корпус. Поэт.

32. Жилые покои, которые занимал Николай Павлович, находились в западной части Зимнего дворца, на втором этаже, выходили окнами на здание Адмиралтейства. В 1826 г. переданы старшему сыну Александру Николаевичу.

33. Торжественный молебен, в связи с вступлением на престол Николая Павловича, был назначен первоначально на 11 часов утра 14 декабря, позднее перенесен на 2 часа дня, а затем на вечер, в связи с событиями на Сенатской площади. Молебен состоялся около 7 часов вечера.

34. Орлов Алексей Федорович (1786–1861) — граф (с 14 декабря 1825 г.), генерал-адъютант (1820), генерал-майор (1817), командир Лейб-гвардии Конного полка (с 1819), впоследствии генерал от кавалерии (1833), главный начальник III Отделения Собственной канцелярии и шеф жандармов (1844–1856), председатель Государственного Совета и Комитета министров (1856–1861), князь (с 1856).

35. Сухозанет Иван Онуфриевич (1788–1861) — генерал-майор, начальник артиллерии Гвардейского корпуса (1819–1831), с 15 декабря 1825 г. генерал-адъютант, впоследствии генерал от артиллерии, директор Императорской Военной академии (1832–1854).

36. Эпизод волнений и срыва присяги в казармах гвардейской Конной артиллерии — первый всплеск активности заговорщиков, имевший место ранним утром 14 декабря. Около 9 часов утра, при начале присяги, часть офицеров потребовала разъяснений и отказалась присягать (во главе сопротивления присяге, по данным следствия, стояли пять офицеров, связанных с тайным обществом: И. П. Коновницын, А. В. Малиновский, А. Г. Вилламов, А. И. Гагарин, К. Д. Лукин). Присяга оказалась сорванной, военное начальство было вынуждено арестовать офицеров, однако они вырвались из-под ареста и разъехались из казарм. Позднее некоторые из «бунтовавших» офицеров вернулись в казармы и были арестованы вторично. Подготовка к присяге возобновилась, и через несколько часов усилиями великого князя Михаила Павловича присяга в конной артиллерии состоялась.

37. Великий князь Михаил Павлович прибыл в Петербург утром 14 декабря (около 9 часов). См. его воспоминания, записанные М. А. Корфом: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 56–62.

38. Нейдгардт Александр Иванович (1784–1845) — генерал-майор, начальник штаба Гвардейского корпуса (с 1823). С 15 декабря 1825 г. генерал-адъютант, впоследствии генерал от инфантерии (1841), командир Отдельного Кавказского корпуса (1842–1844).

39. Стрекалов Степан Степанович (1781 или 1782–1856) — генерал-майор, состоял при великом князе Николае Павловиче, с 14 декабря 1825 г. генерал-адъютант, впоследствии действительный тайный советник, сенатор.

40. Апраксин Степан Федорович (1792–1862) — граф, полковник, командир Кавалергардского полка, флигель-адъютант. С 15 декабря 1825 г. генерал-майор. Впоследствии генерал от кавалерии (1843), генерал-адъютант (1830).

41. Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1773–1843) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, главный директор Пажеского, 1-го и 2-го кадетских корпусов, с 1825 г. Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор. Член Следственной комиссии. Впоследствии граф (с 1832), генерал от кавалерии, член Государственного Совета (1826).

42. Прибытков Николай Александрович — штабс-капитан Лейб-гвардии Финляндского полка. Караулы Зимнего дворца 14 декабря занимала 6-я егерская рота (ротный командир — поручик П. И. Греч).

43. Речь идет о 2-й гвардейской пехотной дивизии, которой с марта 1825 г. командовал великий князь Николай Павлович. В ее состав входили Лейб-гвардии Измайловский, Финляндский, Павловский, Егерский полки и Саперный батальон.

44. Эта встреча Милорадовича и Николая не была единственной. Согласно свидетельствам А. П. Башуцкого и И. М. Бибикова, Милорадович приезжал к Николаю Павловичу не менее трех раз, сообщая ему о развитии восстания (см. об этом: *Сафонов М. М.* К изучению событий 14 декабря 1825 года: критический анализ мемуарных свидетельств о М. А. Милорадовиче (А. П. Башуцкий и Р. М. Зотов) // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2005. Вып. 7. С. 332–387).

45. Речь в задуманном автором дополнении должна была идти о Павле Кесаревиче (Ксаверьевиче) Хвощинском (1790–1852) — полковнике, батальонном командире Лейб-гвардии Московского полка. Утром 14 декабря в казармах Московского полка Хвощинский пытался препятствовать возмущению своего батальона, был ранен, подвергшись атаке со стороны заговорщика князя Д. А. Щепина-Ростовского. Раненый Хвощинский прибыл в Зимний дворец; его появление наделало много шума, как очевидное свидетельство начала мятежа. В 1818–1820 гг. Хвощинский был членом Союза благоденствия, но к следствию не привлекался. 21 декабря 1825 г. назначен флигель-адъютантом. Впоследствии генерал-лейтенант.

46. Башуцкий Павел Яковлевич (1771–1836) — генерал-лейтенант, Санкт-Петербургский комендант, с 15 декабря 1825 г. генерал-адъютант, впоследствии генерал от инфантерии и сенатор.

47. Комендантский подъезд Зимнего дворца расположен со стороны Дворцовой площади, вел к служебным помещениям, занимаемым дворцовым комендантом (он же — комендант Санкт-Петербурга).

48. Экзерциргауз (манеж) — здание на Дворцовой площади, предназначенное для военных упражнений.

49. Микулин Василий Яковлевич (1791–1841) — полковник Лейб-гвардии Преображенского полка, командир 1-го батальона, с 15 декабря 1825 г. флигель-адъютант, впоследствии генерал-адъютант (1838), генерал-лейтенант, командир Преображенского полка.

Исленьев Николай Александрович (1785–1851) — генерал-майор, командир Лейб-гвардии Преображенского полка, с 15 декабря 1825 г. генерал-адъютант. Впоследствии генерал от инфантерии (1843).

50. Здание на Дворцовой площади, восточное крыло протяженного комплекса строений т. н. Главного штаба.

51. Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860) — князь, полковник Лейб-гвардии Преображенского полка, дежурный офицер штаба 4-го пехотного корпуса 1-й армии, с начала ноября 1825 г. находился в отпуске в Петербурге. Один из основателей тайных обществ, один из руководителей Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Один из инициаторов заговора 14 декабря 1825 г., избран «диктатором» — высшим военно-политическим руководителем, однако на Сенатской площади не появился. Осужден по 1-му разряду на бессрочную каторжную работу, с 1839 г. на поселении. В 1856 г. амнистирован. Мемуарист.

52. О П. В. Голенищеве-Кутузове и С. С. Стрекалове см. примеч. 41 и 39.

Дурново Николай Дмитриевич (1792–1828) — полковник гвардейского Генерального штаба, флигель-адъютант (1815), начальник библиотеки Главного штаба (с 1824). С 1826 г. правитель канцелярии управляющего Квартирмейстерской частью И. И. Дибича, генерал-майор (1828).

Перовский Василий Алексеевич (1795–1857) — полковник Лейб-гвардии Измайловского полка, адъютант великого князя Николая Павловича. Член Военного общества и Союза благоденствия. Отошел от тайных обществ до 1821 г. С 14 декабря 1825 г. флигель-адъютант. К следствию привлекался, представил объяснительную записку о своих отношениях к тайному обществу. Впоследствии генерал-адъютант (1829), Оренбургский и самарский военный генерал-губернатор, член Государственного Совета, граф (с 1855). Брат министра внутренних дел Л. А. Перовского.

Адлерберг Владимир Федорович (1791–1884) — полковник Лейб-гвардии Московского полка, адъютант великого князя Николая Павловича. С 14 декабря 1825 г. флигель-адъютант, помощник делопроизводителя Следственного комитета по делу декабристов. Впоследствии генерал-адъютант (1828), генерал от инфантерии (1843), член Государственного Совета, министр императорского двора (1852–1870).

53. Кавелин Александр Александрович (1793–1850) — в 1825 г. полковник Лейб-гвардии Измайловского полка, адъютант великого князя Николая Павловича, с 14 декабря 1825 г. флигель-адъютант. Член Военного общества и Союза благоденствия. Привлекался к следствию, написал объяснительную записку о своем участии в тайном обществе. Впоследствии генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1843), Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор (1842–1846), член Государственного Совета.

54. Аничковский дворец — личная резиденция великого князя Николая Павловича в Петербурге.

55. Дети великого князя Николая Павловича: Александр (р. 1818), Мария (р. 1819), Ольга (р. 1822), Александра (р. 1825).

56. Голицын Андрей Михайлович (1792–1863) — князь, флигель-адъютант, полковник гвардейского Генерального штаба, обер-квартирмейстер Гвардейского корпуса. Впоследствии генерал от инфантерии, Витебский, Могилевский и Смоленский военный генерал-губернатор, сенатор.

57. Смертельное ранение, нанесенное М. А. Милорадовичу П. Г. Каховским и Е. П. Оболенским на Сенатской площади, согласно большинству указаний, произошло после 12 часов дня.

58. Лондырь (Лондырев) — рейткнехт Лейб-гвардии Конного полка. Рейткнехт — нижний чин в кавалерии, назначенный для ухода за офицерскими лошадьми.

59. Попытки Якубовича войти в переговоры с Николаем, выступить соединительным звеном (или «парламентером») между властью и восставшими до сих пор вызывают разноречивые интерпретации в исторической литературе. Наиболее убедительно выглядит оценка акции Якубовича как попытки вызвать нового императора на переговоры с мятежной стороной и заставить его пойти на уступки неприсягнувшей части гвардии. См.: *Сафонов М. М.* «Якуб идет»: А. И. Якубович в день 14 декабря 1825 года // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2004. Вып. 6. С. 234–290.

60. Имеется в виду дом князя А. Я. Лобанова-Ростовского, сначала арендованный, а затем переданный Военному министерству.

61. В 1825 г. на месте построенного в 1830-х гг. здания Сената и Синода находились: дом купчихи Кусовниковой и «старый» Сенатский дом (бывший дом канцлера А. П. Бестужева-Рюмина).

62. Бибиков Илларион Михайлович (1793–1861) — полковник Лейб-гвардии Гусарского полка, флигель-адъютант (с осени 1825), директор канцелярии начальника Главного штаба. Серьезно пострадал 14 декабря на Сенатской площади: был избит, когда проходил мимо восставших и возбужденной толпы. Впоследствии генерал-лейтенант. Родственник братьев С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов (женат на их сестре Екатерине), друг С. П. Трубецкого. Мемуарист, автор записки о событиях 14 декабря 1825 г., составленной для М. А. Корфа (14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 134–144). Другая мемуарная записка, судя по всему, была написана Бибиковым вскоре после событий 14 декабря (Там же. СПб., 2004. Вып. 6. С. 56–77).

63. Рота Его Величества — название старшей роты в том полку, шефом которого был император.

64. Титов Николай Александрович — полковник Лейб-гвардии Преображенского полка, с 21 декабря 1825 г. флигель-адъютант, впоследствии генерал-майор.

Игнатьев Павел Николаевич (1797–1879) — капитан Лейб-гвардии Преображенского полка, командир 1-й гренадерской роты, с 21 декабря 1825 г. флигель-адъютант. Впоследствии генерал-адъютант (1846), генерал от инфантерии (1859), член Государственного Совета, Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор (1854–1861), председатель Комитета министров (с 1872), граф (с 1877).

65. Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844) — граф (1823), генерал-адъютант (1819), генерал-лейтенант, с 1819 г. по 1821 г. начальник штаба Гвардейского корпуса, затем начальник 1-й кирасирской дивизии. Член Следственной комиссии. С 1826 г. главный начальник III Отделения Собственной канцелярии, шеф жандармов. Впоследствии генерал от кавалерии, командующий Императорской главной квартирой, сенатор, член Государственного Совета и Комитета министров.

66. Речь идет о части Лейб-гвардии Московского полка, не увлеченной заговорщиками. После прибытия на Сенатскую площадь восставшей части Московского полка (671 человек) в казармах оставались не менее 943 нижних чина. К ним присоединились вернувшиеся в течение дня части, находившиеся в караулах. Всего под началом великого князя Михаила Павловича находились около 900 нижних чинов Московского полка (не считая офицеров). Таким образом, в распоряжении Николая была не меньшая, а большая часть полка (см.: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. М., 1926. С. 175).

67. Имеется в виду Сенатский мост через заключенный в трубу Адмиралтейский (или Крюков) канал.

68. Подразумевается сводный батальон Лейб-гвардии Павловского полка (три роты).

69. Присяга в Лейб-гвардии Измайловском полку сопровождалась беспорядками и сопротивлением со стороны офицеров-заговорщиков, а также солдат 2-й гренадерской роты. По данным следствия, наибольшую активность при волнениях в полку проявляли офицеры Измайловского полка А. Н. Андреев, А. П. Вадбольский, Н. П. Кожевников,

М. П. Малютин, А. А. Фок, а также командир 2-й гренадерской роты И. И. Богданович. Однако, несмотря на сопротивление, присяга была доведена до конца.

70. Левашов Василий Васильевич (1783–1848) — генерал-майор, генерал-адъютант, одно из главных действующих лиц следственного процесса над декабристами. В будущем — граф (1833), генерал от кавалерии, председатель Комитета министров и Государственного Совета (1847–1848).

71. Долгорукий (Долгоруков) Василий Васильевич (1787–1858) — князь, действительный камергер, шталмейстер.

72. Имеется в виду большая часть восставшего Лейб-гвардии Гренадерского полка, возглавляемая Н. А. Пановым. Кроме Панова, в этом отряде восставших лейб-гренадер находились офицеры полка П. Д. Прянишников, А. А. Шторх, Г. Г. Лелякин.

73. Панов Николай Алексеевич (1803–1850) — поручик Лейб-гвардии Гренадерского полка. Член Северного общества, вывел на Сенатскую площадь большую часть 2-го батальона. Осужден по 1-му разряду на бессрочную каторжную работу. С 1827 г. в Читинском остроге, с 1830 г. в Петровском заводе, в 1839 г. переведен на поселение.

74. П. Я. Башуцкий.

75. Мещерский Сергей Иванович (1800–1870) — князь, капитан Лейб-гвардии Гренадерского полка, удержал свою роту от мятежа. С 15 декабря 1825 г. флигель-адъютант, впоследствии генерал-майор Свиты (1835).

76. Стюрлер Николай Карлович (1786–1825) — полковник, командир Лейб-гвардии Гренадерского полка, был тяжело ранен на Сенатской площади П. Г. Каховским. В качестве награды, 15 декабря назначен Николаем I в Свиту (флигель-адъютант), умер в тот же день в доме А. Я. Лобанова-Ростовского.

77. Т. е. несколько нижних чинов из других рот.

78. Автор объединяет разновременные события. Время прибытия роты Лейб-Гренадерского полка под командованием А. Н. Сутгофа — первый час дня, Гвардейского экипажа — около часа дня, отряд лейб-гренадер под командованием Н. А. Панова присоединился к другим восставшим частям в третьем часу дня. Общее количество восставших составило около 3000 нижних чинов (671 нижний чин Лейб-гвардии Московского полка, около 1250 солдат Лейб-гвардии Гренадерского полка, около 1100 нижних чинов Гвардейского экипажа).

79. Мартынов Павел Петрович (1782–1838) — генерал-майор, командир 3-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии. С 15 декабря 1825 г. генерал-адъютант, впоследствии генерал-лейтенант, Санкт-Петербургский комендант. До этого многие годы был полковым командиром Лейб-гвардии Измайловского полка.

80. Шипов Сергей Павлович (1789 или 1790–1876) — генерал-майор, командир Лейб-гвардии Семеновского полка (1821–1825). Член Союза спасения и Союза благоденствия. К следствию не привлекался. Впоследствии генерал от инфантерии (1843), сенатор. Правовед, публицист, мемуарист.

81. Подразумевается Адмиралтейский канал.

82. См. примеч. 28. Согласно данным, полученным в ходе следствия, в переговорах с митрополитом Серафимом участвовали офицеры Гвардейского экипажа (лейтенанты А. П. Арбузов, Б. А. Бодиско, М. К. Кюхельбекер и др.), а также П. Г. Каховский.

83. Речь идет о попытке покушения на жизнь Михаила Павловича, предпринятой Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером (1797–1846) — отставным коллежским асессором, членом Северного общества, издателем, поэтом и литератором. В. К. Кюхельбекер был осужден по 1-му разряду на 20 лет каторжных работ (мера наказания смягчена по просьбе великого князя Михаила Павловича), однако 10 лет провел в крепостном заключении. С 1836 г. на поселении.

84. Т. е. незаточенных.

85. Количество убитых и раненых в Лейб-гвардии Конном полку, по официальным данным, не превышало полутора десятка человек: офицеров и солдат спасали защитные кирасы. 14 декабря в полку был смертельно ранен 1 рядовой, ранены 3 офицера и 8 нижних чинов.

86. Велио Иосиф Иосифович (Осип Осипович) (1795–1867) — барон, полковник Лейб-гвардии Конного полка, командир 2-го эскадрона, тяжело ранен 14 декабря 1825 г. (в результате операции потерял руку). С 15 декабря 1825 г. флигель-адъютант, впоследствии генерал-лейтенант (1845), комендант Царского Села (1846–1867).

87. Данные об атаке или атаках Кавалергардского полка против восставших опровергаются показаниями ряда авторитетных свидетелей; большинство их сообщает лишь об атаках Лейб-гвардии Конного полка. По некоторым данным, в этих атаках участвовал 7-й (запасный) эскадрон кавалергардов под командованием ротмистра И. А. Фитингофа (Из записок Р. Е. Грюневальда // 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 174).

88. См. наст. изд., с. 40, примеч. 55.

89. Согласно данным дневника К. Ф. Толя, именно он сделал предложение использовать артиллерию для разгрома восстания. Вместе с тем этот дневник свидетельствует о том, что решение применить артиллерийский огонь созрело у императора еще до встречи с Толем (см.: Журнал генерал-адъютанта графа К. Ф. Толя о декабрьских событиях 1825 г. СПб., 1898. С. 22–24).

90. Бакунин Илья Модестович (1800–1841) — поручик 1-й гвардейской артиллерийской бригады, командир дивизиона. Впоследствии генерал-майор (1838). Литератор, поэт.

91. Подразумевается Адмиралтейский канал, который часто называли также Крюковым.

92. Очевидно, речь идет о попытке М. А. Бестужева построить солдат в колонну на льду Невы (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 148).

93. Поскольку в Петербурге располагались всего два батальона Измайловского полка (третий находился на загородных квартирах), а ниже речь идет еще об одном батальоне этого полка, — очевидно, следует читать: «2-й батальон».

94. Поскольку в Петербурге располагались всего два батальона Егерского полка (третий находился на загородных квартирах), а ниже речь идет еще об одном батальоне этого полка, — очевидно, следует читать: «2-й батальон».

95. Имеется в виду Эрмитажный театр на Дворцовой (Большой) набережной.

Подготовка текста и комментарии П. В. Ильина

Выписка из письма неизвестного к наместнику Финляндии графу А. А. Закревск[ому][1] от 15 <в ночь на 16> 12. 1825 г. из С.-П[етер]б[урга] в Гельсингфорс

Вчера приводили к присяге полки Гвардейс[кого] корпуса. 2 роты Московского, более батальона Гренадерского и весь Гвард[ейский] экипаж, будучи возмущены[2] некоторыми своими офицерами и молодыми штатскими и отставными военными либералами, не согласились присягнуть Государю и предводительствуемые зачинщиками выступили <из своих казарм>[a]. Проходя с шумом по улицам, с криком: ура Константин!, увлекали с собою легкомысленную чернь и тех из других классов молодых людей, равных с ними мнений, или невольно им попадавшихся, собрались на Исакиевской площади[3] против Сената. Граф Милорадо-

[a] Здесь и далее текст, вписанный автором позднее на полях документа или в низу листа, приводится в угловых скобках.

вич тотчас поехал к ним (NB: верхом) увещевать; но лишь только приблизился и начал говорить, как пущен в него выстрел, которым он ранен смертельно и сего дня ночью умер[4]. <Говорят, убил Милорадовича пистолетным выстрелом один из мятежников ст[атский] совет[ник] Грабе-Горский, бывший Кавказский вице-губернатор, служивший некогда в артиллерии>[5]. Ранены также бунтовщиками генералы Шеншин, Фридрихс[6] и полков[ник] Стюрлер, сей последний весьма тяжело, но еще жив. <Стюрлер скоро умер>[7]. Узнав о сем происшествии, Государь вышел тотчас к собравшимся около дворца (NB: Зимнего) толпам народу. Говорил с ними сильно и убедительно[8]; вслед за тем пришел 1-й бат[альон] Преображенский; Государь говорил и с ним и, получив отзыв несомненной верности, повел его против бунтовщиков[9]. По приходе на место <к дому княгини Лобановой[10]> посланы были два, один за другим, парламентера[11], но они с угрозами и ругательствами были прогнаны прежде, нежели приблизились. Между тем пришли баталион Московс[кого], конная гвардия, кавалергарды, конные пионеры, павловцы, окружили мятежников[12]. Государь предлагал им сдаться, обещая прощение, но тщетно. Человеколюбивый монарх, избегая пролития крови заблудившихся своих подданных, не решался долго прибегнуть к силе оружия верных полков своих; но когда в виду Его величества генерал Воинов, подъехавший на пистолетный выстрел к мятежникам, в намерении говорить с ними, был с ругательствами прогнан и почти опрокинут поленьями дров[13], то Его величество приказал двинуться Конной гвардии и кавалергардам, и почти в то же время сделал сильную атаку Конно-пионерный эскадрон[14]. Но сильный батальонный огонь из мятежнического каре остановил бесполезный натиск кавалерии и только ободрил более еще гнусных возмутителей и подлую чернь, их окружавшую. В то время прискакала 1-я бригада Гвардейс[кой] конной артиллерии. 5 или 6 выстрелов из орудий картечью <первый (выстрел) в скорби произвел сам генерал[b] Сухозанет[15]> разогнали, рассыпали мятежников, кавалерия пустилась преследовать бегущих; более ста возмутителей положено на месте[16], прочие спасались бегством, чрез Неву (и именно Лейб-гренадеры, в свои казармы[17]), в Сенатский дом и в дом графа Лаваля, откуда их потом вытаскивали. Московские две роты были первые и жесточе прочих возмутителей. Предводительствуемые кн[язем] Оболенским (ст[аршим] ад[ъютантом] Карла Ив[ановича] Бистрома[18]) и Бестужевым (адъютантом герцога Виртемб[ергского], и братом его, Бестужевым отставным, известным по своим сочинениям[19], они, проходя по улицам, кричали: ура Константин!, тащили с собою или били встречающихся, несмотря ни на их звания, и в самом сопротивлении оказывали оное[c] более прочих, ободряя тем и прочих своих единомышленников. Возмущение началось в первом часу утра, <то есть пополудни>[20], и продолжалось до сумерек, когда пушечные выстрелы разогнали злонамеренных. Всю ночь ловили их и отыскивали. Всю ночь кавалерия и пехота гвардейская стояла на биваках вокруг Зимнего дворца, вдоль Булевара[21] и по Исакиевской площади. По всем улицам, к сим местам примыкающим, расставлены были пикеты — цепи; сильные партии патрулей разъезжали по городу, и сегодня только поутру часу в 10-м

---

[b] Одно слово не разобрано.

[c] Слово вписано над строкой, читается предположительно.

войски распущены. 14-е число декабря будет незабвенно в летописях здешней столицы и всей России. Я был личным всего почти <NB: происшествий> свидетелем и признаюсь в моей безрассудной смелости или неосторожности. А во время самого батальонного огня был на выстреле, и в первый раз в жизни свист ружейных пуль касался ушей моих.

Кроме упомянутых зачинщиков взяты: главнейший, капитан Московского полка князь Щепин-Ростовский, Рылеев сочинитель, издатель Север[ной] пчелы Булгарин <о Булгарине это известие не подтвердилось> (по оговору)[22], кон[ной] гвардии офицер князь Оболенский[23], убивший, как говорят, из своих рук графа Милорадовича[24], Лейб-гренадер[ского] полка Панов[25], Московского Сутгоф[26] и прочие, и прочие военные и штатские, в том числе князь Сергей Петрович Трубецкой, приехавший недавно из Киева[27]. <После получил известие, что сей князь, женатый на дочери графа Лаваля, быв представлен к Гос[ударю], отрекался в соучастии мятежу: но когда показали ему писанную его рукой конституцию[28], тогда во всем сознался и просил токмо Гос[ударя], чтобы сохранена была ему жизнь>[29]. Все они, и зачинщики, и связанные, были представляемы Государю и потом отсылались в Петропавловскую крепость.

Экипаж раскаялся и прощен[30], Лейб-гренадеры на коленах вновь присягали и прощены[31]; московские в крепости[d, 32].

В декабре 1825 г. слышал я от Закр[евского], что в некоторое время 1822 года Александр получил много тайных вестей относительно суждений о его правлении и сказал тогда же кн[язю] Волкон[скому][33]: «Я ленив, мало занимаюсь, я не хорош, но когда меня не будет, то будут жалеть о мне и вспоминать».

Ввечеру 18 декабря 1825 г. фельдъегерь офицер Яблонский привез в Свеаборгскую крепость для содержания здесь капитан-лейтенанта Торсона[34], который служил адъютантом у начальника Морского штаба и во время бунта был с ним во дворце. Когда же возвратился в квартиру, то нашел там Бестужева, который просил его скрыть себя. Торсон отвечал, что не имеет места, но позволил Бестужеву у себя переночевать. Бестужев на другой день вышел из сего убежища, схвачен и спрошен, где провел ночь. За это Торсон посажен в крепость[35]. Быв до отсылки представлен Государю, Торсон сказывал, что офицеры Экипажа и многие другие имеют в Петербурге общество, подобное существующему в Бразилии (где он бывал), учрежденное там с позволения Правительства[36]. <...>

Получен вопрос от военного министра[37] от 26 декабря 1825 [г.], сколько поместится[e] людей в крепостях Выборгской и Кексгольмской арестантов нижних чинов? А оных находится 700 человек. Ответствовано: в Выборге 200 и в Кексгольме 300. <...>

Публикуется по автографу: РГИА. Ф. 958 (П. Д. Киселева). Оп. 1. Д. 762. Л. 1–3. Заголовок оригинала. Текст представляет собой копию реального письма, синхронную времени его создания. Характер правки и уточняющих пояснений к

---

[d] Далее обрывается собственно рассказ о «возмущении» 14 декабря, и следует — в более поздней записи — фиксация других происшествий этого времени, слухов и анекдотов об Александре I, междуцарствии, аресте и заключении некоторых декабристов.

[e] Слово читается предположительно.

тексту позволяет предположить, что «выписка из письма» могла быть сделана автором того же письма. Судя по характеру пояснений, вставленных в первоначальный текст, дополнения производились в течение нескольких дней после даты, указанной в письме, когда стали известны детали, о которых наблюдатель не мог знать 15–16 декабря. Можно предположить причастность к этому документу, но не к составлению неизвестного нам оригинала письма, а к его распространению, одного из братьев Булгаковых, Константина Яковлевича, Санкт-Петербургского почт-директора. По службе ему приходилось заниматься перлюстрацией, часто он снабжал любопытными сведениями из перлюстрированных писем свое окружение, включал их в собственные дневники. Фрагмент записок его старшего брата, московского почт-директора А. Я. Булгакова, включивший описание событий междуцарствия, опубликован (*Булгаков А. Я.* «Современные происшествия...» // Старина и Новизна. 1917. Кн. 22. С. 100–147. Оригинал: ОР РНБ. Ф. 526 (Общество любителей древней письменности), журнал за 1825–1827; РГАЛИ. Ф. 79. Д. 4–19; машинописная копия первой части записок А. Я. Булгакова находится в РГИА: Ф. 747. Оп. 1. Д. 194 (см.: Л. 45–52: описание событий 14 декабря в Петербурге, в основном, по слухам и информации брата). А. Я. Булгаков, составляя свои записки, часто пользовался информацией младшего брата.

Сам К. Я. Булгаков был близок с А. А. Закревским с 1818 г., а с момента назначения последнего генерал-губернатором Финляндии состоял с ним в переписке (см. РГИА. Ф. 660 (Закревского). Оп. 1. Д. 99: Письма К. Я. Булгакова за 1822–1827; 1829–1831 гг.), частично напечатанной Н. Ф. Дубровиным в составе бумаг Закревского в Сборнике Русского императорского исторического общества. Предположение о том, что К. Я. Булгаков причастен к публикуемому письму, подкрепляет тот факт, что существует содержательно близкое публикуемому письмо К. Я. Булгакова — А. А. Закревскому от 23 декабря, как бы продолжающее репортаж о возмущении в Петербурге (РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 99. Л. 100–101. То же: Сборник РИО. М., 1891. Т. 73. С. 392–393). Здесь К. Я. Булгаков, в частности, повторяет версию о гибели Кюхельбекера, транслирует петербургские слухи о возможном назначении Закревского военным губернатором столицы вместо убитого Милорадовича. Сам Закревский к тому времени готовился прибыть из Великого княжества Финляндского в Петербург, где с 18 декабря «для поправления здоровья» уже находилась его супруга, Аграфена Федоровна. 31 января 1826 г. он приехал в столицу (Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 78. С. 186). Выписка из письма, полученного Закревским в Гельсингфорсе, могла быть сделана как после его прибытия в Петербург, так и раньше.

Таким образом, корреспондент Закревского — очевидец 14 декабря, т. к. в записи переданы некоторые личные впечатления, но, безусловно, человек невоенный. Об этом свидетельствует характеристика декабристов как «военных либералов» и сам характер описания, в котором отсутствуют сведения о передислокации войск обеих сторон в день мятежа, что не упустил бы отметить ни один участник событий из числа офицеров. Автор допускает много фактических неточностей, путая названия полков, должности и звания. Прямым признанием непринадлежности к армии являются его слова: «и в первый раз в жизни свист ружейных пуль касался ушей моих», при описании ответного огня со стороны мятежников.

По своему происхождению данный текст представляет собой даже не копию, а сокращенную выписку письма, автор и адресат которого названы. Гораздо труднее определить источник последующих записей или выписок, сделанных тем же почерком, со множеством сокращений. Это записи еще нескольких «происшествий», слухов и анекдотов, близких по времени междуцарствию и выступлению декабристов. На их принадлежность тому же Булгакову указывает фраза «слышал я от Закревского».

1. Закревский Арсений Андреевич (1787–1865) — генерал-адъютант, в 1815–1819 гг. дежурный генерал Главного штаба, с 1823 г. Финляндский генерал-губернатор, член Верховного уголовного суда. У Закревского во время его службы Финляндским генерал-губернатором было много постоянных корреспондентов в Петербурге (см. опубликованный Н. Ф. Дубровиным архив Закревского: Сборник РИО. Т. 73; Т. 78).

2. В выступлении на Сенатской площади участвовали почти в полном составе четыре роты Гвардейского Московского полка: 2-я фузилерная рота, находившаяся под командованием А. А. Броке, 3-я фузилерная под командованием М. А. Бестужева, 5-я и 6-я фузилерные роты — В. Ф. Волкова и Д. А. Щепина-Ростовского. В казармах остались 1-я фузилерная, 2-я гренадерская, часть 1-й гренадерской роты и 4-я фузилерная рота. Впоследствии к выступившим присоединилась большая часть личного состава Гвардейского Морского экипажа и солдаты 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й рот Лейб-гвардии Гренадерского полка (не в полном составе).

3. Это не оговорка, а обычное указание. Все три площади — Петровская (Сенатская), Дворцовая и Исаакиевская — воспринимались как единое пространство. Ср. в записке неизвестного: (наст. изд., с. 199), место действия также обозначено как Исаакиевская площадь.

4. Об обстоятельствах появления М. А. Милорадовича перед мятежниками и его ранении показания свидетелей, как с правительственной стороны, так и со стороны декабристов, почти совпадают. Следственная комиссия получила исчерпывающие доказательства того, что генерал был смертельно ранен выстрелом П. Г. Каховского. Оперировавший М. А. Милорадовича В. М. Петрашевский, кроме пулевого ранения, освидетельствовал проникающую колотую рану, нанесенную сзади, «в правый бок, близ поясничных позвонков», которая также была опасной, т. к. были задеты внутренние органы (ВД. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 277). Эту рану нанес шпагой Е. П. Оболенский, который под следствием всячески преуменьшал серьезность нанесенной им раны и уверял, что, желая испугать и развернуть лошадь, случайно задел Милорадовича (Там же. С. 233, 285; ср.: Воспоминания Е. П. Оболенского, в записи Е. И. Якушкина // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 259, 248).

5. Грабя-Горский (Друцкий-Горский) Осип-Юлиан Викентьевич (1766–1848) — ветеран наполеоновских войн, отставной полковник артиллерии, кавказский вице-губернатор, старший советник. Управляя Кавказской губернией, в 1822 г. был обвинен в служебных злоупотреблениях. В 1825 г. в Петербурге находился по своим тяжебным делам. Случайно оказался на площади, но был вооружен, произносил «подстрекательские речи» в пользу Константина. Есть сведения о том, что И. И. Пущин предложил ему командовать восставшими солдатами, но Горский отказался (ВД. М., 1979. Т. 15. С. 103). В. А. Жуковский в письме А. И. Тургеневу также писал о нем как об откровенном «бунтовщике», хотя нарисованная им картина малоправдоподобна: «Грабэ-Горский... уселся между двумя столами, накладенными множеством пистолетов, хладнокровно их заряжал и раздавал окружающим» (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 217). Агрессивное поведение Горского на площади, очевидно, и дало повод автору публикуемого письма приписать ему выстрел в Милорадовича. На следствии Горский все решительно отрицал, считая себя случайной жертвой процесса, однако был внесен в Алфавит декабристов. О. В. Грабя-Горский не был предан Верховному уголовному суду, а отправлен на вечное

поселение в Березов Высочайшим распоряжением, что, как предположил А. В. Предтеченский, не было прямо связано с его участием в восстании (*Предтеченский А. В.* О. В. Горский и его «Записка»: (По неизданным материалам) // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. 2. С. 165–193). Из ссылки Грабя-Горский подавал прошения об облегчении своей участи, в которых он касался только своих долгов казне, но не декабрьских событий 1825 г. (см.: РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3699).

6. Шеншин Василий Никанорович (1784–1831) — генерал-майор, генерал-адъютант, командующий 1-й гвардейской Пехотной бригадой. Фредерикс (Фридерихс) Петр Андреевич (1786–1855) — генерал-майор, командир Лейб-гвардии Московского полка. Первый получил несколько сабельных ударов, второй был тяжело ранен в голову утром 14 декабря Д. А. Щепиным-Ростовским (ВД. М., 1980. Т. 17. С. 56; Воспоминания М. А. Бестужева // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 271).

7. Стюрлер Николай Карлович (1786–1825) — полковник, командир Лейб-гвардии Гренадерского полка. 15 декабря 1825 г. пожалован флигель-адъютантом. Стюрлер пытался удержать уже двигавшиеся к мятежникам роты своего полка и следовал за ними, уговаривая солдат. «Фридерикс и Стюрлер, — замечал С. П. Трубецкой в своих мемуарных записках, — бывшие нелюбимы больше прочих [полковых командиров], не могли удержать вверенных их начальству» (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 254). На Сенатской площади Стюрлер был смертельно ранен П. Г. Каховским выстрелом из пистолета. Показания Н. А. Сутгофа (ВД. Т. 1. С. 349) и др. свидетельствуют, что стрелял именно Каховский. Есть сведения о том, что Стюрлеру были нанесены и рубленые раны. Поручик Лейб-гвардии Гренадерского полка В. И. Зальца показал, что Е. П. Оболенский ударил Стюрлера «два раза саблей по голове», о чем ему рассказывал сам Стюрлер, умирая (Там же. С. 275–276). Оболенский это отрицал (Там же. С. 280, 286, 460). В. Р. Каульбарс в своем дневнике отмечал, что «Стюрлер был прострелен в грудь навылет тем же Каховским и, кроме того, ранен в спину штыковыми ударами двумя унтер-офицерами своего же полка» (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 155). О ранении Стюрлера Оболенским см. в записках В. И. Фелькнера (Там же. С. 186–188). После смерти Н. К. Стюрлера, последовавшей 15 декабря, Николай I распорядился выдать семье покойного 7200 рублей, однако по неизвестным причинам (возможно, из-за долгов Стюрлера, сделанных во Франции, откуда он вступил в русскую службу) выполнение этого распоряжения было отложено. Уже в августе 1826 г. по прошению отца Стюрлера, поверенного России в Швейцарии, вдова и дети Стюрлера получили пособие (РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Св. 118. Д. 41).

8. См. об этом эпизоде в записках Николая I: «Надо было выиграть время, чтобы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным». Николай, по собственному выражению, взялся читать Манифест о воцарении, «тихо и протяжно, толкуя каждое слово» (см.: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 39). Многие мемуаристы (А. П. Башуцкий, П. С. Деменков, В. Р. Марченко) говорят о том, что Николай вышел к народу «совершенно один», при этом народ на Дворцовой площади, его окруживший, выражал преданность, благоговение и со вниманием слушал (Там же. С. 114, 118, 323, 349).

9. Николай I произнес перед прибывшим на Дворцовую площадь около 12 часов 1-м батальоном Преображенского полка речь и убедился в спокойствии солдат. Эти минуты испытания он впоследствии назвал «единственными в жизни» (14 декабря 1825 года и его истолкователи: Герцен и Огарев против барона Корфа. М., 1994. С. 328). Волнение Николая понятно, т. к. за несколько часов перед тем гренадерский взвод 1-й Его Величества роты, находясь в карауле дворца, был приведен к присяге, но присягнуть отказался. Потребовались личные объяснения Николая, после чего солдаты все-таки присягнули.

Батальон преображенцев двинулся от комендантского подъезда Зимнего дворца мимо строящегося здания Министерства финансов по Адмиралтейскому бульвару, до угла Вознесенского проспекта, предводительствуемый самим Николаем, полковым командиром Н. А. Исленьевым и полковником В. Я. Микулиным.

10. Дом К. И. Лобановой-Ростовской (современный адрес: Адмиралтейский пр., 12) был в 1824 г. арендован Военным министерством, впоследствии выкуплен в казну.

11. Не ясно, кого из лиц, «увещевавших» мятежников, имеет в виду автор письма. После Милорадовича к каре подъезжали последовательно: командующий Гвардейским корпусом А. Л. Воинов, А. И. Якубович, Н. Д. Дурново, несколько унтер-офицеров Преображенского полка, после неудачных кавалерийских атак — митрополиты Серафим и Евгений, великий князь Михаил Павлович, И. О. Сухозанет.

12. После 1-го батальона Преображенского полка к Сенатской площади подтягивались верные Николаю войска в таком порядке: Лейб-гвардии Конный полк почти в полном составе, 2-й батальон Преображенского полка, Кавалергардский полк, два эскадрона коннопионеров, Семеновский полк, Павловский полк, приведенный полковым командиром полковником А.Ф. Арбузовым. Сводный батальон Московского полка (641 человек), собранный из солдат, оставшихся в казармах, привел на площадь великий князь Михаил Павлович уже после 14 часов. Последними подошли Измайловский и Егерский полки. Схему размещения войск см.: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 348.

13. А. Л. Воинов вслед за Милорадовичем пытался уговаривать солдат разойтись. В течение дня он несколько раз приближался к каре и к колонне гвардейских моряков, но без результата. По многочисленным свидетельствам, во время этих перемещений он был избит толпой.

14. Атаки тяжелой кавалерии происходили между 13 часами 30 минутами и 14 часами одновременно со стороны Сената и со стороны Адмиралтейства. См. об этом: Воспоминания И. И. Велио, воспоминания и дневник В. Р. Каульбарса, воспоминания А. А. Суворова (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 148–149, 155, 165, 325; *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 304–308). Коннопионерный эскадрон был поставлен в начале Английской набережной, рядом с 1-м и 2-м эскадронами Конного полка, и пытался атаковать фас каре, обращенный к Неве, но из-за выстрелов был вынужден отступить (см.: Воспоминания М. А. Бестужева // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 273).

15. И. О. Сухозанет, по его собственному свидетельству, дважды предлагал Николаю разогнать мятежное каре артиллерией, затем сам ездил к мятежникам с предложением «прощения», прежде чем получил приказ открыть огонь. И. О. Сухозанет описывает картечную стрельбу, но, по его словам, команду открыть огонь отдал сам Николай (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 89). Это подтверждает и К. Ф. Толь (Там же. С. 93). В действительности, у первого орудия, канонир которого в растерянности не мог выстрелить по «своим», стоял поручик И. М. Бакунин, командир первых трех орудий, который и сделал первый выстрел.

16. О количестве погибших, в том числе из мятежных полков, нет точных сведений; полковое расследование, недосчитавшееся нижних чинов после 14 декабря, опасалось, что части солдат удалось бежать или скрыться. Также не известно, сколько трупов солдат было убрано в ночь после восстания с площади, т. к. этим занимались разные команды. Так или иначе со стороны восставших общее число жертв равнялось 83: убитыми и пропавшими без вести числились 33 человека, ранено и вскоре умерло от ран 8 человек, ранено еще не менее 42 нижних чинов (*Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. М., 1926. С. 191–192). Число жертв с правительственной стороны было известно (см.: Ведомость о числе людей и лошадей, убитых и раненых 14 декабря 1825 г. в войсках, бывших при Его Императорском Величестве и впоследствии от ран умерших по сие число, 24 декабря 1825 г. // Былое. 1907. № 3. С. 199). Гораздо больше пострадало гражданского населения, т. к. толпа народа, окружавшая мятежное каре, оказалась во время атак и артобстрела запертой между правительственными войсками и восставшими. Здесь убитых, раненых, погибших в давке было, по сведениям очевидцев, гораздо больше — от сотни, до нескольких сотен (см.: Дневник В. Р. Каульбарса // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 158). В памяти Н. А. Бестужева запечатлелась трагическая картина расстрела: «Сотни скошенных картечью жертв свободы. ...В промежутках между выстрелов можно было слышать, как кипящая кровь струилась по мостовой, растопляя снег, потом, сама алея, замерзала» (*Бестужев Н. А.* 14 декабря 1825 года // *Бестужев Н. А.* Сочинения и письма. Иркутск, 2003. С. 125)

17. Лейб-гренадерский полк размещался в Петровских казармах на Большой Невке, Карповке и по Большой Вульфовой улице (ныне ул. Чапаева).

18. В декабре 1825 г. Е. П. Оболенский был старшим адъютантом К. И. Бистрома, командующего гвардейской пехотной дивизией. Действительно, 14 декабря он являлся одним из самых деятельных участников тайного общества: утром побывал в Гвардейском экипаже, Измайловском, Егерском, Семеновском и Московском полках, дважды являлся на квартире у Рылеева, съездил в Конную артиллерию и Преображенский полк. Узнав, что Московский полк выступил, присоединился к восставшим (*Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. С. 225, 231, 238–239). Чрезвычайно активно действовал на Сенатской площади: выставил «заградительную цепь» со стороны Адмиралтейской площади, препятствовал Милорадовичу говорить с восставшими и ранил его, возможно, ранил Н. К. Стюрлера, в четвертом часу на площади был избран «диктатором» вместо С. П. Трубецкого. Очевидцы оценивают Оболенского как отъявленного «злодея». А. Н. Оленин, описывая произошедшее, дал такую характеристику: «Оболенский отличился таким неистовством, что самочинно рубил, кто ему под руку попадался» (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 207).

19. Никто из братьев Бестужевых на 14 декабря 1825 г. в отставке не состоял. Известным по своим сочинениям считался А. А. Бестужев (1797–1837), но он не покидал службу. В 1825 г. он штабс-капитан Лейб-гвардии Драгунского полка, адъютант принца Александра Вюртембергского, главноуправляющего путями сообщений.

20. Взбунтовавшиеся роты Московского полка покинули казармы около половины одиннадцатого.

21. Т. е. Адмиралтейского бульвара, проходящего вдоль фасада Адмиралтейства.

22. Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) — писатель, издатель газеты «Северная пчела» (1825–1829). О связях Булгарина с Рылеевым и его личных отношениях со многими из декабристов-литераторов было хорошо известно. Булгарин бывал в квартире Рылеева в дни перед выступлением, что дало повод (как и в случае с О. М. Сомовым) заподозрить Фаддея Венедиктовича в связях с «карбонариями». Всей своей дальнейшей деятельностью Булгарин постарался реабилитировать себя в глазах правительства. См.: Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Подгот. текста и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998.

23. Ошибка: Е. П. Оболенский служил в Лейб-гвардии Финляндском полку.

24. Рана, нанесенная Е. П. Оболенским, была опасной, но не смертельной. Причиной смерти М. А. Милорадовича стало пулевое ранение. См. примеч. 4.

25. См. наст. изд., с. 177, примеч. 73. См. также: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. С. 178; Воспоминания В. И. Фелькнера // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 180, 181, 185).

26. Ошибка: Сутгоф Александр Николаевич (1801–1872) был поручиком Лейб-гвардии Гренадерского полка, командиром 1-й фузилерной роты, которую и присоединил к восставшим.

27. См. наст. изд., с. 175, примеч. 51.

28. Под «конституцией» имеются в виду «Манифест к русскому народу» и «Предположения для начертания Устава Славяно-Росской империи», изъятые при обыске в кабинете Трубецкого.

29. Допрос Трубецкого ярко изложен Николаем I в 4-й тетради своих записок (см. наст. изд., с. 270–271; 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 335). По свидетельству Михаила Павловича, когда он за полночь вошел к Николаю, чтобы доложить об осмотре караулов, то застал момент допроса: Трубецкой стоял перед императором на коленях. (14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 62). Ср. с описанием первого допроса, изложенным в «Записках» Сергея Петровича (*Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 252–255).

30. Отобранные у мятежных полков знамена поздно вечером были принесены во дворец. Михаил Павлович свидетельствовал, что моряки слушали его вежливо, когда он подъезжал к каре «увещевать» (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 59). Когда

Кюхельбекер готов был выстрелить в великого князя, три матроса — Сафон Дорофеев, Матвей Федоров и Алексей Куроптев — не дали ему этого сделать. «Спасение» члена царской фамилии, возможно, смягчило отношение Николая I к Гвардейскому экипажу, и утром следующего дня ему были возвращены знамена, а число арестованных и наказанных матросов, участников выступления, было невелико. Матросы, проявившие «преданность», были награждены деньгами.

31. Версия о «прощении» солдат Лейб-гвардии Гренадерского полка повторяется и другими современниками, но она неосновательна. О взысканиях и репрессиях в отношении замешанных в выступлении нижних чинов полка см.: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. С. 178, 196.

32. В ночь на 15 декабря в Петропавловской крепости, согласно рапорту ее коменданта полковника А. Я. Сукина, находилось 246 нижних чинов Лейб-гвардии Гренадерского полка, 246 — Лейб-гвардии Московского и 44 матроса Гвардейского Морского экипажа. Большинство «рассеявшихся» нижних чинов трех мятежных полков возвращались в свои казармы и отправлялись на полковые гауптвахты. Николай I, еще не зная точного числа арестованных солдат, писал в половине первого ночи Константину: «Большинство возмутившихся солдат уже возвратилось в казармы, за исключением около 500 человек из Московского и Гренадерского полков, схваченных на месте, которых я приказал посадить в крепость; прочие, в числе 38 человек Гвардейского экипажа, тоже там, равно как и масса всякой сволочи (menue canaille), почти поголовно пьяной» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 146).

33. См. наст. изд., с. 48–49, примеч. 1.

34. Торсон Константин Петрович (1800–1851) — капитан-лейтенант, адъютант начальника Морского штаба барона А. И. фон Моллера, член тайного общества Гвардейского экипажа.

35. К. П. Торсон не участвовал в подготовке выступления и событиях 14 декабря. В его доме на Галерной улице после разгрома восстания несколько часов скрывался М. А. Бестужев, но он был арестован позже Торсона. Приказ об аресте Н. А. Бестужева был отдан утром 15 декабря. Первым, кто назвал Торсона на следствии и вызвал его арест, был А. П. Арбузов. С конца декабря Торсон действительно находился в заключении в Свеаборгской крепости.

36. В связи со знакомством с Д. И. Завалишиным К. П. Торсону задавались вопросы об Ордене Восстановления. См.: *Шешин А. Б.* 1) Основание Ордена Восстановления // 4 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 1997. Вып. 1. С. 32–46; 2) Устав Ордена Восстановления // Там же. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 139–174.

37. Военным министром был А. И. Татищев (1762–1833) — граф, генерал от инфантерии.

Подготовка текста и комментарии Т. Н. Жуковской

Воцарение императора Николая I. По материалам Архива МИД: депеша посла Французского королевства П.-Л.-О. графа де Лаферронэ[1] управляющему Министерством иностранных дел Российской империи К. В. Нессельроде[2]. 30 января 1826 г.

Нижеподписавшийся, посланник и уполномоченный Франции, подтверждает получение ноты[3], которую Его Превосходительство граф Нессельроде оказал мне честь направить 29 января, и к которой приложено краткое изложение всех тех

разоблачений, уже осуществленных Следственной комиссией, учрежденной Его Величеством императором[4] с тем, чтобы произвести допросы и дознание в отношении тех подозреваемых, кои находятся на положении арестованных вследствие событий, имевших место 14 декабря.

Нижеподписавшийся не замедлит переслать вышеуказанное известие своему двору, известие тем более важное, что делает очевидным намерение, каковое вынашивали зачинщики гнусного заговора, и те воистину страшные способы, воспользовавшись каковыми, они дерзали надеяться снискать успех, и отныне он, нижеподписавшийся, уже далек будет от бывших в недавнем прошлом беспокойств насчет последствий великого сего покушения. В то же время известие позволяет утешаться надеждою, что ежели некоторые молодые люди, сбитые с толку пагубными заблуждениями, имели несчастие позабыть о долге, то за минутным помрачением умов воспоследует искреннее раскаяние, и что истинное число повинных в сем на самом деле окажется не столь уж великим.

То, что позволяет выразить эту надежду, обретает черты убеждения в том, что перед Россией открывается наисчастливое будущее под эгидою государя, который выказал себя столь справедливым и столь великим при тяжких сих обстоятельствах; благодаря этому тем большее значение приобретает известие, ныне обращенное к союзным дворам[5], которые сумеют вполне оценить это новое доказательство благородного чистосердечия Его Величества императора.

Аудиенция, данная Его Величеством прибывшему в Петербург со специальной миссией виконту де Сен-При[5], и слова, сказанные при вручении ему королевского послания, вселяют немалую уверенность в том, что обнаруживаемая государем мудрость и твердость перед лицом тяжких испытаний явится залогом скорейшего восстановления желанного спокойствия и конечного преодоления кризиса в интересах Европы и союзных дворов.

Нижеподписавшийся пользуется случаем принести Его Превосходительству графу Нессельроде уверение в своем глубоком уважении.

Граф де Лафферонэ

Публикуется впервые по: Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1826. Оп. 468. Д. 3924. Л. 8–8 об. Документ на французском языке, подпись-автограф. Перевод с французского.

Манифест от 12 декабря 1825 г., которым Николай I объявил о своем восшествии на престол, положил конец времени междуцарствия, продолжавшегося со дня кончины императора Александра I 19 ноября и непосредственно предшествовавшего восстанию в Петербурге. Манифест был подписан 13 декабря, но помечен был 12 декабря; датой же своего вступления на престол император повелел считать 19 ноября 1825 г. Текст манифеста («завещания») Александра I, письма, которыми обменивались великий князь Николай и его брат цесаревич Константин Павлович, были приложены к манифесту о воцарении нового императора.

Междуцарствие, воцарение и «гибельные» события в столице России имели и международное значение, и поэтому (дабы рассеять всяческие сомнения о закон-

ности прихода к власти Николая I, а также — исключить распространение слухов об обстоятельствах междуцарствия в России) главам государств и правительств были направлены известительные грамоты и письма, а к ряду иностранных дворов, связанных с Российским Императорским домом династическими узами, были посланы специальные миссии, призванные разъяснять суть только что произошедших событий. В первых циркулярах управлявшего российским Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде дипломатическим представителям России за границей и членам дипломатического корпуса в Петербурге подтверждалась приверженность государственным принципам, воспринятым от прежнего царствования, стремление сохранить союзнические обязательства с другими государствами (в первую очередь с державами Европы), основанные на сохранявших свою силу договорах.

Иностранные дипломаты в Петербурге уделяли особое внимание воцарению нового императора в России и связанной с этим проблеме междуцарствия, основываясь на официальных сообщениях главы российского МИД графа Нессельроде. В донесениях дипломатов проявлялась озабоченность тем, что престолонаследие в России во многом зависело, по их мнению, от присяги придворных чинов и гвардии новому монарху, а не покоилось на твердо установленном законе. Дипломаты выражали тревогу за судьбу союза европейских держав, в котором Россия играла важную роль, высказывали опасения, что новое царствование может повлечь за собой войну России и Османской империи и изменить внешнеполитические обязательства России. В особенности это касалось Австрийской империи и ее канцлера Меттерниха, для внешней политики которого характерен особый интерес к планам решения Восточного вопроса, ибо австрийский канцлер рассчитывал на содействие России с приходом к власти Константина. Показательно, в связи с этим, что в одной из депеш французского посла графа де Лаферронэ, направленной в МИД Франции после получения циркулярной ноты Нессельроде о присяге великого князя Николая Павловича императору Константину I, содержалось предложение: ввиду неясности, кто все-таки из братьев вступит на престол, выслать в Петербург на всякий случай две одинаковые верительные грамоты: одну на имя Константина I, другую — на имя Николая I.

Все эти обстоятельства так или иначе получили свое отражение в донесениях иностранных дипломатов, например, в записке графа К.-Й. фон Кламма-Мартиница «О состоянии общественного мнения относительно событий 2 декабря, изложение морального и политического значения этих важных событий и их связи с внутренним положением Российской империи», адресованной Меттерниху уже 2 марта 1826 г. В записке, в частности, говорилось о том, что колебания и сомнения, связанные с тем, кто займет российский престол после смерти Александра I, пагубно сказались на могуществе и достоинстве державных монархических институтов власти. Общую обеспокоенность выразил также британский поверенный в делах Э. К. Дисброу, писавший в донесении Каннингу летом 1826 г.: «Существовала чрезвычайно большая вероятность того, что сомнительное престолонаследие приведет к повторению тех сцен кровопролития, которые слишком часты в истории Российской империи, и вызовет какую-либо попытку подорвать могущество трона или ограничить власть его обладателя».

Публикуемая депеша графа де Лаферронэ дает дополнительную информацию о событиях, последовавших за воцарением Николая I, когда для дипломатического корпуса стало очевидным, что правительство контролирует положение, и дальнейшее развитие ситуации вполне прогнозируемо.

1. Лаферроне Пьер Луи Огюст Феррон де (1777–1842) — граф, французский дивизионный генерал (1814), пэр Франции (1815), дипломат, посланник в Дании (1817), посланник в России (1818–1821), посол (1821–1828), участник конгрессов Священного союза в Троппау (1820), Лайбахе (1821) и Вероне (1822), министр иностранных дел (1828–1829), затем – посол в Риме.

2. Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) — граф, действительный тайный советник, управляющий Министерством иностранных дел (1816–1856), статс-секретарь, член Государственного Совета (1821), член Верховного уголовного суда, впоследствии канцлер (1845).

3. Имеется в виду циркулярная нота управляющего Министерством иностранных дел графа К. В. Нессельроде иностранным дипломатическим представителям в Санкт-Петербурге от 29 января 1826 г. (Внешняя политика России XIX – начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 2-я. М., 1985. Т. 6 (14). С. 374–375) с приложением краткого обзора предварительных итогов деятельности Следственной комиссии по делу участников тайных обществ от 29 января 1826 г.; обзор был опубликован в газете «Journal de Saint-Petersbourg» (1826. 30 janvier. № 24); по-русски – в газете «Русский инвалид» (1826. 29 января. № 24).

4. Следственная комиссия, занимавшаяся делом о «злоумышленных тайных обществах», была учреждена 17 декабря 1825 г. и по завершении своей работы 30 мая 1826 г. представила императору доклад о результатах следствия.

5. Вероятнее всего, имеются в виду приложения к циркулярной депеше управляющего МИД России К. В. Нессельроде иностранным дипломатическим представителям в Петербурге от 10 января 1826 г. (Внешняя политика России XIX — начала XX века. С. 339–340), опубликованные в издании «Государственные преступления в России в XIX в.» (СПб., 1906. Т. 1. С. 7–9).

6. Сен-При Эммануэль Луи Мари Гиньяр (1789–1881) — виконт, генерал-лейтенант французской армии, дипломат, посланник в Берлине (1825–1827) со специальной миссией в Петербурге (1826), связанной с вручением императору письма короля Карла X с поздравлением по случаю вступления на престол; затем — посол в Мадриде (1827–1830).

Перевод с французского, подготовка текста и комментарии С. Н. Искюля

Записка неизвестного о 15 декабря 1825 года
[1825–1826 гг.]

Декабря 15 числа. Провидению угодно было ознаменовать для нас вчерашний столь вожделенный день печальными происшествиями, оно внезапно, но лишь на несколько часов возмутило спокойствие здешней столицы. Общие чувства надежды и радости, с коими жители ее узнали, что Его Величество Государь император Николай Павлович воспринимает венец своих предков[1], принадлежащий ему вследствие торжественно совершенного произвольного отречения Государя цесаревича Константина Павловича, и по назначении в Бозе почившего императора Александра, и в силу коренных законов империи о наследии престола. После издания Высочайшего манифеста Государственный Совет, Правительствующий Сенат и Святейший Синод присягали в верности монарху. Сию же присягу долженствовали дать в течение утра все полки Лейб-гвардии. В половине 12-го часа командующий Гвардейским корпусом[2] и начальник Гвардейского штаба оного[3] донесли Его Величеству, что присяга учинена полками Конногвардейским, Кавалергардским, Преображенским, Семеновским, Павловским, Гренадерским, Гвардейским Егерским, Финляндским[4] и Саперами, о прочих полках не было еще известия, но сему причиною полагали отдаленность их казарм от дворца. В 12 часов узнали, что четыре офицера Гвардейской Конной артиллерии оказали сопротивление[5], взяты под стражу, но что прочие как офицеры, так и нижние чины гвардейского артиллерийского корпуса присягали с отменным единодушием и усердием. Уже в исходе первого часа[6] дошло до сведения Его Величества, что часть Московского полка количеством от 3-х до 4-х сот человек[7] выступили из своей казармы с распущенными знаменами и, провозглашая императором великого князя Константина Павловича, идет на Сенатскую площадь. Толпы народа сбегались к сей площади и перед дворцом. Государь император вышел из дворца без свиты, явился один народу и был встречен изъявлением благоговения и любви[8]. Отовсюду раздавались усердные восклицания. Между тем две возмутившиеся роты Московского полка не смирялись. Они построились в батальонном каре перед Сенатом, ими начальствовали семь или восемь обер-офицеров[9], к коим присоединилось несколько человек гнусного вида во фраках[10]. Небольшие толпы черни окружили и кричали ура. Необходимость противопоставить им достаточное число верных войск была очевидной. Государь император дал повеление вывести один батальон Преображенского полка и, предводительствуя оным[11], приблизился к месту, где были собраны бунтующие, но с твердым намерением не употреблять силы, пока будет хотя бы малейшая вероятность кротостию и увещаниями образумить ослепленных мятежников. К ним подъехал Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович в надежде, что его слова возвратят их к чувству обязанности, но в ту самую минуту стоявший возле него человек во фраке[12] выстрелил по нем из пистолета и смертельно ранил сего верного и столь отличного военачальника. Он умер нынешнюю ночь[13].

Сие злодеяние ничем не изменило намеренности Его Императорского Величества. Твердость и милость равномерно оказывались в сделанных несколько раз по его повелению увещаниях[14] возмутившимся. Государь призывал их к долгу и

смирению, но не внимая никаким условиям, не скрывая от них, что и за самую скорую покорность долженствует необходимо и во всяком случае последовать примерное наказание зачинщиков мятежа.

Между тем Его Величество дал приказание бывшим в карауле у дворца полку Финляндскому, Егерскому усилить саперным батальоном[a], а полкам Кавалергардскому, Конногвардейскому, Павловскому, Гренадерскому и Лейб-гвардии артиллерийской первой бригаде явиться к нему. Все сии войска ревностно просили дозволения одним ударом уничтожить бунтовщиков. К сим последним присоединилось несколько человек Лейб-гренадерского полка и Гвардейского морского экипажа, но с другой стороны великий князь Михаил Павлович, который в ту лишь минуту возвратился в Санкт-Петербург, узнав, что часть принадлежащего к его дивизии Московского полка обесславила себя восстанием на законную власть, немедля отправился в казармы и там, даже не употребляя никаких строгих мер, привел к присяге шесть рот сего полка[15], кои при начале возмущения, хотя отказывались присягать, однако ж не хотели и следовать примеру вышедших на Сенатскую площадь. Его Высочество, обязав сии роты клятвенными обещаниями верности Государю императору Николаю Павловичу, привел их к августейшему брату своему. Оне пылали равным с другими войсками нетерпением положить конец мятежу.

Но Государь император еще щадил безумцев и лишь при наступлении ночи, когда уже были вотще истощены все средства убеждения и самое воззвание преосвященного митрополита Серафима пренебрежено мятежниками[16]. Его Величество наконец решился вопреки желанию сердца своего употребить силу. Выведены пушки, и немногие выстрелы в несколько минут очистили площадь. Конница ударила на слабые остатки бунтовщиков, преследуя ватаги[b] их. Потом разосланы по всем улицам сильные дозоры, и в шесть часов вечера из всей толпы возмутившихся не было уже и двух человек. Вместе оне бросали оружие или сдавались в плен. К 10 часам взято было дозорными более пятисот человек, кои скитались рассеянные. Виновнейшие из офицеров пойманы и отвезены в крепость[17].

В шесть часов вечера государь возвратился во дворец[18], и молебствие по случаю восшествия Его Величества на престол совершено в присутствии их величеств, всего Двора и при великом стечении знатных особ его родни[c,19]. Уже было восстановлено повсеместное спокойствие.

Таковы были происшествия вчерашнего дня. Будучи очевидцами оных, мы описали все обстоятельства с величайшею подробностью и точностью. Они, без сомнения, горестны для всех русских и должны были оставить скорбное чувство в душе Государя императора. Но всякий, кто был свидетелем поступков нашего монарха в сей памятный день, его великодушного, мудрого, разительного, ничем не изменяемого хладнокровия, коему с восторгом дивятся все войска и опытнейшие вожди, и всякий, кто видел, и с какой блистательной отважностью и успехом действовал августейший брат его великий князь Михаил Павлович, наконец, всякий, кто размыслит, что мятежники, пробыв 4 часа на площади, в большую часть сего времени со всех сторон открытой, не нашли себе других пособников,

---

[a] Так в рукописи.
[b] Слово читается предположительно.
[c] Слово читается предположительно.

кроме немногих пьяных солдат и немногих же людей из черни, также пьяных[20], и что из всех гвардейских полков ни один в целом составе, а лишь несколько рот двух полков и Морского экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубным примером буйства, — тот, конечно, с благодарностью к Промыслу признает, что в сем случае много и утешительного, что оное и есть не иное что, как минутное испытание, которое будет служить лишь к ознаменованию истинного характера нации, непоколебимой верности, величайшей, без всякого сравнения, части войск, общей преданности русских к августейшему и законному монарху. Признание уже допрошенных преступников и добровольная явка главнейших зачинщиков, скорость, с коею бунтующие рассеялись при самых первых выстрелах, и явления раскаяния искреннего солдат, кои сами возвращаются в казармы оплакивать свое минутное заблуждение, — все доказывает, что они были слепыми орудиями, что провозглашение имени царевича Константина Павловича и мнимая верность присяге, от коей Его Императорское Высочество сам добровольным и непременным отречением своим разрешил всех, служили только покровом настоящему явному намерению зачинщиков бунта навлечь на Россию все бедствия безначалия.

Праведный суд вскоре совершится над преступными участниками бывших беспорядков. Помощью неба, твердостию правительства они прекращены совершенно, ничто не нарушает спокойствие столицы, и войска, кои из предосторожности провели минувшую ночь на бивуаках близ дворца, возвратились в казармы.

Ныне поутру Государь император объезжал все находившиеся при нем полки[21] и, узнав, что рядовые Гвардейского экипажа изъявляют живейшее раскаяние, утверждают, что они были вовлечены в мятеж обманом и уже в присутствии великого князя Михаила Павловича дали присягу в верности, дозволил сему батальону предстать пред ним, и даровал им великодушное прощение[22], и возвратил знамя, коего по воле Его Императорского Величества они были лишены вчера. Они со слезами славят милосердие монарха.

Печатается по рукописи: ОР РНБ. Ф. 775 (Собрание А. А. Титова). Д. 2382. Л. 17–19. Текст представляет собой копию некоего описания, близкую по времени событиям 14 декабря, на бумаге первой четверти XIX в. По содержанию это довольно обезличенная запись, в ряде деталей повторяющая первое по времени сообщение о выступлении декабристов, помещенное в газетах и подписанное дежурным адъютантом генералом А. Н. Потаповым (см.: Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1825. 15 декабря. № 100; Русский инвалид. 1825. 19 декабря. № 300. С. 1206–1208; Северная пчела. 1825. 19 декабря).

Эти качества не позволяют назвать записку свидетельством очевидца, хотя в тексте такое указание присутствует. Рукопись вшита в тетрадь и помещена между переписанными тем же почерком документами, относящимися ко времени междуцарствия: манифестом Александра I от 16 августа 1823 г. о передаче престола Николаю, отречением Константина, манифестом о восшествии на престол Николая I, выписками из камер-фурьерского журнала о самочувствии вдовствующей императрицы, донесениями из Таганрога и пр. Копия очень плохая по качеству, содержащая множество путаных мест, описок, которые исправляются нами без оговорок.

1. До 14 декабря на самом деле еще ничего не было оглашено. Только высшие сановники империи знали о назначенной повторной присяге Николаю, но и они находились в ожидании присяги несколько часов. Назначенное на 8 часов вечера этого дня заседание Государственного Совета, на котором должна была быть принесена присяга, началось после полуночи, т. к. ждали Михаила Павловича, выполнявшего миссию курьера между Варшавой и Петербургом.

2. А. Л. Воинов.

3. А. И. Нейгардт.

4. Присяга в Финляндском полку прошла в 11 часов утра, достаточно спокойно, несмотря на то, что здесь было много членов тайного общества. В Егерском полку присяга запоздала и произошла после 12 часов, т. к. бывший полковой командир, начальник всей гвардейской пехоты К. И. Бистром запретил приводить полк к присяге до своего прибытия. Сам Николай I отмечает и «колебание» егерей, и бездействие Бистрома (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 47; *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 282, 311–313). Финляндский полк, благодаря действиям А. Е. Розена, не смог выступить в полном составе на стороне правительственных войск, 1-я и 2-я егерские роты полка были остановлены на Исаакиевском мосту (см.: *Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 125–126).

5. О нежелании присягать в Гвардейской Конной артиллерии доложил Николаю И. О. Сухозанет в начале двенадцатого часа. Присяге противились прикомандированный прапорщик И. П. Коновницын, прапорщик А. В. Малиновский, подпоручики А. Г. Вилламов, А. И. Гагарин и К. Д. Лукин. Об этом подробно сообщает И. О. Сухозанет в своих воспоминаниях (см.: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 83–90).

6. В начале двенадцатого Николаю уже было известно о выступлении Московского полка. Это известие привез А. И. Нейгардт.

7. По подсчетам полкового историка, из 1865 нижних чинов 1-го и 2-го батальонов на Сенатскую площадь ушли: большая часть 6-й фузилерной роты (152 человека), 2-й фузилерной роты (143 человека), 5-й фузилерной роты (139 человек), 6-й фузилерной роты (114 человек), часть 1-й гренадерской роты (92 человека) и отдельные люди из других рот — всего 671 человек. В казармах осталось 943 нижних чина (включая нестроевую команду и 67 человек инвалидной полуроты). См.: *Пестриков Н. С.* История Лейб-гвардии Московского полка. СПб., [1903–1904]. Т. 1–2. С. 17, 30, 35.

8. См. наст. изд., с. 183, примеч. 8.

9. Из офицеров-декабристов на Сенатской площади находились: Е. И. Оболенский, братья Николай, Михаил и Александр Бестужевы, М. А. Щепин-Ростовский (не бывший членом тайного общества), М. И. Пущин, А. П. Арбузов, Н. А. Панов, А. Н. Сутгоф и др., всего более 40 человек.

10. Автор записки повторяет характеристику из официального сообщения о происшествии, опубликованного в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Русском инвалиде» 15 декабря 1825 г.

11. См. наст. изд., с. 183, примеч. 9.

12. Стрелял П. Г. Каховский, в 1825 г. отставной поручик Астраханского кирасирского полка.

13. Обстоятельства смерти Милорадовича подробно описаны его адъютантом А. П. Башуцким (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 127–142. См. записки К. Ф. Толя (Там же. С. 94), Н. С. Голицына (Там же. С. 363–365).

14. См. наст. изд., с. 184, примеч. 11.

15. Великий князь Михаил Павлович по должности шефа гвардейской пехоты сразу по прибытии в Петербург отправился пешком в роты Московского полка. Он привел к присяге солдат, оставшихся в казармах (около 1000 человек), сформировав из них сводный батальон, и привел к Сенатской площади. См. его воспоминания: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 57.

16. См. наст. изд., с. 173, примеч. 28. О попытке Серафима воздействовать на мятежников пишут многие свидетели. См.: *Розен А. И.* Записки декабриста. С. 130; ср.: Рассказ

митрополита Серафима в изложении М. М. Евреинова и записки дьякона Прохора Иванова // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 105–110.

17. Всего в крепости в первую же ночь после восстания оказалось 624 арестованных нижних чина. Позднее их число превысило 700 человек. См.: *Пушкин Б. С.* Арест декабристов // Декабристы и их время. М., 1932. Вып. 2. С. 409; *Марголис А. Д.* Солдаты-декабристы в Петропавловской крепости и сибирской ссылке // Тюрьма и ссылка в императорской России: Исследования и архивные находки. СПб., 1995. С. 61–62.

18. Николай I вернулся во дворец около 6 часов (свидетельство Марии Федоровны: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 69).

19. Молебен первоначально был назначен на 2 часа дня, но начался только вечером, около 19 часов, когда подавление «мятежа» закончилось.

20. Эта фраза, как и большая часть текста, заимствована из официального сообщения о событиях 14 декабря: Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1825. 15 декабря. № 100.

21. Утром 15 декабря на Дворцовой площади Николай I провел смотр гвардейских полков, отличившихся накануне, и изъявил им благодарность за службу. См. дневник Александры Федоровны (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 91). Затем на Адмиралтейской площади был проведен «благодарственный молебен», на снегу был поставлен аналой, а знамена мятежных полков были заново освящены.

22. О «прощении» Гвардейского экипажа см. наст. изд., с. 185, примеч. 30.

Подготовка текста и комментарии Т. Н. Жуковской

Записка неизвестного о 14 декабря [1830-е гг.]

Событие 14-го декабря 1825 года разделить можно на три главные момента.

1. Е. И. В. верхом перед Зим[ним] дворц[ом][1] в сопровождении одного только рейткнехта Лондарь[2], потом дежурн[ого] адъют[анта] Деллингсгаузена[3], а впоследствии прибыли и другие особы.

Л[ейб-]г[вардии] Гренад[ерский] п[олк] под предводительством Панова желает ворваться в Зим[ний] двор[ец][4], но находя неожиданное сопротивление только что подоспевшим Л[ейб]-г[вардии] Саперным бат[альоном] под командою полк[овника] Геруа[5], отходит и спешит соединиться к скопищу злоумышленников на Петровс[кую] площадь.

Его Преосв[ященст]во митрополит, в полном облачении, с животворящим крестом подходит к толпе злоумышл[енников], чтобы их усовестить, но люди сии были до того [в] заблуждении, что даже бранью оскорбили свящ[енный] сан его[6].

Ранение воен[ного] ген[ерал-]губ[ернатора] графа Милорадовича, отведенного с площади двумя неизвестными лицами в казармы Л[ейб-]гв[ардии] Кон[ного] п[олка], где и скончался. Ранен был двумя пулями и одним штыком в спину[7]. Первая помощь и перевязка была сделана Л[ейб-]гв[ардии] Кон[ного] п[олка] полков[ником] штаб-лекар[ем] Габерзангом[8], который тщательно перевязав две раны пулями, которые ему граф показал и были на виду, — удивлялся, когда граф после перевязки немного лежал в забытьи, что, несмотря на перевязку, из-под него все еще кровь бежит. Габерзанг на простыне легонько поворотил графа и перевязал также довольно

глубокую рану штыком[9]. По опросе им графа, пришедшего в себя, почему он ему об этой ране ничего не говорит, граф ответил, что стыдно ему и горько сказать, ибо — русский штык; и действительно, кто знал графа Милорадовича и как он в 24 сражениях[10] предводительствовал войсками, тот согласится, что прискорбно было ему.

Злоумышленники пытаются ворваться в Сенат, но находят сопротивление караула под начальством прап[орщика] Насакина[11] и потому отходят и строятся в каре, коего задний фас составляет забор строящейся Исаакиевской церкви, передний фас был лицом к монум[енту] Петра I, левый фас — почти против дома Кусовникова, нын[ешнего] Синода[12].

Каре состоял[a] из большой части Л[ейб-]г[вардии] Гренад[ерского] п[олка], части Л[ейб-]г[вардии] Моск[овского] п[олка] и разн[ых] лиц, из коих некоторые в фантастических нарядах, имея кинжалы и пистолеты[13]. К этому же каре присоединился после и Гвард[ейский] экипаж.

2. Л[ейб-]г[вардии] Преобр[аженского] п[олка] 1-й бат[альон] под команд[ованием][b, 14] выстроен лицом к монум[енту] Петра I, тылом к Бульвару, люди одеты в шинелях, имея амун[ицию] сверху. Л[ейб-]гв[ардии] Кон[ный] п[олк][15] в эскадронной колон[не] справа, у дома Воен[ного] мин[истерства] и Возн[есенской] ул[ицы], так что проезд из Возн[есенской] ул[ицы] оставался свободным перед фронтом Лейб-эскадр[она]. Левый фланг Л[ейб]-эскад[рона] примыкал к углу кондитерской против Воен[ного] мин[истерства] [16].

Е. И. В. подъезжает к полку, изволит здороваться, получает от полка громкое и радушное «здравия желаем, В[аше] И[мператорское] В[еличество]!»[17].

Е. И. В. изволит тотчас после сего сказать оному же полку: «Признаете ли вы меня за своего царя?» На таковой отзыв изо всех уст бывших тогда чинов во фронте вырвалось душевное и неумолкаемое «Ура, ура, ура! Да здравствует В[аше] И[мператорское] В[еличество]!», что и доказала в течение того же дня непоколебимая верность старой Кон[ной] гвард[ии] к данной присяге в 4 часа утра[18]. Полк одет был в колетах, рейтузах и кирасах.

Е. И. В. изволил подъезжать к злоумышленникам[19], но, возвращаясь, изволил несколько времени оставаться у дома Воен[ного] мин[истерства] и тут допущал к себе Якубовича, которому даже давал и препоручения к злоумышленникам. Тут же к Е. И. В. прибыл Е. И. Выс[очество] Вел[икий] кн[язь] Мих[аил] Павл[ович] и привел часть Л[ейб]-гв[ардии] Моск[овского] п[олка], оставшуюся верной данной присяге.

Отвод 1-го дивиз[иона][20] Л[ейб-]гв[ардии] Кон[ного] п[олка], по команде: «По три налево заезжай, марш!». Лейб-эск[адрон] шел впереди, за ним следовал 2-й эск[адрон]. Дивиз[ион] шел по Возн[есенской] ул[ице] до Синего моста, оттуда мимо дома Мятлева[21] до манежа Л[ейб-]гв[ардии] Кон[ного] п[олка], дойдя до забора, окружающего Исаакиевскую церковь, дивиз[ионный] командир флиг[ель] адъют[ант] полк[овник] Вл[адимир] Ст[епанович] Апраксин[22] скомандовал: строй взводы. По выстроению взводов дивиз[ион] рысью прошел мимо каре, который по

---

[a] Так в тексте.
[b] В рукописи пропуск вместо фамилии.

дивиз[иону] сделал залп, но никого в это время не ранил. Взводы, заехав левыми плечами, составили фронт. Левый фланг Лейб-эск[адрона] примыкал к монум[енту] Петра I, правый фланг 2-го эскадр[она] был наравне с углом забора, и потому весь левый фас каре злоумышленников был против фронта 2-го эскадр[она] так близко, что из каре к правому флангу 2-го эскадр[она] вышел корнет кн. Одоевский и старался уговорить людей разными глупыми речьми[23], но как люди были старые и уверенные в свое начальство[c], то отвечали ему по-молодецки: Врете, Ваше сия[тельст]во, вы молоды еще нас обманывать, убирайтесь прочь. На правом фл[анге] 2-го эскадр[она] был ст[арший] вахмистр Васильев, фл[анговым] — ряд[овой] Як[ов] Иванов, рядов[ой] Наумов, Кориков и проч. Все люди заслуженные и добрые.

Когда 2-й эскадр[он] выезжал из конюшен и строился лицом к казарм[ам], то в то время провели окровавленного гр[афа] Милорад[овича] в полн[ой] парадн[ой] форме[24]. Эск[а]др[онный] ком[андир] 2-го эск[адрона][25], показав сию жертву преданности, сказал людям: «Смотрите, ребята, до чего доводит недоверие в начальника, и я надеюсь на вас». Единогласный ответ был: «Ведите нас, куда угодно, мы вас не оставим».

3[-й] и решительный момент, привоз снарядов для артил[лерии], генер[ал]-адъют[ант] Храповицкий[26] привез первые снаряды в карете.

Атаки 4-го и 5 эскадр[онов] Л[ейб-]г[вардии] Кон[ного] п[олка] под командою полк[овника] Куликовского[27] и Донец-Захаржевского[28], и в то же время намерение ком[андира] 2 эскадр[она] идти в атаку, у него для командования была рука поднята, и выстрелом из ружья локотной сустав раздроблен.

Сзади эскадр[онного] командира кирасир Хватов[29] ранен пулею в левое плечо. В 5 эскадр[оне] во время атаки кирасир Панюта убит наповал[30].

Наконец спасительное и решительное действие артиллерии.

Бегство и расстройство скопища.

Очевидец

Кавалергардск[ий] п[олк] подошел ко второму моменту, стоял тылом к Адмиралтейству. Полк одет был в колетах и рейтузах, но без кирас — употребляем не был[31].

Публикуется по копии: Архив РАН. Ф. 100 (Н. Ф. Дубровин). Оп. 1. Д. 14 а. Л. 5–7 об. Текст представляет собой писарскую копию второй половины XIX в., содержащую многочисленные погрешности в написании фамилий, которые не могли принадлежать оригиналу. Составление или последняя редакция оригинального текста «очевидцем» относится к середине 1830-х гг. (упоминается здание Синода как построенное недавно). В рукописи заглавие и какое-либо указание на авторство отсутствуют. Судя по содержанию записки, ее автор — офицер 2-го эскадрона Лейб-гвардии Конного полка, о котором он все время ведет речь.

[c] Так в тексте.

Данный источник представляет собой черновую, неоконченную редакцию записи воспоминаний о 14 декабря и явно составлялся не для печати, а для себя. Начало записки представляет собой конспективный набросок, рассказ не имеет хронологической последовательности, а разбит на несколько сюжетов, конец скомкан. Возможно, автор намеревался впоследствии развить отдельные положения текста. В отличие от публикуемой в настоящем сборнике записки неизвестного (см. наст. изд., с. 199– 203), данный источник отделен от описываемых событий значительной временной дистанцией. Текстуальные совпадения с воспоминаниями командира 2-го эскадрона полковника И. И. Велио (в передаче диалога Велио с солдатами эскадрона о «верности начальникам» при виде раненого Милорадовича; упоминание одних и тех же имен солдат и офицеров-конногвардейцев, отличившихся 14 декабря; разговора Николая I с полком на углу Вознесенской улицы, финал записки — о неупотреблении в «деле» Кавалергардского полка) позволяют предположить, что перед нами — ранняя редакция записок Велио, или же этот текст, как и известные опубликованные воспоминания Велио, восходят к общему протографу, вышедшему из среды офицеров Лейб-гвардии Конного полка.

1. В этот момент у Николая не было лошади, из дворца он «вышел без свиты... на площадь» (Из воспоминаний П. С. Деменкова // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 350). То же подтверждает сам Николай: «Пошел сквозь толпу» (см.: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 39) и повторяет М. А. Корф (14 декабря 1825 года и его истолкователи: Герцен и Огарев против барона Корфа. М., 1994. С. 268–269). Николай читал манифест перед дворцом, стоя в окружившей его толпе, «целою головою возвышаясь над 20–30 тысячами голов» (Из воспоминаний А. П. Башуцкого // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 119). Однако он не был «совершенно один», рядом были несколько человек свиты. В момент, когда к ним присоединилась часть 1-го батальона Преображенского полка, к Николаю подвели лошадь.

2. Лондарь (Лондырь) — солдат Лейб-гвардии Конного полка, видимо, несший в этот день полковое дежурство в Зимнем дворце. Присутствие «старого рейткнехта из конной гвардии» подтверждает и сам Николай I, называя его фамилию (14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 328). Лондырь был верхом, поэтому отправлен Николаем вперед, ускорить приход полка (Там же).

3. Деллингсгаузен Иван Федорович — барон, полковник, адъютант великого князя Николая Павловича.

4. Декабристская версия этого эпизода изложена Н. А. Сутгофом в виде замечаний к книге М. А. Корфа и отрицает намерение Панова захватить Зимний дворец и даже саму эту возможность (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 299). Однако, по показаниям К. Ф. Рылеева, подтвержденным С. П. Трубецким, захват Зимнего дворца был частью генерального плана восстания.

5. Геруа Александр Клавдиевич (1784–1852) — полковник, командир Саперного батальона, генерал-адъютант (1826), впоследствии управляющий Инженерным департаментом Военного министерства. О его командовании 14 декабря см.: Из записок В. И. Фелькнера // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 178–179.

6. О переговорах митрополита Серафима с восставшими см. его собственный рассказ в изложении М. М. Евреинова и рассказ дьякона Прохора Иванова (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 105–110).

7. О ранении Милорадовича см.: Записки очевидцев 14 декабря 1825 года: Из архива М. А. Корфа // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2000. Вып. 3. С. 53–54 (коммент. к записке А. А. Кавелина).

8. Габерзанг Иван Васильевич (Иоганн-Готлиб) (1786–1852) — старший штаб-лекарь Лейб-гвардии Конного полка. Подробнее об оказанной им раненому помощи см.: Из воспоминаний А. П. Башуцкого // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 129–130).

9. Ударив штыком, Оболенский тотчас увидел кровь на мундире — значит, рана была глубокой. А. П. Башуцкий утверждает, что штыковую рану Габерзанг не исследовал и не перевязывал, хотя из-за нее Милорадович потерял много крови. Подробнее о ранении Милорадовича также см. наст. изд., с. 182, примеч. 4.

10. Вероятно, ошибка переписчика: 24 вместо 84. В послужном списке М. А. Милорадовича — участие более чем в 80 сражениях. И. И. Велио в другом месте упоминает цифру 84 (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 146).

11. О действиях караула под командованием подпоручика Я. Г. Насакина на сенатской гауптвахте см. наст. изд., с. 202, 205, примеч. 24. Автор ошибочно называет Насакина прапорщиком.

12. Дом Кусовникова находился на месте здания Синода, постройка которого была закончена в 1834 г. по проекту К. И. Росси.

13. В описании вида «мятежников» чувствуется влияние официальной версии, изложенной в номере «Русского инвалида» от 15 декабря 1825 г.

14. Командовал 1-м батальоном Преображенского полка полковник В. Я. Микулин, при батальоне был и полковой командир полковник Н. А. Исленьев (Из записок Николая I // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 39). За 14 декабря были пожалованы: первый флигель-адъютантом, второй — генерал-адъютантом.

15. Мемуарист ничего не пишет о самом выступлении полка из казарм. Между тем известно, что приказ Николая о выступлении был получен командиром полка А. Ф. Орловым еще в начале 12-го часа. Приехавший туда некоторое время спустя с намерением вывести полк М. А. Милорадович пытался ускорить выступление, но, так и не дождавшись полка, двинулся к каре восставших один и был смертельно ранен. Выступление полка затянулось: от получения первого приказа о выступлении до выезда из казарм прошло не менее часа (Из воспоминаний А. П. Башуцкого // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 123–124; Записка генерал-адъютанта графа А. Ф. Орлова // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2000. Вып. 3. С. 25–26, 28; Об этом эпизоде: *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 268–271). Неупоминание о полковом командире — еще одно косвенное подтверждение принадлежности публикуемого текста Велио. Известно, что Велио впоследствии был обижен на Орлова, «списавшего» его в «инвалиды» (Записки Велио // Русская старина. 1913. № 12. С. 555).

16. Сходное описание расположения полка в ряду правительственных войск воспроизведено И. И. Велио (Воспоминания И. И. Велио // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 146).

17. Встречу и приветствие Николаем I Лейб-гвардии Конного полка фиксирует в своем дневнике В. Р. Каульбарс, который, правда, признается, что почти ничего из речи Николая не расслышал (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 152), то же повторяет А. А. Суворов (Там же. С. 323). Содержание речи воспроизводит М. А. Корф (см.: 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 274).

18. О времени и протекании присяги в Лейб-гвардии Конном полку ср.: Воспоминания И. И. Велио // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 144–145. Присяга окончилась не ранее 8.30 утра (*Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. С. 229).

19. Автор ошибается. Николай I не приближался к мятежному каре.

20. Дивизион — в данном случае — 1-й и 2-й эскадроны.

21. Дом Мятлева находится на углу Исаакиевской площади и Почтамтской улицы.

22. Апраксин Владимир Степанович (1796–1833) — флигель-адъютант, полковник Лейб-гавардии Конного полка.

23. Об Одоевском А. И. см. наст. изд., с. 173, примеч. 31. Мемуаристы (А. Ф. Орлов,

А. П. Башуцкий) упоминают о том, что Одоевский агитировал в конногвардейских казармах до выступления полка (М. А. Корф // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 273). Материалами следствия это не подтверждается. О попытке Одоевского, который командовал пикетами восставших, выставленными вдоль Синода и Сената, обратиться к конногвардейцам, стоявшим в нескольких шагах от каре Московского полка см.: *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. С. 304.

24. В. Р. Каульбарс также пишет в дневнике и в воспоминаниях, что, когда полк выезжал из казарм, в них «внесли <...> Милорадовича, с грудью и с окровавленною синею орденскою лентой через плечо» (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 151, 161).

25. Командиром 2-го эскадрона был Велио.

26. Ошибка мемуариста. Доставкой зарядов распоряжался командир Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады полковник А. В. Нестеровский — флигель-адъютант. Заряды привез поручик той же бригады А. И. Философов, посланный И. О. Сухозанетом.

27. Куликовский Никанор Евстратиевич (1793–1870) — полковник Лейб-гвардии Конного полка, командир 4-го эскадрона.

28. Донец-Захаржевский Григорий Андреевич (1792–1845) — полковник Лейб-гвардии Конного полка, командир 3-го эскадрона, с 15 декабря 1825 г. флигель-адъютант.

29. Подробнее о Хватове и его ранении см.: Воспоминания И. И. Велио // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 146.

30. Автор записки не совсем точен в перечислении потерь полка. Хватов Марк Иванович — рядовой 2-го эскадрона, был ранен во время второй атаки конногвардейцев, ему, как и Велио, ампутировали руку. См.: Дневник В. Р. Каульбарса // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 158). Ср. с записью И. И. Велио: Там же. С. 146, 149. Единственным умершим от раны был П. М. Панюта, но он был рядовым не 5-го, а 3-го эскадрона. О потерях в Конном полку см.: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. М., 1926. С. 190–191.

31. Последняя фраза, очевидно, приписана в оригинале так же, как и передана в копии. «Кавалергардский полк равномерно ходил в атаку, но без большого успеха», — отметил Николай I в своих записках (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 44, 484). Версия о неучастии кавалергардов в атаках повторяется в опубликованном тексте Велио (Там же. С. 150). О том же свидетельствуют конногвардеец А. А. Суворов и ротмистр Кавалергардского полка Р. Е. Грюневальд (Там же. С. 325, 173–175). Мемуаристы сходятся в том, что Кавалергардский полк был без кирас, поэтому построен во второй линии и не участвовал в атаках. После картечных залпов кавалергарды активно преследовали бегущих.

Подготовка текста и комментарии Т. Н. Жуковской

Записка неизвестного очевидца событий с изложением хода восстания 14 декабря [1830-е гг.]

Утром 14 декабря шеф гвардейского генерального штаба[1] доложил императору о том, что несколько рот Московского полка отказались принести присягу на верность его императорскому величеству и, увлеченные примером своих ротных командиров, завладели знаменами, вынесенными перед полком для принесения присяги, учинили расправу над командиром их бригады генерал-майором Шеншиным, равно как и над командиром полка генерал-майором Фридериксом[2], что затем полк бесчинной толпой направился к Исаакиевской площади, насильно увлекая за собою всех офицеров, которые встречались на их пути. Оставшаяся же часть полка сохраняла порядок и послушание.

Тотчас же его величество повелел генерал-майору Нейдгардту объявить гвардейскому Семеновскому полку приказ[3], не теряя времени, выступить и рассеять бунтовщиков, а конной гвардии — быть готовой выступить по первому требованию. Затем его величество спустился в главную кордегардию Зимнего дворца, где в то время нес службу гвардейский Финляндский полк, отдал ему приказ зарядить ружья и занять все основные подступы к дворцу[4].

Тем временем, по сведениям, поступившим к императору, его величество были извещены о том, что восставшими оказались 3-я и 6-я роты Московского полка[5], что оные выстроились на Сенатской площади и что за ними стояла толпа, состоявшая из тех, кто всем своим видом явно обнаруживал преступные намерения[6].

Тогда его императорское величество почел долгом своим приказать 1-му батальону гвардейского Преображенского полка немедленно построиться перед ним на Дворцовой площади, что и было исполнено с чрезвычайною поспешностию; в то же самое время генерал-губернатор С.-Петербурга граф Милорадович доложил императору, что из толпы доносятся возгласы «Да здравствует Константин!», добавляя при этом, что таковое поведение обнаруживает самые преступные замыслы и требует решительных и суровых мер[7].

Тотчас же последовал приказ императора трем ротам гвардейского Павловского полка присоединиться к батальону гвардейцев-саперов, занять Зимний дворец[8], а 3-му батальону гвардейского Преображенского полка вместе с кавалергардами немедленно явиться к его величеству. Между тем сам император направился с 1-м батальоном Преображенского полка навстречу мятежникам[9], дабы упредить возможные атаки на дворец, где находились их величества императрицы и другие члены императорского семейства[10]. Прибыв к месту напротив дома княгини Лобановой, его императорское величество услышал выстрелы и тогда же, узнав, что генерал-губернатор граф Милорадович смертельно ранен бунтовщиками[11], приказал, чтоб гвардейский Конный полк и три роты Павловского полка[12] без промедления присоединились к нему. Вскоре его императорское высочество великий князь Михаил привел батальон гвардейского Московского полка, настойчиво добивавшийся соизволения императора на то, чтоб батальон кровью мятежников смыл тот позор, который нанесен был чести их мундира[13], но тот, в желании избежать пролития крови, предпочел мирные средства кротости и убеждения. Однако же ни увещевания его величества, ни присутствие митрополита, ни угрозы не смогли заставить бунтовщиков сдаться. Дерзость их все возрастала, и несколько рот солдат гвардейского Гренадерского полка, возглавляемые тремя офицерами[14], при полковых знаменах собрались в беспорядочную толпу, из которой уже раздавалась ружейная пальба.

При таковом положении вещей его императорское величество мог лишь прибегнуть к суровым мерам, кои стали тем более необходимы, что чернь, привлеченная деньгами и водкой, которую раздавали простонародью[15], начала уже присоединяться к мятежникам. Император тотчас же принял следующие меры. Преображенский полк получил приказ занять площадь и встать спиною к Адмиралтейству, Семеновский же полк должен был занять улицу, ведущую к Конно-гвардейскому манежу, и улицу, которая идет от Галерной улицы до провиантских складов.

Измайловский и гвардейский Егерский полки были оставлены в резерве. Далее император приказал одному батальону Финляндского полка занять Исаакиевский мост, а первой артиллерийской бригаде быть готовой действовать. Три роты Павловского полка были размещены на Галерной улице. Но тем не менее прежде, нежели дойти до крайних мер, его императорское величество повелел Конному и Егерским полкам попытаться внести смятение в ряды мятежников ложной атакой[16], что, впрочем, было весьма нелегко ввиду ограниченности их пространства и преимущества позиции бунтовщиков, которые еще получили подкрепление большей части батальона Морского гвардейского экипажа[17]. Эта демонстрация отнюдь не имела должного результата. Мятежники держались стойко и, используя преимущество своей позиции, упорствовали в своем возмутительном неповиновении. Тогда император решился, наконец, к глубокому своему сожалению, выдвинуть против них четыре полевые орудия. Он приказал зарядить их и в последний раз послал объявить мятежникам, что они могут воспользоваться великодушием их государя[18]. Поелику решительный отказ последовал в ответ на сии увещевания, его императорское величество приказали открыть огонь. После второго залпа толпа рассеялась, а ее остатки преследовались в направлении Васильевского острова, вдоль Английской набережной, по Галерной улице кавалергардами и конногвардейцами, которые рубили беглецов; тогда же было захвачено до 500 человек; остальные рассеялись по разным частям города, в домах и по застывшей глади Невы.

С наступлением темноты его императорское величество повелел войскам оставаться под ружьем, дабы всякая попытка возобновить мятеж была пресечена. Того ради площадь перед Зимним дворцом оставалась занятой гвардейским Преображенским полком, батальоном гвардейских саперов, двумя ротами первого батальона гвардейских егерей при десяти пушках, второй артиллерийской батареей и тремя эскадронами Кавалергардского полка. На Большой Миллионной улице перед мостом через Мойку была поставлена рота гвардейского Егерского полка при двух орудиях; другая рота расположилась с четырьмя орудиями у моста близ Эрмитажного театра. 1-й батальон гвардейского Измайловского полка и эскадрон кавалергардов стояли с четырьмя пушками на углу Зимнего дворца перед Адмиралтейством со стороны Невы, второй же батальон гвардейских егерей занимал площадь перед Адмиралтейством, батальон Московского полка, 2-й батальон Измайловского, четыре легких артиллерийских орудия и четыре эскадрона Конной гвардии были оставлены на Исаакиевской площади под командованием генерал-адъютанта Васильчикова[19]. На Васильевском острове под командованием генерал-адъютанта Бенкендорфа находились два эскадрона гвардейского Конного полка, дивизион конных пионеров, батальон гвардейского Финляндского полка и четыре легкие орудия. На полк гвардейских казаков было возложено поручение выслать во все остальные части города патрули[20]. Благодаря всем этим распоряжениям, спокойствие в полной мере было обеспечено. В течение ночи было схвачено около 150 человек[21]; и многие подстрекатели к возмущению были арестованы; некоторые же из оных пришли с повинной по собственному побуждению. Этим же вечером большая часть гвардейских моряков вернулась в свои казармы, где, полные раскаяния в гибельном своем покушении и в страхе за

последствия оного, они молили о прощении и милосердии. Его императорское высочество великий князь Михаил своими обращенными к ним словами осуждения привел гвардейских моряков к принятию решения, к коему уж подготовлены они были искренним своим раскаянием[22]. Все они отдались на милость императора, ожидая решения своей участи с изъявлением полной покорности; большая часть введенных в заблуждение гвардейских гренадеров поступила таким же образом[23]. Посреди столь прискорбных событий утешительно то, что можно противопоставить им поступки, кои делают честь российскому мундиру, поступки наиотважной верности служебному долгу. Отряд Финляндского полка под командованием подпоручика Насакена 1-го[24], который первым нес караульную службу здания Сената, оставался под ружьем, окруженный мятежниками; кары[a], угрозы — все употребили они в дело против отряда, но тот оставался неколебим. Солдаты и унтер-офицер Павловского полка несли в этот день караул в казармах Московского полка. Они выказали ту же решимость[25].

На следующее утро, когда порядок полностью был восстановлен, его величество император лично провел смотр всех войск и, поблагодарив за ревностную службу, за верность, оказанную ими, и за образцовый порядок, который сохранили они при столь печальных и непредвиденных обстоятельствах, отпустил их. Когда воцарился общественный порядок, все полки, квартировавшие вне пределов города и получившие повеление двигаться к столице, были возвращены в свои казармы, за исключением гвардейского Драгунского полка, призванного в С.-Петербург нести патрульную службу, да гусарских и уланского эскадронов, которые разбили лагерь в окрестностях города с тем, чтобы задерживать злоумышленников, пытающихся скрыться. В тот же день его императорское величество, прислушивавшийся всегда лишь к тому, что советует ему сердце, убедился при виде искреннего раскаяния гвардейских моряков в том, что лишь обманом они оказались вовлеченными в таковое преступление, и соизволил пожаловать им великодушное прощение. Знамя, которое получили они от покойного императора Александра блаженной памяти, было им возвращено; его императорское величество распорядился заново освятить его, и батальон принес присягу знамени с выражением полного своего раскаяния, в единодушном порыве преданности и признательности чувств. Роту императора в полку гвардейских гренадеров, отказавшуюся принять участие в мятеже, ее командир привел к его императорскому величеству и, как свидетельство благорасположения, получил разрешение присоединиться к батальону саперов, охранявших Зимний дворец[26]. В то же самое утро его императорское высочество великий князь Михаил доложил императору, что большая часть солдат и унтер-офицеров гвардейских гренадеров, равным образом обманутых бесчестными посулами, проникнуты раскаянием и взывают о прощении[27]. Поелику, кроме того, две роты этого полка несли караулы в крепости и выказали себя безупречно при выполнении воинского долга[28], его императорское величество счел за благо дать полку гвардейских гренадеров доказательство своей милости. Знамена, коих полк был лишен накануне, были ему возвращены; их вторично освятили, и полк с воодушевлением присягнул на верность новому

[a] Слово читается предположительно.

государю[29]. Московский полк подобным же образом был лишен своих знамен, но великое множество офицеров и солдат, из коих состоит он, выказали в день 14 декабря свою преданность и рвение. Сие оказалось довольным для того, чтобы император обнаружил свою снисходительность. Московский полк получил прощение и знамена, кои были ему возвращены после вторичного освящения[30].

Дознание, каковое еще продолжается, позволило с точностию узнать имена подстрекателей неслыханного покушения, имевшего место в столице. Речь идет о следующих особах: Рылеев, журналист, Сомов, чиновник[31], Горский, бывший вице-губернатор[32], Каховский, поручик в отставке[33]; в гвардейском Московском полку командиры рот Щепин-Ростовский и Бестужев[34], другой Бестужев, адъютант герцога Александра Вюртембергского[35]; в Гренадерском полку поручик Сутгоф и поручик Панов[36], князь Одоевский, адъютант генерал-лейтенанта Бистрома[37], командира гвардейской пехоты, полковник князь Трубецкой, дежурный штаб-офицер 4-го армейского корпуса, Карнилович, штабс-капитан гвардейского Генерального штаба[38], Бестужев, флотский капитан-лейтенант[39], Бестужев, адъютант адмирала Моллера[40], князь Одоевский, корнет Конно-гвардейского полка[41], Цебриков, поручик Финляндского полка[42], а также Пущин[43] и Кюхельбеккер. Все эти лица были схвачены и пребывают ныне под арестом за исключением последнего, который, вероятно, погиб во время мятежа[44]. Помимо этих руководителей, арестовано еще несколько особ, на коих падало сильное подозрение, а именно: капитан Якубович из Нижегородского драгунского полка[45], командир 6-го Егерского полка полковник Булатов, который сдался добровольно[46], Арбузов, поручик Морского гвардейского экипажа[47], Вишневский, Кюхельбеккер и Бодиско, все трое — морские гвардейские офицеры[48], капитан Пущин из гвардейского конно-пионерского эскадрона[49], подпоручики Измайловского полка: Милютин, Фок, Кожевников, Миллер и князь Вадбольский[50].

Перевод с французского С. Н. Искюля

Публикуемый документ находится в РГИА: Ф. 1040. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–5. Написан на французском языке и существует в виде писарской копии. Автором записки, судя по обилию подробностей и достаточно детальной передаче распоряжений царя и перемещений войск, совершаемых в этот день, мог быть кто-то из Свиты Николая I. Однако в целом текст остается довольно обезличенным. Описание не свободно от неточностей, на которые указано в комментариях. Судя по содержанию, это описание составлено по свежим следам, в течение ближайших нескольких дней или недель после событий 14 декабря. При этом содержательно записка воспроизводит многое из официального сообщения о событиях 14 декабря, появившегося 15 числа в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Русском инвалиде» и др. изданиях.

1. А. И. Нейдгардт. См. наст. изд., с. 174, примеч. 38. Николай I подтверждает в своих записках то, что первым сообщил о выступлении Московского полка А. И. Нейдгардт (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 38). Нейдгард находился в казармах Московского полка в то время, как там началась драка, сопровождавшая выход «мятежных» рот из казарм.

2. См. наст. изд., с. 183, примеч. 6.

3. Сам Николай I пишет, что отправил А. И. Нейгардта не в Семеновский полк, а в Конногвардейский (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 38). Казармы Семеновского полка находились довольно далеко, известий о присяге семеновцев в это время Николай I еще не получал. Два батальона Семеновского полка подошли после 12 часов и были поставлены во второй линии правительственных войск, между стройкой Исаакиевского собора и фасадом Конногвардейского манежа.

4. На дворцовой главной гауптвахте Николай I нашел только 9-ю егерскую роту Финляндского полка, которая заступила в караул. Основной состав полка оставался в казармах.

5. На самом деле выступили 2-я, 3-я, 5-я и 6-я фузилерные роты Московского полка. См. наст. изд., с. 193, примеч. 7 к дневнику неизвестного.

6. Выстроившиеся у памятника Петру I роты Московского полка быстро были окружены толпой, состоявшей большей частью из любопытных и зевак. О ее настроениях имеются самые противоречивые свидетельства современников. Причем, в декабристских мемуарах «сочувствие» толпы явно преувеличено. Ср.: *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 296, 307.

7. Неточность автора. В то время, когда Николай I строил 1-й батальон Преображенского полка, Милорадович уже был на площади, пытаясь воздействовать на солдат, нарушивших присягу. Приблизительно в четверть первого он был смертельно ранен П. Г. Каховским.

8. В Павловский полк за тремя ротами, не занятыми в карауле, был послан Николаем I флигель-адъютант А. А. Кавелин. См. его записку, составленную для М. А. Корфа (14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 3. С. 45). Эти три роты были поставлены в тылу мятежного каре, закрывая проход в Галерную улицу. Рота гвардейских саперов оставалась во дворе Зимнего дворца.

9. См. наст. изд., с. 183, примеч. 9.

10. В это время в Зимнем дворце находились вдовствующая императрица Мария Федоровна и Александра Федоровна. Утром 14 декабря великая княгиня Елена Павловна приехала из Аничкова дворца в Зимний с тремя маленькими детьми Николая; позже А. А. Кавелин привез в закрытой карете 7-летнего Александра Николаевича. Взрослые члены императорской семьи собрались в «маленьком кабинете» Марии Федоровны, откуда просматривалась часть Сенатской площади и подходы к ней. См. дневник Александры Федоровны (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 89–90).

11. Ранение Милорадовича произошло между 12-ю с четвертью и половиной первого (*Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. С. 274–277).

12. О «трех ротах Павловского полка» мемуарист вторично вводит неверную информацию.

13. Приведенная великим князем Михаилом Павловичем на площадь сводная команда Московского полка, собранная из солдат, оставшихся в казармах, не только не испытывала чувства солидарности с «мятежными» ротами, но при виде Николая I, как пишет М. А. Корф в официальной версии, солдаты «бросились целовать ему руки и ноги». Декабрист А. Н. Сутгоф подтверждает этот факт (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 297).

14. 1-ой фузилерной ротой Гренадерского полка, которая примкнула к мятежникам, командовал А. Н. Сутгоф. Действия лейб-гренадеров отражены в его замечаниях на книгу М. А. Корфа. См.: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 295–301; Воспоминания М. А. Бестужева // Там же. С. 274. Последним к восставшим присоединилась рота Лейб-гренадерского полка, приведенная Н. А. Пановым.

15. Николай I в письме Константину в ночь с 14 на 15 декабря отмечал, что чернь, окружавшая мятежные войска, была пьяна (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 146), но это мифологическое утверждение. Декабристы упоминают о том, что М. Н. Глебов на площади раздавал деньги на вино (около 100 рублей) для того, чтобы обогреть замерзших солдат-московцев (ВД. М., 1979. Т. 15. С. 218, 221). О том, что солдаты были пьяны, свидетели не пишут. Никто не упоминает и о раздаче мятежниками денег толпе.

16. Атака не была ложной. Егерский полк в ней не участвовал, а участвовали два полка тяжелой кавалерии — Лейб-гвардии Конный и Кавалергардский.

17. На площадь Н. А. Бестужевым и А. П. Арбузовым был выведен почти весь состав Гвардейского морского экипажа: 8 строевых рот и артиллерийская команда, всего около 1100 человек.

18. Последним перед артиллерийским расстрелом мятежников поехал «увещевать» И. О. Сухозанет. См. его свидетельство (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. С. 88–89).

19. См. наст. изд., с. 40, примеч. 55.

20. Описание распоряжений, отданных по полкам, и схему их дислокации по городу в ночь после восстания автор записки представил довольно точно. Это является еще одним косвенным свидетельством его принадлежности к Свите императора или командованию одной из частей, задействованных в подавлении выступления 14 декабря.

21. В крепости в ночь на 15 декабря оказалось более 600 нижних чинов. См. наст. изд., с. 186, примеч. 32. Сам Николай I считал, что их не менее 500.

22. Большая часть матросов, выведенных на площадь и вернувшихся в казармы (за исключением раненых, убитых, арестованных, пропавших без вести) 15 декабря на Адмиралтейской площади была торжественно приведена к присяге великим князем Михаилом Павловичем, с возвращением знамени полка.

23. Часть солдат 2-й гренадерской, 4-й и 5-й фузилерных рот Лейб-гвардии Гренадерского полка покинула ряды восставших и «вернулась к повиновению» после ранения полкового командира. Из этих солдат и унтер-офицеров была составлена сводная рота Гренадерского полка, которая насчитывала 137 человек под командой полковника Ф. Г. Щербацкого. Около 14 часов рота была поставлена во второй линии правительственных войск, позади Семеновского полка. См.: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. М., 1926. С. 178.

24. Утром 14 декабря караул Финляндского полка (около 40 человек) под командованием подпоручика Я. Г. Насакина заступил на Сенатскую гауптвахту. Насакин принадлежал к тайному обществу, но все время мятежа он удерживал караул на месте, оставаясь в тылу мятежного каре. Это было воспринято как «верность» законному государю, и Насакин был пожалован орденом Св. Владимира 4 степени за 14 декабря. Унтер-офицеры караула получили в награду по 300 рублей, 37 нижних чинов — по 50 рублей (*Розен Е. А.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 302; *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. С. 199).

25. Караул Павловского полка в Московских казармах во время возмущения «московцев» не мог повлиять на события. Тем не менее, он был отмечен наградами: унтер-офицеру караула Тюрикову было пожаловано 300 рублей, 24-м нижним чинам, бывшим в карауле, было роздано 1000 рублей (*Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. С. 200).

26. Действительно, большая часть роты его величества (1-й гренадерской) и часть солдат других рот под командованием капитана С. И. Мещерского были по приказу Николая I поставлены на защиту дворца рядом с гвардейскими саперами.

27. Михаил Павлович выступил с ходатайством о прощении полка по должности начальника Гвардейской пехотной дивизии, в состав которой входил Лейб-гвардии Гренадерский полк.

28. Караул в крепости несли 2-я и 3-я фузилерные роты 1-го батальона.

29. Напротив, по отношению к Лейб-гвардии Гренадерскому полку Николай действовал жестко: было арестовано 276 человек, 807 человек из числа добровольно явившихся с повинной были отправлены на Кавказ, всего подверглись разного рода наказаниям свыше 1083 нижних чинов.

30. О «прощении» Московского полка также неверно. На самом деле все нижние чины тех рот, которые участвовали в выступлении на стороне декабристов, понесли наказание. Многие, арестованные в день восстания на улице, отсидели в крепости, сначала Петропавловской, затем Выборгской. Фактически Московский полк в 1826 г. был переформирован на $^{1}/_{3}$, так как все участвовавшие в выступлении, в том числе добровольно возвратившиеся в казармы, приказом по Гвардейскому корпусу от 17 февраля 1826 г. были назначены на составление рот Сводно-гвардейского пехотного полка, куда вошли 3 роты Московского,

4 роты Гренадерского полка с тем, чтобы боевой службой на Кавказе «искупить вину». Сводным полком было назначено командовать бывшему полковнику Преображенского полка и члену тайного общества И. П. Шипову. Подробнее: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. С. 196–197.

31. Сомов Орест Михайлович (1793–1833) — столоначальник в правлении Российско-Американской компании, писатель. О. М. Сомов был арестован ночью 14 декабря, т. к. был близок к Рылееву и жил в одном доме с ним. По высочайшему повелению освобожден с оправдательным аттестатом 7 января 1826 г.

32. Об О. В. Грабя-Горском см. наст. изд., с. 182, примеч. 5.

33. Петр Григорьевич Каховский (1794–1826) был отставным поручиком Астраханского кирасирского полка. В отставке «за болезнью» числился с апреля 1821 г. (ВД. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 333).

34. Имеется в виду Михаил Александрович Бестужев (1800–1871) — штабс-капитан Лейб-гвардии Московского полка, командир 3-й фузилерной роты. Член Северного общества.

35. Бестужев Александр Александрович (1897–1837(?)) — штабс-капитан Лейб-гвардии Драгунского полка, адъютант принца Александра Вюртембергского. Член Северного общества.

36. Об А. Н. Сутгофе см. наст. изд., с. 185, примеч. 26; о Н. А. Панове см. наст. изд., с. 177, примеч. 73.

37. Мемуарист ошибочно называет фамилию Одоевского, имея в виду Евгения Петровича Оболенского (1796–1865) — поручика Лейб-гвардии Финляндского полка, старшего адъютанта дежурства пехоты Гвардейского корпуса, состоявшего при командующем гвардейской пехотой генерал-адъютанте К. И. Бистроме.

38. Корнилович Александр Осипович (1800–1834) — штабс-капитан Гвардейского генерального штаба, член Южного общества. Приехал в Петербург из Киева 12 декабря 1825 г. Дважды появлялся на Сенатской площади, в момент разгрома восстания находился в каре.

39. Бестужев Николай Александрович (1791–1855) — капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа, прикомандированный к Адмиралтейскому департаменту Морского министерства, директор Адмиралтейского музея. Был главным инициатором прихода моряков на Сенатскую площадь, участвовал в составлении манифеста от Сената с изложением программы восстания.

40. Мемуарист имеет в виду Петра Александровича Бестужева (1803–1840), который был адъютантом Ф. В. Моллера — коменданта Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта.

41. Одоевский Александр Иванович (1802–1839) — князь, корнет Лейб-гвардии Конного полка, член Северного общества. В день 14 декабря агитировал в полку против присяги, а затем присоединился к восставшим. См. наст. изд., с. 173, примеч. 31.

42. Цебриков Николай Романович (1800–1862) — поручик Лейб-гвардии Финляндского полка.

43. Автор имеет в виду Михаила Ивановича Пущина (1800–1869) — капитана, командира Лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона.

44. О Кюхельбекере В. К. см. наст. изд. с. 177, примеч. 83. Версия о гибели Кюхельбекера порождена, вероятно, тем, что ему удалось скрыться из Петербурга.

45. Якубович Александр Иванович (1796 или 1797–1845) — капитан Нижегородского драгунского полка, член Северного общества, накануне выступления 14 декабря был избран одним из его руководителей, но выполнять возложенные на него поручения отказался. См. о нем наст. изд., с. 170, примеч. 5.

46. Булатов Александр Михайлович (1793–1826) — полковник, командир 12-го Егерского полка. Принят накануне восстания в Северное общество, один из руководителей выступления 14 декабря. Вечером того же дня явился в Зимний дворец, где и был арестован.

47. Арбузов Антон Павлович (1797 или 1788–1843) — лейтенант Гвардейского экипажа.

48. Мемуарист имеет в виду офицеров Гвардейского морского экипажа: лейтенанта Вишневского Федора Гавриловича (1798 или 1799–1865), лейтенанта Кюхельбекера Ми-

хаила Карловича (1799–1859), лейтенанта Бодиско Бориса Андреевича (1800–1828). Все они были активными участниками выступления 14 декабря, арестованы в первые часы после восстания.

49. Имеется в виду Михаил Иванович Пущин (1800–1869) — капитан Лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона.

50. Автор записки имеет в виду группу офицеров Измайловского полка, пытавшихся сорвать присягу утром 14 декабря. Все они были членами тайного общества (см. об этом: *Ильин П. В.* И. И. Богданович — одна из трагических фигур 14 декабря 1825 г. // Памяти Ю. Д. Марголиса: Письма, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. С. 635–642).

М. П. Малютин (около 1803–1851) — подпоручик, член Северного общества, племянник К. Ф. Рылеева; Фок А. А. фон (1803 или 1804–1854) — подпоручик; Кожевников Н. П. (1804–1837) — подпоручик; Вадбольский А. П. (1806–1863) — подпоручик. Подпоручик Измайловского полка Константин Петрович Миллер был вскоре освобожден по Высочайшему повелению как непричастный к «инциденту» в полку.

Подготовка текста и комментарии Т. Н. Жуковской

*Трубецкой С. П.**
Записки 1849–1853 гг.

По окончании Отечественной войны имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире; народы и государи, пораженные его великодушием, предавали судьбу свою его воле; Россия гордилась им и ожидала от него новой для себя судьбы. Он изъявил Манифестом благодарность свою войску и всем сословиям народа Русского, вознесшего его на высочайшую степень славы; обещал, утвердив спокойствие всеобщим миром в Европе, заняться устройством вверенного Провидением держав его пространного государства[1].

Некоторые молодые люди, бившиеся за Отечество и Царя своего на поле чести, хотели быть верной дружиной вождя своего и на поприще мира. Они дали друг другу обещание, словом и делом содействовать государю своему во всех начертаниях его для блага своего народа. Их было мало, но они уверены были, что круг их ежедневно будет увеличиваться, что другие им подобные не захотят ограничиться славою военных подвигов, но пожелают оказать усердие свое и любовь к Отечеству не одним исполнением возложенных на них службою обязанностей, но и посвящением всех средств и способностей своих на содействие общему благу во всех его видах.

От поступающих в это маленькое общество требовалось: 1-ое. Строгое исполнение обязанностей по службе; 2-ое. Честное, благородное и безукоризненное поведение в частной жизни; 3-е. Подкрепление словом всех мер и предположений государя и правительства к общему благу; 4-ое. Разглашение похвальных дел и осуждение злоупотреблений лиц по их должностям.

Сначала эти молодые люди ограничивались только разговорами между собою.

* Подготовка к публикации и комментирование документа выполнены в рамках исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 03-01-00912а.

Еще неизвестно было, что именно государь намерен был сделать; но в уверенности, что он искренно желает устроить благо России, решено было[a] дать форму обществу и определить порядок действия. 9 февраля 1816-го года положено основание обществу[2]. Написан устав и принят[3]. Но в скором времени оказались в нем неудобства, от которых[b] замедлилось принятие новых членов, почему и начали думать об изменении его. Неудобства его состояли в применении масонских форм в заседаниях и в принятии членов. Они были введены по настоянию П. И. Пестеля; хотя и были в противности с характером большой части членов. По их мнению, связь, соединившая[c] членов общества, должна была оставаться тайною, но действие должно было быть явное и открытое. Они полагали, что общие собрания бесполезны, но что необходимы частые свидания между членами, для сообщения друг другу личных действий каждого и предметов, о которых должно распространять сведение в публике[d, 4].

Между тем император Александр приступил к исполнению двух своих мнений. 1-ое. Был составлен проект освобождения крестьян Эстляндской губернии[6], и явно начали говорить, что государь хочет дать свободу всем помещичьим крестьянам. 2-ое. Другой проект, переданный графу Аракчееву, был об учреждении военных поселений[7]. Из него поняли слова благодарного Манифеста по окончании войны с французами, в котором в награду войску обещана была оседлость[8].

Намерение освобождения[e] крестьян от крепостной зависимости[f] должно было[g] иметь противниками почти всех помещиков. Членам общества предстояло теперь неусыпное действие для направления общего убеждения в необходимости этой меры. Члены общества были молодые люди, не имевшие еще собственных поместьев; они не могли дать пример согражданам своим освобождением собственных крестьян, и потому действие их должно было ограничиться наведением разговоров на сей предмет и убеждением посредством слова.

Второй проект, учреждение военных поселений, было дело такого рода[h], что дальнейшие последствия его могли укрываться от самых проницательных взоров мужей, опытнейших в Государственном управлении. Ему положено было начало еще в 1811-м году поселением Елецкого пех[отного] полка в Могилевской губернии[9]. Но в 1812-м поселение было разрушено вторжением неприятеля, и невозможно было из малого и кратковременного опыта судить, в какой степени могло быть полезно или вредно подобное учреждение для государства. Граф Аракчеев сначала представил было возражение и предлагал вместо военных поселений сократить срок службы нижних чинов определением[i] вместо 25-летнего, осьмилет-

---

[a] Зачеркнуто: «определено».

[b] Первоначально было: «которого».

[c] Первоначально было: «соединяющая».

[d] Членами общества были в то время: П. И. Пестель, А. Н. Муравьев, С. П. Шипов, Н. М. Муравьев, к[нязь] С. П. Трубецкой, к[нязь] И. А. Долгорукой, к[нязь] П. П. Лопухин, Ф. Н. Глинка, С. и М. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин, И. Г. Бибиков, Н. Новиков, И. Г. Бурцов, Л. А. Перовской[5]. — *Примеч. автора.*

[e] Первоначально было: «Первый проект».

[f] Слово «зависимости» вставлено автором над строкой и выходит на поле рукописи.

[g] Исправлено из: «должен был».

[h] Далее зачеркнуто: «что».

[i] Сначала было: «определив».

него[10]. Но когда государь, убежденный в пользе своего предначертания, остался при своем намерении, то граф Аракчеев не уклонился от приведения его в исполнение. Исполнение это встретило всем известное сопротивление от крестьян тех селений, в которых положено ему начало. Жестокими мерами и некоторыми уступками преодолено упорство крестьян[11].

Долго члены общества собирали сведения об этом предмете, слушали о нем рассуждения, наводили на него речь и старались исследовать его во всех отношениях, прежде нежели решились составить собственное о нем мнение. Наконец остановились на том, что новое образование армии приготовит хорошо обученных солдат, приученных с малолетства к исправлению воинской службы, доставит возможность содержать войско с меньшим отягощением народа, и уменьшит[j] рекрутские наборы. Но что, с другой стороны, оно образует в государстве особую касту, которая, не имея с народом почти ничего общего, может сделаться орудием его угнетения. Что эта каста, составляя собою силу, которой ничто в государстве противустать не возможет, будет сама в повиновении немногих, а может быть и одного лица; и если это будет искусный честолюбец, то[k] легко[l] ему[m] будет приобретать любовь своих подчиненных, обольстить их и сделать их орудием своего честолюбия[n]. Сверх того, ненавистный начальник может быть причиною восстания вверенной ему части, и какая возможность усмирить озлобленных[o], имеющих средство отразить силу силою? Кто может поручиться, что небольшое даже неудовольствие не породит бунта, который, вспыхнув в одном полку, быстро распространится в целом округе поселения? И можно ли предвидеть, чем кончится восстание многих полков вместе?

Эти опасения подкреплены были происшествиями в начатых поселениях, Новгородском гренадерском, Бугском и Чугуевском уланских[12]. Жестокие меры, употребленные против жителей мирных селений, из которых хотели сделать военных поселенцев, возбудили всеобщее негодование. Исполнители графы Аракчеев и Вит[т][13] сделались предметами всеобщего омерзения; и имя самого императора не осталось без нарекания. Трудно было поверить, чтоб ему неизвестными оставались варварские действия этих двух человек; и это подавало невыгодное мнение о его сердце и нраве[p].

Государь выехал из Петербурга в Москву, но приехал туда не прямо, а чрез Западные губернии и Малороссию[q]. Кажется, что цель этой поездки была приготовить мысли дворянства этих губерний к свободе крестьян. Первое начало положено уже было в Эстляндии, за которою должны были следовать Лифляндия и Курляндия[14]. Псковская губерния присоединена была к ним в ведомство генерал-губернатора маркиза Паулуч[ч]и[15], и полагали, что освобождение русских крестьян

---

[j] Первоначально было: «уничт».
[k] Далее зачеркнуто: «не».
[l] Над словом цифра «2».
[m] Над словом цифра «1».
[n] Далее зачеркнут знак вопроса.
[o] Первоначально было: «во...»
[p] Внизу листа отчеркнуто горизонтальной линией место для примечания, однако само примечание отсутствует.
[q] Зачеркнуто: «Мало» (?)

начнется с этой губернии. Малороссийскому дворянству государь сам лично в сказанной речи объявил о своем намерении, но в сердцах их не нашел созвучия; сопротивление ясно выразилось в ответной речи Черниговского губернского предводителя Ширкова[16]. Это, кажется, поколебало твердость государя, ибо в Москве он удержался от выражения своих мыслей касательно этого предмета. Должно полагать, однако ж, что он искренно желал его исполнения, но между тем от дворянства хотел только повиновения своей воле, а не содействия. Доказательством тому служит следующее: члены общества собрали подписку на освобождение крестьян. Из числа известных лиц, подписавших согласие свое и обещание исполнить на правилах, какие будут составлены и утверждены правительством, были граф Кочубей и П. А. Строганов, князь Меншиков и Иларион Васильевич Васильчиков[17]. Последний, подписав, доложил тотчас о том государю, который изъявил свое неудовольствие и приказал уничтожить подписку, сделав изустно строгий выговор собиравшему ее Мих[аилу] Фед[оровичу] Орлову[18].

В следующем обстоятельстве еще более является нежелание его, чтоб дворянство содействовало ему. Проезжая Вильну, он приказал тамошнему генерал-губернатору Римскому-Корсакову[19] приготовить дворянство вверенных ему губерний к принятию монаршей воли. Корсаков нашел в губернском предводителе Виленского дворянства графе Платере[20] готового сотрудника. На выборах 1818 года граф Платер сообщил дворянам волю государя, и, приготовленные им, они приняли[r] ее с изъявлением восторга; ввели бывших с ними лакеев и кучеров в зал собрания и с бокалами, наполненными шампанским, поздравили их с будущим освобождением. Корсаков, бывший тогда в Москве, получил от государя жесточайший выговор за это происшествие.

Присутствие всей императорской фамилии в Москве радовало всех ее жителей. Богатейшие из дворянства давали праздники, удостоенные присутствием высочайших особ. Но, между тем, во всех гостиных раздавались разговоры о поселениях и о свободе крестьян. Приехавшие из Петербурга в первой половине декабря должны были около Бронниц сворачивать с большой дороги[s], чтоб объезжать бывшее в осаде селение Естяны[t, 21]; и рассказывали о происходивших там жестокостях и о жалобах крестьян. Но это был предмет, который не так был близок к сердцу дворян, как освобождение крестьян, и потому о нем только рассказывали, тогда как о последнем рассуждали, и вообще со страхом.

Многие говорили, что если государь будет упорствовать в своем намерении дать свободу, то дворянам не останется ничего более делать, как уехать в чужие края. По древней столице ходили и рукописи, в которых рассуждалось об этом предмете. В одной таковой харьковский помещик Каразин восставал всею силою своего красноречия против свободы крестьян, сравнивая состояние своих крепостных, которых благоденствию радовался, с состоянием свободных, у которых не будет собственности и которым можно сказать: «И та земля, в которую положат труп твой, не твоя!»[22].

В другой рукописи к[нязь] Ник[олай] Григ[орьевич] Вяземской, свояк гр[афа] Кочубея и предводитель Калужского дворянства, требовал Наместнических собра-

[r] Далее зачеркнуто: «из».
[s] Далее зачеркнуто одно слово.
[t] Название селения прочитывается предположительно.

ний[23]. Член общества Ал[ександр] Ник[олаевич] Муравьев написал защиту свободы крестьян и чрез к[нязя] П. М. Волконского представил сочинение свое государю[24]. Его В[еличество], прочтя, сказал: «Дурак! не в свое дело вмешался».

Жестокости, допущенные в начатых поселениях, и несогласие государя дозволить содействие дворянства в деле такой важности, и которое должно было совершенно изменить положение дворян, какова есть свобода крестьян, составляющих по существующим узаконениям достояние и главное имущество дворянства, на котором все его права основаны, — казались очень странными. Общество видело, что действия государя не соответствовали той любви к народу и тому желанию устроить его благосостояние, которое оно в нем предполагало. Сомнение, что он ищет более своей личной славы, нежели блага подданных, вкралось уже в сердца членов. Немало способствовал тому сделавшийся известным членам общества откровенный наедине разговор государя с председателем Госуд[арственного] Совета к[нязем] Лопухиным[25], бывший пред отъездом его из Петербурга. Государь говорил князю о решительном своем намерении дать свободу крестьянам и, наконец, сказал: «Если дворяне будут противиться, я уеду со всей моей фамилией в Варшаву; и оттуда пришлю указ»[u].

Члены общества, огорченные поступками государя и обманутые в великих надеждах, которые они на него полагали, не могли однако ж расстаться с мыслию, что, действуя соединенными силами, они могут сделать много пользы своему отечеству. Пример прусского Туген[д]бунда доказывал, что усилия людей, имеющих одну цель, не остаются тунны[27]. Число готовых содействовать ежедневно увеличивалось. Оставалось определить ясно порядок действия и начала, на которых он должен быть основан. Первый устав общества оказался неполным[v], неопределенным и неудобным в приложении. Должно было составить такой, чтоб он соответствовал той обширной цели *утверждения отечественного благоденствия*, которую члены имели в виду. Дух кротости, благонамерения и любви к отечеству, который одушевлял их самих, должен был ясно выражаться во всех словах устава. Самое злостное розыскание не должно было найти в нем ничего такого, чтобы могло подать повод к обвинению членов в себялюбии или действии, опасном для спокойствия отечества. Устав написан и принят в Москве бывшими там наличными членами, числом двадцать четыре[28]. Общество назвали по предмету своей цели *Союзом Благоденствия*, и эпиграф его означал твердое намерение членов посвятить всю жизнь свою исполнению этой цели; его составляли слова Спасителя: «Никто же, возложа руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствие Божие»[29].

По новому уставу общество оставалось верным первоначальному своему назначению. Члены обязывались: 1-е. Поддерживать все те меры правительства, от которых возможно ожидать хороших для благосостояния государства последствий.

---

[u] Некоторые члены, бывшие в Москве, узнали этот разговор государя с к[нязем] Л[опухиным] и в первую минуту мысль о том, каким ужасам безначалия может подвергнуться Россия от такого поступка, так сильно поразила одного из членов, что он выразил готовность (если б государь оказал себя таким врагом Отечества) принести его в жертву, не щадя собственной жизни. Эти слова тем замечательны, что они впоследствии послужили поводом к приговору в каторжную работу и того, кто их сказал, и тех, при ком сказаны были[26]. — *Примеч. автора*).

[v] Первоначально было: «не (?) неполным».

2-е. Противодействовать словом всем тем, которые признаны будут несоответствующими этой цели или вредными. 3-е. Разглашать все благородные поступки и полезные действия лиц должностных и частных. 4-е. Преследовать всех чиновников, от самых высших до самых низших, в злоупотреблении по их должностям. 5-е. Исправлять по силе своей и возможности всякую несправедливость, оказанную какому-либо лицу, и защищать обиженных и невинных. 6-е. Распространять убеждение в необходимости освобождения крестьян. 7-е. Освобождать своих крестьян, когда поступят к ним во владение. 8-е. Распространять чувства любви к Отечеству и ненависти к несправедливости и угнетению. 9-е. Приобретать и распространять познания по части государственного устройства, законодательства, судопроизводства и прочих политических наук.

Общее действие общества обнимало все отрасли государственного управления и все сословия государства. Для этого все члены его разделялись на четыре разряда, названные отраслями: Благочиния, Правосудия, Законодательства и Государственного хозяйства[30]. Каждый член записывался в одну из этих отраслей и предпочтительно занимался теми предметами, какие она имела в виду.

Управление общества сосредоточивалось в *Коренном Союзе*, состоявшем из всех членов-основателей. Каждый член Коренного Союза обязан был завести *управу* по одной из четырех отраслей и оставался ее председателем до тех пор, когда число членов достигало двенадцати, тогда председатель управы избирался большинством голосов членов управы. Коренной Союз сверх того назначал в управу *Блюстителя*, который по возможности определяем был из членов Коренного Союза. Председатель управы распределял действие между членами управы, принимал от них сведения о[бо] всем, что касалось до действия Союза, и сообщался с Коренным Союзом, от которого получал направление. Каждый член управы мог с согласия Председателя и Блюстителя своей управы завести вспомогательную управу, для занятий в политических науках и для приготовления членов для союза. Председатель[w] и Блюститель[x] управы[y] были всегда членами и вспомогательной управы[z]. В Коренном Союзе также избирались Председатель и Блюститель. Обязанность первого была: иметь беспрерывное сообщение со всеми председателями управ: получаемые от них сведения сообщать членам Коренного Союза; собирать членов его, когда надобность к тому окажется, распределять действия между управами и наблюдать за исполнением. Он ежедневно должен был видеться с блюстителем Коренного Союза, которого обязанность была: иметь бдительный надзор за действием всего общества и не дозволять ни в чем отступать от духа, цели и порядка действия, определенного по уставу Союза Благоденствия. Блюстители всех управ были в непрерывных сношениях с блюстителем Коренного Союза. Он посредством их следил за действием и поступками каждого члена Союза. Ему предоставлено было напоминать каждому члену об обязанностях его как члена Союза, как гражданина и как частного человека. Без его ведома никакой новый член не мог быть принят в Союз; он должен был собрать о нем надлежащие сведения, стараться познакомиться с ним лично, когда

[w] Первоначально было: «Председатели».
[x] Первоначально было: «Блюстители».
[y] Первоначально было: «управ».
[z] Первоначально было: «вспомогательных управ».

возможно, узнать и испытать его, и тогда уже давал разрешение на принятие, когда находил его полезным для Союза. Он сверял и скреплял своею подписью все списки устава Союза Благоденствия. В каждой управе список хранился у Блюстителя, который давал его для прочтения предположенному в члены, взяв от него предварительно подписку, что он о прочтенном разглашать не будет; а когда прочитавший соглашался вступить в Союз, то давал другую подписку, в которой обещался содействовать по силе своей и возможности цели Союза. Все подписки доставлялись Блюстителю Коренного Союза.

Члены Союза Благоденствия очень понимали, что действие их на Отечество не может быть полезным, если они не будут иметь достаточных сведений о состоянии его, и если они не приобретут познаний в науках, имеющих целью усовершенствование гражданского быта государства. И потому приобретение этих необходимых сведений и познаний поставлялось в непременную обязанность всем членам Союза. Уже прежде того некоторые члены приговорили[aa] профессора для чтения курса политической экономии[31]. После нескольких уроков профессор просил дозволения одному своему приятелю быть в числе слушателей. Тем, к кому он имел доверенность, признался, что мнимый приятель прислан от полиции. Вскоре после того государь потребовал от полковых командиров сведения об офицерах, бывших в числе слушателей и, получив о них хороший отзыв, повторил несколько раз М. Е. Храповицкому[32] слова: «Это странно! Очень странно! Отчего они вздумали учиться?!».

По принятии нового устава действие пошло быстро и[bb] в течение двух лет образовались управы в Москве, в Петербурге и в разных губерниях, между военными и гражданскими и другими[33].

Тогда масонство очень распространялось в России. Многие члены поступили в масоны, чтоб узнать тайны этого общества, и видеть, сколько оно может содействовать или вредить цели союза. Им удалось, наконец, овладеть одною из лож, которую они направляли сходно цели Союза Благоденствия, но она состояла в зависимости [от] Главной ложи, управляемой графом Вельгорским[34], в которой господствовал какой-то странный мистицизм[35]. Не желая, чтоб их ложа приняла такое направление[cc] и не видя достаточной пользы в масонстве, члены[dd] отстали от него[ee]. В Москве было составлено другое общество, под названием Русского Рыцарства[41]. Оно успело даже напечатать небольшое сочинение, в котором излагало свои правила[42]. Некоторые его члены[ff] столкнулись с членами Союза Благоденствия, оба общества вошли в сношения посредством двух избранных для того

[aa] Так в тексте.

[bb] Вставка в текст.

[cc] Далее зачеркнуто: «члены» (?).

[dd] Далее зачеркнуто: «оставили».

[ee] Определено было готовить материалы для издания журнала и было уже заготовлено достаточное количество статей [*слово* «статей» — *вставка*][36]. Книгопродавец Пономарев[37] согласился [взять] все на себя иждивение, но правительство воспрепятствовало. Однако ж Николаю Тургеневу[38] удалось напечатать особую книгу «О налогах»[39] и Грибовскому «Историю крепостного состояния в России»[40], при которой не дозволено было перепечатать трех указов императора Петра Великого. — *Примеч. автора*.

[ff] Первоначально было: «членами».

членов. Члену С. Б. легко было доказать члену Р. Р., что это общество не имеет положительной цели и что оно распространяться не может.

Общество Р. Р. по двухлетнем существовании состояло тогда только из семи человек[gg]. Четверо перешли в С. Б.

В половине 1819-го года блюститель Коренного Союза Трубецкой уехал за границу[44]. На место его был избран Долгорукой. В начале 1820-го приехал в Петербург Пестель и во многих бывших собраниях восставал против образа действия и духа Союза Благоденствия, объяв[ля]я при том, что он устава его не принял и продолжает свое действие сообразно первому уставу. Он находил, что действие С. Б. так медленно, что нельзя определить, когда оно достигнет предполагаемой цели. Что единственная цель общества должна быть изыскание[hh] и приобретение средств к преобразованию[ii] правления и общественного порядка; что должно определить, какое именно устройство должно ввести в государстве, и согласиться в средствах к приведению его в исполнение. Поэтому он предложил многие вопросы, на которые требовал мнения Союза. Слова его смутили многих членов, и единство в действии было потеряно[45]. Согласились созвать общий съезд в Москве, но и там еще более разъединились[46]. Тогда происшествие в Семеновском полку[47] довершило расстройство Союза[jj]. Члены боялись собираться, чтоб не навести[kk] подозрения; многие напугались до того, что прекратили всякую связь с прочими членами[ll].

Мало осталось верных сделанному обещанию при учреждении С. Б. Возвратясь в Петербург после двухлетнего отсутствия, Трубецкой нашел там очень мало членов, и тех упавших духом[50]. Он соединил Тургенева, Вольховского, Павла Колошина, Ст[епана] М[ихайловича] Семенова[51], которые скучали своим бездействием. Скоро Гвардия возвратилась, и с нею многие из бывших в ней членов ободрились[52]. Трубецкой нашел и новых, которых при нем не было: Рылеева, Пущина, Нарышкина, Оболенского, Миткова[53]. Ему рассказали о[бо] всем, что было во время его отсутствия, и согласились возобновить действие в прежнем духе и по правилам С. Б. Но так как правительство сделалось подозрительно, то положили не иметь[mm] многолюдных управ и многочисленных собраний и быть осторожнее в принятии новых членов, оставя в покое тех, которые охладели. Не восстановлять и не заводить до времени побочных управ. Но, между тем, все продолжать действие по началам и правилам Союза Благоденствия.

[gg] Эти семь человек были граф Дмитриев-Мамонов, который после сошел с ума, к[нязь] А. С. Меншиков, Д. П. Бутурлин, М. Ф. Орлов, М. А. Фонвизин, Н. И. Тургенев и Каверин[43]. К[нязь] М[еншиков] и Б[утурлин] не хотели явно принадлежать к такому многочисленному обществу, каковым было тогда С. Б. — *Примеч. автора.*

[hh] Первоначально было: «изыскания». Далее зачеркнуто: «средств».

[ii] Зачеркнута вставка: «обр».

[jj] Когда солдаты Л[ейб]-г[вардии] Семеновского полка отказались повиноваться полковому командиру Шварцу[48], легко было возмутить полк. Но Сергей Муравьев пребыл верен правилам Союза Благоденствия и старался удерживать свою роту в повиновении, доколе то возможно было. Он успел бы даже совсем не выпустить ее на площадь, но боялся, чтоб чрез это винность других не была увеличена. — *Примеч. автора.*

[kk] Исправлено из: нрзб.

[ll] К[нязь] И. А. Долгорукой, бывший блюстителем К[оренного] С[оюза], совсем прекратил сношения. Алексей Оленин[49] также отстал. — *Примеч. автора.*

[mm] Внизу листа отчеркнуто горизонтальной линией место для примечания, однако само примечание отсутствует.

В это время приезжали в столицу несколько членов с Юга[54]. Из речей их оказывалось, что там бывшее отделение Общества действует в особенном духе, который казался несоответствующим принятому руководству. С нетерпением ожидали обещанного приезда Пестеля, чтоб от него получить подробное сведение и направить все действие к прежней цели и в прежнем духе. Он приехал в начале 1823 [года][55], но, к сожалению, удостоверились[nn], что он в образе своих мыслей руководствуется совсем противными правилами. В собраниях, которые были для совещания с ним, он представлял «необходимость изменить образ действия столичного, как весьма медленного и отдаляющего достижение цели на неопределенное время». Он излагал мнение, что общество должно «стараться приобретать силу для изменения образа правления насильственным образом, и тогда общество, взяв в руки власть, должно образовать из себя Временное Правление, которого[oo] обязанность будет ввести то устройство и законы, по которым Отечество должно быть управляемо. Для доставления обществу этой силы следовало вручить управление[pp] его трем лицам, из которых два уже были на Юге, а третье избрать в столице; и эти три лица направляли бы все действия, сносясь между собою. Проект предлагаемых им государственных[qq] постановлений в будущем быту России был написан под названием „*Русской Правды*“[56]. Открыто было общество между поляками, с которым вступили в сношение. Оно требовало восстановления Польши и отделения ее от России, на что дано было предварительное согласие, хотя и не в том размере, в каком предполагали поляки»[57].

Эти речи сильно взволновали присутствовавших членов. Жаркие возражения их против такого образа мыслей и против изменения цели, с которою было составлено общество, не имели влияния на Пестеля. Разрыв обоих отделений общества был неизбежен; и сверх того предстояло еще удержать в правилах Союза некоторых из молодых членов в столице, которых П[естель] в частных свиданиях убедил принять некоторые из его мнений[58]. И потому первым делом старших членов было обратить младших на прежний образ мыслей, почему первые и согласились в следующем:

«1-е. Не изменять образа действия. Поспешность не годится, потому что чрез нее могут быть неосторожно приняты такие члены, которые потом могут оказаться бесполезными или даже вредными. Цель не может быть иначе как отдаленна, потому что дело такого рода, что невозможно положить[rr] срока его исполнению.

2-е. Общество приобретет возможность действовать на государственные постановления тогда, когда члены его, оставаясь на службе[ss], займут должности, в которых таковое действие будет им предоставлено самим званием их.

3-е. Изменение образа правления насильственным образом есть дело страшное, которое неминуемо повлечет за собою все ужасы французской революции, от которых предохранить Россию есть одна из первых целей общества. Те, которые

[nn] Первоначально было: «уве».
[oo] Первоначально было: «которое».
[pp] Исправлено из: «Директору» (?).
[qq] Вставка.
[rr] Далее зачеркнуто: «ему».
[ss] Дале зачеркнуто: «будут».

осрамят себя участием в подобном деле, сделаются предметом омерзения Отечества и всего света.

4-е. Вручить безотчетное[tt] управление общества трем или скольким бы то ни было лицам было бы сделаться прочим членам слепыми орудиями этих лиц.

5-е. Сообщенные П[естелем] основания, на которых составлена „Русская Правда", не могут быть приложены к Русскому Государству.

6-е. Уступить Польше то, что приобретено от нее ценою крови отцов, невозможно. Польша должна навсегда[uu] оставаться достоянием России, но справедливость требует, чтобы как поляки, так и прочие покоренные русскими народы пользовались одними с ними правами»[59].

Эти доводы убедили тех членов, которые были поколеблены рассуждениями П[естеля] — доверенность к нему истребилась и заменилась опасением, чтоб на Юге не произошло что-нибудь такое, которое было бы совершенно противно намерениям Союза. Там были некоторые члены, как Сергей Муравьев, Бурцов[60] и другие, в которых общество было уверено; но они не могли пересилить влияние Пестеля. Однако ж С. Муравьеву было сообщено все, что происходило в столице в бытность П[естеля], и поручено ему наблюдение за его действиями и противодействие им. Между тем признана необходимость дать ему помощника из старых членов, пользующихся совершенною доверенностью Общества.

Скоро оказалась возможность привести в исполнение это предположение. Трубецкому предложено было место дежурного штаб-офицера 4-го пехотного корпуса, которого корпусная[vv] квартира была в Киеве[ww, 62].

Приехав в Киев, Т[рубецкой] нашел, что Южное общество во всем отклонилось от правил Союза и действовало единственно по направлению, которое давал ему П[естель]. Некоторые члены хотя и оставались верными прежде[xx] принятым ими началам, но лишены были средств действовать. Этих членов Т[рубецкой] старался соединить и посредством их привлечь других на свою сторону, в чем и имел достаточный успех. В то же время [он] обратил внимание на то, чтоб правила Южного общества не распространялись в полках 4-го корпуса, и в этом также успел. Узнав, кто были некоторые[yy] из главных членов Польского общества, он надеялся во время бытности их на контрактах[63] убедить их оставить несбыточную мысль, чтоб Польша могла когда-либо отделиться от России. Время не дозволило привести в исполнение этой статьи. П[естель], узнав[zz] действия Т[рубецко]го,

---

[tt] Вставка.

[uu] В тексте «всегда», «на» вставлено над строкой.

[vv] Исправлено из: нрзб.

[ww] Может быть, удалившись от столицы, Т[рубецкой] сделал ошибку. Управление обществом перешло в руки членов, которые, будучи моложе, имели менее опытности, и увлекались иногда своею горячностью, в желании распространения общества[61]. Между тем многие из них не могли действовать в том кругу, в котором мог действовать Т[рубецкой]; и, сверх того, были члены, с которыми чрез отсутствие его связь прекратилась. Но опасения, которые поселял Юг, были такого рода, что признавалось необходимым отделить туда такого члена, который, имея достаточный вес и известность в обществе, мог бы иметь и силу привести Южное отделение к тем благодетельным началам, на которых основан был Союз и на которых продолжали действовать на Севере. — *Примеч. автора.*

[xx] Первоначально было: «прежним».

[yy] В тексте: «некоторых».

[zz] Первоначально: нрзб.

уведомил его, что он будет на контрактах для свидания с ним. Тогда же должны были собраться в Киев многие из членов, и Т[рубецкой] надеялся, что он вполне достигнет цели, с которою он переехал в этот город, и выполнит успешно поручение Северного общества.

Между тем Южное общество скрывало в недрах своих изменников. Начала, по которым оно действовало, не[aaa] возбуждали[bbb] любви[ccc] к Отечеству, но, напротив, страсти с нею несовместные. Квартирмейстер Вятского полка[ddd], пользовавшийся от[eee] командира[fff] своего Пестеля большою доверенностью, промотал в Москве казенные деньги и, боясь ответственности, решился донести о существовании общества, которому он приписывал самые пагубные намерения; он успел препроводить донос свой к государю в Таганрог; при нем был приложен список с лишком осмидесяти членов[64]. С другой стороны, Шервуд, унтер-офицер Нежинского конно-егерского полка[65], принятый Вадковским[66] (членом Юж[ного] общ[ества]), имея от него поручение к П[естелю], нашел также посредством графа Вит[т]а путь к государю и вручил[ggg] Е[го] В[еличеству] письмо В[адковского] к П[естелю][67]. Должно заметить, что прежде того гр[аф] Вит[т] чрез[hhh] посредство приятеля своего, камергера Бошняка[68], вступил в сношения с Юж[ным] обществом[69].

Какие меры принял государь или намерен был принять, осталось обществу неизвестным. Только известно, что П[естель] был после смерти государя арестован по распоряжению Дибича из Таганрога[70].

В Петербурге общество оставалось под управлением Никиты Муравьева, Рылеева, к[нязя] Оболенского и Пущина. Скоро последний[iii], оставя Гвардейскую артиллерию, определился в Москву судьей Надворного суда, вследствие мысли облагородить гражданскую службу, которую он и исполнил вместе с Павлом Колошиным[71].

В столицу приехал из Грузии Якубович. Он был не раз оскорблен по службе. Отличная репутация его в Кавказском корпусе (где он[jjj] при капитанском[kkk] только чине имел[lll] значительную команду на линии) не привлекла на него внимания государя. Он, сверх того, считал себя несправедливо переведенным тем же чином из гвардии в армию; и обстоятельства, с которыми последовала его высылка из столицы, и препровождение в Кавказский корпус, оставили в нем глубокое впечатление[72]. Якубович если не в[mmm] сердце, то на словах питал сильную ненависть к государю и часто в сообществе с военными распространялся в разговоре о непременном своем намерении отмстить за претерпенные оскорбления. Извест-

---

[aaa] Вставка.
[bbb] В тексте: «возбуждало».
[ccc] Исправлено из: нрзб.
[ddd] Далее зачеркнуто: «которого». Следующие два слова — вставка.
[eee] Далее зачеркнуто: «был».
[fff] Исправлено из: «командиром». Далее зачеркнуто: «был».
[ggg] Далее зачеркнуто: «ему».
[hhh] Исправлено из: нрзб.
[iii] Далее зачеркнуто одно слово. Предположительно: «определился».
[jjj] Далее зачеркнуто: «вопреки».
[kkk] Исправлено из «капитанского».
[lll] Слово «имел» ошибочно повторено дважды.
[mmm] Вставка.

ная его храбрость, возвышенная[nnn] глубокой раной на лбу, воинственная наружность, витиеватая речь привлекали к нему молодежь. В некоторых членах запала мысль, что если Якубович исполнит изъявленное им намерение, то общество должно воспользоваться последствиями. Другие, приняв[ооо] также слова Я[кубовича] за истину, придумывали средства воспрепятствовать исполнению. В[ppp] последнем смысле писал Ник[ита] Муравьев Трубецкому, и поручено было фон дер Бригену, ехавшему в Киев, просить содействия Т[рубецко]го[73]. Этот поспешил в столицу, увидел Якубовича, убедился, что выражение его ненависти преувеличено, что он увлекается разговором, но не способен ни на какое злодеяние[74].

В это время неожиданное известие поразило столицу. Император был опасно болен. Чрез два дня пришла весть о его кончине[75]. Кто был тогда в Петербурге, тот знает, какое уныние овладело всеми жителями. Чувство это объясняется и отношениями, которые существуют между Русским Государем и его подданными, и самым поведением Александра в течение двадцатипятилетнего его царствования, исполненного важнейшими событиями, какие когда-либо представлялись в истории мира. В самодержавном правлении, таком как в России, личные качества государя имеют самое сильное влияние на судьбу народа. Русский царь не силен доставить благоденствие своим подданным; но каждая ошибка его, всякий недосмотр с его стороны может быть причиною великих народных бедствий.

Правда, царствование Александра не обошлось без них, Россия много при нем вытерпела, но его в том никто не винит. Виновником всех своих бедствий Россия признавала Наполеона, и попытки противиться ему, остававшиеся долгое время без успеха, вменялись Александру в достоинство. И когда борьба с этим величайшим гением своего времени кончилась к славе русского народа, то блеск ее не преставал озарять царя его до конца его жизни. Великодушие Александра в победе, кротость к побежденным, отсутствие тщеславия не изгладились из памяти людей. Хоть доверенность к нему народов и была поколеблена, и в Европе укоряли его в неисполнении тех обещаний, которые были даны народам в 1813-м году и потом повторены торжественно всеми государями на Венском конгрессе[76]; но все еще к нему обращались общие взоры, как к[qqq] лучшему, просвещеннейшему и могущественнейшему из тогдашних владетелей Европы. Хотя в собственном отечестве своем он также не оправдал ожиданий, по утверждении общего мира в 1815-м году. Может быть, оттого, что надежды были слишком велики. Но они были основаны на мнении о добродетелях и могуществе его; и потому неудивительно, что он подвергся обвинению, что, удовлетворяясь приобретенною славою, не довольно радеет о благе общественном и слишком привязан к мысли о своем самодержавии.

Как бы то ни было, но к[rrr] владычеству Александра привыкли. При всех своих недостатках он почитался несравненно лучшим всех своих братьев, и смерть его казалась истинным несчастием. Мрак неизвестности покрывал будущность России.

Наследие престола бесспорно принадлежало старшему из братьев покойного

[nnn] Так в тексте.
[ooo] Первоначально было: «приняли» (?).
[ppp] Далее зачеркнуто: «таком».
[qqq] Исправлено из: нрзб.
[rrr] Далее зачеркнуто: «царствованию».

императора, цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу[77]. Но в высшем круге общества давно уже носилась молва, что Александр готовил себе в наследники второго своего брата Николая Павловича. Что на это согласился сам Константин, когда женился на польке Грудзинской[78]. Что духовное завещание Александра по этому предмету лежит на престоле Казанского собора. Но все это были слухи, а истина была известна только немногим из высших государственных сановников[79]. Воля Александра оставалась для народа тайною, и право располагать наследством престола по завещанию подлежало сомнению. Следовательно, один Константин мог почитаться истинным законным наследником. Это мнение выразил и С.-Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович[80], когда был приглашен В[еликим] К[нязем] Николаем Павловичем на совет в Аничковский дворец[81], в день получения известия об опасной болезни государя, и потом повторил его в Государственном Совете, собравшемся тотчас по кончине государя. В сем последнем по настоянию к[нязя] Александра Николаевича Голицына[82] прочтена была духовная покойного государя, писанная рукою князя и хранившаяся в Совете. Ею действительно он назначал преемником своим Николая, и к ней были приложены письма Константина, писанные во время его женитьбы на Грудзинской, в которых он отказывался от наследия престола[83]. Оказав этим прочтением уважение к памяти покойного, все члены согласились с мнением гр[афа] Милорадовича, что законы государственные не дозволяют располагать престолом по духовному завещанию и что должно присягнуть Константину как единственному законному наследнику[84]. Это решение объявлено Николаю, который подчинился необходимости и пошел вместе со всеми членами Совета к императрице Марии Феодоровне[85], а оттуда в церковь для принятия присяги. Между тем гр[аф] Милорадович приказал уже С.-Петербургскому коменданту[86] послать по всем занимаемым в городе караулам приказание присягнуть новому государю, что и было тотчас исполнено. А министр юстиции кн[язь] Лобанов-Ростовский[87] поехал объявить о смерти государя Сенату. Гг. сенаторы присягнули, и никто из них не помянул о конверте, положенном от покойного государя в Сенате с подписью, сделанною собственною его рукою, чтоб в случае его смерти, не приступая ни к чему, сначала прочтена была в Сенате заключенная в этом конверте воля его[88]. Указ о присяге немедленно напечатан и разослан; и в тот же день войско и чиновники, бывшие в С.-Петербурге, приведены к присяге и приняли ее беспрекословно.

Только внутренний караул во дворце, бывший от роты Его Величества гренадерского взвода Л[ейб]-гв[ардии] Преображенского полка, некоторое время колебался. Когда поставлен был налой[89] в комнате, где был этот[sss] караул, и гренадеры узнали для чего, то головной вышел и изъявил от имени всех своих товарищей недоверчивость к справедливости известия и повторил несколько раз, что они никогда не слыхали, чтоб государь был болен. Никто из генералов не мог их убедить, доколе Николай Пав[лович] не объявил, что он сам присягнул новому императору Константину Павловичу. Тогда гренадеры согласились присягнуть[90].

В Москве сопротивление оказалось со стороны митрополита. Там в Успенском соборе действительно было положено завещание Александра с повелением от-

[sss] Вставка.

крыть его тотчас по получении известия о его смерти, и митрополит Филарет[91] отказался привести к присяге собравшихся в соборе правительственных чинов и прочих лиц. Сенаторы московских департаментов должны были уехать ночью из Собора и из общего собрания послать указ о приведении к присяге. Таким образом Высокопреосвященный отклонил от себя нарекание и ответственность за неисполнение данного покойным императором повеления[92].

Между тем В[еликий] К[нязь] Николай Пав[лович], хотя и оказал покорность Государственным законам и уважение к решению Совета, но не потерял надежды заменить Константина на императорском престоле. И для того он, возвратясь тотчас после присяги в свой Аничковский дворец, послал за заброшенным и забытым всеми действ[ительным] ст[атским] сов[етником] Опочининым[93], всегда[ttt] остававшимся в милости у Константина Павловича и жившим в Мраморном дворце[94]. Он дал ему письма и поручил ехать к новому императору и напомнить ему, что он сам добровольно отказался еще в 1817-м году от наследования[uuu] престола[95]. Опочинин на другой день возвратился в столицу, встретясь дорогою с Вел[иким] Кн[язем] Михаилом Павл[овичем][96], который ехал из Варшавы. От него он узнал, что Константин не объявил о смерти Государя в вверенном его управлению Царстве Польском[97]. Николай Пав[лович] в тот же день опять отправил Опочинина с новыми письмами.

Необъявление известия о смерти государя, которое получено Константином прямо из Таганрога, доказывало, что он или ожидает известий дальнейших из Петербурга, или не желает наследия. Но, после принесенной ему присяги, он один только мог разрешить от нее своих подданных. Опочинин должен был уговорить его прислать Манифест о своем отречении. Он поехал с сильным желанием согласить его приехать в столицу, в которой должна решиться участь государства. В семействе его однако ж не надеялись, чтоб он успел в том. Помнили, что Константин говорил, что он царствовать не хочет, и прибавлял слова: «Меня задушат, как задушили отца».

Хотя скрывали в большой тайне известия, привезенные Михаилом Пав[ловичем], но все [же] можно догадаться[vvv] было[www], что они ни для кого не были удовлетворительны. Если Константин ожидал, что выполнено будет завещание Александра, то приездом своим в Петербург он[xxx] утвердил бы право Николая; но упорное пребывание его в Варшаве подавало повод полагать, что он выжидает, какой оборот примет дело в Петербурге или чего-нибудь боится.

Какие подлинно были мысли Константина, неизвестно. Во всяком случае он оказывал[yyy], что не алчет власти, и никто не вправе был бы укорить его за такое равнодушие, если б он уклонился от нее с соблюдением того порядка и торжественности, которых требовало подобное обстоятельство. Напротив, он не соблюл даже самых простых правил благопристойности. Письмо, присланное им с Ми-

---

[ttt] Исправлено из: нрзб.
[uuu] Исправлено из: «наследия».
[vvv] Над словом цифра «2».
[www] Над словом цифра «1».
[xxx] Далее зачеркнуто три слова.
[yyy] Так в тексте.

х[аилом] Пав[ловичем] к Николаю, которым он подтверждал, что не желает царства, было написано в таких неприличных выражениях, что даже и впоследствии не осмелились им воспользоваться[98].

Ничто не могло убедить его к принятию поведения, достойного его сана; он твердил, что знать ничего не хочет, и на этом основании отказывался[zzz] принимать посылаемых от Сената и прочих мест с извещением о данной ему присяге[99].

Такое положение дел, продолжавшееся с лишком две недели, было самое благоприятное для установления в России правления, сообразного с степенью просвещения века. Если б высшие сановники государства одушевлены были истинною любовию к Отечеству, то им легко было это сделать и оградить Россию от грозящих ей в будущем переворотов. Нельзя допустить предположения, чтобы между членами Государственного Совета и Сената не было достаточного числа особ, способных понять этой истины и привести ее в исполнение. Сперанский[100] был уже с некоторого времени занят по поручению Александра разбором конституций существующих представительных государств[101]. Вне обоих высших правительственных мест были также люди, постигавшие, что образ правления в России не есть образцовый, и что время уже ей и в этом отношении поравняться с просвещеннейшими государствами Европы[aaaa, 103].

Но однако ж никто не возвысил своего голоса в эти дни, в которые отозвался бы на него сильный отголосок. Недостаток ли духа? Недостаток ли любви к отечеству? Попечение ли о собственных выгодах замкнули уста? Только никто не смел выразить мысли о возможности и надобности улучшить государственные постановления. Негодование высшего круга столицы на странное положение, в котором находилось государство, выражалось одними плоскими насмешками: спрашивали: «Продадутся ли бараны?», бились об заклад, кому достанется престол. Издевались над посылкою от Сената к новому императору с донесением о присяге чиновника, известного за игрока, хорошо передергивающего карты, и тому подобное[104]. Все ограничились единственно ожиданием, кому в руки попадет государство, не заботясь о том, как оно будет управляемо. Названный государь был, но действительного не было, и никто наверное не мог сказать, кто им будет. Константин в высшем кругу не имел приверженцев; он в течение последних десяти лет сделался почти чужим для русских, приезжая очень редко в Петербург, он носил мундир Польской гвардии, что не нравилось русским военным. Воспоминания, которые оставались о прежнем его в России поведении, были неблагоприятны. Хотя и говорили, что нрав его, под благодетельным влиянием его второй супруги, много укротился и изменился к лучшему, однако ж вообще не было к нему расположения. Особенно придворные вооружались против него. Гордость дам оскорблялась мыслью, что незнатного рода полька может сделаться императрицей. Николай имел не более лично к нему преданных, как и Константин; он не имел дара привлечь к себе; и те, с которыми он имел дело, то есть военные, его не

[zzz] Исправлено из: «отправилс» (?).

[aaaa] В первые дни по восшествии Николая на престол генерал-адъютант Левашев[102] был посылан в Петропавловскую крепость для допроса арестованных, и он сказал к[нязю] Трубецкому: «Mon Prince vous avez reculé la Russie de cinquante ans» (Князь, вы отодвинули Россию на пятьдесят лет [назад] — *пер. с фр.*). — *Примеч. автора.*

терпели. Со всем тем, как выбор мог только быть из двух лиц, то большая часть высшего круга желала его. Надеялись, что при нем двор возвысится, придворная служба получит прежний свой почет и выйдет из того ничтожества, в котором была содержана покойным государем, и в котороеbbbb еще бы более погрузилась при Константине. Притом Великая Княгиня была дочь королевская[105], следовательно, ее возвышение никого омрачить не могло, она и без того была выше всех родом своим. Она слыла женщиною доброю, довольно еще была молода, любила веселость и удовольствия; должно было ожидать, что при ней двор не будет скучен. При знакомых императоре и императрице все надеялись сохранить занимаемые ими места и говорили, что если Николай будет государем, то все останется по-прежнему, только государь будет двадцатью пятью годами моложе.

Другие классы общества молча ожидали окончания междуцарствия. Они понимали свою незначительность, и хотя были, впрочем, склонны к Константину, но только потому, что предполагали в пожилом человеке более опытности, нежели в молодом, который до тех пор занят был единственно фронтовой службой. Народ был равнодушен и в неизвестности о происходившем. Одни военные искренно желали, чтоб Константин был императором. Им молодые Великие Князья надоели. Гвардейские офицеры с нетерпением ожидали приезда нового императора; а солдаты, не зная, чтоб готовилась какая перемена, спокойно ждали прибытия своего государя.

Это незнание солдат и народа были причиною спокойствия столицы в эти дни и этим обязаны бывшему военному генерал-губернатору графу Милорадовичу. Меры, принятые им, содержали в спокойной уверенности гвардию и народ в неизвестности о происходивших переговорах и о том, что готовится какое-нибудь необычайное событие. Гр[аф] Милорадович был тогда единственным действующим лицом и распорядителем. С самого начала до конца сохранив присутствие духа и хладнокровную деятельность, он смело принял на себя одного всю власть, которая могла заключаться только в высших государственных местах, и полную ответственность за спокойствие не только одной столицы, но и всего государства. Он был виновником присяги законному наследнику и устранения духовной покойного государя. Убежденный им, В[еликий] К[нязь] Николай покорился власти закона и предал судьбу свою благоволению старшего брата. Он, конечно, имел право ожидать добровольногоcccc и торжественного отречения Константина, но престол, и притом самодержавный, имел столько прелестей, что Константин мог найти множество предлогов по удержанию власти, которая без его воли была ему предоставлена общею присягою всего государства. Умеренность Николая в этих обстоятельствах тем замечательна, что на противное с его стороны поведение поощрял его голос придворных и молчание всех без исключения первых сановников. Как легко было Великому Князю согласить Государственный Совет и Правительствующий Сенат исполнить всякую его волю, является из всех событий, ознаменовавших эти дни. Даже когда Константин не принял посланных с объявлением о принесенной ему присяге и отказался в присылке Манифеста о своем

---

bbbb Исправлено из: «которой».
cccc Исправлено из: нрзб.

отречении[dddd], и тогда ни Совет, ни Сенат не помыслили, что одно только высшее правительственное место имеет власть объяснить народу все случившееся и удостоверить его в истине[eeee] отречения Константина; и что всякий иной образ восшествия Николая на престол должен необходимо иметь пред народом вид похищения. Если не робость виною такого молчания, то оно доказывает совершенное незнание[ffff] в государственных сановниках[gggg] политических прав[hhhh].

В то время как все это происходило, тайное общество, хорошо извещенное о всех малейших обстоятельствах, определило в предположении воцарения Константина приостановить свое действие и ограничиться на некоторое время наблюдением, какой ход примут дела при новом императоре. Когда же увидело, как обстоятельства путаются, то стало помышлять о том, как извлечь из них всю ту пользу для отечества, которую действие общества до тех пор могло[iiii] обещать ему[jjjj] только в неопределенной отдаленности[106].

Первым действием тайного общества было увериться, что все члены его, налицо состоявшие в столице, будут равно усердно содействовать общей его цели. Но здесь оказалось то же, что обыкновенно оказывается во всех делах человеческих. Многие члены вступили в общество, когда конечное его действие представлялось только в неизвестной дали. Принадлежа к обществу, они имели опору, которая могла способствовать[kkkk] их возвышению. Теперь они достигли уже известной степени, и в новых обстоятельствах не видели для себя пользы согласоваться видами с таким обществом, которое стремилось жертвовать собою для блага отечества и не представляло никаких личных выгод ни которому из своих членов. Многие, также бывшие ревностными членами в молодости, охладели с летами. Ныне предстояло действие решительное, не представлявшее в случае успеха ни богатства, ни почестей, ни власти; и которое в случае неуспеха угрожало погибелью. Вернее было передаться на сторону силы, нежели подвергнуть себя, может быть, бесславию и бесславной смерти. Таким образом, общество увидело себя ослабленным чрез отступление таких членов, которые[llll] должны были[mmmm] сделать значительный перевес, по власти, которую чины их[nnnn] предоставляли им в рядах гвардии[107].

Но в то же время общество получило убеждение, что предстоящая перемена в престолонаследии не могла последовать без сопротивления со стороны военной силы. К несчастью, общественное устройство в России еще и по сих пор[oooo] таково, что военная сила одна, без содействия народа, может не только располагать престолом, но и изменить образ правления. Достаточно заговора нескольких гвардейских полковых командиров, чтоб возобновить явления, подобные тем,

[dddd] Так в тексте.
[eeee] В тексте: «истинне».
[ffff] Исправлено из: нрзб.
[gggg] Над словами цифра «2».
[hhhh] Над словами цифра «1».
[iiii] Исправлено из: «могла».
[jjjj] Исправлено из: «ей».
[kkkk] Часть слова: «спос» — написана по стертому.
[llll] Далее зачеркнуто: «могли».
[mmmm] Вставка.
[nnnn] Далее зачеркнуто: «занимаемые».
[oooo] Так в тексте.

которые возвели на престол большую часть особ, царствовавших в прошедшем столетии[108]. Благодаря Промыслу (?), опыт прошедшего века и просвещение распространили наконец понятие, что подобные дворцовые перевороты не ведут ни к чему доброму; что лицо, сосредоточивающее в себе власть, не сильно устроить благоденствие народа в теперешнем его быту; но что только усовершенствованный образ государственного устройства может со временем искоренить злоупотребления и притеснения, неразлучные с самодержавием. Лицо, им облеченное, какой бы ни пылало[рррр] горячей любовию к Отечеству, не в состоянии поселить этого чувства в людях, которым оно по необходимости должно уделять часть своей власти. Нынешнее государственное устройство России не может навсегда остаться таковым, и горе, если оно изменится чрез восстание народное. Обстоятельства, сопровождавшие восшествие на престол ныне царствующего государя, были самые благоприятные для введения нового порядка без опасного содействия народа, но высшие государственные сановники или не постигли того, или не желали. Сопротивление (которого по духу, овладевшему тогда Гвардейским войском, должно было ожидать), не имея благодетельного направления, должно было разрешиться беспорядочным бунтом. Тайное общество приняло на себя обратить его к лучшей цели.

Общество не имело опоры в старших чинах Гвардейских полков, стоявших в самом городе, где были только первые и третьи баталионы; члены, бывшие во вторых баталионах, стоявших в окрестности, были тем самым бесполезны для начального действия[109]. Из стоявших в городе оба баталионные командира Л[ейб]-г[вардии] Финляндского полка отказали в содействии[110]. Полковой командир Л[ейб]-г[вардии] Семеновского полка генерал-майор Шипов сознался Трубецкому, что он уже дал слово Великому Князю Николаю привести свой полк к присяге, как скоро это от него потребуется[111]. Оставались обер-офицеры[112], к которым присоединились все те, которые отзывались несогласными дать присягу новому государю, если Константин не объявит о своем отречении изустно пред войском или изданным от себя Манифестом. Многие даже говорили, что никакому Манифесту нельзя будет верить, если он будет издан в отсутствии Константина, и эта недоверчивость не членами общества была поселена, напротив, ее оказывали офицеры, не принадлежавшие к обществу и которым и не было открыто существование его[113]. Так что общество усилилось всеми теми, которые намерены были действовать по убеждению долга. В Преображенском, Семеновском и Павловском полках не было членов общества в баталионах, стоявших в городе, но караул первого полка изъявил явно сомнение о смерти Александра в день присяги Константину[114], и во все время после того солдаты открыто изъявляли нерасположение к Николаю. Можно было полагать, что преображенцы тотчас пристанут, и оба другие полка увлечены будут прочими полками. Часть артиллерии и кавалергарды не отстали бы от пехоты[115]. Тот полк, который ранее мог быть выведен с полкового двора, должен был идти к прочим полкам с барабанным боем и их увлечь за собой; все должны были собраться на Сенатской площади, исключая Л[ейб]-г[вардии] Гренадерского полка, который должен был одним баталионом

[рррр] Исправлено из: «горело».

занять арсенал, а другой под начальством полковника Булатова, недавно из этого полка вышедшего в армию, спешить на площадь, где Булатов на первое время должен был принять начальство над войсками[116].

Если б Сенат не был в сборе, то должно было требовать его собрания, и от него: 1-е) Немедленного издания Манифеста для возвещения народу необычайных и беспримерных обстоятельств, в которых находилось государство, и вследствие их, для приглашения выбранных людей от всех сословий для разрешения предстоящего затруднения и избрания государя[117]. 2-е) Назначение Временного правления, которому предоставить исполнительную власть до возведения на престол нового государя. Общество намеревалось предложить в члены Временного[qqqq] правления двух членов Государственного Совета: адмирала Мордвинова[118] и Сперанского[119] и генерала от артиллерии[rrrr] Ермолова[120]. 3-е) Объявить о сокращении срока военной службы для нижних чинов, убавя его до 15 лет. 4-е) Временному правлению поставить обязанностью составить проект Государственного уложения[ssss], которого главные пункты должны быть: учреждение представительного правления по образцу просвещенных европейских государств, установление гласного судопроизводства, освобождение крестьян от крепостной зависимости[121].

По обнародовании Сенатом Манифеста войско должно было выступить из города и, притянув к себе 2-е баталионы полков[122], расположиться лагерем в окрестности. Это было условие, на котором обещано чрез члена Общества полковника Батенкова[123] содействие некоторых членов Государственного Совета, которые требовали, чтоб имена их остались неизвестными[124].

Между тем получен от Константина решительный отказ[tttt] в[uuuu] Манифесте[125]. Граф Милорадович, которому известен был дух гвардии и который так настаивал в необходимости Манифеста от Константина, решился теперь употребить все усилия для преодоления предвиденных им препятствий к бесспорному провозглашению Николая императором. Всех полков командиры собраны были к Великому Князю и им объявлено, что они отвечают своими головами, если не приведут к присяге своих полков[126]. Л[ейб]-г[вардии] Преображенского полка командир г[енерал]-м[айор] Исленьев[127] раздал по рукам солдатам большую сумму из артельных денег. Во всех полках старались привлечь офицеров обещаниями[vvvv].

Можно однако ж с вероятностью предполагать, что меры, принятые высшим военным начальством, были бы недостаточны для разрушения намерения тайного общества, ибо в большой части полков не удалось командирам привесть солдат к присяге[131]. Если б Московский полк вместо того, чтоб идти прямо на Петровскую площадь, пошел по сделанному начертанию поднимать другие полки, то нет сомнения, что увлек бы их за собою. Измайловский и Финляндский полки были

[qqqq] Исправлено из: нрзб.
[rrrr] Исправлено из: нрзб.
[ssss] Далее зачеркнуто: «в».
[tttt] Далее зачеркнуто: «издать».
[uuuu] Исправлено из: нрзб.
[vvvv] Сверх сведений, которые имел гр[аф] Милорадович[128], должно полагать, что Шипов передал Великому Князю разговор свой с Трубецким[129]. Кроме того, адъютант Вел[икого] К[нязя] Михаила Ростовцев письменно уведомил Николая о намерениях тайного общества, которого он сам был членом[130]. — *Примеч. автора.*

с большим трудом удержаны[wwww, 132]. Неудача произошла, как кажется, от излишней горячности и торопливости некоторых офицеров и от недостатка смелости в других[133]. Как бы то ни было, на площади собрались Московские, Лейб-гренадеры и Морской экипаж, каждые порознь. Выдержав несколько атак Конной гвардии, они скоро были рассеяны картечными выстрелами артиллерии. Генерал Сухозанет[134] должен был сам выпалить из орудия, потому что артиллеристы не хотели стрелять[135]. Николай Павлович пришел к площади с Преображенским полком, когда выведен был 1-й батальон, он подъехал к нему и спросил: «Хотите вы меня своим государем?». Солдаты отвечали утвердительно, он сказал: «Ну, так заряжайте ружья и ступайте за мной»[136].

Л[ейб]-г[вардии] Гренадерский полк пришел поздно уже на площадь. Штабс-капитан князь Мещерский[137] был любим своею ротою и долго посредством ее удерживал прочие, наконец все тронулись, и его рота с ними[138]. Полковой командир Стюрлер, видя, что он лично не имеет никакого влияния на своих солдат, думал однако ж, что он должен[xxxx] быть при полку, и пал жертвою своей верности дисциплине[139].

Граф Милорадович тщетно старался уговорить солдат покориться; он пал от пули[yyyy], но не из рядов войска[140].

Митрополиты Серафим и Евгений также сначала пришли уговоривать солдат, но их с уважением просили удалиться, что они и исполнили[141].

Рассеянное восстание разбежалось по близь лежащим [от] Сената домам, и были в них окружены[zzzz]. Следующим утром их всех препроводили в Петропавловскую крепость. Захваченные офицеры были связаны и так препровождаемы во дворец, где сам Николай Павлович их допрашивал, равно как и всех других прежде и после — арестованных[142]. В гневе своем новый император не совсем удерживался в приличиях благопристойности, но многих осыпал ругательствами. Когда был приведен связанный по рукам старший адъютант Гвардейской пехоты князь Оболенский, государь, указав на него, сказал предстоящим генералам: «Вы не можете вообразить, что я от него вытерпел!»[aaaaa] (то есть командуя гвардейскою дивизиею)[143].

Все рядовые офицеры и нижние чины оказывали[bbbbb], однако ж, участие пленным; только из[ccccc] тех[ddddd], кто были ближе или полагали себя ближе к императору, вели себя иначе. Некоторые сами представляли своих родственников, участвовавших в возмущении; так, например, Конногвардейский офицер князь Одоевский был привезен к государю родным дядей Д. С. Ланским[144]. Некоторые спаслись, и даже так, что и после участие их не было открыто[145]. Капитан-лейтенант Бестужев нашел себе на малое время пристанище у одного знатного

[wwww] Солдаты этих полков, содержа караулы в крепости, говорили всем арестованным офицерам и нижним чинам полков Московского и Л[ейб]-Гренадерского, что они ежеминутно ожидали, чтоб офицеры повели их для соединения с ними, и что если б хотя один из рядовых решился выйти из рядов, то все бы за ним последовали. — *Примеч. автора.*

[xxxx] Далее зачеркнуто: «был».

[yyyy] Вставка двух слов; вместо них были зачеркнуты два слова.

[zzzz] Так в тексте.

[aaaaa] Восклицательный знак вставлен автором.

[bbbb] Исправлено из: «оказывались».

[ccccc] Вставка.

[ddddd] Исправлено из: «те».

человека на Английской набережной, который, накормив его, провел сам скрытно из дома[146]. Бестужев успел уйти в Кроншта[д]т[eeeee], но оттуда на пути к Толбухинскому маяку был схвачен и представлен в столицу и также допрашиван императором[149].

Пока происшествия 14-го декабря происходили в столице, на всем пространстве обширного государства присягали новым государям, одному вслед за другим; так что во многих отдаленных местах были споры между гражданскими и военными за церквы. Первые еще присягали Константину, когда последние присягали Николаю. Но привычка к повиновению властям, какие бы они ни были, не допускала до дальнейших беспорядков. В 3-м только пехотном корпусе произошло восстание, которое должно было потушить оружием[150]. Оно произошло следующим образом.

В составе этого корпуса, независимо от тайного общества, известного в отчете Следственного комитета под именем Южного, существовало другое, называемое Славянским. Оно было составлено большею частью из обер-офицеров разных полков и артиллерии. На маневрах корпуса, бывших осенью 1825-го года[fffff], оно случайно было открыто подпоручиком Полтавского полка Бестужевым-Рюминым[151], но осталось неизвестным прочим членам первого тайного общества, исключая подполковника Муравьева-Апостола[151a].

В тот день, когда Черниговский[ggggg] пехотный полк собирался для присяги Николаю Павловичу, полковой командир полковник Гебель[152] был в корпусной квартире и получил в то же время приказание от корпусного командира[153] арестовать подполковника Муравьева-Апостола, который и сам до того был в корпусной квартире и только что выехал оттуда к полку в город Васильков. На дороге он нашел у корчмы роту поручика Сухинова[hhhhh, 154] и остановился; туда же не замедлил прибыть и полк[овник] Гебель.

Поручик Сухинов был членом Славянского общества, и когда он узнал, в чем дело, то, не дав Гебелю исполнить поручения, выпроводил Муравьева, который и уехал в Васильков, чтоб привести домашние дела в порядок. Между тем собрались в корчме другие роты, и офицеры после горячих споров с полковым командиром бросились на него и нанесли ему много ран. После того собрались к Муравьеву и заставили его принять команду полка, отказавшись от присяги[155]. Члены Славянского общества, которых в каждом полку, пешем и конном, а особенно в артиллерии, было большое число, уверены были, что подобные восстания последуют и в других полках, но они в ожидании своем ошиблись, их разбили артиллериею и довершили конницею[156].

Петропавловская крепость скоро наполнилась арестантами. Считают, что во время следствия пересидело в ней до семисот человек, кроме нижних чинов, а что всех арестованных в течение этого времени из дворян было до тысячи двухсот[157]. Кроме арестованных в Петербурге, привезены были из разных мест империи все

[eeeee] Пока Б[естужев] был в Кроншта[д]те, получено повеление его арестовать и поручено исполнить двум офицерам, из которых с одним он был очень дружен, а с другим в сильной вражде. Приятель хотел усердно исполнить поручение, но враг дал средство скрыться[147]. Б[естужев] был начальником маяков и с Толбухинского надеялся перейти в Швецию[148]. — *Примеч. автора.*

[fffff] В оригинале описка: «1845-го».

[ggggg] Исправлено из: нрзб.

[hhhhh] В оригинале здесь и далее: «Суханов».

те, на которых падало подозрение; так же из Царства Польского сверх русских и члены Польского общества[158]. Майборода при своем доносе представил список осмидесяти членов, он был награжден переводом в гвардию; Шервуд также был переведен Л[ейб]-г[вардии] в Конноегерской полк и к фамилии его прибавлено было: *Верный*[iiiii, 159]. Полки молодой гвардии были уровнены в чинах с старой гвардией, оказавшие преданность генералы и офицеры пожалованы генерал- и флигель-адъютантами. Многие лица — титлами князей и графов[162].

Наряжен Тайный комитет для исследования. Председательствовал военный министр Татищев; в первые дни в числе членов видно было В[еликого] К[нязя] Михаила Павловича, прочие члены были член Государственного Совета князь Александр Николаевич Голицын и несколько генерал-адъютантов, из которых постоянно бывали Чернышев, Бенкендорф и Левашев, в начале также Голенищев-Кутузов; флигель-адъютант полковник Адлерберг всегда присутствовал в молчании и ежедневно доносил государю о происходившем[163]. Следствие ведено по образцу самых низких полицейских инстанций: обман, ложь, насмешки, угрозы, наручные железа, хлеб и вода вместо всякой другой пищи, — все имело место; в первые шесть недель тревожили ночной покой арестантов нарочно производимым громким шумом и стуком, и к допросу всегда поднимали сонных. Следствие продолжалось шесть месяцев; некоторые протестовали, что показания и признание были вынуждаемы насильственно, но это осталось без внимания. Комитет старался выставить как дело, так и лица в самом мерзком и злонамеренном виде[164].

Для решения участи бывших под следствием наряжен суд из членов Святейшего Синода, Государственного Совета и Правительствующего[jjjjj] Сената[kkkkk] и умножен (кажется, пятнадцатью) членами еще, по назначению императора, большею частью из генерал-адъютантов[165]. Суд этот назван Верховным уголовным. Из бывших под арестом до окончания следствия человек до семидесяти освобождено от суда[166]. Подсудимые же узнали, что они преданы суду только в тот день, когда приведены были пред суд для выслушания приговора. Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховской приговорены к смертной казни; 26 человек в каторжную[lllll] работу навечно; 22 чел[овека] на двадцать лет; 1 на пятнадцать лет; 16 на двенадцать лет; 2 на десять и 2 на восемь лет; 1 на пять и 13 на три года[mmmmm]. Четырнадцать человек осуждено на поселение в Сибири, сверх того многие в солдаты или на содержание в крепостях временно и проч.[168]

На другой день исполнена сентенция; приговоренные к смерти повешены[169]. Веревки, на которых висели Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, оборвались, но их поспешили опять повесить[170]. С прочих военных сорвали мундиры и знаки отличия, переломили шпаги над головою и всех одели в затрапезные халаты.

[iiiii] Ни тот, ни другой долго в полках не остались; их выжили офицеры. Майборода кончил свою жизнь, кажется, на Кавказе[160], а Шервуд-Верный живет до сих пор в Смоленской губернии, от всех презираемый, и занимался доносами, особенно на семейство Пестеля, жившего (*так в тексте*) в той же губернии[161]. — *Примеч. автора.*

[jjjjj] Исправлено из: нрзб.

[kkkkk] Далее зачеркнуто: «к которому».

[lllll] В рукописи здесь и далее: «карторжная».

[mmmmm] И один Александр Николаевич Муравьев[167] на жительство в Якутск. — *Примеч. автора.*

Потом отвели обратно в крепость и разместили по новым местам. 22-го и 23-го июля в ночь Трубецкой, Оболенской, Волконской, Якубович, Муравьев (Артамон), Давыдов и двое Борисовых отправлены в Нерчинские рудники; также все те, которые осуждены на поселение в Сибири и в солдаты[171]. Прочие осужденные в[nnnnn] каторжную работу развезены по Финляндским крепостям, где и пребывали, пока не [было] избрано место для общего всем помещения и назначен командир на месте их ссылки[172]. Выбор пал на хорошего и разумного человека ген[ерал]-майора Лепарского, который, пробыв со своими заключенными три года[ooooo] в Читинском остроге за Яблоневым хребтом, перевел их в 1830-м году в Петровский железный завод, где было выстроено для них помещение[173]. Здесь Лепарский чрез семь лет умер и был заменен полковником Ребиндером, остававшимся до распущения всех с работы в 1839-м[174].

Сокращение сроков, на которые осуждены были, происходило несколько раз; первое[ppppp] во время коронования императора[175]. Первый разряд пробыл в каторжной работе тринадцать лет. Многие из других разрядов были потом с места поселения переведены на Кавказ, где человек до шестнадцати кончили жизнь, а прочие, большею частью дослуживши[qqqqq] офицерских чинов, вышли в отставку[176]. Некоторые служат и теперь. Александр Ник[олаевич] Муравьев вместо Якутска был на жительстве два года в Верхнеудинске, потом определен городничим в Иркутск и, переходя из губернии в губернию, наконец[rrrrr] губернатором в Таврической, а после в Архангельской губерниях, откуда вышел в отставку[177].

Жены большой части осужденных последовали за ними. Первая княгиня Трубецкая — немедленно вслед за мужем[178], потом Александра Григорьевна Муравьева, княгиня Волконская, Лизавета Петровна Нарышкина, Фонвизина, Ентальцева, Давыдова, баронесса Розен и Юшневская[179]. Француженка ...[sssss] приехала в Читу и вышла за Ан[н]енкова[180], а другая m-lle Le Dentu — в Петровский завод, где вышла за Ивашева[181]. Муравьева скончалась в Петровском заводе, где видна могила ее[182].

Из осужденных в каторжную работу не были посланы: 1-е) Матвей Муравьев-Апостол и Александр Бестужев, первый прислан прямо на поселение в Вилюйск в Якутской области, а последний в самый Якутск. Он был после офицером в войсках Кавказского корпуса, где и убит. В литературном мире[ttttt] он известен под именем Марлинского[183]. 2-е) Корнилович был сначала послан в работу, но в генваре 1829-го года присланный за ним фельдъегерь отвез его в Петропавловскую крепость, где он, досидев срок свой, выпущен на Кавказ рядовым. Там он вскоре умер[184]. 3-е) Осип Поджио все время, на[uuuuu] которое был осужден, просидел в Шлюссельбургской крепости, откуда поступил уже на поселение[185]. 4-е) Батенков сначала был отправлен в Свартгольм, а потом переведен в Петропавловскую

[nnnnn] Исправлено из: «к» (?).
[ooooo] Далее зачеркнуты ошибочно повторенные слова «три года».
[ppppp] Исправлено из: «первый».
[qqqqq] Исправлено из: «дослужившим».
[rrrrr] Вставка.
[sssss] В рукописи пропуск имени.
[ttttt] Исправлено из: нрзб.
[uuuuu] Исправлено из: нрзб.

крепость, где продержан пять лет лишних против сентенции и только что в 1846 году выслан оттуда в город Томск[186].

Написавшему это краткое и верное изложение осталось неизвестным, какая часть в судьбе осужденных принадлежит государю и какая его советникам. Ему известно только, что при прощальной аудиенции австрийского посланника графа Лебцел[ь]терна[187], как этот сказал государю: «Votre Mageste a une grande. A noble tâche devante elle»[*]. Император прервал следующими словами: «Vous avez raison M-r le Comte, je considére le droit de faire grâce comme le plus beau fleuron de ma Couronne»[**, 188]. И накануне того дня, когда прочитана сентенция подсудимым, государь пред подписью ее сказал Опочинину: «Завтра я удивлю всех моим милосердием»[189]. Сверх того покойная императрица Мария Федоровна объявила в бытность свою в Москве, где она ожидала коронования императора, что она получила от него письмо, в котором он успокоивал ее, что по приговору не будет пролито ничьей из виновных крови[190].

В заключение заметим, что, видно, тайное общество состояло не[vvvvv] из злоумышленных и безнравственных людей[wwwww], когда многие из бывших его членов продолжали занимать и еще ныне занимают высокие должности; даже в числе их есть и такие, которые вытерпели некоторые кары. Назовем только малое число таких лиц, которые занимали немаловажные места[xxxxx]. Вольховской был после начальником штаба Грузинского Отдельного корпуса[191]; Бурцов — генерал-майором и убит за Кавказом в войну с турками[192]. Граббе и Гурко — ген[ерал]-адъютанты и командовали на Кавказе дивизиями, и последний был у гр[афа] Воронцова начальником штаба[193]; Николай Муравьев командовал корпусом[194]; брат его Михайла — сенатор[195]; князь Горчаков — начальник штаба у князя Варшавского в действующей армии[196]; Кн[язь] Долгоруков, Илья Бибиков при В[еликом] К[нязе] Михаиле Павловиче[197]; Колошин — начальником департамента какого-то министерства[198]; Кавелин, Годеин оставались адъютантами у государя, и первый теперь Петербургским военным генерал-губернатором[199]; Панютин, Хотяинцев, Набоков командуют дивизиями[200]; князь Лопухин оставался дивизионным командиром[201]; Перовский — министр внутренних дел[202]; Литке — наставник В[еликого] К[нязя] Константина Николаевича[203]. Кн[язь] Меншиков и М. Бутурлин, хотя собственно не принадлежали к Обществу и были членами общества Р[усских] Р[ыцарей], но знали о существовании и цели; это не помешало им быть членами [Государственного] Совета[204]. Наконец, В. А. Жуковский, хотя не был членом, но читал устав и не вступил только потому, что не находил себя довольно деятельным[205]; 10-го декабря 1825-го он еще говорил с Трубецким об обществе и сожалел, что оно не достигло той силы, которой он ему желал по его благой цели[206].

Если скажут, что эти члены не разделяли последних намерений общества и не участвовали в происшествиях 14-го декабря[yyyyy]: к[нязь] Долгорукой отстал от

[*] *Пер. с фр.*: Ваше Величество, [Вы] наделены величием. Перед Вами [стоит] благородная задача.

[**] *Пер. с фр.*: Вы правы, граф, я рассматриваю право помилования как лучшее украшение в моей короне.

[vvvvv] Вставка.

[wwwww] Первоначально было: «членов», зачеркнуто и вставлено «людей».

[xxxxx] Первоначально было: «должности», вставлено над ними «места».

[yyyyy] Далее зачеркнуто: «На это ответим».

общества с 1821-го года; Кавелин и Годеин были адъютантами Вел[икого] Кн[язя] Николая и потому отстранены от 14-го числа; прочих не было тогда в столице, и[zzzzz] потому уже обстоятельствами были отстранены от действия, и можно полагать, что не приняли бы в нем участия. Но не в таких ли же точно обстоятельствах были Михайла Орлов (которого спас только брат его, бывший в большой милости у государя)[207], также Нарышкин, фон дер Брыгин[aaaaaa], Никита Муравьев, Фонвизин, Митьков, Якушкин, Свистунов, Лунин[bbbbbb, 210], которые были все сосланы в каторжную работу. Многих не называем.

Публикуется по: Архив СПбИИ РАН. К. 154. Ед. хр. 44. Л. 1–41 об. Автограф. 1849–1853 гг.

Рукопись ранее не известных записок С. П. Трубецкого, под заглавием «Записки неизвестного о декабристах», сохранилась в коллекции собирателя историко-литературных материалов, профессора филологии Санкт-Петербургского университета И. А. Шляпкина (1858–1918).

Сопоставление опубликованных воспоминаний Трубецкого и вновь обнаруженного текста дало основание предположить, что рукопись представляет собой один из вариантов записок Трубецкого. Сюжетные, а также обнаруженные при изучении документа многочисленные текстуальные совпадения рукописи и опубликованных записок Трубецкого свидетельствуют о принадлежности новонайденного мемуарного источника декабристу. Окончательно вопрос об авторстве Трубецкого решила историко-почерковедческая экспертиза, полностью подтвердившая выводы источниковедческого этапа исследования (заключение Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа Отдела рукописей Российской национальной библиотеки № 5/2003 г.).

Штемпель бумаги рукописи содержит надпись: «Фабрики Аристархова», изображение розы в середине овала, без рамки. Согласно данным С. А. Клепикова, этот штемпель применялся в 1846–1851 гг. (*Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVIII–XX века. М., 1959. С. 100). Учитывая отдаленность Сибири от Европейской России, бумага с указанным штемпелем могла оказаться в распоряжении Трубецкого спустя несколько лет после начала ее изготовления (конец 1840-х гг.). Большая часть прямых и косвенных хронологических указаний относится к середине и концу 1840-х гг., некоторые — к первой половине 1850-х гг. Сопоставляя эти указания с датировкой, которую предоставляет анализ штемпеля на бумаге рукописи, следует признать, что наиболее вероятным временем появления записок является хронологический промежуток между 1849 и 1853 гг.

Таким образом, вновь найденные записки принадлежат к числу ранних мемуарных произведений Трубецкого; вместе с тем они не являются первым по времени

[zzzzz] Исправлено из: нрзб.

[aaaaaa] Так в тексте.

[bbbbbb] Лунин даже в течение четырех лет не имел ни с кем из членов сообщения, будучи на службе в Варшаве[208]. Константин Павлович так был уверен, что Лунина без вины приговорят, что он дал ему срока на целый месяц удалиться за границу. Лунин не хотел воспользоваться, и Цесаревич, прощаясь, сказал ему: «Жаль мне, Лунин, ты сам хочешь, чтоб тебя там повесили»[209]. — *Примеч. автора.*

создания текстом, поскольку известно, что к работе над первым, черновым вариантом своих мемуарных записок декабрист приступил не позднее 1844–1845 гг. (*Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 359).

Утрата сведений о подлинном авторстве рукописи означает, что она поступила к владельцу коллекции И. А. Шляпкину не от наследников Трубецкого или других информированных лиц, прошла «через третьи руки», в силу чего оказалась утерянной ее подлинная легенда.

Текст новонайденных записок представляет собой ранее не известный вариант мемуаров Трубецкого. Вновь обнаруженные записки Трубецкого — это законченный мемуарный текст, представляющий связный очерк истории тайных обществ, а также междуцарствия 1825 г.. Рукопись имеет все признаки самостоятельного очерка, написанного на основе первоначального текста записок, созданного в середине 1840-х гг. Признаков неполноты или незавершенности документ не содержит.

Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860) — князь, активный участник тайных обществ декабристов, мемуарист. Происходил из старинного дворянского рода. Получил домашнее образование, посещал лекции в Московском университете (1806 г.). В 1808 г. поступил на службу в Лейб-гвардии Семеновский полк. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. С 1819 г. старший адъютант Главного штаба, с 1822 г. полковник Лейб-гвардии Преображенского полка.

Масон, участник литературных и просветительских обществ. Один из основателей Союза спасения (1816 г.), работал над уставом первого декабристского общества. В 1818 г. был в числе учредителей Союза благоденствия, входил в число авторов 2-й части его устава (не сохранилась), блюститель Совета «Коренного союза». В 1819–1821 гг. находился в отпуске за границей. Вернувшись в Россию, стал одним из трех руководителей Северного общества (член «Верховной Думы»). Автор замечаний на конституцию Н. М. Муравьева. Подготовил проект манифеста о необходимых преобразованиях (известен в литературе как «манифест к русскому народу»).

В 1824 г. назначен дежурным офицером штаба 4-го пехотного корпуса в Киев, осуществлял связь между Северным обществом и руководством Васильковской управы Южного общества (С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин). В начале ноября 1825 г. вернулся в Петербург, вошел в число руководителей подготовки военного выступления. Избран «диктатором» (верховным руководителем заговора и военного выступления). Координировал деятельность заговорщиков, собирал информацию о происходящем в Зимнем дворце, используя многочисленные источники при Дворе, в Главном штабе, в штабе Гвардейского корпуса, в дипломатическом корпусе. В день выступления 14 декабря 1825 г., при разрушении многих элементов первоначального плана, не решился возглавить мятежные части, вышедшие на Сенатскую площадь.

Арестован в ночь на 15 декабря 1825 г. Допрошен лично императором Николаем I, препровожден в Петропавловскую крепость. Осужден по 1-му разряду на смертную казнь, замененную по конфирмации бессрочной каторжной работой. В 1826 г. отправлен в составе первой партии осужденных в Сибирь. С

1827 г. в Читинском остроге, с 1830 г. в Петровском заводе. В 1839 г. переведен на поселение, поселился в Иркутской губернии. В 1856 г. амнистирован, вернулся в Европейскую Россию. Автор мемуарных записок, замечаний на книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го», замечаний на воспоминания В. И. Штейнгейля.

Письменное наследие С. П. Трубецкого собрано в издании: *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983–1987. Т. 1–2.

О личности С. П. Трубецкого, его роли в событиях 14 декабря см.: *Лавров Н. Ф.* Диктатор 14 декабря // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 129–222; *Дружинин Н. М.* С. П. Трубецкой как мемуарист // *Дружинин Н. М.* Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 357–383; *Нечкина М. В.* День 14 декабря 1825 года. М., 1985 (по указателю); *Павлова В. П.* Декабрист С. П. Трубецкой // *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 3–69; *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989 (по указателю); *Ильин П. В.* Новое об истории декабристского движения: по страницам неизвестной рукописи записок С. П. Трубецкого // Отечественная история. 2003. № 6. С. 138–146.

1. Имеется в виду манифест Александра I «О учреждении крестов для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях», опубликованный 30 августа 1814 г. (ПСЗ. СПб., 1830. Т. 32. № 25671). В манифесте говорилось: «...ныне, хотя постановление и устроение дел в Европе для общего всех народов успокоения и требует отбытия нашего из России, но сие отбытие, уповаем на милость божескую, будет уже недолговременное и с полным окончанием внешних дел возвратит нас к беспрепятственному попечению о внутреннем государства нашего благе...». Эти слова многими современниками были восприняты как обещание реформ внутри страны.

2. Речь идет об основании Союза спасения. Сообщение Трубецкого дополняется и корректируется сведениями из воспоминаний другого участника событий, И. Д. Якушкина (*Якушкин И. Д.* Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 80–81).

3. Устав Союза спасения был написан П. И. Пестелем при участии И. А. Долгорукова и Трубецкого (ВД. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 113, 154; *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 218). Принят в начале 1817 г. Текст устава не сохранился; его содержание на основе следственных показаний реконструировано М. В. Нечкиной (*Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 154–165).

4. Оппозиция уставным правилам Союза спасения сформировалась летом 1817 г. Ее составили М. Н. Муравьев, И. Г. Бурцов, Петр И. Колошин, И. Д. Якушкин и, возможно, еще несколько участников тайного общества. Входившие в нее лица считали необходимым пересмотр требования беспрекословного подчинения новых членов «старшим», отмену масонского ритуала приема в члены, основанного на «страшных» клятвах и угрозах. В отношении программы деятельности оппозиция выдвигала требование широкого воздействия на общественное мнение.

5. Персональный состав Союза спасения приведен Трубецким не полностью. Помимо перечисленных мемуаристом лиц, по данным, полученным в результате следствия, а также согласно мемуарным свидетельствам, в Союзе спасения находились: братья Павел и Петр И. Колошины, М. С. Лунин, М. Н. Муравьев, Ф. П. Шаховской, И. П. Шипов, В. Д. Вольховский, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, Ф. П. Толстой, В. И. Пестель, а также, возможно, П. А. Катенин, К. П. Оболенский, А. П. Полторацкий, А. В. Семенов. Кроме того, в Митаве П. И. Пестель принял в тайное общество офицеров А. А. Авенариуса, Я. В. Петрулина, Ф. М. Свободского, И. М. Тимченко-Рубана. См. реконструкцию состава

Союза спасения, осуществленную М. В. Нечкиной (*Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 142–147, 165–171; см. также: *Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощенные, освобожденные и не привлекавшиеся к следствию участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 603–605). Данные о принадлежности к Союзу спасения Л. А. Перовского неизвестны. Возможно, Трубецкой приводит здесь имена некоторых участников «Военного общества», основанного в Москве незадолго до образования Союза благоденствия. Неточны и приведенные сведения о члене Союза спасения и Союза благоденствия М. Н. Новикове (племяннике известного просветителя Н. И. Новикова).

6. В 1816 г. эстляндское дворянство подало прошение о личном освобождении своих крестьян. Вскоре последовал санкционирующий манифест императора (от 23 мая 1816 г.), утвердивший «Положение об эстляндских крестьянах» (ПСЗ. Т. 33. № 26277, 26278). Положение регламентировало освобождение господских крестьян (без земли), переход их на положение свободных работников, которые могли заключать договор о найме или аренде земли с ее собственниками — помещиками. На протяжении 1817–1819 гг. такие же акты были введены по «прошению» курляндских и лифляндских дворян; они утвердили «Учреждение о курляндских крестьянах» от 25 августа 1817 г. и «Положение о лифляндских крестьянах» от 26 марта 1819 г. (ПСЗ. Т. 34. № 27024; Т. 36. № 27735).

7. Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) — граф (1799), генерал от артиллерии (1807), член Государственного Совета и Комитета министров, председатель Департамента военных дел Государственного Совета (1810), сенатор, главный начальник Отдельного корпуса военных поселений (с 1821).

Идея создания военных поселений принадлежала Александру I, который заимствовал ее из практики военных поселений европейских государств (Австрия, германские земли) и ряда посвященных им сочинений. Основной задачей военных поселений предполагалось: облегчение государственного бюджета (перевод армии на хозяйственную окупаемость), отмена рекрутской системы комплектования армии (не отрывать солдат от семьи), а впоследствии, принимая во внимание начавшийся перевод государственных крестьян в военные поселяне, — улучшение положения части крестьянства, возможно, связанное с планами упразднения крепостного права.

Проекта военного поселения, как общего и целостного постановления, не существовало. В 1810 г. был разработан проект создания «пробного» военного поселения («Положение поселяемому батальону Елецкого полка», составленное Аракчеевым и утвержденное императором; опубликовано в 1815 г.). В 1817 г. был издан проект Учреждения о военном поселении пехоты, затем — подобный в отношении поселения кавалерии. Наконец, в 1821 г. образован Комитет для составления общих положений Проекта о военных поселениях во главе с А. А. Аракчеевым (его членом был М. М. Сперанский). Кроме того, в бумагах Аракчеева сохранился проект устройства военного поселения, датируемый 1815 г. (РГВИА. Ф. 341 (А. А. Аракчеев). Ед. хр. 141). См. также наст. изд., с. 146, примеч. 5.

8. В манифесте «О учреждении крестов для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях» от 30 августа 1814 г. говорилось: «Надеемся, что продолжение мира и тишины подаст нам способ не токмо содержание воинов привесть в лучшее и обильнейшее прежнего, но даже дать им оседлость и присоединить к ним их семейства» (ПСЗ. Т. 32. № 25671). Эти слова отражали намерение Александра I ввести новое устройство организации и комплектования армии — военные поселения.

9. Начало военных поселений относится к 1810 г. По указу Александра I генералу Лаврову от 9 ноября 1810 г. в военные поселяне были обращены нижние чины запасного батальона Елецкого пехотного полка. 667 крестьян Бобылецкого староства (Климовичский уезд Могилевской губернии) были переселены в Новороссийский край, а на их земле размещены поселенные солдаты батальона. Продолжение устройства военных поселений последовало после завершения военных кампаний 1813–1815 гг. По именному указу, объявленному 5 августа 1816 г., 2-й батальон Гренадерского графа Аракчеева полка (1943 нижних чинов и 15 офицеров) под началом Ф. К. фон Фрикена отправлялся из Петербурга

в казенную Высоцкую волость Новгородской губернии, которая переходила в полное заведование батальонного командира поселяемой военной части (ПСЗ. СПб., 1830. Т. 33. № 26803). В отличие от первого «пробного» поселения 1810 г., крестьяне оставались на местах жительства, но земли исключались из гражданского ведомства и передавались в военное со всеми коренными жителями. В течение 1817–1818 гг. в Новгородской губернии были переведены в военное поселение полки 1-й гренадерской дивизии: в октябре последовало распоряжение о поселении Перновского гренадерского полка в Холынской волости, в феврале следующего года — о поселении 1-го и 2-го карабинерного полков в Медведской волости. Всего в течение трех лет на положение военных поселян в Новгородской губернии переведены 6 армейских полков (18 000 человек) (Сборник исторических материалов, извлеченных из Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1892. Т. 5. С. 265). Одновременно с этим в Петербургской губернии были обращены в военные поселения артиллерийские части при Охтенском пороховом заводе. В апреле 1817 г. на юге России основаны военные поселения кавалерийских частей. Согласно рескрипту Александра I на имя генерал-лейтенанта Лисаневича, в Волчанском и Змиевском уездах Слободско-Украинской (Харьковской) губернии поселены четыре полка 2-й уланской дивизии (со штаб-квартирой в г. Чугуеве), а затем 3-й уланской дивизии. В то же время учреждено военное поселение в Херсонской губернии (со штаб-квартирой в г. Вознесенске), которое образовали полки Бугской уланской дивизии. Позднее, в 1819–1824 гг., основаны новые военные поселения в Новгородской (Старая Русса), Херсонской, Екатеринославской губерниях. К 1 января 1826 г. в военных поселениях числились 374 480 человек (Отчет по военным поселениям за 1826 год. СПб., 1827. С. 4). См.: *Ячменихин К. М.* Структура Новгородских военных поселений и их управление в 1816–1831 гг. // История СССР. 1989. № 1. С. 90–102.

10. Данные о первоначальных возражениях Аракчеева реализации идеи военных поселений находят подтверждение только в «легендарных рассказах». Так, Н. К. Шильдер писал: «...существует предание, по которому Аракчеев по рассмотрению этого предположения [о военных поселениях — *сост.*] наотрез отказался принять на себя исполнение задуманного проекта и просил будто бы Александра отказаться от его осуществления. Затем, когда убедился в непреклонности воли Государя приступить к устройству военных поселений — принял на себя исполнение... Документального доказательства первоначального несочувствия графа Аракчеева к делу устройства... военных поселений нам не удалось найти» (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3. С. 24). Обмен письмами между Александром I и Аракчеевым в июне 1810 г. по поводу создания первого военного поселения демонстрирует единство взглядов обоих корреспондентов.

11. Крестьяне, коренные жители мест, предназначенных для устройства военных поселений, стали наиболее активной силой первых выступлений (1817–1819 гг.). Волнения начались уже при организации первого поселения в Высоцкой волости Новгородской губернии. Сначала крестьяне деревень, переведенных в военное ведомство, ограничивались отправлением депутаций к Аракчееву и Александру I, что не привело к желаемому результату. В мае 1817 г. произошли первые беспорядки, а осенью начались волнения в соседней, Холынской, волости. Выступления крестьян были подавлены регулярными частями.

12. Имеются в виду выступления в Новгородском, Бугском и Чугуевском поселениях (о выступлениях в Новгородских военных поселениях см. примеч. 11). В июне–июле 1817 г. произошли первые большие волнения в «южных» военных поселениях (Бугский уланский полк), подавленные регулярной армией. Весной 1818 г. волнения в Бугских поселениях повторились в еще большем масштабе. В январе–феврале 1818 г. произошло возмущение в Таганрогском уланском полку Чугуевских военных поселений (Слободско-Украинская губерния), к поселенным солдатам присоединились местные крестьяне; волнения продолжались до осени. Летом 1818 г. последовало восстание обращенных в поселян солдат и крестьян в Новгородской губернии (см. наст. изд., с. 237, примеч. 21). В июне–августе 1819 г. произошли массовые выступления в Змиевском и Волчанском уездах Слободско-Украинской

губернии (Чугуевское поселение). Начавшись в округе поселения Чугуевского уланского полка, волнения охватили затем соседний Таганрогский уланский полк (восстание в Чугуевских военных поселениях). Поводом послужил отказ поселян косить казенное сено для полковых лошадей; восставшие протестовали против обращения их в военные поселяне. Для подавления крупного бунта были направлены регулярные войска; возглавлял подавление Аракчеев, прибывший в Харьков 11 августа 1819 г. Число арестованных крестьян и солдат Таганрогского уланского полка достигло 2003 человек, подверглось репрессиям более 300 человек, в т. ч. к телесным наказаниям приговорены 54 человека (29 из них погибли) (см.: *Верещагин Г. А.* Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I // Дела и дни. 1920. Кн. 3; *Евстафьев П. П.* Восстания военных поселян в 1817–1831 гг. М., 1935; *Федоров В. А.* Борьба крестьян России против военных поселений (1810–1818 гг.) // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 112–124).

13. Витт Иосиф Осипович (1781–1840) — граф, генерал-лейтенант, в 1817 г. ему было поручено формирование Бугской уланской дивизии (из казачьих войск), предназначенной для образования военных поселений в Харьковской губернии, с 1823 г. командир 3-го резервного кавалерийского корпуса («за успехи в начальном устройстве военного поселения»), начальник южных военных поселений и, одновременно, секретной полиции. Впоследствии генерал от кавалерии (1829), инспектор всей поселенной кавалерии.

14. См. наст. изд., с. 234, примеч. 6.

15. Паулуччи Филипп Осипович (1779–1849) — маркиз, генерал-лейтенант, с 1812 г. Рижский (Курляндский) генерал-губернатор, с 1821 г. генерал-губернатор Прибалтийских губерний (Эстляндской, Курляндской, Лифляндской). В 1823 г. к этому генерал-губернаторству была присоединена Псковская губерния. С 1823 г. генерал от инфантерии, в 1829 г. вышел в отставку.

Акта о личном освобождении помещичьих крестьян Псковской губернии, подобного актам в отношении прибалтийских губерний, не последовало.

16. Ошибка мемуариста. Предводителем дворянства Черниговской губернии до 1818 г. являлся И. Я. Лизогуб, а с 1818 г. — С. М. Ширай (*Милорадович Г. А.* Список губернских предводителей дворянства Российской империи. Чернигов, 1895. С. 35). Упоминаемый эпизод относится, очевидно, к сентябрю 1817 г. Перед приездом в Москву Александр I посетил белорусские и южнорусские земли, побывав в т. ч. в Чернигове, Киеве, Белой Церкви, Полтаве, Харькове. В ходе поездки ему представлялись депутации дворянства каждой посещаемой губернии (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 3. С. 4–75). Содержание речи, с которой обратился Александр I к дворянству Черниговской губернии, неизвестно.

17. Кочубей Виктор Павлович (1768–1834) — граф (1799), князь (1831), действительный тайный советник, член Негласного комитета в начале царствования Александра I, управляющий Коллегией иностранных дел (1801–1802), министр внутренних дел (1802–1807, 1819–1825), член Государственного Совета, в будущем председатель Комитета министров и Государственного Совета (1827–1834).

Строганов Павел Александрович (1774–1817) — граф, с 1802 г. товарищ министра внутренних дел, член Негласного комитета в начале царствования Александра I, с 1805 г. на дипломатической службе, генерал-лейтенант (1812).

Меншиков Александр Сергеевич (1787–1867) — светлейший князь, потомок А. Д. Меншикова. Генерал-майор Свиты, генерал-адъютант, директор канцелярии начальника Главного штаба, исполнял должность генерал-квартирмейстера Главного штаба. В 1824 г. вышел в отставку, после воцарения Николая I возвращен на службу. Член «Ордена русских рыцарей», что осталось следствию неизвестным. С 1828 г. начальник Морского штаба, с 1836 г. морской министр. Впоследствии адмирал (1833), управляющий Морским министерством (1836–1855), член Государственного Совета, в 1854–1855 гг. главнокомандующий действующей армией в Крымской войне.

Васильчиков Илларион Васильевич. См. о нем наст. изд., с. 40, примеч. 55.

18. Орлов Михаил Федорович (1788–1842) — генерал-майор, член Союза благоденствия, брат Алексея Федоровича Орлова (1786–1861) — графа (с 14 декабря 1825 г.), генерал-

адъютанта, впоследствии шефа жандармов (1844–1856), председателя Государственного Совета и Комитета министров (1856–1861). Михаил Орлов привлекался к следствию, уволен от службы и после крепостного заключения сослан в свое имение под надзор полиции. Писатель по экономическим вопросам.

Именно об этой подписке, по-видимому, идет речь в записках С. Г. Волконского: говоря о первых «попытках общего мнения к уничтожению в России крепостного права», Волконский сообщает: «И в этом деле первая гласная попытка была сделана еще в 1815 году Михаилом Орловым, который составил адрес к императору Александру об уничтожении крепостного права в России, подписанный тогда многими из первенствующих служебных чиновников, и, [как] я знал впоследствии, были имена Иллар[иона] Васильев[ича] Василь[чикова], графа Воронцова и Блудова...» (*Волконский С. Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 363). О данной подписке имеются упоминания также в воспоминаниях И. В. Васильчикова, изложенных Ф. П. Лубяновским (см.: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 81–83). По данным Васильчикова, в подписке «петербургских помещиков» приняли участие 65 помещиков, согласившихся перевести своих крепостных крестьян на положение «обязанных поселян».

В научной традиции существуют разноречивые мнения о подписке 1815/1816 гг. Исследователи склонны подвергать сомнению сообщение мемуариста, тем более что текст адреса неизвестен. Впервые о ней упомянул историк М. И. Богданович, опираясь на свидетельство И. В. Васильчикова. В. И. Семевский включил приведенные Богдановичем факты в свое классическое исследование по истории крестьянского вопроса (*Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 129–130; *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII века и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 435–436). Однако Семевский полагал, что С. Г. Волконский преувеличил роль Орлова и ошибся в датировке события (*Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 393). М. К. Азадовский считал, что Волконский имеет в виду самостоятельную попытку Орлова представить Александру I записку с предложением реформы крепостного права (1817), вызвавшую неудовольствие императора (Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. С. 628). В последнее время историки поставили под сомнение достоверность сведений об этой подписке. С. В. Мироненко выдвинул предположение о том, что произошла ошибка памяти: сведения о подписке 1816 г. — «это сильно искаженный отзвук более позднего события — попытки группы петербургских дворян в 1820 г. создать специальное общество для „изыскания способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей...“», инициированной братьями А. И. и Н. И. Тургеневыми и М. С. Воронцовым (*Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX века. С. 82–83). Однако указание Трубецкого свидетельствует в пользу реальности подписки 1816 г.

19. Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753–1840) — генерал от инфантерии, с 1802 г. управлял Белорусскими губерниями, Литовский военный генерал-губернатор (1806–1810, 1812–1830), член Государственного Совета.

20. Имеется в виду Платер Людовик Константинович (1775–1846) — граф, генеральный директор государственных имуществ Царства Польского, сенатор, известный общественный деятель, масон. Входил в ближайшее окружение князя А. Чарторыйского, один из авторов первоначального проекта польской конституционной хартии 1815 г. По-видимому, мемуарист ошибается: предводителем дворянства Виленской губернии до 1818 г. был не Л. К. Платер, а Ф. Ф. Рооп, с 1818 г. — граф М. С. Ромер (*Милорадович Г. А.* Список губернских предводителей дворянства Российской империи. С. 2–3).

21. Имеются в виду волнения крестьян в военных поселениях Холынской волости Новгородской губернии (осень 1817 г.), которые пришлось усмирять с помощью частей регулярной армии (батальон Перновского гренадерского полка), проведя по всем правилам военного искусства 9-дневную осаду села Естьяне (Естьяны) — центра выступления; только после этого восставшие крестьяне сдались. 39 крестьян были отданы под военный суд и жестоко наказаны (см.: *Богданович М. И.* История царствования императора Алек-

сандра I и России в его время. СПб., 1871. Т. 5. С. 356–357; *Федоров В. А.* Борьба крестьян России против военных поселений (1816–1818 гг.) // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 117).

22. Каразин Василий Назарович (1773–1842) — публицист, экономист, сторонник урегулирования отношений помещика и крепостных, умеренный консерватор, автор многочисленных записок по различным вопросам хозяйствования. В 1802 г. правитель дел Комиссии об училищах Министерства народного просвещения, доверенное лицо императора (получил право личной переписки с Александром I), основатель Харьковского университета. С 1804 г. в опале и в отставке. В 1820 г. вследствие репутации «беспокойного человека» арестован и посажен в Шлиссельбургскую крепость, после 6 месяцев заключения выслан под полицейский надзор в свое имение. После воцарения Николая I надзор снят, но без права въезда в столицу, затем снова под надзором.

Трубецкой имеет в виду записку В. Н. Каразина «Мнение одного украинского помещика, выраженное после беседы с своими собратьями об указе 23 мая [1816 года] и об эстляндских постановлениях» (опубл.: Чтения в Обществе истории и древностей. 1860. Кн. 2. С. 218–227 (впервые); Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1895. Вып. 7. С. 143–152). Мемуарист неточно цитирует следующую фразу из нее: «Земля, по которой ты пойдешь, принадлежит другим. И та, в которую положат прах твой, есть чужая» (Там же. С. 148).

23. Записка князя Николая Григорьевича Вяземского, Калужского губернского предводителя дворянства, была написана в ответ на публикацию речи малороссийского генерал-губернатора Н. Г. Репнина, в которой говорилось о необходимости изменений в отношениях между помещиками и крепостными крестьянами. Записка Н. Г. Вяземского носила заглавие: «Послание российского дворянина к князю Репнину, малороссийскому военному губернатору и генерал-адъютанту», и была датирована 4 апрелем 1818 г. Автор представил себя как «древнего российского дворянина», «друга истины», «старца», не ищущего «любочестия и тщеславия» (опубл.: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 7. С. 153–164).

Причиной появления записки стала речь Н. Г. Репнина на состоявшихся в январе 1818 г. дворянских выборах в Полтавской и Черниговской губерниях, в которой он обратился к дворянству с призывом улучшить положение подвластных им крестьян, определить их «обязанности», оформив их в виде неизменных постоянных правил, при сохранении основ крепостного права: «По местным познаниям вашим изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обеспечить их благосостояние и на грядущие времена, определив обязанности их...» (Цит. по: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. С. 98). Речь Н. Г. Репнина была опубликована (Дух журналов. 1818. Ч. XXVII. С. 591–602).

Одним из предложений Н. Г. Вяземского, высказанных в записке, являлся созыв совещательного органа дворянского представительства. Автор записки считал, что наступило время созвать «общий совет всего царства» из лучших представителей наиболее просвещенного сословия, цель которого состояла в выдвижении требований дворянства. Он полагал также важным, если последует согласие императора, обсуждение общегосударственных вопросов, касающихся «истинной пользы и внутреннего устройства» России, не исключая нужд других сословий.

24. Записка Александра Николаевича Муравьева (1792–1863) — полковника гвардейского Генерального штаба, основателя Союза спасения и Военного общества, одного из руководителей Союза благоденствия (вышел из него в июне 1819 г.), видного масона — имела заглавие «Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами, писанной в Москве апреля 4-го дня 1818 года, древнему российскому дворянину, старцу, служившему в войске и суде, верноподданному государя, от Россиянина». Записка Муравьева датируется серединой апреля – началом мая 1818 г. (опубл.: Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1859. Кн. 3. С. 43–50 (впервые); «Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов / Сост., вступ. ст. и коммент. С. С. Волка. М., 1983. С. 219–225; *Муравьев А. Н.* Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 129–136).

25. О П. В. Лопухине см. наст. изд., с. 171, примеч. 12. Согласно показаниям С. П. Тру-

бецкого на следствии, разговор Александра I с Лопухиным был передан ему сыном последнего, членом Союза спасения П. П. Лопухиным (ВД. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 49).

26. Речь идет о событиях «Московского заговора 1817 года» (конец сентября), когда полученные через письмо Трубецкого к А. Н. Муравьеву сведения о том, что Александр I намерен присоединить к Царству Польскому ряд западных губерний, повлекли за собой обсуждение возможности цареубийства и государственного переворота. В ходе обсуждения этих замыслов И. Д. Якушкин вызвался осуществить покушение на императора, а затем убить себя, однако его предложение не было поддержано другими членами тайного общества.

27. Тугендбунд («Союз добродетели») — тайное общество, основанное в Пруссии в 1808 г. Имело устав, одобренный королем Пруссии, в котором провозглашались нравственно-просветительские и благотворительные задачи и направления деятельности («открытая цель»). Вместе с тем деятельность членов Тугендбунда преследовала цели возбуждения национально-патриотических настроений, подготовки освобождения страны от французской оккупации. 31 декабря 1809 г. по требованию Наполеона Тугендбунд был закрыт специальным указом короля Фридриха Вильгельма III, но продолжал существовать на сугубо конспиративных принципах (по некоторым данным, до освобождения Пруссии в 1813 г.).

28. Устав Союза благоденствия «Зеленая книга» — сохранившаяся 1-я часть уставных документов Союза благоденствия. В ее основу был положен значительно переработанный устав Тугендбунда (этот документ был опубликован в журнале «Freimuthige Blatter» в 1815–1816 гг.). Перевод немецкого устава выполнил Петр И. Колошин, работу над уставом Союза благоденствия осуществляли М. Н. Муравьев, Петр И. Колошин, Трубецкой, при участии Н. М. Муравьева (написанная им часть устава была переделана). Вторая часть, в которой содержалась политическая («сокровенная») цель тайного общества, не была официально утверждена и не сохранилась.

29. В публикациях оригинальных списков «Законоположения Союза благоденствия», или «Зеленой книги», эпиграф иной: «Всякому же, ему же дано будет много, много взыщется от него: и ему предаша множайше, множайше истяжут от него» (Евангелие от Луки) (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. С. 239, 680).

30. Согласно «Законоположению Союза благоденствия», деятельность общества должна была направляться по четырем «отраслям»: человеколюбие, образование, правосудие, общественное хозяйство (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. С. 242). Характерно, что в своих показаниях на следствии Трубецкой также допустил ошибочное перечисление «отраслей» деятельности Союза благоденствия: правосудие, просвещение, воспитание и государственное хозяйство (ВД. Т. 1. С. 26).

31. Речь идет о К. Ф. Германе.

Герман Карл Федорович (1767–1838) — правовед, экономист и статистик, адъюнкт политической экономии и статистики Императорской Академии наук, преподаватель в ряде военно-учебных заведений, профессор Главного Педагогического института, а затем Санкт-Петербургского университета. В 1821 г. в связи с делом профессоров университета отстранен от преподавания за «вредное направление», впоследствии возглавлял статистический отдел Министерства внутренних дел. Преподавал статистику и «курс политических наук» ряду участников тайных обществ, в т. ч. Трубецкому, П. И. Пестелю, И. Г. Бурцову.

32. Храповицкий Матвей Евграфович (1784–1847) — генерал-майор, генерал-адъютант, командир Лейб-гвардии Измайловского полка в 1811–1818 гг., затем командир 3-й гренадерской дивизии. Впоследствии генерал от инфантерии, Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор (1846–1847).

33. Управы Союза благоденствия образовались в Петербурге (известно не менее семи столичных управ — «Коренная», Ф. Н. Глинки, Измайловская, Егерская, Семеновская, Московская, Конногвардейская — названные по гвардейским полкам, в которых существовали), в Москве (две управы — под началом А. Н. Муравьева и Петра И. Колошина, Ф. П. Шаховского). Кроме того, возникли управы в Нижнем Новгороде, Туле, Пензе, Полтаве, Тульчине, Киеве, Кишиневе (всего — не менее 16 управ).

34. Виельгорский Михаил Юрьевич (1787–1856) — граф, один из виднейших масонов, великий мастер Великой Провинциальной (директориальной) ложи (1816–1820), великий мастер и инсталлятор ложи «Ищущие манны», мастер стула в петербургских ложах «Сфинкс», «Елизавета к добродетели», «Александра Золотого льва». Виельгорский принадлежал к числу активных деятелей розенкрейцерского направления в масонстве, отличавшегося мистическим характером (член Теоретического градуса в 1822–1827 гг.).

35. Масонская ложа «Три добродетели» была основана в 1815 г. Видное положение в ней, начиная с 1816 г., занимали участники декабристского Союза спасения. Мастером стула был избран П. П. Лопухин, наместным мастером — А. Н. Муравьев, на других выборных должностях находились С. П. и П. П. Трубецкие, С. И. Муравьев-Апостол, И. А. Долгоруков, П. И. Пестель, Ф. П. Шаховской, Н. М. Муравьев. В конце 1818 г. влияние участников тайных обществ на эту масонскую ложу фактически прекращается. По мнению исследователей вопроса, эти факты говорят о попытке членов тайного общества использовать масонские формы для создания влиятельной тайной организации, а также об их стремлении увеличить число своих сторонников (см.: *Дружинин Н. М.* К истории идейных исканий П. И. Пестеля // *Дружинин Н. М.* Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 305–329; *Серков А. И.* История русского масонства XIX в. СПб., 2000. С. 147–157).

36. Подразумевается журнал «Россиянин XIX века» (или «Архив политических наук и российской словесности»), задуманный Н. И. Тургеневым в конце 1818 г. Одна из главных инициатив петербургских членов Союза благоденствия — «ежемесячное обозрение» — планировалась как орган либеральной просветительской пропаганды, центр сосредоточения публицистических и литературных сил сторонников конституционных, экономических и социальных реформ. Вместе с журналом Тургенев задумал организовать особый кружок — «Общество 19-го года и XIX века», которое существовало в течение 1819 г. (проведено несколько собраний участников). В числе сотрудников журнала планировались А. П. Куницын, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, М. Ф. Орлов, Ф. Н. Глинка, Н. М. Муравьев, И. Г. Бурцов, Петр И. Колошин, П. Я. Чаадаев, А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, И. И. Пущин и другие представители либерального направления в общественном движении.

37. Книгопродавец Пономарев — лицо неустановленное.

38. Тургенев Николай Иванович (1789–1871) — действительный статский советник, помощник статс-секретаря Департамента законов Государственного Совета (с 1816), член Комиссии составления законов, управляющий 3-м отделением канцелярии Министерства финансов (с 1819). Экономист, правовед, один из наиболее деятельных руководителей Союза благоденствия и Северного общества. В 1824 г. выехал в отпуск за границу. Заочно осужден по 1-му разряду на бессрочную каторжную работу. Остался на положении политического эмигранта, отказавшись вернуться в Россию. Автор мемуарно-публицистического труда «Россия и русские» (1847). В 1856 г. амнистирован.

39. «Опыт теории налогов» — труд Н. И. Тургенева, написанный на основе переработки лекционных курсов, прослушанных в Геттингенском университете, а также существующей литературы. Книга Тургенева вышла первым изданием в 1818 г., тираж полностью раскуплен, что вызвало необходимость второго издания в 1819 г.

40. Грибовский Михаил Кириллович, доктор «обоих прав» Харьковского университета, с 1818 г. библиотекарь штаба Гвардейского корпуса, затем правитель канцелярии Комитета о раненых. Член Коренного совета Союза благоденствия. В 1820 г. по своей инициативе сообщил о существовании тайного общества И. В. Васильчикову, в 1821 г. подал донос с подробной характеристикой Союза. Один из руководителей тайной полиции в Гвардейском корпусе (с 1821). Впоследствии Слободско-Украинский (Харьковский) губернатор. Грибовский был автором книги «О состоянии крестьян господских в России» (Харьков, 1816) — по-видимому, диссертации, защищенной в Харьковском университете и посвященной А. А. Аракчееву. В ней он выступал за «постепенное и нечувствительное» освобождение крепостных крестьян.

41. «Орден Русских рыцарей» — тайное политическое общество масонского характера, созданное М. Ф. Орловым и М. А. Дмитриевым-Мамоновым. Орден существовал в 1814–1818 гг. Большая часть участников присоединилась к Союзу благоденствия. См. о нем:

Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 408; *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 133–138; *Лотман Ю. М.* М. А. Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист, общественный деятель // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 78. Тарту, 1959; *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. С. 102–113.

42. Имеется в виду напечатанный в количестве 25 экземпляров устав (или программа) Ордена «Краткие наставления Русскому Рыцарю» (брошюра до сих пор не обнаружена). Уставные и программные документы Ордена в полном объеме не сохранились. Известны принадлежащие М. А. Дмитриеву-Мамонову рукописные «Пункты преподаваемого во внутреннем Ордене учения» и «Краткий опыт», содержащие широкий набор целей и задач, а также проект государственного устройства России.

43. Перечисляются участники «Ордена русских рыцарей» — его основатели: граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов (1790–1863) и Михаил Федорович Орлов (1788–1842), а также Дмитрий Петрович Бутурлин (1790–1849), князь Александр Сергеевич Меншиков (1787–1867), Николай Иванович Тургенев (1789–1871) (см. о них примеч. 17, 18, 38, 41, 204), Михаил Александрович Фонвизин (1787–1854), Петр Павлович Каверин (1794–1855).

Трубецкой впервые в качестве участников этого Ордена называет М. А. Фонвизина и П. П. Каверина, что служит основанием для пересмотра представлений о времени и обстоятельствах их вступления в тайное общество. Трубецкому осталась неизвестной принадлежность к Ордену Д. В. Давыдова, А. Б. Голицына и Алексея Пушкина (*Серков А. И.* История русского масонства XIX века. С. 106–108).

44. Отъезд за границу С. П. Трубецкого датируется 26 июня 1819 г.

45. Петербургские совещания 1820 г. на квартире Ф. Н. Глинки — собрание членов Коренного совета Союза благоденствия (март 1820 г.), на котором обсуждались вопросы о «лучшей форме правления» и возможности применения различных вариантов государственного устройства к России.

46. Московский съезд 1821 г. — собрания членов Коренного совета Союза благоденствия, а затем и других членов тайного общества, на квартире братьев М. А. и И. А. Фонвизиных (январь 1821 г.), на которых были приняты решения о закрытии Союза благоденствия и образовании нового тайного общества.

47. «Семеновский бунт», или «Семеновская история» (16–18 октября 1820 г.) — волнения Лейб-гвардии Семеновского полка, произошедшие в связи с грубым отношением к нижним чинам со стороны полкового командира Ф. Е. Шварца.

48. Шварц Федор Ефимович — полковник, командир Лейб-гвардии Семеновского полка. Главный виновник «семеновской истории», жестоко обращался с солдатами. По решению военного суда уволен со службы с запрещением вновь в нее поступать. Однако по ходатайству Аракчеева с 1823 г. служил в Отдельном корпусе военных поселений. Впоследствии генерал-лейтенант, в 1850 г. отставлен от службы в связи с выявленными служебными злоупотреблениями.

49. Оленин Алексей Алексеевич (1798–1854) — штабс-капитан гвардейского Генерального штаба, член Союза благоденствия. Сын А. Н. Оленина. К следствию не привлекался. Впоследствии действительный статский советник.

50. Восстановление тайного общества в начале 1821 г. (образование т. н. «Восстановленного Союза благоденствия») произошло по решению закрытых совещаний членов Коренного совета Союза благоденствия, в рамках Московского съезда. Были основаны отделения вновь созданного общества («думы») в Петербурге (под руководством Н. И. Тургенева), в Москве (под началом И. А. и М. А. Фонвизиных), Смоленске (во главе с И. Д. Якушкиным) и, по-видимому, в Кишиневе (К. А. Охотников). Создание отделения нового общества в Тульчине не удалось (П. И. Пестель добился учреждения нового союза под своим руководством). Впоследствии члены общества, образованного на Московском съезде, либо отошли от участия в движении декабристов, либо присоединились к Северному обществу.

51. Вольховский Владимир Дмитриевич (1798–1841) — капитан гвардейского Генерального штаба, член декабристских тайных обществ (Союз спасения, Союз благоденствия,

Северное общество). Привлекался к следствию, освобожден без наказания. В 1826 г. переведен в Кавказский корпус, обер-квартирмейстер корпуса (исполнял обязанности начальника штаба Кавказского корпуса) в 1828–1829 и 1831–1835 гг. С 1839 г. в отставке.

Колошин Павел Иванович (1799–1854) — советник Московского губернского правления. Руководящий участник ряда декабристских тайных обществ (Союз спасения, Союз благоденствия), член Московской управы Северного общества. Привлекался к следствию, наказан без суда, после заключения в крепости отставлен от службы и сослан в свое имение с установлением надзора.

Семенов Степан Михайлович (1789–1852) — чиновник канцелярии Московского военного генерал-губернатора, видный деятель тайных обществ (секретарь Коренного совета Союза благоденствия, активный член Северного общества). Привлекался к следствию, предан суду не был, подвергся внесудебным репрессиям. После крепостного заключения отправлен на гражданскую службу в Сибирь.

52. Поход гвардии к западным границам Российской империи начался в апреле 1821 г. и закончился в июне 1822 г. Во время похода проводились маневры у Бешенковичей и смотр Гвардейского корпуса в Вильно. Решение Александра I о выступлении Гвардейского корпуса из Петербурга в Минскую губернию связывается со стремлением проверить состояние корпуса после событий конца 1820 г. («Семеновская история», брожение в других полках). Существенную роль сыграли имевшиеся планы участия русской армии в подавлении европейских революционных выступлений 1820–1821 гг. (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 226).

53. Перечисляются лица, входившие в число руководящих членов Северного общества: Кондратий Федорович Рылеев (1795–1826), Иван Иванович Пущин (1798–1859), Евгений Петрович Оболенский (1796–1865), Михаил Михайлович Нарышкин (1798–1863).

54. Подразумеваются руководители Южного общества декабристов, приезжавшие в Петербург: Сергей Григорьевич Волконский (1788–1865), Василий Львович Давыдов (1793–1855), Александр Петрович Барятинский (1799–1844).

55. Поездка П. И. Пестеля в Петербург состоялась в январе 1824 г. Она известна прежде всего благодаря переговорам руководителя Южного общества с виднейшими членами Северного — Н. М. Муравьевым, С. П. Трубецким, Н. И. Тургеневым, Е. П. Оболенским, К. Ф. Рылеевым, целью которых было принятие общей программы действий и обсуждение условий объединения обеих тайных организаций в будущем.

56. «Русская Правда» — проект государственного устройства П. И. Пестеля, созданный на протяжении 1822–1825 гг. (возможно, участие в ее создании принимали также А. П. Юшневский, С. И. Муравьев-Апостол и несколько других членов Южного общества). Опубликован: ВД. М., 1958. Т. 7.

57. Польское Патриотическое общество — конспиративная организация национально-освободительного характера, возникшая в 1821 г. В январе 1824 г. Патриотическое общество вошло в контакт с Южным обществом. О договоренностях между тайным обществом декабристов и польским Патриотическим обществом по вопросу о границах между Россией и Польшей см. наст. изд., примеч. 59.

58. Подразумеваются, прежде всего, Е. П. Оболенский и К. Ф. Рылеев. Кроме того, вероятно, имеются в виду усилия представителей Южного общества в Петербурге М. И. Муравьева-Апостола и А. В. Поджио, направленные на объединение двух тайных организаций на основе программы Южного общества.

59. Вопросы территориальных изменений в ходе переговоров Южного и польского Патриотического общества были наиболее острыми. К полному согласию стороны так и не пришли. Южное общество, в лице Пестеля, Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, соглашалось предоставить независимость Польше, гарантируя возрождение независимого польского государства после поддержки польскими конспираторами переворота в России. Однако вопрос о западных русских губерниях так и не был решен. Лидеры Южного общества были готовы передать присоединенные к России территории, на которых преобладало польское население (дворянство), однако никакого окончательного соглашения достигнуто не было (ВД. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 85, 165). Вопрос о польско-русской границе

оставался в стадии обсуждения и должен был решиться в ходе дальнейших переговоров. В «Русской Правде» Пестеля границы между Россией и Польшей проводились таким образом, что к Польше переходили Гродненская губерния и Белостокская область, а также части Минской, Виленской и Волынской губерний — в основном, земли, полученные Россией после разделов Польши. Окончательное решение этого вопроса передавалось Временному правлению. Следует отметить, что руководители Южного общества выступали от имени Северного и Южного обществ, но фактически действовали самостоятельно. Предоставление независимости Польше было общим мнением участников тайных обществ, однако передача Польше территорий вызывала споры (*Медведская Л. А.* Декабристы и Польское Патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов: Сб. ст. М., 1954. С. 284–285, 287, 300, 304, 318).

60. Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1795–1826) — подполковник Черниговского пехотного полка, батальонный командир. Член Союза спасения, Союза благоденствия, руководитель Васильковской управы Южного общества. В определенной степени противостоял влиянию Пестеля в Южном обществе. Главный инициатор выступления части Черниговского полка. Казнен по приговору Верховного уголовного суда.

Бурцов Иван Григорьевич (1795–1829) — полковник, командир Казанского пехотного полка. Один из руководящих членов Союза спасения и Союза благоденствия, оппонент Пестеля в Тульчинской управе. После 1821 г. от тайного общества отошел, хотя знал о его существовании, продолжал контактировать с членами как Южного, так и Северного общества. Привлекался к следствию, наказан без суда крепостным заключением, переведен в Кавказский корпус. Погиб в чине генерал-майора.

61. Речь идет, прежде всего, о К. Ф. Рылееве и Е. П. Оболенском.

62. Трубецкой получил это назначение 22 декабря 1824 г. Приехал в Киев в марте 1825 г.

63. Киевские контракты — ежегодная торговая ярмарка, одна из крупнейших на юге России (проходила в январе–феврале).

64. Подразумевается Майборода Аркадий Иванович. См. о нем наст. изд., с. 171, примеч. 18.

65. См. о Шервуде И. О. наст. изд., с. 171, примеч. 18.

66. См. о Вадковском Ф. Ф. наст. изд., с. 171–172, примеч. 19.

67. Встреча Шервуда с Александром I и передача доносчиком императору сведений о тайном обществе (июль 1825 г.) не имели никакой связи с И. О. Виттом; эти действия были личной инициативой Шервуда. Письмо Ф. Ф. Вадковского к П. И. Пестелю (от 3 ноября) оказалось в руках Шервуда и было доставлено в Таганрог И. И. Дибичу только 8 декабря 1825 г., следовательно Александр I не мог ознакомиться с этим документом.

68. Бошняк Александр Карлович (1786–1831) — коллежский советник (камергером не был), принят в Южное общество В. Н. Лихаревым, с провокаторской целью вошел в доверие к ряду членов общества. Действовал как агент начальника тайной полиции на юге России И. О. Витта, сообщая ему подробности своих отношений с членами тайного общества в течение мая–августа 1825 г. Обобщенные данные Бошняка вошли в состав донесения Витта, поданного Александру I 18 октября. Привлекался к следствию в качестве свидетеля. В следующие годы продолжал осуществлять деятельность тайного агента полиции. Писатель, ученый-ботаник.

69. Речь идет о провокационном предложении, сделанном И. О. Виттом в июле 1825 г. Витт сообщал, что знает о тайном обществе, хочет в него вступить и обещает «подготовить» за год 50 000 солдат подчиненных ему военных поселений. Цель Витта, как начальника тайной полиции, заключалась в получении более достоверных сведений о существовании конспиративной организации, в том числе документальных подтверждений. Предложение Витта обсуждалось и было отвергнуто П. И. Пестелем и А. П. Юшневским, однако переговоры с Виттом (через его агента Бошняка) продолжались осенью 1825 г.

70. Дибич Иван Иванович (1785–1831) — барон, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, с 1823 г. начальник Главного штаба, находился в Таганроге вместе с Александром I. Впоследствии граф (с 1827), генерал-фельдмаршал (1829).

Арест Пестеля произошел 13 декабря 1825 г. по распоряжению Дибича, на основании

сведений, полученных от Майбороды, Бошняка–Витта. В тот же день по указанию Дибича был арестован Ф. Ф. Вадковский (вследствие доноса Шервуда).

71. И. И. Пущин оставил военную службу в 1823 г., поступив сверхштатным членом в Петербургскую уголовную палату. В 1824 г. перешел на должность судьи Московского надворного суда. Павел И. Колошин в 1823–1825 гг. занимал должность советника 2-го департамента Московской палаты гражданского суда.

72. Речь здесь идет о т. н. «четверной дуэли», в которой, помимо основных противников, участвовали секунданты А. С. Грибоедов и А. И. Якубович.

Об А. И. Якубовиче см. наст. изд., с. 170, примеч. 5.

73. Бриген фон дер Александр Федорович (1792–1859) — отставной полковник, член Союза благоденствия и Северного общества, осужден по 7-му разряду на 2 года каторжных работ, с 1828 г. на поселении. В 1856 г. амнистирован.

В июле 1825 г. Бриген отправился на юг и по поручению К. Ф. Рылеева посетил Трубецкого в Киеве, доставив ему сведения о предложении Якубовича.

74. Трубецкой приехал в Петербург из Киева 8 или 10 ноября 1825 г. (ВД. Т. 1. С. 10).

75. Первые сообщения о болезни Александра I поступили в Петербург 22–23 ноября, известие о тяжелом характере его болезни пришло в столицу 25 ноября, весть о кончине императора — 27 ноября.

76. Венский конгресс — конгресс европейских государств (сентябрь 1814 – июнь 1815 гг.), завершивший войны антинаполеоновских коалиций и решавший вопросы послевоенного устройства Европы. По решению конгресса, Варшавское герцогство было разделено между Пруссией, Австрией и Россией, создавалось Царство Польское — конституционная автономия в составе Российской империи. Одним из важнейших принципов внутренней и международной политики участники Венского конгресса официально провозгласили уважение народных прав и соблюдение народных интересов; в ряде случаев (Франция, Италия, германские и польские земли) было обещано установление конституционного строя и народного представительства. Однако в дальнейшем главной задачей созданного в 1815 г. «Священного союза» стала защита существующих режимов и подавление освободительного и конституционного движения, восстановление монархических порядков в европейских странах.

77. Согласно установлению о порядке престолонаследия (в составе «Учреждения об императорской фамилии»), принятому Павлом I 5 апреля 1797 г., наследовать после бездетного императора должен был следующий по старшинству брат (ПСЗ. Т. 24. № 17906).

78. 12 марта 1820 г. был расторгнут брак великого князя Константина Павловича с великой княгиней Анной Федоровной. В тот же день последовал манифест императора Александра I, который устанавливал, что лицо императорской фамилии, вступавшее в брак с лицом, не принадлежащим к «царственному или владетельному» роду, не сообщает ему прав, принадлежащих членам Императорского дома, а дети, рожденные в этом браке, не имеют прав на наследование русского трона. 12 мая 1820 г. был оформлен брак великого князя Константина Павловича с польской дворянкой графиней Жаннетой (Иоанной) Антоновной Грудзинской. 14 января 1822 г. датировано письмо Константина Павловича к Александру I с отказом от прав на российский престол; вскоре последовало ответное письмо Александра I Константину Павловичу от 2 февраля 1822 г., в котором был одобрен отказ Константина. Все эти документы, так же как и манифест Александра I от 16 августа 1823 г. об изменении порядка престолонаследия, держались в тайне. Согласно запискам Николая I, Константин Павлович выражал намерение не принимать российский трон еще до 1820 г.

79. «Завещание» Александра I (манифест от 16 августа 1823 г.) хранилось в четырех экземплярах: в Успенском соборе Московского Кремля (оригинал), Сенате, Синоде, Государственном Совете (списки). О существовании завещательных распоряжений о престолонаследии достоверно знали лишь несколько человек: члены императорской фамилии, А. А. Аракчеев, М. А. Милорадович, А. Н. Голицын, архиепископ Московский Филарет (можно предположить осведомленность об этом П. М. Волконского и некоторых других лиц из окружения Александра I).

80. См. наст. изд., с. 40–41, примеч. 57.

81. Аничковский дворец — личная резиденция великого князя Николая Павловича в Петербурге.

82. См. наст. изд., с. 143–144, примеч. 2.

83. Речь идет о письме великого князя Константина Павловича к императору от 14 января 1822 г., в котором цесаревич «просил» передать право на престол следующему по старшинству брату, отрекаясь от своих прав на наследование. Письмо Константина (в оригинале) было передано митрополиту Филарету для хранения в Успенском соборе вместе с манифестом Александра I от 16 августа 1823 г. Возможно, копии письма Константина были приложены к завещательному акту Александра I и в других «конвертах», хранившихся в Государственном Совете, Сенате и Синоде.

84. Ср. с описанием этого события в книге М. А. Корфа, который опирался главным образом на запись журнала Государственного Совета и замечания Николая I на рукопись книги. В изложении Корфа подчеркивается роль великого князя Николая Павловича в принятии решения о присяге Константину. Отмечается, что большая часть членов Совета сомневалась в необходимости нарушать волю Александра I до тех пор, пока Николай Павлович лично не повел их к присяге (*Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I-го. СПб., 1857. С. 56–57; 14 декабря 1825 года и его истолкователи. Герцен и Огарев против барона Корфа. М., 1994. С. 342–346).

85. Императрица Мария Федоровна (урожденная принцесса София Доротея Августа Луиза Вюртембергская, 1759–1828) — с 1776 г. супруга императора Павла I, с 1796 г. российская императрица, мать императоров Александра I, Николая I, великих князей Константина и Михаила Павловичей.

86. О Башуцком П. Я. см. наст. изд., с. 174, примеч. 46.

87. Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838) — князь, генерал от инфантерии, министр юстиции (1817–1827), член Государственного Совета.

88. Собственноручная надпись Александра I на конверте с оригиналом завещательных распоряжений гласила: «Хранить в Успенском соборе, с государственными актами, до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе, прежде всякого другого действия». На конвертах, хранящихся в Государственном Совете, Сенате и Синоде, были соответствующие надписи, сходные по содержанию.

89. Налой (аналой) — столик с покатым верхом для икон и книг, читаемых при церковных службах.

90. Об этом эпизоде Трубецкой сообщает и в своих известных записках (*Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 235).

91. См. наст. изд., с. 142–143, примеч. 1.

92. Рассказ Трубецкого входит в противоречие с воспоминаниями митрополита Филарета, приведенными в труде М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го». Действительно, Филарет первоначально возражал против требования Московского военного генерал-губернатора Д. В. Голицына привести к присяге московские департаменты Сената (Голицын действовал на основании частного письма М. А. Милорадовича, сообщавшего о присяге Константину Павловичу, которая прошла в Петербурге). Филарет ссылался на отсутствие официальных актов Сената и Синода, однако вынужден был согласиться на требование Д. В. Голицына. 30 ноября состоялось чрезвычайное собрание московского Сената, на котором некоторые из сенаторов выразили сомнения в законности присяги Константину. Голицын и обер-прокурор Общего собрания Московских департаментов П. П. Гагарин убедили сенаторов, и присяга состоялась. После этого сенаторы подписали «определение», которое стало основанием для проведения присяги губернских чиновников и войск.

93. Опочинин Федор Петрович (1779–1852) — отставной полковник, во время военной службы — адъютант Константина Павловича (1800–1808), пользовался его доверенностью. Впоследствии член Государственного Совета.

94. Мраморный дворец — личное владение Константина Павловича в Петербурге.

95. См. наст. изд., с. 244, примеч. 78. Указание на 1817 год как на дату отказа Константина Павловича от прав на престолонаследие не подтверждается другими источниками.

96. Михаил Павлович (1798–1849) — великий князь, четвертый сын Павла I, генерал-фельдцейхмейстер, начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии. С 1825 г. генерал-инспектор по инженерной части, впоследствии главный начальник Пажеского и всех сухопутных кадетских корпусов, генерал-адъютант, член Государственного Совета, командующий Гвардейским корпусом (с 1826). См. также наст. изд., с. 24, примеч. 5.

97. По получении известия о смерти Александра I Константин Павлович запрещал именовать себя императором. 26 ноября он направил письма императрице Марии Федоровне и великому князю Николаю, в которых подтверждал свой отказ от прав на российский престол (см. о них примеч. 98). Вместе с тем, согласно ряду мемуарных свидетельств, Константин несколько дней не выходил из своих покоев, не объявлял о своем отречении от трона и не отдавал никаких распоряжений, в частных беседах косвенно выражая намерение стать польским королем (см.: *Андреева Т. В.* Противостояние: Константин и Николай // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 2. С. 189–191).

98. Речь идет о письмах Константина Павловича к Николаю Павловичу и императрице Марии Федоровне от 26 ноября 1825 г., которые были доставлены в Петербург великим князем Михаилом. В обоих письмах цесаревич подтверждал свое отречение от российского престола. Эти письма были приложены к манифесту Николая о своем восшествии на престол от 12 декабря 1825 г. и официально опубликованы. Очевидно, Трубецкой смешал указанные письма с письмами Константина к Николаю Павловичу (ответ на письмо Николая, доставленное А. П. Лазаревым) и Марии Федоровне от 2 декабря, в которых великий князь настаивал на выполнении завещательных распоряжений Александра I и угрожал удалиться из Варшавы, если эти распоряжения не будут выполнены: «...Твоего предложения прибыть скорее в Петербург я не могу принять и предваряю тебя, что удалюсь еще дальше, если все не устроится в согласность воле покойного нашего государя» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 142–143, 155–156).

99. В течение 27 ноября — 3 декабря к Константину Павловичу с официальными документами о принесенной ему присяге и письмами были посланы: сенатский фельдъегерь, обер-прокурор Сената П. Е. Никитин, адъютант великого князя Николая Павловича А. П. Лазарев, адъютант военного министра А. И. Сабуров. Кроме них, Николай послал к брату его бывшего адъютанта и доверенное лицо Ф. П. Опочинина, который должен был уговорить Константина приехать в Петербург и сделать официальное отречение. Наконец, офицер Фельдъегерского корпуса Белоусов вез письмо Николая к брату, в котором содержалась просьба о присылке официального манифеста об отречении. В ответ Константин отвергал принесенную ему присягу, подтверждал свое отречение, но отказывался прибыть в Петербург или издать манифест от своего имени.

100. Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — граф (с 1839), действительный тайный советник, государственный секретарь (до 1812), член Государственного Совета, председатель Комиссии составления законов, Сибирский генерал-губернатор (1819–1821), председатель Сибирского комитета. Член Верховного уголовного суда в 1826 г. С 1826 г. начальник II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Выдающийся государственный деятель, автор министерской реформы, проекта создания Государственного Совета, ряда реформ государственного управления в царствование Александра I. Руководитель кодификации русского законодательства в царствование императора Николая I.

101. Других указаний, подтверждающих упомянутое поручение, отданное Александром I, обнаружить не удалось. Среди бумаг Сперанского сохранился рукописный текст Конституции США 1787 г. (РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 136).

102. См. наст. изд., с. 177, примеч. 70.

103. Вероятнее всего, намек на тайное общество декабристов и близкие к нему круги.

104. См. наст. изд., с. 246, примеч. 99. Речь идет, видимо, о П. Е. Никитине.

105. См. наст. изд., с. 32, примеч. 31.

106. Руководители Северного общества, собравшись в день присяги Константину Павловичу вечером 27 ноября, по имеющимся данным (в первую очередь, согласно следственным показаниям), уже имели сведения о возможном отречении Константина. В связи с этим рассматривались два варианта развития событий: а) в случае воцарения Константина действовать осторожно, постепенно набирая силы (или даже временно «законсервировать» деятельность тайного общества), в течение 2 или 3 лет привлечь влиятельных офицеров в гвардейских полках; б) в случае отказа Константина от престола воспользоваться ситуацией для открытого выступления. По показанию Рылеева, Трубецкой предлагал «приготовиться насколько возможно» к вероятному выступлению в 1-й армии членов Южного общества, способных воспользоваться сменой монарха. Это предложение было поддержано; в тот же день начали обсуждаться меры, необходимые для перемены политических обстоятельств, на случай новой присяги, и конкретные шаги для организации заговора среди офицеров Гвардейского корпуса.

107. Имеются в виду отошедшие к 1825 г. от деятельности в тайных обществах братья И. П. и С. П. Шиповы, с которыми Трубецкой встречался в дни междуцарствия. По-видимому, лидер заговорщиков встречался и с другими бывшими членами Союза благоденствия (А. А. Кавелин, В. А. Перовский).

108. Подразумеваются дворцовые перевороты XVIII в., осуществленные силой гвардейских полков: вступление на трон Екатерины I (1725), удаление от власти А. Д. Меншикова (1727), свержение Э. И. Бирона (1740), возведение на престол императриц Елизаветы Петровны в 1741 г. и Екатерины II в 1762 г.

109. Ошибка мемуариста: в декабре 1825 г. за пределами Петербурга были размещены третьи батальоны гвардейских полков. Первые и вторые батальоны находились в полковых казармах (*Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года: Военно-историческая справка // *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 166).

110. Речь идет об Александре Федоровиче Моллере (1796–1862) — полковнике Лейб-гвардии Финляндского полка, командире 2-го батальона, и Александре Никитиче Тулубьеве, полковнике этого же полка, командире 1-го батальона.

А. Ф. Моллер и А. Н. Тулубьев состояли в Северном обществе и первоначально согласились участвовать в заговоре. Однако накануне событий Моллер отказался содействовать заговорщикам (14 декабря возглавляемый им батальон вступал в городские караулы, в т. ч. в Зимнем дворце). Вслед за ним днем 14 декабря Тулубьев не решился вести свой батальон на Сенатскую площадь и, тем самым, выступить на стороне заговора.

111. См. наст. изд., с. 177, примеч. 80.

112. Обер-офицеры — офицеры 9-го – 14-го классов, имевшие чины от прапорщика до капитана, т. е. младшие офицеры.

113. В ходе подготовки выступления декабря 1825 г., кроме участников тайных обществ, к заговору присоединились не принадлежавшие к декабристским организациям офицеры гвардейских частей, которые сомневались в правомерности и законности присяги Николаю Павловичу.

114. См. наст. изд., с. 245, примеч. 90.

115. Участие в выступлении 14 декабря Лейб-гвардии Семеновского полка оставалось проблематичным. Вероятно, оно могло состояться лишь при условии увлечения соседних с ним Лейб-гвардии Московского и Измайловского полков. Участие Лейб-гвардии Преображенского полка в реализации планов заговорщиков также было под большим вопросом. В отношении Кавалергардского полка и гвардейской Конной артиллерии надежд было больше, ввиду их ближайшего соседства друг с другом и присутствия среди офицеров этих частей нескольких заговорщиков. В значительно большей степени руководители заговора рассчитывали на Лейб-гвардии Гренадерский, Московский, Измайловский и Финляндский полки, а также на Гвардейский экипаж и Коннопионерный эскадрон.

116. Трубецкой, возможно, приводит элементы первоначального плана выступления, им же и разработанного. Движение от одного полка к другому могло привести к массовому выступлению гвардейских частей против новой присяги.

Булатов Александр Михайлович (1793–1826) — полковник, командир 12-го Егерского полка. Совоспитанник Рылеева по 1-му кадетскому корпусу, был привлечен последним в заговор в декабре 1825 г., войдя в состав Северного общества и руководящее ядро заговорщиков. Будучи назначенным возглавить один из отрядов восставших, не решился этого сделать. Покончил с собой в Петропавловской крепости.

117. По данным, полученным в ходе следствия, манифест с подобным содержанием был составлен накануне 14 декабря В. И. Штейнгейлем, а затем им же уничтожен. См. показание о содержании манифеста: ВД. М., 1976. Т. 14. С. 163, 168, 169.

118. См. наст. изд., с. 173, примеч. 30.

119. См. наст. изд., с. 246, примеч. 100.

120. Ермолов Алексей Петрович (1772–1861) — генерал от инфантерии, командующий Отдельным Кавказским корпусом (1816–1827), в царствование Николая I был удален от службы и проживал в своем имении.

О Временном правлении в планах тайных обществ и его предполагавшемся персональном составе см.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

121. Трубецкой перечисляет главные пункты программы, принятой организаторами выступления 14 декабря 1825 г. В такой степени определенности они не были сформулированы лидерами заговорщиков ни в следственных показаниях, ни в воспоминаниях (включая известный текст записок Трубецкого).

122. Ошибка мемуариста: см. наст. изд., с. 247, примеч. 109.

123. Батеньков Гавриил Степанович (1793–1863) — подполковник Корпуса инженеров путей сообщения, правитель Сибирского комитета в 1821–1822 гг., с 1822 г. член Комиссии по составлению проекта учреждения военных поселений, с 1824 г. член Совета главного над военными поселениями начальника (А. А. Аракчеева), был тесно связан как с А. А. Аракчеевым, так и с М. М. Сперанским. Член Северного общества. Осужден по 3-му разряду на 20 лет каторжных работ, однако в Сибирь отправлен не был. 19 лет содержался в Петропавловской крепости. С 1846 г. на поселении в Томске. В 1856 г. амнистирован.

124. Очевидно, подразумевается требование, выдвинутое М. М. Сперанским или Н. С. Мордвиновым, как, возможно, одно из условий поддержки переворота (в случае его успеха) со стороны ряда членов Государственного Совета.

125. Вероятнее всего, речь идет о «частных» письмах Константина Павловича к императрице Марии Федоровне и великому князю Николаю от 8 декабря, полученных в Петербурге 12 декабря. В них Константин вновь отклонял просьбы о своем личном приезде в Петербург, подтверждал свое решение отречься от прав на престол, а в письме к Николаю содержались «советы и наставления», «как начать новое царствование». Письма от 8 декабря не были опубликованы и не прилагались к официальным документам, сопровождавшим манифест Николая I, датированный 12 декабря 1825 г. Эти письма способствовали решению Николая вступить на престол.

126. Речь идет о собрании начальников дивизий, командиров бригад, полков и отдельных частей Гвардейского корпуса в Зимнем дворце, состоявшемся по распоряжению Николая Павловича в 7 часов утра 14 декабря 1825 г. (распоряжение содержалось в приказе командующего Гвардейским корпусом А. Л. Воинова — см.: 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2004. Вып. 6. С. 35 — публ. циркуляра начальника штаба Гвардейского корпуса А. И. Нейдгардта из бумаг Е. А. Головина). После встречи с Николаем Павловичем командиры частей Гвардейского корпуса присягнули в Главном штабе и отправились в командуемые части для приведения их к присяге.

127. Исленьев Николай Александрович (1785–1851) — генерал-майор, командир Лейб-гвардии Преображенского полка, с 15 декабря 1825 г. генерал-адъютант, впоследствии генерал от инфантерии (1843).

128. Возможно, Трубецкому были известны каналы информации М. А. Милорадовича, которые связывали Санкт-Петербургского генерал-губернатора с тайным обществом (вероятнее всего, Милорадовичу сообщали различного рода сведения о заговоре А. И. Якубович, Ф. Н. Глинка).

129. С. П. Шипов располагал покровительством великого князя Николая Павловича со времени принятия под свое начальство вновь сформированного Лейб-гвардии Семеновского полка (после «Семеновской истории» 1820 г.) и образцовой постановки полкового управления и хозяйства (Воспоминания С. П. Шипова // Русский архив. 1878. Кн. 2. № 7). Данных о передаче Шиповым разговора с Трубецким Николаю I в материалах следствия не имеется.

130. О Ростовцеве Я. И. см. наст. изд., с. 172–173, примеч. 26.

Ростовцев не являлся адъютантом Михаила Павловича в декабре 1825 г.; он стал им только в 1826 г.

131. Волнения при новой присяге произошли в Лейб-гвардии Конной артиллерии, а затем в Лейб-гвардии Московском, Измайловском, Гренадерском, Финляндском полках и Гвардейском экипаже. См.: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. С. 174–184.

132. В Лейб-гвардии Измайловском полку при принятии присяги возникло сопротивление офицеров и солдат 2-й гренадерской роты. В Лейб-гвардии Финляндском полку во время присяги 1-го батальона требовали разъяснений офицеры во главе с А. Е. Розеном, а затем часть этого же батальона отказалась подчиниться приказаниям начальства. О ненадежности обоих полков свидетельствует их скромная роль в подавлении выступления 14 декабря, а также значительное число офицеров-заговорщиков, которое обнаружило в их составе расследование. См.: Там же. С. 180, 184.

133. Очевидно, Трубецкой указывает на действия А. А. Бестужева, М. А. Бестужева и Д. А. Щепина-Ростовского, которые повели Московский полк прямо на Сенатскую площадь, а также на отказ возглавить восставшие части со стороны Якубовича и Булатова. Кроме того, не решились примкнуть к выступлению полковники Лейб-гвардии Финляндского полка А. Ф. Моллер, А. Н. Тулубьев, капитан Лейб-гвардии Коннопионерного эскадрона М. И. Пущин, офицеры-кавалергарды и конногвардейцы.

134. См. наст. изд., с. 174, примеч. 35.

135. Указание Трубецкого ошибочно: выстрел был сделан офицером И. М. Бакуниным.

136. См. наст. изд. с. 164.

137. См. наст. изд., с. 177, примеч. 75.

138. См. описание событий в казармах Лейб-гвардии Гренадерского полка в записке Н. Н. Пузанова (наст. изд., с. 257–261).

139. См. наст. изд., с. 183, примеч. 7.

140. М. А. Милорадович получил два тяжелых ранения: от штыка Е. П. Оболенского и пули П. Г. Каховского. Скончался в ночь на 15 декабря в казармах Лейб-гвардии Конного полка.

141. См. наст. изд., с. 173, примеч. 28.

142. Личное участие Николая Павловича в допросах арестованных относится главным образом к первым дням после вступления на трон. В дальнейшем он участвовал в допросах лишь главнейших участников тайных обществ и заговора. Известны его записки, с которыми арестованные препровождались в Петропавловскую крепость, определявшие режим их заключения (*Щеголев П. Е.* Николай I — тюремщик декабристов // *Щеголев П. Е.* Декабристы. М.; Л., 1926. С. 267–276).

143. См. наст. изд., с. 170, примеч. 2 и 3.

144. Ланской Дмитрий Сергеевич (1767 или 1768–1833) — московский гражданский губернатор (1808–1810), управляющий Департаментом государственных имуществ, сенатор, родственник А. И. Одоевского. 15 декабря Одоевский, проблуждав в окрестностях Петербурга около суток, явился в дом Ланского. Через некоторое время Ланской был вынужден сообщить об этом полицейским властям города.

145. Трудно однозначно сказать, о ком именно говорит здесь автор записок. Вероятно, речь идет о тех участниках заговора, которым удалось в ходе следствия доказать свою слабую или полную непричастность к делу. Количество участников заговора и выступления 14 декабря, вовсе не привлекавшихся к расследованию, невелико.

146. См. наст. изд., с. 206, примеч. 39.

Существует рассказ самого Н. А. Бестужева в его мемуарном очерке «14 декабря 1825 года», касающийся данного эпизода (см.: Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 43–48). «Знатный человек» — Алексей Яковлевич Ляшевич-Бородулич (р. 1779) — отставной корреспондент Военно-ученого комитета.

147. О попытке Н. А. Бестужева добраться до границы с Швецией и далее перейти пределы империи — см. комментарий М. К. Азадовского (Там же. С. 716–717). Бестужев был арестован на пути к Толбухинскому маяку, в с. Косном на западной оконечности острова Котлин, недалеко от Кронштадта.

148. Эти данные, очевидно, базируются на рассказах самого Н. А. Бестужева. «Приятель» Бестужева — Павел Афанасьевич Дохтуров, капитан-лейтенант, старший адъютант командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта Ф. В. Моллера, товарищ Бестужева по обучению в Морском кадетском корпусе; «враг» — Михаил Гаврилович Степовой (1769–1845) — генерал-майор, директор Кронштадтского штурманского училища, муж близкой знакомой Бестужева Л. И. Степовой. Согласно рассказу Бестужева, Дохтуров пытался арестовать Бестужева в Кронштадте, а Степовой предоставил ему возможность скрыться.

Н. А. Бестужев являлся помощником смотрителя Балтийских маяков в 1820–1822 гг. (см.: Там же. С. 51, 127).

149. О допросе Н. А. Бестужева Николаем I сохранилось множество рассказов. См.: Там же. С. 128, 717–718; комментарий М. К. Азадовского).

150. Речь идет о выступлении Черниговского пехотного полка под Киевом.

151. Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1801–1826) — подпоручик Полтавского пехотного полка, член Южного общества, один из руководителей Васильковской управы, присоединил к Южному обществу «Общество соединенных славян», вел переговоры с Польским обществом, один из инициаторов выступления Черниговского полка. Осужден вне разрядов и казнен по приговору Верховного уголовного суда.

151а. Трубецкой не точен в изложении событий. После открытия «Общества соединенных славян» сведения о нем поступили руководству Южного общества (П. И. Пестелю и А. П. Юшневскому). О присоединении нового тайного общества было сообщено посланцу Северного общества А. Ф. Бригену, а также А. О. Корниловичу, отправившемуся из Киева в Петербург в конце 1825 г. О новом тайном обществе было известно и находившемуся в Киеве Трубецкому.

152. Гебель Густав Иванович (ум. 1856) — подполковник, командир Черниговского пехотного полка. Был тяжело ранен в момент начала мятежа, при попытке арестовать С. И. Муравьева-Апостола (29 декабря 1825 г.). В 1826 г. переведен в чине полковника в гвардию.

153. Речь идет о Роте Логгине Осиповиче (1780–1851) — генерал-лейтенанте, командире 3-го пехотного корпуса.

154. Сухинов Иван Иванович (около 1795–1828) — поручик Александрийского гусарского полка (до декабря 1825 г. — Черниговского пехотного полка), член «Общества соединенных славян», активный участник выступления Черниговского полка. Осужден военным судом в Могилеве на бессрочную каторжную работу. В 1827 г. доставлен на Зерентуйский рудник. В 1828 г. покончил с собой после раскрытия возглавляемого им заговора с целью освобождения каторжников.

155. Присяга Николаю I в Черниговском пехотном полку состоялась 27 декабря 1825 г., в канун выступления полка.

156. Мятежные части Черниговского пехотного полка были разбиты 3 января 1826 г. у с. Устимовка и Ковалевка. Расчет С. И. Муравьева-Апостола на содействие соседних полков 3-й пехотной дивизии и артиллерийских бригад не оправдался: члены Южного и Славянского обществ не были готовы поддержать восставших.

157. Цифры, приведенные Трубецким, значительно преувеличены. По имеющимся данным, в Петербургской (Петропавловской) крепости было заключено 213 человек, включая участников польского Патриотического общества и некоторых подозреваемых в принадлежности к тайным обществам (без учета нижних чинов, а также слуг арестован-

ных). Всего к следствию непосредственно было привлечено (через арест либо привлечение к допросам неарестованными) не менее 394 человек.

158. К главному Петербургскому процессу, расследовавшему деятельность русских тайных обществ, были привлечены не менее 10 участников польского Патриотического общества и других конспиративных организаций, существовавших в польских и западных русских губерниях.

159. См. наст. изд., с. 171, примеч. 18. А. И. Майборода представил список, насчитывавший 46 имен; он был переведен в Лейб-гвардии Гренадерский полк. И. В. Шервуд в качестве награды получил перевод в Лейб-гвардии Драгунский полк.

160. См. наст. изд., с. 171, примеч. 18.

161. Семья И. Б. Пестеля проживала в имении Васильево Красницкого уезда Смоленской губернии. И. В. Шервуд владел имением Бобыри Смоленского уезда той же губернии. В 1843 г. за ряд злоупотреблений он был выслан из Петербурга в свое имение под надзор полиции. В 1844 г. арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость по обвинению в ложных доносах. Освобожден в 1851 г., жил под надзором в Смоленской губернии. Сведений о доносах Шервуда на семью Пестелей не имеется (см.: *Троцкий И. М.* Жизнь Шервуда-Верного // *Троцкий И. М.* III-е Отделение при Николае I. Л., 1990. С. 206, 211, 219, 222).

162. Одной из наиболее распространенных наград после 14 декабря стали пожалования в Свиту флигель- и генерал-адъютантами. Состоялось немало внеочередных производств в следующий чин и награждений орденами. Были выплачены денежные поощрения, солдатам и нижним чинам розданы вино и денежные выплаты. Титул графа получил А. Ф. Орлов, близкий к семье нового императора. О наградах после событий 14 декабря 1825 г. см.: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. С. 198–200.

163. Тайный комитет «для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества к нарушению государственного спокойствия» был учрежден неопубликованным именным указом на имя военного министра от 17 декабря 1825 г. В его состав первоначально вошли военный министр А. И. Татищев (председатель), великий князь Михаил Павлович, А. Н. Голицын, генерал-адъютанты А. Х. Бенкендорф, П. В. Голенищев-Кутузов, В. В. Левашев. Делопроизводителем был назначен А. Д. Боровков, его помощником — флигель-адъютант В. Ф. Адлерберг. Впоследствии к Комитету присоединились приехавшие из Таганрога генерал-адъютант И. И. Дибич и из Тульчина — генерал-адъютант А. И. Чернышев.

164. Оценка мемуаристом деятельности Следственного комитета близка описаниям следствия в записках М. А. Фонвизина и А. М. Муравьева, а также публицистическим сочинениям М. С. Лунина.

165. Верховный уголовный суд «для суждения злоумышленников, открывшихся 14 декабря 1825 г.», был учрежден манифестом от 1 июня 1826 г. В состав суда, согласно указа Николая I Сенату от 1 июня 1826 г., вошли члены Государственного Совета, сенаторы, представители Священного Синода. По выбору императора в состав суда назначены также «несколько особ из высших воинских и гражданских чинов» (ВД. М., 1980. Т. 17. С. 9, 259). Количественный состав суда выглядел следующим образом: 18 членов Государственного Совета, 36 — Сената, 3 — Синода, 15 назначенных членов; всего 72 лица.

166. Автор записок допускает неточность при подсчете общего числа подследственных, не преданных суду. В ходе процесса были освобождены, вследствие актов прощения «вины» или снятия обвинения, ввиду его незначительности, 99 человек (включая привлеченных к следствию в 1-й и 2-й армиях). Кроме того, в ходе и по итогам процесса признаны виновными, но избежали предания суду 110 человек (включая привлеченных к следствию в 1-й и 2-й армиях). Последние, как правило, наказаны несудебными, административными мерами, согласно распоряжениям, отданным Николаем на протяжении марта–декабря 1826 г. Участь самой значительной группы из числа административно наказанных была решена одновременно с работой Верховного уголовного суда — в июне–июле 1826 г.

167. А. Н. Муравьев был осужден на 6 лет каторжных работ, однако, после конфирмации, отправлен в Сибирь «на житье» без лишения чинов и дворянства (местом жительства определен Якутск, однако по ходатайству родственников поселен в Верхнеудинске).

168. Трубецкой не вполне точен в своих подсчетах. После конфирмации императора к вечной каторжной работе были приговорены 25 осужденных 1-го разряда (включая заочно осужденного Н. И. Тургенева) и 2 осужденных 2-го разряда (всего — 27 человек), к 20-летней каторге — 6 осужденных 1-го разряда, 14 осужденных 2-го разряда и 2 осужденных 3-го разряда (всего — 22 человека), 1 осужденный 2-го разряда приговорен к 15-летней каторге, 16 осужденных 4-го разряда получили 12-летний каторжный срок, 2 осужденных 5-го разряда — 10-летний, 2 осужденных 5-го разряда — 8-летний, 1 осужденный 6-го разряда — 5-летний и 13 осужденных 7-го разряда — 2-летний. Кроме того, согласно конфирмации, 1 осужденный 5-го разряда был приговорен к крепостным работам на 8 лет, а 2 осужденных 7-го разряда — на 2 года.

К бессрочному поселению в Сибири были приговорены 14 осужденных по 8-му разряду. К ссылке в Сибирь рядовыми или матросами в дальние гарнизоны (с лишением дворянства) — 1 осужденный по 8-му разряду, 3 осужденных по 9-му разряду и 1 осужденный по 10-му разряду. Наконец, 8 осужденных по 11-му разряду приговорены к ссылке рядовыми в дальние гарнизоны без лишения дворянства.

169. Объявление приговора состоялось 12 июля. Гражданская казнь осужденных Верховным уголовным судом по различным разрядам произошла в ночь с 12 на 13 июля 1826 г. Вслед за этим были казнены осужденные вне разрядов.

170. Согласно большинству свидетельств, при производстве казни сорвались и были вновь повешены трое — К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, П. Г. Каховский. Однако в отношении последнего показания очевидцев противоречивы: вместо Каховского иногда называется М. П. Бестужев-Рюмин (см.: *Невелев Г. А.* Пушкин об «14-м декабря». СПб., 1998. С. 46–53).

171. Отправка первых партий осужденных по 1-му разряду на бессрочные каторжные работы состоялась 21 и 23 июля 1826 г. Отправка осужденных на поселение в Сибирь и рядовыми в дальние гарнизоны состоялась в конце июля 1826 г.

172. В крепостях Санкт-Петербургской губернии и Финляндского княжества были размещены, по последним данным, 35 осужденных Верховным уголовным судом (см.: *Коржов С. Н.* Декабристы — узники северо-западных крепостей России // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2002. Вып. 5. С. 267). В 1827 г. было завершено строительство специально выделенного места содержания осужденных на каторжные работы — Читинского острога.

173. Лепарский Станислав Романович (1759–1837) — генерал-майор, в 1827 г. назначен комендантом Читинского острога.

174. Ребиндер Григорий Максимович — полковник Корпуса жандармов, комендант Петровского завода и Нерчинских рудников с 1837 г.

175. Речь идет об указе 10 июля 1826 г., которым была объявлена конфирмация приговора суда, а также об указах 22 августа 1826 г. (о сокращении тяжести наказания для осужденных Верховным уголовным судом), 8 ноября 1832 г., 14 декабря 1835 г. и 10 июля 1839 г., сокращавших срок каторжных работ. Согласно последнему указу, на поселение переводилась последняя группа осужденных.

176. В 1829 г. последовал перевод на Кавказ А. А. Бестужева, В. М. Голицына, В. С. Толстого, З. Г. Чернышева, в 1831 г. С. И. Кривцова, в 1832 г. А. О. Корниловича. Большая группа осужденных (М. М. Нарышкин, Н. И. Лорер, А. И. Одоевский и др.) отправилась на Кавказ в 1837 г., в результате посещения Западной Сибири наследником престола Александром Николаевичем. В 1838 г. перевод на Кавказ получил П. Д. Мозган, в 1840 г. туда же проследовали А. П. и П. П. Беляевы, а в 1848 г. — А. Н. Сутгоф.

В 1826–1828 гг. в Отдельный Кавказский корпус была переведена большая часть осужденных по 9–11 разрядам. Всего из 120 лиц, осужденных по приговору Верховного уголовного суда, через службу в Кавказском корпусе прошли 35 человек. Из их числа умерли или погибли в военных действиях 11 человек.

177. С 1828 г. А. Н. Муравьев последовательно занимал должности городничего г. Иркутска, председателя Иркутского, а затем Тобольского губернского правления, председателя Вятской, а затем Таврической уголовной палаты (временно исполнял должность

Таврического гражданского губернатора), Архангелогородского гражданского губернатора. В 1839 г. уволен от должности, с 1843 г. числился при Министерстве внутренних дел, с 1846 г. член Совета министерства.

178. Трубецкая Екатерина Ивановна (урожденная графиня Лаваль, 1800–1854), последовала за мужем первой из жен осужденных в ноябре 1826 г.

179. Перечисляются: Александра Григорьевна Муравьева (1800–1832) — жена Н. М. Муравьева (1795–1843); Александра Ивановна Давыдова (1802–1895) — жена В. Л. Давыдова (1793–1855); Александра Васильевна Ентальцева (1790–1858) — жена А. В. Ентальцева (1786–1845); Мария Казимировна Юшневская (1790–1863) — жена А. П. Юшневского (1786–1844); Елизавета Петровна Нарышкина (1802–1867) — жена М. М. Нарышкина (1798–1863); Анна Васильевна Розен (1797–1883) — жена А. Е. Розена (1799–1884).

180. Речь идет о Полине Гебль (Прасковье Егоровне Анненковой, 1800–1876) — с 1828 г. жене Ивана Александровича Анненкова (1802–1878).

181. Имеется в виду Камилла Ле Дантю (Камилла Петровна Ивашева) (1808–1839) — с 1831 г. жена Василия Петровича Ивашева (1797–1840).

182. А. Г. Муравьева скончалась в Петровском заводе 22 ноября 1832 г.

183. Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793–1886) — отставной подполковник, член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества, представитель Южного общества в Петербурге, участник выступления Черниговского пехотного полка. Осужден по 1-му разряду на 20 лет каторжных работ, которые были заменены бессрочным поселением в Сибири. Амнистирован в 1856 г. Мемуарист.

Бестужев Александр Александрович (1797–1837) — штабс-капитан Лейб-гвардии Драгунского полка, адъютант Главноначальствующего путями сообщений герцога Александра Вюртембергского. Член Северного общества, один из активных участников заговора и выступления 14 декабря 1825 г. Осужден по 1-му разряду на 20 лет каторжных работ, впоследствии замененных бессрочным поселением в Сибири. В 1829 г. переведен рядовым в Кавказский корпус. Погиб в бою с горцами. Писатель, поэт, критик (псевдоним — Александр Марлинский).

184. Корнилович Александр Осипович (1800–1834) — штабс-капитан гвардейского Генерального штаба, историк и литератор. Член Южного общества, в декабре 1825 г. приехал в Петербург и был вовлечен в заговор, участник выступления на Сенатской площади. Осужден по IV разряду на 12 лет каторжных работ. В 1828 г. возвращен в Петропавловскую крепость. В 1832 г. после 4 лет крепостного заключения отправлен рядовым на Кавказ.

185. Поджио Иосиф Викторович (1792–1848) — отставной штабс-капитан, член Южного общества, осужден по IV разряду на 12 лет каторжных работ, однако провел 8 лет в крепостном заключении, в 1834 г. отправлен на поселение в Иркутскую губернию.

186. См. наст. изд., с. 248, примеч. 123.

187. Лебцельтерн Людвиг-Йозеф (1774–1854) — граф, посланник Австрии в России (с 1816 г. по 1826 г.), свояк Трубецкого (с 1823 г. женат на сестре Е. И. Трубецкой, Зинаиде).

188. Об этом Трубецкой сообщал и в своих устных рассказах — в частности, Е. И. Якушкину. В письмах Е. И. Якушкина (посетившего Трубецкого в 1855 г.), адресованных жене Е. Г. Кнорринг, отражен услышанный им от Трубецкого рассказ: на прощальной аудиенции австрийского посланника Лебцельтерна последний заговорил с Николаем I о начавшемся суде и помиловании, на что получил ответ: «Я вас понимаю. Вы хотите сказать, что право помилования есть самое прекрасное украшение моей короны. Я тоже так думаю и скоро вам это докажу». По словам Е. И. Якушкина, Лебцельтерн сообщил об этом Е. И. Трубецкой вечером того же дня (см.: Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. М., 1926. С. 56).

189. Источник этой информации — очевидно, сам Ф. П. Опочинин, который был близок к семьям Трубецких и Лаваль. Об этом же эпизоде Трубецкой рассказывал Е. И. Якушкину: «9-го июля вечером у Николая Павловича был Опочинин. Верховный суд уже представил в это время приговор, который и был подписан на другой день, 10 июля. Разговор зашел между прочим о подсудимых, и Николай Павлович сказал: „Завтра я удивлю Европу своим

решением“. Опочинин тотчас же известил об этом Трубецкую, которая и передала эти подробности мужу» (Там же). Об этом эпизоде Трубецкой упомянул в известном варианте своих записок (*Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 290).

190. Об этом же Трубецкой написал в известном варианте своих записок: Там же. Источник информации — по-видимому, Е. А. Карамзина.

191. См. наст. изд., с. 241–242, примеч. 51.

192. См. наст. изд., с. 243, примеч. 60.

193. Граббе Павел Христофорович (1789–1875) — в 1825 г. полковник, командир Северского конноегерского полка. Руководящий член Союза благоденствия, участник Московского съезда 1821 г. Привлекался к следствию, после 4 месяцев крепостного заключения возвращен на службу, с 1839 г. командующий войсками Кавказской линии, генерал-адъютант. Впоследствии граф (1866), генерал от кавалерии (1855), член Государственного Совета (1866).

Гурко Владимир Иосифович (Осипович) (1795–1852) — в 1825 г. полковник, начальник штаба 5-го пехотного корпуса. Член «Военного общества» и Союза благоденствия. Привлекался к следствию, представил объяснительную записку о своих отношениях к тайному обществу. С 1842 г. командующий войсками Кавказской линии, с 1845 г. начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса, генерал от инфантерии (1851).

194. Муравьев (Муравьев-Карский) Николай Николаевич (1794–1866) — в 1825 г. полковник, командир 7-го карабинерного полка (Кавказский корпус). Согласно свидетельству Трубецкого, член тайного общества. К следствию не привлекался. Впоследствии генерал-лейтенант, командующий Отдельным Кавказским корпусом (1854–1856), член Государственного Совета.

195. Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) — в 1825 г. отставной подполковник. Член Союза спасения, один из основателей и руководителей Союза благоденствия, один из авторов 1-й части его устава («Зеленой книги»). Участник Московского съезда 1821 г. Привлекался к следствию, по решению императора освобожден без наказания. С 1827 г. чиновник Министерства внутренних дел. Впоследствии генерал от инфантерии (1856), министр государственных имуществ (1857–1862), член Государственного Совета (1850), Виленский, Гродненский, Ковенский и Минский военный генерал-губернатор. Подавлял восстания в Польше 1830–1831 гг. и 1863 г. (с 1865 г. граф Виленский). Брат А. Н. и Н. Н. Муравьевых.

196. Горчаков Михаил Дмитриевич (1792–1861) — князь, в 1825 г. генерал-майор, начальник штаба 3-го пехотного корпуса. Согласно свидетельству Трубецкого, член тайного общества. К следствию не привлекался. Впоследствии начальник артиллерии действующей армии при подавлении восстания в Польше 1830–1831 гг., начальник штаба действующей армии во время Венгерского похода графа И. Ф. Паскевича-Эриванского, князя Варшавского (1849), генерал от артиллерии (1843), командующий Дунайской армией в годы Крымской войны, наместник в Царстве Польском (1856), сенатор.

197. Долгоруков Илья Андреевич (1797–1848) — князь, в 1825 г. полковник Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, адъютант генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича. В 1815–1819 гг. адъютант А. А. Аракчеева. Член Союза спасения, один из руководителей Союза благоденствия, блюститель Совета Коренного союза в 1819–1820 гг. Привлекался к следствию, освобожден от наказания. Впоследствии начальник штаба великого князя Михаила Павловича по должности генерал-фельдцейхмейстера, генерал-лейтенант (1844), генерал-адъютант (1848).

Бибиков Илья Гаврилович (1794–1867) – в 1825 г. полковник Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, адъютант генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила. Член Союза спасения и Союза благоденствия. Привлекался к следствию, освобожден от наказания. Впоследствии генерал от артиллерии (1852), генерал-адъютант (1849), генерал-губернатор Северо-Западного края (1850–1855).

198. Колошин Петр Иванович (1794–1848) — в 1825 г. чиновник Министерства финансов. Член Союза спасения, один из основателей Союза благоденствия, один из авторов 1-й части его устава («Зеленой книги»), участник Московского съезда 1821 г. Привлекался к

следствию, прощен императором и освобожден от наказания. Впоследствии тайный советник, член Совета министра государственных имуществ.

199. Об А. А. Кавелине см. наст. изд., с. 175, примеч. 53.

Годеин Николай Петрович (1790–1856) — в 1825 г. полковник Лейб-гвардии Измайловского полка, адъютант великого князя Николая, с 14 декабря 1825 г. флигель-адъютант. Член Союза благоденствия. Привлекался к следствию, написал объяснительную записку о своем участии в тайном обществе. Впоследствии генерал-майор, комендант Шлиссельбургской крепости (1836).

200. Скорее всего, речь идет о Федоре Сергеевиче Панютине (1790–1865) — в 1825 г. полковнике, командире Севского пехотного полка. Согласно свидетельству Трубецкого, Панютин был членом тайного общества (вероятнее всего, Южного общества), что подтверждается следственными показаниями В. И. Враницкого (ВД. М., 1954. Т. 11. С. 331). К следствию не привлекался. Впоследствии генерал от инфантерии (1851), генерал-адъютант (1849), Варшавский военный генерал-губернатор (с 1856), член Государственного Совета (1861).

Хотяинцев Иван Николаевич (1786 или 1787–1863) — в 1825 г. подполковник, командир Витебского пехотного полка. Член Союза благоденствия и Южного общества. Привлекался к следствию, наказан без суда, после крепостного заключения переведен в другой полк с установлением надзора. Впоследствии генерал-лейтенант (1849), сенатор (1851).

Набоков Петр Александрович (ум. 1847) — в 1825 г. полковник, командир Кременчугского пехотного полка. По свидетельству Трубецкого, член тайного общества (вероятнее всего, Южного общества), что подтверждается мемуарными свидетельствами Ф. Ф. Вадковского и И. И. Горбачевского (*Вадковский Ф. Ф.* Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1. С. 192–193, 200; *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. М., 1963. С. 10). Привлекался к следствию в 1-й армии, признан невиновным. Впоследствии генерал-лейтенант.

201. Лопухин Павел Петрович (1790–1873) — светлейший князь, сын П. В. Лопухина. В 1825 г. – генерал-майор. Член Союза спасения, руководящий член Союза благоденствия, некоторое время состоял в Северном обществе. Привлекался к следствию неарестованным, по решению императора прощен и освобожден от наказания. Впоследствии генерал-лейтенант (1829), в 1835 г. отставлен от службы.

202. Перовский Лев Алексеевич (1792–1856) — в 1825 г. камергер, действительный статский советник, чиновник Коллегии иностранных дел. Член «Военного общества» и Союза благоденствия. К следствию привлекался, представил объяснительную записку о своем участии в тайном обществе. Впоследствии действительный тайный советник, министр внутренних дел (1841–1852), министр уделов, управляющий Кабинетом и Академией художеств (1852–1856), генерал-адъютант (1854). С 1849 г. граф.

203. Литке Федор Петрович (1797–1882) — в 1825 г. капитан-лейтенант. Согласно свидетельству Трубецкого, член тайного общества. К следствию не привлекался. Впоследствии — контр-адмирал Свиты (1835), генерал-адъютант (1842), воспитатель великого князя Константина Николаевича, президент Императорской Академии наук (с 1864), член Государственного Совета (1855), с 1866 г. граф.

204. Об А. С. Меншикове см. наст. изд., с. 236, примеч. 17.

Бутурлин Дмитрий Петрович (1790–1849) — в 1825 г. генерал-майор гвардейского Генерального штаба. Член «Ордена русских рыцарей». К следствию не привлекался. Впоследствии генерал-лейтенант, действительный тайный советник, член Государственного Совета (1840), председатель Особого комитета по цензуре 1848 г. Известный военный историк.

205. Источники свидетельствуют о том, что В. А. Жуковскому предлагали вступить в Союз благоденствия не менее двух раз (сначала А. Н. Муравьев, а затем Трубецкой); оба раза поэт вежливо отказывался от предложения. О возможности вступления в тайное общество Жуковский советовался также с Н. И. Тургеневым (см.: *Ильин П. В.* К вопросу о взаимоотношениях В. А. Жуковского и декабристов: новые свидетельства и новые интерпретации // В. А. Жуковский и культура его времени. СПб., 2005. С. 61–77).

206. Это уникальное свидетельство о контактах главных лиц заговора 1825 г. с В. А. Жуковским накануне событий 14 декабря 1825 г. На основе свидетельства Трубецкого нельзя исключать того, что Жуковский знал о существовании не только декабристского тайного общества, но и политического заговора 1825 г.

207. По просьбе А. Ф. Орлова его брат Михаил получил сравнительно мягкое наказание: был отставлен от службы и после непродолжительного крепостного заключения отправлен в свое имение под надзор полиции. В 1831 г. ему разрешено поселиться в Москве.

208. М. С. Лунин в 1822 г. поступил на службу в Польский уланский полк, входивший в состав Литовского корпуса, а затем перешел в Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк (принадлежал к частям русской гвардии в Варшаве).

209. В мемуарной литературе сохранился малодостоверный рассказ о том, что великий князь Константин Павлович предложил Лунину бежать за границу (записки Н. Р. Цебрикова и А. Е. Розена). Достоверно известно лишь то, что великий князь защищал Лунина от первоначальных обвинений со стороны следствия, а также фактически предоставил время для того, чтобы обвиняемый мог скрыться. См.: *Окунь С. Б.* Декабрист М. С. Лунин. Л., 1985. С. 85–89. Свидетельство Трубецкого, несомненно, опирается на рассказы самого Лунина.

210. Упоминаются М. М. Нарышкин, А. Ф. Бриген (о нем см. наст. изд., с. 244, примеч. 73), М. А. Фонвизин, М. С. Лунин, М. Ф. Митьков и И. Д. Якушкин — члены Союза благоденствия, не проявлявшие, за исключением Нарышкина и Митькова, значительной активности на последнем этапе существования декабристских организаций.

Нарышкин Михаил Михайлович (1798–1863) — в 1825 г. полковник Тарутинского пехотного полка, член Союза благоденствия и Северного общества, осужден по 4-му разряду на 12 лет каторжных работ. В 1832 г. обращен на поселение, в 1837 г. переведен рядовым в полки Кавказского округа, с 1884 г. в отставке.

Фонвизин Михаил Александрович (1787–1854) — в 1825 г. генерал-майор в отставке, член Союза спасения и один из руководителей Союза благоденствия. Осужден по 4-му разряду на 12 лет каторжных работ. В 1832 г. обращен на поселение. Публицист, мемуарист.

Лунин Михаил Сергеевич (1787–1845) — в 1825 г. подполковник Гродненского гусарского полка, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Осужден по 2-му разряду на 20 лет каторжных работ. С 1835 г. на поселении, в 1841 г. арестован и заключен в Акатуйскую тюрьму за распространение антиправительственных сочинений. Писатель-публицист.

Митьков Михаил Фотиевич (1791–1849) — в 1825 г. полковник Лейб-гвардии Финляндского полка, член Союза благоденствия и Северного общества, осужден по 1-му разряду на бессрочную каторжную работу. С 1839 г. на поселении.

Якушкин Иван Дмитриевич (1793–1856) — в 1825 г. отставной капитан, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия, в 1817 г. вызывался осуществить покушение на императора Александра I. Осужден по 1-му разряду на 20 лет каторжных работ. С 1835 г. на поселении. Амнистирован в 1856 г. Мемуарист.

О Муравьеве Н. М. и Свистунове П. Н. см. наст. изд., с. 172, примеч. 23.

Трубецкой приводит эти имена для подтверждения мысли о том, что лица, отошедшие к концу 1825 г. от активного участия в тайном обществе и даже возражавшие против подготовки выступления, тем не менее, по приговору Верховного уголовного суда понесли тяжелое наказание.

Подготовка текста и комментарии П. В. Ильина

[*Пузанов Н. Н.*]
Сведения об участии Л[ейб]-гв[ардии] Гренадерского полка в происшествии 14 декабря 1825 года, собранные полковым адъютантом Пузановым. [1847–1848 гг.]

Теперь остается мне сказать несколько слов об участии полка в событии 14-го декабря 1825 года, тем более что каждый, если не был сам свидетелем этого события, то знает о нем по преданию, которое потерпело уже довольно искажения, как преувеличением, так и лишением всякого вероятия, чрез что Лейб-гвардии Гренадерский полк часто терпит вовсе не заслуженную им злую молву.

Предоставляю каждому делать по своему мнению заключение о том, что основано на истинных фактах и ясных доказательствах.

В эпоху описываемого мною злополучия 1-й и 2-й (ныне 3[-й]) батальоны полка расположены были в своих казармах, 3-й же (ныне 2[-й]) за городом по деревням[a,3]. Две роты 1-го батальона (2-я и 3-я фузелерные) в самый день происшествия стояли в карауле Петропавловской крепости[4].

Оставалось шесть рот; из этой части полка часть ее была увлечена двумя соучастниками злоумышленников, поручиками Сутгофом и Пановым[5], в лице которых она привыкла видеть только как своих начальников[b]. Они-то увлекли ее на бесславное ристалище к своему бесчестию.

Я говорю «к своему бесчестию», собственно, относя к означенным недостойным имени Русского офицера, никак не приписывая ко всему полку. Во-первых, по действию его в происшествии, во-вторых, по всегдашнему отличию своей преданности и готовности жертвовать собою за Царя и Отечество и, наконец, по милостям, излитым на полк вслед за происшествием государем императором, столь же справедливо строгого к проступкам, сколь справедливо-милостивого к делам доблести.

Для убеждения в справедливости моих слов прошу вникнуть в нижеследующие обстоятельства.

Из истории полка видно, что он постоянно, с самого начала своего сформирования, имел счастье пользоваться особенными милостями государей императоров; с этим счастьем он наслаждался жизнью — процветал. И в эту, так сказать, благоденствующую семью вкралось два человека, поручик Сутгоф и поручик Панов, принадлежавшие к *тайному северному обществу*[c]. Люди с противоположными чувствами, сердца которых не получили того глубокого, истинного образования, которое одно может сделать человека достойным. И они-то считали себя довольно сильными, чтобы привлечь к своей безрассудной шайке из среды не по душе, а только по

---

[a] Ему вскоре после происшествия велено было содержать по деревням кордоны для перехвачивания подозрительных людей (секретное предписание бригадного командира генерал-адъютанта Шипова[1] командующему полком полковнику Зайцеву 5-му[2], за № 1976, от 21 декабря 1825 года, в книге полученных бумаг в полк, за 1825 год, № 146).

[b] Так в оригинале.

[c] Первый был командующий 1-ю фузелерною ротою, а второй — батальонным адъютантом 2[-го] батальона. Они были впоследствии присуждены к лишению чинов, дворянства и к сосланию вечно в каторжную работу (Верховный уголовный суд, над злоумышленниками учрежденный по Высочайшему манифесту 1-го июня 1826 года, стр. 53[8а]).

мундиру своих товарищей и, действуя в тайне, приступили к исполнению своих планов, т. е. узнать сперва в полку наклонности и образ мыслей каждого, изъявляя для сего весьма осторожно и попеременно разные свои политические мнения; но чем более изучали нравы, тем более убеждались, что не было никакой возможности поколебать сердца преданных, не только по собственному влечению своих чувств, но и по долгу присяги к тому, к чему она повелевала быть верными[6].

Видя безуспешность своих действий, они объявили главным из товарищей своей шайки, которые, видя также всю невозможность привлечь кого-либо из офицеров на свою сторону и бессилие своих агентов, обратили внимание на приехавшего тогда в С.-Петербург командира 12[-го] Егерского полка полковника Булатова[7]. Он служил прежде в Л[ейб]-гв[ардии] Гренадерском полку (батальонным командиром), делал с ним много компаний, был несколько раз ранен, оставил о себе хорошую славу, и многие солдаты его помнили и любили. Его-то и начали злоумышленники склонять к себе, зная, какое сильное влияние он может иметь на солдат.

6 декабря поручик Панов пригласил обедать его к себе с другими своими сообщниками. Тут, осыпанный ласкательствами, разгоряченный вином и спором, Булатов произнес обет пожертвовать всем пользе отечества. Ему тотчас объявили, что есть общество, которое составилось для произведения благотворной перемены в государстве, что он по любви к России непременно должен принадлежать к этому обществу. И несчастный, сам не понимая, каким образом, принял на себя обязанность быть пособником мятежников, с которыми был едва знаком. Когда же Рылеев[d, 8] открыл ему намерение их, то Булатов часто спрашивал: «Где же польза отечества? Из слов ваших, я ее не вижу»[e, 9].

Однако, будучи в нетрезвом состоянии, он был доведен до того, что в ту же ночь говорил тем солдатам (которые служили при Булатове и с уважением помнили о его храбрости), призванным Пановым к себе на квартиру, не присягать, убеждая их, что если бы он не любил так полк, в котором покрыл себя славою и ранами, то не имел бы и нужды что-либо им советовать, прося, однако, их из-за любви к нему, во всяком случае, хранить его слова в тайне[10].

Этот человек на другой же день почувствовал беззаконность и безрассудность предприятия своих сообщников — решительно отказался ехать в другой раз в полк для внушения рядовым сомнения к присяге и впоследствии, терзаясь мыслию, что его именем завлечен в заблуждение любивший его полк, совершенно потерял умственные способности, лишился сил и жизни 19 генваря 1826 года[f, 11].

В полку же до 14 декабря не было заметно в нижних чинах даже ни малейшего признака подозрения. Они были воодушевлены тем же самым рвением в исполнении своих обязанностей, как и всегда, везде было тихо и смирно.

Полковой командир полковник Стюрлер[12] получил приказание привесть полк 14 декабря к присяге на верноподданство государю императору, после которой прибыть со всеми офицерами в Зимний дворец на Высочайший выход[13].

---

[d] Отставной подпоручик артиллерии [*первоначально было*: ... [*пропуск в рукописи*] пехотного полка. — *Сост.*].

[e] Донесение Следственной комиссии.

[f] Донесение Следственной комиссии, стр. 55.

В назначенный час роты: Его величества и 1[-я] фузелерная и весь 2[-й] батальон со своими офицерами были готовы на дворе офицерского флигеля[g, 14]. Присяга началась и продолжалась с должным благоговением. Но в это...[h] вдруг явился на галереи в нетрезвом виде подпоручик Кожевников и начал кричать солдатам: «*Зачем вы забываете клятву, данную Константину Павловичу, кому присягаете? Все обман!*» Подпоручика Кожевникова тотчас схватили и посадили под арест[i, 15].

Порядок же в полку не был этим нарушен, все с благоговением присягнули, и роты распущены были в свои казармы, где рядовые сели обедать, а офицеры поехали на Высочайший выход.

Тогда поручик Сутгоф, бывший уже у присяги, пришел к своей роте и начал говорить: «Братцы, напрасно мы послушались, другие полки не присягают, а собрались на Петровской площади, оден[ь]тесь, зарядите ружья и ступайте за мной». Рота, привыкшая слепо повиноваться своему начальнику, последовала за ним. Сутгоф повел ее на Петровскую площадь в большом беспорядке по улице чрез гласис крепости и выбежал на стрелку Невы[16].

Полковник Стюрлер, еще не уехавший во дворец, узнавши, что 1-я рота побежала неизвестно куда, поехал догонять ее, но видя, что она уже скрылась, вернулся в полк и тот же час приказал выходить остальным ротам полка из казарм и опросить поротно. Когда же они были выстроены, то полковник Стюрлер послал принести ко 2-му батальону знамена и придти священнику, но в это время поручик Панов подал знак...[j] и роты бросились в беспорядке, увлекая с собою знамена.

В продолжение сего времени поручик Панов, также присягнувший и знавший, что в казармах не было никого из офицеров, бегал во 2[-й] батальон из роты в роту, возбуждая рядовых разными уверениями, что они обмануты[k]. Когда же рядовые, получа приказание полковника Стюрлера — выходить, — стали уже пред своим флигелем выстраиваться, — на Сенатской площади слышны были выстрелы, тогда тот же поручик Панов начал опять их уговаривать, говоря: «Слышите, ребята, там уже стреляют! Эй, лучше сдадимся тем, которые стоят за Константина Павловича», и, видя, что ему почти верят многие, бросился в средину колонны и подал знак к беспорядку.

Подпоручик[l] Тутолмин[17] своим присутствием остановил стрелковый взвод роты Его величества. Он, будучи командиром, выстроил взвод и, останавливая солдат других рот, спрашивал: «Куда бежите?» — то ему отвечали: «Не можем знать,

---

[g] 3[-я] и 2[-я] фузелерные роты стояли в карауле. 3-й батальон за городом, они также были приведены к присяге, первые по смене их с караула, а последний в своем расположении.

[h] Пропуск в оригинале.

[i] По следствию оказалось, что подпоручик Кожевников не был причастен к шайке злоумышленников и не знал их цели, но, будучи у поручика Сутгофа, который, узнавши от своих сообщников, что настает час мятежа, и не имея, так сказать, твердости начать самому действовать, напоил Кожевникова и научил его, уже пьяного, кричать солдатам. Кожевников впоследствии присужден к лишению чинов, дворянства с разжалованием в солдаты в дальние гарнизоны. Того же Верховного уголовного суда, стр. 57.

[j] Так в оригинале.

[k] На слова Панова фельдфебеля рот отвечали, что они не дозволяют без ротных командиров говорить ему подобные слова, и просили его выйти.

[l] Слово подчеркнуто красным карандашом.

Ваше благородие! Наши побежали!» — «Пошел назад!». И таким образом пристраивал их к Гренадерской роте Его величества.

В это время приехал капитан князь Мещерский[m, 18]. Он, ехавши по набережной Зимнего дворца и увидя по Неве бегущий 2-й батальон, вернулся в полк к своей роте и, заставши ее в совершенном порядке, повел ее и других пристроившихся солдат к Зимнему дворцу[n]. Придя к манежу оного (что ныне дом Штаба Гвардейского корпуса[19]), он доложил о себе Его высочеству великому князю Михаилу Павловичу, ожидая приказания, что делать. По докладе о сем государю императору, князю Мещерскому приказано было с командою пристроиться к Л[ейб]-гв[ардии] Саперному батальону, стоявшему в карауле Зимнего дворца[o, 20].

Толпа же, прибывшая с поручиками Сутгофом и Пановым, поддерживаемая разными с их стороны убеждениями, была ими пристроена к ротам Л[ейб]-гв[ардии] Московского полка, приведенным Бестужевым и князем Щепиным-Ростовским[21].

Полковник Стюрлер, видя своих подчиненных, завлеченных обманом в сети бунтовщиков и находившихся уже в руках их, презрев собственную свою опасность для исполнения своего долга, пошел было к заблудшим для обращения их в разум истины, но пуля Каховского[22] смертельно его ранила[p] и тем лишила благодетельного намерения, которое, вероятно бы, обратило штыки обманутой толпы Лейб-гренадер на злодеев. Впрочем, что касается до ее действия, то всем известно, что не одна она, но и все, даже самые закоренелые злоумышленники, при первом появлении государя императора, пораженные величием его духа и угрызением голоса своей совести, указывающего истинный путь к добродетели, — разбежались[23].

Твердостью же Его величества и единодушным соединением всех верных сынов отечества, в течение краткого времени, укрощено зло. Горестные происшествия, смутившие покой России, миновались навсегда. Могли ли усилия злонамеренных восторжествовать в государстве, где любовь к монарху и преданность к его престолу основаны на природных свойствах народа, где Дворянство есть ограда престола и чести народной, где есть отечественные законы и твердость в управлении? Нет, тщетны и безумны всегда будут замыслы крамольников, они могут таиться во мраке, но при первом появлении, отверженные общим негодованием, сокрушатся силою закона и монархом, Богом вручившему православный народ[q].

Вот какими средствами и людьми было поселено в солдатах Л[ейб]-гв[ардии] Гренадерского полка сомнение к законной присяге. Из сего видно, что цель мятежников была, чтобы каким-либо образом вытащить толпу людей в назначенный час на место бунта. Итак, из трех тысяч человек, составлявших полк, двое явились орудием истинных злоумышленников, но эти-то слепо только повинова-

---

[m] Командир роты Его величества.

[n] Полковник [*слово подчеркнуто красным карандашом. — Сост.*] Тутолмин говорит, что когда он шел по Неве с князем Мещерским, то многие солдаты 2-го батальона, придя уже на площадь и видя, что они обмануты Пановым, возвращались в казармы и при встрече с князем Мещерским спрашивали: «Ваше сиятельство, да где же наши офицеры? На площади безначалие, мы не знаем, что делать, куда деваться». Их князь Мещерский пристраивал к своей команде.

[o] Подробное описание происшествия, случившегося в С.-Петербурге 14 декабря 1825 года, с. 8[19a].

[p] Донесение Следственной комиссии, стр. 53.

[q] Так в оригинале.

лись какому-то глупому, химерическому обольщению; солдаты же, не зная ясно хода дела, последовали за ними, сами не ведая куда. В противном случае, с каким негодованием обращены были бы их сердца, привыкшие обожать всегда своего монарха. И могли бы слова Сутгофа, Панова и Кожевникова найти измену в груди храбрых воинов, готовых с радостью встретить смерть за Царя и его славу? Посмотрите на мужество и самоотверженную храбрость, одушевлявшие всегда Лейб-гренадер в многочисленных их действиях против разноплеменных врагов отечества, как до декабрьского происшествия, так и после него.

С какою славою возвратился 2-й батальон[24] из Персии, и не омыли ли кровью заблуждение своих товарищей другие два батальона, бывшие в последнюю Турецкую войну?[25]

Наконец, на милости государя императора, столь же справедливо-строгого к проступкам, сколь справедливо-милостивого к делам доблести. Он, удостоверяясь в истинном раскаянии, всемилостивейше осчастливил принятием имени Шефа полка 15 декабря 1825 года[26]. Рота Его величества, равно как и те, которые в самый день происшествия с отличною исправностью содержали караул в Петропавловской крепости, получили денежное награждение.

Полковник Стюрлер, капитан князь Мещерский и поручик барон Зальц[г, 27] назначены были в флигель-адъютанты; подпоручик Тутолмин получил высочайшее благоволение.

Наконец, те люди, которые найдены были более виновными из находившихся на Петровской площади (253 человека)[s] из нижних чинов Лейб-гвардии Гренадерского полка, по высочайшему повелению находившиеся в Санкт-Петербургской крепости и отосланные на Кавказ в линейные батальоны, вскоре опять возвращены в полк[28].

Печатается по: ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф). Д. 55 («Дополнительные сведения к Истории 14-го декабря 1825 г., собранные прежде напечатания оной и послужившие к ее исправлению...»). Л. 16–20.

Рукопись датируется 1847–1848 гг. Представляет собой писарскую копию рукописи Н. Н. Пузанова. Копия была представлена официальному историку событий 1825 года М. А. Корфу во время работы над первым изданием книги «Восшествие на престол императора Николая I-го». Рукопись, сохранившаяся в

[г] Поручик барон Зальц, находившийся при полковнике Стюрлере в то время, когда последний уговаривал на площади солдат, видя знамя в руках преступников и не желая им дать омрачить его их действиями, движимый чувством чести и долгом присяги, с самоотвержением бросился в толпу и взял знамя из рук унтер-офицера *Пивоварова*, который беспрекословно ему отдал и последовал за ним; но поручик Панов, увидя барона Зальца со знаменем в руках, бросился на него с несколькими солдатами с обнаженною саблею и, угрожая сабельным ударом, силою отнял знамя. Поручик барон Зальц, несмотря на все свое ужасное положение, вторично пошел спасти святыню, но в это самое время, увидев, что полковник Стюрлер был ранен наповал и, наконец, видя свое бессилие, возвратился назад.

[s] Отношение в полк штаба Отдельного Гвардейского корпуса за № 2065 на продовольствие 253 человек нижних чинов Л[ейб]-гв[ардии] Гренадерского полка, по Высочайшему повелению находящихся в С.-Петербургской крепости; в книге полученных бумаг при полку за 1825 год, № 146.

бумагах историка, содержит пометы и подчеркивания, которые были сделаны Корфом при ознакомлении с ней.

Пузанов Николай Николаевич (р. 1816) — капитан Лейб-гвардии Гренадерского полка (1848), служил в этом полку с 1835 г. по 1857 г., полковой адъютант.

Военный историк, автор первой печатной истории Лейб-гвардии Гренадерского полка (История Лейб-гвардии Гренадерского полка. СПб., 1845; изложение событий доведено до 1832 г.). Впоследствии генерал-майор.

В период работы М. А. Корфа над книгой «Восшествие на престол императора Николая I-го» представил краткий очерк событий в Гренадерском полку в день 14 декабря 1825 г. В его основу легли печатные источники (печатное «Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года», вышедшее в свет в январе 1826 г., «Всеподданнейший доклад Следственной комиссии» от 30 мая 1826 г., «Всеподданнейший доклад Верховного уголовного суда» императору Николаю I от 8 июля 1826 г.), документы полкового архива. Особенно большое место в тексте очерка отдано изложению соответствующих данных из «Донесения Следственной комиссии», которые относились к событиям в Лейб-гвардии Гренадерском полку; эти данные и легли в основу фактической канвы в очерке Пузанова.

Очерк был написан Н. Н. Пузановым в ходе работы над историей Лейб-гвардии Гренадерского полка, но не был включен в официальную летопись полка (в ней вообще отсутствует рассказ о событиях 14 декабря 1825 г.). На основе собранных данных Пузановым несколько позже было написано специальное исследование «Описание участия лейб-гренадер в происшествии 14 декабря 1825 года, случившемся в С.-Петербурге» (1853), оставшееся в рукописи (ГАРФ. Ф. 728 (Библиотека Зимнего дворца). Д. 2213).

1. См. наст. изд., с. 177, примеч. 80.

2. Зайцев Иван Осипович — полковник Лейб-гвардии Гренадерского полка, батальонный командир, после смерти полкового командира Н. К. Стюрлера короткое время исполнял должность командира полка (14–22 декабря 1825 г.).

3. 3-й батальон Гренадерского полка был расквартирован в с. Павловском, близ Красного Села.

4. См.: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. Военно-историческая справка // *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 177.

5. Сутгоф Александр Николаевич (1801–1872) — поручик Лейб-гвардии Гренадерского полка, ротный командир. Член Северного общества, 14 декабря вывел свою 1-ю фузелерную роту на Сенатскую площадь. Осужден по 1-му разряду на бессрочную каторжную работу. С 1826 г. в Читинском остроге, с 1830 г. в Петровском заводе, в 1839 г. переведен на поселение. В 1848 г. по ходатайству матери разрешено поступить рядовым в полки Отдельного Кавказского корпуса. Амнистирован в 1856 г. С 1859 г. управляющий Боржомским казенным имением и дворцом великого князя Михаила Николаевича. Автор замечаний на книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го».

О Панове Н. А. см. наст. изд., с. 177, примеч. 73.

6. Кроме А. Н. Сутгофа и Н. А. Панова, к тайному обществу и заговору в Гренадерском полку принадлежали и другие офицеры: подпоручик А. Л. Кожевников, поручик М. М. Корсаков, прапорщик С. Н. Жеребцов, а также, возможно, еще несколько лиц, принявших

участие в событиях 14 декабря 1825 г. (подпоручик А. А. Шторх, поручик П. Д. Прянишников, прапорщик Г. Г. Лелякин).

7. О Булатове А. М. см. наст. изд., с. 248, примеч. 116.

Здесь и далее Н. Н. Пузанов излагает сведения из «Донесения Следственной комиссии».

8. См. наст. изд., с. 170, примеч. 4.

8а. Имеются в виду печатное издание «Всеподданнейшего доклада Верховного уголовного суда» от 8 июля 1826 г. и приложенная к нему «Роспись государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям».

9. Эти сведения взяты в несколько измененном виде из письма А. М. Булатова великому князю Михаилу Павловичу от 25 декабря 1825 г., написанного из Санкт-Петербургской крепости (см.: ВД. М., 1984. Т. 18. С. 293). Они были внесены в текст «Донесения Следственной комиссии» (Там же. М., 1980. Т. 17. С. 55), которое послужило источником для Пузанова.

10. Речь идет о событиях, связанных с посещением Булатовым Гренадерского полка 6 декабря (сведения взяты из письма А. М. Булатова великому князю Михаилу Павловичу от 25 декабря 1825 г.), однако Булатов отрицал свое участие в агитации солдат против присяги (Там же. Т. 18. С. 288–289).

11. А. М. Булатов был доставлен в Военно-сухопутный госпиталь из Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости 10 января 1826 г. Умер в ночь на 19 января.

12. См. наст. изд., с. 177, примеч. 76.

13. Речь идет о приказе командующего Отдельным Гвардейским корпусом А. Л. Воинова, который был доведен до сведения генералов, полковых командиров и начальников отдельных частей корпуса (см.: 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2004. Вып. 6. С. 34–35 — публ. текста приказа, сохранившегося в бумагах Е. А. Головина). Высочайший выход был назначен на 2 часа дня, но так и не состоялся.

14. Лейб-гвардии Гренадерский полк был расквартирован в т. н. «Петровских казармах», располагавшихся на Петербургской стороне, по Большой Вульфовой улице и набережным Карповки и Большой Невки.

15. Кожевников Андрей Львович (1802–1867) — подпоручик Лейб-гвардии Гренадерского полка, член Северного общества, активно препятствовал проведению присяги в полку. Привлечен к следствию, но суду предан не был. Подвергся несудебным репрессиям: после 6 месяцев крепостного заключения отправлен тем же чином в Иркутский гарнизон. С 1827 г. в Кавказском корпусе. Впоследствии действительный статский советник.

Версия о том, что поступки Кожевникова были вызваны принятием «горячительных напитков», прежде всего, выдвигалась самим Кожевниковым на следствии (см. следственное дело А. Л. Кожевникова: ВД. Т. 18. С. 45–54).

16. Маршрут роты А. Н. Сутгофа пролегал по Большой Вульфовой и Большой Дворянской улицам, затем, огибая крепость, по льду Невы прямо на Сенатскую площадь.

17. Тутолмин Федор Дмитриевич (1801–1870) — подпоручик Лейб-гвардии Гренадерского полка, впоследствии генерал-лейтенант.

18. См. наст. изд., с. 177, примеч. 75.

19. Речь идет о здании штаба Отдельного Гвардейского корпуса, на месте которого в 1825 г. стояло здание экзерциргауза (манежа).

19а. Имеется в виду «Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года», вышедшее в январе 1826 г. и скрепленное подписью дежурного генерала Главного штаба генерал-адъютанта А. Н. Потапова.

20. Лейб-гвардии Саперный батальон был поставлен Николаем I во дворе Зимнего дворца для его охраны. Караулы Зимнего дворца 14 декабря занимал 2-й батальон Лейб-гвардии Финляндского полка.

21. Речь идет об офицерах Лейб-гвардии Московского полка, штабс-капитанах Михаиле Александровиче Бестужеве (1800–1871) и князе Дмитрии Александровиче Щепине-Ростовском (1798–1858), активных участниках выступления 14 декабря 1825 г.

22. Каховский Петр Григорьевич (1799–1826) — отставной поручик Астраханского

кирасирского полка, член Северного общества, активный участник выступления 14 декабря 1825 г., смертельно ранил М. А. Милорадовича и Н. К. Стюрлера. Казнен по приговору Верховного уголовного суда.

23. Автор официальной полковой истории значительно преувеличивает «верность» Гренадерского полка новому императору, по существу фабрикуя рассказ о событиях, не имевших места в действительности. В основе утверждения автора, возможно, лежит факт перехода части мятежных солдат Гренадерского полка на сторону Николая I, уже после прихода на Сенатскую площадь.

24. Нижние чины, добровольно вернувшиеся в казармы полка, поступили в состав Лейб-гвардии Сводного полка (приказ по Гвардейскому корпусу от 17 февраля 1826 г.), чтобы «искупить свою вину» боевой службой на Кавказе. В состав Сводного полка вошли 807 нижних чинов Гренадерского полка, или четыре роты. Полк принял участие в боевых действиях во время войны с Персией 1826–1828 гг. и вернулся в Петербург в конце 1827 г. (см.: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года. М., 1926. С. 196).

25. Речь идет о части Гренадерского полка, принявшей в составе Гвардейского корпуса участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

26. Николай I стал шефом Лейб-гвардии Гренадерского полка, став российским императором (до него шефом полка состоял Александр I).

27. Зальца (Зальц) Владимир Иванович (1802–1873) — барон, поручик Лейб-гвардии Гренадерского полка, полковой адъютант, являлся родственником командира полка Н. К. Стюрлера. Активно противодействовал Н. А. Панову, находясь в арьергарде мятежного батальона во время его движения к Сенатской площади, пытался отнять у восставших полковое знамя. Вынужден был находиться возле каре вплоть до разгрома выступления. С 15 декабря 1825 г. флигель-адъютант. Впоследствии генерал-лейтенант, Санкт-Петербургский комендант. Автор мемуарной записки о событиях 14 декабря 1825 г., написанной для М. А. Корфа (опубл.: 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 6. С. 169–178).

28. Речь идет о нижних чинах Гренадерского полка, арестованных при разгроме восстания и при преследовании, которые были найдены более виновными и заключены в Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости, а оттуда переведены в другие места заключения (Кексгольм). По окончании расследования в течение 1826 г. они были переведены рядовыми в армейские и гарнизонные части, главным образом в полки Кавказского корпуса. Об остальных нижних чинах, принявших участие в восстании, см. примеч. 24.

Подготовка текста и комментарии П. В. Ильина

СУД. СЛЕДСТВИЕ. КАЗНЬ

Николай I
Письмо князю А. Н. Голицыну[1]. [13–16 июля 1826 г.]

Все кончено, остаются вдовы[a, 2], а моему доброму Голицыну я поручаю то, что он возложит на себя, я уверен, по желанию; дайте знать, что нового касательно бедной Рылеевой[3], и передайте ей, что я прошу ее при всяком случае располагать мною и что я надеюсь, она не откажет сообщать мне всегда о том, что ей надобно. Также, прошу Вас, разузнайте, что поделывают супруга Никиты Муравьева[4] и Трубецкая[5]. Дай Бог, чтобы на этом все было кончено. Мне досаждают отовсюду: сегодня утром госпожа Коновницына[6] почти что ворвалась в мою спальню; кого я опасаюсь больше всего, так это — всех этих женщин.

Весь Ваш Николай

Перевод с французского С. Н. Искюля

Печатается по недатированной копии, сохранившейся в архиве М. А. Корфа: ОР РНБ. Ф. 380. Д. 479. Л. 1. Перевод с французского. Публикуемое письмо могло быть составлено императором в первые дни после казни, т. е. между 13 и 16 июля, когда он отбыл в Москву на коронацию. Время отъезда многократно согласовывалось, первоначально Николай Павлович хотел уехать тотчас после казни, но отъезд состоялся только 16 июля. «Несколько дней тому назад уехали дети, я же с божьей помощью рассчитываю выехать с женою послезавтра утром, чтобы 21-го вечером быть в Москве», — сообщает Николай в письме Константину Павловичу от 14 июля (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 198).

После суда над декабристами правительство было озабочено положением семей осужденных, многие из которых потеряли средства к существованию. В те же дни император запрашивал через военного министра А. И. Татищева о составе семей осужденных офицеров и их материальном положении. Надлежащие справки составлялись генерал-губернаторами или гражданскими губернаторами тех губерний, где проживали родственники осужденных (*Павловский И. Ф.* Из прошлого Полтавщины: К истории декабристов. Полтава, 1918. С. 28). Многократно из средств кабинета Николай I назначал различные суммы, адресованные тем из родственников, которые остались без кормильца и не имели других источников доходов (см.: *Рахматуллин М. А.* Император Николай I и семьи декабристов //

---

[a] Подчеркнуто в тексте.

Отечественная история. 1995. № 6. С. 3–19). Определенное участие в судьбах родственников лиц, преданных суду, принимала вдовствующая императрица Мария Федоровна. См. ее переписку с А. Н. Голицыным в июне–июле 1826 г. (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 226–229). В своих письмах императрица интересуется состоянием Рылеевой, Муравьевых и других. «Конечно, необходимо позаботиться о вдовах, о детях, — пишет она Голицыну после казни, — ... все же благословим господа Бога за то, что все прошло хорошо и спокойно» (Там же. С. 228).

Из четырех упомянутых в записке женщин Рылеева находилась, как следует из контекста, под «особым» попечением, остальные дамы в виде милости получили разрешение воссоединиться со своими мужьями в Сибири. Значение публикуемого документа видится нам в том, что он проливает свет на начало борьбы жен декабристов за право сохранить семьи. Эта борьба началась еще во время заключения декабристов в Петропавловской крепости, когда жены искали возможности влиять на положение своих мужей и на их репутацию в глазах царя. Момент перед отъездом на коронацию был, вероятно, выбран ими как наиболее удобный для побуждения Николая к традиционным «коронационным милостям». Отсюда настойчивость с их стороны в попытках добиться аудиенции перед отъездом царя в Москву.

1. Голицын Александр Николаевич (1773–1844) — князь. Закончил Пажеский корпус, с 1791 г. камер-паж, в 1794 г. вступил в военную службу поручиком в Лейб-гвардии Преображенский полк, одновременно назначен камер-юнкером при Дворе великого князя Александра Павловича, считавшего Голицына личным другом. Камергер (1797), обер-прокурор Св. Синода (1803), член Государственного Совета (1810), сенатор (1812). В 1810–1817 гг. — главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий, президент Российского Библейского общества (1813–1824). В 1817–1824 гг. министр духовных дел и народного просвещения. В 1819–1842 гг. ведал почтовым департаментом. Несмотря на потерю министерского поста в 1824 г., Голицын остался человеком, близким царской семье, вел частную переписку с несколькими ее членами: вдовствующей императрицей Марией Федоровной, Александром I. Он был посвящен в тайну Манифеста Александра I 1823 г., которым император передавал престол Николаю Павловичу. Как известно, в первые дни междуцарствия Голицын был твердым сторонником исполнения буквы Манифеста, т. е. прямой передачи престола Николаю.

Голицын был назначен членом Следственной комиссии, в то же время на него было возложено посредничество между императором и родственниками обвиняемых. Через него испрашивались разрешения на свидание, передачи, переписку с заключенными. С 17 декабря 1825 г. он с Высочайшего согласия адресовался к коменданту Петропавловской крепости А. Я. Сукину «с записочками», в которых излагались просьбы о передаче вещей и книг для арестантов от их родных (РГИА. Ф. 1280 (Коменданта Петропавловской крепости). Оп. 1. Д. 2. Л. 120–128). В частности, К. Ф. Рылееву от жены «через Голицына» передавались белье, письма и пр. (Там же. Л. 125).

См. также наст. изд., с. 143–144, примеч. 2.

2. Николай I говорит о «вдовах» в обобщенном смысле. В действительности из пятерых казненных только К. Ф. Рылеев был женат.

3. Рылеева Наталья Михайловна (урожденная Тевяшова, во втором браке Куколевская, 1800–1853) — жена К. Ф. Рылеева. Несмотря на то, что император ответил отказом на прошение Н. М. Рылеевой от 19 декабря 1825 г. о помиловании мужа, режим заключения Рылеева был мягким. Ему, в отличие от многих других арестантов, разрешалась переписка с родными, притом ежедневная. Подобной «милостью» пользовались, кроме него, только

С. П. Трубецкой, Н. М. Муравьев и М. Ф. Орлов. Рылеев получил право писать на Высочайшее имя, иметь свидания с женой и сестрой, А. Ф. Рылеевой. Вероятно, поэтому он до последнего момента надеялся на смягчение смертного приговора, о чем свидетельствует тон писем его к императору из крепости. Н. А. Бестужев воспроизводит текст записки, переданной Рылеевым к товарищам по заключению: «Красные кафтаны (т. е. сенаторы) присудили нам смерть, но за нас Бог, Государь и благомыслящие люди» (Воспоминания Бестужевых / Ред. и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л., 1951. С. 39). Этой надеждой, похоже, жила и его супруга. Поэтому известие о состоявшейся казни было для нее слишком сильным ударом. После казни Николай I распорядился передать ей 2 тыс. рублей (*Рахматуллин М. А.* Император Николай I и семьи декабристов. С. 14–15). В сопроводительной записке, возможно, составленной именно А. Н. Голицыным, было сказано: «Просим покорнейше принять прилагаемые 2000 р. и не подосадовать на усердие людей, принимавших душевное участие в вашем положении. Надеются ежегодно доставлять подобную же сумму» (*Маслов В. И.* Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912. С. 110). Затем еще несколько раз Рылеевой передавались деньги. В 1838 г., в год совершеннолетия дочери Рылеева, все тот же А. Н. Голицын препроводил к ней 2000 рублей с запиской от имени императора (Там же. С. 111).

Предание об особой милости императора к Рылеевой обросло слухами. М. Ф. Каменская даже пишет о том, что император в виде особой милости разрешил Рылеевой похоронить мужа отдельно от остальных повешенных, и мемуаристка, тогда еще девочка, якобы посещала эту могилу на о. Голодай вместе с вдовой (*Каменская М. Ф.* Воспоминания. М., 1991. С. 125). Все это объясняет то, что Николай особо выделяет Рылееву из всех, кого поручил «заботам» А. Н. Голицына.

4. Муравьева Александра Григорьевна (урожденная графиня Чернышова, 1804–1832) — жена декабриста Н. М. Муравьева. В крепости Н. М. Муравьев имел возможность ежедневной переписки, получения вещей через жену и мать, Е. Ф. Муравьеву. Несколько раз во время заключения декабрист имел свидания с женой.

5. Трубецкая Екатерина Ивановна (урожденная графиня Лаваль, 1800–1854) — жена С. П. Трубецкого.

6. Николай I имеет в виду Елизавету Петровну Нарышкину (урожденную Коновницыну, 1802–1867) — жену декабриста М. М. Нарышкина.

Подготовка текста и комментарии Т. Н. Жуковской

Николай I
Записка для графа П. В. Голенищева-Кутузова[1]. [1826 г.]

В Кронверке занять караул. Войскам быть в 3 часа[2], сначала вывести с конвоем приговоренных к каторге и разжалованных и поставить рядом против знамени; конвойным оставаться за ними, считая по два на одного. Когда все будет на месте, то командовать на караул и пробить одно колено похода, потом г[осподам] генералам, командующим эск[адроном] и арт[иллерией], прочесть приговор, после чего пробить 2 колена похода и командовать на плечо, тогда [[профосам сорвать мундир, кресты и]] переломить шпаги, что потом и бросить в приготовленный костер. Когда приговор исполнится, то вести их тем же порядком в Кронверк, тогда взвести присужденных к смерти на вал, при коих быть священнику с крестом[3].

Тогда ударить тот же бой как для гонения сквозь строй[4], докуда все не кончится.

После чего зайти по отделениям направо и пройти мимо места[a] и распустить по домам.

Публикуется по копии: ОР РНБ. Ф. 738 (Архив В. В. Стасова). Д. 37. Л. 15. Подлинник документа, написанного «с многочисленными помарками» (свидетельство Н. К. Шильдера), считается утраченным. История текста копии, сделанной В. В. Стасовым в архиве П. В. Голенищева-Кутузова, изложена Г. А. Невелевым. См.: *Невелев Г. А.* «Истина сильнее царя...» (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 35. Им же приводится текст самой записки. Г. А. Невелев не считает доказанным авторство записки, ссылаясь на то, что существует автограф И. И. Дибича, полностью воспроизводящий данный текст. См. также: *Серебровская Е. С.* Записка Николая I о казни декабристов // Новый мир. 1958. № 9. С. 277–278. Имеющиеся небольшие разночтения между текстом, впервые опубликованным в томе переписки В. В. Стасова и Л. Н. Толстого в 1914 г. (Переписка Л. Н. Толстого с В. В. Страховым. М., 1914. С. 179), и данной копией дают основания к републикации. Фраза, отсутствующая в данном документе, но воспроизведенная во всех прежних публикациях, помещена в двойных квадратных скобках.

1. Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772–1843) — генерал-лейтенант, Санкт-Петербургский генерал-губернатор после смерти М. А. Милорадовича, член Следственной комиссии по делу декабристов. Между прочим, Голенищев-Кутузов участвовал в заговоре и цареубийстве 11 марта 1801 г., но не играл важной роли, поэтому его карьера при Александре I не страдала. В 1811 г. он был сделан генерал-адъютантом. Николай мог считать П. В. Голенищева-Кутузова человеком, которому можно доверять, т. к. с апреля 1816 г., во время путешествия великих князей за границей и по России, был назначен сопровождать Николая. В сентябре 1816 г. Голенищев-Кутузов вместе с Николаем посетил Англию (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. М., 1997. Кн. 1. С. 66, 72). В день 14 декабря с самого начала событий П. В. Голенищев-Кутузов сопровождал Николая I во всех его передвижениях, выполнял распоряжения. Его назначение на место Милорадовича означало высшее доверие. Именно на него указом Правительствующего Сената от 12 июля 1826 г. было возложено руководство исполнением казни над государственными преступниками. Поэтому публикуемый документ может быть датирован только 12 июля.

Содержание записки позволяет говорить о том, что Николай I при участии П. В. Голенищева-Кутузова и И. И. Дибича детально разрабатывал два обряда: казни физической (для приговоренных к повешению) и казни «гражданской», для осужденных на каторгу и поселение. Несмотря на продуманный в деталях сценарий казни и осознание необходимости показательной жестокости во избежание новых смут, Николай испытывал немалое душевное волнение, оказавшись перед необходимостью возобновить смертную казнь, фактически забытую в России. Об этом свидетельствуют его тревожные письма к матери (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 197–198, 200–210).

См. также наст. изд., с. 174, примеч. 41.

2. О часе казни Николай I написал И. И. Дибичу: «Я полагаю назначить час вместе вам с Кутузовым; я считаю в 4 часа утра; так как чтобы от 3 до 4 часов могла кончиться обедня, и их можно было бы причастить» (Русская старина. 1882. Т. 35. С. 214). Экзекуция на самом деле началась около 2 часов ночи 13 июля. Через этот обряд были проведены 100 приго-

[a] Слово, пропущенное в прежних публикациях.

воренных, группами (без офицеров-моряков, гражданская казнь для которых была организована на флагмане балтийской эскадры «Князь Владимир», который стоял на Кронштадтском рейде). См.: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Кн. 1. С. 457–458. Яркие описания обряда гражданской казни дали сами декабристы. См.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 79–83; *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ. М., 1931. С. 261–263.

3. Во время казни присутствовало два священника: П. Н. Мысловский, протоиерей Казанского собора, ставший за время заключения в крепости духовником многих декабристов, и пастор церкви св. Анны (на Литейном проспекте) Рейнбот, сопровождавший П. И. Пестеля-лютеранина. Со слов Мысловского подробности казни воспроизвел в своих записках Н. И. Лорер (*Лорер Н. И.* Записки. Иркутск, 1984. С. 110–111). С. П. Трубецкой услышал накануне от Мысловского, что в последний момент казнь отменят, священник во время обряда казни, по словам Сергея Петровича, «ежеминутно ожидал гонца о помиловании» (*Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 280, 282). Н. В. Басаргин воспроизводит версию о том, что Мысловский хотел воспрепятствовать повторной казни сорвавшихся с виселицы (*Басаргин Н. В.* Записки // *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С.107). Ср.: Выдержки из записной книжки Мысловского // Русский архив. 1905. Кн. 3. Вып. 9. С. 132–133.

4. Есть сведения о том, что во время казни звучал не только барабанный бой, но играли музыканты Павловского полка (Из воспоминаний петербургского старожила // Исторический вестник. 1904. Т. 95. С. 83–84) Вообще данная инструкция не определяет процедуру казни окончательно. Это было сделано в специальном Приказе по гвардейскому корпусу о совершении приговора от 12 июля 1826 г.

Подготовка текста и комментарии Т. Н. Жуковской

Николай I
Записка [о ходе следствия 14–15 декабря 1825 г.] [1848 г.]

Ночь с 14[-го] на 15[-е] декабря была не менее замечательна, как и прошедший день; потому для общего понятия всех обстоятельств тогдашних происшествий нужно и об ней подробно упомянуть.

Едва воротились мы из церкви[1], я сошел, как сказано в первой части[2], к расположенным перед дворцом и на дворе войскам. Тогда велел снести и сына, а священнику с крестом и святой водой приказал обойти ближние биваки и окропить войска. Воротясь, я велел собраться Совету и, взяв с собой брата Михаила Павловича, пошел в собрание. Там в коротких словах я объявил настоящее положение вещей и истинную цель того бунта, который здесь принимал совершенно иной предлог, чем был настоящий[3]; никто в Совете не подозревал сего; удивление было общее, и, прибавлю, удовольствие казалось общим, что Бог избавил от видимой гибели[4]. Против меня первым налево сидел Н. С. Мордвинов[5]. Старик слушал особенно внимательно, и тогда же выражение лица его мне показалось особенным; потом мне сие объяснилось в некоторой степени[6].

Когда я пришел домой, комнаты мои похожи были на Главную квартиру в походное время. Донесения от князя Васильчикова и от Бенкендорфа одно за

другим ко мне приходили[7]. Везде сбирали разбежавшихся солдат Гренадерского полка и часть Московских. Но важнее было арестовать предводительствовавших офицеров и других лиц.

Не могу припомнить, кто первый приведен был; кажется мне — Щепин-Ростовский[8]. Он, в тогдашней полной форме и в белых панталонах, был из первых схвачен, сейчас после разбития мятежной толпы; его вели мимо верной части Московского полка, офицеры его узнали и в порыве негодования на него, как увлекшего часть полка в заблуждение, — они бросились на него и сорвали эполеты; ему стянули руки назад веревкой, и в таком виде он был ко мне приведен. Подозревали, что он был главное лицо бунта; но с первых его слов можно было удостовериться, что он был одно слепое орудие других и подобно солдатам завлечен был одним убеждением, что он верен императору Константину[9]. Сколько помню, за ним приведен был Бестужев Московского полка[10], и от него уже узнали мы, что князь Трубецкой был назначен предводительствовать мятежом[11]. Генерал-адъютанту графу Толю[12] поручил я снимать допрос и записывать показания приводимых, что он исполнял, сидя на софе пред столиком, там, где теперь у наследника висит портрет императора Александра.

По первому приказанию насчет Трубецкого я послал флигель-адъютанта князя Голицына, что теперь генерал-губернатор Смоленский[13], взять его. Он жил у отца жены своей, урожденной графини Лаваль[14]. Князь Голицын не нашел его: он с утра не возвращался, и полагали, что должен быть у княгини Белосельской, тетки его жены[15]. Князь Голицын имел приказание забрать все его бумаги, но таких не нашел: они были или скрыты, или уничтожены; однако в одном из ящиков нашлась черновая бумага на оторванном листе, писанная рукою Трубецкого, особой важности; это была программа на весь ход действий мятежников на 14 число, с означением лиц участвующих и разделением обязанностей каждому[16]. С сим князь Голицын поспешил ко мне, и тогда только многое нам объяснилось. Важный сей документ я вложил в конверт и оставил при себе и велел ему же, князю Голицыну, непременно отыскать Трубецкого и доставить ко мне. Покуда он отправился за ним, принесли отобранные знамена у Лейб-гвардии Московских, Лейб-гвардии гренадер и Гвардейского экипажа, и вскоре потом собранные и обезоруженные пленные под конвоем Лейб-гвардии Семеновского полка и эскадрона Конной гвардии проведены в крепость.

Князь Голицын скоро воротился от княгини Белосельской с донесением, что там Трубецкого не застал, и что он переехал в дом австрийского посла, графа Лебцельтерна, женатого на другой же сестре графини Лаваль[17].

Я немедленно отправил князя Голицына к управлявшему Министерством иностранных дел графу Нессельроду[18] с приказанием ехать сию же минуту к графу Лебцельтерну с требованием выдачи Трубецкого, что граф Нессельрод сейчас исполнил. Но граф Лебцельтерн не хотел вначале его выдавать, протестуя, что он ни в чем не виновен. Положительное настояние графа Нессельрода положило сему конец; Трубецкой был выдан князю Голицыну и им ко мне доставлен.

Призвав генерала Толя во свидетели нашего свидания, я велел ввести Трубецкого и приветствовал его словами:

— Вы должны быть известны об происходившем вчера. С тех пор многое

объяснилось, и, к удивлению и сожалению моему, важные улики на вас существуют, что вы не только [были] участником заговора, но должны были им предводительствовать. Хочу вам дать возможность хоть несколько уменьшить степень вашего преступления добровольным признанием всего вам известного; тем вы дадите мне возможность пощадить вас, сколько возможно будет. Скажите, что вы знаете?

— Я невинен, я ничего не знаю, — отвечал он.

— Князь, опомнитесь и войдите в ваше положение; вы — преступник; я — ваш судья; улики на вас — положительные, ужасные и у меня в руках. Ваше отрицание не спасет вас; вы себя погубите — отвечайте, что вам известно?

— Повторяю, я не виновен, ничего я не знаю.

Показывая ему конверт, сказал я:

— В последний раз, князь, скажите, что вы знаете, ничего не скрывая, или — вы невозвратно погибли. Отвечайте.

Он еще дерзче мне ответил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю.

— Ежели так, — возразил я, показывая ему развернутый его руки лист, — так смотрите же, что это?

Тогда он, как громом пораженный, упал к моим ногам в самом постыдном виде[19].

— Ступайте вон, все с вами кончено, — сказал я, и генерал Толь начал ему допрос. Он отвечал весьма долго, стараясь все затемнять, но, несмотря на то, изобличал еще больше и себя, и многих других.

Кажется мне, тогда же арестован и привезен ко мне Рылеев[20]. В эту же ночь объяснилось, что многие из офицеров Кавалергардского полка, бывшие накануне в строю и даже усердно исполнявшие свой долг, были в заговоре; имена их известны по делу[21]; их одного за другим арестовали и привозили, равно многих офицеров Гвардейского экипажа[22].

В этих привозах, тяжелых свиданиях и допросах прошла вся ночь. Разумеется, что всю ночь я не только что не ложился, но даже не успел снять платье и едва на полчаса мог прилечь на софе, как был одет, но не спал. Генерал Толь всю ночь напролет не переставал допрашивать и писать. К утру мы все походили на тени и насилу могли двигаться. Так прошла эта достопамятная ночь. Упомнить, кто именно взяты были в это время, никак уже не могу, но показания пленных были столь разнообразны, пространны и сложны, что нужна была особая твердость ума, чтоб в сем хаосе не потеряться.

Моя решимость была, с начала самого, — не искать *виновных*, но дать каждому оговоренному возможность смыть с себя пятно *подозрения*. Так и исполнялось свято. Всякое лицо, на которое было одно показание, без явного участия в происшествии, под нашими глазами совершившемся, призывалось к допросу; отрицание его или недостаток улик были достаточны к немедленному его освобождению[23].

В числе сих лиц был известный Якубович; его наглая смелость отвергала всякое участие, и он был освобожден, хотя вскоре новые улики заставили его вновь и окончательно арестовать[24]. Таким же образом Лейб-гвардии Коннопионерного эскадрона поручик Назимов был взят, ни в чем не сознался, и недостаток началь-

ных улик был причиной, что, допущенный к исправлению должности, он даже 6 января был во внутреннем карауле; но несколько дней спустя был вновь изобличен и взят под арест[25]. Между прочими показаниями было и на тогдашнего полковника Лейб-гвардии Финляндского полка фон-Моллера, что ныне дивизионный начальник 1-й гвардейской дивизии[26]. 14 декабря он был дежурным по караулам и вместе со мной стоял в Главной гауптвахте под воротами, когда я караул туда привел[27]. Сперва улики на него казались важными — в знании готовившегося; доказательств не было, и я его отпустил[28].

За всеми, не находящимися в столице, посылались адъютанты или фельдъегери.

В числе показаний на лица, но без достаточных улик, чтоб приступить было можно даже к допросам, были таковые на Н. С. Мордвинова, сенатора Сумарокова и даже на М. М. Сперанского[29].

Подобные показания рождали сомнения и недоверчивость, весьма тягостные, и долго не могли совершенно рассеяться. Странным казалось тоже поведение покойного Карла Ивановича Бистрома, и должно признаться, что оно совершенно никогда не объяснилось[30]. Он был начальником пехоты Гвардейского корпуса; брат и я были его два дивизионные подчиненные ему начальники. У генерала Бистрома был адъютантом известный князь Оболенский. Его ли влияние на своего генерала или иные причины, но в минуту бунта Бистрома нигде не можно было сыскать; наконец, он пришел с Лейб-гвардии Егерским полком, и хотя долг его был — сесть на коня и принять начальство над собранной пехотой, он остался пеший в шинели перед Егерским полком и не отходил ни на шаг от оного, под предлогом, как хотел объяснить потом, что полк колебался, и он опасался, чтоб не пристал к прочим заблудшим. Ничего подобного я на лицах полка не видал, но когда полк шел еще из казарм по Гороховой на площадь, то у Каменного моста стрелковый взвод 1[-й] карабинерной роты, состоявший почти весь из кантонистов, вдруг бросился назад, но был сейчас остановлен своим офицером поручиком Живко-Миленко-Стайковичем и приведен в порядок[31]. Не менее того поведение генерала Бистрома показалось столь странным и мало понятным, что он не был вместе с другими генералами гвардии назначен в генерал-адъютанты, но получил сие звание позднее[32].

Рано утром все было тихо в городе, и, кроме продолжения розыска об скрывшихся после рассеяния бунтовавшей толпы, ничего не происходило.

Воротившиеся сами по себе солдаты в казармы из сей же толпы принялись за обычные свои занятия, искренно жалея, что невольно впали в заблуждение обманом своих офицеров. Но виновность была разная; в Московском полку ослушание и потом бунт произошли в присутствии всех старших начальников — дивизионного генерала Шеншина и полкового командира ген[ерал]-майора Фредерикса[33] — и в присутствии всех штаб-офицеров полка[34]; два капитана отважились увлечь полк и успели половину полка вывесть из послушания, тяжело ранив генералов и одного полковника и отняв знамена![35] В Лейб-Гренадерском полку было того хуже. Полк присягнул; прапорщик, вопреки полкового командира, всех штаб-офицеров и большей части обер-офицеров, увлек весь полк[36], и полковой командир убит в виду полка, которого остановить не мог[37]. Нашелся в полку только один капитан, князь Мещерский, который умел часть своей роты удержать в порядке[38]. Наконец, в Гвардейском экипаже большая часть офицеров, кроме штаб-

офицеров, участвовали[a] в заговоре и тем удобнее могли[b] обмануть нижних чинов, твердо думавших, что исполняют долг присяги, следуя за ними, вопреки увещаний своих главных начальников[39]. Но батальон сей первый пришел в порядок; огорчение людей было искренно, и желание их заслужить прощение столь нелицемерно, что я решился, по представлению Михаила Павловича, воротить им знамя в знак забвения происшедшего накануне.

Утро было ясное; солнце ярко освещало бивакирующие войска; было около десяти или более градусов мороза. Долее держать войска под ружьем не было нужды; но прежде роспуска их я хотел их осмотреть и благодарить за общее усердие всех и тут же осмотреть Гвардейский экипаж и возвратить ему знамя. Часов около десяти, надев в первый раз преображенский мундир[40], выехал я верхом и объехал сначала войска на Дворцовой площади, потом на Адмиралтейской; тут выстроен был Гвардейский экипаж фронтом, спиной к Адмиралтейству, правый фланг против Вознесенской. Приняв честь, я в коротких словах сказал, что хочу забыть минутное заблуждение и в знак того возвращаю им знамя, а Михаилу Павловичу поручил привесть батальон к присяге, что и исполнялось, покуда я объезжал войска на Сенатской площади и на Английской набережной. Осмотр войск кончил я теми, кои стояли на Большой набережной, и после того распустил войска.

В то самое время, как я возвращался, провезли мимо меня в санях лишь только что пойманного Оболенского[41]. Возвратясь к себе, я нашел его в той Передней комнате, в которой теперь у наследника бильярд. Следив давно уже за подлыми поступками этого человека, я как будто предугадал его злые намерения и, признаюсь, с особенным удовольствием объявил ему, что не удивляюсь ничуть видеть его в теперешнем его положении пред собой, ибо давно его черную душу предугадывал. Лицо его имело зверское и подлое выражение, и общее презрение к нему сильно выражалось.

Скоро после того пришли мне сказать, что в ту же комнату явился сам Александр Бестужев, прозвавшийся Марлинским[42]. Мучимый совестью, он прибыл прямо во дворец на Комендантский подъезд, в полной форме и щеголем одетый. Взошед в тогдашнюю Знаменную комнату, он снял с себя саблю и, обошед весь дворец, явился вдруг к общему удивлению всех во множестве бывших в Передней комнате. Я вышел в залу и велел его позвать; он с самым скромным и приличным выражением подошел ко мне и сказал:

— Преступный Александр Бестужев приносит Вашему Величеству свою повинную голову.

Я ему отвечал:

— Радуюсь, что вашим благородным поступком вы даете мне возможность уменьшить вашу виновность; будьте откровенны в ваших ответах и тем докажите искренность вашего раскаяния.

Много других преступников приведено в течение этого дня, и так как генералу Толю, по другим его обязанностям, не было времени продолжать допросы, то я заменил его генералом Левашовым[43], который с той минуты в течение всех зимы,

---

[a] Так в оригинале.
[b] Так в оригинале.

с раннего утра до поздней ночи, безвыходно сим был занят и исполнял сию тяжелую во всех отношениях обязанность с примерным усердием, терпением и, прибавлю, отменною сметливостью, не отходя ни на минуту от данного мной направления, т. е. не искать *виновных*, но всякому давать возможность оправдаться.

Входить во все подробности происходившего при сих допросах излишне. Упомяну только об порядке, как допросы производились; они любопытны. Всякое арестованное здесь ли, или привезенное сюда, лицо доставлялось прямо на Главную гауптвахту. Давалось о сем знать ко мне чрез генерала Левашова. Тогда же лицо приводили ко мне под конвоем. Дежурный флигель-адъютант доносил об том генералу Левашову, он мне, в котором бы часу ни было, даже во время обеда. Доколь жил я в комнатах, где теперь сын живет, допросы делались, как в первую ночь — в гостиной. Вводили арестанта дежурные флигель-адъютанты; в комнате никого не было, кроме генерала Левашова и меня. Всегда начиналось моим увещанием говорить сущую правду, ничего не прибавляя и не скрывая и зная вперед, что не ищут виновного, но желают искренно дать возможность оправдаться, но не усугублять своей виновности ложью или отпирательством.

Так продолжалось с первого до последнего дня. Ежели лицо было важно по участию, я лично опрашивал; малозначащих оставлял генералу Левашову; в обоих случаях после словесного допроса генерал Левашов все записывал или давал часто им самим писать свои первоначальные признания. Когда таковые были готовы, генерал Левашов вновь меня призывал или входил ко мне, и, по прочтении допроса, я писал собственноручное повеление Санкт-Петербургской крепости коменданту генерал-адъютанту Сукину[44] о принятии арестанта и каким образом его содержать — строго ли, или секретно, или простым арестом[45].

Когда я перешел жить в Эрмитаж, допросы происходили в Итальянской большой зале, у печки, которая к стороне театра. Единообразие сих допросов особенного ничего не представляло: те же признания, те же обстоятельства, более или менее полные. Но было несколько весьма замечательных, об которых упомяну. Таковы были Каховского[46], Никиты Муравьева, руководителя бунта Черниговского полка[47], Пестеля, Артамона Муравьева, Матвея Муравьева, брата Никиты, Сергея Волконского и Михайлы Орлова[48].

Каховский говорил смело, резко, положительно и совершенно откровенно. Причину заговора, относя к нестерпимым будто притеснениям и неправосудию, старался причиной им представлять покойного императора[c]. Смоленский помещик, он в особенности вопил на меры, принятые там для устройства дороги по проселочному пути, по которому государь и императрица следовали в Таганрог, будто с неслыханными трудностями и разорением края исполненными[d]. Но с тем вместе он был молодой человек, исполненный прямо любви к отечеству, но в самом преступном направлении.

Никита Муравьев был образец закоснелого злодея. Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование, но на заграничный лад, он был во своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необык-

---

[c] Так в оригинале.
[d] Так в оригинале.

новенно тверд. Тяжело раненный в голову, когда был взят с оружием в руках, его привезли закованного. Здесь сняли с него цепи и привели ко мне. Ослабленный от тяжкой раны и оков, он едва мог ходить. Знав его в Семеновском полку ловким офицером, я ему сказал, что мне тем тяжелее видеть старого товарища в таком горестном положении, что прежде его лично знал за офицера, которого покойный государь отличал, что теперь ему ясно должно быть, до какой степени он преступен, что — причиной несчастия многих невинных жертв, и увещал ничего не скрывать и не усугублять своей вины упорством. Он едва стоял; мы его посадили и начали допрашивать. С полной откровенностью он стал рассказывать весь план действий и связи свои. Когда он все высказал, я ему отвечал:

— Объясните мне, Муравьев, как вы, человек умный, образованный, могли хоть одну секунду до того забыться, чтоб считать ваше намерение сбыточным, а не тем, что есть — преступным злодейским сумасбродством?

Он поник голову, ничего не отвечал, но качал головой с видом, что чувствует истину, но поздно.

Когда допрос кончился, Левашов и я, мы должны были его поднять и вести под руки.

Пестель был также привезен в оковах; по особой важности его действий, его привезли и держали секретно. Сняв с него оковы, он приведен был вниз в Эрмитажную библиотеку. Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в запирательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг.

Артамон Муравьев был не что иное, как убийца, изверг без всяких других качеств, кроме дерзкого вызова на цареубийство. Подл в теперешнем положении, он валялся у меня в ногах, прося пощады.

Напротив, Матвей Муравьев, сначала увлеченный братом, но потом в полном раскаянии уже некоторое время от всех отставший, из братской любви только спутник его во время бунта и вместе с ним взятый, благородством чувств, искренним глубоким раскаянием меня глубоко тронул.

Сергей Волконский — набитый дурак, таким нам всем давно известный, лжец и подлец в полном смысле, и здесь таким же себя показал. Не отвечая ни на что, стоя, как одурелый, он собой представлял самый отвратительный образец неблагодарного злодея и глупейшего человека.

Орлов жил в отставке в Москве[49]. С большим умом, благородной наружностию, он имел привлекательный дар слова. Быв флигель-адъютантом при покойном императоре, он им назначен был при сдаче Парижа для переговоров[50]. Пользуясь долго особенным благорасположением покойного государя, он принадлежал к числу тех людей, которых счастье избаловало, у которых глупая надменность затмевала ум, считав, что они рождены для преобразования России.

Орлову менее всех должно было забыть, чем он был обязан своему государю, но самолюбие заглушило в нем и тень благодарности и благородства чувств. Завлеченный самолюбием, он с непостижимым легкомыслием согласился быть и сделался главой заговора, хотя вначале не столь преступного, как впоследствии[51]. Когда же первоначальная цель общества начала исчезать и обратилась уже в совершенный замысел на все священное и цареубийство, Орлов объявил, что

перестает быть членом общества и, видимо, им более не был, хотя не прекращал связей знакомства с бывшими соумышленниками и постоянно следил и знал, что делалось у них[52].

В Москве, женатый на дочери генерала Раевского, которого одно время был начальником штаба[53], Орлов жил в обществе как человек, привлекательный своим умом, нахальный и большой говорун. Когда пришло в Москву повеление к военному генерал-губернатору князю Голицыну[54] об арестовании и присылке его в Петербург, никто верить не мог, чтобы он был причастен к открывшимся злодействам. Сам он, полагаясь на свой ум и в особенности увлеченный своим самонадеянием, полагал, что ему стоит будет сказать слово, чтоб снять с себя и тень участия в деле.

Таким он явился. Быв с ним очень знаком, я его принял как старого товарища и сказал ему, посадив с собой, что мне очень больно видеть его у себя без шпаги, что, однако, участие его в заговоре нам вполне уже известно и вынудило его призвать к допросу, но не с тем, чтоб слепо верить уликам на него, но с душевным желанием, чтоб мог вполне оправдаться; что других я *допрашивал*, его же прошу как благородного человека, старого флигель-адъютанта покойного императора, *сказать* мне откровенно, что знает.

Он слушал меня с язвительной улыбкой, как бы насмехаясь надо мной, и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора не знал, не слышал и потому к нему принадлежать не мог; но что ежели б и знал про него, то над ним бы смеялся как над глупостью. Все это было сказано с насмешливым тоном и выражением человека, слишком высоко стоящего, чтоб иначе отвечать, как из *снисхождения*.

Дав ему договорить, я сказал ему, что он, по-видимому, странно ошибается насчет нашего обоюдного положения, что не он снисходит *отвечать мне*, а я снисхожу к нему, обращаясь не как с преступником, а как со старым товарищем, и кончил сими словами:

— Прошу вас, Михаил Федорович, не заставьте меня изменить моего с вами обращения; отвечайте моему к вам доверию искренностию.

Тут он рассмеялся еще язвительнее и сказал мне:

— Разве общество под названием «Арзамас»[55] хотите вы узнать?

Я отвечал ему весьма хладнокровно:

— До сих пор с вами говорил старый товарищ, теперь вам приказывает ваш государь; отвечайте прямо, что вам известно.

Он прежним тоном повторил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю и нечего мне рассказывать.

Тогда я встал и сказал генералу Левашову:

— Вы слышали? — Принимайтесь же за ваше дело, — и, обратясь к Орлову: — А между нами все кончено.

С сим я ушел и более никогда его не видал.

Публикуется по: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1394. Л. 23–31 об. 1848 г. Часть 3-я записок (Четвертая тетрадь).

1. Вечером 14 декабря (около 7 часов) в Большой церкви Зимнего дворца состоялся торжественный молебен в связи с воцарением нового императора.

2. См. записку Николая I, с. 13–15.

3. «Истинная цель» — речь идет о политической цели тайного общества, готовившего заговор и выступление 14 декабря 1825 г., — изменении государственного строя и введения представительной системы. Эта цель была скрыта за непосредственным поводом, послужившим лозунгом выступления гвардии («предлогом»), — сохранением верности присяге великому князю Константину Павловичу.

4. Эти впечатления Николая входят в противоречие со сведениями, полученными в ходе следствия над арестованными заговорщиками: руководители заговора рассчитывали на содействие некоторых членов Государственного Совета и сенаторов, извещенных, по всей вероятности, о целях заговора и восстания.

5. См. наст. изд., с. 173, примеч. 30.

6. Намек на показания арестованных по делу 14 декабря 1825 г., согласно которым Н. С. Мордвинов знал о готовящемся выступлении и выражал ему скрытую поддержку.

7. И. В. Васильчиков и А. Х. Бенкендорф вечером 14 декабря были назначены комендантами соответственно лево- и правобережной частей города. См. записки Николая I.

8. Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович (1798–1858) — князь, штабс-капитан Лейб-гвардии Московского полка, в дни междуцарствия вовлечен в заговор, активный участник выступления 14 декабря 1825 г. Осужден по 1-му разряду на бессрочную каторжную работу. С 1839 г. на поселении. Амнистирован в 1856 г.

Д. А. Щепин-Ростовский действительно был арестован одним из первых и первым допрошен К. Ф. Толем вечером 14 декабря (см.: Журнал генерал-адъютанта графа К. Ф. Толя о декабрьских событиях 1825 г. СПб., 1898. С. 31–32).

9. Свою неосведомленность о существовании и цели тайного общества Д. А. Щепин-Ростовский отстаивал не только на допросе перед Николаем I, но и в продолжение всего следствия. Однако в ряде показаний авторитетных свидетелей говорилось о том, что Щепин-Ростовский узнал о существовании тайного общества и политической цели заговора (см.: ВД. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 408, 410, 447).

10. Бестужев Михаил Александрович (1800–1871) — штабс-капитан Лейб-гвардии Московского полка, член Северного общества, активный участник выступления на Сенатской площади. Осужден по 2-му разряду на бессрочную каторжную работу. С 1839 г. на поселении. Амнистирован в 1856 г. Мемуарист.

М. А. Бестужев был арестован днем 16 декабря. Вторым после Щепина-Ростовского допрашивался поручик Лейб-гвардии Гренадерского полка А. Н. Сутгоф (см.: Журнал генерал-адъютанта графа К. Ф. Толя о декабрьских событиях 1825 г. С. 31).

11. Показание о Трубецком на первом допросе дал К. Ф. Рылеев в ночь на 15 декабря 1825 г. (см.: ВД. Т. 1. С. 152). Показания М. А. Бестужева этих данных не содержат.

12. Толь Карл Федорович (1777–1842) — барон, граф (с 1829), генерал-лейтенант (1813), генерал-адъютант (1823), начальник Главного штаба 1-й армии, принимал участие в допросах первых арестованных участников выступления 14 декабря. С 1826 г. генерал от инфантерии, впоследствии член Государственного Совета (1830), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1833–1842).

13. См. наст. изд., с. 175, примеч. 56.

14. Жена С. П. Трубецкого — Екатерина Ивановна (1800–1854) — дочь графа Ивана Степановича Лаваль (1761–1846) — гофмейстера, чиновника Министерства иностранных дел и Министерства народного просвещения.

15. Белосельская-Белозерская Анна Григорьевна (урожденная Козицкая, 1773–1846) — княгиня, тетя Е. И. Трубецкой со стороны матери.

16. Принято считать, что при обыске на квартире Трубецкого был найден проект манифеста от имени Сената («манифест к русскому народу»), писанный его рукой, а также писанная им же копия Конституции Н. М. Муравьева с собственноручными замечаниями Трубецкого. Но содержание документа, указанное в записках Николая I, не совпадает с содержанием этих документов. Конкретных сведений о существовании особой «програм-

мы на весь ход действий мятежников на 14 число, с означением лиц участвующих и разделением обязанностей каждому», обнаружить не удалось. Однако, судя по письму Николая Константину Павловичу, Трубецкому были предъявлены рукописи известного «манифеста к русскому народу» и «чернового наброска конституции [Н. М. Муравьева]» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 146). Сам Трубецкой в своих записках упоминает о каком-то документе, который ему был предъявлен во время допроса в присутствии Николая I, но не раскрывает его содержания (см. известный вариант записок Трубецкого: *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 255).

17. См. наст. изд., с. 253, примеч. 187.

18. См. наст. изд., с. 189, примеч. 2.

19. Рассказы о полном раскаянии Трубецкого, униженных просьбах о «пощаде» и сохранении жизни распространились сразу после его первого допроса в ночь на 15 декабря, состоявшегося в присутствии императора. Они настойчиво повторялись в записках Николая, воспоминаниях великого князя Михаила Павловича, записанных М. А. Корфом, «журнале» К. Ф. Толя, книге М. А. Корфа. Однако эти рассказы не подтверждаются описанием первого допроса в записках Трубецкого, как и материалами переписки Николая I и Константина Павловича (см. об этом подробнее: *Павлова В. П.* Декабрист С. П. Трубецкой // *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 54–57).

20. К. Ф. Рылеев был арестован в ночь с 14 на 15 декабря.

21. Участие ряда офицеров Кавалергардского полка в тайном обществе стало известно из показаний, сделанных на первых допросах Е. П. Оболенским, К. Ф. Рылеевым и др. Группа офицеров-кавалергардов (И. А. Анненков, Д. А. Арцыбашев, А. С. Горожанский, А. М. Муравьев) была арестована 19 декабря.

22. Аресты офицеров Гвардейского экипажа, в различной степени принимавших участие в выступлении на Сенатской площади, продолжались в течение 14–15 декабря.

23. Спустя несколько дней после 14 декабря сразу после первого допроса был освобожден ряд арестованных. Среди освобожденных были как обнаружившие свою полную невиновность и непричастность к событиям заговора и тайному обществу, так и участники тайных обществ, которые сумели доказать непричастность к выступлению 14 декабря.

24. Ошибка автора записок. А. И. Якубович был арестован, судя по всему, ранним утром 15 декабря. После первого допроса не освобождался, а был отправлен в Санкт-Петербургскую (Петропавловскую) крепость.

25. Назимов Михаил Александрович (1801–1888) — штабс-капитан Лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона, член Северного общества, во время событий 14 декабря 1825 г. находился в отпуске вне Петербурга. Арестован в первый раз 27 декабря, допрошен, прощен Николаем I и освобожден 3 января 1826 г., вторично арестован 24 января. Осужден по 8-му разряду на бессрочное поселение в Сибири. В 1837 г. переведен рядовым в полки Кавказского корпуса. С 1846 г. в отставке, поселился в своем имении Псковской губернии. Амнистирован в 1856 г. В 1860-е гг. мировой посредник, земский деятель.

26. О Моллере А. Ф. см. наст. изд., с. 247, примеч. 110.

27. 14 декабря 1825 г. А. Ф. Моллер возглавлял караулы в Зимнем дворце, которые держал находившийся под его командой батальон Финляндского полка.

28. Улики в отношении А. Ф. Моллера были значительны: имелись показания Е. П. Оболенского, С. П. Трубецкого, А. А. Бестужева о принадлежности его к тайному обществу, знании о существовании заговора, его целях и подготовке выступления 14 декабря. Однако эти показания не стали предметом расследования, и дело Моллера «оставлено без внимания» (ВД. М., 1986. Т. 16. С. 308).

29. О показаниях, полученных на следствии в отношении М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова, см.: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 45–49, 94–97.

Сумароков Павел Иванович (1759 или 1760–1846) — сенатор, тайный советник, член Верховного уголовного суда, литератор. Данных о его контактах с заговорщиками не имеется. Возможно, в записках Николая I Сумароков смешан с другим сенатором, Дмит-

рием Осиповичем Барановым (1773–1834), который, согласно некоторым показаниям, рассматривался в качестве кандидата во Временное правление (см.: ВД. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 61, 68).

30. См. наст. изд., с. 170, примеч. 3.

31. Живко-Миленко-Стойкович Яков Михайлович — поручик Лейб-гвардии Егерского полка.

32. К. И. Бистром получил звание генерал-адъютанта 20 декабря 1825 г.

33. О Шеншине В. Н. см. наст. изд., с. 183, примеч. 6.

Фредерикс Петр Андреевич (1786–1855) — барон, генерал-майор, командир Лейб-гвардии Московского полка. 14 декабря пытался остановить возмущение в казармах полка, ранен Д. А. Щепиным-Ростовским. С 15 декабря 1825 г. генерал-адъютант, впоследствии обер-шталмейстер Двора, президент Придворной конюшенной конторы (1843).

34. Штаб-офицеры — офицеры 6-го–8-го классов, имевшие чины от капитана до полковника, т. е. старшие офицеры.

35. Кроме В. Н. Шеншина и А. А. Фредерикса, в казармах Лейб-гвардии Московского полка был ранен полковник П. К. Хвощинский.

36. Ошибка автора. Рота Лейб-гвардии Гренадерского полка была увлечена на Сенатскую площадь ее командиром, поручиком А. Н. Сутгофом; большая часть 2-го батальона оказалась вовлеченной в выступление усилиями другого поручика, Н. А. Панова.

37. Речь идет о смертельном ранении П. Г. Каховским полковника Николая Карловича Стюрлера (1786–1825) — командира Лейб-гвардии Гренадерского полка.

38. См. наст. изд., с. 177, примеч. 75.

39. В ходе следствия не удалось добыть сведений о связи большинства офицеров Гвардейского экипажа с тайным обществом. Обнаружился лишь небольшой кружок младших офицеров, которые вначале создали свое собственное тайное общество, а затем вошли в контакт с Северным обществом (А. П. Арбузов, А. П. и П. П. Беляевы, М. А. Бодиско, В. А. Дивов, В. А. Шпейер). Связи с тайным обществом на уровне личных контактов прослеживаются еще у ряда офицеров Экипажа (брат В. К. Кюхельбекера М. К. Кюхельбекер, Ф. Г. Вишневский, Е. С. Мусин-Пушкин). См.: *Шешин А. Б.* Декабристское общество в гвардейском морском экипаже // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 107–127.

40. Преображенский мундир имел право носить российский император (только после своего вступления на престол), как шеф старейшего полка русской гвардии.

41. См. наст. изд., с. 170, примеч. 2.

42. Бестужев Александр Александрович (1797–1837) — штабс-капитан Лейб-гвардии Драгунского полка, адъютант Главноначальствующего путями сообщений герцога Александра Вюртембергского. Член Северного общества, один из активных участников заговора и выступления 14 декабря 1825 г. Осужден по 1-му разряду на 20 лет каторжных работ. В 1827 г. отправлен в Сибирь на бессрочное поселение. С 1829 г. рядовой в Кавказском корпусе. Погиб в бою с горцами. Писатель, критик, поэт, один из издателей «Полярной звезды» (псевдоним — Марлинский).

15 декабря А. А. Бестужев лично явился в Зимний дворец, где и был арестован.

43. См. наст. изд., с. 177, примеч. 70.

44. Сукин Александр Яковлевич (1764–1837) — генерал от инфантерии, комендант Санкт-Петербургской крепости. С 15 декабря 1825 г. генерал-адъютант. Член Верховного уголовного суда, член Государственного Совета, сенатор.

45. Собственноручные записки Николая I, адресованные А. Я. Сукину, опубликованы П. Е. Щеголевым (Николай I — тюремщик декабристов // Былое. 1906. № 5. С. 192–204; *Щеголев П. Е.* Декабристы. М.; Л., 1926. С. 267–276).

46. О Каховском П. Г. см. наст. изд., с. 263, примеч. 22.

47. Николай I спутал имена: он имеет в виду Сергея Ивановича Муравьева-Апостола (1795–1826) — подполковника Черниговского пехотного полка, организатора антиправительственного выступления под Киевом 29 декабря 1825 г. – 3 января 1826 г., казненного по приговору Верховного уголовного суда.

48. Перечисляются видные деятели тайных обществ:

Пестель Павел Иванович (1793–1826) — полковник, командир Вятского пехотного полка, руководитель Южного общества, казнен по приговору Верховного уголовного суда.

Муравьев Артамон Захарович (1793–1846) — полковник, командир Ахтырского гусарского полка, член Южного общества, осужден по 1-му разряду на бессрочную каторжную работу, с 1839 г. на поселении.

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793–1886) — отставной подполковник, член Южного общества, участник выступления Черниговского полка, осужден по 1-му разряду на 20 лет каторжных работ, в 1827 г. отправлен на бессрочное поселение в Сибирь. Амнистирован в 1856 г. Мемуарист.

Волконский Сергей Григорьевич (1788–1865) — князь, генерал-майор, командир 1-й бригады 39-й пехотной дивизии, член Южного общества, осужден по 1-му разряду на 20 лет каторжных работ, с 1835 г. на поселении. Амнистирован в 1856 г. Мемуарист.

Орлов Михаил Федорович (1788–1842) — генерал-майор, состоящий по армии, основатель тайного общества «Орден русских рыцарей», один из руководителей Союза благоденствия, с 1821 г. от тайных обществ отошел, но продолжал сохранять контакты с их участниками и был осведомлен об их целях. Привлекался к следствию, от суда освобожден (по просьбе брата, генерал-адъютанта А. Ф. Орлова), подвергнут несудебным репрессиям, отставлен от службы, сослан в свое имение после месяца крепостного заключения. Публицист, экономист.

49. М. Ф. Орлов состоял по армии с 1822 г.

50. Речь идет о событиях 1814 г. По поручению Александра I флигель-адъютант М. Ф. Орлов подписал акт о капитуляции Парижа.

51. М. Ф. Орлов играл значительную роль в южных управах Союза благоденствия, возглавляя Кишиневское отделение тайного общества. С 1821 г. отошел от активного участия в тайном обществе.

52. М. Ф. Орлов знал о существовании и целях Северного и Южного обществ, поддерживал связь с рядом их участников, был осведомлен о предложении А. И. Якубовича и заговоре 14 декабря 1825 г. (письмом И. И. Пущина к С. М. Семенову от 12 декабря 1825 г.)

53. М. Ф. Орлов являлся начальником штаба 3-го пехотного корпуса (возглавлял корпус генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский, 1771–1829) в 1818–1820 гг. Его жена — дочь Н. Н. Раевского, Екатерина Николаевна (1797–1885).

54. См. наст. изд., с. 148, примеч. 9.

55. «Арзамас» — неофициальное литературное общество сторонников Н. М. Карамзина и новой (романтической) литературной школы, существовавшее в 1815–1818 гг. (среди его участников В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, С. С. Уваров, Д. Н. Блудов, А. С. Пушкин). Из членов тайных обществ в «Арзамасе» состояли М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев.

Подготовка текста и комментарии П. В. Ильина

Лобанов-Ростовский Д. И.[1]
Записка Николаю I. 12 июля 1826 г.

Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов[2] сей час был у меня и по Высочайшей Вашего Императорского Величества воле требовал моего мнения насчет предполагаемой другой висилицы, под коей выставить имена тех государственных преступников, коим милосердием Вашим дарована жизнь[3] и вместе с тем осуждаются на каторжную работу.

Приступая к исполнению воли Вашего Императорского Величества, как верноподданный, осмеливаюсь доложить, что как за два перед сим часа преступникам милосердный Ваш приговор в полном присутствии объявлен[4], то из-за сего, по мнению моему, неудобно уже прибавлять или усиливать оный, тем паче, что выставлением имен преступников под виселицей растерзаются еще более те роды, к коим те преступники по несчастию принадлежат[5].

Генерал князь Лобанов-Ростовский
С[анкт-]Петербург. 12 июля 1826 г.

Печатается по автографу из фонда Лобанова-Ростовского: ОР РНБ. Ф. 439. Д. 8. Л. 18. Этот документ вносит дополнительные штрихи к картине подготовки казни декабристов и подтверждает господствующую в литературе версию о том, что инициатива предложений относительно обряда казни исходила от императора. Однако очевидно, что свою роль в определении сценария казни сыграли князь Д. И. Лобанов-Ростовский, по должности генерал-прокурора Верховного уголовного суда ответственный за вынесение приговора, и П. В. Голенищев-Кутузов, которому указом 12 июля было поручено руководить исполнением приговора.

Время составления этой записки говорит о том, что сценарий казни разрабатывался 12 июля или в ночь на 13-е, буквально накануне события. Несомненно, что этот документ связан с публикуемой нами запиской Николая I П. В. Голенищеву-Кутузову в единый комплекс.

1. Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838) — князь, генерал от инфантерии, министр юстиции (1817–1827), член Государственного Совета, генерал-прокурор Верховного уголовного суда по делу декабристов. Отношение Николая I к министру юстиции было довольно прохладным, т. к. Лобанов-Ростовский относился к числу тех, кто 27 ноября, когда было получено известие о смерти Александра I, возражал против вскрытия завещания в пользу Николая. Тогда князь предложил пакет не раскрывать, а идти присягать Константину; он «был настроен особенно решительно, что указывает на его изначальные симпатии к Константину» (*Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 50). После первой присяги Константин обратился с письмом к Лобанову-Ростовскому, в котором возлагал на князя персональную вину за случившееся. После упрочения позиций Николая «престарелый» министр оставался в тени, карьера его явно пошатнулась, хотя во время заседаний Верховного уголовного суда по делу декабристов он и был назначен на почетную должность генерал-прокурора суда. По выражению Николая Павловича, недовольного ходом судебных заседаний, «глупость» князя Лобанова-Ростовского «немало способствовала замедлению дела и нарушала декорум» (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 207).

2. См. наст. изд., с. 268, примеч. 1.

3. Первоначально 20 человек, осужденных по первому разряду, приговаривались к смертной казни. При конфирмации приговора Николай I воспользовался правом его смягчения: преступники I разряда были приговорены к пожизненной каторге. Очевидно, Николай в устной или письменной форме выразил желание устроить вторую декоративную виселицу с прибитыми на ней именами преступников I разряда «в устрашение». Такой маскарад Д. И. Лобанов-Ростовский считает излишеством и, как можно судить, ему удалось убедить в этом императора.

4. Объявление приговора («сентенции») происходило в Комендантском доме Петропав-

ловской крепости 12 июля. Арестованных распределили по партиям, в соответствии с разрядом, и объявляли решение Верховного суда каждой партии отдельно. См.: *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 278–280; *Басаргин Н. В.* Записки // *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 101–102.

5. Доводы министра юстиции о ненужности чрезмерного «устрашения» были приняты. На полях публикуемой записки резолюция Николая I: «Согласен со мнением вашим, о чем прошу дать знать генерал-адъютанту Кутузову». Лобанов-Ростовский тотчас сообщил о том, что проект устройства второй виселицы отклонен, П. В. Голенищеву-Кутузову, о чем свидетельствует карандашная записка последнего, находящаяся в том же комплексе документов: «Генерал-адъютант Г[оленищев]-Кутузов, свидетельствуя совершеннейшее свое почтение его сиятельству князю Дмитрию Ивановичу, имеет честь уведомить, что Высочайшую конфирмацию на представленной от Его сиятельства записке читал. Генерал-адъютант Г[оленищев]-Кутузов. 12 (исправлено на „13“ — *сост.*) июля 1826 г.» (ОР РНБ. Ф. 439. Ф. 439. Д. 8. Л. 19).

Подготовка текста и комментарии Т. Н. Жуковской

Половцов В. А.
Дневной журнал за 1826 год

12-е июля. Понедельник. Выкупавшись, занимался с Пет[ькой] и Вас[ькой][1]. Это утром. У должности начертил (для пробы) генеральный план Гренадерских казарм[2]. Чертил его, преприлежно — два часа, и иллюминовал ровно два же часа; а 1 час употребил на купанье и занесенье письма сестрице Наталье. После обеда я уснул, разговаривал с тетенькой, ходил несколько раз в канцелярию Корпуса инж[енеров] узнать об завтрешней экзекуции. Вечером купался. Вместо спанья принялся за письмо к Алексею Андр[еевичу][3]. И написал порядочно.

13-е июля. Вторник. Собравшись совсем, сходил я к Шульцу, Мокрицкому и Татаринову[4] — никто не хотел мне сопутствовать. Итак, я отправился один на эспланаду Петропавловской крепости. Войска (2 сводных баталиона гвард[ейской] пехоты, 2 эскадрона кавалерии, один тяжелой, другой легкой и 1 сводная бригада артиллерии[5]) стояли уже на местах дугою. Вскоре явились за большим Павловским караулом арестанты; после прочтения приговора <о ссылке почти всех в каторжную работу или навечно, или на 20, 12 и пр. лет, а потом на поселение> над головами их ломали шпаги, скидывали офицерские сюртуки и мундиры <у иных с эполетами> и бросали на пылавший костер, в это время они стояли на коленях. Ужасное состояние! После сего[6] пятерых осужденных на смерть — повесили, на валу крепости. Это были Пестель, Рылеев, Муравьев, Бестужев-Рюмин и Каховский (в белой одежде с черными нагрудниками, а потом и колпаками[7]); двое предпоследних, М[уравьев] и Б[естужев], прощались между собой несколько раз, П[естель] целовался[a] со священником[8], все они крестились. Когда подмостки опустили, то П[естель] и Б[есту-

[a] Слово читается предположительно.

жев] повисли — завертелись, а Р[ылеев], М[уравьев] и К[аховский] оборвались[9], однако ж и им немедленно изготовили новые веревки[10]. Так проходила казнь заговорщиков. Действие оной на меня было менее, чем я предполагал: сердце теснилось, а мыслей в голове не было. Возвратясь домой, я соснул, [ходил] к должности, написал письмо брату Михаилу. Возвратясь же после купанья опять домой, я опять уснул. Встал я весело, а потом мне сгрустнулось, ничем не хотелось заниматься; я позвал Ваську, занятием с ним развеселил себя, читал Нимейера[11] и смотрел Пет[ькино] писанье. В 8-м часов сходил на ученье, остальное время дня провел у сестрицы Н[атальи] Маховой довольно приятно; ее муж и мораль были как обыкновенно предметами наших разговоров[12].

Печатается по автографу: ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1288. Л. 56–56 об. Полное название, вынесенное на первый лист: «Дневной журнал за 1826 год, прекрасный период моей жизни с извлечением при конце, Виктора Половцова. В С.-Петербурге». Рукопись представляет собой листы большого формата, переплетенные в тетрадь по окончании записей за 1826 г. Бумага с водяными знаками 1825 г., архивная пагинация после Л. 20 отсутствует.

Автор дневника — Виктор Андреевич Половцов (1803–1866) происходит из псковских дворян по отцу, из эстлядских — по матери, урожденной Гиппиус. Родители владели небольшим имением в Ораниенбауме. В. А. Половцов окончил частный пансион в Петербурге, 1,5 года учился в Горном корпусе. Брал уроки математики дополнительно к программе корпуса, в 1818 г. вступил юнкером в инженерную команду, был прикомандирован к Главному инженерному училищу без пансиона, в 1819 г. произведен в инженер-прапорщики. По выпуске из училища (1821) назначен дежурным офицером кондукторской роты, переведен в гвардию. В 1826 г. В. А. Половцов — гвардии инженер-поручик, адъютант по инженерной части Н. Г. Сазонова — начальника инженеров Гвардейского корпуса, чиновник инженерного департамента Военного министерства, заведующий чертежной Гвардейской казарменной комиссии. По службе занимался составлением описей гвардейских казарм, съемкой крепостей, делопроизводством различных комиссий при инженерном департаменте.

В 1827 г. В. А. Половцов был назначен преподавать в школе учебного саперного батальона, с 1827 г. по 1837 г. был преподавателем русского языка в Главном инженерном училище, в 1830–40-х гг. — помощником инспектора классов в Павловском кадетском корпусе, участвовал в инспекциях кадетских корпусов. В 1828 г. пожалован Орденом Почетного легиона (за заслуги в подготовке чертежей для инженеров французской службы). В 1853 г. переведен в корпус лесничих. В 1860 г. вышел в отставку в чине генерал-майора, был приглашен воспитателем детей принца П. Г. Ольденбургского. Известен как автор работ по воспитанию, учебника русской грамматики. См.: ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1258 (Автобиография В. А. Половцова); Д. 1268 (Формулярный список).

Записи в дневнике В. А. Половцов ведет аккуратно, практически ежедневно, оформляет их в тот же или на следующий день после описанных событий. Но записи эти лаконичны. До 1826 г. В. А. Половцов, скорее всего, дневников не вел, зато продолжал этот опыт до конца жизни. В его архиве сохранилось более

50 тетрадей дневников за разные годы. Впоследствии тетрадь за 1826 г. автором не раз перечитывалась, о чем свидетельствуют записи на полях 1830–1860-х гг.

Запись от 13 июля о казни декабристов сделана в тот же день вечером, в следующие дни автор больше к этому происшествию не возвращается. Дневник В. А. Половцова — опыт самопознания, типичен для молодого человека 22-х лет, тяготеющего к «нравственным вопросам», увлекающегося воспитанием (он обучает и воспитывает двух своих малолетних слуг, Ваську и Петьку, на его попечении находится младший брат), который мечтает о семье, о воспитании детей, исправно исполняет службу, в меру честолюбив. Внешние события, исключая службу, развлечения, посещения родственников, друзей, начальников, мало занимают автора. Примечательно полное равнодушие Половцова к политике: конец одного царствования, начало другого, междуцарствие, «происшествие» 14 декабря ни разу не упомянуты. О «бунтовщиках» он упоминает, помимо приведенной записи, лишь дважды — об аресте Н. А. Бестужева, известного своими «дельными проектами», и о своем намерении (неосуществленном) проситься вместе с шурином, А. А. Маховым, в сопровождение Сводного полка, отправляющегося на Кавказ: «Я просился у Геруа к должности старшего адъютанта и с Маховым провожать в Грузию бунтовщиков». Подводя итоги 1826 г., в «извлечении», помещенном в конце тетради, он перечисляет важнейшие события года, но не вспоминает при этом ни о процессе декабристов, ни об их казни. На первое место по значимости он помещает события семейной жизни: брак сестры, знакомство со своей невестой. Далее, в одном ряду — погребение Александра I, коронация Николая I, представление герцогу Веллингтону и «поздравление Государя на пасху». Свидетельство В. А. Половцова о казни декабристов можно интерпретировать как реакцию человека ординарного, далекого от общественных вопросов на одно из самых драматичных событий своего времени. Воспользовавшись служебным положением, мемуарист из любопытства приходит на рассвете 13 июля на место экзекуции, но оказывается не подготовленным ни психологически, ни умственно к осознанию значения этого события. Его реакция спонтанная, как и запись впечатлений, это — реакция случайного наблюдателя. Тем она и интересна.

1. Петька — денщик В. А. Половцова, мальчик 10-ти лет; Васька — мальчик-слуга, 8-ми лет.

2. Казармы Лейб-гвардии Гренадерского полка — комплекс зданий, сооруженный в 1805–1807 гг. по проекту архитектора Л. Руска на Петербургской стороне, ограниченный Большой Невкой, Карповкой и Большой Вульфовой улицей.

3. Махов Алексей Андреевич — офицер корпуса инженеров, шурин В. А. Половцова, женатый на его сестре Наталье.

4. Шульц, Мокрицкий, Татаринов — младшие офицеры корпуса инженеров, сослуживцы А. В. Половцова. Посещение их мемуаристом с уговорами «сопутствовать» состоялось, разумеется, накануне, 12-го июля.

5. Караул Гвардейского Павловского полка под командованием капитана В. П. Польмана окружал место совершения «экзекуции», а затем сопровождал приговоренных к повешению. О командах от гвардейской кавалерии и артиллерии, назначенных Николаем I участвовать в обряде казни, свидетели не сообщают, поэтому трудно установить общее количество войск, присутствовавших при казни.

6. Между 3-мя и 4-мя часами утра закончилась процедура гражданской казни, и на Кронверк были выведены приговоренные к смерти.

7. Детали обряда казни В. А. Половцов передает точно, таким образом, его присутствие на Кронверке в момент казни не подлежит сомнению.

8. По свидетельству протоиерея П. Н. Мысловского, лютеранин Пестель попросил у него благословения перед смертью (Из записной книжки протоиерея Мысловского // Русский архив. 1905. Кн. 3. Вып. 9. С. 133).

9. Это свидетельство подтверждается большинством очевидцев (см.: Рассказ самовидца о казни, совершенной в Петербурге 1826 года 13 июля // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 270–272). Хотя есть и версия, что сорвался не Рылеев, а Бестужев-Рюмин (см.: Рассказ полицейского // Там же. С. 260–266; *Шницлер И. Г.* Рассказ // Там же. С. 268), но она неосновательна. Много путаницы внесли те из свидетелей, кто наблюдал процедуру казни с лодок или с берега Малой Невы, через подзорную трубу и т. п. Всеподданнейшее донесение П. В. Голенищева-Кутузова Николаю I о совершении казни, где перечислены сорвавшиеся, также свидетельствует о точности сообщения Половцова (Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 181). Оно подтверждается и рассказом начальника Кронверка Петропавловской крепости В. И. Беркопфа (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 254–256). Правда, в отличие от синхронной записи Половцова, почти все другие описания представляют собой устные рассказы, зафиксированные историками в 1850–1860-х гг.

10. По другим свидетельствам, заминка с повторным повешением составила около получаса, т. к. новые веревки нашли не сразу.

11. Нимейер Август — немецкий писатель моралистического толка.

12. Признание мемуариста, что зрелище казни, продолжавшейся более часа, не произвело на него ожидаемого эффекта, можно объяснить не столько черствостью автора, сколько тем, что он наблюдал за происходящим все же с некоторого расстояния. Между ним, стоявшим в числе зрителей, допущенных на кронверк Петропавловской крепости, и казнимыми находилась, во-первых, группа непосредственных исполнителей (палачи, конвой из полицейских чинов), во-вторых, шеренга солдат караула. Те, кто находился рядом с мучительно умиравшими людьми, фиксировал подробности их агонии, испытали подлинное потрясение. Полицейский, конвоировавший Рылеева, передает слух о болезни и смерти архитектора Х. И. Гернея и полицмейстера Посникова, участвовавших в постройке виселицы и потом тяжело переживавших события 13 июля (Со слов присутствовавшего по службе при казни // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 259). Н. В. Путята, вспоминая о казни десятилетия спустя, признается: «Несколько ночей сряду я не мог спокойно заснуть. Лишь только глаза мои смыкались, мне представлялась виселица и срывающиеся с нее жертвы» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 269).

Подготовка текста и комментарии Т. Н. Жуковской

КОРОНАЦИЯ

Высочайше утвержденный церемониал торжественного вшествия в Первопрестольный град Москву и Священнейшего коронования Его Императорского Величества государя императора Николая Павловича, самодержца Всероссийского (фрагмент)

При благополучном прибытии Его Императорского Величества в Петровский дворец[1] для встретения находиться будет в облачении Придворное духовенство со крестом и Священною водою.

Во время Высочайшего пребывания в Петровском дворце имеет приезд туда токмо тем особам, кои по должности или особому повелению обязаны там находиться.

В назначенный по повелению Его Императорского Величества день, для торжественного въезда в Москву. По данному сигналу девятью выстрелами из нарочито поставленных противу Чудова монастыря пушек начнется благовест[2] от большого Успенского собора, и все войска построятся по назначенным местам; в то же самое время соберутся все те особы и чиновники, кои назначены по церемониалу ниже сего.

Заблаговременно до выезда Его Императорского Величества из Петровского дворца устроится от оного весь церемониальный кортеж к торжественному въезду государя императора в Первопрестольный град Москву; и как скоро Его Императорское Величество изволит въехать в столицу, то произведена будет пальба 71-м выстрелом из пушек.

Шествие же имеет быть следующим порядком:

1.

Сводного гвардейского кирасирского[3] полка 3-й дивизион.

2.

Знатное дворянство верхами по два в ряд, в губернских мундирах.

3.

Штаб-квартирмейстер или камер-фурьер[4] верхом, за ним 60 придворных лакеев, 6 камер-лакеев и 6 скороходов[5]; все по два в ряд в парадной ливрее.

4.

Открытая дворцовая коляска, в которой сидеть будут два придворных церемониймейстера[6] с их знаками.

5.

Обер-церемониймейстер[7] тоже в коляске.

6.

Камер-юнкеры[8] верхами.

7.

Камергеры верхами[9].

8.

Вторые чины Двора, а за ними высшие придворные чины в четвероместных каретах.

9.

Члены Государственного Совета, тоже в четвероместных каретах.

10.

Два гофмаршала[10] в открытой коляске с жезлами.

11.

Сводного гвардейского кирасирского полка 2-й дивизион.

12.

Его Императорское Величество верхом, имея подле себя Их Императорских Высочеств государей великих князей; за Его Величеством, Их Королевские Высочества принц Карл Прусский[11] и герцог Александр Виртембергский[12]; за ними шталмейстер[13] управляющий придворною конюшенною частью, генерал- и флигель-адъютанты и вся Свита.

13.

Ее Императорское Величество государыня императрица Мария Федоровна в карете под короною[14], у каждой лошади по конюшенному служителю; подле кареты обер-шталмейстер[15]; на ремнях 4 пажа[16]; по сторонам идут два камер-гусара и два камер-козака в парадном одеянии; позади кареты шесть камер-пажей верхами.

14.

Ее Императорское Величество государыня императрица Александра Федоровна в карете, заложенной восемью лошадьми; у каждой лошади по конюшенному служителю; подле кареты шталмейстер граф Моден[17]; на ремнях четыре пажа; по сторонам идут два камер-гусара и два камер-козака в парадном одеянии; позади кареты шесть камер-пажей верхами.

15.

Ее Императорское Высочество государыня великая княгиня Елена Павловна[18]

в карете, заложенной цугом; у кареты Двора Ее Высочества шталмейстер; на ремнях два пажа; по сторонам идут четыре придворных лакея; позади кареты два камер-пажа верхами.

16.

Сводного гвардейского кирасирского полка 1-й дивизион.

17.

Придворная карета цугом[19], в которой будут сидеть Ее Светлость принцесса Виртембергская Мария и гофмейстерина[20] Их Императорских Величеств.

18.

Дворцовые экипажи, в коих сидеть будут штатс-дамы[21], камер-фрейлины[22] и фрейлины[23].

19.

Замыкает гвардейский гусарский[24] дивизион.

Публикуется впервые по: РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 131 (Камер-фурьерский журнал 1826 г.). Типографский текст под названием «Церемониал священнейшего коронования государя императора Николая Павловича» (Л. 422–430).

Фрагмент взят из его первой части, посвященной «торжественному вшествию в Первопрестольный град Москву». Его сухой текст с перечислением порядка шествия и должностей лиц в процессии дополняется публикуемым ниже фрагментом камер-фурьерского журнала* .

Подавив восстания декабристов-заговорщиков в Петербурге и на юге Украины, Николай I, по выражению историка Ричарда Уортмана, «приступил к процессу церемониального утверждения своей власти». Его династическим сценарием был «героический триумф победы добра и нравственности, воплощенных в императорской фамилии, над разрушительными силами зла» (*Уортман Р. С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. С. 355).

Между восшествием на престол и коронацией Николай I устроил два больших церемониальных представления. Были проведены мемориальные церемонии в связи с кончиной Александра I. Кроме того, обнародован манифест с приговором декабристам и проведена церемония действительной и политической казни (Там же. С. 357).

Мемориальные мероприятия были режиссированы так, чтобы напомнить об Александре как победителе Наполеона. Двух лошадей, которые были с Александром в Париже, вели перед традиционным «черным рыцарем» (Там же. С. 359).

---

* В данном разделе «Коронация» примечания составителя и комментатора в большей степени носят историко-бытовой характер, поскольку здесь представлены реалии, требующие иного типа комментирования — *сост.*

Похороны прошли в традициях прошлых царствований. Последний раз по этому церемониалу пройдут похороны Марии Федоровны в 1828 г.

Коронация Николая подчеркивала исторические корни Российской монархии, преемственность и традиции. Церемония коронации, так долго откладывавшаяся, назначена была на 22-е августа 1826 г. манифестом от 2 августа 1826 г. «О совершении священного коронования Его Императорского Величества и о дарованных по сему случаю милостях и облегчениях разным состояниям». Милостей было не столь уж много. Пожизненная каторга осужденным декабристам была заменена на 20 лет. Среди других милостей объявлялось, в частности, «военным людям, крестьянам и прочим обывателям, кроме евреев, отлучившимся за границу, прощение в течение года» (ПСЗ II. Т. 1. № 440. С. 891).

О коронации герольды возвестили всей Москве. Описания коронации оставили П. Свиньин (*Свиньин П.* Историческое описание Священного коронования и Миропомазания их императорских величеств государя императора Николая Павловича и государыни императрицы Александры Федоровны // Отечественные записки. 1827. № 31. С. 26–44) и многие другие современники, в том числе иностранные дипломаты.

К предстоящей коронации прибыли чрезвычайные представители иностранных держав. Ранее прочих, в мае 1826 г., приехал в Петербург чрезвычайный посол Карла X, маршал Мармон, герцог Рагузский, в сопровождении большой военной свиты (*Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. М., 1997. Кн. 2. С. 5).

Представителем Пруссии был брат императрицы Карл Прусский, Австрии — принц Гессен-Гомбургский, Англии — герцог Девонширский, Швеции и Норвегии — фельдмаршал граф Стединг (Штединг). Присутствовал также представитель папы, чрезвычайный посол монсиньер Бернетти, и представитель сардинского короля, маркиз де-Бриньоне-Сал (Там же. С. 367).

Церемония коронации сначала была отложена в связи с кончиной императрицы Елизаветы Алексеевны и трауром; затем из-за болезни Александры Федоровны коронование было отодвинуто к концу поста и назначено на 22 августа 1826 г. Для укрепления здоровья Елизаветы Алексеевны императорская чета поселилась в имении Нескучном, на даче графини А. А. Орловой-Чесменской. На Ходынском поле были собраны сводные войска гвардейского и гренадерского корпусов, Николай I, развлекая иностранных гостей, производил частые смотры и учения (Там же. С. 6).

Незадолго до отъезда на коронацию, на 14 июля 1826 г., был назначен «День принесения Всевышнему благодарения в воспоминание происшествия 14-го декабря 1825-го года и совершенного окончания дела о злоумышленниках». «Искупительное богослужение за успокоение душ тех, которые погибли в день 14-го декабря, и молебствие, чтобы возблагодарить Провидение» состоялись на Сенатской площади, в Москве и во всей России (Там же. С. 461).

16 июля 1826 г. в 8 часов утра состоялся отъезд Николая Павловича и Александры Федоровны из Царского Села в Москву. Как свидетельствует камер-фурьерский журнал, их сопровождали брат императрицы принц Карл Прусский с его генералом графом Ностиц, а также другие лица в разных экипажах. Камер-

фрейлина графиня Орлова-Чесменская отправилась в путь в «ландыуне» [ландо — большая четырехместная карета с откидным на две стороны верхом, получившая свое название от немецкого города Ландау — *сост.*], две фрейлины, графиня Моден [Софья (Софи) Гавриловна Моден (1804–1884) — дочь французского эмигранта, обер-гофмейстера Ф. Модена] и Глазенап, в карете; в колясках находились начальник Главного штаба барон И. И. Дибич, А. Н. Голицын в коляске, обер-шталмейстер граф Моден в коляске, князь Долгоруков, лейб-медик Виллие, полковник Соломка тоже. Далее камер-фурьерский журнал сообщает: «По прибытии в 50 минут 11-го часа на станцию Померанье в доме в гостинице изволили иметь фрыштик, а свита — в соседней комнате» (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 131 (Камер-фурьерский журнал 1826 г.). Л. 588).

Приезд Николая I в Петровский дворец на окраине Москвы различные источники датируют с разнобоем в три дня: а) 1826, 19 июля; б) 20 июля (*Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. Кн. 2. С. 5). Камер-фурьерский журнал указывает на дату 21 июля, когда кортеж со станции Черная Грязь направился в Петровский дворец (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 131. Л. 668 об.).

23 июля «государь император указать соизволил быть торжественному выезду в Москву 25-го сего июля пополудни в 4 часа, для чего все придворные обоего пола... съезжаться в 3 часу пополудни в Петровский дворец и быть дамам в русском платье, а кавалерам в праздничных кафтанах. За подписанием камер-фурьера Бабкина» (Там же. Л. 617 об.). Из послужного списка камер-фурьера VI класса, а после гоф-штаб-квартирмейстера Даниила Бабкина видно, что он начал службу истопником 24 июня 1790 г., назначен гоф-фурьером 3 марта 1800 г., камер-фурьером — 1ноября 1816 г. Поскольку он был личным и доверенным слугой покойного государя, то «за труды, понесенные при перевезении из Таганрога тела в Бозе почившего императора Александра I», был награжден перстнем 2 мая 1826 г. Вскоре ему было пожаловано 30 000 рублей на покупку дома. Он вышел в отставку только в 1851 г., прослужив при Дворе 61 год (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. Д. 1222б. Л. 1).

«25-го июля пополудни в 4 часа был торжественный въезд Николая Павловича в Москву в сопровождении двух императриц и наследника Александра Николаевича». Н. К. Шильдер ошибочно датирует этот момент 24 июля (*Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. Кн. 2. С. 5).

В Москве император направился в Чудов монастырь (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 131. Л. 328 об.). При входе Николая в Кремлевский дворец ему салютовали 101 выстрелом. Весь день продолжался колокольный звон, к вечеру весь город был иллюминирован (Там же. Л. 424).

С 25 июля до конца сентября императорская семья находилась в Москве. Среди важнейших событий того времени была встреча Николая I с опальным поэтом А. С. Пушкиным 8 сентября. Новость о его прощении стала настоящей сенсацией.

Празднества в Москве закончились 23 сентября фейерверком, заключительный букет которого состоял из 140 тысяч ракет и сопровождался грохотом 100 пушек. Среди декораций были триумфальные врата с надписью: «Успокоителю Отчества Николаю Первому» (*Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. Кн. 2. С. 15).

Император Николай I возвратился из Москвы в Царское Село 5 октября и на

другой день прибыл в Санкт-Петербург, который на протяжении трех дней был иллюминирован.

Коронация была чрезвычайно важна для Николая I как презентация собственной концепции высшей власти. По замечанию историка Ричарда С. Уортмана, она «послужила его задаче освятить новшества традиционными ритуалами и символами Российской империи. Новшества, введенные при коронации Николая I, были действительно значительными. Хотя сами церемонии и празднества остались неизменными, способ их исполнения и ассоциации, вложенные в них церемониальными текстами, придавали событию новый смысл. Это была первая «национальная коронация», которая должна была выразить отличительные исторические традиции русского народа» (*Уортман Р. С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. С. 369).

Николай Павлович придавал большое значение этикетно-церемониальной составляющей всех событий. Он, несомненно, изучил состоявшиеся за последние два года коронации Георга IV в Англии и Карла X во Франции. Еще более важным для российского императора было обращение к церемониалам предшествующих коронаций. Об этом свидетельствуют его «Заметки по поводу отдельных пунктов церемониала коронации в Москве» от 9 марта 1826 г. (ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 11).

Троекратный поклон на Красном крыльце собравшемуся народу 22 августа стал последующей традицией во время коронования. Но Николай Павлович это сделал впервые. Это действие было призвано продемонстрировать связь династии с народом. Активное включение народа в различные официальные церемонии, в том числе связанные с жизнью императорской семьи, стали характерной чертой николаевского царствования.

Приведенные архивные документы дополняются различными публикациями в периодических изданиях — в «Отечественных записках» П. П. Свиньина, «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского, газете Ф. Булгарина «Северная пчела». Коронация нашла отражение в мемуарах, дневниках, письмах современников, в публицистике. Особенно подробно описал церемонию дипломат и литератор, любитель русской старины Павел Петрович Свиньин (1787–1839), который с 1818 г. по 1830 г. издавал и редактировал журнал «Отечественные записки». Подробнее о нем см. в публикации: *Свиньин П. П.* Американские дневники и письма (1811–1813). М., 2005.

Несколько строк о коронации есть и в воспоминаниях великой княжны Ольги Николаевны, которая, как она пишет, «была слишком еще мала для того, чтобы присутствовать на коронации родителей в соборе, и могла видеть только блеск пышного торжества в Грановитой палате, где Их Величества сидели на тронах, в то время как остальные гости и члены дипломатического корпуса стояли и, принося свои поздравления, пятились с бокалами шампанского в руках» (Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 179). Великая княжна Ольга Николаевна верно подметила особенность приглашения иностранцев на банкет по случаю коронования. Французский писатель Ф. Ансело писал: «Вскоре император спросил пить, и тогда заиграл оркестр, помещавщийся в углу зала; но я уже не мог расслышать этой музыки, ибо она была сигналом к отбытию дипломатического корпуса и иностранцев, которые должны были покинуть зал, где лишь высшие

сановники и священники остались разделить царскую трапезу» (*Ансело Ф.* Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронования Его Императорского Величества. М., 2001. С. 143).

О коронации оставили свои впечатления многие иностранные наблюдатели, присутствовавшие на церемонии, в частности, упоминавшийся французский писатель Франсуа Ансело. В примечаниях к его очеркам в виде путевых писем даны фрагменты воспоминаний маршала Мармона (герцога Рагузского), возглавлявшего французскую делегацию. За рубежом в 1828 г. был издан иллюстративный альбом о коронации с кратким текстом на французском языке.

См.: *Ансело Ф.* Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронования Его Императорского Величества; [*Блудов Д. Н.*] Два письма гр. Д. Н. Блудова к супруге его (1826 г.) // Русский архив. 1867. № 5. Стб. 1006–1047; *Булгаков А. Я.* Дневник: РГАЛИ. Ф. 79. Д. 4; *Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. 1–3 // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 7–394; Т. 9. С. 9–275; *Зубарев Д.* О дне священнейшего коронования государя императора Николая Павловича и государыни императрицы Александры Федоровны // Вестник Европы. 1826. № 23/24; *Окулов Г. А.* Чувства русского в день священнейшего коронования Его Императорского Величества Николая Павловича. СПб., 1826; Речь Его Императорскому Величеству государю императору Николаю Павловичу, самодержцу Всероссийскому, пред Высочайшим вступлением в Успенский собор, для священнейшего коронования и миропомазания, говоренная Святейшего Правительствующего Синода членом Филаретом, архиепископом Московским. Августа 22 дня 1826 года. М., 1826; [*Свиньин П. П.*] Историческое описание Священного коронования и Миропомазания Их Императорских Величеств государя императора Николая Павловича и государыни императрицы Александры Федоровны, августа в 22 день и всех предшествовавших и последовавших за оным торжествах и увеселений в Москве, 1826 года // Отечественные записки. 1827. Ч. 31. № 87 (июль). С. 25–59; № 88 (август). С. 169–211; № 89 (сентябрь). С. 369–396; Ч. 32. № 90 (октябрь). С. 23–52; № 91 (ноябрь). С. 199–229; № 92 (декабрь). С. 347–384. См. также приложение: 1828.Ч. 33. № 95 (март). С. 581–583; Ч. 35. № 99 (июль). С. 128–144 (в конце статьи инициалы П. С.). Рукописный текст очерка П. П. Свиньина на французском языке хранится в Архиве СПб ИИ РАН. К. 115. Д. 338 (текст на фр. яз., 78 л.); [*Фелькнер А. И.*] Из воспоминаний бывшего гвардейского сапера // Русский вестник. 1867. Т. 72. № 12. С. 327–358. О церковном обряде см.: Чин действия, каким образом совершилось Священнейшее коронование Его Императорского Величества государя императора Николая Павловича самодержца всероссийского по церковному чинопомазанию. Пер. на эллинский язык Дмитрий Пападопуло Византийский. СПб., 1827.

1. Петровский дворец — путевой дворец Екатерины II, построенный по проекту архитектора М. Ф. Казакова в 1776–1796 гг.

2. Благовест — звон в один (средний) колокол для извещения о службе церкви и звон во время службы.

3. Кирасиры — вид тяжелой кавалерии, носившей кирасы (металлические латы, надевавшиеся на спину и грудь). Кирасирские полки были созданы по инициативе Х. А. Мини-

ха (1731). При Павле I количество кирасирских полков возросло до 16. К этому же типу конницы относились Кавалергардский и Конногвардейский полки. В 1925 г. было 4 гвардейских и 9 армейских кирасирских полков.

4. Камер-фурьер (от *лат.* camera, *нем.* Kammer (комната, палата) и фурьер (от *франц.* fourrier и *лат.* Fodrum — корм) — чин VI класса при Высочайшем дворе, придворный чин, заведовавший хозяйством Двора.

5. Камер-лакеям, скороходам и другим придворным служителям выдавались дополнительные деньги «на построение кафтанов». Еще при Елизавете Петровне за основу придворного платья придворнослужителей взяли российский военный мундир — кафтан и штаны зеленого сукна, камзол — алого. Знаком отличия стал цвет обшлага, которые у лакеев и скороходов были красными.

6. Церемониймейстер — придворный чин V класса. От церемония (*лат.* cerimonia, caerimonia — благоговение, почтение) — внешние формы, соблюдаемые в торжествах.

7. Обер-церемониймейстер — придворный чин; с 1743 г. — IVкласса, с конца XVIII в. — III класса.

8. Камер-юнкер (от *лат.* camera, *нем.* Kammer — комната, палата; *нем.* Junker — молодой дворянин; воинское звание для унтер-офицеров из дворян) — первоначально придворный чин IX класса, с 1737 г. — VI, с 1742 г. — V класса; после 1809 г. — младшее придворное звание для лиц, имевших чин IV–IX классов, а с 1850 г. — V–VIII классов.

9. Чин камергера (от *нем.* Kammerherr — букв. «комнатный господин») появился в России еще при Петре I. Особым знаком камергеров был «всемилостивейше жалуемый им ключ». Официально образец камергерского ключа был установлен только в 1834 г. Камергеры носили ключ на голубой ленте у левого карманного клапана мундира, а обер-камергеры — у правого карманного клапана, на золотых кистях. Обер-камергерам полагался ключ, «осыпанный бриллиантами».

10. Гофмаршал (*нем.* Hof — двор; *франц.* maréchal — маршал) — придворный чин III класса. Обер-гофмаршал (придворный чин II класса) ведал всем хозяйством Двора и придворными служителями. Гофмаршальская часть ведала довольствием императорского двора, хозяйством дворцов и организацией разного рода празднеств и церемоний. В XIX в. она являлась наиболее важной частью придворного ведомства. Одной из важных обязанностей Гофмаршальской части было содержание обеденного стола императорской семьи.

11. Карл Фридрих Александр, принц Прусский (1801–1883) — третий сын короля Фридриха-Вильгельма III, женат на Марии Луизе, принцессе Саксен-Веймарской (1808–1877) — внучке императора Павла I; брат императрицы Александры Федоровны.

12. Вюртембергский (Виртембергский; Виртенбергский) Александр Фридрих (1771–1833) — герцог, на русской службе с 1800 г. в чине генерала от кавалерии (1800); главноуправляющий ведомством путей сообщения и публичных зданий (1822–1833), младший брат императрицы Марии Федоровны; дядя Евгения Вюртембергского. В связи с встречающейся в литературе различной транскрипцией его титула и названия государства, следует пояснить, что до 1803 г. это государство называлось Wirtemberg (Виртемберг или Виртенберг), а позднее — Wurttemberg (в русской традиции с одной буквой «т» — Вюртемберг). В декабре 1805 г. курфюршество стало королевством Вюртемберг. См.: Новый энциклопедический словарь / Под ред. К. К. Арсеньева. СПб., б. д. Т. 12. Стб. 233. Ниже его титулуют «Его королевское высочество».

13. Шталмейстер (от *нем.* Stallmeister — начальник конюшни) — придворный чин III класса.

14. В Придворно-конюшенном музее были представлены 2-х и 4-х местные кареты, изготовленные в 1762–1853 гг. и неоднократно использовавшиеся при последующих коронациях. Карета 4-хместная, куплена у каретного мастера Букиндаля в Лондоне в 1762 г. для императрицы Екатерины II // Придворно-конюшенный музей. СПб., 1891. № 25; Карета 4-хместная, подарена генерал-фельдцейхмейстером Графом Орловым в 1765 году императрице Екатерине II // Там же. № 8. Во время коронационных торжеств Николая I участвовали три кареты Екатерины II. В одной из них — двухместной карете мастера Букиндаля 1762 г., въезжала в Москву вдовствующая императрица Мария Федо-

ровна во время коронации Николая Павловича в 1826 году. Карета 2-хместная, куплена у каретного мастера Букиндаля в Лондоне в 1762 г. для императрицы Екатерины II // Там же. № 26. Служила в 1826 г. для торжественного въезда в Москву императрицы Марии Федоровны. Карета 4-хместная, принята от капитана Ефима Звягинцева в 1797 году по приказанию Павла I. Она была возобновлена в Придворно-экипажном заведении и служила при торжественных въездах в Москву в 1826 и 1856 годах по случаю Священного коронования Николая I и Александра II. На филенках этой кареты — живопись художника Буше. Карета 4-хместная, принята от капитана Ефима Звягинцева в 1797 г. по приказанию Павла I // Там же. № 7.

15. Обер-шталмейстер — придворный чин II класса; он возглавлял придворную конюшенную часть.

16. Паж и камер-паж (*франц.* page) — придворное звание для юношей, обучавшихся в Пажеском корпусе. В средние века пажами назывались сыновья дворян, состоявшие для услуг при рыцарях и владетельных князьях. Известно, что когда Петр I объявил 6 марта 1711 г. Екатерину своею супругою, он учредил для цариц и царевен особый придворный штат, в который вошли и пажи. В Табели о рангах 1722 г. упоминался гофмейстер пажей XIV класса, ранг самих пажей был еще ниже. Камер-паж — придворное звание для юношей, обучавшихся в старших классах Пажеского корпуса. Обычно пажи воспитывались в Пажеском Двора Ее императорского Величества корпусе, основанном при императрице Елизавете Петровне 28 октября 1759 года. В XVIII в. в пажи определяли по знакомству и связям. Пажи по очереди прислуживали во время обеда императорской семьи, затем возвращались в корпус. По придворному штату Павла I 30 декабря 1796 г. в ведении обер-камергера находилось 12 камер-пажей и 48 пажей, которые в придворный штат не включались. С производством в офицеры пажи теряли свое звание. В XVIII в. в пажи устраивали по знакомству их родителей с императорской семьей. Статус пажей резко изменился в царствование Александра I. 10 октября 1802 г. Пажеский корпус был преобразован в среднее привилегированное военно-учебное заведение. Пажами могли быть сыновья и внуки сановников первых трех классов. Во время императорских обедов прислуживать за столом стали официанты. Пажи стали выполнять мелкие поручения своих дам. Они свысока относились к лакеям, с которыми конфликтовали из-за дележа фруктов и сладостей, остающихся после обеда. 24 февраля 1827 г. был объявлен новый штат Пажеского корпуса (16 камер-пажей, 134 пажа и 15 экстернов), а через два года, в 1829 г., изданы новые правила о порядке выбора в пажи и определения в корпус.

17. Моден Гавриил Францевич (Реймонд-Моден) (1774–1833) — французский эмигрант, граф, обер-гофмейстер при дворе великого князя Николая Павловича после К. А. Нарышкина; 25 декабря 1825 г. ему повелено быть в должности гофмейстера императрицы Александры Федоровны.

18. Елена Павловна (урожденная Фредерика-Шарлотта-Мария, принцесса Вюртембергская, 1806/1807–1873) — супруга (со 2 февраля 1824) великого князя Михаила Павловича; дочь Павла-Карла-Фридриха-Августа Вюртембергского и Екатерины-Шарлотты, урожденной принцессы Саксен-Альтенбургской.

19. Цуг — особого рода запряжка: одна пара лошадей, впереди другая, за ней еще третья. Зимний выезд на карете в две пары лошадей и с форейтором в начале XIX в. изображен на гравюре Г.-Л. Лори «Большой театр» с картины И.-Г. Майера. См.: *Комелова Г.* Сцены русской народной жизни конца XVIII — начала XIX веков по гравюрам из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1961. № 32.

20. Гофмейстерина — придворная должность для дам. Старшим званием (не чином) среди дам в одном из объяснительных к ней пунктов по «Табелю о рангах» было звание обер-гофмейстерины. О ней говорилось, что она «имеет ранг над всеми дамами». Звание обер-гофмейстерина и гофмейстерина обычно принадлежали дамам, занимавшим одноименные должности, заведовавшим придворным дамским штатом и канцеляриями императриц и великих княгинь.

21. Статс- (от *нем.* Staat — государство) — начальная часть наименований гражданских и придворных чинов и званий, означающих государственный или штатский (гражданский). Статс-дама — придворное звание для замужних дам.

22. Камер-фрейлина — (от *лат.* camera, *нем.* Kammer — комната, палата; и *нем.* Fräulein — незамужняя женщина, барышня) — старшее придворное звание для девиц.

23. Фрейлина — младшее придворное звание для девиц, обязанности которых заключались, прежде всего, в дежурствах при императрице. После включения в штат фрейлины получали шифр — бриллиантовый вензель, дававшийся фрейлинам императрицы. При Николае I у императрицы Александры Федоровны обычно было 12 штатных фрейлин.

24. Гусары (*венг.*) — вид легкой кавалерии, появившейся в Венгрии в XV в. и распространившейся в Европе с XVII в., в России — с 1634 г. В начале Отечественной войны 1812 г. имелось 12 гусарских полков. До середины XIX в. гусары были легкой конницей, вооруженной саблями, пиками, карабинами и пистолетами. Отличались от других видов кавалерии только формой одежды.

Подготовка текста и комментарии Л. В. Выскочкова

Фрагменты церемониала священнейшего коронования государя императора Николая Павловича [22 августа 1826 г.]

О[б] убранстве Успенского собора

В Соборной Успенской церкви, где совершаемо будет священное коронование и миропомазание Его Императорского Величества, повешен будет балдахин, обитый кармазинным бархатом, украшенный золотым позументом, бахромою, шнурами и кистями; в плафоне балдахина вышит будет Российской империи герб, а вокруг оного гербы: Киевский, Владимирский, Казанский, Астраханский, Сибирский и Таврический; подзоры того балдахина, как снаружи, так и внутри, вышиты будут золотом и обложены золотым позументом, а по сторонам снаружи на оных изображено будет Его Императорского Величества вензелевое имя; под балдахином поставится трон о двенадцати ступенях, между которыми оставлены будут два уступа.

Вокруг трона и по обеим сторонам ступеней до самого низа сделаются балюстрады. Трон вокруг и ступени обиты будут кармазинным же бархатом с золотым позументом.

На троне, для постановления кресел Его Императорского Величества, построится особое возвышенное место, украшенное так же, как и прочее.

По правую сторону императорских кресел поставлены будут креслы для Ее Императорского Величества на таковом же устроенном возвышении.

На левой стороне поставится стол для императорских регалий, покрытый золотою парчою с бахромами.

Пол в церкви, ступени перед алтарем и скамьи для духовных особ обиты будут красным сукном.

Обыкновенное императорское место обито будет кармазинным бархатом с золотым позументом, а внутри по стенам золотою парчою с вышитыми двуглавыми орлами, а по концам обовьется золотою бахромою. На правой стороне трона между

оным и императорским местом для государыни императрицы Марии Федоровны устроено будет особое императорское место под балдахином.

Для Высочайшей Императорской Фамилии сделаны будут особые места. В некотором отдалении от оных еще несколько почетных мест.

Вокруг стен в церкви будут сделаны галереи для иностранных министров, придворных дам, девиц и прочих знатных обоего пола особ.

Для певчих на обоих крылосах тож особые места, кои обобьются красным сукном.

Для процессии построены будут помосты от Красного Крыльца, мимо Архангельского собора, на Ивановскую площадь, и по оной кругом Ивановской колокольни и Чудова монастыря к Синодальному дому, до Северных дверей Успенского собора, и от Южных дверей оного до Красного Крыльца.

Для зрителей разного звания построятся места по сторонам Ивановской колокольни, кои украшены будут во время шествия разными материями, а прочее обито будет красным сукном.

Балдахин, который понесется над Их Императорскими Величествами, обит будет снаружи серебряною, а внутри золотою парчою с золотым позументом, бахромою, шнурами и шестнадцатью большими кистями, на шестнадцати серебряных штангах, украшенных гербами и вензелями имени Его Императорского Величества.

О[б] убранстве Грановитой палаты

Столб, поддерживающий в средине своды оной Палаты, украшен будет вызолоченною резьбою и живописью, а зал обит малиновым бархатом и обложен золотым позументом.

Между окон на всех простенках будут сделаны гербы и вензелевые имена под коронами из золотого глазета, а над окнами живописные гербы всех Российских губерний.

Пол устлан будет алым сукном, а вокруг столба поставлены будут древние императорские золотые и серебряные сосуды.

На правой стороне того зала поставлен будет балдахин малинового бархата с золотым позументом, бахромою и кистями; на стене оного балдахина вышит будет государственный герб, а в плафоне — вензель Его Величества.

По обеим сторонам балдахина распростерта будет императорская порфира из золотого глазета с нашитыми орлами, подложенная горностаем, на каждой стороне по две большие кисти, и обложенная золотым позументом. Верх балдахина выложится золотым позументом и на нем поставлен будет вышитый золотом империалис, обложенный позументом, а над ним на подушке — императорская корона.

Под балдахином будет трон со ступенями, обшитый бархатом и позументом, где поставятся для Его Величества кресла и стол; по правую руку, кресла для Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны, а по левую — для государыни императрицы Александры Федоровны.

По двум углам поставятся на пьедесталах древние вазы.

К обеденному столу в некотором расстоянии поставятся столы для Особ, коих повелено будет пригласить.

По левую сторону дверей построен будет оркестр для музыкантов, обитый малиновым же бархатом с позументом.

Стол для напитков поставлен будет по правую сторону дверей и убран серебряною посудою.

От Департамента церемониальных дел
Объявление

Особы обоего пола первых трех классов, желающие быть в Успенском соборе в день Священнейшего коронования, благоволят дать о том знать в Департамент церемониальных дел, на Лубянке в доме князя Голицына, не позже 8-го числа сего месяца, с означением чина, имени и отечества, также и места своего жительства.

Билеты на вход в Собор по сему случаю выдаваться будут единственно особам первых трех классов, супругам их и вдовствующим дамам сих классов, и могут служить только для тех, на чье имя будут выданы.

Верховный церемониймейстер граф Потоцкий[1]

Расписание дней празднеств по случаю коронования 1826 года в Москве

1 день:	Августа	22.	Коронование.
2.		23.	Обеденный стол для духовенства и первых двух классов обоего пола особ.
3.		24.	Представление 1-е утром: Синод, Совет, Сенат и чужестранные министры. Вечером: дамы в 7 часов.
4.		25.	Отдых.
5.		26.	Представление 2-е. Военные, придворные, чины первых четырех классов, предводители губернские дворянства, головы купечества губернских городов и особы, имеющие приезд ко Двору.
6.		27.	Поутру представление у Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны; вечером бал в Грановитой палате.
7.		28.	
8.		29.	
9.		30.	Отдых.
10.		31.	
11.	Сентября	1.	Маскерад в театре.
12.		2.	Отдых.

13. 3. Обед от купечества.
14. 4.
15. 5. Отдых.
16. 6. Бал в Благородном Собрании от дворянства.
17. 7. Отдых.
18. 8. Бал у герцога Рагузского[2].
19. 9. Отдых.
20. 10. Бал у герцога Девонширского[3].
21. 11. Отдых.
22. 12. Бал у князя Юсупова[4].
23. 13. Столы и увеселение для народа.
24. 14.
25. 15. Отдых.
26. 16. Бал у графини Орловой-Чесменской[5].
27. 17. Фейерверк.

Три первые дня праздников освещение кремлевских стен вместе с садом, оные окружающим.

Верховный церемониймейстер граф Потоцкий

Публикуется по: РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 131. Л. 105–116. Также: Церемония священного коронования государя императора Николая Павловича. СПб.: Тип. Главного Штаба, 1826. 17 с. После 1826 г. документ не публиковался.

Описание официально предписанного традиционного убранства Успенского собора и Грановитой палаты дополняет воспоминания современников.

Представляет интерес и программа сентябрьских празднеств, которая открывалась маскарадом в Большом театре на Петровке, построенном незадолго до этого. Обширная зала театра была освещена тысячей свечей. Писатель Ф. Ансело отмечал: «Знаки почтения, каких требует обычно присутствие императора и великих князей, были запрещены. Женщинам полагалось явиться в национальном костюме, и лишь немногие ослушались этого предписания» (*Ансело Ф.* Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронования Его Императорского Величества. М., 2001. С. 151). Танцевали исключительно полонезы. В заключение был сервирован ужин, восхитивший Ф. Ансело: «Вскоре те, кто имел пригласительный билет на ужин, прошли в соседние залы, где столы, уставленные цветами, фруктами и разнообразными блюдами, радовали глаз и обоняние, предлагая гурманам труфеля Перигора [область на юге Франции, славящаяся черными земляными грибами], птицу Фасиса [древнегреческое название рек Риони в Грузии, откуда, по преданию, Аргонавты привезли фазана], стерлядь Волги, вина Франции и ликеры Нового света» (Там же. С. 152).

Обед от купечества происходил 3 сентября в Манеже напротив Кремля (см. об этом ниже). Особый интерес у публики вызвали балы у французского и английского послов. Между французской и английской делегациями происходило негласное, но явное соперничество, которое достигло кульминации во время торжественных балов. Балы у французского и английского чрезвычайных послов опи-

саны А. Я. Булгаковым и французским писателем, сопровождавшим посольство Ф. Ансело. Бал у французского посла проходил 8 сентября в доме покойного князя Александра Борисовича Куракина в Старой Басманной. Рядом с танцевальным залом во дворе дома Мармон построил огромную залу для ужина. В отдельном зале помещались музыканты. Лестница была украшена цветами, кругом были лакеи в богатых ливреях. Дамы встречались в первой комнате с посольской свитой, каждой даме подносился букет цветов и затем кавалер провожал и усаживал даму. Николай I прибыл на бал в 9 часов вечера в белом кирасирском мундире; его прибытие возвестили фанфары. Император вошел в сопровождении семьи, после чего начался бал. После полонеза последовали вальс и французские танцы. Во время танцев по всем комнатам разносились конфеты, пирожные и разные напитки. Столы были украшены розами, тюльпанами и другими цветами, искусно сделанными из сахара. По разным данным, от 1700 до 3000 свечей освещали зал. Каждая дама взяла по такому сладкому сувениру домой. В 4 часа был накрыт стол для мужчин, которые в первом ужине почти не участвовали. Император удалился в 3 часа ночи, но бал продолжался до 6–7 часов утра и, как говорили, обошелся хозяину в 100 тысяч рублей. В рукописном дневнике А. Я. Булгаков оставил записи и о бале у английского посла: «Многие сравнивали бал сей с балом французского посла и спрашивали, который был лучше? Решить это мудрено. В обоих было хорошее и были недостатки, но мне кажется, что ежели взять все вместе, то француз перещеголял англичанина» (цит. по: Там же. С. 263). Писатель Ф. Ансело также с удовлетворением отметил победу французов: «Чрезвычайный посол Англии прибыл в Россию с явным намерением затмить французское посольство, на что ему было отпущено четыре миллиона. В этом сражении, однако, наша вечная соперница потерпела поражение, ибо для цели, которую она ставила перед собой, золота было недостаточно: неоспоримое преимущество празднествам, данным г. маршалом, обеспечил хороший вкус, качество гораздо более редкое, чем принято считать» (Там же. С. 155).

Однако оба упомянутых бала затмил бал у князя Н. Б. Юсупова 12 сентября в подмосковном имении Архангельском. Его театр был наполнен столами на 300 с лишним кувертов. На сцене был приготовлен стол для членов императорской фамилии, послов и статс-дам. Впрочем, по своему обыкновению Николай I не садился за стол, а ходил около других столов и разговаривал с дамами. Подробнее см.: Там же. С. 265. Впрочем, А. Я. Булгаков о бале у графини А. А. Орловой-Чесменской также отозвался, как о самом замечательном.

1. Потоцкий Станислав Станиславович (1787–1831) — граф, верховный церемониймейстер во время коронации Николая I, обер-церемониймейстер, сопровождал Николая I во время перехода на корабле из Варны в Одессу в 1828 г. Скончался от холеры.

2. Мармон Огюст Фредерик Луи Вьес де (1774–1852) — герцог Рагузский (1808), маршал Франции (1809), пэр Франции (1814). В 1806–1811 гг. генерал-губернатор Далмации и Иллирийской провинции. Вместе с маршалом Э. Мортье в 1814 г. подписал акт о капитуляции Парижа, затем перешел на сторону Бурбонов. Был членом Высшего военного совета. В дальнейшем во время Июльской революции 1830 г. командовал королевскими войсками и после свержения Карла X вместе с ним бежал из Франции. Автор нескольких книг и мемуаров. Назначение Мармона руководителем французской делегации свидетель-

ствовало о стремлении поднять статус французской делегации и продемонстрировать дружеское отношение Карла X к Николаю I. Лица, входившие в состав чрезвычайного посольства, перечислены в записках Ф. Ансело (*Ансело Ф.* Шесть месяцев в России... С. 155).

3. Герцог Девонширский — глава английской делегации Уильям Спенсер, 6-й герцог Девонширский (1790–1858).

4. Юсупов Николай Борисович (1750–1831) — князь, сенатор (с 1788), действительный тайный советник (1796), член Государственного Совета (с 1823), директор императорских театров (с 1791), управляющий одновременно предприятиями Кабинета Его Императорского Величества, известный коллекционер и владелец усадьбы «Архангельское». Ему довелось играть роль верховного маршала при церемонии коронации Павла I, Александра I и Николая I.

5. Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1783–1848) — графиня, дочь А. Г. Орлова, богатейшая аристократка, не пожелавшая выйти замуж и оставшаяся камер-фрейлиной. (По воспоминаниям современников, бал у нее был не 16, а 17 сентября, на следующий день после празднества на Девичьем поле).

Подготовка текста Т. Г. Смирновой, комментарии Л. В. Выскочкова

Камер-фурьерский журнал Высочайшего двора обеих половин за 22 августа 1826 года

В день высокоторжественного Коронования Его Императорского Величества государя императора Николая Павловича и супруги Его, Ее Императорского Величества государыни императрицы Александры Федоровны, которое происходило в Первопрестольном граде Москве в большом Успенском соборе следующим порядком *[Того дня поутру в 7 часов по сделанному из бастионов Кремлевской крепости сигналу из 21 пушки все в Москве находящиеся Л[ейб]-гвардии и армии полки собрались и построились в параде, как в Кремле на площади Ивановской до Никольских ворот, так и от оных по прикосновенным разным улицам, а Кавалергардского полка[1] эскадрон с трубами и литаврами[2] построены были от Аудиенц-камеры парадными покоями галереею на площади Красного крыльца и от оного до Успенского собора, по обе стороны того пути, по которому Высочайшее шествие в собор быть имело][3].

В силу учиненных повесткою от Высочайшего двора и от Церемониальных дел объявлении, съезжались в Кремлевский Его Императорского Величества дворец, где до начала процессии размещены были следующим порядком *[В Успенский собор вход был по билетам, кои раздаваемы были от Церемониального департамента. Ливрейные служители были во весь день в богатой статс-ливрее[4]].

В нижнем этаже

В Передней

Камер-пажи[5], пажи и их гофмейстер[6].

В Готлисовой комнате

Губернские предводители дворянства, Войска Донского атаман[7],

* В квадратных скобках дополнительно приведены уточняющие записи по «Первой половине» (Марии Федоровны), которые даются в правой половине журнала.

Маршал действительный тайный советник[8] князь Юсупов[9].
Гофмаршалы
Барон Альбедиль[10], Кирилл Александрович Нарышкин[11],
Верховный церемониймейстер[12] гр[аф] Потоцкий[13],
обер-церемониймейстеры[14] и герольды[15].

В верхнем этаже[16] от Парадной лестницы в 1 комнате.

Корпус мануфактурщиков и заводчиков.

От Парадной лестницы во 2 комнате купечество.

В Столовой.

Корпус знатного российского дворянства.

В Аванзале.

Присутственные места. Головы от купечества[17].

А особы дипломатического корпуса собрались в Золотой палате, которые пред Высочайшим выходом препровождаемы были церемониймейстерами[18] в Успенский собор.

Дамы были в русском платье, а кавалеры в праздничных кафтанах.

Члены Святейшего Синода, знатное духовенство собрались в Успенский собор следующие.

Митрополиты[19]
Серафим Новгородский и С.-Петербургский[20],
Евгений Киевский[21].

Архиепископы[22]
Московский Филарет[23],
Тверской и Кашинский Иона,
Ярославский и Ростовский Авраам,
Грузинский Досифей.

Епископы[24]
Рязанский Филарет,
Калужский Григорий,
Смоленский Иосиф,
Владимирский Парфений,
Тульский Дамаскин,
Московской епархии викарий епископ Дмитровский Кирилл.
Их Императорских Величеств протопресвитер[25] Криницкий[26].
Московского Успенского собора протопресвитер Яков Дмитриев.
Его Императорского Величества духовник протоирей Музовский[27].

По собрании в Собор члены Святейшего Синода и знатное духовенство облачились в богатейшие священнейшие одежды[28].

В 8 часов утра начался в Успенском соборе благовест и отправляем был всевышнему преосвященным митрополитом Серафимом с коленопреклонением молебен и прочтены были обыкновенные часы *[в журнале Первой половины говорится: «В 8 часов при Большом Успенском соборе начат благовест, а пред тем по учиненным от 20 числа сего месяца от Двора и Церемониального департамента повесткам имели собрание в соборе Святейшего Синода члены и знатное духовенство, а в покоях Кремлевского дворца собрались по объявлению 20 числа сего

месяца от Департамента Церемониальных дел Совета члены первенствующие, чины Двора и все придворные обоего пола особы, а равномерно и назначенные к служению чины, в разных классах и рангах состоящие, также и обретающиеся при русском императорском дворе гг. чужестранные послы и министры[29], которые до Высочайшего выхода препровождены были церемониймейстерами в собор, дамы в русском платье, а кавалеры в праздничных кафтанах»].

Между тем из Гостиной комнаты императрицы Марии Федоровны принесены были на подушках императорские регалии теми же особами, кои долженствуют нести оные в Успенский собор в препровождении из оной комнаты до Аудиенц-камеры 2 обер-офицеров Кавалергардского полка и того же полка 24 рядовых с их карабинами[30]. Регалии возложены были на столе, поставленном по левую сторону трона, обитом малиновым бархатом[31], и покрыты золотою парчою[32] с таковою же бахромою, а по углам 4 золотыми кистями.

В оное же время к Красному крыльцу вынесены были штаб-офицерами[33] из Грановитой палаты приуготовленные большие и малые балдахины[34]: 1-я на 16 серебряных древках, обитая снаружи серебряною, а внутри золотою парчою с золотым позументом[35], бахромою, шнурами и большими золотыми кистями, украшена гербами и вензелями Имени Его Императорского Величества; а последняя на 12 таковых же древках с серебряными шнурами и таковыми ж большими кистями.

В 25 минут 9 часа утра Их Императорские Величества из внутренних своих апартаментов по внутренней дубовой лестнице имели выход к императрице Марии Федоровне во внутренние ее апартаменты.

Тогда в 25 минут 9 часа *[в журнале Первой половины указано время 35 минут 9 часа] государыня императрица Мария Федоровна с их Императорскими Высочествами Государем наследником Великим князем Александром Николаевичем[36], Великою княгинею Еленою Павловною[37] и Их королевскими Высочествами принцем Прусским Карлом[38] и герцогом Виртембергским Александром[39], Его Светлостью принцем Гессен-Гомбургским в преследовании придворного штата кавалеров и в сопровождении гофмейстерины[40] графини Литты[41], статс-дам[42] Глебовой, кн[ягини] Куракиной[43], кн[ягини] Долгоруковой[44], кн[ягини] Татьяны Васильевны Голицыной[45] и гр[афини] Толстой; камер-фрейлины[46] гр[афини] Орловой-Чесменской[47] и фрейлин[48], старшие напереди по две в ряд, изволила шествовать в Успенский собор *[В журнале Первой половины о Марии Федоровне дополнительно сказано: «под малою балдахинною, которую несли от Красного крыльца особы 3 и 4 классов»], в малой короне и в императорской порфире *[в журнале Первой половины сказано: «мантии»][49]. Шлейф оной несли шесть камергеров: у плеча с правой стороны гофмейстер[50] гр[аф] Лаваль[51], а с левой в должности гофмейстера кн[язь] Гагарин[52], а на конец шлейфа обер-шталмейстер[53] Муханов[54] и при особе Ее Величества находился обер-камергер гр[аф] Литта[55], а от Красного крыльца под балдахинной несли особы 3-их классов *[в журнале Первой половины говорится, что шлейф мантии несли[a] кн[язь] Юсупов[56], гр[аф] Кушелев-Безбородко[57] и Северин, а при конце шлейфа обер-шталмейстер Муханов, у плеча же с правой стороны шел обер-камергер гр[аф] Литта].

---

[a] Неразборчиво, возможно, Бальмен — *сост.*

При входе в Успенский собор встречена была Ее Императорское Величество с крестом и Святою водою преосвященным Серафимом митрополитом с прочим духовенством, препровождены оным до Ее Императорского места, близ коего стать изволили на особо приуготовленное место Их Императорские Высочества Государь наследник, Великая княгиня Елена Павловна и Их Королевские Высочества принц Прусский Карл, герцог Александр Виртембергский и Его Светлость принц Гессен-Гомбургский.

Потом преосвященный митрополит Серафим со всем духовенством вышел вторительно из собора и ожидал прибытия Их Императорских Величеств.

Пред Высочайшим выходом протоирей Успенского собора Яков Дмитриев со крестом и при оном с двумя диаконами[58], несущими на золотом блюде Св. воду, окроплял путь.

В 15 минут 10 часа

Их Императорские Величества из внутренних императрицы Марии Федоровны апартаментов изволили выйти в Аудиенц-камеру и соизволили сесть на троне в кресла, тогда дан сигнал игранием на трубах или литаврах о Высочайшем шествии в Собор Успения пресвятой Богородицы, который и начался следующим порядком *[в журнале Первой половины уточняется: «в четверть 10 часа началось высочайшее шествие в Собор с колокольным у оного и из всех в городе церквей звоном при игрании от кавалергардов на трубах с литаврами и от всего войска надлежащей частью с ружьем, с наклонением знамен с музыкой и барабанным боем следующим порядком»].

Первое

Взвод кавалергардов с двумя офицерами, кои остановились, дошед до церкви, и разделились по обе стороны пути.

Второе

20 пажей и 16 камер-пажей с их гофмейстером, прошед [в журнале Первой половины «пройдя»] сквозь церковь, ожидали окончания службы в Крестовой синодальной палате.

Третье

Два церемониймейстера с жезлами показывали идущим в церемонии места, остановились пред императорским местом.

Четвертое

От всего российского купечества головы губернских городов.

Пятое

Купцы иностранные, из коих два старшие оставались в церкви.

Шестое

Войска Донского генерал Иловайский[59] с депутатами, который со старшим депутатом оставался в церкви.

Седьмое

Градская дума и магистраты.

Осьмое

Московский Императорский университет.

Девятое

Опекунский совет.

Десятое

Присутственных мест Палаты Московской губернии.

Одиннадцатое

Губернское правление.

Двенадцатое

Члены учрежденных в Москве присутственных мест и казенных заведений по старшинству их.

Начальствующий каждого присутственного места с двумя старшими чиновниками оставались в церкви, а прочие проходили сквозь оную[60].

Тринадцатое

Губернские предводители дворянства всех Российских губерний.

Четырнадцатое

Правительствующий Сенат.

Пятнадцатое

Государственный Совет.

Все вышеписанные особы и чиновники шли в процессии по три в ряд.

Шестнадцатое

Два обер-церемониймейстера с жезлами.

Семнадцатое

Верховный церемониймейстер граф Потоцкий с жезлом.

Осьмнадцатое

Два герольдмейстера[61] с знаками.

Девятнадцатое

Императорские регалии[62] несли нижеозначенные особы на глазетовых подушках с их ассистентами.

Цепь Ордена Св. Апостола Андрея — дей[ствительный] тай[ный] сов[етник] кн[язь] А. Бор. Куракин[63], ассист[ент] действ[ительный] ст[атский] сов[етник] Александр Петрович Новосильцев, генер[ал]-майор.

Панир[64] — генер[ал] от кавалерии Васильчиков[65], ассист[ент] кн[язь] Ст. Ал. Хилков[66], Ив. Никит. Скобелев.

Госуд[арственная] печ[ать][67] — дей[ствительный] тай[ный] сов[етник] гр[аф] Нессельрод[68]. Ассист[енты] — дейст[вительный] ст[атский] сов[етник] кн[язь] П. П. Мещерский.

Государственный меч[69] — генер[ал] от инф[антерии] гр[аф] П. Ал. Толстой[70], ассист[ент] генерал-майор кн[язь] Пав. Петр. Лопухин[71], Конст. Христ. Бенкендорф 2-й[72].

Порфиру Ее Императорского Величества — действ[ительный] тайн[ый] совет[ник] В. Сер. Ланской[73], ассист[енты] — отст[авной] ген[ерал]-майор В. Д. Мещеринов, Моис. Ив. Карпенко, Ив. Ив. Храповицкий и кн[язь] А. П. Урусов[74].

Порфиру Его Императорского Величества — ген[ерал] от инф[антерии] граф Ланжерон[75], действит[ельный] тайн[ый] сов[етник] кн[язь] Яков Лобанов Ростовский[76], ассист[енты] — действ[ительный] ст[атский] сов[етник] Дмит. Андр. Засецкий, Франц Иванович Лабинский[77] и Анд. Афон. Шафонский.

Госуд[арственную] держ[аву][78] — ген[ерал] от инф[антерии] кн[язь] Ив. Д. Лобанов Ростовский[79], ассист[енты] — отст[авной] ген[ерал]-майор Дм. Евг. Кашин и Ал. Ив. Мертенс.

Госуд[арственный] скип[етр][80] — дей[ствительный] тай[ный] сов[етник] гр[аф] Юрий Ал. Головнин, ассист[енты] — отст[авной] ген[ерал]-майор А. И. Тарасов и кн[язь] Ал. Алекс. Лобанов-Ростовский[81].

Императорскую корону меньшую[82] — адмир[ал] Мордвинов[83], ассист[енты] — тай[ный] сов[етник] Алексей Михайлович Безобразов, отст[авной] ген[ерал]-майор Васил. Шереметев.

Императорскую большую корону[84] — дей[ствительный] тай[ный] сов[етник] 1-го класса кн[язь] Лопухин[85], ассист[енты] — ген[ерал]-лейт[енант] Штаден, дейст[вительный] тайн[ый] сов[етник] кн[язь] Мих. Петров. Голицын.

Двадцатое

Взвод кавалергардов.

Двадцать первое

Два гофмаршала — бар[он] Альбедиль и Кир. Нарышкин.

Двадцать второе

Верховный маршал действительный тайн[ый] сов[етник] кн[язь] Юсупов.

Двадцать третие

Его Императорское Величество изволил шествовать, имея при особе своей двух ассистентов по сторонам: начальника Главного штаба и дежурного генерал-адъютанта[86]. Также командующего сводным гвардейским кирасирским полком генерал-адъютанта гр[афа] Орлова[87] с обнаженным палашом.

Двадцать четвертое

Ее Императорское Величество государыня императрица Александра Федоров-

на, имея при себе 2-х ассистентов. Подле их шли Их Императорские Высочества: Государь цесаревич Константин Павлович и Великий князь Михаил Павлович, а от Красного крыльца шествовать изволили Их Императорские Величества под балдахином, который несли 16 генерал-майоров, а шнуры держали 16 генерал-лейтенантов.

Двадцать пятое

Придворные дамы и фрейлины по 2 в ряд, старшие напереди.

Двадцать шестое

Взвод кавалергардов.

Двадцать седьмое

Корпус знатного российского дворянства по одному из каждой фамилии по 3 в ряд под предводительством генерала от инфантерии[88] Обольянинова[89] и остановились при входе в церковь.

Двадцать осьмое

Корпус мануфактурщиков и заводчиков по 3 в ряд.

Двадцать девятое

Знатное московское купечество по 3 в ряд.

Тридцатое

В заключение взвод кавалергардов.

Когда началась процессия, то произведен был звон во все колокола, а во время шествия Его Императорского Величества стоящие в параде полки отдавали честь при играни на трубах и литаврах с музыкою, барабанным боем, с преклонением знамен.

Когда императорские регалии приблизились к дверям церковным, тогда все духовенство в облачении выступили на рундук, и митрополит Серафим почтил оные кадением[90] фимиама[91] и окроплением водою Святою.

При входе в церковь и по выходе из-под балдахина встретили Их Императорских Величеств митрополит Новгородский с крестом, митрополит Киевский со Святою водою, архиепископ Филарет произнес речь[92]. Их Императорские Величества приложились к животворящему кресту и были окроплены Св. водою.

Их Императорские Величества по восшествии в церковь изволили пред царскими вратами троекратно Господеви сотворить поклонение и ко Святым местным иконам Спасителя и Богоматери приложиться. А потом следовали на приуготовленный посреди церкви под балдахином трон и воссели на императорском своем престоле, тогда архиереи, архимандриты и прочее духовенство, имеющее быть в служении, встали от ступеней трона до царских врат по обе стороны, а певчие на клиросах[93] воспели царский псалом «Милость и суд воспою тебе Господи». Между тем как Их Императорские Величества изволили прикладываться к Святым иконам, несшие регалии чиновники стояли, не вошед на трон, оборотясь к алтарю.

А когда Его Императорское Величество изволил шествовать на трон, тогда и оные, поворотясь, понесли на трон и положили на приуготовленный стол и стали

на оном следующим порядком: несшие императорскую корону большую — 1-го класса кн[язь] Лопухин, а адмирал Мордвинов малую, по конец Стола на троне.

Несший скипетр действительный тайный советник гр[аф] Головкин на первой ступени трона по правую сторону.

Несший державу генерал от инфантерии князь Д. Лобанов-Ростовский на той же ступени по левую сторону.

Несший императорскую порфиру генерал от инфантерии гр[аф] Ланжерон на 2-й ступени и действительный тайный советник кн[язь] Як. Лобанов-Ростовский по правую сторону.

Несший порфиру государыни императрицы действительный тайный советник Вас. Ланской и кн[язь] Ал. Николаевич Голицын[94].

Несший государственный меч генерал от инфантерии гр[аф] Толстой на 3-й ступени по правую сторону.

Несший панир генерал от кавалерии Васильчиков держал оный на третьей ступени по левую сторону.

Несший печать дейст[вительный] тай[ный] сов[етник] гр[аф] Нессельроде и дейст[вительный] тай[ный] сов[етник] кн[язь] Куракин и цепь Ордена Св. Апостола Андрея Первозванного на 4 ступени по правую сторону.

Герольдмейстеры, предшествующие регалиям на троне, по возложении же оных остановились по обеим сторонам трона на последних ступенях. Ассистенты при регалиях, не вошед на трон, стали около оного позади духовенства.

Верховный маршал, гофмаршал, верховный церемониймейстер взошли пред Его Императорским Величеством в церковь и остановились против царских врат и, доколи Его Величество по Святым иконам прикладывался, стояли на 1 ступени, а потом, проводя Его Величество на трон, сошли и остановились на 1 ступени трона.

Верховный маршал с верховным церемониймейстером посреди, а гофмаршалы по сторонам. Когда Его Императорское Величество изволил стоять на своем обыкновенном императорском месте, тогда они становились на ступени против Его Величества; в том же самом порядке — ассистенты Ее Императорского Величества.

Обер-церемониймейстеры на 8 ступени, которая подле уступа трона.

Церемониймейстеры между первых церковных столпов близ трона по 2 на троне.

Кавалергардские обер-офицеры[95] стояли старшие [по] обе стороны уступа, немного позади, а младшие — на 1-м того трона уступе, имея в руках обнаженные палаши.

Унтер-офицеры кавалергардские стояли на часах у церковных дверей внутри церкви. А вне оной по 2-ва пехотных гвардейских унтер-офицера с ружьями.

Прочие же кавалергарды, построясь, ожидали Высочайшего выхода у северных дверей той же церкви. Генералитет и другие чиновники, бывшие в процессии, стояли в определенных галереях.

Коронование совершено было следующим порядком.

Присутствующий член Синода митрополит Новгородский и С.-Петербургский Серафим начал по обряду восточной церкви совершать священное коронование.

По окончании чтения Св. Евангелия Его Императорское Величество соизволил повелеть со стоящего на троне с императорскими регалиями стола возложить сперва на себя порфиру, которую митрополит Серафим с прочими поднесли Его Императорскому Величеству на подушках при возложении оной с обыкновенною молитвою.

По возложении оной порфиры, глаголя в услышание всех молитва, и потом другая.

По окончании молитв Его Императорское Величество соизволил указать с того ж стола с регалиями подать императорскую корону, которую митрополиту подал назначенный к тому чиновник, а митрополит поднес Его Императорскому Величеству на подушке.

Его Императорское Величество, приняв от митрополита корону на подушке, изволил возложить на свою голову, при чем митрополит произнес речь по книге.

Его Императорское Величество соизволил повелеть с того же стола подать императорский скипетр и державу, которые Его Императорскому Величеству митрополитом поднесены были с молитвою, причем также им произнесена была речь по книге. Его Императорское Величество, приняв скипетр в правую, а державу в левую руку, изволил сесть на императорский престол.

Его Императорское Величество, положив регалии на подушки, поднесенные чиновниками, призвал Ее Величество государыню императрицу и, сняв с себя корону, прикоснулся оною к главе Ее Величества.

Засим понесена была меньшая корона, которую государь император возложил на главу государыни императрицы, а 4 статс-дамы оную оправили, потом поднесены были Его Императорскому Величеству порфира для возложения на Ее Императорское Величество и после этого цепь Св. апостола Андрея Первозванного, по возложении каждой из них регалии, те же статс-дамы оные оправляли, после чего Его Императорское Величество восприял опять императорские регалии.

Протодиакон возглашая весь Его Императорского Величества титул, воскликнул многолетие, и певчие воспели трижды многая лета.

Потом тем же протодиаконом провозглашено было многолетие и Ее Величеству государыне императрице.

В то же время начался в соборе и при церквах во все колокола звон и по поданному сигналу учинено было из стоящих на площади, также и поставленных на башнях по городу, Кремлю и по бастионам пушек 101 выстрел.

Между пением многолетия как духовенство, так и светские обоего пола особы от своих мест поздравляли Его Императорское Величество троекратным поклоном.

По пропетии многолетия и по окончании звона и пальбы государь император восстал с престола и отдал скипетр и державу тем же особам, которыми оные в процессии несены были, соизволил прочесть с коленопреклонением по книге, которую подавал митрополит Серафим, учрежденную молитву.

По прочтении же Его Императорским Величеством оной митрополит и все в храме находящиеся с коленопреклонением учинили также молитву, а Его Императорское Величество в то время изволил вставать.

После молитвы митрополит Серафим говорил краткую приветственную речь.

По окончании оной певчие воспели «Тебе Бога хвали» и начался колокольный

звон, а за ним Божественная литургия[96], при начатии оной Его Императорское Величество корону изволил с себя снять и отдать несши оную, а по окончании литургии опять возложил на себя.

Когда же началось пение каноника, тогда от трона Его Императорского Величества до царских врат к Высочайшему Его шествию для Святого миропомазания[97] и причащения Св. тайн постлан был московским вице-губернатором Храповицким с двумя полковничьего ранга чинами малиновый бархат, обложенный золотым позументом.

А близь царских врат сверх того бархата постлана была золотая парча.

После пения каноника по причастии внутри алтаря священно служащих архиереев и прочих, когда царские врата отворили, посланы были из алтаря два архиепископа, Тверской Иона и Ярославский Авраам, с последующими им по обе стороны протодиаконами возвестить Его Императорскому Величеству о времени царского миропомазания, тогда государь император, сошед с трона, изволил шествовать в порфире прямо к царским вратам, за Его Величеством следовала государыня императрица Александра Федоровна.

В предшествии обер-церемониймейстеров, а в средине их верховный церемониймейстер гофмаршал и верховный маршал шли таким же порядком, как и в процессии, потом несшие регалии, скипетр и державу, гр[аф] Головкин и кн[язь] Дм. Ив. Лобанов-Ростовский, двое рядом ассистенты Их Величеств и первые два кавалергардские офицеры по сторонам Их Величеств.

По приближению Его Императорского Величества к царским вратам встали они на приступках церковных. Шлейфы порфир Их Величеств несли те же особы, кои несли в церемонии.

Государь император по приближении их к царским вратам изволил встать и у оных на поставленный до того парче и государыня императрица, не дойдя до царских врат, изволила остановиться.

Регалии же, как-то корону, скипетр и державу, до окончания оного миропомазания и приобщения Св. тайн те же чиновники держали на подушках, на коих в процессии несены были.

Митрополит Новгородский и С.-Петербургский Серафим, из нарочно приготовленного золотого сосуда[98] омоча уготованный к тому золотой сучец в Святое Миро, помазал Его Императорское Величество на челе, на очах, на ноздрях, на устах, на ушах, на персях и по обою сторону на руках, глаголя: «Печать дара Духа Святого», а митрополит Киевский Евгений отирал знаки помазания хлопчатою бумагою.

По совершению миропомазания был колокольный звон и 101 выстрел из пушек.

После сего на тую же парчу соизволила встать государыня императрица Александра Федоровна и была помазана миром токмо на челе, а Московский архиепископ Филарет отер знаки миропомазания.

Государя императора ввел митрополит Серафим в царские врата внутрь алтаря, где Его Величество, остановясь пред Святою трапезою на золотом ковре, и соизволил принять от того же митрополита Св. Тайны тела и крови Господней причастия по чину царскому.

После причащения Его Императорскому Величеству подносил антидор[99] и теплоту Филарет архиепископ Рязанский, омовением уст послужил архиепископ Владимирский Парфентий.

Потом другой архиепископ Филарет подносил Его Величеству антидор и вино, а третий подносил для умывания уст и рук. Государь император по принятии божественных тайн шествовать изволил в преднесении регалии на императорском месте.

Тогда Ее Величество приступив к царским вратам и восприяв Св. Причащения, отрением уст послужил Филарет архиепископ Московский, антидор и теплоту подносил епископ Дамаскин Тульский, омовением уст послужил епископ Смоленский Иосиф; потом возвратилась к императорскому месту.

Его Императорское Величество изволил шествовать с Ее Величеством к своему императорскому трону и пробыли на оном до окончания Божественной литургии, где несшие регалии стали таким же порядком, как и выше сказано. *[В журнале Первой половины далее сказано: «По совершении литургии Божественной все члены, принадлежащие к процессии, выходили в северные двери и становились в прежнем порядке.

Ее Императорское Величество государыня императрица Мария Федоровна с Их Императорскими и Королевскими Высочествами соизволила из собора возвратиться во внутренние чертоги в 40 минут 12 часа пред полуднем тем же порядком, как в оный прибыть соизволила. В это самое время Их Императорские Величества соизволили шествовать из Северных дверей той Соборной церкви по устроенным помостам прежним порядком под балдахином в Архангельский собор, чрез который все чиновники, находящиеся в процессии, проходили в Западные двери к Благовещенскому собору, а Их Императорские Величества изволили прикладываться к Св. иконам и мощам, потом поклонились гробам предков своих; в сие время протодиакон читал надлежащую эктению[100]; по окончанию оной возглашаемо было многолетием.

Государь император соизволил шествовать таким же порядком в Благовещенский собор, где учинено было то же, что и в Архангельском соборе; у помянутых соборов находились для богослужения архиерей с духовенством, со Крестом и Св[ятою] водою.

В продолжение вышепомянутого шествия Его Императорское Величество соизволил прибыть в императорской короне и порфире, имея скипетр и державу в руках.

Шлейф порфиры государя императора несли восемь камергеров, а конец держали обер-гофмейстер[101] Нарышкин и действительный тайный советник князь Александр Николаевич Голицын.

Шлейф порфиры государыни императрицы несли шесть камергеров, а конец держали генерал от инфантерии гр[аф] Ланжерон и действительный тайный советник князь Лобанов-Ростовский.

Во время шествия от стоящих в параде войск отдана была честь при играни музыки и барабанном бое, а из пушек учинен 101 выстрел.

Во время ж пришествия государя императора в Архангельский собор носимый под Его Величеством балдахин обнесен вышезначимый штаб-офицерами к Запад-

ным того собора дверям, и оный держан, и по выходе Их Величеств понесли как и прежде генерал-майоры и генерал-лейтенанты.

Когда Его Императорское Величество соизволил к Святым иконам прикладываться, то отдал корону, скипетр и державу тем чиновникам, кои оные несли.

Из Благовещенского собора Их Императорские Величества соизволили шествовать к Красному крыльцу, а оттуда во внутренний покой, где пробыть соизволили, доколе в Грановитой палате к обеденному столу все изготовлено было. По донесении о том от верховного маршала Его Императорское Величество с государынями императрицами шествовал во всем императорском одеянии в Грановитую палату в преследовании церемониймейстеров, обер-церемониймейстеров, верховного церемониймейстера и высших чинов Двора.

По обеим сторонам Его Императорского Величества были генерал и флигель-адъютанты[102], статс-секретари[103] и придворные кавалеры; во время шествия поставлены были в две шеренги кавалергарды, а в Грановитую палату препровождены церемониймейстерами знатное духовенство и светские обоего пола особы первых двух классов, дамы по правую, а духовные и прочие по левую сторону.

Их Императорские Величества соизволили взойти на трон к приготовленному на оном для них под балдахином обеденному столу, за которым по правую сторону государя сидеть соизволила государыня императрица Мария Федоровна, а по левую — государыня императрица Александра Федоровна.

За креслами стояли:

у государя императора — обер-егермейстер[104] Нарышкин[105];

у государыни императрицы — обер-егермейстер гр[аф] Моден[106];

у государыни императрицы Марии Федоровны — обер-шталмейстер Муханов...»]. [...В Грановитой палате особы 1-х двух классов и все фрейлины в апартаментах государя императора в верхнем этаже в трех залах на 300 персон для 3, 4 и 5 классов нижних и всех тех, которые были в церемонии в Золотой палате на 60 кувертов, для тех, кои будут служить у трона Их Величества, митрополита Серафима.

Для всех высочайших особ императорской фамилии обеденный стол приготовлен был в тайнике, за которым и кушали: Великая княгиня Александра Николаевна, Великая княгиня Елена Павловна, Великая княгиня Мария Николаевна, Великая княгиня Ольга Николаевна, принц Прусский Карл, герцог Александр, принцесса Мария Вюртембергская и принц Гессен-Гомбургский].

Публикуется впервые по: РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 131 (Камер-фурьерский журнал 1826 г.). Л. 721 об. — 740.

Камер-фурьерские журналы, которые в нескольких экземплярах вели гоф-фурьеры, являются важным источником придворной жизни. Они систематически просматривались императором. В РГИА отложилась коллекция камер-фурьерских журналов, к которым обращались многие исследователи. По царствованию Николая I сохранились камер-фурьерские журналы за все годы (Д. 131–167). К 1826 г. относятся три камер-фурьерских журнала: Д. 131 (Журнал Высочайшего двора обеих половин); Д. 132 (Журнал Высочайшего двора Первой половины); Д. 133 (Журнал Высочайшего двора Главной половины).

Листы журналов разделены вертикальной чертой: в правой велись записи по Главной половине (Императорской четы), в левой — по Первой (Марии Федоровны). Кроме того, в Зимнем дворце первое время сохранялись «половины» двух вдовствующих императриц — Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны. «Половинами» в императорских дворцах назывались комплексы помещений, связанные топографическим единством, общим назначением или владельцем.

1. Кавалергарды (*франц.* cavalier — всадник и garde — охрана) — особая кавалерийская часть российской гвардии, формирование которой началось при Петре I первоначально как роты почетной стражи Екатерины I на время ее коронации. Главной особенностью формы кавалергардов был супервест из красного сукна, выкроенный в форме, напоминающей кирасу, и украшенный на груди и спине вышивкой из золотых и серебряных нитей: звездой ордена Святого Андрея Первозванного и двуглавым орлом. Со времени императрицы Екатерины II выражение «право входа за кавалергардов» означало особое право придворных чинов входить в ближайшие к личным покоям монарха залы. В Концертном зале Зимнего дворца могли находиться лишь лица придворного звания или приглашенные. Еще до коронации, с 1 июля 1826 г. (день рождения императрицы), шефом кавалергардов стала императрица Александра Федоровна, а полк стал называться Кавалергардским Ее Величества полком.

2. Литавры (от *греч.* poli — много и taurea — барабаны) — музыкальный инструмент, состоящий из медных полушарий, обтянутых кожей, по которым ударяют палочками.

3. Также пешим строем от Красного крыльца до Никольского собора стояли и конногвардейцы.

4. В особой гардеробной императорских дворцов (Кремлевского дворца в Москве и Зимнего дворца в Санкт-Петербурге) хранились для праздничных выходов лакеев статсливреи, богато расшитые золотом.

5. См. наст. изд., с. 294, примеч. 16.

6. Гофмейстер пажей — придворный чин XIV класса по «Табели о рангах», в отличие от гофмейстера при императрице (*нем.* Hofmeister; букв. управляющий двором), первоначально придворного чина VII класса. В дальнейшем ранг этих чинов изменился. При Павле I гофмейстером пажей был полковник, а чин гофмейстера в начале XIX в. соответствовал III классу.

7. Иловайский Алексей Васильевич — генерал-лейтенант, наказной атаман Войска Донского (1821–1827).

8. Действительный тайный советник — гражданский чин II класса.

9. См. наст. изд., с. 300, примеч. 4.

10. Альбедиль Петр Романович (1764–1830) — барон, гофмаршал, вице-президент Придворной конторы и обер-гофмейстер императрицы Марии Федоровны, гофмейстер Императорского двора.

11. Нарышкин Кирилл Александрович (1786–1838) — первый гофмаршал при дворе великого князя Николая Павловича, замененный затем графом Моденом, впоследствии обер-гофмейстер и обер-гофмаршал, действительный камергер, член Государственного Совета; племянник Д. Л. Нарышкина, дядя В. А.Соллогуба. Известно, что Пушкин в 1829 г. поздравлял некоторых придворных лиц, среди которых был К. А. Нарышкин.

12. Церемониймейстер при Дворе — придворная должность V класса. В данном случае под верховным церемониймейстером понимается один из главных распорядителей церемонии.

13. См. наст. изд., с. 299, примеч. 1.

14. Обер (*нем.* ober — старший) — начальная часть наименования некоторых чинов. Обер-церемониймейстер — придворный чин: с 1743 г. — IV класса, с конца XVIII в. — III класса.

15. Герольд (*нем.* Herold, *позднелат.* Heraldus, от *франкского* heriwald — военное должност-

ное лицо) — в Западной Европе в средние века глашатай, церемониймейстер при владетельных домах, распорядитель на рыцарских турнирах, а также специалист в составлении гербов и родословий. Временные должности герольдов учреждались также во время торжественных церемониалов, связанных с торжественными событиями (как праздничными, так и печальными) в царской семье.

16. В соответствии с «Объявлением» от 20 августа 1826 г. за подписью верховного церемониймейстера графа С. С. Потоцкого, на этом же этаже в Желтой комнате перед Аудиенц-камерой собирались придворные дамы, Государственный Совет, Правительствующий Сенат, статс-секретари, весь Двор, генерал и флигель-адъютанты. В Аудиенс-камере — ассистенты Их Императорских Величеств, начальник Главного штаба Его Императорского Величества, дежурный генерал-адъютант, генерал, командующий Сводным гвардейским кирасирским полком, особы, назначенные к шлейфам Их Императорских Величеств, особы, несущие регалии с ассистентами, верховный маршал, гофмаршалы, верховный церемониймейстер, обер-церемониймейстеры, церемониймейстеры, герольды.

17. В Оружейной палате собирались штаб-офицеры, назначенные к балдахинам.

18. См. наст. изд., с. 293, примеч. 6.

19. Митрополит (*греч.* metropolites — глава столичной епархии) — высший частный титул черного духовенства.

20. См. наст. изд., с. 173, примеч. 28.

21. Евгений (1767—1837) — митрополит Киевский.

22. Архиепископ (*греч.* archiepiskopos — главный епископ) — второй по старшинству частный титул черного духовенства.

23. См. наст. изд., с. 142—143, примеч. 1.

24. Епископ (*греч.* episkopos — блюститель, наблюдатель) — третий по старшинству частный титул черного духовенства.

25. См. наст. изд., с. 148, примеч. 6.

26. Криницкий Павел Васильевич (ум. после 1828 г.) — протопресвитер церкви Зимнего дворца и Благовещенского собора, духовник царской семьи (с 1808), после смерти Александра I — императрицы Марии Федоровны.

27. Музовский Николай Васильевич (1772—1848) — протоирей, законоучитель православного вероисповедания в Царскосельском лицее (1811—1816), обер-священник Главного штаба, духовник великокняжеской (Николая Павловича, Михаила Павловича) и императорской семьи.

28. Подробнее об облачении высшего духовенства см.: *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 2001. С. 445.

29. Министрами называли тогда и посланников.

30. Карабин (*франц.* carabine) — ружье облегченного веса, с укороченным стволом, применяемый в кавалерии (кирасиры, гусары).

31. В России бархатом (название, возможно, восходит в арабско-тюркскому barrakan) называлась только шелковая ткань с густым, низко остриженным ворсом на лицевой стороне; лучшие сорта бархата изготовлялись в Италии и Франции.

32. Парча (*тат.* parča — парча, узор; возможно, от *перс.* parca — клочок, обрезок) — ткань на шелковой основе с металлическими утками, покрывающими всю поверхность. Особенно широко использовалась для дворцовых и церковных нужд. Первоначально ввозилась в Россию из Персии и Турции, впоследствии из Италии и Франции, но в первой половине XIX в. в Европе и Америке парча практически не употреблялась и вызывала удивление иностранцев.

33. Штаб-офицерские чины — военные и гражданские чины VI—VIII классов.

34. Балдахин (*ит.* Baldacchino — полог, палатка) — пышный навес из тканей на столбах.

35. Позумент, иначе басон или галун (*франц.* galon, через *польск.* galon — кант) — золотая, серебряная или мишурная лента узорного ткачества или кружевного плетения для отделки одежды, шляп и т.д. В XIX в. в России позумент использовали в основном для отделки форменной одежды.

36. Александр Николаевич (1818–1881) — старший сын Николая I, император Александр II (с 18 февраля 1855).

37. См. наст. изд., с. 294, примеч. 18.

38. См. наст. изд., с. 293, примеч. 11.

39. См. наст. изд., с. 293, примеч. 12.

40. См. наст. изд., с. 294, примеч. 20.

41. Литта Екатерина Васильевна (урожденная Энгельгардт, 1761–1829) — графиня, племянница князя Г. А. Потемкина, фрейлина Екатерины II; с 1781 г. замужем за графом Карлом Мартыновичем Скавронским (1757–1794), во втором браке с 1798 г. — за графом Литта. Пожалована в гофмейстерины в 1824 г. При дворе Екатерины II ее за пленительную красоту называли «Заря без туч».

42. См. наст. изд., с. 294, примеч. 21.

43. Куракина Наталья Ивановна (1767–1831) — княгиня, супруга Алексея Борисовича Куракина, дочь коллежского советника Ивана Сергеевича Головина; кавалерственная дама ордена Св. Екатерины. Умерла от холеры.

44. Долгорукая (Долгорукова) Варвара Сергеевна (урожденная княжна Гагарина, 1793–1833) — жена князя В. В. Долгорукова.

45. Голицына Татьяна Васильевна (урожденная княжна Васильчикова, 1782–1841) — княгиня, жена московского военного генерал-губернатора Дмитрия Владимировича Голицына (1771–1844).

46. См. наст. изд., с. 295, примеч. 22.

47. См. наст. изд., с. 300, примеч. 5.

48. См. наст. изд., с. 295, примеч. 23.

49. Порфира — длинная мантия, бархатная, подбитая горностаевым мехом; одежда государей в торжественных обрядах.

50. Гофмейстер (*нем.* Gofmeister; *букв.* управляющий двором) — придворный чин III класса.

51. Лаваль Иван Степанович (1761–1846) — граф, гофмейстер, камергер, чиновник Коллегии иностранных дел, тесть князя С. П. Трубецкого.

52. Гагарин Николай Сергеевич (1788–1842) — гофмейстер, с 1831 г. член Кабинета ЕИВ, с 1833 г. по 1842 г. вице-президент. Убит лесничим, которого ранее уволил со службы.

53. См. наст. изд., с. 294, примеч. 15.

54. Муханов Сергей Ильич (1762–1842) — обер-шталмейстер, отец мемуаристки фрейлины императрицы Марии Федоровны — Марии Сергеевны Мухановой.

55. Литта (Litta) Юлий Помпеевич (Джулио Ренато, 1763–1839) — сын итальянского дворянина, служившего в австрийской армии, граф Российской империи (1797). В 1780 г. вступил в Мальтийский орден, с 1789 г. на российской службе, в ходе Русско-шведской войны 1788–1790 гг. один из создателей гребного флота на Балтике. Обер-камергер (с 1826), член Государственного Совета; выступал проводником католического влияния в России. Женившись в октябре 1798 г. на графине Е. В. Скавронской (1761–1829; племяннице князя Г. А. Потемкина), вошел в круг высшей придворной аристократии. В марте 1799 г. уволен в отставку, в дальнейшем пользовался благосклонностью Александра I и Николая I, в 1810 г. был пожалован в обер-шенки, назначен гофмейстером, в 1810–1817 гг. главноначальник над Гоф-интендантской конторой. С 1811 г. член Государственного Совета (с 1830 г. председатель Департамента государственной экономии). Не имея законных детей, Литта завещал свое огромное состояние внучке жены — графине Ю. П.Самойловой (своей внебрачной дочери). Коллекционер (картина Леонардо да Винчи «Мадонна Лита» в Эрмитаже).

56. О Н. Б. Юсупове см. наст. изд., с. 300, примеч. 4. Впрочем, в данном случае, вероятно, речь одет о его сыне Борисе Николаевиче Юсупове (1794–1849) — будущем гофмейстере (1848).

57. Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич (1800–1855; по указу 1816 г. принял имя Кушелева-Безбородко) — действительный тайный советник, с 1826 г. член Главного правления училищ. С 1834 г. управляющий Государственным заемным банком, с 1837 г.

директор Департамента государственного казначейства Министерства юстиции, сенатор (1844).

58. Диакон (*греч.* diakonos — служитель) — низший частный титул белого духовенства.

59. Об А. В. Иловайском см. наст. изд., с. 312, примеч. 7.

60. В самой церкви могло поместиться около 500 человек.

61. В России с 1722 г. существовала должность герольдмейстера, а с 1725 г. — Герольдмейстерская контора (позднее департамент Герольдии Сената). Должность герольдмейстера, подчиненная генерал-прокурору Сената, была восстановлена в 1802 г. В 1824–1827 гг. герольдмейстером был А. К. Криденер.

62. Императорские регалии относились к государственным символам и были неотъемлемой частью этикета коронационных торжеств. В России императорскими регалиями являлись: корона, скипетр, держава, государственный меч, государственный щит, государственная печать, государственное знамя и государственный герб. Как видно из приведенного отрывка — также цепь ордена Андрея Первозванного.

63. Куракин Алексей Борисович (1759–1829) — князь, действительный камергер, генерал-прокурор (1796–1798), малороссийский генерал-губернатор (1802–1807), министр внутренних дел (1807–1810), председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета (1811–1816), член Государственного Совета, младший брат вице-канцлера Александра Куракина.

64. Государственное знамя (хоругвь), которое ранее вверялось оружничему или двум воеводам. Из желтого атласа, обложенного золотым позументом, с такой же бахромой и вышитым посредине знамени российским гербом, а по сторонам — гербами всех областей.

65. См. наст. изд., с. 40, примеч. 55.

66. Хилков Степан Александрович (1785/86–1854) — князь, генерал-лейтенант.

67. Государственная печать изготавливалась при вступлении на престол нового государя в трех видах — Большая, Средняя и Малая. Большая государственная печать имела изображение Большого государственного герба. Она прикладывалась к манифестам, законам, брачным договорам, духовным завещаниям, к дипломам на княжеское и графское достоинство и в некоторых других случаях. Средняя государственная печать имела изображение Среднего государственного герба. Она прикладывалась к грамотам городам и обществам, дипломам на баронское и дворянское достоинство, к ратификации трактатов с иностранными державами. Малая государственная печать имела изображение Малого государственного герба. Она прикладывалась к грамотам на пожалование земли, к патентам на чин, грамотам монастырям, к грамотам на потомственное почетное гражданство, к паспортам, выдаваемым МИД и т. д. При коронации впервые использована Елизаветой Петровной.

68. См. наст. изд., с. 189, примеч. 2.

69. Императорский меч впервые упоминается при Петре I. При коронации впервые использовала Елизавета Петровна.

70. Толстой Петр Александрович (1771–1844) — граф, генерал от инфантерии, управляющий Главным штабом, главнокомандующий в Санкт-Петербурге и Кронштадте, член Государственного Совета и Комитета министров.

71. См. наст. изд., с. 171, примеч. 12.

72. Бенкендорф Константин Христофорович (1783–1828) — барон, генерал-лейтенант (1826), генерал-адъютант (1826), младший брат будущего графа Александра Христофоровича Бенкендорфа (1781 или 1783 — 1844).

73. Ланской Василий Сергеевич (1753–1831) — действительный тайный советник (1812), из дворян, член Государственного Совета (конец 1815), в 1813 — мае 1815 гг. генерал-губернатор и президент Верховного временного совета по управлению бывшим Великим герцогством Варшавским, в мае–ноябре 1815 г. — председатель Временного правительствующего совета Царства Польского; председатель Комиссии по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых, управляющий (министр) Министерства внутренних дел (1823–1828); член Верховного уголовного суда над декабристами (1826), сенатор. В 1828 г. уволен в отставку по собственному прошению.

74. Урусов Александр Петрович — князь, генерал-майор, дядя П. Д. Киселева.

75. Ланжерон Александр Федорович (1763–1831) — граф, французский эмигрант, на русской службе с 1790 г., участник Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., Отечественной войны 1812 г., генерал от инфантерии, новороссийский генерал-губернатор (1815–1823).

76. Лобанов-Ростовский Яков Иванович (1760–1831) — князь, действительный тайный советник (1810), обер-камергер (1829), сенатор (1806), член Государственного Совета (с февраля 1816), председатель Департамента гражданских и духовных дел Сената; адресат эпиграммы А. С. Пушкина «Заступники кнута и плети», брат Д. И. Лобанова-Ростовского.

77. Лабенский (Лабинский) Франц Иванович (Франциск Ксаверий) — заведующий Вторым отделением Эрмитажа (картины, кабинет редкостей, бронза и изделия из мрамора) с 1805 г. по 1849 г., художник, назначенный в 1797 г. к «смотрению картин» в Эрмитаже.

78. В левой руке при венчании на царство государи держали державу — шар, увенчанный крестом как символ владычества над землей. В России держава была заимствована из Польши и была использована Лжедмитрием I при коронации в 1606 г. Со времен Павла I императорами применялась держава из синего яхонта, осыпанного бриллиантами.

79. См. наст. изд., с. 281, примеч. 1.

80. Прообразом скипетра служил пастушеский посох, который в древнем Риме украшался орлом. Впоследствии европейскими монархами он был заменен укороченным жезлом — скипетром. При избрании царем Михаила Федоровича ему был поднесен скипетр как главный знак верховной власти. Скипетры хранились в Оружейной палате. При венчании на царство его держали в правой руке. Начиная с Павла I, русскими императорами использовались скипетры в виде золотого жезла, осыпанного алмазами и драгоценными камнями. Скипетр увенчивал бриллиант «Орлов».

81. Лобанов-Ростовский Алексей Александрович (1786–1848) — князь, тайный советник (1840), сенатор (1842), камергер (1823), служил в Коллегии иностранных дел и в МВД, в 1821–1824 гг. рязанский гражданский губернатор, с 1824 г. в отставке, в 1832–1835 гг. тульский губернский предводитель дворянства, затем вновь на службе.

82. Сделана ювелиром Дювалем, стоимость около 500 тыс. рублей.

83. См. наст. изд., с. 173, примеч. 30

84. Первая в России корона европейского образца была создана в 1724 г. для коронации Екатерины. Этой же короной, украшенной дополнительно большим рубином из Китая (к которому был приделан алмазный крест), короновался Петр II. По тому же образцу была сделана корона для Анны Иоанновны (ее украшали 2605 камней). Этой же короной, немного переделанной, короновалась Елизавета Петровна. Для Екатерины II ювелир Позье изготовил новую корону, на отделку которой пошло 58 очень больших и 3878 маленьких бриллиантов, большой рубин и 75 больших же. Она весила около 2 килограммов. Для коронации Павла I корона была несколько расширена, и 75 жемчужин заменены 54 более крупными. По своей стоимости (около 3 млн рублей) считалась самой дорогой короной в Европе. Этой же короной короновались последующие императоры. Для императора Павла I была изготовлена также Мальтийская корона. С короной носились особые мантии. Императрицы надевали при некоторых церемониях малые, или выходные короны, которые составляли их частную собственность. После кончины их владелиц короны уничтожались, а камни раздавались согласно завещанию.

85. См. наст. изд., с. 171, примеч. 12.

86. Генерал-адъютант — старшее свитское звание, присваивающееся лицами, имеющим военные чины I–III классов.

87. Орлов Алексей Федорович (1786–1861) — граф (25 декабря 1825).

88. Генерал от инфантерии (*итал.* infanteria — пехота) — военный чин II класса.

89. Обольянинов Петр Христофорович (1753–184?) — генерал-прокурор (1800–1801), затем московский предводитель дворянства.

90. От слова кадить, кадило — металлическая чашка на цепочках, в которой курится фимиам.

91. Фимиам (*греч.* thymiama) — благовонное вещество для курения при религиозных обрядах, ладан.

92. Речь Его Императорскому Величеству государю императору Николаю Павловичу, самодержцу Всероссийскому, пред Высочайшим вступлением в Успенский собор, для священнейшего коронования и миропомазания, говоренная Святейшего Правительствующего Синода членом Филаретом, архиепископом Московским. Августа 22 дня 1826 года. М., 1826.

93. Клирос — возвышенное место по обеим сторонам алтаря для певчих.

94. См. наст. изд., с. 143–144, примеч. 2.

95. Обер-офицерские чины — военные и гражданские чины IX–XIV классов.

96. Литургия (*греч.*)— обедня, главное христианское богослужение в православной церкви, во время которого совершается причащение.

97. Миропомазание — одно из семи христианских таинств. В православии производится над крещаемыми, а также в Византии и России — при коронации государей.

98. Он назывался также крабьица; был сделан из яшмы, оправлен в золото, на крышке — украшения, в том числе, змея, выполненная в технике финифти (эмали).

99. Антидор — просфора, разрезаемая на мелкие кусочки и раздаваемая народу после обедни.

100. Эктения — ряд молитв, однообразных по форме, которые произносят во время богослужения священники или диакон, причем певчие отвечают: «Господи помилуй или подай Господи»; различаются эктения малые, великие и просительные.

101. Обер-гофмейстер заведовал придворным штатом и финансами Двора.

102. Флигель-адъютант (*нем.* Flugeladjutant от Flugel — крыло) — младшее свитское звание, присваивавшееся штаб-и обер-офицерам армии и флота.

103. Статс-секретарь Его Величества — высшее гражданское почетное звание.

104. Обер-егермейстер (от *нем.* Jagermeister — начальник охоты) — придворный чин II класса; заведовал Царскою охотой и ведал охотничьим оружием. Егермейстер — придворный чин II класса.

105. Нарышкин Дмитрий Львович (1758–1838) — сын обер-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина, камергер (1793); в 1795 г. женился на Марии Антоновне Святополк-Четвертинской; гофмейстер (6 августа 1798), обер-егермейстер (27 февраля 1804). В апреле 1834 г. в его доме (Фонтанка, 21) дворянство Санкт-Петербургской губернии давало бал в честь совершеннолетия цесаревича. Его имя упомянуто в анонимном пасквиле, полученном А. С. Пушкиным 4 ноября 1836 г.

106. См. наст. изд., с. 294, примеч. 17.

Подготовка текста и комментарии Л. В. Выскочкова

Письмо неустановленной дворянки Софье Ивановне Новокщеновой

1826 le 17 d'Août Mardy
à 10 heures du Matin

Pardonne la paresse de ton amie bien bonne Sophie voila presque un mois que je ne t'ai point écrit, mais à la fin des fins me voila libre pour quelques minutes, maintenant Barbe fait l'analyse Nicolas écrit et Annette avec Jean apprennent leurs faibles. Pour te decrire tout ma Sophie est impossible premierèment* от того, что половину забыла, а во 2-х, долго будет et tu veras chère amie ai-je le tems en faire quelque chose, et

* *Пер. с фр.*: 17 августа 1826 г. Вторник, 10 часов утра. Прости подруге твоей, добрейшая моя Соня, толикую леность — вот уже скоро месяц, а я так тебе и не написала, но вот, наконец, на малое время я свободна, Варя сейчас делает изложение, Коля пишет, а Анечка с Ваней учат басни. Описать тебе все, что с тех пор произошло, невозможно, потому, во-первых,

dernièrement j'ai la douce Esperance de te voir bientôt j'imagine donc oh! ma douce Sophie que de plains j'aurois te raconter tous ce que je ne veux pas confier à ce papier. Madame Dournoff notre tante est arrivé pour le couronement avec ses 4 filles et un fils, elles viennent chaque jour chez nous et* от 11 часов утра вчера у нас puis-je donc les quitter et puis nous ne restons presque pas à la maison, leur mère est une bien bonne femme et m'aime beaucoup, je lui répete sans discontinuer ma tante vous êtes venue à Moscou pour s'amuser il faut donc aller là et là. Voila la petite lise qui pleure, mais ne suis-je donc pas une sotte j'ai oublié de te dire — felicite ton aimée avec une nièce me voila tante Eudoxie est accouché d'une qu'on nomme Lise le 11 de ce mois à 11 heures du soir**.

Вот видишь, мой друг, вчерась я воображала бóльшее написать письмо, но не успела сесть, как приехала Катрин Жеровская, и принуждена была все оставить и идти скорей одеваться. Не знаю, что Бог даст сегодня, mais j'espere en profite de ce moment d'aujourd'hui pour qu'il n'est que 9 $^1/_2$ maman part au boutique et moi je reste***. Вчерась и сего дня назначены manoeuvres. Les cousines ont été et disent qu'il n'y a rien à voir excepté de la poussière. J'étais une fois avec Maman aux revues de tous les regiments****. Представь, надо было ехать в пять часов утра, приезжаем туда, Государя еще не было, а посланники и все войско давно все собрались. Надобно тебе, мой друг, сказать, что смотр был за заставой на большом поле против Петровского дворца, место сие называется Ходынка. Вскоре после нас приехал Государь, Великий князь М[ихаил] П[авлович][1] и наследник верхом, а Государыня А[лександра] Ф[едоровна] с Еленой Пав[ловной][2] в коляске, что было карет и народу, мой друг, ни одного человека, я думаю, не оставалось в Москве, кроме купцов, как видно было; мы так близко стояли около царской фамилии, Михаил Павлович беспрестанно мимо нас ездил, а наследник[3] был в гусарском мундире и верхом. Ах, как он мил, Sophie, такой малюшка, и прехорошенький! Весело было, но я в другой бы раз не поехала, потому что приехали домой в два часа, все в пыли, загорелые, и устали до смерти.

Были мы несколько раз на разводе на Кремлевской площади и тут гораздо лучше: Le Grand duc Constantin est arrivé le 14 de ce mois, je ne l'ai pas encore vu, on dit qu'il est bien laid, l'Empereur et toute la famille etaient une chance de le revoir. Hier chère amie j'étais avec les cousins au champ*****, такое огромное поле все застроено, здесь будет праздник народный; что столов, столов, мой друг, того счету нет!

---

* *Пер. с фр.:* да и ты сейчас поймешь, что времени на что-нибудь у меня совсем не было, а с недавних пор я лелею надежду, что я скоро тебя увижу, и воображаю, что я порассказала бы тебе, о! нежная моя Соня, все, что не хочу доверять бумаге. Моя тетушка, госпожа Дурнова, приехала на коронацию с 4 дочерьми и сыном, они всякий день приезжают к нам.

** *Пер. с фр.:* могу ли я их оставить, и потом мы почти не проводим время дома, их матушка — вполне добрая женщина и очень меня любит, я говорю ей непрестанно: «Любезная тетушка, вы приехали в Москву, чтобы весело проводить время, поэтому надобно ехать туда-то и туда-то». Вот и маленькая Лиза, которая все плачет, но не глупая ли я, коли забыла тебе сказать — поздравь любезную свою подругу с племянницей, а я вот теперь тетка — 11 числа сего месяца Евдокия родила девочку, которую назвали Лиза.

*** *Пер. с фр.:* но я надеюсь воспользоваться сегодня тем, что маменька в полдесятого только уходит в лавку, а я остаюсь.

**** *Пер. с фр.:* маневры. Кузины были там и говорят, что ничего не видели, кроме пыли.

***** *Пер. с фр.:* Великий князь Константин прибыл 14-го сего месяца, я его еще не видела, но говорят, что он очень уж непригож, а у императора и всего семейства был случай с ним повидаться. Вчера, любезная моя приятельница, была я с братьями своими на поле.

Посереди поля сделана большая беседка для царской фамилии; по бокам выстроены огромные галереи для зрителей. Нам обещали достать место напротив царской беседки, а чтоб видеть коронацию, то у нас есть билеты и бесподобные нам даны места около самого Архангельского собора; между столов сделаны фонтаны, из которых будет литься вино белое и красное, а в стороне сделаны комедии, качели, место для господ Tournies. Я думаю, ты знаешь по газетам, что здесь есть Mr Tournies, который делает разные удивительные штуки на лошади, он здесь со всей своей фамилией; еще место для фейерверку, и все это сделано для всего народа — кому угодно кушать ли, которым ли игры: и все даром. Погулявши на Девичьем поле, пошли в Девичий монастырь, бегали по кладбищам, чтобы разные здесь найти многих знакомых памятники. J'étais plusieurs fois au boulevard de Tverskoy comme j'aime promener la, toujours quantité de mondes ont vient à 8 heures et on de promener jusqu'à dix*, так, что друг друга почти не видать. Во время въезда было у нас место куплено вместе с Гродецкими. День был ужасно жаркой. Мы поехали в 12 часов, а въехал Государь в 5 часов; каково, представь, наше положение, Sophie, жаркое солнце нас совсем спекло, пить хочется до смерти, а негде взять. Познакомилась я тут с двумя сестрами, фамилия их Дуровы (родные сестры Гродецкой), воспитывались в Петербургском Институте, премилые, но лицом не очень хороши, знают Гартновых, Повалишиных, мне очень было весело с ними, мы так хорошо познакомились, мы к ним и они к нам ездиют, я их очень люблю surtout la cadette Barbe qui a 20 ans un peu touche mais très aimable**.

Le 22 de juillet nous étions à l'Institut (à propos de l'avoir la lettre de Mlle Внуков elle a ecrit à ses Parents pour feliciter Mde la Générale), à peine étions nous arrivés que suis-je viens dire que l'Impératrice Marie Ф[едоровна] a envoyait aux enfans 15 hommes avec des fruits, Mde la Générale les a fait venir***, пятнадцать лотков принесли, дорогая Sophie, и все, что тебе угодно, все было; генеральша нас позвала в другую комнату и просила, чтобы кушали и брали сколько угодно. Тут твой godiche amie**** довольно покушала и за себя, и за тебя. Видела тут Mde Tolstoy qui est devenu maigre et pâle comme la mort, les deux Куприянов, Tecoutieff, et Aline Vikentieff, à la dernière je demande si elle recois de tes nouvelles, elle me dit que non; j'ai ecrit à Mlle Sophie de telle une grande lettre et j'ai envoyé avec Mlle Nicoleff, mais elle ne me repond pas. Ensuite nous allames chez les Hermes féliciter Мария Богдановна, Madame Lafrittry étais, elle m'a dit qu'elle vous a écrit une lettre, et a envoyé avec un marchand***** Козакисов — не помню, друг мой, точ-

---

* *Пер. с фр.:* Я не раз бывала на Тверском бульваре, поелику люблю там гулять, в 8 часов туда приезжает так много народу и прогуливаются до десяти

** *Пер. с фр.:* особливо же младшую Варю, которой 20 лет, и она несколько не в себе, но весьма любезна.

*** *Пер. с фр.:* 22 июля мы были в Институте (по случаю того, что пришло письмо от барышни Внуковой, которая просит своих родителей поздравить г-жу генеральшу, едва мы приехали, как я тотчас узнала, что императрица Мария Федоровна послала к детям 15 человек с фруктами, и г-жа генеральша распорядилась принести их.

**** *Пер. с фр.:* простоватая подруга.

***** *Пер. с фр.:* г-жу Толстую, которая стала тощей и бледной как смерть, обоих Куприяновых, Текутьева и Алину Викентьеву, спрашиваю последнюю, получала ли она от тебя какие-нибудь новости, она отвечает, что нет, я написала барышне Софье такое же большое письмо и послала с барышней Николевой, но та ответа не получила. Затем мы поехали к Эрмесам поздравлять Марию Богдановну, там была госпожа Лафитри, она сказала мне, что написала вам письмо и послала его с купцом.

но, какую фамилию она мне сказала. Madame Rounitch est arrivé de Pétersbourg avec une de ses filles Катерина Павловна charmante personne parfaitement bien instruite et une grande musicienne je l'aime de tout mon coeur, nous allames donc avec maman chez eux. Madame était enchanté de voir maman, et moi de voir Catherine Пав[ловна]. Nous allames avec К[атерина] П[авловна] dans un autre chambre et parlant de toute sorte de choses, nous voyons entrer un officier du regiment de Преображенской garçon bien joli pas grande taille, nous salut ensuite dire bonsoir à Medames, revient et commence à nous parler, puis nous allames nous promener un jardin*, долго гулявши, слышим, бьет 9 часов, Катерина Павловна говорит: Aimée**, пойдем гулять по улицам, чем нам здесь крутиться (à jardin est bien petit***). Хорошо, я говорю, пойдемте, Mr Челищев, fait nous apporter des chapeaux dit-elle****, он принес и говорит: Permettez moi de prendre aussi mon chapeau*****. Катерина me regarde comment pense-tu aimée, c'est comme il vous plaire lui dis-je, Eh bien, Mr Челищев, apportez aussi votre chapeau******. Итак, chère amie пустилась гулять avec un monsieur qu'elle voit pour la première fois, où allons nous donc au boulevard de Twerskoy*******, представь, chère amie, что уже темно, десятой час, однако ж взяла я нашего человека (меня до смерти любит, и стоит мне только слово сказать, он рад Бог знает куда для меня идти), разговаривая беспрестанно, qu'il est charmant et aimable me donner ami[tié]********, пришедши на большой бульвар, входим и видим множество мущин и ни одной женщины je dis alors à Катерина Пав[ловна] Non! Кат[ерина] Пав[ловна] pour rien au monde je n'irai me procurer sur le boulevard, et lui me dit, mademoiselle, personne ne nous remarquera! mais lui dis-je il y a là beaucoup des officiers de votre connaissance ils vous verrons — et que pense-t-on de nous*********, он сей час взял свою шляпу и надел ее себе почти на лоб, так что его нельзя никак узнать, однако ж я не решилась идти, и принуждена была гулять по другому бульвару, на котором не очень много, однако человек 40 было, — не могу вспомнить, какую я глупость сделала, что решилась пойти с незнакомым человеком гулять ночью, но это malgré moi, je ne voulois point refuser à Катерина Павловна, nous revinons donc à la maison 11 heures sonne. Maman********** так заговорилась с Md Руничевой, что не приметила

---

* *Пер. с фр.:* Госпожа Рунич прибыла из Петербурга с одной из своих дочерей, Екатериной Павловной, очаровательным существом, в совершенстве образованным и изрядной музыкантшей, я люблю ее всем сердцем, мы с маменькой ездим к ним. Матушка ее была рада видеть мою, я же была несказанно рада видеть Екатерину Павловну. Мы с Екатериной Павловной пошли в другую комнату и только принялись говорить обо всяких вещах, как тут видим, входит какой-то офицер Преображенского полка, молодой человек невысокого роста и приятной наружности, приветствует нас, говорит «добрый вечер» нашим дамам, возвращается и пускается с нами в разговор; потом выходим прогуляться в сад.

** *Пер. с фр.:* милая.

*** *Пер. с фр.:* сад-то слишком мал.

**** *Пер. с фр.:* прикажите принести наши шляпы, говорит он.

***** *Пер. с фр.:* позвольте мне взять также и мою шляпу.

****** *Пер. с фр.:* спрашивает меня: «Как ты думаешь, милая?» — «Как вам угодно», — отвечаю. «Ну, г-н Челищев, сходите и за вашей шляпой».

******* *Пер. с фр.:* по Тверскому бульвару с господином, которого она видела впервые.

******** *Пер. с фр.:* как он очарователен и мил, что дарит мне свою дружбу.

********* *Пер. с фр.:* тогда я говорю Катерине Павловне: «Нет, Катерина Павловна! ни за что на свете не покажусь я на бульваре», а она мне отвечает: «Никто же нас не заметит!», а я ей на это: «Там много ваших знакомых офицеров — они вас увидят, и что о нас подумают?»

********** *Пер. с фр.:* помимо моей воли, я отнюдь не хотела отказать Екатерине Павловне, таким образом мы вернулись домой, когда пробило 11. Маменька.

наше долгое отсутствие, спросила нас, где были мы — говорим в саду — Остальное время Катерина Павловна играла на фортепьянах et lui parla sans discontinuer j'ai donc passé le soirée très agréablement — depuis alors nous n'étions pas*. — Пожалуйста, голубушка, не показывай мое письмо никому, но прочти его одна, ради скуки, я хотела писать на маленькой бумажке, но скажу тебе, что терпеть не могу писать на маленьком лоскуточке. — Avez-vous reçu des lettres de Nathalie? Que je voudrois savoir où êtes-vous ma charmante dans votre Бекерино où en voyage et pourquoi en silence, pourquoi ne pas m'écrire? Ah! dis-moi quelle raison t'empecher et de me tranquilliser**? Вот видишь, голубушка моя, как я обрадовалась, нашедши время к тебе писать, смотри, сколько намарала, прости, что без смыслу, а главное — неинтересное вранье. Забыла тебе сказать, была я с maman у кузины Настеньки, она живет у Сазоновых, у которых преогромный сад и яблоков тысяча тысячей, и что за яблоки, мой друг, разные сорта: уж тут я наелась, сама рвавши. Mon oncle Кушников est maintenant chez nous et demeurera jusqu'à le couronnement. — Mais il est temps de finir mon grifonage j'irai un peu me coucher, toute la nuit je ne pouvois dormir la petite Lise ne faisait que crit et pleurer, elle dort dans mon chambre***, кормилица у ней пресмешная баба молодая 20 лет, и я от ней умираю со смеху.

23 августа.

A la fin des fins j'ai reçu ta charmante lettre ma bon Sophie, que je t'en remercie pour l'interessante journal, maintenant je suis tranquille ma Sophie se porte bien et voila tout mon bonheur. Il faut te faire part du jour d'hier, je te felicite chère amie**** с коронованным Государем, прежде скажу тебе, что в субботу были у нас крестины; гостей было довольно, а крестили Лизаньку маменька с г-ном Городецким. Mlle de Grodetsky (la soeur de Mr Grodetsky personne de 50 ans bonne donc, complaisante et extraimement affaible, je l'aime beaucoup) avec mon oncle Kouchnikoff, nous sommes arrivés à 4 heures et nous etions 25 personnes*****, стол продолжался до 6 часов. Целый день очень весело провела; вечером собрались мы к Толмачевым в Кремль ночевать, но Eudoxie сделалась очень больна, и мы принуждены были остаться. Катерина Петровна (Mlle Grod[etsky]) ночевала у нас.

В воскресенье 22 встали мы в 4 $^1/_2$, скорей одеваться, чай пить, карета была готова, и мы поехали. Папенька, maman, Катерина Петровна, Тобинька и une

---

* *Пер. с фр.:* и непрестанно болтала со мной, так что вечер я провела очень приятно, и с тех пор мы не виделись.

** *Пер. с фр.:* Получили ли вы письма от Наташи? Как я хотела бы знать, где вы, моя прелестница, в вашем Бекерино или в путешествии, и почему молчите, почему не пишете? Ах! скажи мне, какой резон в том, чтобы все воздерживаться и меня успокаивать?

*** *Пер. с фр.:* Дядюшка мой Кушников теперь у нас и будет жить до самой коронации. — Но пора заканчивать мои каракули, пойду немножко вздремнуть, всю ночь не могла заснуть, Лизанька только и знала, что кричала да плакала, а спит она в моей комнате.

**** *Пер. с фр.:* В конце концов я получила твое премилое письмо, добрая моя Соня, как же я благодарствую за твой любопытный дневник, сегодня же я совсем успокоилась, хорошо себя чувствую и тем вполне счастлива. Надобно рассказать тебе о вчерашнем дне, поздравляю тебя, милый друг.

***** *Пер. с фр.:* Барышня Гродецкая (сестра г-на Гродецкого, особа лет 50-ти, добрая, снисходительная и до чрезвычайности приветливая) с дядюшкой моим Кушниковым, мы пришли в 4 часа, и было нас 25 человек.

dame* Протопопов, et moi, а в ноги к себе посадила я свою девку; дорогой ужасно хохотали, приехали мы к Боровицким воротам, а нас не пускают, принуждены были воротиться и ехать к Спасским. Ты можешь себе представить, какова теснота и давка, попали в веревку[4], несколько времени дожидались: ни туда, ни сюда нельзя ехать; вышли из кареты, пошли пешком, тут потерялись мы, не знаю, как я еще жива осталась и как не раздавили. Вообрази себе: Спасские ворота очень узки, только одна карета может проехать; надобно было непременно, чтоб, дойдя до места, идти в Спасские ворота. Ах, Боже мой, до сих пор не могу вспомнить подход к ним: народу, народу — бесчисленное множество, кареты друг друга перегоняют, колесо об колесо зацепит, так и ждут. Maman меня взяла за руки, тащит, Катерина Петровна сзади за меня держится и тащит всех назад. Какая-то девка легла совсем на руки к нам с маменькой и так нас и рвет; отовсюду народ толкается, а около нас кареты скачут, ни на ком лица нет, не говоря про себя — я бледна была, как эта бумага, потому что лошадей ужасно я боюсь, притом холодное утро было, а я не надела свой manteau**, в одном платье да шляпе, не знаю, как Бог провел нас дойти до нашего места, которое около самых дверей Архангельского собора. Но, покуда не началась коронация, я умирала со смеху: представь, у старух и стариков — откуда ноги взялись! — бегут, кричат, такая суматоха, все суетятся, ищут свои места, бранятся, да, такой смех, — только я так озябла, ежели бы не Гангривова дала мне свою шаль: моя, думаю, что теплее, но она меня согрела, и я ей очень обязана. В 9 часов утра пушки начали палить и колокола звонить, все войска были уже расставлены, играют музыку — и выходит Государыня Мария Федоровна[5], вся в золоте и бриллиантах, убрана была вся в локонах (волосы как смоль черны — парик) и на голове диадем; ты воображаешь, каков должен быть диадем у Государыни, все на ней горит; сошедши с лестницы, кланялись на все стороны, потом, ставши под балдахином, взошла в Успенский собор, полчаса спустя пошла из дворца церемония: прежде всего, мастеровые, потом купечество, дворянство, знатные дворянства, чиновники из всех присутственных мест, наконец, генералы, сенаторы, посланники и потом Государь в золотой порфире. Только что из пушек начали палить, звон по всем церквам, знамена преклонили, медь заиграла, певчие запели и народ закричал: «Ура!» Что в то время все чувствовали — не знаю, а только видно было, что многие плакали. Константин Павлович и Михаил Пав[лович] по бокам, за ним камергеры и самые главные несли шлейф его. Потом за ними Государыня в глазетовом[6] платье и в серебряной порфире, вся в белом, на голове ничего; можно ли быть такой худой и бледной, как она; не видать, что у́же: лицо или платье (говорят, у нее чахотка в сильном градусе). Сошедши с лестницы, подошли под балдахин и прошли в Успенский собор. Тут началась обедня и коронование (позабыла тебе сказать, что все места, сделанные в Кремле, были обиты красным сукном; каков должен быть вид, представь себе, мой друг!). При входе в Успенский собор Филарет сказал ему, как говорят (папенька слышал, потому что он нес балдахин), единственную речь,

* *Пер. с фр.:* некая госпожа.

** *Пер. с фр.:* «манто» (от *лат.* mantum — плащ, накидка) — женская верхняя одежда просторного покроя без сквозной застежки.

и государь заплакал[7]. Во время обедни, которая недолго продолжалась, все мущины военные сошли с своих мест и прохаживались, друг друга поздравляя, ибо около 200 человекам дан чин, и все такие веселые, видела многих знакомых. Во время обедни из пушек не палили, но когда все кончилось, Государь вышел из собора в короне, то все опять взволновалось и крик народа еще более умножился. Государь вышел из-под балдахина, показывая себя народу и кланяяся на все стороны. Как он был хорош в этой короне и в порфире, так величественно шел и весело, но был ужасно бледен[8]. Государыня тоже в короне, маленькой самой, с чашечку, я думаю, ей и это было тяжело. Взошли в Архангельской собор, тут я его бесподобно разглядела, приложась, вышли из собора и пошли во дворец, взошедши совсем на площадку, Государь обратился ко всем и поклонился, и потом Государыня. Вот все и кончилось, мы пошли к Толмачевым, которые нас звали к себе, пришли к ним, у них нашли множество гостей. Завтрак был бесподобный, напившись кофею, пошли опять во дворец, думая взойти как-нибудь в галерею, посмотреть, как будут кушать, но никак невозможно было, принуждены опять идти к Толмачевым, стол продолжался только три четверти часа по приказанию Государя, потому что Государыня очень была слаба и должна иметь покой. Мимо нас проехали все посланники, потом приходит и папенька, он был тоже назначен служить при дворце, потом сделан был всем участвовавшим при коронации стол, то папенька нам множество принес конфет и фруктов царских.

le 25 Mercredy le matin

Bonjour bonne Sophie je veux recommencer à te raconter du jour de couronnement, a 7 heures du soir on a commencé à illuminer le Cremlin*, единственно было иллюминовано, невозможно себе вообразить, что такое, все горит (люди, приехавшие из нашей Подмосковной, говорят, что видно было зарево, и они, перепугавшись, думали, что Москва горит), nous ordonames d'aller la voiture et nous allames**, ночь сделалась днем, карет, Sophie, такое множество, что полиция и не в состоянии была действовать, все отступились и дана была воля. Ну, признаться сказать, Sophie, есть что посмотреть; можно до смерти нахохотаться и напугаться; мы три четверти часа стояли на площади: никоим образом нельзя было въехать в Иверские вороты, наконец, долго дожидавшись, наш кучер пустился, зацепил за коляску, чуть совсем не опрокинул, и, слава Богу, въехали в ворота — крик, шум, вся царская фамилия один круг сделала вокруг Кремля, а наследник два. Nous revinmes a la maison a 11 $^1/_2$ et mardy nous allames au jardin nous promener Maman, l'oncle Кушников, cousin Kosarinoff officier, moi et Barbe, une foule de monde***, такая толкотня, если бы не Преображенские гвардейские солдаты, то все бы платье изорвали, но они меня спасали. Nous avons fait plusieurs tours et ensuite nous allames en voiture, et en avons fait un tour autours de Cremlin et nous voila à la maison. Hier

* *Пер. с фр.:* 25-е. Среда, утром. Здравствуй, добрая моя Соня, опять я хочу тебе рассказать про день коронации, в 7 часов вечера началась иллюминация Кремля

** *Пер. с фр.:* мы приказали закладывать карету и поехали.

*** *Пер. с фр.:* Мы возвратились домой в половине двенадцатого, а во вторник мы поехали погулять в саду — маменька, дядюшка Кушников, двоюродный брат офицер Козаринов, я и Варя, там была целая толпа народу.

je n'etais nulle part car maman était toute la soirée chez une dame malade Md Emelianenko, son mari est chaque jour chez nous, il est general gouverneur de Kalouga[*]. — Шесть дней будет иллюминован город — как весело, сколько должно стоить это государю тысяча тысяч. — Pardon, chère amie, je suis si enragé y entend de bruit. — Знаешь что on vient nous dire que l'Embassadeur Anglois veux distribuer 7 millions aux peuples aussi on doit se rassembler dans la maison de Pachkoff. Imaginez donc que presque tout nos gens sont allés. — Mais je crois que c'est un mensonge. 7 million est-il possible[**]? Я стою около окошка, то народу пропасть, бегом все ревут. — Jusqu'à présent je ne pouvois nulle part entrevoir ta charmante soeur que j'en suis fachée[***].

le 13 a midi. — Lundi.

Que je suis coupable envers ma Sophie mais tu me pardonnera[****] узнавши всю суматоху, происходящую в продолжение этого времени. — D'où commencer? Que raconter? — Oui, il faut te dire premièrement que la veille du Masquerade le 31 d'Août, nous etions occupés à travailler, puisque je voullais aller au Masquerade, ainsi les servantes travaillaient mon sarafan, et nous maman, ma soeur, le bandeau sur la tête; — tout d'un coup nous voyons arriver une voiture et s'arreter devant notre maison, on vient nous annoncer que[*****, а]?

Nous etions enchantés de la voir je cours à la rencontrer comme il y a 6 ans qu'elle n'a été à la Moscou ainsi elle ne m'a pas reconnu[******]. Нет, угадай, дружок, кто к нам приехал? Лизавета Степановна, твоя знакомая Грёкова. Enfin[*******] со всеми поздоровавшись, села и начала говорить и говорить, Бог знает, какой вздор, наконец, узнавши, что я еду в маскерад, сбирается с нами, говорит, что привезла с собою пропасть денег и непременно [хочет] ехать с нами. Мы, еще совсем ее не узнавши, согласились с ней ехать; сейчас карета была готова, поехали мы в город. Maman, Catherine Zapolsky (hier la chère Catherine passa toute la journée avec nous et aujourd'hui elle part pour 2 ans à Резань), Лизавета Степановна et moi. — В карете, chère Sophie[********], Лиз[авета]

[*] *Пер. с фр.:* Мы сделали несколько кругов, затем сели в карету, в ней проехались вокруг Кремля, и вот мы дома. Вчера я нигде не была, поелику маменька весь вечер провела у одной больной госпожи Емельяненко, ее муж всякий день у нас, он — генерал-губернатор Калужский.

[**] *Пер. с фр.:* Прости, любезная подруга, я так взбудоражена, узнав об одном слухе. — Знаешь, что нам только что сказали, что английский посланник хочет раздать народу 7 миллионов, и что для этого должны собраться в доме Пашкова. — Вообразите только, что почти все наши люди ушли туда. Но я думаю, что это вранье. — 7 миллионов — возможно ли?

[***] *Пер. с фр.:* До сего времени так и не могла перевидеться с прелестной сестрой твоей, чем я немало раздосадована.

[****] *Пер. с фр.:* 13-го в полдень. Понедельник. Как виновата я перед моей Соней, но ты меня простишь.

[*****] *Пер. с фр.:* С чего начать? Что рассказывать? — Надобно тебе сказать, во-первых, что накануне маскарада 31 августа все мы были заняты работой, потому что я хотела идти на маскарад, так что работницы трудились над моим сарафаном, а мы, маменька и сестра моя, шили повязку на голову, вдруг видим мы, подъезжает карета и останавливается перед нашим домом, к нам пришли сказать, что?

[а] К тексту приписка Новокщеновой карандашом в верхней части листа: «Вздор, мой друг, не то бы раздавали по церквам и никому бы не досталось» — *сост.*

[******] *Пер. с фр.:* Мы были несказанно рады ее видеть, я спешу встретить ее, поелику лет 6 она не была в Москве, так что сначала я ее и не признала.

[*******] *Пер. с фр.:* наконец

[********] *Пер. с фр.:* Маменька, Екатерина Запольская (вчера она провела весь день у нас, а сегодня на 2 года уезжает в Резань), Лизавета Степановна и я. — В карете, любезная Соня

Ст[епановна] ужасные глупости делала, например: встречается какой-нибудь мущина, ежели ей не понравится, то делает ему разные гримасы, а который понравился, тому ручкой; представь наше положение, мой друг. Приезжаем в город; с 4-х до 8 пробыли в городе, потому что какой разнощик встретится, то она останавливает и покупает, не знали мы, что нам и делать, наконец, насильно потащились в лавку, купила она себе пунцового атласу, дымки, лент и все, что нужно ей было. Насилу из городу вырвались, все не кончилось; севши в карету, просит maman, чтобы, Бога ради, к Педоти, maman прежде не соглашалась, нехотя решилась. Приезжаем к Педоти, купивши конфект, безе и мороженого, приехали домой. Скорей кроить ей сарафан. Maman хотела ехать со мной в маскерад, но как Лизавета Степ[ановна] тоже с нами сбиралась, но maman боялась с ней ехать, ибо обстыдит, представь, совсем сумасшедшая, помешана на одной любви, что все в нее влюблены, на ней хотят жениться, почитает себя первой красавицей и богачкой (а у нее только 25 душ). А я еще, прежде, уговаривалась с Дуровыми, что ежели maman не будет здорова этот день, то я с ними поеду. Все кроют и шьют, у меня было уже все готово. Лизавета Степановна в день маскерада отправилась пешком искать своего человека и свою девку; позабыла тебе сказать, мой друг, что мы до сих пор не знаем, с кем она приехала и в чем, потому что двое суток мы наших людей повсюду посылали сыскать ее девку и людей, с ней приехавших, потому что она, приехавши в Москву, остановилась в гостинице, оставила все свое белье и девку, а сама отправилась со своим человеком к Смирновым (ее знакомые), пришедши к ним, отпустила своего человека, не велела ему приходить и не спросила, на какой улице она остановилась и в какой гостинице. И так поутру в день маскерада сама отправилась искать свою девку.

После обеда, бьет 4 часа, начали одеваться, чтоб ехать к Mme Гродецкой, puisque maman ne voulait pas aller. Etant tout a fait prête, je te dirais comment j'étais habillé j'avais un sarafan de ourlet chal bleu*, обшитая серебряным газом, et sur la tête un bandeau de veloure ponceau** и нашито на ней было вот таким образом[b] алмазы; le soir mon bandeau faisoit un grand effet*** коса распушена, заплетена, рубашка дымковая, а вместо запынки St. Cicile**** бриллиантовые, чулки шелковые и башмаки атласные голубые; — l'habit russe me tient très bien ou que j'ai entendu dire, и твоя aimée***** совсем сословной крестьяночкой. В 6-м часу j'étois tout à fait prête et nous allames chez les Grodetskoy**.** Maman Eudoxie (elle est sortie pour la première fois ce jour là) Сергей Федорович et moi******, проехали Петровской театр (где должен быть маскерад), полиция была уже расстановлена, и много карет уже наезжали. Enfin приезжаем к Гродецким. Варвара Николаевна (la cadette******* Дуров) не была еще

---

* *Пер. с фр.:* поелику маменька не хотела ехать. Наконец, я была готова, а во что была одета, сейчас расскажу: на мне был сарафан с подбоем и шаль голубого цвета.

** *Пер. с фр.:* а на голове бархатная пунцовая повязка.

[b] Далее следует рисунок — *сост.*

*** *Пер. с фр.:* вечером эта моя повязка производила немалое впечатление.

**** *Пер. с фр.:* Сен-Сесиль (Sainte-Cecile) — Св. Цецилия, вероятно, род пряжек.

***** *Пер. с фр.:* русское платье мне очень идет, или как я слышала, об этом говорили, а твоя любезная [стала].

****** *Пер. с фр.:* я была вполне готова, и мы поехали к Гродецким. Маменька, Евдокия (она в тот день впервые стала выходить), Сергей Федорович и я.

******* *Пер. с фр.:* младшая.

одета, наконец, все были готовы, je te ranconterais comment on était habillé*. Катерина Петровна Гродецкая (я тебе писала, что она девушка лет 46, премилая старушка) одета была в газовом белом платье, вышитом все золотом и отделанном 2-мя буфами, блондовая[9] косынка, а на голове газовая круглая шляпка с розовыми и серебряными цветами, elle etais très bien**. А у Варвары Николаевны розовый атласный сарафан, вышитый серебром, и зеленая бархатная повыка, тоже вышитая (старшая ее сестра не ездила). Mr Гродецкий, наш провожатый в своем мундире и сверху Венециан[10].

Наконец, бывши совсем готовы, сели мы четверо в карету и отправились в маскерад. Невозможно описать суматоху; что карет, мой друг Sophie, мы около часа стояли, невозможно было никуда проехать, принуждены были выйти из кареты и пешком дойти до театра. Взошедши в залу, множество уже было гостей, а ложи все заняты были, мы стали около самой царской ложи, около девяти часов приехал Государь с Государыней и Великий князь М[ихаил] П[авлович] с Еленой Павловной, взошли в свою ложу и не успели сесть, как музыка заиграла польский[11]. М[ихаил] П[авлович] взял Государыню, которая была одета в кашемировом (материал род турецкой)[12] голубом сарафане, вышитом бриллиантами, и повязка пунцовая тоже вся в бриллиантах, и сверх повязки блондовая вуаль, все на ней горело; за ними Государь в красном мундире и в венециане с Еленой Павловной, которая была одета в пунцовом сарафане, вышитом также бриллиантами, и в пунцовой повязке; что это, Sophie, как мила Елена Павловна, какая превеселая, беспрестанно смеется, премилушка; за ними все посланники с фрейлинами и, наконец, некоторые московские знатные за ними. Не можно вообразить, откуда столько взялось народу, тысяч 16 считают, было и в низших людях. Довольно долго польский продолжался, и я бесподобно видела всех их. Напротив царской ложи сделано было возвышенное место, когда они танцевали польский, то было это место закрыто ширмами; часу в 12-м ширмы раздвигаются, сделано род беседки, отделанной гирляндами цветов и перевитой розовыми и зелеными лентами, — бесподобный вид, и в ней стол накрытый, и на нем поставлены вазы золотые и серебряные, подсвечники и множество фруктов и всего, что только есть лучшего; vers minuit, après avoir beaucoup dansé l'Empereur, l'Impératrice et le Grand Duc avec la Grande Duchesse entrent dans la chambre où soupé était preparé***. Сели за стол 15 человек. Государь минут пять посидел, потом встал и все ходил, стоял и говорил; Михаил Павлович не садился. Я во время ужина была на самом лучшем месте, потому увидела, что Государь идет в ту комнату, где был стол приготовлен. Мы с Варварой Николаевной — вслед за ним (хотя мы и очень были жалуемы, ибо народу, мой друг, такое было множество, что нехотя друг друга толкали). Он на лестницу, и мы за ним вместе с фрейлинами и посланниками втерлись на самую первую ступеньку. Василий Иван[ович] Толмачев был дежурный и стоял на первой ступеньке около колонны, чтобы никого не пускать. Только увидя меня, сошел со своего места и дал мне руку и поставил около себя, а подле меня Варвара

* *Пер. с фр.:* расскажу тебе, кто в чем был одет.

** *Пер. с фр.:* что ей очень шло.

*** *Пер. с фр.:* ближе к полночи, Император с Императрицей и Великий князь с Великой княгиней вышли после танцев в комнату, где был приготовлен ужин.

Николаевна, и мы в таком были восхищении, так наглядились на царскую фамилию и особливо на Государя, который, подойдя к Василию Ивановичу, разговаривал с ним, и мы его единственно видели, а Михаил Павлович, пройдя несколько раз, поглядел на нас краем глаза. Многие дамы, стоявшие позади нас, говорили, как не стыдно этим барышням столько времени стоять у Государя, могли бы наглядеться и других пустить.

Mais nous faisames peu attention à tous discours, il y a voit beaucoup de demoiselles, pas de nous, avec les quelles nous fimes connaissance, j'ai cherchée partout la jolie figure de ta charmante soeur, mais parmi ce grand monde impossible d'en distinguer le parfait que tu m'a faite. — Comment je me suis amusé pendant le Maskerad impossible de l'écrire, j'ai vu beaucoup de demoiselles de l'Institut, et autres connaissances. Imaginez, douce Sophie, comme c'était agréable de voir toutes les demoiselles en costume russe, et les cavaliers en uniformes et en Венециан. — Après le soupé qui durait au moin une heure (nous gardames nos places, car nous etions particulièrement bien), nous avons si bien voulu voir Embassadeurs, surtout l'Embassadeur François Marmont qui est très joli, est d'une taille bien grande et majeustueuse. L'Empereur prit la main de l'Emperatrice et Grand Duc, de la Grande Duchesse, quelle etait joli ce jour la, et très gaie elle ne faisoit que rire, et commença a danser le Polonaise. Et nous partimes très contente d'avoir passé la soirée très agréablement. Nous allames tout droit chez les Grodetsky, là j'ai passé la nuit; nous arrivames à minuit, long tems avant de nous coucher nous portames sans discontinuer et nous racontames à Катерина Николаевна (femme de Mr Grodetsky) et à Татьяна Николаевна (soeur de Mr Dournoff В. Н.) comme nous nous sommes amuser, enfin après le soupé vers 2 heures nous nous couchames, on m'a preparé le lit dans la chambre de compagnie, j'ai dormi comme une malheureuse jusqu'a Dix heures, c'est qui m'a reveillé, elles ont été si bonnes de me laisser dormir jusqu'a ce tems, car depuis long tems ils ont pris le thé*. Итак, твоя нежно aimée, вставши, одна пила чай. Какое прелюбезное семейство, они точно нам самые близкие родные. Утром я работала с ними, делала бахрому для шерстяной косынки и разговоров не ведала, как время прошло, бьет 12 часов, подали кофей. Я не знала уговора Маменьки, как она сговаривалась за мной приехать или чтоб Гродецкие меня отвезли, а мне maman прежде сказала, что поутру за мной приедет, то я слышу, что бьет час, наконец,

---

* *Пер. с фр.:* Но мы мало обращали внимание на то, что они говорили, кроме нас там было много девиц, с которыми мы были знакомы, я повсюду искала хорошенькое личико твоей прелестной сестры, но среди столь большого числа народу невозможно было ничего различить. — Как я веселилась во время маскарада, это невозможно и описать. Я видела там много девиц из Института и прочих знакомых. Вообразите, милая Соня, как приятно было видеть всех девиц в русском платье, а кавалеров в мундирах и венецианах. После ужина, который продолжался по крайней мере час (мы оставались на своих местах, так как там нам было особенно хорошо), мы хотели видеть посланников, в особенности французского посланника Мармона[13], который весьма хорош собой, изрядно высокого роста и держится с большим достоинством. Император под руку с Императрицей, а Великий князь с Великой княгиней, которая была хороша в тот день и очень веселилась, так что все время смеялась, и начали танцевать польский. И мы уехали весьма довольными тем, как приятно провели вечер. Мы поехали прямо к Гродецким, где я и провела ночь; мы приехали в полночь, долгое время, перед тем как лечь спать, мы без конца рассказывали Катерине Николаевне (жене г-на Гродецкого) и Татьяне Николаевне (сестре г-на Дурнова В. Н.), как мы веселились, наконец, после ужина в два часа ночи мы легли спать, нам приготовили постель в гостиной, я спала как убитая до десяти часов утра, когда я пробудилась, а они были столь добры, что позволили мне спать до того времени, поелику сами до того времени пили чай.

два, и maman все не едет, так мне скучно сделалось, что к стыду признаться должна, что я заплакала и всех их встревожила, но Катерина Николаевна уверила меня, что они уговорились меня домой сами отвезти. После обеда велели закладывать карету, к ним приехала родная сестра Надежда Николаевна, Тверская помещица, не знаю, как фамилия, а узнаю, то напишу (sa famille est Barkoff, et sa soeur qui est aussi a livrer sa famille est parente de Мария Николаевна, tu l'a connait il me semble)[*, c] [Я у нее спрашивала, не знает Новокщеновых, но нет, к несчастию, не знает вас. Карета была готова, и в 5 часов отправились мы: Катерина Петровна, Татьяна Николаевна и я — прежде мы заехали в Экзерсир Гауз[14] для того, чтобы посмотреть, как он отделан, ибо купечество делало обед для Государя и для гвардии. Карет множество, насилу продрались. Я думаю, ты помнишь это большое строение, то вход в него сделан был сад, единственным образом все дерном уложено, цветы и дерева с фруктами, в другую комнату взойдешь, представлена зала, где накрыты уже были столы и все на них было поставлено (все накануне были), стены все были украшены воинами в латах: прекрасный вид, а с одной стороны сделан был мостик, и на мостике играли музыканты. Мы долго сидели, наконец, вышли в сад и хотели ехать, отворяем дверь, но честный майор, который у нас низ занимает, говорил Любови Ник[олаевне], сейчас Государыня будет, и тако мы остались около самых дверей. Слышим: «Ура!» — и видим, входит Мария Федоровна, около нее Елена Павловна в лиловом гроденополевом[15] платье и желтая шаль, простоволосая, по другую сторону герцогиня Велтенбергская Мария, красавица, у которой будет жить генеральша. Я бесподобно их видела, потому что бывшие в зале не знали, что она приехала, то когда они проходили, мы наравне с ними шли и даже немного вперед, заглядывая им в глаза. Но взойти в залу невозможно было, потому что народу было ужасное множество. Наконец мы уехали и приезжаем домой, бьет 7 часов. Встречает меня Лизавета Степановна, с неудовольствием говорит мне: «Ты меня обманула?» — но она тем хороша, что ее легко можно уговорить, и еще более оттого я ее скоро уговорила, потому что у нас были гости и, между прочим, был у нас кузен Alexandre Kozarinoff officier, joli, d'une taille médiocre mais parfaitement bien prisé; de manière que Лизавета Степан[овна] devint amoureuse et croyez de même l'enchainer, elle ne faisait que chanter et partout elle employet le Nom d'Alexandre cela l'amusoit extremement[**], Alexandre ужасной шалун, и он ей угождал — какая пренещастная. Бал не кончился, aimée dit-elle[***], вы не видали, как я хороша в моем сарафане, — побежала нарядилась в сарафан и повязку, надела корольки, ты знаешь, что у нее сарафан пунцовый атласный — и правду сказать elle était bien jolie en ce costume[****]. Взошла в гостиную, у нас тогда были Mde Гродецкая с Татьяной Никол[аевной] Дуровой. Catherine Zapolska, ma tante Дурнов avec les cousines, et ma

---

[*] *Пер. с фр.:* ее фамилия Баркова, а ее сестра, которая также носит эту фамилию, — родня Марии Николаевны, ты с ней, мне кажется, знакома.

[c] Приписка рукой Новокщеновой на верхнем поле — *сост.*

[**] *Пер. с фр.:* Александр Козаринов, офицер, красавец, правда ростом невзрачен, но зато весьма уважаем; так что Лизавета Степановна влюбилась в него и, поверьте, уж и проходу ему не давала, все говорила нараспев и постоянно поминала имя Александр, что ужасно его забавляло.

[***] *Пер. с фр.:* милая, говорит она.

[****] *Пер. с фр.:* она была весьма пригожа в этом наряде.

cousine Zavalichine et la mère de mon cousin Alexandre* — это она, взошедши в гостиную, запела и начала танцевать Русскую, знаешь, как бабы танцуют, и все, к несчастию, узнали, что она несчастная-помешанная, потом начала петь «Ударил час и нам расстаться должно...» таким жалким голосом, что всех в сожаление привела. Насилу ее могли уговорить, чтобы она скинула свой сарафан. После чаю все разъехались. Не говори, что она врала и делала Сашеньке (кузен), когда она начинает врать, то беги из комнаты, потому что невозможно слушать. И таким образом прогостила она у нас до 5-го сентября. Меня ужасно как полюбила. Mon oncle Кушников devoit rester deux mois pour arranger ces affaires, mais l'a voyait si malheureux et puis pour ne pas faire honte à sa femme l'amena le 4 de Septembre à 11 heures (malgré elle) dans sa campagne ou elle est jusqu'à present la avec sa soeur Евгения Степ[ановна] (femme de Микусина) elle m'a Ecrit une lettre, mais que Dieu la bénire avec sa correspondance je ne veux pas lui répondre, je ne veux que la plaindre**.

Aujourd'hui nous avons le 22 de Septembre, d'abord mon cousin Alexandre vient me dire Adieu, il part pour long tems peut être que pour 2 ans***. Сегодня, друг мой, дан будет фейерверк и к дополнению и окончанию всего будет весь город иллюминован, мы едем сейчас после обеда к Mr Толмачеву, возьмем его с женой и поедем в Лафертово, там у нас будут удобные места. После фейерверку проедем в Кремль, и таким образом бал кончится и все веселье с ним. Не стану тебе описывать, кто у нас был, однако ж надобно сказать, что у нас был Mr le capitain Малама, он при особых препоручениях у герцога Виртембергского, сказывал, что Alexis такой молодец, росту необыкновенного, и очень хорошо складывается, а Basile растет и хорошеет, Боже, дай скорее пройти 2 годам, чтобы могли мы скорей увидеться — ибо чрез год Alexis офицер, и он должен еще остаться год в Институте, чтобы совершенно усовершенствоваться во всем. Comme je voudrai voir mon cher et bon aimé Alexis. — Hier je lui ai écrit une grande lettre et j'ai envoyé avec Mr Kroce****, позволь, мой друг, так много, что писать, что ей не знаю, откуда начать. Скажу тебе, что мы в продолжение недели раза 3 были в Институте, Генеральша отправляется со всем в четверток, т.о. завтра 23 числа с Марией Винтенберг и на место ее Mde Певцова, elle a 7 enfants 4 filles, une est marié et 3 fils des enfans en âges la Cadette a 14 ans. Elle demeure en attendant chez Md Bouvat et ses enfans dans la maison de Sarokin*****, ты помнишь этот домик напротив Института, с балкончиком. Им казна нанимает этот дом и кушанье, свечи, дрова — все казенное. Девицы все очень плачут, особливо классные дамы и учители ее жалеют. Вчерась мы были у нее

---

* *Пер. с фр.:* Екатерина Запольская, моя тетушка Дурнова с двоюродными сестрами, моя кузина Завалишина и мать двоюродного моего брата Александра.

** *Пер. с фр.:* Дядюшка мой Кушников должен остаться здесь на пару месяцев уладить свои дела, но он выглядит таким несчастным, и потом, чтобы не приводить в смущение свою жену, отправил ее 4 сентября в 11 часов (против ее воли) в деревню, где она пребывает до сих пор с сестрой своей Евгенией Семеновной (женой Микусина), она написала мне письмо, но пусть Бог с ней, с ее перепиской, мне не хочется ей отвечать, хочется только пожалеть о ней.

*** *Пер. с фр.:* Сегодня, 22 сентября, двоюродный мой брат Александр только что сказал мне «прощай», он уезжает надолго, может быть года на 2.

**** *Пер. с фр.:* Как я хотела видеть дорогого и любезного моего Алексея. — Вчера я написала ему большое письмо и послала его с г-ном Кроком.

***** *Пер. с фр.:* у нее 7 детей, из коих 4 дочери, одна из которых замужем, и 3 взрослых сыновей, младшей из дочерей 14 лет. Она живет у г-жи Бува, а ее дети — в доме Сорокина.

поутру и отдали ей письма к братьям, она нам истинная благодетельница, много добра обещает впредь, потому что Институт путей сообщения под ведением Герцога, следовательно, она может их своими просьбами поставить на хорошую дорогу. И так простились мы с ней навсегда. Уезжая от нее, встретилась с мадемуазель Tournier, которая только что приехала от мадемуазель Hase, ужасно обрадовалась, увидя меня, мы с ней так целовались, наконец, поговоря немного, elle m'a dit Adieu Aimee ne m'oubliez pas! — je serais une ingratte si jamais je vous oublie Mr Tournier lui disait et nous nous séparames. — Maintenant nous n'irons plus à l'Institut, et que ferons nous là. J'ai vu plusieurs demoiselles Sigounoff qui se frise par devant Catherine Zagrievsky, de même, Barb Pobedonoszeff et Sophie Zinovieff* все завиваются спереди, иные такие крошки, а туда же завиты.

le 24 de Septembre Vendredy.

Bonjour ma douce et bien aimée Sophie, je veux continuer mon journal guère interressant ce 5 de Septembre jour de fête de mon chère et bien bonne maman ce jour nous avions beaucoup de monde le matin vers midi après le départ de Mr Hermes nous allames (вставка карандашом: avec notre cousin Mr Матюшкин qui m'ennuyait à la mort)** в Горновитую палату смотреть корону, в которой Государь короновался и в которой Государыня короновалась, скипетр, державу и порфиру. Какое богатство! le 16 de Septembre дан был праздник народный на Девичьем поле[16]. В 10 часов поехали мы (у нас были места напротив Царской беседки). Народу, друг мой, невозможно пересчитать, из-за трехсот верст приходили. Карет тоже — вся Москва. В 12-м часу приехали Государь с Государыней, Михаил Павло[вич] с женой и 2 великие княжны. Проехавши все Девичье поле, взошли в беседку, флаг поднялся (знак, чтоб подошли к столам обедать), и в одну секунду не только что кушать не осталось, но даже признаку не было, что были столы. Доски, веревки, все тащить начали, ломать, начали ломать башни, в которых было вино; Государь и вся фамилия уехали. Вдруг видим мы, народ кидается в галерею (около нас). Господа никто еще не уехал. Народ взошел в галерею, все, что было в ней: кресла, ковры, сукно — все рвут, наконец парусину, и в одну минуту всю галерею изломали. Представь наш ужас, все господа из своих лож вышли, бегут, не знают куда, доски летят, крик, шум; человек наш привел нас к одному дому, а сам пошел искать карету. Тут я встретила Marie Вотельнарову, которая тоже с матерью прибежала; один какой-то майор велел принести лавку, и мы на ней сели дожидаться своих. Очень рада была увидеться с Marie. Наконец, подают нашу карету. Садясь в нее, говорю maman, ну, ma chère Maman comment arriverons nous le postillion est si ivre qu'il ne voit goutte***, что и сбылось; он

* *Пер. с фр.:* она мне сказала: «Прощайте, милая, не забывайте меня». — «Я была бы неблагодарной, если бы когда-нибудь вас забыла». Г-н Турнье поговорил с ней, и мы расстались. — Теперь мы не пойдем больше в Институт, а что нам там делать? Я видела нескольких девиц Сигуновых, которые завиваются спереди, Екатерину Загревскую, ту самую, Варю Победоносцеву и Софью Зиновьеву.

** *Пер. с фр.:* 24 сентября. Пятница. Здравствуй, милая и горячо любимая Соня, хочу закончить мой не так уж интересный дневник, 5 сентября — именины моей любезной и добрейшей маменьки, в этот день с утра до полудня у нас было много народу, после отъезда г-на Эрмеса мы отправились (с моим двоюродным братом г-ном Матюшкиным, который мне смертельно надоедает).

*** *Пер. с фр.:* ну, любезная маменька, как же мы приедем, ведь кучер так пьян, что и дороги-то не разбирает.

спьяна зацепил[ся] с одной каретой, и мы минут около 10, сцепившись, ехали, оборвал постромки и улетел, один наш человек отворяет карету и говорит, позвольте мне остаться, форейтор спьяна Бог знает куда и с лошадьми уехал. И так мы приехали домой парой и без человека. Я и тысячу рублей не возьму, чтобы быть когда-нибудь на таком ужасном празднике. Я тебе, мой друг, вкратце все рассказываю, а если все описать, то мало целого письма, чтобы описать, что такое народный бунт. Le 17 de septembre — à jour je me suis cedé pour aller à la messe, ma première pensée était de te féliciter en idée, en te souhaitant bonne santé, plaisirs, bonheur, jouissances enfin tout ce que peut te souhaiter un ami veritablement sincère et fidelle, ah! ma bonne Sophie croi que ton aimée désire te voir heureuse en jouissant d'une parfaite felicité! — Nous avions assez de monde, entre autre, Mr Malama et Mr Hesé jeune capitaine du régiment de гвардейской Измайловской, aimable et parfaitement bien élévé. — Enfin le 22 de Septembre s'approche*.

22 сентября — этот день был назначен для фейерверку. Nous allames Maman Papa et moi à 3 heures chez Василий Иван[ович] pour aller ensemble; en arrivant chez eux ils disent que c'est encore bien de bonne heure, on nous presente des confitures, et le thé nous primes à 4 $^1/_2$ et nous allames 6 personnes en voiture, nous 3 Mrs et Mde Tolmacheff et une demoiselle, fon (т. е. должно было быть, разумеется, по-немецки von — *С. И.*) — je ne sais la famille un allemente**. Только что мы успели выехать из ворот, как попали в веревку, ужасное множество карет. Смотрю, два жандарма едут впереди и за ними кареты; кто же? Институтки, первой класс был. Мария Федоровна дала им комнату в Кадетском корпусе, откуда они смотрели.

Часу в 7-м приехали мы на место. Около 7 часов начинает смеркаться. Государя же все нет, фонари зажгли и очень темно сделалось, время, мой друг, такое было, точно в июле месяце, не холодит единственный вечер. В 8-м часу слышим «Ура!», в барабан забарабанили, две ракеты поднялись (сигнал), что поравнялся Государь с местом, где должен быть фейерверк, из-за лесу пустили бурак[17], потом Государь взошел во дворец Лафертовский[18], то из его окошек вылетел огненный голубок — тронул ту и другую сторону, зажег лавры, потом ударился в щит, зажег его и скрылся, пониже лавр, по бокам и в середине единственный щит с вензелем Н[иколай] I лилового цвета и лавры зеленого, так натурально, точно живые. Единственно был [щит], долго горевши, начал гаснуть, музыка заиграла, и эти лавры и щит повезли назад. Опять музыка заиграла, по бокам фейерверка сделаны были мостики, то из них пустили по 101 римской свече. После всякого действия музыка заиграла — по 101 римской свечи пустят и по два снопа. Вдруг видим мы, все горит, шум и треск ужасный, точно ад приближается, но постепенно огонь

---

* *Пер. с фр.:* 17 сентября — день, который отвела для присутствия на обедни, первой мыслью моей было поздравить тебя, пожелать тебе доброго здоровья, радости, счастья, житейских утех, словом, всего того, что можно пожелать тебе, искренний и верный друг, ах! добрая моя Соня, верь, что твоя подруга желает тебя видеть счастливой, пользуясь совершенным благоденствием. — У нас достаточно светского общества, между прочим г-н Малама и г-н Эзе, молодой капитан гвардейского Измайловского полка, любезный и вполне хорошо воспитанный. — Наконец, наступает 22 сентября.

** *Пер. с фр.:* Мы — маменька, папенька и я — поехали к Василию Ивановичу, чтобы ехать вместе; когда же приехали к ним, то они сказали, что еще слишком ранний час, нам предложили варенья, а в полпятого мы пили чай, и мы поехали вшестером в одной карете — нас трое, супруги Толмачевы и девица фон, дальше не знаю, какая-то немецкая фамилия.

исчезает, дым наверх подымается, и представляются бриллиантовые пирамиды, в золоте отделанные, а в середине — герб с вензелем. Единственно удовольствие. После этого опять римские свечи и 2 снопа, но что это за снопы бесподобны. Опять, представляются точно ад; все трещит и горит, огонь исчезает и является 7 орденов, а в середине бриллиантовая звезда (точно бриллиантовая). Так хорошо огонь к бриллианту был в звезде виден и в ней вензель. Опять римские свечи и 2 снопа. Потом видим мы, что вокруг все поле горит, и в середине огонь и треск ужасной, все осветило — огонь исчезает посередке и является 6 колесниц, запряженных 4-мя вороными лошадьми, и во всякой колеснице воин в руке держит факел, и кучер в белом, красным кушаком подпоясанный, точно стрелы летят. Все захлопали, и они в другой раз проехали, еще захлопали, и в 3-й раз проехали.

Представь, как они мчатся, а из-под копыт искры летят. Единственно — опять римские свечи и 2 снопа. Последнее действие было бесподобное, огонь ужасный, казалось — до неба достигал, дым необыкновенный, долго продолжался треск, наконец все исчезло — является храм, наверху — слава с гербом и написано — Николаю Первому, — по бокам вазы с цветами — бесподобно, единственно c'était charmant, magnifique*, век этого, может быть, не увижу больше, разве когда наследник женится. Вот все и кончилось, из пушек начали палить, и мы поехали прямо в Кремль. Василий Блаженный[19] единственно был иллюминирован[20], и весь Кремль, и все сады также бесподобно, завезли Толмачевых, а сами домой. Вот и все кончилось, царская фамилия скоро отправится. Наследник и великие княжны уехали. Вчерась герцог Виртембергский с генеральшой отправились, завтра Елена Павловна, и понемногу Москва пустеет.

le 19 d'octobre. Vendredy matin.

Je viens de recevoir ta chère lettre mon amie, tu t'inquietes bien bonne Sophie sur mon compte, et moi de même je ne savais que penser de ma douce et unique amie. La lettre que tu m'a écrit du Дуброва j'en ai reçu le 19 d'Aout — je voulois t'envoyer le chapeau que tu m'ordonne d'acheter mais je pensais que tu ne pourra porter un chapeau d'été du mois de Septembre**, а такие шляпы, мой друг, что ежели долго лежат, то делаются из белых желтыми, лучше, Бог даст, на то лето купишь себе получше, при том же фасон может перемениться и у тебя новая будет шляпа, а эта шведская пролежала бы напрасно, ибо в августе месяце перестают носить летние шляпы. — Je voulais t'écrire et répondre, mais je ne savais plus où adresser ma lettre. J'attendrai déja une lettre de Bekerino je croyais qu'en restant deux semaines à Twer vous partirez à votre campagne mais n'en recevoir aucuns nouvelle — quoique je m'amase extremement mais l'idée de ma douce et unique amie ne me faillait pas à mon grand regret je sais que tu n'as écris encore une lettre du Дуброва que je n'ait pas en le bonheur et le plaisir de recevoir. Maintenant je suis heureuse et contente, j'espere que notre correspondance prendra un

* *Пер. с фр.:* это было прелестно, великолепно.

** *Пер. с фр.:* 19 октября. Пятница утром. Я только что получила твое любезное письмо, друг мой, ты беспокоишься за меня, добрая моя Соня, а я сама не знала, что и подумать о тебе, единственная моя и нежная подруга. Письмо, которое написала ты из Дубровы, я получила 19-го августа — я хотела послать тебе шляпу, каковую наказала ты мне купить тебе, но я подумала, что ты просто не сможешь носить летнюю шляпу в сентябре.

autre tour. — Je veux plus vite de te tranquilliser quoique il est déjà assez tard mais j'envoie un domestique à cheval pour emporter cette lettre*. — Представь, не собираясь сего дня посылать тебе письмо, вдруг пришло мне в голову тебя скорее успокоить. J'espere que tu sera contente très douce amie de cette grandissime lettre, tu là lira une bonne demi-heure. Adieu angelique, bonne et douce amie, je croie que mon lettre ne te paraîtra assez grande. Adieu**.

Сверка текста с сохранением стилистических особенностей,
а также перевод фрагментов на французском языке
произведены С. Н. Искюлем
В сверке текста на русском языке принимала участие А. П. Ковалева

Публикуется впервые по: ОР РНБ. Ф. 1000. Конвалют 3. Д. 150.

Авторизованный черновик на русском и французском языках (17 машинописных листов). Копия. Письмо вложено в конверт, адресованный генералом Новокщеновым с припиской для дочери.

Основной текст написан по-русски, но имеются многочисленные вставки на французском языке отдельных слов, фраз и целых абзацев.

Автором является, вероятно, московская дворянка, дочь генерал-лейтенанта, так как она упоминает о папеньке, который нес балдахин. В соответствии с церемониалом, его несли 16 генерал-лейтенантов. Их список был опубликован в приложении к очерку П. Свиньина «Историческое описание ... государя императора Николая Павловича ...» // Отечественные записки. 1828. Ч. 35. № 99 (июль). Приложение Е. С. 130–131.

1. О Михаиле Павловиче см. наст. изд., с. 24, примеч. 5; с. 246, примеч. 96.
2. См. наст. изд., с. 294, примеч. 18.
3. См. наст. изд., с. 32, примеч. 33.
4. В смысле — попасть в «пробку».
5. См. наст. изд., с. 24, примеч. 4.
6. Глазетовое платье (от *франц.* glace — блестящий) — ткань с шелковой основой, разновидность парчи. В XIX в. глазет использовался в основном в литургическом облачении священников.

---

* *Пер. с фр.:* Я хотела писать тебе ответ, но не знала, куда адресоваться. Я уже ждала письма из Бекерино, думая, что по прошествии двух недель в Твери вы отправитесь в вашу деревню, но не получала никаких вестей, и хотя я так и не собралась послать письмо, но мысль о нежной моей и единственной подруге не оставляла меня; к великому сожалению моему, я знаю, что ты еще не написала письма из Дубровы, которое я имела бы удовольствие и счастье получить. Теперь же я довольна и счастлива, надеюсь, что наша переписка скоро возобновится в полной мере. — Хочу побыстрее тебя успокоить, и хотя я и так уже изрядно задержала, но посылаю на этот раз лакея верхом отвезти тебе это письмо.

** *Пер. с фр.:* Надеюсь, ты, дражайшая и нежная моя подруга, будешь довольна этим большущим письмом, и полчаса не пройдет, как ты прочтешь его. Прощай, ангельчик, добрая моя и нежная подруга, полагаю, что письмо мое не покажется тебе слишком уж пространным. Прощай.

7. Одно из многочисленных свидетельств чувствительности Николая Павловича и его склонности к сентиментальности.

8. Николай Павлович страдал приливами и отливами крови к голове, что вызывало в минуты волнения бледность.

9. Блондовая (от *франц.* blonde — золотистая, рыжеватая, русая, белокурая) — дорогое кружево из шелка-сырца, но в это время не столько золотистого, сколько белого или черного цвета. Эти кружева назывались также Шантильи (Chantilly) — от названия города близ Парижа, где они производились. В первой половине XIX в. шали, пелерины, зонтики, нарядное белье отделывались блондами.

10. Венециан (от г. Венеция) — полумаскарадный костюм в виде плаща-накидки для мужчин. Ф. Ансело описывает его следующим образом: «Мужчины в мундирах, но без шпаги должны были оставаться с покрытыми головами, а на плечах иметь небольшой плащ из черного шелка с газовой или кружевной отделкой, именуемый венецианом и выполняющий роль маскарадного костюма» (С. 151).

11. Польский — вариант полонеза. Ф. Ансело так описал этот танец: «Польский только условно заслуживает название танца, представляя собой прогулку по залам: мужчины предлагают руку дамам, и пары степенно обходят большую залу и прилегающие к ней комнаты. Эта долгая прогулка дает возможность завязать беседу, однако любой кавалер может менять партнершу, и никто не может отказаться уступить руку своей дамы другому, прервав едва завязавшуюся беседу» (Там же. С. 152).

12. Кашемир — мягкая тонкая шерстяная или полушерстяная ткань, названная по индийскому штату Шамир, откуда она первоначально ввозилась со второй половины XVIII в.

13. См. наст. изд., с. 299–300, примеч. 2.

14. Экзерциргауз — помещение для военных упражнений. В данном случае имеется в виду манеж напротив Кремля. Французский писатель Ф. Ансело не оставил без внимания этот событие: «Это огромное здание, уже описанное мною... Отделанное с большим вкусом, украшенное богатыми тканями, заполненное пышно накрытыми столами, оно представляло самое соблазнительное зрелище для гурманов, ибо богатые московские купцы не забыли ни о чем, что могло ласкать взор, щекотать обоняние и услаждать чувства их благородных гостей. На обед были званы представители всех посольств, но император снова нашел возможность выказать Франции особенное свидетельство своего благорасположения. Когда шампанское, пенясь, вырвалось из своего плена, царь встал и, подняв бокал, положил начало тостам, возгласив: «За моих верных союзников и добрых друзей!». (Там же. С. 158).

15. Вероятно, от гро-гро (грогрон — от *франц.* gros, в значении «главный») — ткань из высококачественного шелкового сырья, крупных неповрежденных коконов, дающих длинную шелковую нить.

16. Праздник на Девичьем поле состоялся 16 сентября. Подробное описание «этого жуткого зрелища» дал Ф. Ансело: «...не довольствуясь мебелью, народ, чья алчность разжигалась опьянением, стал крушить помосты, раздирая их на части и вырывая друг у друга доски, когда прибыл извещенный о беспорядке обер-полицмейстер генерал Шульгин во главе эскадрона казаков. Однако все их старания и жестокие наказания грабителей по-прежнему не приносили успеха. Тогда генерал призвал пожарных, располагавшихся по краю поля, и вскоре, преследуемые казаками и опрокидываемые струями воды, разбойники отступили» (Там же. С. 161).

17. Бумажная трубка с горючим составом и хлопушкой для потешных огней.

18. Лефорт Франц Яковлевич (1656–1699) — сподвижник Петра I швейцарского происхождения (женевец), в Немецкой слободе Москвы с 1676 г., адмирал (1696); в 1698 г. он поселился в отстроенном для него дворце на Яузе, который после его кончины перешел в казну. С 1865 г. в этом доме находился Лефортовский (военный) архив, ныне — РГВИА.

19. Покрова на-рву, один из приделов которого посвящен Василию Блаженному.

20. По замечанию Ф. Ансело, Москва была иллюминирована три вечера подряд: «Как бы ни было, огненные гирлянды, пылающие шифры и сияющие вывески на домах являли собой восхитительное зрелище, но прекраснее всего был сверкающий огнями Кремль.

Плошки повторяли контуры его зубчатых стен, причудливые очертания дворца и купола церквей. Колокольня Иван Великий, украшенная стеклами искусно подобранных цветов, высилась на фоне темного неба, подобно башне волшебного замка, в окна которого каприз чародейки вставил рубины, сапфиры и изумруды» (Там же. С. 149–150).

Комментарии Л. В. Выскочкова, С. Н. Искюля

Записка без подписи с описанием коронации Николая I и императрицы Александры Федоровны. [1826 г.]

Наконец, в последнее воскресенье, имела место с нетерпением ожидавшаяся коронация; при этом нетерпение было столь велико, что общество пребывало в одних только ожиданиях и отчасти преувеличенных надеждах. Для меня этот день остается самым интересным из тех, что мне довелось пережить, и то, что могла бы сказать о самой коронации, может дать лишь слабое представление о том, что происходило. Вдобавок, поскольку едва ли какое-нибудь из описаний этого события вполне будет соответствовать действительной картине происходившего, и я, не в силах будучи передать тебе все мои впечатления, кои произвела на всех присутствующих коронация, хочу по крайней мере рассказать тебе о том, лишь чему сама была свидетельницей. Итак, в воскресенье, в 6 часов утра, мы сели в великолепную парадную карету и поехали в Кремль. Дипломатический корпус собрался в сверкавшей золотом небольшой зале с небольшими готическими окнами[1], все стены которой были увешаны живописными полотнами. Любопытно, что дипломатический корпус собирается в этой зале с тех самых пор, как он утвержден (?) в России. После двухчасового ожидания нас торжественно проводили в Успенский собор, который, как ты знаешь, находится внутри Кремля[2]. Именно здесь и прошла эта великолепная и трогательная церемония, что сделало ее более чем интересной и воистину исторической, так это присутствие Великого князя Константина. Никогда в жизни своей не забуду я тот момент, когда Император, уже после того, как возложил он на себя сверкавшую бриллиантами корону, оборотился к Великому князю, чтобы обнять его, а тот между тем уже опустился пред ним на колени. Стремительность, с которою Император кинулся, чтобы поднять его, как старший брат бросился в его объятия, возвышенность чувств и их непритворность, сердечное умиление тех, кто явился свидетелем происходившего, — все это в той же мере невозможно выразить, как и позабыть. Затем Императрица приблизилась, чтобы принять корону из рук Императора, и опустилась пред ним на колени с толикою грацием, каковую ты легко себе можешь представить, ибо тебе хорошо известно, сколь она восхитительно стройна. Вообрази, насколько она должна была быть хороша — вся в белом и безо всяких украшений, кроме одного великолепного ожерелья из бриллиантов, с большими локонами, ниспадавшими как на портретах мадам де Севинье[3], — стоящая коленопреклоненной перед Императором, который, разумеется, воплощал собою то, что видела я наиболее совершенного по своей красоте[4]. В это мгновение Государь снял с себя корону, коснулся ею головы Императрицы и вновь после этого надел ее на себя; затем он взял маленькую сверкавшую брилли-

антами корону и возложил ее на голову Императрицы, к которой уже приблизились статс-дамы, чтобы помочь ей. Затем на плечи царственной четы были возложены мантии, после чего Император в короне, со скипетром в одной руке и державой — в другой, сопровождаемый Императрицей, за коей несли все прочие императорские регалии, покинул собор, направляясь в остальные церкви Кремля. Таким образом, все мы явились свидетелями великолепнейшего зрелища, какое только можно было себе вообразить; все, что смогла я рассказать о нем, едва ли годится, чтоб получить полное представление об увиденном великолепии. Надобно было видеть этот прекрасный и живописный Кремль, чтобы составить себе то впечатление, каковое должна была вызывать вся эта масса народа, сидящего на скамьях, кои поднимались до самых позолоченных куполов соборов, все это народное столпотворение, разнообразие красок, красоту самой площади, яркое солнце, от лучей которого сверкало все и вся; ко всему этому множество переливающихся на солнце бриллиантов, все это, увиденное мною, я никогда себе не могла даже вообразить, и ты можешь лишь отчасти понять то впечатление, которое вызвала у меня виденная картина. Когда мы поднялись по знаменитой Красной лестнице, прежде чем войти во дворец, зрелище было таким, что мне показалось — я грежу. Никогда, никогда не забыть мне сего мгновения, ибо впервые подобная картина открывалась моему взору, и я сомневаюсь, что когда-либо буду я столь же счастлива зреть подобное зрелище.

Перевод с французского С. Н. Искюля

Публикуется впервые по: ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 10. Б. д. Л. 1–2.

Текст написан на французском языке на двух листах чернилами крупным и четким почерком. Дата, указание на автора так же, как и на обстоятельства создания документа, отсутствуют. Упоминается, что автор письма в парадной карете приехала в Кремль и ожидала начала церемонии в палате для дипломатического корпуса. После чего ее проводили вместе со всеми в Успенский собор. Исходя из этого, можно сделать вывод, что автор записки, возможно, супруга посла, работника посольства или знатного иностранца, приглашенного на церемонию. Публикуемый текст, скорее всего, является письмом к близкому человеку, возможно подруге, написанным через несколько дней после коронации. Адресат, судя по всему, бывал ранее в Москве (знающий, где находится Успенский собор), знаком с императрицей Александрой Федоровной, во всяком случае, помнит ее внешность.

Само по себе письмо почти не дает никакой дополнительной информации, но оно интересно самим восприятием церемонии иностранными наблюдателями. Подробно передан внешний облик императрицы Александры Федоровны. Наиболее интересным является описание того эффекта, которое произвело появление в Москве великого князя Константина Павловича. 14 августа, в 11 часов утра, цесаревич неожиданно подъехал в Кремле к дворцу, занимаемому государем.

Об этом событии писал и другой иностранный наблюдатель — французский писатель Ф. Ансело. По его наблюдению, население Москвы придало этому «важное политическое значение», так как по поводу него распространялось много слухов и сплетен. Эта новость мгновенно облетела город, и первое публичное

появление трех братьев во время парада было встречено, по его свидетельству, возгласами: «Ура Константин!» (*Ансело Ф.* Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сетину, сочиненные в 1826 году, в пору коронования Его Императорского Величества. М., 2001. С. 138–139).

Решение приехать в Москву далось Константину Павловичу нелегко. Пришлось воздействовать на него через его морганатическую супругу княгиню Лович. Позднее единомышленник Н. П. Огарева А. И. Герцен по поводу коронации Николая I в Москве в 1826 г. в своих размышлениях «Былое и думы» уже в эмиграции напишет о Константине Павловиче и причинах симпатии к нему: «Он был тогда народнее Николая; отчего — не понимаю, и солдаты, для которых он делал один вред, любили его. Я очень помню, как во время коронации он шел возле бледного Николая, с насупившимися светло-желтого цвета взъерошенными бровями, в мундире литовской гвардии с желтым воротничком, сгорбившись и поднимая плечи до ушей» (*Герцен А. И.* Былое и думы // *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 63). Но восприятие Константина А. И. Герценом все же было субъективным. Ф. Ансело писал о Константине: «Лицо его оставалось сдержанным, дышало открытостью; с какой внимательной заботливостью переносил он на императора те почести, которые воздавались неожиданному явлению его самого! Взгляд его не выражал ни тени торжествующей гордости, еще меньше было в нем сожаления; в нем читались лишь душевная удовлетворенность и спокойствие человека, внявшего голосу своей совести, и сознание выполненного долга» (*Ансело Ф.* Шесть месяцев в России... С. 139).

Другой современник, хорошо знавший цесаревича, Денис Давыдов, вспоминал также об этом событии: «Прибыв в 1826 году в Москву для присутствия во время обряда коронования императора Николая, цесаревич был встречен сим последним на дворцовой лестнице; государь, став на колени пред братом, обнял его колени, что вынудило цесаревича сделать то же самое. Таким образом, свиделись оба царственные брата пред коронованием, по совершении которого цесаревич, выходя из собора, сказал Ф. П. Опочинину: „Теперь я отпет“.» (*Давыдов Д. В.* Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче // *Давыдов Д. В.* Сочинения. М., 1962. С. 464).

Через год после воцарения в предновогоднем письме к императору Николаю его брат Константин позволил себе нечто вроде легкого упрека и кокетливого самоуничижения. Цесаревич писал: «Моя былая служба двум покойным государям — вам порукой за меня на будущее. Да будет мое усердие вам приятно, и верьте его искренности. В противном случае скажите мне прямо, и повторять вам не придется — вы избавитесь от моей особы тот же час» (Константин Павлович — Николаю I, 31 декабря 1826 г. // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М., 2000. Т. 1. С. 144). В ответном письме Николай Павлович пустился в общие рассуждения: «Разве может встать между вами и мной вопрос о неудовольствии? Если же это только, как я смею надеяться, выражение, вырвавшееся у вас из особо дружеского намерения, то знайте, что оно меня очень огорчило, и что оно уничтожает иллюзию, которая одна только делает сносным мое положение, иллюзию, в которой я представляю себе, что вы и я — мы оба — служим еще нашему ангелу [покойному Александру I — *сост.*]» (Николай I — Константину Павловичу, 8 января 1827 г. // Там же. С. 145).

1. Золотая палата в старом Кремлевском дворце.

2. В камер-фурьерском журнале, приведенном выше, отмечено, что в 8 часов утра все приглашенные, «в разных классах и рангах состоящие, также и обретающиеся при русском императорском дворе гг. чужестранные послы и министры, которые до Высочайшего выхода препровождены были церемониймейстерами в собор, дамы в русском платье, а кавалеры в праздничных кафтанах». См. наст. изд., с. 302.

3. Севинье (Sevigné) Мари (урожденная Рабютен Шанталь, 1626–1696) — маркиза, французская писательница. Особый интерес к ее личности и ее эпистолярному наследию возник в первой четверти XIX в. Ее портретное изображение послужило источником для модных деталей костюма в первой половине XIX в. — броши в форме овала с тремя подвескам, рукава, украшенного бантом, пелеринки со срезанным передним концом, а также прически. Несколькими годами позже, в 1832 г., прическа «севинье» описывалась следующим образом: «пукли у самых ушей и висят до половины щеки» (Молва. 1832. № 89. С. 356). В собрании Государственного Эрмитажа находится женский портрет кисти К. Я. Каневского 1842 г., на котором изображена женщина с такой прической (подробнее см.: *Кирсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII – половине XIX вв. М., 1995. С. 251).

4. О физической красоте Николая Павловича и античном профиле его лица, а также о том, что он нравился женщинам, свидетельствуют многие современники.

Подготовка текста и комментарии Л. В. Выскочкова

ЧАСТЬ II

НИКОЛАЙ I: ПИСЬМА, РЕЗОЛЮЦИИ, ПРИКАЗЫ, ЗАПИСКИ

Николай I
Записка Н. М. Карамзину [1826 г.]

Я весьма огорчен, что посылка книг могла явиться в Ваших глазах всего лишь доказательством желания сделать Вам приятное, однако это совсем не отвечало моим намерениям[1]. Прошу принять выражение искреннейших пожеланий скорейшего Вашего выздоровления[2]. Чувства уважения и дружбы, каковые я к Вам испытываю, Вам известны, примите же и выражение всяческого моего участия.

Я питаю дружественные чувства к Вашему семейству[3] и осмеливаюсь рассчитывать на добрые пожелания с Вашей стороны, кои будут сопутствовать мне в поездке в Москву[4], как когда-то Ваши сочинения сделались известными мне благодаря столь увлекательному характеру изложения.

Н[иколай]

Перевод с французского С. Н. Искюля

Печатается по автографу: ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 341. Л. 1–1 об. Рукопись представляет собой черновой автограф на французском языке, без даты. Соотнося данный текст с известным комплексом переписки Николая с Карамзиным, относящимся к марту–маю 1826 г. (Русский архив. 1906. Кн. 1. С. 122–127), можно допустить, что эта записка — последнее обращение Николая I к историку, т. к. очевидно, что она составлена после письма императора от 13 мая, замыкающего названный комплекс. Письмо Николая от 13 мая сопровождало присланный Карамзину указ о назначении ежегодной пенсии в 50 тыс. руб., с сохранением этой суммы за семейством историка после его смерти. Эта милость удивила и растрогала Н. М. Карамзина, но он уже понимал, что воспользоваться ею не сможет. «Если сам не буду пользоваться плодами такой царской беспримерной у нас щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства решена наисчастливейшим образом», — пишет он 15 мая в ответном письме (Там же. С. 127). В пользу датирования публикуемой записки маем 1826 г. говорит также упоминание об отъезде императора в Москву как о ближайшем событии. До окончания работы Верховной следственной комиссии приготовления к отъезду не могли начаться. С другой стороны, до начала мая сам Карамзин еще надеялся уехать в Италию для лечения, обдумывал маршрут, эта тема звучала в его письмах. Николай обещал «все устроить» с поездкой. Если бы этот отъезд состоялся, и Карамзин выздоровел, по его собственному признанию, он «не мог бы возвратиться к прежним занятиям» (Письмо П. А. Вяземскому 26 апреля 1826 г. // Письма Н. М. Карамзина к П. А. Вяземскому. 1810–1826. СПб., 1897. С. 173), а значит, уехав, навсегда простился бы с Россией. Понимание этого, звучавшее в переписке с друзьями, ощущение невостребованности и «внутреннее волнение» усугубляли протекание

болезни. В начале мая состояние Карамзина ухудшилось, по настоянию врачей, он отказывается от поездки в Италию. 22 мая 1826 г. Карамзин умер.

Таким образом, публикуемая записка — жест вежливости и участия со стороны императора, сделанный тогда, когда все возможные «милости» в отношении умирающего историографа были исчерпаны. Удививший многих размах «благодеяний» в адрес Карамзина вполне соответствовал желанию Николая прослыть человеком, в должной мере оценившим того, кто считался нравственным барометром общества и как историк «говорил с потомством».

1. Возможно, речь идет об изданиях самого Н. М. Карамзина. Текст, написанный рукой Карамзина или под его диктовку, где бы упоминалось об этой «посылке», не известен.

2. С конца декабря 1825 г. Карамзин был болен. Современники и биографы связывали начало его болезни с событиями 14 декабря. В этот день он вместе с другими сановниками находился в Зимнем дворце в ожидании молебна в честь восшествия на престол Николая I. В течение всего этого дня историограф пытался понять, что происходит, чем это грозит России и престолу, многократно выходил из дворца на площадь легко одетым («в башмаках и шелковых чулках»), выясняя обстановку. Он тяжело пережил потрясения первого дня нового царствования. См. его отклики на 14 декабря в письмах: Письмо к И. И. Дмитриеву 19 декабря 1825 г. // Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 411; Письмо А. И. Тургеневу 18 декабря 1825 г. // Русская старина. 1899. Т. 98. С. 233. В январе 1826 г. простуда переросла в воспаление легких, к этому добавилось физическое и нервное истощение. Видимое улучшение наступило в марте–апреле, но ненадолго.

3. Семейный характер отношений с царствующим домом установился у Карамзиных с переездом в Царское Село в 1816 г. В летней резиденции Александра I, благодаря деликатности императора, историк не чувствовал себя связанным придворными условностями. Эти отношения в последние годы жизни Александра напоминали «дружбу домами» и выражались в том, что Карамзин был вхож в кабинет императора или императрицы Елизаветы Алексеевны как частный человек и умный собеседник. Переписка императрицы с Карамзиным отличается простотой и доверительностью. Известно, что Александр I знакомился с последними томами «Истории государства Российского» в рукописи, но не пытался направлять перо историка, оставаясь читателем (см.: Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 22–23). Карамзин был одним из немногих частных лиц, посвященных в содержание Манифеста 1823 г. о передаче престола Николаю. Отношения Карамзина с Николаем были не такими близкими, как с Александром I. Возможно, в дни междуцарствия Николай был готов видеть в Карамзине идеолога нового царствования. Однако в этот момент историк, с его пером и нравственным авторитетом, впервые оказывался в зависимости от взглядов и установок молодого монарха, ему отводилась роль идеолога, не претендующего на самостоятельность, а лишь озвучивающего готовую идею «сильного самодержавия» и порядка. Сам же Карамзин хотел внушить брату Александра идеал «просвещенного» самодержавия, рассчитывал на роль советчика и руководителя императора. Противоречия между своими намерениями и отведенной ему ролью Карамзин, очевидно, ощутил в дни, предшествовавшие восшествию Николая на престол, когда в многочасовых беседах с великим князем Николай Михайлович формулировал идеи, положенные в проект Манифеста 12 декабря о воцарении. О ежедневных встречах и разговорах с Карамзиным Николай пишет в своем дневнике между 29 ноября и 10 декабря (Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 70–72, 77–79). На встречах 7–10 декабря речь, безусловно, шла о Манифесте, однако редакция Манифеста, предложенная Карамзиным, осталась невостребованной. Манифест практически заново был написан 11–12 декабря М. М. Сперанским, более точно отразившим присущее Николаю видение модели управления Россией. В письме И. И. Дмитриеву 19 декабря Карамзин признается в том, что

непричастен к этому документу: «Этот манифест сочинен Им Самим, а написан для печати Сперанским...» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 412).

4. Николай I уехал на коронацию 16 июля, но эта поездка готовилась в мае–июне.

Подготовка текста и комментарии Т. Н. Жуковской

Николай I
Письмо камер-фрейлине Е. И. Нелидовой

Царское Село, 4 апреля 1826 г.

Я счастлив, сударыня[1], что печальная обязанность, которую я должен был на Вас возложить, могла принести Вам хотя бы некоторое утешение[2]. Желаю, чтобы Вы могли убедиться, сколь тягостно для меня быть принужденным к мерам, кои, какими необходимыми они ни были для общего благосостояния, погрузили целые семейства в отчаяние[3]; надо полагать, что у меня не меньше причин для жалоб, нежели у них![4]

Я мог бы быть Вам в чем-нибудь полезным; Вы нуждаетесь в утешении, я знаю, — и, простите за выражение, уважаю Вас еще больше за обнаруженное Вами намерение[5]. Располагайте мною всегда и верьте, что в этом состоит удовольствие, которое Вы мне доставили бы, и услуга, которую Вы бы мне оказали.

Что касается до свидания, коего Вы у меня просите, то необходимые распоряжения были отданы; я назначил его на пасхальный понедельник[6], ибо этот день ближе всего к тому времени, о котором Вы просили. Сохраните же ко мне доверие и благоволите верить тому совершеннейшему и искреннейшему уважению, каковое я к Вам питаю.

Искренне Вас уважающий
Николай

Перевод с французского С. Н. Искюля

Публикуется по: Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 198. Д. 13. Ч. 2. Л. 18. Список на французском языке.

1. Письмо адресовано Екатерине Ивановне Нелидовой (1757–1839) — камер-фрейлине императрицы Марии Федоровны.

Е. И. Нелидова происходила из дворян Смоленской губернии; дочь отставного поручика. В 1776 г. закончила Смольный институт, назначена фрейлиной великой княгини Марии Федоровны. В 1781–1782 гг. сопровождала ее и великого князя Павла Петровича в заграничном путешествии по германским землям, Швейцарии, Франции и Италии (которое они предприняли под именем графа и графини Северных). Некоторое время пользовалась влиянием на будущего Павла I. В 1792 г. поселилась в Смольном монастыре. В

1797 г. возвращена ко двору. Камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны, вошла в ее ближайшее окружение и вновь приобрела влияние на императора. С 1798 г. по 1800 г. жила в Эстляндской губернии, с 1800 г. — вновь в Смольном монастыре. В царствования Александра I и Николая I входила в окружение императрицы Марии Федоровны, пользовалась немалым влиянием при Дворе. Тетя фрейлины императрицы Александры Федоровны Варвары Аркадьевны Нелидовой (см.: *Шумигорский Е. С.* Екатерина Ивановна Нелидова. 1758–1839. СПб., 1902; *Шильдер Н. К.* Император Павел I. СПб., 1901).

2. Очевидно, «печальная обязанность», возложенная на Е. И. Нелидову (вероятно, по ее инициативе), заключалась в «утешении» родственников арестованных, привлеченных к делу о «злоумышленных тайных обществах», многие из которых принадлежали к высшей аристократии и видным дворянским семействам, близким к императорской семье (см. публикацию писем родственников арестованных, обращавшихся к императору и близким к нему лицам с ходатайствами о прощении «вины» или смягчении наказания: «Государь! Исповедую тебе яко боящийся Бога»: Прошения родственников декабристов о помиловании арестованных. 1826 г. / Вступ. ст. и публ. П. В. Ильина // Исторический архив. 2001. № 1. С. 156–177).

3. Имеются в виду родственники арестованных в ходе следствия по делу о «злоумышленных тайных обществах».

4. Начавшийся после 14 декабря следственный процесс над участниками тайных обществ и состоявшееся затем судебное рассмотрение Николай считал важнейшим государственным делом, которое должно было искоренить антиправительственное политическое направление в русском обществе. Суд над членами тайных обществ призван определить соответствующее наказание виновным «в интересах безопасности государства»; это наказание должно «послужить примером для других». Вместе с тем вышедшие из-под пера императора документы содержат упоминания о сознании им не только ответственности в доведении расследования до конца, но и драматичности происходящего. Свое направляющее участие в деятельности Следственного комитета император называет «ужасной работой», от которой «голова <...> идет кругом», и «тяжкими трудами», от которых он «очень бы хотел уклониться». Недели, в течение которых тянулось следствие, оцениваются Николаем как «тяжелое время». День, когда было принято решение о смертной казни наиболее виновных, поставленных судом «вне разрядов», Николай считает «ужасной минутой». День 13 июля для него — это день, когда должно произойти справедливое возмездие главным виновным, но одновременно и «печальный день», ознаменованный казнью подданных, о котором нельзя «не думать без содрогания» (высказывания Николая в переписке с императрицей Марией Федоровной и братом великим князем Константином Павловичем см.: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 166, 168, 184, 196, 204, 207, 229).

К императору стекались многочисленные просьбы и прошения родственников преданных суду по самым разным вопросам, и в первую очередь – об облегчении участи виновных. «Тяжелая обязанность» отвечать им, встречаться с пораженными горем людьми, безусловно, вызывала самые тягостные чувства: «Меня бомбардируют письмами, из которых одни полны отчаяния, другие написаны в состоянии умопомешательства <...> Уверяю вас, дорогая матушка, что одно лишь сознание ужаснейшего долга заставляет меня переносить подобную пытку», — писал Николай императрице Марии Федоровне 12 июля, накануне приведения приговора в исполнение (Там же. С. 208).

Особую заботу Николай проявил в отношении родственников осужденных, которые принадлежали к окружению императорской семьи и входили в число придворных особ. Так, он писал Марии Федоровне о матери осужденного князя С. Г. Волконского: «...этот несчастный не может быть спасен. Что вы думаете предпринять по отношении матери? Возможно, что она приедет сюда [в Петербург – *сост.*], чтобы увидеть позор своего недостойного сына [обряд гражданской казни – *сост.*]! Мысль об этом ужасна, тем более что я не могу ничего сделать, чтобы смягчить его наказание» (Там же. С. 204, 207).

По оценке императрицы Марии Федоровны, дни суда были «ужасными» и для семей и родственников преданных суду, и для ее сына. Ее тоже приводили в ужас последствия каз-

ни, как и суда в целом, который, как Мария Федоровна записывала в своем дневнике, «принесет столько слез несчастным родственникам, сокрушенным матерям и женам» (Там же. С. 224, 225–227). Напряженный драматизм этих месяцев жизни Николая не укрылся от его супруги, императрицы Александры Федоровны. 13 июля, после совершения казни приговоренных к смерти и обряда гражданской казни для остальных осужденных, она записала в дневник: «Мой бедный Николай так много перестрадал за эти дни!» (Там же. С. 93).

5. Вероятно, речь идет о выраженном Е. И. Нелидовой намерении содействовать «утешению» родственников привлеченных к следствию. См. примеч. 2.

6. Пасхальный понедельник — понедельник, следующий после пасхи. В 1826 г. приходился на 26 апреля.

Подготовка текста и комментарии П. В. Ильина

Николай I
Письма великому князю Михаилу Павловичу[1]. 31 мая 1828 г. — 5 мая 1843 г.

Лагерь при Исакчи[2], 31 мая 1828 г.

Душевно обрадован я был, любезный Михайло, приезду Вишнякова[3] с добрыми вестями от тебя. Дело флотилии[4] прекрасно и делает честь нашему Черноморскому флоту, которого часть я и здесь видел и ею любовался в деле 24-го числа[5].

Я приказал произвести Завадского[6] в контр-адмиралы и назначить по три креста на лодку и по два на ял. Буду ждать для награды офицеров твоего представления.

Бумаги весьма важные и любопытные и мне подают надежду, что Браилов[7] скоро последует благому примеру Исакчи. Вишняков тебе подробно опишет здешнее. Все идет хорошо.

Надо тебе весьма осторожну быть при занятии крепости. Сначала по сдачи займи все ворота и, не входя в улицы, вели войскам идти по валу и занять бастионы и прочие важные пункты. Потом послать надежных артиллерийских офицеров принять погреба и проч. и сейчас к ним выслать караулы и с бастионов поворотить или свои поставить пушки, так чтобы могли бить в городе. По городу не дозволять отнюдь ходить людям, доколь медики не освидетельствуют здоровье жителей.

Седьмой корпус[8] по сдаче полагаем мы переправить от Браилова к Мачину[9], куда отряд от нас сего дня вечером уже будет, вышедшие оттуда некрасовцы[10] явились сегодня утром к нам и объявили, что посланы просить дозволения выйти 300 с ними из Мачина, дабы нам совсем передаться.

Что важно, ибо весь зон был в 1880 человек, из коих 1000 конницы уже ушло, 300 некрасовцев хотят выйти, остается стало только пятьсот. Я все надеюсь, что и Браилов сдастся до взрыву мин.

Надеюсь, что скоро мы с тобой увидимся. Прощай, береги себя и не забывай верного друга и брата.

Николай

В лагере при Трояновом вале[11], 8 июня 1828 г.

Да будет воля Божия! Надобно как уметь покоряться его воле и не роптать.

Не унывай, любезный Михайло, ты свой долг исполнил как должен был; войско отличилось вновь мужеством и твердостью[12], чего же более? Разве мы властны над решениями свыше?

Виновников в первом неисполнении должно строго наказать и без потери времени; один из них, храбрый и отличный Вольф[13], дорого заплатил за свою лишнюю горячность; его потеря весьма чувствительна. Уверь всех, что я ими доволен и в доказательство жду твоего представления к наградам.

Один офицерский и 30 солдатских Егорьевских крестов[14] к тебе посылаю для раздачи сейчас достойнейшим, кроме твоего представления, которое я ожидать буду. Храброму Казанскому полку[15] я жалую гренадерский поход[16]. Словом, удача или неудача зависит от воли Божией, но отличие должно быть награждаемо во всяком случае и более достоинства оному в неудачном деле, чем в таковом, в котором успех возбуждает дух. Вот моя исповедь.

Теперь для будущего: если Браилов не сдался, я требую и предписываю тебе повторить штурм, но взяв все нужные меры, чтоб опять от оплошности или горячности беды не было. Для сего приготовить все основательно и глупых мнений не слушать и поставить на своем.

Если брешь удобно[17], нет причин отлагать исполнение, но в предосторожность взять и лестницы, и фашины[18].

Артиллерии нашей чести не делает, что на третьем бастионе еще есть орудия, или возможность так их ставить; это обстоятельство и то, что 8 орудий пришли в негодность, убеждает меня, что мы только что много шумим частой стрельбой, а толку в том мало; я это видел собственными глазами и доказал на месте здесь. Срам нашим инженерам, что третий гор[19] не удался, и что выбрали в столь важном деле молодого офицера для важнейшего дела; надо было быть там генералу или штабному офицеру; это прореха самая глупая и непростительная. Жду с нетерпением твоих известий. Повторяю: бодрись, не унывай, надейся на Бога и все пойдет.

Если мнение мое тебе несколько любопытно, то позволь мне сказать по-братски: «Я тобой доволен». Бог с тобой, Бог с вами; прощай до добрых вестей.

Твой друг и брат Н.

Одесса, 14 августа 1828 г.

Благодарю тебя искренно, любезный Михайло, за сведения, которые ты мне доставил об осмотренном до Бабодига[20]; с нетерпением жду остальных известий. Состояние гвардии меня радует до крайности, но не удивляет; при усердии начальников и при взятых тобою мерах не могло быть иначе.

К сожалению моему, нельзя мне будет дать столь желательного тобой и мной отдыха; положение дел под Варной[21] и Шумлой[22] требует нашего скорого прибытия, сперва под Варну , где, может быть, несколько простоим, а потом под Шумлу, где нашим приходом все может решиться. Предвари всех, что я уверен, что несмотря на это Гвардия покажется и тут как Гвардия; меня наиболее беспокоит

продовольствие; ибо нельзя льститься надеждою, чтоб даже Гвардия имела обилие. И в этом надо предварить людей.

Если ты не получил еще повеления идти, то выступи со всей пехотой 25-го числа в Варну. Кавалерия может также идти по сей дороге, если другого приказания ей не дано. Вероятно, под Варной не пройдет нам без дела и может быть честь взятия сего места будет Гвардии.

Я намерен ехать завтра в ночь прямо в Варну, куда с попутным ветром могу придти 22-го числа и, все осмотрев, узнать наверное, что нам делать придется; о чем тотчас тебя уведомляю. Принял ли ты нужные меры для скорейшей выгрузки провианта? Ради Бога, постарайся, чтоб в этом не было недостатка. Мы нашли здесь способ отправить на четырех судах пропорцию сена, достаточную на месяц на целую дивизию, и пошлем прямо к Варне.

Вчера в госпитале нашел присланного из Кистенджи[23] карабинера[24] роты Е. В. Егерского полку, жена, я и он обрадовались как дети, друг друга увидя. У него нога пополам переломлена повозкой, но поправится скоро. Госпиталь в отменном виде. Меня перепугал было Флам[25]; он сегодня в первый раз встал с постели после дневной сильнейшей горячки. Слава Богу, что мог ее перенести; признаться, я крайне боялся противного.

Анисимов[26] твой совершенно здоров, и я везу его с собой. Кланяйся душевно всем нашим, я с нетерпением жду, когда можно будет их увидеть и поблагодарить как за прошлое, так и за будущее. Пришли мне кого-нибудь с твоими известиями в Варну. Прощай, до скорого свидания. Madame Nicolas[27] тебя целует.

Твой от души и навеки Н.

СПб., 24 октября 1828 г.

Все кончилось, любезный Михайло, и мы — сироты![28] Все надежды исчезли вчера; болезнь казалась прерванной, и дня два, когда я тебе писал, прошли без лихорадки, но третьего дня вечером казалось, что матушка как бы сонлива была, и решились ей кинуть кровь; она согласилась и вдруг мне сказала: «Nicolas, je vous dis que cela va mal*». <...> Однако мы ее успокоили, и после кровопускания казалось, что ей легче; до того, что она в шутку пела и ногами шевелила; но все это было ненадолго. После довольно тихой ночи утром голова была свежа, но произношение тяжело. Лекаря тотчас побоялись паралича в легких и слабительное доказало действием, что оно было необходимо; однако силы матушки слабели и после каждого действия лекарства уменьшались. Наконец, положили ей мушку[29] на спину, но она не подействовала, и сказалась забывчивость. Надо было воспользоваться последующими минутами, чтобы предложить ей приобщиться. Сначала я не знал, как на это решиться, но Бог помог мне ее вразумить, что ей это нужно. Сначала она хотела отложить до завтра, я ее убедил не откладывать, и так она в полном разуме исповедывалась и приобщилась. Мы с женой тут были и молились за нее и за всех нас. Я не знаю, как мы, особенно жена, это перенесли. Она подозвала нас и хотя уже говорила с трудом, но взяла нас за руки, потом я назвал

* *Пер. с фр.*: Николай, говорю Вам, дела плохи.

всю нашу семью поименно; она подняла глаза к небу. Потом мог с трудом понять Olly[30]. Я послал за всеми детьми. Она еще улыбнулась, обнимая Лили[31], Адину[32], Кити[33]. Других она не могла уже видеть, но рукой их тронула. Это положение продлилось с 9 часов до 2-й половины утра, без боли, без икоты, без всякого болезненного знака, только дыхание было часто, руки и ноги стыли, пульс и наконец дыхание сделалось реже, и наконец, несколькими вздохами все тихо и навсегда кончилось.

Как я благодарю Бога, что он мне доставил счастие еще видеть Матушку, теперь я понимаю ужасную тоску, которая влекла сюда! Что меня ожидало! Ты при брате[34], с ним соединяется все, что во мне было чувств к брату покойному и к Матушке. Ты счастлив, что получил первый благословение того, который нам теперь отец, мать и брат. Проси его, чтоб он меня благословил.

Дети твои здоровы; они неразлучны, есть и будут моими. Я насилу пишу, сил нет.

Твой навеки Н.

P.S. Матушка как часто про тебя спрашивала, я ей вчера говорил про твое письмо, она его не могла читать.

СПб., 3 марта 1831 г.

Письмо твое, любезный Михайло, из Ковны получил я третьего дня поутру, за которое душевно тебя благодарю. Радуюсь весьма, что ты был доволен той частью войск, которую успел осмотреть, в особенности блестящее состояние артиллерии после подобного похода делает честь начальникам. Поручаю тебе благодарить моим именем каждого по заслугам.

Я полагаю [увидеть] тебя или с братом в Белостоке или близ того, узнав, что там я не мог удержаться написать ему искренное желание мое, чтоб более не возвращаться в армию, где присутствие его, во-первых, бесполезно, во-вторых, неприлично, по званию его и по неимению другой команды, кроме пяти полков Гвардейского отряда[35]; и наконец, опасно по характеру войны. Не надо забывать, что поляки далеко зашли в бунт, что им все способы равны, дабы избегнуть гибели или нанести нам самый большой вред <...> кто же может ручаться, чтобы с лицом брата не случилось несчастия, когда вспомнили злобу их на него и чем весь бунт начался[36]? Несчастие с ним может дать делам самый плачевный оборот и погрузить нас всех в наивеличайшее затруднение.

Я все брату откровенно высказал и надеюсь, что он меня послушает, но если б еще колебался, то поручаю тебе вместе с сестрой моим именем его убедить. Брат все сделал, что честь требовала, он был два раза в огне, и вся армия это видела; теперь же было бы сие неприлично и неблагоразумно. Покуда была надежда видеть хоть малую часть полков возвратившимися к долгу, присутствие брата, их начальника, могло иметь цель и пользу, ныне и сей причины нет, и ожесточение вышло из всякой меры.

Я писал Ивану Ивановичу[37] и решительно запретил двинуть Гвардию далее Лошзеи[38] и ближних к ней мест; неприлично тратить такое войско на войну, на

которую употреблено почти столько же сил, сколько мы Наполеону выставили в 1812 году[39].

Оставаясь в Белостоке, брат на своем месте, ибо еще при корпусе, который его считает своим начальником. Очень обрадован был добрыми известиями об Карле Ивановиче[40]. Обними его и скажи, сколько ему благодарен, что прибыл к месту.

Из армии я давно ничего не получал и жду последствий приказа на левом фланге нашем. Великую княгиню и ребят твоих вижу всякий день, кажется, все здоровы. Великая княгиня жаловалась вчера зубами, но грек помог.

Нашим всем мой поклон. Прощай, любезный Михайло, обнимаю тебя от всей души.

Твой навеки верный брат и друг Н.
Жена тебя целует.

СПб., 14 марта 1831 г.

Письмо твое, любезный Михайло, из Вильны получил я три дня тому назад, за которое и благодарю сердечно. Я полагаю, что ты или в Белостоке, или только что выехал из оной и потому тебе известнее, чем мне, что происходит в армии; я в ожидании, чем кончится погоня за Дверницким[41], но признаюсь, что-то не понимаю, что не знают, куда девался после взятия Люблина Крейцом[42]. Tout cela n'est pas clair*. Между тем, усугубь осторожности в своих квартирах и будь в беспрерывном сношении с г. Сакеном[43].

В Париже все так худо, что должно со дня на день ждать конец царствования г. Филиппа; и ничто ему[а], за что не за свое взялся. Поцце[44] выбили несколько стекол, и шайка бунтовщиков гуляла по целому городу, кричала vive Polonais, guerre aux Russes, a bas le tyran**, и говорят, что будто меня повесили en Grev***; каковы шутки? Я на это велел Поцце быть спокойну, смеяться и плевать на все это и явно говорить, что он не принимает все это за обиду себе, а как за ругательства над правительством, при котором находится, которое довольно постыдно ничтожно, что не может или не умеет защитить состоящих при нем представителей чужих государей. Впрочем, вся публика в Париже, qarde nationale****, войско и в особенности Филипп[45], очень хорошо поступали, и все единогласно осыпали его доказательствами истинного почтения, сожаления и готовности не допускать до повторения подобных покушений, впрочем, не только за то поручиться нельзя, но напротив, как выше сказал, ожидать должно, ежели — нужно, совершенно новой революции...

СПб., 7 июня 1831 г.

Искренне благодарю тебя, любезный Михайло, за любопытное и столь дружеское письмо твое, которое мне вручено было принцем Фридрихом[46]. Все подроб-

---

* *Пер. с фр.*: Все это еще не вполне ясно.
[а] Далее несколько слов не разобрано.
** *Пер. с фр.*: Да здравствуют поляки, война русским, долой тирана.
*** *Пер. с фр.*: на Гревской площади.
**** *Пер. с фр.*: национальная гвардия.

ности твоего путешествия и всего тобой виденного крайне мне было приятно узнать от тебя и слышать твое об этом суждение. Весьма жаль, что ты справедливым образом не имел чему порадоваться в Италии; картина тамошнего положения тем плачевнее, что корень зла, ежели не ошибаюсь, находится в том именно, из чего бы, по моему мнению, должно б было ожидать добра, т. е. в правительстве[47].

Король Неаполитанский[48], при всех его добрых качествах, получил плохое воспитание, скуп до крайности и, как говорится, не чист на руку, любит заниматься войском, при чем же небрежен и отдал в руки людей самых ненадежных; но что всего плачевнее, он делит со всеми неаполитанцами ненависть к сицилийцам. Край этот угнетен донельзя, и боюсь, чтоб вскоре не вспыхнул бунт от невозможности долее терпеть. Вот что мне пишут в дополнение тобой виденного. О папских волнениях и говорить нечего. Что же после того мудреного, ежели все недовольно, бедно и желать перемен? Надо желать противного, но не удивляться, ежели плохо будет. Но быть так с Италией. Важнее для нас то, что ты пишешь про состояние Баварских войск. Простительно ли королю[49] доводить армию свою до подобного упадка и из каких глупых расчетов? Чтоб строить музеи и подобное, любопытное, изящное, но бесполезное, или по крайней мере, ничтожное в сравнении с приходящим в упадок. В одно же время с твоим письмом получил я депеши от Мейендорфа[50] и Татищева[51], которые, подтверждая то же, говорят, что король Виртембергский[52] весьма сильно настаивает об окончании всех предварительных мер на случай войны с Францией, в особенности об необходимости постройки крепости в Растаде[53], для прикрытия всех южных владений. Австрийцы же настаивают по той же причине об предпочтении для сего Ульма[54], и таким образом все остается в спорах. Простительно, что австрийцы желают видеть Ульм крепостью, ибо знают, сколь мало надеяться могут на все эти филантропические армии, и потому уверены, что при первом случае или неудаче вся эта сволочь их бросит одних, тогда, не имея, чем прикрыть свое сосредоточие, опасаются повторения прежних неудач. Дабы их согласить, не вижу я другого способа, как, чтоб решили строить крепости в обоих местах. Я сильно писал в сем смысле и в Берлин, и в Вену.

Желание твое, чтоб я пригласил некоторых баварских генералов на смотр в Вознесенске, я исполнил.

Здесь у нас все идет очень хорошо. Все учения, которые были с последнего моего письма, были весьма удачны. Смотрел я также стрельбу в цель и был крайне доволен отличными успехами.

В будущее воскресенье 13-го числа войска начнут выступать в лагерь, маневрируя по обыкновенному. Принцу Оранскому[55] я показывал наши учения, и, кажется, он доволен.

Полагаю, что ты уже близок к концу твоего лечения в Бадене и готовишься к отъезду в Англию. Дабы дать тебе возможность заблаговременно расположить твое возвращение по твоему удобству, решился я тебе сделать разные предположения на твой собственный выбор.

Навеки твой верный старший друг и брат Н.

Теплиц, 28 июля 1838 г.

С особым удовольствием получил я милое письмо твое, любезный Михайло, и описание проведенных тобой учений. С радостью слышу от тебя, что ты совершенно доволен как состоянием войск, так и общим усердием и желанием угодить. Мне это тем приятно, что по слухам я должен был полагать противное, что, ежели бы им верить, то должно б было полагать, что ты часто был недоволен.

Признать мне это было прискорбно, ибо видел недавно войска, и слышав от тебя одно про них хорошее, я не очень мог понять, чтоб могла последовать такая внезапная перемена, и зная, как ты все горячо берешь к сердцу, мне нельзя было не опасаться, чтоб твое здоровье вновь от сего не потерпело. Слышал я тоже, что и кадеты[56] были долго под штрафом, все это вместе меня оставляло в недоумении, верить ли этому, доколь твое последнее письмо не рассеяло моих опасений.

Молю тебя только об одном, помни, что люди будут всегда люди; у одного более, у другого менее способностей или умения. От того нельзя, чтоб всегда была равная удача и грешно б было из одного этого судить или винить в недостатке усердия.

Ты это все лучше меня знаешь, но, принимая горячо к сердцу все, что не отвечает справедливым твоим требованиям и желаниям, ты только что вредишь своему здоровью без всякой существенной пользы для самого дела, ибо хладнокровно сказанное усердным людям более делает впечатления, чем горячо сказанное. Вот моя исповедь, и я уверен, что ты меня совершенно понимаешь и поверишь другу...

Н.

Александрия близ Петергофа, 15/21 июня 1843 г.

Ты мне поверишь, любезный Михайло, зная мой образ жизни, когда тебе скажу, что до сего дня не имел ни одной свободной минуты не только, чтоб тебе писать, но даже поблагодарить за добрую память на день моих 47 лет. Верю в твою дружбу, как в свое бытие, и благодарю за нее, равно как уверить могу в моей старой привязанности...

Ты знаешь, что Саша[57] заразилась корью от жены, вчера и она вышла из карантина, но ее бережем. Теперь меня крайне тревожит старшая дочь Мери[58], у нее коклюш с гастрической горячкой; вот 12 дней, что бедняжка борется с болезнью. Вчера вечером было очень худо, и хотя надежда есть еще, что Бог ее сохранит, но она в опасном положении. Бедная Мери в тяжком испытании, тем более что ежегодно ряд родов, но да будет воля Божья, и покоримся ей.

Теперь остается мне еще уведомить тебя про племянника Мекленбургского[59]. Мы все чем более его узнаем, тем более полюбили и уважали. Он редкий молодой человек по его летам, чувствует[b] правилам и твердости и вполне достойный звания своего. Я с ним откровенно говорил про предмет наших общих желаний. Он мне отвечал, что ранее 22 лет он не хочет жениться, что твоя Мери ему, сколько мог он в малом времени ее узнать, ему понравилась, хотя сестра его более сблизилась с Кити. Что он желает иметь случай более сблизиться и узнать, что Берлин был бы

[b] Далее несколько слов не разобрано.

ему для того всего удобнее, не смея далеко отлучиться, быв долго в отсутствии, и по принятии маневров в Лимбурге. Потому желал бы он, чтоб проезд в[еликой] княгини, ежели он направится на Берлин, был бы так согласован, чтобы там ей представиться. В течение зимы он едет в Италию и в Англию.

У нас же дело приняло иной оборот, чем мы располагали, но да будет воля Божья и верно он к лучшему все настроит. Принц Гессенский скромный и милый малый. Гессененит[60] полюбил Адину и она его; мы согласились и ждем согласие родителей, чтоб объявить об этом официально. Мы им очень довольны; он скромный и милый малый...

СПб., 24 апреля — 5 мая 1843 г.

Вчера вечером прибыл Отто с твоим письмом, любезный Михайло, и с письмом от великой княгини. Благодарю тебя душевно за память, равно как и за отчет об твоей смотрине. При подобном хорошем начале и в полной надежде, что, воспользовавшись твоим верным глазом и добрыми советами, 3-й корпус явится в отличном виде. Теперь к главному, т. е. к ответу на письмо великой княгини. Отвечать обоим нет у меня времени, и хотя ты мне ни слова про дело не упоминаешь, а великая княгиня говорит, что с твоего ведома и согласия пишет, то тебе как к главе семейства и отвечаю.

Чувства мои тебе давно открыты, и говорю тебе я в убеждении, что мои слова иного смысла не получат, как тот, который сам им приписываю.

Уже давно газеты объявляли про будто бы идущие переговоры между великой княгиней и Венским двором про женитьбу Кати[61] с Стефаном[62], даже писали про это сюда. Признаюсь, что ни я, никто из нас на это не обращали внимания и приписывали сплетням. Я больной лежал в постели, когда получил письмо великой кн[ягини], которое Саша мне прочел, и я тебе его посылал прочесть, в котором великая кн[ягиня] говорила, что, может быть, и до нас дошли распущенные слухи, но что ничего подобного не существует. Не прошло месяца, другое письмо великой кн[ягини] уведомляет меня о противном — повторил после того, что мы могли сему удивиться, и я был бы в странном положении, ежели б по привычке говорить и действовать прямо, не считал бы и здесь долгом следовать моему неизменному правилу. Великая кн[ягиня] говорит, что считает на мое великодушие! Я не знаю, где б здесь и был случай его показать, ибо между мной и Стефаном не было и нет ни неприятностей, ни ссор; он чист пред нами, как и мы против него; наши объяснения с ним были всегда ясны и дружественны. Но положим, чтоб действительно он был причиной неудачи с Олли, неужели ты меня и мои чувства не знаешь, и чтоб я с радостью не дал свое согласие на женитьбу с Катей, ежели б это было мнимое препятствие? Скажи же, что ты в этом уверен, и не обижай меня. Твои дети не мои ли? Горе тем, которые иначе чувствуют, но не в том дело. Дерзкое беспутное и ни на что не похожее поведение Венского двора, каналья Меттерних[63] и императрица[64], хотевших все покорить их фанатизму, — навсегда прервали всякую возможность к семейным союзам между наших двух домов. Объявив, что покойный император Франц[65] не имел права подписать трактат об брачных союзах, какой им был заключен с Батюшкой[66], эти безумцы все разрушили, и я им объявил, что отныне впредь об том и речи быть не может никогда.

Когда я воротился из Вены и вам обоим в присутствии Саши все это говорил, не понимаю, как великая кн[ягиня] могла сие забыть, и зная сие, дать случай бедной Кате питать подобные несбыточные мысли, не понимаю.

Каналья Меттерних смеялся над великой кн[ягиней], приписал ей сыновей вице-короля; ибо он знал, что это невозможно. Пожелал видно выказать свою личную услужливость. Он такое прежде делал с нами, предлагая Альберта[67], и потом объявил, что не можно, ибо фанатизм заставил принять за правило, что впредь все женитьбы должны на католичке. А дозволим ли мы своим детям изменить своей воле. Вот, любезный Михайло, вся истина во всей наготе; жаль мне, что великая кн[ягиня], знав все это, вдалась в подобные мысли, навлекшие тебе, нам всем и в особенности бедной Кати столь неприятное объяснение. Желаю, чтоб великая кн[ягиня] убедилась в сей истине, во всяком случае, я свой долг исполнил совестно и в тебе уверен, что меня поймешь и осуждать не будешь. Прошу меня повергнуть к стопам великой кн[ягини] и обнять милую Катю. Навсегда твой старший верный друг и брат. Обнимаю душевно.

Н.

Публикуется по: РГИА. Ф. 706 (Щеголев В. В.). Оп. 1. Д. 71. Копии 1910-х гг. из Военно-исторического архива (ныне РГВИА).

1. Михаил Павлович (1798–1849) — великий князь, четвертый сын императора Павла I (1796–1801), младший брат императора Николая I (1825–1855). В день своего рождения был назначен генерал-фельдцейхмейстером и шефом Лейб-гвардии Артиллерийского батальона. Воспитывался, вместе с братом Николаем, под руководством генерала М. И. Ламсдорфа, который отличался строгостью и даже подвергал великих князей телесным наказаниям.

Михаил Павлович получил преимущественно военное образование и уже в 1814–1815 гг. побывал в действующей армии. В 1817–1819 гг. он совершил образовательное путешествие по России и Западной Европе под руководством И. Ф. Паскевича, а затем был назначен командиром 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии. В феврале 1824 г. стал шефом Лейб-гвардии Московского полка, в 1825 г. — генерал-инспектором по инженерной части и членом Государственного Совета. В 1826 г. назначен командиром Гвардейского корпуса. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Отличился при осаде Браилова (30.04–7.06.1828), за которую получил орден Св. Георгия 4-й степени, и при взятии Шумлы. Командовал гвардией при подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., участвовал в битве при Остроленке (26.05.1831), осаде Варшавы (6–8.09.1831) и Модлина.

В 1831 г. был назначен главным начальником Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка и занимал этот пост до самой смерти. Активно способствовал расширению сети военно-учебных заведений. В 1832 г. избран почетным членом Военной академии. В 1844 г. назначен командующим Гвардейским и Гренадерским корпусами. Скончался в Варшаве, где активно занимался подготовкой войск к походу в Венгрию.

На протяжении служебной деятельности неоднократно председательствовал в различных военных комиссиях, сыграл заметную роль в развитии отечественной артиллерии и военно-учебного дела.

Состоял в браке (с 1823) с великой княгиней Еленой Павловной, урожденной Фридерикой Шарлоттой Марией, принцессой Вюртембергской, которая отличалась образованностью, широтой интересов и была тесно связана с кругом известных русских литераторов. См. также наст. изд., с. 24, примеч. 5; с. 246, примеч. 96.

2. Исакча — турецкая крепость на правом берегу Дуная, примерно в 4 км от деревни Сатуново, около которой русские войска осуществили переправу. Была сдана турками практически без сопротивления 30 мая 1828 г.

3. Вишняков (Вешняков) Иван Петрович — адъютант великого князя Михаила Павловича и великого князя Константина Павловича. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. В 1825 г. сопровождал Константина Павловича в поездке из Варшавы в Петербург. По данным 1828 г. имел чин полковника и числился в Лейб-гвардии Гренадерском полку.

4. Дело флотилии — имеется в виду Дунайская флотилия.

5. Т. е. при переправе русских войск через Дунай.

6. Завадовский Иван Иванович (1780–1837) — контр-адмирал (1828). Принадлежал к украинскому дворянскому роду. Образование получил в Черноморском кадетском корпусе, по окончании которого, в 1798 г., был произведен в гардемарины. В 1798–1800 гг. участвовал в экспедиции русского флота под командованием Ф. И. Ушакова в Средиземное море, затем плавал на различных судах Черноморского флота. В 1808–1811 гг., на фрегате «Лилия», принял участие в боевых действиях против Турции, отличился при осаде Варны, за которую был награжден орденом Св. Анны 3 степени. В 1819 г. переведен на Балтийский флот. В 1819–1821 гг. участвовал, на шлюпе «Восток», в кругосветной экспедиции под руководством Ф. Ф. Беллинсгаузена, по окончании похода произведен в капитаны 2-го ранга. В 1823 г. возвратился на Черноморский флот. В 1825 г. был назначен командиром Дунайской флотилии, с которой принял участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. С 1829 г. находился в отставке. Именем Завадовского названы: купол Западного Шельфового ледника в Антарктиде, остров в группе Южных Сандвичевых островов.

7. Браилов — турецкая крепость в низовьях Дуная, на левом его берегу. В описываемое время являлся одной из наиболее сильных и хорошо укрепленных крепостей в данном районе. Основу обороны Браилова составляли 9 бастионов и внутренняя цитадель, гарнизон насчитывал, к январю 1828 г., около 13300 человек.

8. Седьмой корпус — 7-й пехотный корпус входил в состав действовавшей против турок на Дунае 2-й армии и включал: 18-ю, 19-ю и 20-ю пехотные дивизии, 3-ю драгунскую дивизию, две конно-артиллерийские роты и несколько казачьих полков.

9. Мачин — турецкая крепость на правом берегу Дуная; располагался напротив Браилова и играл роль его предмостного укрепления.

10. Некрасовцы — потомки донских казаков — участников Булавинского восстания (1707–1709), которые после его подавления, под руководством атамана Игната Некрасы (Некрасова), переселились с Дона на Кубань, а оттуда, опасаясь преследований со стороны российского правительства, в 1740 г. перебрались в Турцию. По приказу султана некрасовцы были расселены в Добрудже. Они были освобождены от податей, но служили в турецкой армии и участвовали в войнах, которые вела Османская империя, в том числе с Россией.

11. Троянов вал — древняя линия укреплений на Дунае, строительство которой приписывалось римскому императору Марку Ульпию Трояну (98–117).

12. Здесь и далее речь идет о неудачном штурме Браилова, который произошел 3 июня 1828 г. Русские войска под командованием великого князя Михаила Павловича начали осаду 30 апреля 1828 г. Они вели обстрел крепости из артиллерийских орудий и прокладывали к ней траншеи. 25 мая 1828 г. было начато сооружение подкопов, чтобы заложить под крепость мины. В двух наиболее крупных («усиленных») подкопах было размещено по 300 пудов пороха. Взрыв назначили на 9 часов утра 3 июня. Для штурма подготовили две колонны, каждая из одной бригады 18-й пехотной дивизии с 2 орудиями и ротой пионеров. Однако офицер, которому было поручено подорвать заряды, поторопился и взорвал один из усиленных подкопов раньше времени, из-за чего выброшенная взрывом земля засыпала второй усиленный подкоп, сделав невозможным взрыв мины в нем. В результате, вместо двух брешей образовалась только одна. Дальнейшие события русский военный историк Н. Епанчин описывает следующим образом: «Между тем войска с величайшим мужеством, среди белого дня, устремились по рыхлой земле обвалов на штурм. Правая колонна, не найдя бреши, тщетно пыталась взобраться на вал и, наконец, по приказанию начальника

штаба 7-го корпуса генерала Сухозанета, повернула к другой бреши, туда же прибыла и резервная бригада. Турки, заметив приготовления к штурму, оказали нам отчаянное сопротивление. Град пуль, картечи, ручных гранат сыпался на столпившиеся во рву войска, которые, однако же, взобрались до вершины обвала, где завязался упорный рукопашный бой. В этом деле мы понесли огромные потери (92 офицера, 2655 нижних чинов), но сломить сопротивление турок не могли; тогда начальник осады великий князь Михаил Павлович приказал отступить в траншеи» (*Епанчин Н.* Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Ч. 1: Подготовка к походу. СПб., 1905. С. 363).

13. Вольф — видимо, офицер, по вине которого произошел преждевременный подрыв мины.

14. Солдатский Егорьевский крест — георгиевский крест, знак отличия Военного ордена. Был учрежден в феврале 1807 г. для награждения за боевые подвиги унтер-офицеров и солдат, повторял по форме знак ордена Св. Георгия, изготавливался из серебра и носился на черно-оранжевой ленте.

15. Казанский пехотный полк был сформирован в Москве, в июле 1700 г. под названием Пехотного Ивана фон Дельдена полка. Участвовал в Северной войне 1700–1721 гг. В 1708 г. был назван Казанским пехотным полком (К. п. п.), но в дальнейшем неоднократно менял наименование. В конце XVIII в. именовался по фамилиям шефов. В 1801 г. получил название Казанского мушкетерского полка, в 1811 — снова К. п. п. В 1819 г. К. п., находившийся в то время на Кавказской линии, стал называться Ширванским пехотным полком, в 1825 г. ему во второй раз вернули старое название, с которым он и принимал участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., проявив при этом большую стойкость. Во время неудачного штурма Браилова (3 июня 1828) 1-й и 2-й батальоны К. п., прикрывая отход русских войск, потеряли 13 офицеров и 354 нижних чина. Впоследствии, в 1833 г., К. п. п. был объединен с 26-м Егерским полком и стал называться Казанским егерским полком, а в 1839 г. его шефом стал великий князь Михаил Павлович. В 1857 г. полку возвращено название К. п. п.

16. Гренадерский поход — особый барабанный бой, который использовался в гренадерских полках во время походов, смотров и т. д. Присвоение пехотному полку гренадерского барабанного боя считалось наградой.

17. Если брешь удобно — имеется в виду брешь, открывшаяся после взрыва мины 3 июня 1828 г.

18. Фашины — связки хвороста, которые использовались при осаде крепостей для заполнения рва.

19. Гор (правильно горн) — заряженная и полностью подготовленная к взрыву минная камера.

20. Бабодаг — 1) область, которая примыкает к Черному морю, ограничиваясь с запада и севера двумя изгибами Дуная, а с юга — Трояновыми валами; 2) город в данной области, примерно в 30 км к югу от дельты Дуная.

21. Варна — город и порт в Болгарии. Ее осада продолжалась с 1 июля 1828 г. до 29 сентября 1828 г., причем русским войскам не удалось установить плотную блокаду крепости и приходилось постоянно отражать крупные вылазки турок.

22. Шумла — крепость на Дунае. Осада Шумлы началась 8 июля 1828 г. и протекала очень трудно для русских войск, во многом по причине их недостаточной численности. Военный историк Н. Епанчин писал: «Выяснилось все более и более, что тесная блокада Шумлы и вообще всякое решительное предприятие против нее не соответствует нашим средствам» (*Епанчин Н.* Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Ч. 1. С. 367). Как и под Варной, русским приходилось постоянно отражать вылазки неприятеля. 4 октября 1828 г. осада Шумлы была снята.

23. Кистенджи (Кюстенджи, Констанца) — крепость и порт в Добрудже на косе, вдающейся в Черное море. Была осаждена русскими войсками 4 июня 1828 г. и уже 12 июня 1828 г. сдалась.

24. Карабинер — первоначально солдат, вооруженный особым типом ружья — карабином. В России первой половины XIX в. название карабинерных присваивалось отличив-

шимся егерским полкам и, с 1815 г., первым ротам каждого батальона во всех егерских полках. Егеря, в свою очередь, являлись легкой пехотой и предназначались преимущественно для действия в россыпном строю, охраны коммуникаций, разведки и т. д.

25. Флам — имеется в виду друг детства Николая I Владимир Федорович (Эдуард Фердинанд Вольдемар) Адлерберг (1791–1884) — с 1817 г. адъютант великого князя Николая Павловича, 14 декабря 1825 г. пожалованный Николаем I во флигель-адъютанты, в 1827 г. командированный совместно с И. И. Дибичем с особенным поручением в отдельный Кавказский корпус, в 1828 г. назначенный начальником главного штаба ЕИВ и сопровождавший императора в 1828 г. на театр военных действий Русско-турецкой войны; с 25 июня 1828 г. генерал-майор.

26. Анисимов П. А. — адъютант великого князя Михаила Павловича.

27. Madame Nicolas — видимо, Николай I имеет в виду свою супругу — императрицу Александру Федоровну (1798–1860).

28. Здесь и далее речь идет о кончине матери Николая I, императрицы Марии Федоровны (Софии Доротеи, принцессы Вюртембергской, 1759–1828).

29. Мушка — примочка или пластырь с использованием порошка из «шпанской мухи» — жука семейства «нарывников». Тело этого жука содержит едкое вещество (кантаридин), благодаря чему «мушка» обладала свойством «притягивать» кровь. Широко использовалась в медицине XIX в.

30. Olly — Ольга Николаевна (1822–1892) — великая княжна, старшая дочь императора Николая I. С 1846 г. состояла в браке с наследным принцем (позже — королем) Вюртембергским Фридрихом Карлом Александром (1823–1891).

31. Лили — Елизавета Михайловна (1826–1845) — великая княжна, дочь великого князя Михаила Павловича. В 1841 г. вступила в брак с герцогом Нассауским Вильгельмом Августом Карлом Фридрихом (1817–1905) — будущим великим герцогом Люксембургским Адольфом I. Скончалась при родах. Погребена в Висбадене.

32. Адина (Аина) — Анна Михайловна (1834–1836) — великая княжна, дочь великого князя Михаила Павловича.

33. Кити — Екатерина Михайловна (1827–1894) — великая княжна, дочь великого князя Михаила Павловича. С 1851 г. состояла в браке с герцогом Мекленбург-Стрелецким Георгом Августом (1824–1876).

34. О Константине Павловиче см. наст. изд., с. 28, примеч. 16, с. 46–48.

35. Пять полков Гвардейского отряда — имеются в виду гвардейские полки, которые были сформированы в Царстве Польском, сохранили во время восстания 1830–1831 гг. верность великому князю Константину Павловичу и были сведены в особый отряд под его командованием: 1) Лейб-гвардии Литовский полк (командир — генерал-майор К. М. Энгельман); 2) Лейб-гвардии Волынский полк (командир — генерал-майор В. Я. Овандер), 3) Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк (командиры — генерал-майор К. Г. Штрандман (до марта 1831) и А. А. Эссен); 4) Лейб-гвардии Уланский Его Императорского Высочества Цесаревича полк (генерал-майор И. В. Марков 1-й); 5) Лейб-гвардии Подольский кирасирский полк (генерал-майор В. К. фон Кнорринг 2-й).

36. Чем весь бунт начался — имеется в виду попытка повстанцев убить великого князя Константина Павловича в первый день восстания.

37. Дибич-Забалканский (Diebitsch) Иван Иванович (Иоганн Карл Фридрих Антон) фон (1785–1831) — граф (1827), генерал-фельдмаршал (1829), генерал-адъютант (1818). Происходил из силезского дворянского рода. Сын перешедшего на русскую службу генерала Ивана Ивановича (Ганса Эренфрида) фон Дибича унд Нардена (1737–1822) и его супруги Марии-Антуанетты Эркерт. Получил образование в Берлинском кадетском корпусе. В 1801 г. прибыл в Россию и был зачислен прапорщиком в Лейб-гвардии Семеновский полк. Участвовал в войне против Франции 1805 г., во время Аустерлицкой битвы (2 декабря 1805) был ранен, но не покинул строя. Отличился в нескольких сражениях в кампанию 1806–1807 гг. (при Прейсиш-Эйлау, Гейльсберге, Гутштадте, Фридланде), получил несколько наград, в т. ч. орден Св. Георгия 4-й степени. В 1810 г. зачислен в Свиту императора «по квартирмейстерской части». В Отечественную войну 1812 г. занимал должность обер-

квартирмейстера 1-го Отдельного корпуса, прикрывавшего направление на Санкт-Петербург. За сражение под Полоцком получил чин генерал-майора. В декабре 1812 г. участвовал в подписании Таурогенской конвенции, по которой прусские войска отделились от армии Наполеона и прекратили боевые действия против России. Участвовал в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., занимал должность генерал-квартирмейстера союзных армий. В октябре 1813 г. произведен в генерал-лейтенанты. В 1815 г. назначен начальником штаба 1-й армии. С 1824 г. состоял начальником Главного штаба и управляющим квартирмейстерской частью. В 1826 г. произведен в генералы от инфантерии. Во время Русско-персидской войны 1826–1828 гг. Дибич был направлен на Кавказ для контроля за действиями генерала А. П. Ермолова и разбора его конфликта с генералом И. Ф. Паскевичем. После возвращения в Петербург получил титул графа. В Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. проявил себя как способный штабной офицер и военачальник, составил план военных действий, руководил, вместе с великим князем Михаилом Павловичем, осадой сильнейшей турецкой крепости Браилов. В 1829 г. заменил генерал-фельдмаршала П. Х. Витгенштейна на посту главнокомандующего, разгромил главные силы турок при Кулевче (30 мая 1829), а после взятия крепости Силистрия (30 июня 1829) с 30-тысячным отрядом совершил дерзкий переход через Балканы, занял без боя Адрианополь (20 августа 1829), создав угрозу Стамбулу. За эти заслуги Дибич был награжден чином генерал-фельдмаршала и получил приставку к фамилии «Забалканский». В декабре 1830 г. был назначен главнокомандующим армии, направленной для подавления Польского восстания. Нанес повстанцам поражение под Гроховым (20 февраля 1831) и в ряде других битв, но не смог взять Варшаву (отступил, опасаясь больших потерь). В мае 1831 г. император принял решение об отстранении Дибича от должности главнокомандующего и замене его И. Ф. Паскевичем, однако еще до сдачи должности Дибич скончался от холеры в м. Клешево, близ Пултуска. Погребен на Волковском лютеранском кладбище.

38. Лошзее — видимо, Лодзея — область в Польше, в районе г. Лодзь.

39. Явное преувеличение.

40. Бистром (Bistram) Карл Иванович (Карл Генрих Георг) фон (1770–1838) — генерал от инфантерии (1831), генерал-адъютант (1825), видный военачальник. Принадлежал к Эстляндскому дворянскому роду. В 1784 г. был зачислен капралом в Лейб-гвардии Измайловский полк. В 1787 г. произведен в капитаны и направлен, по собственному желанию, в Невский мушкетерский полк. Принимал участие в Русско-шведской войне 1788–1790 гг. В 1796 г. переведен в 1-й Егерский полк, в 1798 г. назначен, в чине майора, командиром этого полка. В 1800 г. произведен в подполковники, в 1803 г. занял должность командира 20-го Егерского полка, в 1805 г. произведен в полковники. Участвовал в войнах с Францией 1805 г. и 1806–1807 гг. Отличился в сражениях у д. Чарново (23 декабря 1806), при Пултуске (14 декабря 1806) и Прейсишь-Эйлау (26–27 января 1807), при Гутштадте (24 мая 1807). Был трижды ранен, награжден боевыми орденами (в т. ч. орденом Св. Георгия 4-й степени). Тогда же Бистром завоевал популярность среди солдат, которые прозвали его «Быстров». В 1809 г. назначен командиром Лейб-гвардии Егерского полка, с которым участвовал в Отечественной войне 1812 г. За отвагу и стойкость, проявленные во время Бородинской битвы, произведен в генерал-майоры. Отличился также в боях у Тарутина и Малоярославца. В бою у с. Доброе, близ Красного (4–6 ноября 1812) разбил французский отряд, захватив 9 пушек, 2 знамени и маршальский жезл Л. Даву. В заграничных походах русской армии участвовал в сражениях под Люценом, Бауценом, Лейпцигом, Фер-Шампенуазом и др. В 1821 г. возглавил 21-ю гвардейскую пехотную дивизию. В 1824 г. произведен в генерал-лейтенанты. В 1825 г. назначен командующим пехотой Отдельного Гвардейского корпуса. Во время восстания 14 декабря 1825 г., подобно генерал-губернатору Санкт-Петербурга М. А. Милорадовичу, занимал неопределенную позицию, так как не хотел вступления на престол Николая I. Тем не менее, он сохранил свой пост. Участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. При осаде крепости Варна разгромил отряд Омера-Врионе-паши. При подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., командуя арьергардом Гвардейского корпуса, нанес повстанцам поражение в битве под Остроленкой (14 мая 1831). Отличился также при взятии Варшавы (7 сентября 1831), за что получил чин

генерала от инфантерии. Был назначен главным начальником войск в Варшаве. С февраля 1832 г. находился в отпуске, по болезни. В 1836 г. стал помощником командира Отдельного Гвардейского корпуса великого князя Михаила Павловича, но в 1837 г. уехал для лечения за границу. Скончался в Баварии, в г. Киссинген. Погребен в своем имении близ Ямбурга (ныне Кингисепп). Состоял в браке с Ш.-К. фон Тизенгаузен, но детей не имел.

41. Дверницкий Иосиф (1779–1857) — польский генерал, активный участник восстания 1830–1831 гг. Родился в фамильном имении Лопатове, в Галиции. В 1809 г. собрал вооруженный отряд, с которым поступил в ряды армии Герцогства Варшавского. В 1812 г. участвовал в походе Наполеона I в Россию, но после образования в составе Российской Империи Царства Польского поступил в его армию и даже стал командиром бригады (1829). В ноябре 1831 г. организовал 5-й и 6-й эскадроны легкой кавалерии, которые нанесли поражение 2-й Конно-егерской дивизии генерал-лейтенанта Ф. К. Гейсмара в бою при д. Сточек (17 февраля 1831). Руководил походом повстанцев на Волынь в апреле 1831 г., причем привлек к нему значительно большие силы (ок. 7 тыс. человек), чем было предписано правительством в Варшаве. Одержал несколько побед над русскими войсками, но после поражения под Клеском (20 апреля 1831) был вынужден отступить. 27 апреля 1831 г. перешел границу с Австрией и сложил оружие. Эмигрировал во Францию, где с 1832 г. был председателем Народного комитета польских эмигрантов. Активно поддерживал политику А. Чарторыйского, в т. ч. его планы по созданию легионов в Португалии. Являлся создателем и лидером организации «Конфедерация Народа Польского», запрещенной правительством Франции. В результате преследований со стороны французских властей переселился в Англию, где безуспешно пытался объединить польскую эмиграцию. Выпустил брошюру «Ответ на письмо К. Розицкого» (Лондон, 1837), в которой защищался от обвинений, касающихся его действий на Волыни. В 1848 г. возвратился в Галицию.

42. Крейц (Крейтц) Киприан Антонович (1777–1850) — генерал от кавалерии (1831). Принадлежал к польскому дворянскому роду шведского происхождения. В 1801 г. поступил на русскую военную службу с чином полковника. Участвовал в войнах с Францией 1805 г. и 1806–1807 гг. В Отечественную войну 1812 г. командовал Симбирским драгунским полком, отличился в сражении под Витебском и в Бородинской битве, за что получил чин генерал-майора. Принимал участие в заграничных походах 1813–1814 гг. В 1814 г. командовал авангардом русских войск, направленных в герцогство Шлезвиг-Голштейн, и некоторое время исполнял обязанности военного губернатора этих земель. Отличился в нескольких сражениях Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В начале 1831 г. был назначен командиром 2-го пехотного корпуса, с которым активно участвовал в подавлении Польского восстания. В 1845 г. уволен от военной службы по собственному прошению.

43. Остен-Сакен (Osten-Sacken) Фабиан Вильгельмович (Фабиан Готлиб) фон дер (1752–1837) — князь (1832), генерал-фельдмаршал (1826), видный военный и государственный деятель. Происходил из старинного курляндского рода. Сын Вильгельма Фердинанда Остен-Сакена, служившего адъютантом у фельдмаршала Б. К. Миниха. Обучался в школе в Дерпте. В конце 1766 г. был зачислен подпрапорщиком в Копорский мушкетерский полк. Принял участие в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., за проявленное мужество был произведен в прапорщики. В 1769 г. переведен в Нашебургский мушкетерский полк, в составе которого участвовал в военных действиях против польских конфедератов (1770–1773). В 1785 г. переведен капитаном в Сухопутный Шляхетный корпус, в 1786 г. переименован в подполковники и зачислен в Московский гренадерский полк, в 1789 г. перешел в Ростовский мушкетерский полк. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг., в подавлении Польского восстания (1793–1794). С 1793 г. служил в Черниговском мушкетерском полку. В 1797 г. произведен в генерал-майоры и назначен шефом Екатеринославского гренадерского полка. В 1799 г. принял участие в Швейцарском походе А. В. Суворова. В сражении при Цюрихе (15 сентября 1799) был тяжело ранен и попал в плен. В 1801 г. освобожден и получил назначение шефом Петербургского гренадерского полка. В 1805 г. Остен-Сакен командовал корпусом в Гродненской, позже во Владимирской губерниях. Во время войны с Францией 1806–1807 гг. (в качестве командира корпуса) отличился в целом ряде сражений (при Пултуске, Янкове, Прейсиш-Эйлау, Лаунау и др.). Однако в

результате обвинений со стороны Л. Л. Беннигсена был отстранен от должности и отдан под суд. Почти 5 лет прожил в Петербурге, оставаясь не у дел. С началом Отечественной войны 1812 г. назначен командиром Резервного корпуса на Волыни в составе 3-й Западной армии. В сентябре 1812 г. принял командование над корпусом Н. М. Каменского, с которым в октябре задержал у Слонима саксонские и австрийские войска и обеспечил прикрытие фланга армии П. В. Чичагова. В ходе заграничных походов 1813–1814 гг. командовал 50-тысячным корпусом в составе Силезской армии. В августе 1813 г. произведен в генералы от инфантерии. После взятия Парижа был назначен генерал-губернатором города. В начале кампании 1815 г. командовал 3-м пехотным корпусом в Варшаве. В июле 1817 г. был назначен главнокомандующим 1-й армией и занимал эту должность до 1835 г. Участвовал с этой армией в подавлении Польского восстания. В 1821 г. получил титул графа. В 1830 г. Остен-Сакеном были подчинены Киевская, Подольская и Волынская губернии, в которых он смог принять самые энергичные меры для подавления волнений. В июле 1831 г. за заслуги ему был пожалован портрет императора для ношения на груди, в ноябре он получил титул князя. Скончался в Киеве.

44. Поццо ди Борго (Pozzo-di-Borgo)Карл Осипович (Шарль Андре) (1768–1842) — граф (1826), генерал от инфантерии (1829), российский дипломат. Происходил из корсиканского дворянства. Родился в Аяччо. Получил юридическое образование в Пизе. В 1789–1791 гг. совершил две поездки в Париж, где стал депутатом Законодательного Собрания. Будучи заподозрен в роялизме, вернулся на родину и примкнул к политическому движению П. Паоли, добивавшемуся независимости Корсики от Франции. В 1794 г. избран президентом Государственного Совета Корсики. В 1796 г. из-за преследований со стороны французского правительства уехал в Великобританию и оставался там до августа 1798 г., затем перебрался в Вену. В 1799 г. сопровождал А. В. Суворова в Итальянском походе. В июле 1805 г. поступил на русскую службу, в Коллегию иностранных дел. В сентябре 1805 г. назначен послом с особыми поручениями в Неаполе. В 1807 г. участвовал в экспедиции русского флота под командованием Д. Н. Сенявина в Средиземное море. После заключения Тильзитского мирного договора (1807) уехал в Вену, а затем (так как Наполеон потребовал от австрийского правительства его выдачи) перебрался в Лондон. Активно боролся за создание новой антифранцузской коалиции. В 1812 г. прибыл в Петербург. Участвовал в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. В 1813 г. произведен в генерал-майоры. После сражения при Бауцене был направлен союзниками к королю Швеции Бернадоту и убедил его вступить в войну против Наполеона. В начале 1814 г. от имени всех союзников доставил Людовику XVIII предложение занять французский престол. В апреле того же года получил должность посланника во Франции. Был одним из представителей России на Венском конгрессе (1814–1815), где активно выступал против восстановления независимого польского государства. Принимал участие в битве при Ватерлоо. В 1817 г. получил чин генерал-лейтенанта. Участвовал в различных международных конгрессах: в Аахене (1818), Троппау (1820), Вероне (1822). В 1831 г., после прихода к власти Луи-Филиппа Орлеанского, всячески пытался смягчить возникшее в русско-французских отношениях напряжение. В 1834 г. назначен русским посланником в Лондоне. Скончался в Париже. Погребен на кладбище Пер-Лашез.

45. Филипп — Луи-Филипп (Louis-Philippe) (1773–1850) — король Франции (1830–1843). Глава младшей (Орлеанской) линии династии Бурбонов. Сын Луи-Филиппа-Жозефа (1744–1793) — герцога Орлеанского, известного своей борьбой против партии Марии-Антуанетты и стремлением к политическому союзу с «третьим сословием». Во время Великой Французской революции, вслед за своим отцом, отрекся от титула герцога Шартрского, который в то время носил, и принял фамилию «Эгалите» («Равенство»). В 1791 г. поступил на службу во французскую армию, в 1792 г. произведен в бригадные генералы. Отличился в битве при Вальми (20 сентября 1792), но в апреле 1793 г., после измены генерала Дюмурье, бежал за границу. В эмиграции часто переезжал из одной страны в другую, побывал в Швейцарии, Германии, Дании, Англии и даже в США. В 1814 г. возвратился во Францию, где активно занялся предпринимательской деятельностью, быстро разбогател. Поддерживал контакты с крупной буржуазией и даже в повседневной

жизни постоянно демонстрировал приверженность буржуазным ценностям, демонстративно дистанцировался от королевского двора. В результате Июльской революции 1830 г. смог занять французский престол. В 1848 г. был свергнут, эмигрировал в Англию, где и скончался в г. Клермонт (графство Суррей). Император Николай I испытывал к Луи Филиппу крайнюю неприязнь, считая его пособником революционеров и узурпатором.

46. Принц Фридрих — видимо, имеется в виду Евгений Фридрих Карл Павел Людвиг (1788–1857) — принц Вюртембергский (Wurttemberg), генерал от инфантерии русской армии (1815). Сын прусского генерала герцога Евгения Вюртембергского (1758–1822) и Луизы Штольберг Гельдернской. Племянник императрицы Марии Федоровны, супруги императора Павла I. В 1797 г. поступил на русскую военную службу, зачислен полковником в Лейб-гвардии Конный полк. В феврале 1799 г. произведен в генерал-майоры, в 1801 г. пожалован Павлом I в командоры Мальтийского ордена. С марта того же года находился в Германии. В 1806 г. прибыл в действующую русскую армию, участвовал в боевых действиях против войск Наполеона. Отличился в сражениях при Пултуске и Прейсиш-Эйлау. В сражении при Фридланде был ранен. В конце 1807 г. назначен командиром бригады 3-й пехотной дивизии, в 1810 — начальником 9-й пехотной дивизии. Во время Отечественной войны 1812 г. командовал 4-й пехотной дивизией 2-го пехотного корпуса в 1-й Западной армии. Отличился в сражениях под Смоленском и у д. Гедеоново, был произведен в генерал-лейтенанты. Участвовал в Бородинской битве. В октябре 1812 г. назначен командиром 2-го пехотного корпуса, с которым принял участие в заграничных походах 1813–1814 гг. 19 марта 1814 г. корпус принца Вюртембергского первым вступил в Париж. В 1816–1821 гг. командовал 1-м пехотным корпусом. Во время восстания 14 декабря 1825 г. по поручению императора Николая I организовал охрану Зимнего дворца, затем во главе гренадерской роты прикрывал подходы к Исаакиевскому мосту. В 1828 г. принимал участие в войне с Турцией, с июля командовал 7-м пехотным корпусом, но в том же году из-за конфликта с И. И. Дибичем убыл из армии.

47. Речь идет о революционных выступлениях весны — лета 1831 г., которые были подавлены с помощью австрийских войск.

48. Король Неаполитанский — Фердинанд II (1810–1859) — король Обеих Сицилий (с 1830). Сын короля Франциска I и Марии Изабеллы Испанской. При вступлении на престол обещал провести либеральные реформы, но вместо этого установил жесткий режим полицейского произвола, насаждал политический шпионаж и доносительство. Сурово расправлялся с любыми проявлениями инакомыслия, вел борьбу с революционным движением. Во время революции 1848 г. предпринял беспощадную бомбардировку г. Мессины (7 сентября 1848), за что получил прозвище «король-бомба». В период Крымской войны (1853–1856) занимал пророссийскую позицию, чем вызывал большое раздражение Франции.

49. Имеется в виду Людвиг I (1786–1868) — король Баварии (с 1825). Сын Максимилиана I, герцога Пфальц-Цвайбрюккенского, курфюрста (с 1806 г. — короля) Баварии. Родился в Страсбурге. Получил хорошее образование, прекрасно разбирался в военном деле. В 1806–1807 гг. находился при штабе Наполеона I, но при этом придерживался антифранцузских настроений и считал союз с Францией вредным и опасным для Баварии. Вступив на престол, пытался проводить финансовые, административные, военные реформы. Был щедрым меценатом, покровительствовал искусствам настолько активно, что это вызывало повышение налогов и раздражение подданных. (При Людвиге I были основаны Старая и Новая Пинакотека, музей скульптуры). В 1830-е гг. активно поддерживал борьбу греческого народа против турецкого владычества; его сын Отто стал первым королем Греции. Во внутренней политике, под влиянием революционных выступлений, постепенно перешел к консервативному курсу. Во время революции 1848 г. отрекся от престола. Скончался в Ницце.

50. Мейендорф (Meyendorff) Петр Казимирович (Петр Леонард Суидгер) фон (1796–1863) — дипломат. Принадлежал к старинному лифляндскому роду. Сын генерала от кавалерии Казимира Егоровича (Герхарда Конрада Казимира) фон Мейендорфа (1749–1813) и его супруги Анны Катарины фон Фегезак. Родился в Риге. На службе с 1812 г. С 1817 г. состоял при Министерстве иностранных дел. В 1820 г. был назначен секретарем миссии, в 1824 — поверенным в делах в Гааге. В 1827–1832 гг. Мейендорф — советник

российской миссии в Мадриде. В 1832 г. произведен в действительные статские советники и назначен на должность посланника в Штутгарте. В 1839–1850 гг. являлся посланником в Берлине и по совместительству в Мекленбурге; в 1850–1854 гг. — посланником в Вене. В 1854 г. назначен членом Государственного Совета, в 1857 г. — обер-гофмейстером Императорского двора и управляющим делами Императорского Кабинета. Являлся почетным членом Петербургской Академии наук (с 1856), членом Общества истории и древностей Остзейских провинций России.

51. Татищев Дмитрий Павлович (1767–1845) — обер-камергер (1841), видный дипломат. В ранней юности был записан в гвардию, числился сначала в Лейб-гвардии Преображенском полку, затем в Лейб-гвардии Конном полку. В 1791 г. в чине подпоручика поступил волонтером в армию Г. А. Потемкина. В начале 1792 г. участвовал в дипломатической поездке А. А. Безбородко в Стамбул, где в течение 4-х месяцев исполнял обязанности поверенного в делах. В том же 1792 г. участвовал в походе австро-прусской армии во Францию. В 1794–1795 гг. служил в рядах Литовской армии А. В. Суворова, принимал участие в боевых действиях против польских повстанцев, отличился при штурме Варшавы. В 1799 г. перешел на гражданскую службу. В июне 1802 г. был назначен посланником в Неаполе, в феврале 1803 г. возвращен в Россию и определен на службу в Коллегию иностранных дел. В 1804 г. участвовал в русско-австрийских переговорах о военном союзе. В 1805 г. был направлен посланником к Наполеону I и оставался во Франции до 1808 г. В 1815–1821 гг. состоял чрезвычайным посланником и полномочным министром в Испании, входил в ближайшее окружение короля Фердинанда VII. В 1822 г. принимал участие в работе международного Веронского конгресса, после чего был направлен в составе чрезвычайной миссии в Вену. В 1826 г. назначен чрезвычайным и полномочным послом в Австрии, оставался на этой должности до 1841 г., когда по болезни был отозван на родину. В 1838 г. назначен членом Государственного Совета. Татищев участвовал в целом ряде крупных дипломатических конгрессов своего времени. В апреле 1828 г. состоял первым уполномоченным при подписании конвенции о ликвидации взаимных претензий Царства Польского и Австрии (от Австрии был выдающийся дипломат и политик К.-Л. Меттерних). В 1833 г., вместе с К. В. Нессельроде, участвовал в конгрессе в Мюнхенгерце. Скончался в Вене.

52. Король Виртембергский — Вильгельм I (Фридрих Вильгельм) (1781–1864) — наследный принц и (с 1816) король Вюртемберга (Виртемберга). Сын короля Фридриха I (1754–1816) и его супруги Августы Брауншвейгской. Родился в Силезии, где его отец служил офицером в прусской армии. В 1800 г. поступил волонтером в австрийскую армию эрцгерцога Иоанна (сына императора Леопольда II), участвовал в боевых действиях против французских войск, отличился в битве при Гогенлиндене (3 декабря 1800). В 1803 г. совершил путешествие по Италии и Франции, затем жил в Вюртемберге как частное лицо. В 1806 г., после принятия отцом королевского титула, уехал за границу, ибо не одобрял проводимой им политики сближения с Францией. В 1812 г. формально числился командующим вюртембергским контингентом в армии Наполеона, но реального участия в боевых действиях не принимал. После Лейпцигского сражения (16–19 октября 1813), когда Вюртемберг перешел на сторону России и ее союзников, возглавил 7-й армейский корпус, включавший вюртембергские, русские и прусские воинские подразделения. Участвовал в сражениях при Арси-сюр-Обе, Фер-Шампенуазе и др. В 1814 г. развелся со своей первой супругой Каролиной Августой Баварской (сестра короля Баварии Людвига I, впоследствии — жена австрийского императора Франца I). В 1816 г. в Париже вступил в брак с великой княжной Екатериной Павловной (1782–1819), сестрой императора Николая I и вдовой принца Георга Петра Ольденбургского (1787–1812). После вступления на престол упорно проводил политику, направленную на противодействие как Австрии, так и Пруссии в их стремлении добиться гегемонии в Германских землях. Пытался создать в противовес этим двум державам коалицию средних и малых германских государств, но успеха не добился. В 1819 г. согласился на введение в Вюртемберге конституции. Третьим браком был женат на принцессе Паулине Вюртембергской.

53. Растад — Раштадт (Rastatt, Rastadt) — город и крепость в великом герцогстве Баденском, на реке Мург (ныне на территории Германии, земля Баден-Вюртемберг).

54. Ульм (Ulm) — город на левом берегу Дуная (ныне на территории Германии, земля Баден-Вюртемберг).

55. Вильгельм (1792–1849) — принц Оранский, позже король Нидерландов Вильгельм II (с 1840) и великий герцог Люксембургский (с 1840). Сын короля Вильгельма I (1772–1843) и его супруги Вильгельмины Гогенцоллерн. В 1795 г., после оккупации Нидерландов французскими войсками, вместе с семьей отправился в эмиграцию. Получил образование в Берлинской Военной академии и Оксфордском университете. В 1811 г. в Испании поступил на службу в английскую армию, некоторое время состоял при герцоге Веллингтоне. В 1815 г., в сражении при Ватерлоо, командовал нидерландскими войсками, был ранен в плечо. В 1816 г. в Петербурге вступил в брак с великой княжной Анной Павловной (1795–1865), сестрой императора Николая I. В 1830 г., когда в Бельгии началась борьба за независимость, был направлен туда с войсками, но не смог справиться с освободительным движением. Дипломатические переговоры также не увенчались успехом, и в 1838 г. Бельгия получила независимость. Став королем (в 1840 г., после отречения отца), Вильгельм проводил довольно гибкую политику. В 1848 г. под давлением революционного движения он даже согласился на введение конституции, но умер, не дождавшись окончания реформ.

56. Кадеты — воспитанники кадетских корпусов — закрытых военно-учебных заведений, которые готовили детей дворян к офицерской службе, давая им и общее, и специально-военное образование.

57. Саша — Александра Николаевна (1825–1884) — великая княжна, младшая дочь императора Николая I.

58. Мери — Мария Николаевна (1819–1876) — великая княжна, дочь Николая I. В 1839 г. вступила в брак с герцогом Максимилианом Евгением Иосифом Августом Лейхтенбергским (1817–1852), сыном Эжена Богарне (пасынка Наполеона I) и Амалии Августы Баварской. Активно участвовала в развитии женского образования, после смерти своего супруга стала президентом Академии художеств и председательницей «Общества поощрения художества».

59. племянник Мекленбургский — Георг (Георг Август Эрнест Адольф Карл Людвиг) (1824–1876) — герцог Мекленбург-Стрелецкий (Meklenburg-Strelitz), генерал от артиллерии русской армии (1861). Принадлежал к ветви Мекленбургского великогерцогского дома, которая в 1701 г. выделилась из Мекленбург-Шверинской линии рода. Второй сын великого герцога Фридриха Карла Иосифа Мекленбург-Стрелецкого (1779–1860), племянник прусской королевы Луизы. Обучался в Дрезденской гимназии и Боннском университете. Служил в прусской армии. В 1840-е гг. поступил на русскую военную службу, в артиллерию, в чине генерал-майора. В феврале 1851 г. женился на великой княжне Екатерине Михайловне, дочери великого князя Михаила Павловича. В 1856 г. назначен инспектором стрелковых батальонов. Состоял членом Артиллерийского отделения Военно-Ученого комитета, был председателем Комитета об улучшении ружей и штуцеров. В 1856 г. избран почетным членом Петербургской Академии наук.

60. Гессенит — Александр (Людвиг Георг Фридрих Эмиль) (1823–1888) — принц Гессенский и Прирейнский. Третий сын великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига II (1777–1848) и его супруги Вильгельмины Луизы Баденской (1788–1836). Брат цесаревны (в будущем императрицы) Марии Александровны (Максимилианы Вильгельмины Августы Марии Гессен-Дармштадтской) (1824–1880) — жены цесаревича Александра Николаевича (в будущем императора Александра II), племянник (по материнской линии) супруги императора Александра I Елизаветы Алексеевны (Луизы Августы) Баденской-Дурлах (1779–1826). В 1833 г. поступил на службу в гессенскую армию. В 1840 г. перешел на русскую военную службу, зачислен в Лейб-гвардии Кавалергардский полк. В 1843 г. произведен в генерал-майоры. В 1845 г. участвовал в боевых действиях на Кавказе против горцев, отличился при штурме аула Дарго. В 1851 г. оказался в центре придворного скандала из-за своей любовной связи с фрейлиной Юлией Гауке, в результате чего, по распоряжению Николая I, был выслан из России. Вернувшись на родину, вступил с Ю. Гауке в брак, добился предоставления ей титула графини Баттенберг. В 1852 г. поступил в австрийскую армию в чине генерал-майора. Командовал 5-м армейским корпусом в Милане. В 1859 г.,

во время войны Австрии с Францией и Пьемонтом, отличился в сражении при Сольферино (24 июня 1859), затем участвовал в переговорах с Наполеоном III. По окончании войны занял должность командира 7-й армии в Тревихо, но в 1863 г. вернулся в Дармштадт. Принимал участие в Австро-прусской (Семинедельной) войне 1866 г. Командовал 8-й союзной армией, в состав которой входили гессенские, вюртембергские и баденские войска, но из-за несогласованности действий с 7-й армией принца Карла Баварского потерпел ряд поражений от генерала Фогеля фон Фелькенштейна. В 1868 г. произведен в генерал-лейтенанты.

61. Катя — Екатерина Михайловна (1827–1894) — дочь великого князя Михаила Павловича.

62. Стефан (1817–1867) — эрцгерцог Австрийский, сын эрцгерцога Австрийского, палатина Венгерского Иосифа (1776–1847), и его второй супруги Марии Доротеи Вюртембергской (1797–1855). По свидетельству великой княжны Ольги Николаевны (1822–1892), в 1839 г. ее брат Александр Николаевич (будущий император Александр II), находясь в Вене, подружился с эрцгерцогами Альбрехтом (1817–1895), Карлом Фердинандом (1818–1874) и особенно Стефаном. «Стефан выделялся, — писала она, — своими способностями, что предсказывало ему блестящую будущность. Он любил Венгрию и по-венгерски говорил так же свободно, как по-немецки» (Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 260). При русском дворе Стефан некоторое время рассматривался как наиболее желаемый кандидат в супруги для Ольги Николаевны, но этому плану воспротивились князь Меттерних (см. примеч. 63), царствующая императрица Мария Анна (см. примеч. 64), а также вдовствующая императрица (четвертая супруга императора Франца I) Каролина Августа (1792–1873) и эрцгерцогиня София (1805–1875) — мать будущего императора Франца-Иосифа (1830–1916). В результате брак не состоялся. Стефан оставался холостым всю жизнь и скончался, не оставив потомства.

63. Меттерних фон Виннебург (Metternich von Winneburg) Клеменс Венцель Лотар (1773–1859) — князь, выдающийся австрийский государственный деятель, дипломат. Принадлежал к аристократическому нижнерейнскому роду, которому принадлежало аббатство Оксенгаузен. Родился в Кобленце в семье дипломата Франца Георга фон Меттерниха. Получил образование в Страсбургском университете. В 1801–1803 гг. был австрийским посланником в Саксонии, в 1803–1805 гг. — посланник в Пруссии, в 1806–1809 — посол в Париже, в 1809–1821 — министр иностранных дел и фактически глава правительства Австрии, в 1821–1848 — канцлер. Вел чрезвычайно гибкую политику. В 1804–1805 гг. активно участвовал в создании антифранцузской коалиции. После военных поражений Австрии и заключения между Россией и Францией Тильзитского договора (1807) всячески пытался разрушить русско-французский союз и не допустить решительной победы России над Турцией. В марте 1812 г. подписал союзный договор с Наполеоном I, в силу чего французские войска участвовали в походе на Россию. В марте 1813 г. предложил России и Франции выступить в качестве посредника в переговорах между ними, а в августе того же года обеспечил присоединение Австрии к новой антифранцузской коалиции. Активно участвовал в организации и работе Венского конгресса, добился передачи Австрии значительных территорий, в том числе в Италии. Решительно выступал за подавлении революционных выступлений в различных странах Европы. Участвовал в подготовке и проведении важнейших дипломатических конгрессов того времени: в Ахене (1818), Карлсбаде (1819), Троппау (1820), Лайбахе (1820). В 1820–1840-е гг. вел против России дипломатическую борьбу, связанную с так называемым «Восточным вопросом» (вопросом о владениях Османской империи). Данная деятельность во многом определила неприязнь к Меттерниху со стороны императора Николая I. В 1835 г., после смерти австрийского императора Франца I, вошел в состав регентского совета при новом императоре, болезненном и безвольном Фердинанде I. Во время революции 1848 г. был вынужден бежать в Англию, откуда в 1849 г. перебрался в Бельгию. В 1851 г. вернулся в Австрию, но активного участия в политической деятельности более не принимал.

64. Императрица — Мария Анна (1803–1884) — принцесса Савойская, императрица

Австрии. С февраля 1831 г. — супруга императора Фердинанда I (1793–1875), занимавшего престол в 1835–1848 гг. Дочь Виктора Эммануила Савойского (1759–1824), короля Сардинии (1802–1821), и его супруги Марии Терезии Моденской (1773–1832). Пользовалась большим влиянием на своего супруга, который страдал эпилепсией и мало интересовался государственными делами.

65. Франц I (1768–1835) — император Австрии (с 1804), король Венгрии (1792–1830), король Чехии (1792–1835), последний император Священной Римской империи (1792–1806). Сын императора Леопольда II (1747–1792) и его супруги Марии Людовики Испанской. Детские и юношеские годы провел в Италии. В 1788–1789 гг. участвовал в боевых действиях против турок, однако военных талантов не проявил. После вступления на престол вел постоянную, но малоуспешную борьбу с Наполеоновской Францией, за период с 1792 г. по 1806 г. проиграл 4 войны. В 1806 г. по требованию Наполеона I отказался от титула императора Священной Римской империи. В 1810 г. был вынужден согласиться на брак своей дочери, Марии Луизы, и Наполеона. В 1812 г., действуя как союзник Наполеона, направил австрийские войска против России. В 1813 г. вновь примкнул к антинаполеоновской коалиции. После 1815 г. вел крайне консервативную внутреннюю и внешнюю политику. Состоял в браке четырежды, но детей имел только от одного, второго, брака с Марией Терезией, дочерью Фердинанда IV, короля Неаполя и Сицилии.

66. Павел I (1754–1801) — император Российский (1796–1801), отец императора Николая I.

67. Альберт — Альбрехт Фридрих Рудольф (1817–1895) — австрийский эрцгерцог, фельдмаршал (1863). Старший сын эрцгерцога Карла. Родился в Вене. Получил военное образование. В 1836 г. был зачислен в 13-й пехотный полк в качестве батальонного командира. В 1839 г. произведен в подполковники и переведен в 4-й кирасирский полк, стоявший в Венгрии. В 1839 г. сопровождал своего отца в поездке в Неаполь, в 1840 г. был произведен в генерал-майоры и совершил дипломатическую поездку в Петербург. В 1843 г. назначен командующим императорскими войсками в Моравии, в 1845 — в Австрии. В начале 1848 г., покинув занимаемые посты, поступил волонтером в армию графа Й. Радецкого, направленную в Италию для борьбы с национально-освободительным движением. Отличился в целом ряде сражений, командовал дивизией. В сентябре 1851 г. занял пост генерал-губернатора Венгрии и командующего 3-й армией. В 1861 г. назначен командиром корпуса. В 1866 г. возглавил 80-тысячную армию, направленную в Италию, одержал победу над итальянскими войсками при Кустоцце (24 июня 1866). В сентябре 1866 г. занял должность генерал-инспектора всей австрийской армии. Будучи профессиональным военным, одновременно интересовался искусством, собрал большую коллекцию гравюр. С 1844 г. состоял в браке с дочерью короля Баварии Людвига I Гильдегардой.

Подготовка текста и комментарии А. А. Михайлова

Николай I
Письма князю Д. В. Голицыну. 24 сентября 1830 г. — 31 января 1841 г.

I

С.-Петербург. 24 сентября 1830 г.

Вам не достанет труда представить себе те чувства скорби и тревоги, кои охватили меня при получении от вас сего печального известия. Крепитесь, на все есть воля Божья; будем же надеяться на его милосердие и будем делать все возможное, дабы смягчить последствия сей напасти. В этом отношении я одобряю

решительно все меры, кои вы уже приняли; они благоразумны и вполне соответствуют обстоятельствам. Обратите все ваше внимание на то, чтобы злонамеренные лица не воспользовались моментом с тем, чтобы вызвать беспорядки. Помните всегда о том, что имело место во время чумной эпидемии[a] и не пренебрегайте никаким лишним указанием на сей счет, никакой мерой предосторожности. Благодарственные молебствии — это превосходное средство, но надобно иметь в виду, что во время крестных ходов к здоровым примешиваются и хворые, и я полагаю, что в будущем следует воздерживаться от них.

Извещайте меня ежедневно по эстафете о распространении болезни, от этого будет зависеть мой отъезд, чтобы разделить с вами ваши труды. Надобно надеяться на Бога и во всем без ропота положиться на его судьбу. Передайте мои дружественные чувства всем тем, кто помогает вам в ваших прискорбных обязанностях, и скажите всем, что более, нежели когда-либо, я рассчитываю на их рвение и преданность.

Весь ваш
Николай

Перевод с французского С. Н. Искюля

Публикуется по: РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 869. Л. 11. Копия. Пер. с фр. яз.

Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844) — внук адмирала Бориса Владимировича Голицына (1705–1769); князь, светлейший князь (апрель 1841), генерал от кавалерии (1814), генерал-адъютант, член Государственного Совета (1821), московский генерал-губернатор (1820–1843), литератор.

Учился в Страсбургской военной академии, затем в Париже, служил в Лейб-гвардии Конном полку. С 1798 г. шеф Кирасирского Военного ордена полка, участвовал в кампаниях 1805 и 1806 гг. С декабря 1806 г. начальник кавалерии левого крыла армии, участвовал в сражении при Прейсиш-Эйлау. Во время Русско-шведской войны 1808–1809 гг. командир Вазасского отряда. Вышел в отставку, потому что ему не было поручено командование ледовым походом. С началом Отечественной войны 1812 г. вернулся на службу, с августа 1812 г. командир Кирасирского корпуса, участвовал в сражении при Бородино. Во время заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. командир кавалерии резервного корпуса, участвовал в сражении при Дрездене, Кульме и др. После войны командир 1-го резервного кавалерийского корпуса, 1-й и 2-й гвардейской пехотной дивизии 2-го пехотного корпуса.

Судя по всему, об этом письме было известно в дореволюционной историографии, во всяком случае, весьма неточно, в сокращенном виде и без ссылки оно было процитировано в работе, опубликованной впервые в эмиграции Н. Тальбергом. «С сердечным соболезнованием получил ваше печальное известие. Уведомляйте меня эстафетой о ходе болезни, — писал государь московскому генерал-

[a] Имеется в виду «Чумной бунт» — восстание солдат, матросов и городского населения в Севастополе 3–7 июня 1830 г.

губернатору. — От ваших известий будет зависеть мой отъезд. Я приеду делить с вами труды и опасности. Преданность воле Божией!» (*Тальберг Н.* «Человек вполне русский»: (император Николай I в свете исторической правды) // Николай I и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М., 2000. Т. 1. С. 306). Об этом же событии сохранились известия в брошюре Н. И. Фомина (*Фомин Н.* Отец Царства Русского или Неделя пребывания великого монарха Николая I в печальной Москве. СПб., 1831), воспоминаниях А. Х. Бенкендорфа (из последних публикаций см.: Портфель графа А. Х. Бенкендорфа: Мемуары шефа жандармов // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 348–349), дневнике князя П. А. Вяземского, письмах А. Я. Булгакова и Д. Н. Блудова, стихотворениях А. А. Дельвига «Утешитель» и И. И. Козлова «Высокопреосвященному Филарету» (*Козлов И. И.* Высокопреосвященному Филарету // Император Николай I. М., 2002. С. 434). Эти события нашли отражение в труде историка Н. К. Шильдера (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование: В 2 кн. М., 1997. Кн. 2. С. 286–290) и работе историка-эмигранта Н. Тальберга (*Тальберг Н.* «Человек вполне русский»... С. 306–310).

Д. В. Голицын на протяжении всей службы сохранял доверие императора Николая I, занимая важный пост московского военного губернатора. Не случайно одно из первых писем вступивший на престол император адресовал именно ему (Николай I — Д. В. Голицыну, 15 декабря 1825 г. // Красный архив. 1924. № 5. С. 241–242. В публ.: Из переписки Николая I в декабре 1825 года. Подлинник см.: РГИА. Ф. 1088 (Голицыны). Оп. 2. Д. 869. Л. 2–3. Ранее в составе РГАДА). Первые признаки холеры, известной в Персии, появились в Астрахани еще при Александре I в 1817 г., затем в Оренбурге — в 1829 г. Главные меры борьбы с ней в то время — устройство карантинов и оцеплений заразных мест. После июньских событий в Севастополе («чумной бунт») 17 июня 1830 г. — с целью борьбы с холерой Николай I приказал оцепить караулами Петергоф с ближайшими деревнями. 9 сентября 1830 г. была образована Центральная комиссия для пресечения холеры. 24 сентября 1830 г. в Санкт-Петербурге было получено известие о холере в Москве, и через три дня, 27 сентября, Николай I отбыл в Москву, где пробыл до 7 октября. Это событие нашло горячий отклик у современников, в частности, в стихотворении А. С. Пушкина «Герой» (опубликовано под датой 29 сентября (Москва), напечатано впервые в «Телескопе» Н. И. Надеждина без подписи автора). 5 октября у Николая начался приступ болезни с симптомами холеры, завершившийся благополучно. 20 октября император после 11 дней карантина в Твери возвратился в Царское Село, а 25 октября прибыл в Петербург. Во время поездки в Свите императора были граф А. Х. Бенкендорф, граф П. А. Толстой, генерал-адъютанты М. Е. Храповицкий и А. В. Адлерберг, флигель-адъютанты Кокошкин и Апраксин и доктора Арендт и И. В. Енохин.

Аналогичным образом Николай Павлович поступал и во время эпидемий 1831 года. В том году эпидемия холеры, начавшись в мае на юге, продолжалась на западе и северо-западе России. В ночь с 14 на 15 июня 1831 г. в Витебске скончался от холеры бежавший из Польши цесаревич Константин Павлович. В период с 14 июня по конец июля 1831 г. вспышка эпидемии была в Санкт-Петербурге, в связи с чем

царская семья была в карантине в Царском Селе и Петергофе. 22 июня 1831 г. войска подавили холерный бунт на Сенной площади. На следующий день Сенную площадь, еще запруженную волнующимся народом, посетил Николай I (событие, отраженное на рельефе памятника Николаю I на Исаакиевской площади). Во время восстания в связи с холерой в Новгородских военных поселениях, в частности в Старой Руссе, 11–22 июля (23 июля — 3 августа) 1831 г. Николай Павлович, как и годом ранее, отправился на места событий в Новгородскую губернию.

II

Александрия. 16 июля 1833 г.

Я не в силах выразить, любезный князь, до какой степени, к прискорбию своему, я был поражен, узнав о понесенной вами жестокой утрате в лице вашего племянника; могу сказать нами, поскольку всем сердцем я любил его, ибо видел в нем того, кем он был на самом деле, то есть человека, обладающего такими достоинствами, кои редки в его возрасте, человека, [который] со временем становился по-настоящему полезным в делах государства. Какая ужасная смерть! — и сколько порванных уз! — Нельзя без сопереживания думать о супруге его и бедных детях, кои еще в столь нежном возрасте, о бедной матери его, нашей доброй княгине! Как вынести ей столь ужасную утрату, и что за жестокая участь пережить собственных детей!

Оставайтесь же с нею столько, сколько найдете необходимым; да поддержит вас Господь в это тяжкое время! Напишите мне о том, как чувствует себя ваша матушка.

Полагаю излишним обременять вас просьбою передать мои чувства вашим близким, ибо они и так знают, сколь глубоко разделяю я их горе. Примите уверения в искренности моего отношения к вам, а также в питаемой мною к вам дружбе.

Любящий вас
Н.

Перевод с французского С. Н. Искюля

Публикуется по: РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 869. Л. 13. Копия. Пер. с фр. яз.

III

С.-Петербург. 31 января 1841 г.

Узнав этим утром о несчастии, каковое вас постигло, коснувшись самой дорогой вашего сердца привязанности, я не мог оставаться равнодушным. Хочу написать вам о глубоком моем сочувствии по случаю этой ужасной потери, но не могу выразить это словами; вы найдете утешение не в словах, а в глубине своей души, в ваших чувствах истинного христианина — и смиримся перед волею Провидения! — Вспомните же, что у вас на руках остаются дети родителей, кои вас

любят, и с вами искренне ваши друзья. Прошу вас посетить этих близких вам людей, ибо только здесь сможете вы найти покой опечаленной вашей душе.

Мне не терпится вас обнять. Всем сердцем на всю жизнь с вами.

Искренне вас любящий

Н.

Перевод с французского С. Н. Искюля

Публикуется по: РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 869. Л. 19. Копия. Пер. с фр. яз.

Подготовка текста и комментарии Л. В. Выскочкова

Николай I
Письмо генерал-лейтенанту графу К. Ф. Толю[1]. 4 июня 1831 г.

Ты можешь легко себе вообразить, любезный Карл Федорович, сколь горестно поражен был я неожиданным известием кончины почтенного графа Ивана Ивановича[2], потеря сия для меня невозвратимая, ибо в нем лишилась Россия верного достойного слуги, а я — истинного друга. Но да будет воля Всевышнего, а нам следует уметь подчиниться ей без ропота. Вполне одобряю принятую тобой решимость[3]; знаю душу твою и не сомневаюсь в чувствах твоих; более скажу: я <u>не верил</u> тому, что именем твоим думал писать мне покойный граф Иван Иванович, а я отвечал, что полагаю, что он тебя не понял, теперь же вижу с тем большим удовольствием, что я в тебе не ошибся[4]. И может ли это быть, что в то время, когда дело идет о поддержании славы и чести России, кто-либо мог помыслить о своем покое, доколь не наказаны изменщики, осмелившиеся поднять руку на своих благодетелей![5] Подобное чувство должно быть чуждо каждому, наиболее же тебе, которого вся служба пример[a] чести и любви к отечеству. Одним словом, я с удовольствием и благодарностью принимаю готовность твою, в которой, повторяю, не сомневаюсь, сохранить твою должность, с честью носимую, и надеюсь, скоро с тою же славою, как в 1829 году[6].

Граф Паскевич, которому поручаю предводительствовать в действующей армии[7], отъедет вскоре за сим письмом и направится морем через Пруссию. Надеюсь, что в тебе найдет он того же верного и неутомимого помощника и друга, каким ты умел быть постоянно покойному графу[8].

Да благословит Бог успех войск и да положит конец бедствиям, уже слишком долго продолжающимся. Верь, любезный Карл Федорович, непременной признательности и уважению, с коим пребываю к тебе доброжелательным.

Николай

---

[a] Слово читается предположительно.

Всем нашим товарищам мой поклон. Надеюсь, враги не заметят, что армия без настоящего на время главнокомандующего, и что если б, надеясь на сие, покусились напасть, получат должное возмездие.

С[анкт-]П[етер]б[ург], 4 июня 1831 г.

Печатается по копии, датированной 1893 г. (РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 869. Л. 1–4).

1. Толь Карл Федорович (1777–1842) — граф (1829), генерал от инфантерии (1826), генерал-адъютант (1823). Талантливый и прекрасно образованный, К. Ф. Толь во время наполеоновских войн снискал репутацию военного теоретика. Составил одно из первых описаний кампании 1812 г. В 1824 г. назначен начальником Главного штаба 1-й армии, участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В 1829 г. возведен в графское достоинство, в 1830 — назначен членом Государственного Совета. После начала польского восстания 1 декабря 1830 г. был назначен начальником Главного штаба действующей армии. Фактически возглавлял командование после смерти И. И. Дибича и до приезда И. Ф. Паскевича. Из-за контузии И. И. Паскевича в начале штурма Варшавы Толь взял на себя распоряжения и во время этой операции. Слава Паскевича, «усмирителя мятежа», пожалованного титулом князя Варшавского, на фоне скромных наград Толя за польскую кампанию казалась ему незаслуженной, как недооцененной — собственная роль. Можно считать, что после кампании 1830–1831 гг. для Толя закончилась не только карьера полководца, но и карьера крупного военного администратора. В 1833 г. он назначается главноуправляющим ведомством путей сообщения и публичных зданий.

За время кампании К. Ф. Толь составил весьма скептическое мнение о военных дарованиях и личных качествах главнокомандующего. Это отношение отразилось в его полемически заостренном описании кампании, которое начинается с приезда Паскевича к действующей армии и представляет собой реестр ошибок и слабостей командования (см.: *Толь К. Ф.* Краткий журнал пребывания моего в действующей армии в минувшую польскую войну со времени прибытия фельдмаршала кн. Паскевича-Эриванского к оной до отъезда моего в С.-Петербург. М., 1867. Впервые публиковано после смерти автора в 1867 г. в «Чтениях Общества истории и древностей»). Записки Толя о польской кампании, не опубликованные при жизни автора, ходили в списках, в русском и французском переводах, и, по существу, служили формой оппонирования официальной версии русско-польской войны как «победного марша». Сохранилось несколько рукописных копий 1830–1840-х гг. этого текста (см.: ОР РНБ. Ф. 775 (Собрание А. А. Титова). Д. 4289; РГИА. Ф. 1064 (Толь). Оп. 2. Д. 62; РГВИА. Ф. 194 (Д. В. Давыдов). Д. 53).

Плохо скрытый конфликт Толя с Паскевичем закономерно вызвал охлаждение к Толю императора. В этом смысле публикуемое письмо интересно как образец доверительного тона, принятого Николаем I в обращении к «боевым товарищам» по турецкой кампании, одним из которых он считал Толя.

2. Речь идет о смерти главнокомандующего И. И. Дибича, последовавшей 17 (29) мая 1831 г. Причиной смерти стала холера, эпидемия которой затронула и русскую армию, воюющую в Польше. См. всеподданнейшие донесения графа Толя о его кончине (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. М., 1997. Кн. 2. С. 468–470)

3. Фактически на время отсутствия главнокомандующего при армии К. Ф. Толь (как старший из генералов и по должности начальника Главного штаба действующей армии) исполнял обязанности командующего. Все это время армия стояла под Пултуском в бездействии, однако Толь разрабатывал стратегию наступления, которой, в сущности, следовал Паскевич, приняв командование.

4. Возможно, И. И. Дибич писал Николаю I о разногласиях со своим начальником штаба или о желании Толя просить отставку от должности. Сам Толь об этом умалчивает.

5. В этой фразе исчерпывающе отражена концепция «измены», ставшая официальной интерпретацией мотивов восстания 1830 г. Она сложилась в прямой зависимости от

отношения Николая I к полякам, конституционному статусу и относительной самостоятельности Царства Польского в 1815–1830 гг., которые император считал «химерой». Официальная интерпретация замалчивала серьезные противоречия, существовавшие в управлении Царством Польским накануне восстания, размах польской национал-либеральной оппозиции, ориентированной на европейское общественное мнение. С этой точки зрения восстание выглядело проявлением врожденной тяги к мятежам и неблагодарности поляков, отплативших русскому правительству «злом за добро».

6. Напоминание об отличиях Толя при осаде и взятии Шумлы, за что он был награжден орденом Св. Георгия 2-го класса.

7. Николай I со времен кампании 1828 г. проникся особенным доверием к Паскевичу, «отцу-командиру», как он его называл. Ни реальные дарования, ни масштабы его как командующего не подвергались сомнению. Поэтому его кандидатуре в столь важной ситуации, как затянувшаяся на полгода война с «мятежниками», не было альтернатив. Однако Паскевич прибыл к армии только 14 июня, более чем через месяц после своего назначения, и собственного плана военных действий не имел. Его записка с предложениями о продолжении кампании имеет самый общий характер (*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 470–471. Ср.: *Толь К. Ф.* Краткий журнал пребывания моего в действующей армии в минувшую польскую войну со времени прибытия фельдмаршала кн. Паскевича-Эриванского к оной до отъезда моего в С.-Петербург. С. 2–3).

8. Отношения, сложившиеся у Толя с Паскевичем с первого дня пребывания главнокомандующего при армии, были конфликтными. Толь считал Паскевича выскочкой, которому недоставало не только способностей военачальника, но подчас и личного мужества (Там же. С. 8, 10), Паскевич, со своей стороны, отрицательно отзывался о своем начальнике штаба (см.: *Щербатов П. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. СПб., 1889. Т. 4. С. 25–26). Паскевич «не признавал [Толя] победителем поляков и весь успех победы приписывал только точному исполнению своих предначертаний. Граф Толь, напротив, относил лично к себе взятие Варшавы. Отсюда взаимные нелады, обоюдные жалобы и невозможность служить вместе. Сдав свою должность и не сказавшись фельдмаршалу, он удалился из армии без его дозволения, без его даже ведома. В приказе, в котором объявлялась благодарность императора войскам и разным начальникам поименно, гр. Толь не назван, как будто и не был в победоносном войске» (*Сушков Н. В.* Воспоминания о графе К. Ф. Толе. М., 1865. С. 8).

Подготовка текста и комментарии Т. Н. Жуковской

Николай I
Письма генерал-адъютанту А. А. Кавелину. 8 августа 1838 — 6 декабря 1841 гг.

I

Брест, 8 августа 1838 г.

Благодарю тебя искренно, любезный Кавелин, за исправность и подробность твоих донесений и твое отеческое попечение о сыне. Сколько твои письма служили мне утешением в это неприятное время, можешь себе изъяснить тем чувством, которое ты сам имел, быв на месте, — вообрази же, что должно было во мне быть в отдалении, где воображению нет пределов. Благодарю Бога и вас всех, что опасность миновалась; однако признаюсь откровенно, необходимость предложенного мнения нам крайне прискорбна, однако по долгу нашему мы приняли все

предложения. Описав сыну подробно принятый план путешествия, обращаю тебя к оному. Но нужно мне еще с тобой условиться об некоторых предметах, которые одному тебе вверяю. Сыну 20 лет; он не ребенок, не молодой мальчик, он уже в летах, где ему должно рассуждать и действовать самому; ежели б даже в нем и не было сего чувства, не следует об этом сожалеть, а возбуждать великие в нем чувства не самоуправства, но самостоятельности, т. е. умения самим собой правильно руководствоваться по долгу совести и чести[a]. Были б мы дома, я непременно дал бы ему волю действовать самим собою, ограничиваясь наблюдением и советами; за границей оно мудренее, но не невозможно. Надо именно дать ему некоторую свободу действий, с тем, чтоб понемногу его приучить уметь собой прилично руководствовать.

Прошлую зиму, и даже иногда прежде, я замечал в нем некоторую склонность к задумчивости; испытав сие и на себе в довольно сильной степени, я сначала не обращал на это большого внимания; но, говоря с ним в надежде, что могло бы его склонить к этому расположению, я заметил, что разговоры с братом Михаилом Павловичем часто его к этому располагали. Брат, не знаю с какого повода, всегда почти говорил с ним, описывая свои собственные расположения, и развил в сыне подобное; и наконец, я часто замечал, что мой приход прерывал разговор, после которого у сына оставалась какая-то задумчивость. Следуя за ним в свете, наконец, не могла уйти от моих глаз его склонность к Ольге Калиновской[1]; не обратив на сие больше внимания, чем следовало, я объяснил, однако, сыну, что сколь ни естественно в его летах предпочитать одно лицо женского пола другому, не должно однако дать волю мечтам или склонности, тогда, когда они не приличны ни по званию, ни по положению лиц; прибавь еще к сему, что я нахожу его вкус приличным, но не инако, как к лицу, нравом и обхождением заслуживающим предпочтение в обществе пред другими, но не иначе, как простое предпочтение; однако должно никогда его мечтам не давать воли, как вещи несбыточной, и потому еще, что самое его расположение к ней должно было его удерживать от всякого изъяснения или действия, которые могли бы нарушить спокойствие душевное предмета его предпочтений или навредить ее репутации. Соглашаясь со мной во всем этом, я не видел в нем ничего неприличного, и даже случалось мне его хвалить после сего за его осторожность. Но ты и Михаил Павлович[2] меня часто уверяли, что чувство это в нем сильнее к полькам; а брат, к сожалению моему, кажется мне, его скорее укреплял в нем, чем советами своими увещевал предостерегаться[3]. Все сие наводит на меня сомнение — не это ли одна из причин его уныния, которая, по словам Арндта[4], сильно выражается, в особенности по вечерам? Не должно его тревожить расспросами о сем, ибо от того пользы не будет, но может еще возбудить в нем чувства, которые сильнее прежде развиться могут, ослабить и даже иссушить. Нужно непременно, однако, действовать на дух его практичным развлечением, которое послужит и к укреплению сил; противное было б опасно, обратя его к тоске по польке, чего оборони Боже! Потому, и по совету с Арндтом и Маркусом[5], желаю, чтоб дана ему была полная воля по окончании курса делать, что ему приятно. Гулять верхом и пешком, ходить на

[a] Здесь и далее подчеркнуто рукой Николая I.

охоту; посещать наших русских, того заслуживающих, сколько ему хочется, для сего посылать с ним одного из адъютантов и то для всякой предосторожности, и вообще наблюдать за ним только поверхностно и вверить ему самому, чтоб ничего неприличного не делал, присматривая сам за собою. Я уверен, что добрый совет и мнения докторов, чего ему делать следует, будут достаточны, чтоб удерживать его в мерах благоразумности. Чувствуя большую свободу, будет он спокойнее; и это чувство будет содействовать укреплению сил.

Состояние бедного Виельгорского[6] меня крайне сокрушает; надо дать волю отцу с ним ехать, куда и насколько нужно. Скажи Енохину[7], что я им очень доволен. Благодарю тебя еще раз от всего сердца, обнимаю тебя душевно. Будем молить Бога, чтоб вас сохранил под своим крылом и скорее к нам здоровыми возвращались.

Николай

Заметил ли ты признаки возникновения дурной привычки?

Письма публикуются впервые по: ГАРФ. Ф. 672 (Николай I). Оп. 1. Д. 340. Л. 10–20 об. Черновые автографы. Место и дата написания писем обозначены самим Николаем I.

Кавелин Александр Александрович (1793–1850) — офицер Лейб-гвардии Измайловского полка, член Союза благоденствия, адъютант великого князя Николая Павловича (1819), флигель-адъютант (14.12.1825), директор Пажеского корпуса (с 1830), воспитатель цесаревича Александра Николаевича, заменивший К. К. Мердера (с 1833), петербургский генерал-губернатор (1842–1843), сенатор, член Государственного Совета, отец П. А. Кавелина. См. о нем: *Кавелин П. А.* Кавелин, как воспитатель императора Александра II // Русская старина. 1902. № 3. С. 555–560.

Наследник престола великий князь Александр Николаевич был влюбчив. В пятнадцатилетнем возрасте он флиртовал с фрейлиной Александры Федоровны Натальей Николаевной Бороздиной (род. в 1816 г.) — младшей дочерью Н. М. Бороздина и Е. А. Жеребцовой, сестрой Ольги и Анастасии. Позднее она была фрейлиной великой княжны Ольги Николаевны (с зимы 1835 г.). В 18 лет он стал предметом платонического обожания Софьи Дмитриевны Давыдовой, дальней родственницы поэта-гусара Дениса Давыдова. В 20 лет он впервые влюбился серьезно во фрейлину Ольгу Калиновскую, которая среди прочих наиболее приближенных фрейлин участвовала, например, в новогоднем бале-маскараде в китайских костюмах 6 января 1837 г., изображая первую придворную даму. Это был не просто мезальянс, Ольга была к тому же полька и католичка, что было совершенно неуместно, особенно после морганатического брака Константина Павловича и польского восстания 1830–1831 гг. О том, что Александр Николаевич «был влюблен в Ольгу Калиновскую», упоминала в своих записках «Сон юности» и его сестра, великая княжна Ольга Николаевна (Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000.

С. 250). Беспокойство этой историей отразилось в переписке Николая I и Александры Федоровны. В одном из писем Николай Павлович передал ей свои слова в разговоре с Х. Л. Ливеном: «Мы говорили про Сашу. Надо ему иметь больше силы характера, иначе он погибнет... Слишком он влюбчивый и слабовольный и легко попадает под влияние. Надо его непременно удалить из Петербурга...». С этой целью, а также с целью общеобразовательной и для поиска подходящей партии наследник в сопровождении В. А. Жуковского был отправлен за границу. В 1838–1839 гг. Александр Николаевич совершил путешествие, во время которого посетил Берлин, Стокгольм (где появился с неожиданным визитом и Николай Павлович), Копенгаген и Ганновер (где простудился). Затем Александр лечился в Эмсе и на острове Комо, провел зиму в Италии (Там же. С. 252). Во время путешествия в Дармштадте Александр Николаевич познакомился с пятнадцатилетней принцессой Марией, ставшей его невестой. Помолвка состоялась 6 декабря 1840 г. Хотя родители невесты давно не жили вместе (ее отцом молва вместо великого герцога Людвига II называла шталмейстера барона де Гранси), это не стало препятствием для брака. Продолжая свой вояж, наследник посетил Англию, где неожиданно у него возникли взаимные чувства с молодой королевой Викторией, что не входило в планы Николая I. После возвращения в Россию Александр Николаевич попытался возобновить отношения с Ольгой Калиновской, но она была выдана замуж. 16 апреля 1841 г. состоялось бракосочетание Александра Николаевича и Марии Александровны (1824–1880). В 1859 г. Александр II познакомился с тринадцатилетней княжной Долгоруковой, дочерью капитана гвардии Юрия Долгорукова и богатейшей украинской помещицы Веры Вишневской, которую вновь увидел в Смольном институте в 1865 г. Это был самый известный роман Александра Николаевича, завершившийся морганатическим браком с Е. М. Долгоруковой-Юрьевской 6 июля 1880 г.

Публикуемое письмо опровергает распространенное мнение о грубости Николая I, ежеминутно подавляющего личность своих детей. Да, он мог надавать пощечин за игру в карты с подчиненными, но к детям относился нежно и в интимных делах был довольно тонок.

II

Царское Село, 12 октября 1839 г.

Посылаю вместо ответа — доктора Рейнгольда[8], из сего заключи, любезный Кавелин, спокоен ли я духом. Надеюсь на милость Божью, что он сына застанет уже поправляющимся; но, во всяком случае, прошу тебя еженедельно извещать о его здоровии эстафетами, употребляя и срочных фельдъегерей, ибо быть в неизвестности слишком мучительно.

Довольным сыном я не мог быть, это он сам может тебе сказать, и я очень желаю, что сие и прежняя душевная болезнь, в нем сильно гнездящиеся, сильно действующие на его дух и через то на здоровье, исчезли; но этому один милостивый Бог помочь может!

Думал было я послать прелестный портрет принцессы[9], но так как он мне ни

слова про это не говорил и никогда даже знать желания не выказывал, то грешно было б мне передавать ему то, что с этоликою доверенностью нам, по его же желанию, было вручено; я не вправе это делать и считал бы сие нечестным. Он у меня в залоге и обратно его передам, когда сына найду сего достойным.

Обнимаю тебя от всей души и вашим всем поклон, Енохину скажи, чтоб продолжал спокойно делать свое дело и не морочил голову. Бог поможет!

Николай

Письмо продолжает сюжет предыдущего, связанного с душевным кризисом Александра Николаевича в связи с вынужденным разрывом с Ольгой Калиновской.

III

Санкт-Петербург, 21 апреля 1840 г.

Мне не удалось с последним курьером поблагодарить тебя, любезный Кавелин, за любопытные твои письма и поздравить с радостным событием, составлявшим предмет всех наших общих желаний[10]. Радость наша, радость всей семьи неописанная, я все это пишу про милую Марию, предвещая, кажется, исполнение наших надежд.

Письма сына, сколько судить об том можно, доказывают, что он ежедневно больше и больше привязывается к Марии. Действительно, по словам вашим, она должна быть премилое существо, к которому нельзя не привязаться. Как завидую я тем, которые раньше меня с ней познакомились.

Продолжай мне писать столь же подробно, ибо все эти подробности драгоценны. Обнимаю тебя душевно.

Николай

IV

Санкт-Петербург, 6 декабря 1841 г.

Александр Александрович!

В продолжение двадцатитрехлетней службы вашей при Мне, ознакомясь близко с отличающими вас превосходными качествами, я с полной уверенностью в неизменности ваших правил поручил вам нравственное образование Моего сына Великого князя Александра Николаевича, определив вас к Особе Его Императорского Высочества в качестве Его воспитателя.

Доверенность мою в этом драгоценном для сердца Моего отношении вы оправдали совершенно. Быв постоянным свидетелем всех ваших действий, — я еще ближе убедился в непоколебимости ваших уважения достойных правил.

Это убеждение решило Меня избрать вас Председателем учрежденной в Вильне

Следственной Комиссии над лицами, обвиненными в преступных намерениях противу Правительства[11]. Этим выбором Я имел в виду положить конец, сколь можно скорый и справедливый, многолетним изысканиям над сими преступниками, а с другой стороны явить и краю, которые лица сии принадлежат, новое доказательство, сколь Мне дорого его спокойствие и благоденствие.

При всей трудности и многосложности этого поручения, вы успеете окончить его скорее, нежели ожидать можно, и притом со всею прилагаемою полнотою, ясностью и отчетливостью.

Рассмотрев во всей подробности донесения ваши, я поручил военному министру передать вам повеления Мои насчет закрытия комиссии и по некоторым до изысканий относящимся предметам, а меж тем исполняю долг самый для Меня приятный, изъявляя вам совершенную Мою признательность и благодарность за достохвальный и добросовестный труд ваш.

Пребываю навсегда к вам благосклонный

Николай

Публикуется впервые по: ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 340. Л. 19–20. Писано рукой писца.

1. Калиновская Северина (Ольга) Осиповна — фрейлина великой княгини Марии Николаевны; в первом браке — за генералом Николаем Федоровичем Плаутиным, во втором — за супругом ее покойной сестры, польским магнатом графом Иринеем Огинским.

2. О Михаиле Павловиче см. наст. изд., с. 353, примеч. 1.

3. Княжна Ольга Николаевна вспоминала, что Александр Николаевич захотел порвать со своей невестой, и что «дядя Михаил указал ему на свой собственный брак, жертвой которого он был... Решили, что Ольга должна покинуть двор» (Сон юности... С. 263).

4. Имеется в виду Аренд Николай Федорович (1785–1859) — хирург, с 1829 г. один из пяти лейб-медиков Николая I, которому он в завещании от 4 мая 1844 г. выразил особую благодарность наряду с другими лейб-медиками; кавалер многих орденов, в том числе такого экзотического, как орден Персидского Льва и Солнца, знака 40 лет беспорочной службы. Состоял по Главному штабу, член Медицинского совета МВД.

5. Маркус Михаил Антонович — один из пяти лейб-медиков императорской семьи, лечивший в 1830-х гг. Александру Федоровну и Ольгу Николаевну; Николай Павлович в завещании от 4 мая 1844 г. выразил ему особую благодарность наряду с другими лейб-медиками. Кавалер многих орденов, председатель Медицинского совета МВД.

6. Не совсем ясно, о каком Виельгорском идет речь. Было два известных брата Виельгорских: 1) Виельгорский (Велеурский) Матвей Юрьевич (1794–1866) — граф, камер-юнкер, шталмейстер (1843); виолончелист, с 1826 г. служивший по ведомству Министерства иностранных дел, член театральной дирекции, управляющий дворцом великой княгини Марии Николаевны и ее супруга герцога Максимилиана Лейхтенбергского (с 1839), сын бывшего польского посланника в Петербурге Ю. М. Виельгорского, младший брат Михаила Виельгорского; 2) Виельгорский Михаил Юрьевич (1788–1856) — граф, композитор-дилетант, скрипач, на службе в Петербурге с 1827 г., гофмейстер Высочайшего двора, обер-шенк, один из основателей Русского музыкального общества, меценат, старший брат Матвея Виельгорского; в 1840-х гг. его дом был средоточием музыкальной жизни столицы.

7. Енохин Иван Васильевич (1793–1863) — доктор медицины и хирургии, лейб-медик (с 1855); сопровождал в поездках великого князя Александра Николаевича.

8. Рейнгольд Эмилий Иванович — один из пяти лейб-медиков, доктор медицины и хирургии, тайный советник; один из хирургов, производивших вскрытие тела Александра I в Таганроге и Елизаветы Алексеевны в Белёве; кавалер многих орденов, в том числе медали 1812 г. за взятие Парижа и знака отличия за 35 лет. Состоял по Главному штабу Его Императорского величества и до смерти Николая I находился при его особе; член Медицинского совета МВД.

9. Мария Александровна («Мари», урожденная принцесса Гессен-Дармшадтская Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, 1824–1880) — дочь великого герцога Дармштадского Людовика (Людвига) II и герцогини Вильгельмины-Луизы; с 16 апреля 1841 г. жена великого князя Александра Николаевича (Александра II), с 1855 г. императрица.

10. Имеется в виду помолвка Александра Николаевича с принцессой Марией Дармштадтской, которая состоялась 6 декабря 1840 г.

11. После подавления польского восстания 1830–1831 гг. национально-освободительное движение продолжалось. В 1833 г. польские эмигранты вновь попытались поднять восстание (т.н. экспедиция Заливского). В 1835 г. один из руководителей революционеров Шимон Канарский перешел границу Российской империи и на территории бывших польских воеводств (Украина, Белоруссия, Литва) создал ячейки конспиративной организации "Содружество польского народа". Арест Канарского в 1838 г., провал группы Содружества в Варшаве в 1839 г. были ответом властей на деятельность польских революционеров. Канарский был арестован в мае 1838 г. и по приговору суда расстрелян в Вильно. Недовольство поляков и Ватикана вызвал церковный собор в Полоцке 12 февраля 1839 г., принявший решение о воссоединении униатской и православной церквей. 25 мая 1840 г. Николай I отменил действие Литовского статута в украинских и литовско-белорусских губерниях, что означало распространение на них общероссийского законодательства. Имения активных участников антиправительственных выступлений из числа польских помещиков подлежали конфискации. В связи с многочисленными арестами в Вильно (Вильнюсе) долгое время продолжались следственные мероприятия.

Подготовка текста и комментарии Л. В. Выскочкова

Копии докладов III Отделения с резолюцией Николая I

Копия доклада III Отделения с резолюцией Николая I от 4 октября 1831 г.

Ораниенбаумский помещик, поручик Тулубьев застрелян 6 сентября 1831 г. около 10 часов вечера, чрез окно. Посланный по Высочайшему повелению на место происшествия полковник К. Ж. Панаев донес, что по собранным им сведениям убийство Тулубьева одобряется: жестокое обращение, очевидно, было причиною, что 30 душ крестьян, оставя жен своих и детей, находятся в бегах. Он запрещал даже женам этих крестьян, идучи на барщину, брать с собою грудных младенцев, дабы не отвлекаться от работы и много быв принуждены оставлять младенцев без призрения на целый день, находили их по возвращении домой

мертвыми. Все это подает повод к заключению, что Тулубьев убит кем-либо из ожесточенных крестьян. Слышно, что и жена покойного Тулубьева обходится с крестьянами не лучше его.

Резолюция Николая I: Поставить сие на вид губернскому предводителю, а уездному сделать выговор за то, что вопреки неоднократных подтверждений, не исполнил своих обязанностей. Узнать, кто наследники, и если имение достается жене, то взять в опеку.

Копия доклада III Отделения с резолюцией Николая I от 30 апреля 1837 г.

Генерал-губернатор граф Строганов донес во исполнение Высочайшей воли, что он поручал адъютанту своему и находящемуся при нем для особых поручений штаб-офицеру удостовериться в справедливости обвинений, возводимых на Залескую полицию вверенного его управлению края, и они донесли ему, что при взыскании недоимок наказывают неплательщиков розгами, обливают зимой холодною водою, привязывают веревками к столбу, отдают в работу за ничтожную плату и лишают имущества за бесценок. Такие преступные злоупотребления подлежат строгому наказанию, но как при строгом формальном исследовании большая часть подсудимых не имеет способ оправдаться законною формулою, то граф Строганов решился вытребовать всех земских исправников и лично внушить каждому его обязанности в отношении к благосостоянию казенных крестьян и неизбежные последствия, если откроются какие жестокости при требовании недоимок.

Резолюция Николая I: Уведомить графа Строганова, что меры сии одобряю, но чтоб он взял свои меры, чтобы при первом повторении подобных мерзостей виновные не остались безнаказанными, ибо нужно, чтобы знали в краю, что Правительство не равнодушно к злоупотреблениям.

Копия доклада III Отделения с резолюцией Николая I от 17 ноября 1837 г.

Борисовский исправник Энгельфельт предан был военному суду по произведенному, по Высочайшему повелению, подполковником К. Ж. Косиновским следствию о злоупотреблениях и жестокостях против крестьян в имении кн. Радзивилла во время высадки смолы по контрактам с купцом Щербаковым; Энгельфельт оказался виновным в насильственных мерах с крестьянами, которых наказывали бесчеловечно, принуждали к означенной работе в праздничные дни и летнее рабочее время, так, что в год умерло от побоев 44 человека, сгорело 3, потонуло 11, ослепли 42, изувечено 13, бежали 45, заболели неизлечимыми болезнями 10 человек.

Резолюция Николая I: Ежели то, что касается полковника Косиновского, хотя и несколько несправедливо, то для чести мундира с ним должно поступать по всей

строгости законов, как не только с ложным доносчиком, но как с чиновником, злостно обманувшим доверие Правительства и потому заслуживающим примерного наказания в страх другим. Подобные действия тем вредны, что разрушают доверие к корпусу, коего действия основаны быть должны на всеобщем уважении к беспристрастию оного и непреложной правдивости.

Копия доклада III Отделения
с резолюцией Николая I от 21 апреля 1847 г.

Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Галахов назначен исправляющим должность Санкт-Петербургского обер-полицмейстера; при вступлении его в эту должность Государь император сделал ему наставления, как он должен действовать: «Прежде всего, ты должен отбросить всякое лицеприятие и помнить, что пред законом все равны, и потому твоею непреложною и всегдашнею обязанностию должно быть обращение самого строгого внимания на просьбу последнего крестьянина, как и на просьбу канцлера. Мне всегда будет приятно, когда ты защитишь простолюдина против вельможи, ежели простолюдин прав. Избегай нововведений, ибо весьма ошибочно находить все действия и распоряжения предшественника дурными. Не давай слепой вере, ежели тебе будут говорить дурно о ком-либо из подчиненных — узнай прежде, — не оклеветан ли, не зависть ли, не интрига ли тут действует. К мелким чиновникам будь снисходителен и помни, что во время его труда, может быть, жена и дети его сидят без куска хлеба. Узнав, что проступки его не важны и не влекут за собою общего беспорядка и злоупотреблений, старайся исправить его мерами кроткого убеждения и тогда только предавай его закону без жалости, когда увидишь, что поступки и совесть его неисправимы. Так действуя, ты будешь действовать мне по сердцу и благу общественному».

Публикуется по: ОР РНБ. Ф. 859. К. 2. № 13. Л. 9, 16, 18.

Николай I и III Отделение

Печально известное III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии было учреждено 3 июля 1826 г.; сначала в его штате состояло всего 16 человек, к концу николаевского царствования число сотрудников увеличилось до 40. III Отделение создавалось, чтобы контролировать настроения умов и всевозможные происшествия в империи. Мысль Николая I заключалась не в том, чтобы создать тайную политическую полицию, но чтобы учредить лично себе подчиняющуюся инстанцию, которая состояла бы не из бюрократов, а из людей, призванных вникать в людские проблемы и житейские обстоятельства и обо всем доносить императору без утайки и искажения. Политический сыск являлся лишь частью служебных обязанностей чиновников III Отделения, при этом надо по-

мнить, что за 1826–1848 гг. так и не было выявлено ни одного крупного факта «крамолы». Первым событием стало раскрытие кружка петрашевцев, да и то представляется, что дело это отразило во многом борьбу Министерства внутренних дел и III Отделения за господство в сфере тайной полиции.

Не случайно был избран своеобразный статус новой службы — как подразделение личной канцелярии монарха. Таким образом предполагалось миновать бюрократическое средостение, отмечавшееся уже в те годы (*Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 291). Не менее важно и то, что в России ответственность за политический контроль возлагалась одновременно на две структуры: одна — МВД — являлась частью бюрократической ведомственной машины; другая — III Отделение — существовала вне её и по своему статусу и возможностям должна была дополнять возможности первой. Министерство и канцелярия также были вынуждены конкурировать между собой, стимулировать эффективность своей деятельности, не только уравновешивая друг друга, но и создавая некоторый барьер на пути злоупотреблений. Разумеется, обе структуры восходили к императорской власти, отражая тем самым самодержавные реалии николаевской России. Царь придавал исключительно важное значение получаемой подобным образом информации и постоянно стремился лично участвовать в разрешении тех или иных вопросов.

Николай I хотел, чтобы чиновникам III Отделения доверяли. Это нашло отражение и в публикуемых ниже царских инструкциях и резолюциях. Такие же указания жандармские офицеры получали и от своего прямого начальства: «утирать слезы несчастных и отвращать злоупотребления власти, а обществу содействовать» (цит. по: *Троцкий И. М.* III Отделение при Николае I. Л., 1990. С. 71). Не следует рассматривать такие фразы как выражение лицемерия монарха: путь к успеху в политическом контроле мог лежать только через сердца подданных. Это хорошо понимали и в то время. Конечно, эффективность такого приема была ограничена, но Николай I достиг существенных успехов: в обществе отношение к жандармам оказалось «довольно терпимым», а офицеры корпуса находились в глазах подданных на известной высоте (Там же. С. 71–72).

В своих ежегодных отчетах императору, которые иногда сопровождались обстоятельными записками о настроениях в империи, чиновники фиксировали все: слухи, мнения, бытующие в образованном обществе, настроения крестьян и рабочих, происшествия в разных сферах жизни, семейные проблемы и т. п. Особенно их интересовали вопросы реформ, возможных преобразований. Собственно политические вопросы занимали в этих отчетах далеко не главное место. Содержание отчетов было довольно откровенным для первой половины XIX века: служащие в III Отделении не опасались критиковать даже министров.

Поэтому нельзя акцентировать внимание только на репрессивных функциях III Отделения. Главная роль этого органа состояла все-таки в сборе информации о положении дел в стране и доведении этих сведений лично до царя. Разумеется, превратить III Отделение в «некое место задушевных бесед» чиновников с подданными по самым разным, в том числе и политическим, вопросам было невозможно, и власть сама в этом вскоре убедилась. Кроме того, как и всякая бюрократическая инстанция, III Отделение быстро начало жить по своим законам, «отдаляясь» от

народа и расширяя свои штаты. Тем не менее, для николаевского царствования это был удачный опыт создания политической полиции в России.

Подготовка текста и комментарии И. В. Лукоянова

[*Николай I.* Записка о событиях 1848 г. в Германии] [1848 г.]

Заметки карандашом, писанные собственной Его Величества Императора Николая I рукой о положении принца Прусского в 1848 г.

По прошествии тех злосчастных дней, имевших место в Берлине, прусский король[1] заявил, что отныне Пруссия утвердилась в Германии. Нет сомнений в том, что смысл этого высказывания понятен был лишь немногим, но что подавляющее большинство пруссаков и, в особенности, армии сожалеет о принятых решениях[2], ибо не в состоянии смириться с мыслью о том, что монархия, столь превосходная в военном отношении, но чьи интересы и традиции столь несовместимы, должна внезапно отринуть свое прошлое и в будущем рассматривать прошлое остальной Германии как свое собственное, а между тем у Пруссии, по крайней мере в большинстве провинций, образующих это королевство, не было с нею ни близких отношений, ни даже общих интересов. Недовольство существует, и оно, несомненно, больше всего чувствуется в армии, где задета честь и традиции; страна испытывает и, весьма вероятно, долго еще будет чувствовать на себе одни лишь неблагоприятные следствия толиких перемен в прежнем порядке правления, который более уже не существует, как и идейного смятения, брожения во всем общественном порядке и отношениях между людьми, пришедшего на смену общественной безопасности, благосостоянию и процветанию, кои в прошлом вызывали справедливое восхищение Европы. Но к этим печальным истинам надо еще добавить, что прошлое кануло в небытие, и ничто уже не может его восстановить; что анархия продолжается, что дерзкие покушения все возрастают и уже затрагивают принцип законного наследования престола. Надобно все же согласиться с тем, что всякий благонамеренный пруссак должен быть напуган следствием этого двухмесячного безначалия и, следовательно, предвидит разрушение своего отечества как почти что неизбежное.

Таким образом, вполне естественно, что возвышенное чувство патриотизма направит усилия к тому, чтоб отыскать средства ко спасению отечества вопреки тем, кто желает ему погибели, и вновь поднять старое прусское знамя, собрав под ним всех тех, кто не хочет допустить крушения монархии.

Между тем, разве Берлин, который вероломно поднял мятеж против своего короля[3], имеет право предписывать закон остальному королевству? Разве он не старался склонить правительство к тому, чтобы по доброй воле удовлетворить прихоти этой презренной толпы, которая завладела властью? И ежели правительство достаточно слабо, чтобы найти средства одержать верх, то разве из этого следует, что вся монархия бессильна что-либо предпринять? Если кучка негодяев

в дерзновении своем высказывается в пользу низложения принца Прусского, законного наследника престола[4], то возможно ли из этого заключить, что Пруссия должна будет признать это? Если, к несчастью, подобный акт пройдет в Берлине безнаказанным, а король даст на него свою санкцию, то в таком случае невозможно допустить, чтобы король сохранил за собой свободное пользование непреложным правом; подобный акт лишил бы его этого права на свободное волеизъявление, как отнял бы его у какого-нибудь преступника.

В этом случае я полагаю, что принц Прусский не должен был бы подчиняться подобному решению. Ему следовало бы выступить в защиту собственных неотъемлемых прав; нужно, чтобы он потребовал их с оружием в руках; его поддержала бы вся армия и большинство населения страны.

Ему представились бы два средства вновь завоевать свой трон; первое заключалось бы в том, чтобы присоединиться к войскам, которые в настоящее время находятся в Гольштейне, в преданности которых ему сомневаться не приходится; они немногочисленны, но испытаны в боях и ближе всех расположены к Берлину[5]. С ними он мог бы совершить быстрый марш на Берлин, освободить короля и сделаться хозяином положения в столице, воздав по заслугам тем негодяям, кои еще там задают тон.

Второе средство в данный момент состояло бы в том, чтобы заручиться поддержкой графа Дона, начальника 1-го корпуса[6], и генерала Колломба, командующего войсками в Позене[7]; для меня нет сомнения в том, что все они настроены вполне патриотически. Тогда принц Прусский мог бы направиться в Данциг или Пиллау, придвинуть 1-й корпус к Висле, присоединить к нему часть или все войска, находящиеся в его распоряжении в Позене, и во главе их двинуться на Берлин.

В обоих этих случаях успех несомненен. Первый предоставляет больше преимуществ вследствие быстроты осуществления сего намерения, второй имел бы преимущество в том, что позволил бы опереться на поддержку нашей армии как резерва, готового прийти на помощь принцу, но только в случае осложнений со стороны Франции[8] или на юге Германии[9].

Наступил момент, когда, по моему мнению, необходимо откровенно договориться с генералами графом Дона и Колломбом, используя посредство прусского посла при здешнем дворе[10]. Заручиться его поддержкой следовало бы всенепременно.

Но в случае, если принц Прусский проявит слабость и вернется в Берлин нынче же, после того, как настроение общества проявило б себя отнюдь не в его пользу, то сие было бы непростительной ошибкой, которая могла бы самым гибельным образом отразиться на судьбах прусской монархии, поскольку принц должен был бы подписать унизительные и бесчестные условия, а благонамеренная партия потеряла бы с этого мгновения как всякий оправданный повод к выступлению, так и всякую надежду на спасение правого дела.

Перевод с французского С. И. Искюля

Публикуется по: РГИА. Ф. 3. Оп. 166. Д. 1. Л. 1–3. Писарская копия на французском языке. Датировка и авторство документа основаны на текстологическом анализе записки.

С началом революции российский император пристально следил за развитием событий в германских государствах не только как правитель сопредельной державы, но и как династически связанный с германскими государями, в первую очередь с Пруссией. Воздерживаясь от вмешательства во внутренние дела как Пруссии, так и Австрии, Николай I в то же время считал своей обязанностью, в случае обращения того или иного союзного с Россией государства с просьбой о помощи, не отказывать в таковой для восстановления общего порядка и спокойствия. Предложения о помощи высказывались императором неоднократно и носили характер нравственной поддержки, которую высоко ценили и к которой относились как к своевременной поддержке те, к кому были обращены эти предложения.

Наследный принц Вильгельм, состоявший в переписке со своей старшей сестрой Шарлоттой (ставшей при замужестве с Николаем Павловичем Александрой Федоровной), писал в одном из писем весной 1848 г.: «Если Твой император поддержит нас в этой всеобщей войне, то сие явится деянием, каковогo мы отнюдь не заслужили, ибо постоянно выказывали свое недоверие к России» (Prinz Wilhelm von Preussen an Scharlotte. Briefe 1817–1860 / Hrsg. von K.-H. Boemer. Berlin, 1993. S. 285).

Хорошо знакомый с духом прусской армии, российский император не сомневался в том, что в конце концов она положит конец анархии и восстановит верховную власть во всей ее полноте. Этим убеждением проникнуты и слова, обращенные Николаем I к командиру расположенного в Восточной Пруссии первого корпуса прусской армии графу фон Дона, присутствовавшему осенью 1848 г. на маневрах российских войск в пограничных с Пруссией губерниях. «Вам нравятся мои войска — что ж, они в вашем распоряжении, если вы захотите во главе их идти на подавление мятежа...» (*Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 271–272). Приглашение воспользоваться помощью встречалось с пониманием, но не имело серьезных последствий: тогдашних прусских политиков отличал здравый смысл, известный прагматизм и осмотрительность (*Temme J. D.* H. Koenig Friedrich-Wilhelm IV. und Kaiser Nicolaus I. // Augenzeugenberichte der Deutschen Revolution 1848/49. Ein preussischer Richter als Vorkaempfer der Demokratie. Neu herausgegeben Richter und mit einem Anfangversehen von M. Hettinger. Darmstadt, 1996. S. 78–80).

В то же время не было недостатка в разного рода предположениях о возможности участия русских войск в ликвидации последствий мятежа и наведении порядка. Такие рассуждения возникали и будоражили умы; называли даже цифры — 240–250 тысяч «превосходных войск» под командованием генерал-фельдмаршала Н. Ф. Паскевича-Эриванского (*Circourt A. de.* Souvenirs d'une mission à Berlin en 1848. Paris, 1908. P. 313–314). Эти «предположения», несомненно, могли оказывать и оказывали влияние на парламентских деятелей Пруссии, на освободившуюся от цензурного вмешательства прессу и, в конечном итоге, на общественное мнение. Это обстоятельство, несомненно, учитывалось в российской полити-

ке, тем более что для самого российского императора было предпочтительнее, чтобы пруссаки обошлись собственными силами, не прибегая к помощи династического союзника. Так и случилось уже в ноябре того же 1848 г., когда уверенность в том, что в случае необходимости Николай I окажет ему действенную помощь, придала королю Пруссии уверенности в собственных силах, и прусское правительство, разогнав берлинское Учредительное собрание, восстановило порядок и законность в столице.

Записка относится к периоду между концом марта, когда принц Прусский покинул свое государство, и началом июня 1848 г., когда он возвратился в прусскую столицу. Заголовок документа дан, вероятно, архивистом и значится по-русски в верхней части его первого листа.

1. Фридрих Вильгельм IV (1795–1861) — король Пруссии (с 1840) из династии Гогенцоллернов, старший сын Фридриха Вильгельма III и брат первого императора объединенной Германии Вильгельма I; с 1823 г. женат на принцессе Изабелле Баварской. Терпимо относившийся к религиозному разномыслию, король ослабил цензурное давление на прессу и обещал даровать конституцию стране, но отказался от предложенной ему Франкфуртским национальным собранием короны (1849), поскольку она «предлагалась толпой». В 1857 г. Фридрих Вильгельм пережил приступ душевной болезни, и в 1858 г. регентом был объявлен его брат Вильгельм (позднее император объединенной Германии).

2. Вероятно, имеется в виду закон о печати (Preussisches Pressgesetz) от 17 марта 1848 г. об отмене цензурных ограничений, подписанный Вильгельмом Фридрихом принцем Прусским и опубликованный на следующий день в Allgemeinen Preussischen Zeitung. Возможно, также имеется в виду обращение Вильгельма Фридриха к народу от 22 марта с обещанием поддержки принципов свободы личности, всеобщих выборов, ответственности министров и независимости судопроизводства.

3. Революционные события в Германии начались 27 февраля 1848 г. массовыми выступлениями народа и демонстрациями в Бадене, с 6 марта — в Берлине, где особенный накал выступления приобрели с 18 марта, когда в борьбу вступили рабочие и ремесленники. Двухдневная борьба восставшего народа закончилась победой. Король был вынужден вывести войска из столицы и 29 марта сформировать либеральное правительство во главе с Лудольфом Кампгаузеном и Давидом Ганземаном. 22 марта открылось избранное на основе двухстепенных выборов Прусское Национальное собрание. На обсуждение был вынесен проект новой конституции, предусматривавший сохранение монархии и учреждение двухпалатного парламента с высоким имущественным цензом.

4. Принц Прусский — имеется в виду Вильгельм Фридрих Людвиг (1797–1888) — после кончины отца, Фридриха-Вильгельма III (1770–1840), и вследствие бездетности брата, короля Фридриха-Вильгельма IV, как предполагавшийся наследник королевского престола получил титул принца Прусского. 18 марта 1848 г. принц, будучи в составе государственного министерства, подписал указ, которым обещал конституцию. После того как в Берлине появились баррикады, принц потребовал, чтобы мятеж был подавлен. К принцу Вильгельму в обществе относились не сочувственно, считая его реакционером и абсолютистом, поэтому король и министры сочли за благо удалить его за границу. 22 марта принц отправился в Лондон, откуда продолжал следить за развитием событий.

С момента отъезда принца в Лондон в либеральных кругах прусской столицы и даже в парламенте обсуждался вопрос о провозглашении Вильгельма лишенным прав на наследование престола. Естественным было предполагать, что принц не подчинится этому проявлению «народного самодержавия» и с оружием в руках станет отстаивать свои права.

В июне 1848 г. принц Вильгельм возвратился в Берлин и произнес перед Прусским национальным собранием, членом которого был избран, речь, в которой объяснил свои конституционные принципы. В 1849 г. Вильгельм был назначен командующим действующей армией в Бадене и Пфальце. В июне того же года, избежав покушения на свою жизнь, в течение нескольких недель подавил восстание республиканцев. С октября 1849 г. принц — военный губернатор Рейнской области и Вестфалии. Король Пруссии (с 1861). Император Германии (с 1871).

5. Имеются в виду прусские войска, сосредоточенные в Гольштейне, в частности, в связи с тем, что весной 1848 г. возникла угроза насильственного включения Шлезвиг-Гольштейна в состав Дании, и герцог Христиан-Август Шлезвиг-Голштинский обратился к Пруссии и Германии с призывом о помощи. Позднее, в начале июня 1848 г., вопрос обсуждался на Франкфуртском рейхстаге, и прусско-датское противостояние переросло в войну, продолжавшуюся до 1850 г.

6. Дона-Шлобиттен Карл Фридрих Эмиль фон (1784—1859) — граф. Прусский военный деятель, генерал-лейтенант (1837), главнокомандующий 2-м армейским корпусом (1848). Генерал от кавалерии (1848). Генерал-фельдмаршал и обер-камергер (1854).

7. Колломб Петер фон (1775—1854) — прусский военный деятель. Генерал-майор (1829). Генерал-лейтенант (1839). Комендант Берлина и шеф жандармерии (1841). Командующий 5-м армейским корпусом в Позене. Губернатор Кёнигсберга (1848). Генерал от кавалерии (1849).

8. Имеется в виду дальнейшее развитие событий после парижского восстания 22—24 февраля 1848 г. и после падения Луи-Филиппа.

9. Т. е. в Бадене, Гессене, Вюртемберге и Баварии.

10. Рохов (Rochow) Теодор Рохус фон (1794—1854) — прусский дипломат, посол в Санкт-Петербурге (1845—1854).

Подготовка текста и комментарии С. Н. Искюля

Николай I

Инструкция, данная императором Николаем I генерал-адъютанту П. Н. Игнатьеву[1] при назначении его Витебским, Могилевским и Смоленским генерал-губернатором. 2 июня 1853 г.

Не посетуй на меня, что расстраиваю тебя назначением. Ты мне нужен и, верно, мне не откажешь... Тебе вверяю край несчастный, край к управлению трудный. Он по сию пору не имел настоящего хозяина. За наше время вот как он переходил из рук в руки. Мой дядя, герцог [Александр-Фридрих] Вюртембергский, человек умный, мало разумел управления и все шло a la diable[2]. Князь Хованский был деятелен, строг, но управлял без последовательности[3]. Одна хорошая мера была им предложена: это высылка евреев из деревней[4]. Но эта мера была исполнена так круто и так жестоко, что страшно вспомнить об ней. Большая часть переселенцев погибла. Д[ьяков] был болезнен, проживал часто за границею и оставил край, ничего не сделав на пользу его[5]. К[нязя] Г[олицына] я разумею честным, благонамеренным человеком, но управление не удалось ему[6]. По слабости его составились в губернии партии. Одна была за губернатора, другая — за предводителя и т. д., а собственно за правительство никого не было. В Витебске не мог ужиться ни один губернатор. Нового губернатора я не помню. Смоленского, Ахвердова, с

детского его возраста знаю за доброго, честного и во всех отношениях надежного человека — но не знаю, будет ли он иметь достаточную для этой должности твердость[7]. Там губернский предводитель князь Друцкой-Соколинский, видно, не умеет вести дела[8]. Смоленское дворянство отличается особенною преданностию и усердием; но есть там своего рода бедствие: это множество мелкопоместных и беспоместных дворян, дворян только по имени, которым по сию пору не могу я добиться счету. Надобно придумать решительные меры к их устройству.

В Витебске Ермолов[9] поссорился с губернским предводителем Берхом. Представили, я выпроводил его; выбрали другого — будет ли лучше. Теперь наряжено по этому следствие. Сенатор Артемьев будет производить ревизию[10]. Ты с ним объяснись. Увидим, чем это кончится.

Дела по важнейшим вопросам остаются без движения. К числу подобных отношу Инвентари[11]. Покуда помещик и крестьянин не будут знать взаимных обязательств, не будут уверены в праве собственности, до тех пор не может быть успеха.

Заставь переделать Инвентари, рассмотри, и если затем упорство будет, то Мы им дадим готовые Инвентари, и тогда останется требовать исполнение. Главное дело, чтоб оградить несчастных крестьян от корыстных посягательств помещиков, помнящих исключительно о своей личной выгоде, не обращая внимания на быт этих несчастных. Я предоставляю всякому свободное распоряжение собственностью. Но, вполне убеждаясь правилами, установленными для разделов, я тогда только утверждаю майораты, когда об них предоставляют сведения. И мы, русские, не лучше помещиков того края относительно хозяйства, но, по крайней мере, не смотрим на крестьян как на стадо... Для края сделано все, что можно, чтобы возбудить в народе деятельность. Кроме судоходных сообщений устроены шоссе: одно на Динабург, другое — на Витебск[12], третье — из Москвы через Могилевскую губернию к Орше[a]. Пролагается четвертый путь на Варшавскую дорогу[13]. Было бы, что возить, возить можно. Но все не в прок. Край совершенно заснул и онемел. На Витебской губернии 20 млн казенной недоимки, на Могилевской — 17 млн, и нет средств к уплате. Я имел мысль обратить этот огромный долг в постоянный, на системе погашения. Но министр финансов уверяет, что эти губернии не в состоянии будут платить и процентов с этого капитала...

(На замечание, что для устройства края нужно время продолжительное и что назначение в оной начальника должно бы представлять на долю ручательства полных жизненных сил). Что делать, брат, и мое здоровье стало изменять мне. И сегодня подо мною ноги подкашиваются. Но и ты, и я должны служить, покуда Богу угодно. Я еще надеюсь, что твое здоровье там поправится и окрепнет.

Я вовсе тебя не тороплю и не стесняю. Повидайся с министрами, пересмотри дела, к тебе относящиеся, и как сказал, приходи ко мне во всякое время, когда сочтешь нужным. Если до этого не будешь, то приезжай перед отъездом — потолкуем. Вообще располагай собою как тебе угодно. Я уверен, что с Божию помощью, все пойдет у тебя наилучшим образом. Я в этом совершенно уверен.

После всего сделанного для этого края, решительно не знаю, что предпринять.

---

[a] Слово читается предположительно.

Но я уверен, что ты направишь его на общую пользу. Доказательством, что средства к уплате есть, служит исправный взнос повинностей казенными крестьянами. А помещики решительно ожидают прощения и сложение, и не только не заботятся о выплате долга, но даже удерживают и противятся тем, которые испортили бы им дело исправным выполнением обязанностей. Только водворение строгого порядка может дело наладить.

Поручаю тебе целый край, который ты нравственно пересоздать должен. Надобно возбудить деятельные силы его, и каждую ввести в законный круг. Чтобы помещик знал свои обязанности и ограничивал свои действия определенными правами, не вымогая последних способов усиленными и противозаконными средствами. Корень беды в том, что помещик тянет с имения, что может, и сверх сего арендатор сосет каждого крестьянина своим чередом. Тебе известно это по Советскому делу... В крестьянах возбудить надобно привычку к труду и отучить их быть дармоедами: я надеюсь, что, наконец, край будет иметь настоящего хозяина, который, вызнав нужды и потребности, примет меры и укажет наближайшие способы пособить беде.

Я не обвиняю А. Г[олицына]. Он действовал честно и усердно — умения не было. Притом, в последнее время ссора его со всеми губернаторами мешали делу. К стыду нашему, сознаться надо, что во всем Западном крае, мы, русские, и чиновники наши наиболее вредят восстановлению порядка. Они не могут внушать доверия. Вчерашним приказом я перечислил к тебе всех, бывших при твоем предшественнике, новые, не ручаюсь, чтобы они все были способные и надежные.

Не говорю тебе о прежней разладице между начальствующими лицами края; прошу, не вдавайся в другую крайность. Не вверяйся, а всматривайся, наблюдай, и если нужно, взыскивай... Я рад впредь помогать краю, но только в случае действительной и крайней необходимости. Ты говоришь о работах? Но для всякой работы нужны деньги, а их нет, притом же, если приведет Бог вести войну, то не иначе придется вести ее как на собственный счет. Помощи в этом ждать неоткуда.

В содействии будь уверен. Всякий генерал-губернатор имеет право писать мне в Собственные руки, а ты имеешь его и тем паче, во всякое время. Вольно же мне не писать всей правды. Пиши ее вполне и полагайся на готовность мою ее выслушать.

Николай

«8 февраля 1855 года за десять дней до рокового 18 февраля имел я счастие представиться по случаю назначения Петербургским военным генерал-губернатором. Объясняя подробно о крае, который был мне поручен, Государь изволил отозваться, что, так как новые обязанности мне вполне известны, то Его Величество ограничивается требованием откровенности и правды, и примолвил, что в этом отношении моя предшествовавшая служба была ручательством. По окончании объяснения, я сказал, что „при военных обстоятельствах считаю мое назначение за особенную милость как доказательство доверия Вашего, но если бы Бог привел дожить до времени обыкновенного, то Вы сами удостоверясь, что мои физические силы не соответствуют обязанностям“. Государь с умилительною

простотою отвечал: „Уже и все недолго; дотянем вместе, а если выходить в отставку, то на одном гербовом листе и просьбу писать будем“».

Генерал-адъютант Павел Игнатьев

Публикуется по: ОР РНБ. Ф. 738 (В. В. Стасов). Д. 28 (Сборник копий документов из архива III Отделения). Л. 133–135.

1. Игнатьев Павел Николаевич (1797–1879) — граф (1877). Будучи молодым офицером Преображенского полка, он 14 декабря 1825 г. первым привел свою роту в распоряжение нового императора Николая I. Такая верность не забывается: через несколько дней П. Н. Игнатьев стал флигель-адъютантом, с этого началась его блестящая служебная карьера. Не обладая значительными способностями, он, тем не менее, был директором Пажеского корпуса, возглавлял многочисленные комитеты и комиссии, в 1859 г. дослужился до чина полного генерала, а в 1872 г. был назначен на высший в империи пост — председателя Комитета министров.

2. Вюртембергский Александр-Фридрих (1771–1833) — брат императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I), был принят на русскую службу 7 мая 1800 г. по рекомендации А. В. Суворова. 14 августа 1800 г. был произведен в генералы от кавалерии, 3 ноября 1811 г. назначен Витебским и Могилевским генерал-губернатором. Во время Отечественной войны командовал корпусом, после завершения военных действий вернулся к исполнению генерал-губернаторских обязанностей. 20 августа 1822 г. стал управляющим путями сообщения.

3. Хованский Николай Николаевич (1777–1837) — князь, генерал от инфантерии, член Государственного Совета. Участник наполеоновских войн, во время Отечественной войны генерал-майор (с 14 июня 1810), командовал пехотной бригадой в составе армии Тормасова. Его портрет находится в Военной галерее Зимнего дворца. С 1823 г. (по другим данным — с 1824 или 1825 г.) Витебский, Могилевский, Смоленский и Калужский генерал-губернатор. 10 мая 1836 г. освобожден от должности.

4. По-видимому, имеется в виду исполнение мер Положения о евреях, утвержденного 13 апреля 1835 г. Согласно его параграфу 4, в Могилевской и Витебской губерниях евреям воспрещалось проживать в сельской местности, а разрешалось только в городах (Высочайшее утвержденное Положение о евреях, распубликованное 31 мая 1835 г. // ПСЗ II. СПб., 1836. Т. X. С. 308–323).

5. Дьяков Петр Николаевич (1788–1847) — участник войны 1812 г. и заграничных походов, в 1814 г. дослужился до звания полковника. В 1819 г. стал генерал-майором, состоящим при великом князе Константине Павловиче. 10 мая 1836 г. назначен Витебским, Могилевским и Смоленским генерал-губернатором (22 июня 1845 г. его сменил А. М. Голицын).

6. Голицын Андрей Михайлович (1792–1862) — участник Отечественной войны, полковник (1821), флигель-адъютант (1823). 14 декабря 1825 г. находился вместе с Николаем I. Участвовал в войнах с Персией и Турцией, в подавлении польского восстания и взятии Варшавы. 22 июня 1845 г. назначен Витебским, Могилевским и Смоленским генерал-губернатором. Современники отмечали его неуемную деловитость, стремление нагружать подчиненных ненужной работой. Уволен от должности 29 мая 1853 г. (его сменил П. Н. Игнатьев). Впоследствии — сенатор, генерал от инфантерии (1858).

7. Ахвердов Николай Александрович (1800 – после 1859) — генерал-лейтенант. Участвовал в войне с Персией 1828–1829 гг., в польском походе 1831 г. В 1840 г. перевелся в жандармерию, служил штаб-офицером Смоленской губернии, с 1844 г. состоял при шефе жандармов. 2 июня 1852 г. назначен военным губернатором Смоленска. 24 февраля 1859 г. стал сенатором.

8. Друцкой-Соколинский Михаил Васильевич (1800–?) — предводитель дворянства Смоленской губернии в 1847–1857 гг. (по другим данным — в 1848–1856 гг.)

9. Ермолов Сергей Николаевич (1798–1856) — генерал-лейтенант (1851). 3 октября 1849 г. назначен Витебским военным и гражданским губернатором. Его сын — А. С. Ермолов — министр земледелия и государственных имуществ в 1893–1905 гг.

10. В 1853 г. состоялась ревизия Витебской губернии сенатором Д. Д. Ахлестышевым.

11. Инвентарные правила для Витебской и Могилевской губерний были утверждены лишь 14 мая 1855 г. Они отличались от тех, которые были введены ранее (в 1847 г. — для Киевской, Подольской и Волынской губерний), тем, что в них регламентировался возраст работников (мужчины — 17–55 лет, женщины — 16–50 лет), и размер тягла (5–9 десятин). См.: *Зуйков В. В.* Инвентарные правила // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1996. Т. 2: Д–К. С. 345.

12. Вероятно, это Витебско-Смоленское шоссе, открытое в 1854 г.

13. Если имеется в виду Московско-Варшавское шоссе, то оно было построено в 1851 г.

Подготовка текста и комментарии И. В. Лукоянова

ЧАСТЬ III

НИКОЛАЙ I ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Неизвестный
Записка о болезни Николая I. 1829 г.

В ночь с 9-го на 10-ое ноября он внезапно проснулся и вскочил от шума, происшедшего вследствие падения вазы, разбившейся вдребезги. Шум проистекал из соседней комнаты, где спал цесаревич[1]. Он не мог не поддаться грустному предчувствию[a], вспомнив старое польское суеверие относительно разбитой вазы, суеверие, о котором ему рассказали в замке Грегорове во время рождения[3] великого князя Александра[3]; он боялся, что не случилось ли несчастие; он выскочил из постели, будучи в испарине, ничего не надел на себя и бросился в комнату своего сына[b]. В гостиной, которая разделяла его спальню от спальни цесаревича, пол, будучи очень навощен, государь поскользнулся и упал во всю свою длину. Он ударился головой о какую-то мебель, потерял сознание и остался без движения на полу. Он, без сомнения, пробыл в этом положении довольно долго, потому что был холоден, как мрамор, когда нашли его еще в обмороке[c]. Его перенесли в его кровать[d], с большим трудом могли его согреть, и едва он пришел в себя, как в сильном волнении спросил: «Какое новое несчастье постигло мою семью?» Он захотел видеть императрицу и своих детей, чтобы убедиться, что все они здоровы и невредимы.

Ему сообщили, что шум, который он слышал, произошел от случайного падения картины на этажерку, украшенную[e] фарфоровыми вещами. Ему же представилось, что от него что-то скрывают, и беспокойство его, вместо того чтобы уменьшиться, увеличивалось и приняло характер возбуждения. Его главные два доктора Раух[4] и Арендт[5] опасались[f] как общего потрясения, которое государь ощутил, когда упал, так и простуды вследствие продолжительного обморока. Они предписали кровопускание и так предотвратили воспаление мозга. Но им было трудно воспрепятствовать над pleurésie[6], которую надо было ожидать каждую минуту. Августейший больной, избежав этих двух кризисов, которые могли быть для него гибельны, вдруг получил возвратную лихорадку, сопровождаемую нервными припадками и мучительными галлюцинациями. Его болезненное воображение постоянно останавливалось на детях, и ему представлялись странные химеры; он беспрестанно видел их во сне, и сны эти преследовали его и наяву: он видел их больными, слабыми, ранеными, мертвыми. Ничто не могло тогда успокоить его тревогу и страдания.

Императрица[7] была при нем днем и ночью, она говорила с ним только о его детях и заставляла их приходить одного после другого или всех вместе к его

---

[a] Исправлено из: «не победить грустное предчувствие».
[b] Далее зачеркнуто: «Он должен был».
[c] Приписано сверху: «без сознания».
[d] Исправлено из: «постель».
[e] Исправлено из: «уставленную».
[f] Исправлено из: «были озабочены».

кровати. Он пристально смотрел на них и с чувством целовал их, как бы боясь их лишиться. Сперва держали в секрете положение государя. В особенности старались скрыть причину его болезни. Когда распространилась печальная молва об опасности, могущей угрожать монарху, старались не остановить ее и дать ей распространиться, печатая ежедневные бюллетени о здоровье августейшего больного[8]. Но эти бюллетени, хотя по возможности успокоительные, слишком волновали народное чувство, их прекратили по прошествии нескольких дней, заявив, что можно считать государя выздоравливающим.

Без сомнения, острая болезнь, казалось, уступила лекарствам, но она только видоизменилась[g] и приняла хронический характер[9]. Хотя симптомы стали менее ужасны, тем не менее, возбуждали опасения. Больной был изнеможен от постоянной лихорадки, у него пропали все физические силы, вся жизненная энергия; по целым дням он оставался погруженный в тяжелую дремоту; от времени до времени он крепко засыпал, пока вдруг не пробуждался вследствие страшных снов[h, 10].

Доктора не раз опасались образования в голове нарыва от удара при падении[11]. Наконец его крепкое сложение помогло искусству отвратить болезнь, и нервные припадки, которые угрожали воспалению мозга, стали ослабевать и исчезать. Лихорадка еще не прекратилась, но государь постепенно стал владеть всеми своими умственными способностями[12], несмотря на свою чрезвычайную слабость, и постепенно стал выздоравливать. Жизнь его была в опасности в течение 10 или 12 дней, и чтобы выздороветь, ему потребовалось несколько недель, которые он провел, запершись в своих комнатах[13].

Публикуется впервые по копии, отложившейся в фонде Н. К. Шильдера в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Ф. 859. К. 8. № 3. Л. 67–68. Данный документ является копией, сделанной историком с черновой рукописи записки на русском языке неизвестного лица. Правка, имевшаяся в рукописи, приведена Н. К. Шильдером. Датируется самим автором 1829 г.

Можно предположить, что автором данной записки являлся очевидец событий, человек, служивший при Императорском дворе. Об этом свидетельствуют конкретные факты, содержащиеся в документе, и точное указание времени начала и окончания болезни. В самом деле, в ночь с 9 на 10 ноября 1829 г. в Зимнем дворце произошел эпизод, приведший к тяжелой и продолжительной болезни Николая I (*Романов М. П.* Царствование императора Николая I. СПб., 1883. С. 83; *Выскочков Л. В.* 1) Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 396; 2) Николай I. М., 2003. С. 494, 683). Император, услышав шум, как ему показалось, в комнате цесаревича, выбежал из своих покоев, поскользнулся на паркете, упал, ударился головой о мебель, потерял сознание и долгое время пролежал, никем не замеченный, на холодном полу. В бессознательном состоянии его перенесли и уложили на постель, в которой он провел несколько недель. Судя по записке, Николай Павлович при падении получил сильное сотрясение мозга, от долгого

[g] Исправлено из: «изменила характер».
[h] Сверху приписано: «ужасных сновидений».

лежания на холодном паркете у него развилось простудное заболевание, перешедшее в воспаление легких, которое сопровождалось тяжелейшим нервным потрясением. И хотя удалось избежать инсульта и острой пневмонии, но с этого случая пневмония приняла хронический характер. Сам эпизод, а также то волнение, с которым император, придя в себя, расспрашивал о своей семье, свидетельствуют, что в 1829 г. страх Николая Павловича перед новым дворцовым переворотом и перед военным выступлением с целью уничтожения императорской династии не только не прошел, но еще более усилился.

Следует сказать, что здоровье Николая I было отнюдь не столь крепким, как его представляли современники и описывали историки. По справедливому замечанию Л. В. Выскочкова, глубоко и всесторонне исследующего жизнь и деятельность Николая I, «миф» о его «железном здоровье» появился еще первой половине XIX в. и был создан, вероятно, самим императором. Считая свою государственною деятельность долгом, император всегда скрывал усталость, недомогания, болезни, которые видели только очень близкие его сподвижники — И. В. Васильчиков, П. М. Волконский, М. А. Корф (*Выскочков Л. В.* Император Николай I: Государь и человек. С. 392–400). Николай Павлович, осознавая, что «в доме Романовых никто не бывает долговечен», и понимая, что «болезнь его непременно требовала бы лечь в постель», отказывался это сделать «единственно вследствие убеждения, что, если ляжет раз, то наверное уже не встанет» (*Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 378).

В детстве Николай Павлович практически ничем не болел, хотя у него иногда и был кашель (*Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796–1817) // Сборник РИО. 1896. Т. 98. С. 55). В 1818 г., уже будучи мужем и отцом, он тяжело переболел корью. Сложнейшие обстоятельства вступления на престол — династический кризис и военные выступления конца 1825 – начала 1826 г. — стали тяжелым испытанием для Николая I и нанесли серьезный удар по его психологическому и физическому здоровью. Современники отмечали иногда мертвенную бледность лица Николая в минуты усталости или тревоги. Вероятно, уже с этого времени у императора начались сосудистая дисфункция и перепады кровяного давления. О том, что Николай часто страдал от приливов и отливов крови к голове, головных болей, головокружений, рвотных спазмов и болей в боку, писал в своих записках М. А. Корф. Эти припадки выливались в «нечто вроде горячки», и единственным средством от них были пиявки, которых государь называл «сенатскими секретарями» (*Корф М. А.* Записки. С. 377).

В 1828 г. во время Русско-турецкой войны у Николая Павловича, находившегося в действующей армии в Болгарии, были жестокие приступы «горячки» (*Бенкендорф А. Х.* Император Николай I в 1828–1829 гг. // Русский архив. 1896. Т. 86. С. 477). По словам Н. Ф. Аренда, с 1829 г. постоянно находившегося при императоре, здоровье его ухудшалось год от года все более. И если богатырское телосложение и выносливость помогали Николаю в первые годы царствования выносить сильнейшие физические и психологические нагрузки, то с годами болезней все прибавлялось. В конце 1820-х — 1830-х гг. давали о себе знать болезни кишечника и печени, причинами которых Аренд считал «продолжительные кабинетные занятия и вообще более сидячий образ жизни, преимущественно в зимнее

время; слишком частое употребление крепкого чая с густыми сливками» (Письмо доктора Н. Ф. Аренда на имя князя А. И. Чернышева о состоянии здоровья Николая I. Черновой список: ОР РНБ. Ф. 859. К. 37. № 18. Л. 1–2). В январе 1833 г. во время эпидемии гриппа в Петербурге Николай I и вся императорская семья заразились и сильно болели. В письме от 12 января император писал «отцу-командиру» И. Ф. Паскевичу: «Схватив простуду на маскараде, 1-го числа вдруг сшибло меня с ног до такой степени, что насилу отваляться мог. В одно со мной время занемогла жена, потом трое детей, наконец, почти все в городе переболели или ныне занемогают, и решили мы все грип (так в тексте — *сост.*), но не гриб съели. Быть так и скверно, и смешно» (Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу // Русский архив. 1897. Кн. 2. С. 9). Простудные заболевания были все более частыми и почти всегда сопровождались сильными головными болями и рвотой.

В последние годы жизни императора состояние его здоровья значительно ухудшилось, что отмечали многие близкие ко Двору люди. Вероятно, борьба с европейской «революционной гидрой» в 1848–1849 гг. стала для Николая I сильнейшим испытанием, потребовавшим концентрации всех душевных и физических сил. В эти годы Николай особенно страдал от остеохондроза и приступов подагры, от которой опухали ноги и были резкие боли в суставах. Крымская война еще более ухудшила физическое и моральное состояние императора. Фрейлина Александры Федоровны А. Ф. Тютчева уже после смерти Николая Павловича записала в своем дневнике, как императрица рассказала ей о том впечатлении, которое в последнее время производил Николай I на Александра Николаевича: «Я не узнаю императора, у него нет прежней энергии — он слабеет, слабеет!» (*Тютчева А. Ф.* Дневники (Фрагменты) // *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 92).

Николай I умер 18 февраля 1855 г., по официальной версии — от очередной вспышки пневмонии после перенесенного гриппа.

1. Страх перед новым дворцовым переворотом или военным бунтом заставлял Николая I держать старшего сына — великого князя Александра Николаевича — в постоянной близости от себя. Этим император пытался оградить наследника от покушения на жизнь Александра.

2. Великий князь Александр Николаевич родился в Московском Кремле 17 апреля 1818 г. В это время великокняжеская чета — Николай Павлович и Александра Федоровна — находились в Москве после длительного путешествия по России. Их приезд в древнюю столицу России был обусловлен еще и тем, что в конце сентября 1817 г. в Москву переехал Александр I, а с ним и весь Двор.

3. Великий князь Александр Николаевич (1818–1881) — с 18 февраля 1855 г. император Александр II.

4. Раух Егор Иванович (1789–1864) — доктор медицины и хирургии, с 1829 г. лейб-медик императрицы Александры Федоровны.

5. Аренд Николай Федорович (1785–1848) — известный врач-хирург, с 1829 г. лейб-медик Николая I, сопровождавший его во всех путешествиях в Европу и по России (*Корф М. А.* Записки. С. 594, 603). Услугами Аренда пользовался и А. С. Пушкин со времени возвращения из ссылки в Петербург в 1826 г. и до самой своей смерти (*Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 283). 27–29 января 1837 г. именно Аренд

по приказанию императора руководил лечением раненого на дуэли поэта и был посредником между ним и Николаем Павловичем.

6. Плеврит — воспаление плевры.

7. Александра Федоровна (урожденная принцесса прусская Фередерика Луиза Шарлотта, 1798–1860) — императрица с 1825 г., жена Николая I.

8. Вероятно, тяжесть и исход болезни были непредсказуемы, поэтому слухи о тяжелом положении монарха не пресекали, но, давая официальную информацию, печатали бюллетени.

9. Речь идет о том, что пневмония, развившаяся у императора после этого случая, позже приняла хроническую форму.

10. Надо думать, у больного императора физическое недомогание развивалось на фоне сильного нервного потрясения.

11. Имеется в виду гематома — опухоль, образующаяся при повреждении кровеносных сосудов.

12. В данном случае, вероятно, имеются в виду галлюцинации на почве нервного срыва.

13. Болезнь Николая Павловича продолжалась ровно месяц, с 10 ноября по 10 декабря 1829 г.

Подготовка текста и комментарии Т. В. Андреевой

Неизвестный
Записка без подписи и даты о пожаре в Зимнем дворце. [1837 г.]

17-го декабря в 2 часа дня в лаборатории, т. е. просто сказать в домашней Царской аптеке[1], составляли какой-то состав; и как говорят, лопнул котел и весь этот химический состав бросился в трубу, от чего загорелась сажа и вспыхнуло из трубы[2]. Мужики же, которые были тут в работе, сейчас намочили рогожи и ими заткнули трубу, чтобы утушить сажу, которая через несколько минут вспыхнула, но так как ей некуда было прорваться, то труба лопнула, и стена загорелась. После этого действия было об этом случае донесено императору, и он был совершенно успокоен, что потушили, в 7 часов вечера отправился с императрицею, наследником и Марией Николаевной в театр[3], где государь был очень весел и много аплодировал славящейся танцовщице Тальон[4], которая, точно, необыкновенно чудесно танцует; при последнем акте вызывают императора из ложи, вслед за ним выходят наследник и вел[икий] князь Михаил Павлович; государь император приезжает на площадь[5] и видит, что внутренность дворца пылает жестоко; но при всех принятых мерах остановить силу огня было нельзя[6]; но лучше сказать, что, как кажется, в это время совершенно Бог от всех отнял рассудок, чтобы придумать какие-нибудь средства и именно странно как бы не придумать. И так сгорел прекраснейший этот Дворец! Г[енера]л Максимов и генерал Бутковский были в самых важнейших частях дворца, т. е. в комнатах императора, императрицы, Марии Николаевны, Ольги Николаевны, наследника и других маленьких князей и княжон[7]. Они оба с солдатами выбирали все из комнат и, слава Богу, все успели, даже самые платья. Но несмотря на это, сгорело по малому объему на 30 000 000

рублей; конечно, это немудрено, ибо дворец был отделан превосходно, например, одна из комнат императрицы стоила 3 000 000, в этой комнате пол был перламутровый с красным деревом, который 7 лет работали в Италии; каков же он должен быть? прелесть что; теперь в этой комнате были колонны из Малахиду[8], вы, я думаю, видели в Эрмитаже зеленую каменную вазу, то этого же камня, ужасной ценности, другая же комната была вся позолочена; так вы можете судить, что к этакому полу о стенах, какие же должны быть мебели и драпировки, люстры и проч. Многое вынесли[9], но многое из больших вещей сгорело, коих по тяжести невозможно было стащить, например, бюст, который представлял сидящую императрицу Алек[сандру] Фед[оровну] с портретами в руках ее родителей[10]. Государь очень желал, чтоб ее вынести, но не было возможно. Превосходнейшие люстры и зеркала чудеснейшие, которых чрезвычайно было много, все осталось, ибо нельзя было нести[11]. Там шибко огонь пробирался, что не успеют солдаты вынести из комнаты, как прогоревший потолок обрушится, гореть же начало с потолков. Дым так был велик, что многие задыхались[12]. Мы ходили смотреть, воображая, что ужаснейшая тревога, но что же напротив такая была тишина[13], что можно было подумать, что никто будто и не работает, весь дворец был полон со всех частей города пожарных труб, но которые ничего не помогли[14], ибо где не позволяли стены, которых рубить не было сил, так крепко они построены, да и очень высоко. Вся гвардия тут работала; но все как-то неудачно шло, верно уже так надо было. И вообразив, как странно, хотя и не должно бы было этому верить, перед пожаром накануне и в день пожара всю ночь была комета огненная довольно странная, на которую сам император обратил внимание и во время пожара, глядя на небо, разговаривал об ней с приближенными[15]. Ах Боже мой, как должно нам русским благодарить Всевышнего и молить его о таком Великом царе. В продолжение всего пожара император показывал удивительное спокойствие духа и тем удивил и восхитил всех. Он только и просил, чтобы сохранили его бумаги и самые драгоценности, а главное, чтобы берегли людей, кои находились на пожаре, он говорил, что лучше бросьте все, но берегите жизнь людей. К чести русских сказать, что даже и безделицею ни один не думал поживиться, все снашивали к монументу[16] и в ближние домы, где поставлен был караул солдат. Во все время пожара императрица была в Главном штабе напротив дворца у министра иностранных дел Несельрода, куда и привезла спящих князей и княжон. Вот какой она участи подверглась, какого же должно было чувство государя и государыни[17]. Ужасно!!! 17-го в 7 часов вечера начался пожар и продолжался до 19-го. 12 часов все горел, т. е. пылал, теперь же только тлеет, что, конечно, еще продолжится, несмотря, что день и ночь стоят полки и поливают. Во дворце заключались семь тысяч живущих[18]; не все спасены, выключая только тут погибло 90 человек, и то из работающих. Какой ужасный и необыкновенный случай, и вот здание, кое всех удивляло и восхищало, теперь только видно обгорелые стены, окны представляют просто отверстия[19]; статуи же, кои были на крышке, остались целы, но уже черного цвета; вот как крепко строен этот дворец, что при таком ужаснейшем пламени они не уничтожились. Нижний этаж дворца начинал тоже гореть, но по принятым неусыпным мерам отстояли[20]. В то время, когда горел дворец, в гавани на Петербургской и Измайловскому полку тоже были пожары; наследник и велик[ий] князь

Михаил Павлович были в гавани сами на пожаре. Вот как они милостивы, что при своем несчастии не забыли и бедных жителей гавани, где сгорело три дома. Какое-то странное чувство тяготит души с потерей этого чудесного здания, так грустно, как бы потерял родного[21]. Вот в каком все теперь расположении. Ужасно, неизъяснимо жаль дворца, как по его богатству, так и по его древности и воспоминании. Теперь царская фамилия в Аничковом дворце[22], который для них очень тесен, и уже кажет хижиной в сравнении со сгоревшим дворцом, из Эрмитажа все вынесли с предостережением и, слава Богу, его отстояли. Жаль дворца, и удивительно, как никто не мог придумать для него спасения. Как он мог так скоро сгореть, именно Богу уже так угодно показать, что и дворец, где всегда находились все предосторожности, как-то кадки огромные с водою и по всему чердаку трубы пожарные и множество. Денно и ночно сторожа, и при всем при этом не спасли. Вот-то ничтожество человека. Горько всем этот случай, но все не так, как Царю. Вообразите, как, видно, он был тронут, что говорит одному генералу: «Что же делать, что я так несчастлив; но, дай Бог, только, чтобы мое несчастие не вредило моему народу», — вот его слова, достойные Его только! Все сие, что пишу, вы можете верить, ибо дяденька Бутковский и Павлинька Максимов сами были очевидцы, конечно, будут другие толковать иное, но, вероятно, не так верно. П[авлинька] и дяденька до последней пылинки все высмотрели в тех покоях, где только изволили быть цари и самые ближайшие к ним персонажи, Павлинька взял себе на память деланный цветочек, который был над кроватью у Марии Николаевны, а нам принес лавровые листочки. Он говорит, что грустно было смотреть на все эти американские растения, вазы, зеркала и прочие оставшиеся драгоценности на жертву огню. Ужасное богатство сгорело, несмотря, что все вынесли, что только по силам было возможно. Страшный случай этого пожара, именно в нем бог явно хотел и показал, что при всех наших осторожностях для удаления несчастья чему должно быть, то тут и осторожности или меры по какому-либо случаю забываются. Очень обидно этот несчастный случай, жаль древности этого дворца и то еще, что так как великие княжны уже большие, им бы только тут и надо было красоваться, как говорит русский народ; а теперь, Бог знает, когда еще это все выстроится[23], тут надо десятки лет, а сколько может измениться в эти времена. На другой день, то есть 18-го, государыня ездила прогуливаться и здоровалась с солдатами, кои были у дворца расставлены. Государь 17-го не спал до 7-ми часов утра 18-го, а тут уехал к себе и, весьма немного отдохнув, опять уже был у пожара.

Публикуется по: РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 5827. Л. 1–5 об.

Публикуемая записка неустановленного автора рассказывает о трагическом событии — пожаре Зимнего дворца, который начался вечером 17 декабря 1837 г. и продолжался более 30 часов.

Пожар вписал печальную страницу в историю дворца, была уничтожена внутренняя отделка здания: в огне погибли выдающиеся интерьеры работы Б.-Ф. Растрелли, Ю. М. Фельтена, Ж.-Б. Валлен-Деламота, Л. Руска, Дж. Кваренги, К. И. Росси, О.-Р. де Монферрана, В. П. Стасова; обратились в пепел колоссальные художественные и материальные ценности.

Кроме того, пожар имел чрезвычайно большое психологическое значение. Все воспоминания о пожаре пронизывает тема тождественности истории главной императорской резиденции и истории России в целом. Гибель дворца в сознании представителей самых разных слоев населения сопоставлялась с гибелью Московского Кремля в 1812 г. В. А. Жуковский говорил о том, что Зимний дворец «был для новой истории нашей то же, что Кремль для русской истории древней». Граф А. Ф. Орлов был уверен в том, что «...дворец столицы Петра Великого вновь восстанет из пепла, как после пожара 1812 года восстали, краше прежнего, Кремлевские чертоги древней нашей Москвы». Восстановление дворца после пожара приобретало поэтому огромное психологическое и политическое значение. Сохранилось значительное число свидетельств очевидцев о пожаре. Подборка отрывков из воспоминаний ряда должностных лиц — государственного секретаря барона М. А. Корфа, майора-от-ворот Зимнего дворца Л. Р. Барановича, графа А. Х. Бенкендорфа, генерал-адъютанта графа А. Ф. Орлова — была опубликована в 1866 г. в журнале «Русский архив». Особое место в этой публикации заняли воспоминания корнета Лейб-гвардии Конного полка барона Э. И. Мирбаха (дежурившего в тот день в Фельдмаршальском зале дворца, где начался пожар) — отличающееся живостью и точностью свидетельство непосредственного участника событий. В мемуарах целого ряда современников (фрейлин императрицы Александры Федоровны М. К. Мердер, М. П. Фредерикс, адъютанта графа Бенкендорфа Е. П. Самойлова и др.) находим реакцию на это важное событие. В 1839 г. вышла книга А. П. Башуцкого «Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге», где подробно излагаются события 17 декабря 1837 г. Сохранились в двух вариантах (в ГАРФе и в РГИА) подготовленные к печати, но неопубликованные воспоминания Р. Л. Барановича о восстановлении дворца, в которых затрагивается и тема пожара. В РГИА хранится значительное число официальных документов (рапортов, отчетов, докладных разных участников пожара, большей частью еще не опубликованных), которые по своему содержанию в значительной степени также являются воспоминаниями об этом событии.

Публикуемый документ отличается от всех перечисленных свидетельств. Если весь дошедший до нас мемуарный материал представляет собой записки лиц, связанных с императорской семьей либо дружескими, либо служебными узами, то в данном случае перед нами записка, составленная человеком совсем иного социального положения, никогда во дворце не бывавшим, наблюдавшим за пожаром со стороны, родственники или знакомые которого («Дяденька Бутковский и Павлинька Максимов») принимали участие в тушении пожара и спасении вещей, впервые оказавшись во дворце. Отсюда, с одной стороны, — большое количество фактических неточностей и ошибок (поскольку автор рассказывает с чужих слов), что требует подробного комментария для соотнесения «записки» с реальными событиями, а с другой — уникальность документа с его живой, почти разговорной манерой изложения; «фольклоризированным» восприятием роскоши царского жилища как почти сказочного мира (сгорело «на 30 000 000 рублей», «одна из комнат стоила 3 000 000 рублей», пол «7 лет работали в Италии» и т. п.); типичными для произведений устного народного творчества повторами; особым эмоциональным тоном «записки».

В документе не проставлена дата. Судя по характеру изложения, по приводимым фактам, по особому эмоциональному накалу, «записка» составлена сразу после пожара, «по горячим следам» события, в декабре 1837 года. Автор сообщает, что дворец «12 часов все горел, т. е. пылал, теперь же только тлеет, что, конечно, еще продолжится»; «теперь только видно обгорелые стены, окны представляют просто отверстия» и т. п. Однако, при описании одной из комнат Зимнего дворца автор упоминает, что «теперь в этой комнате колонны из малахиду». Но парадная гостиная императрицы Александры Федоровны была отделана малахитом уже после пожара по проекту архитектора А. П. Брюллова. Упоминание в одном и том же документе разновременных событий в настоящем времени, подчеркнутое словом «теперь» («теперь... колонны из малахиду», «теперь только видно обгорелые стены») воспринимается парадоксальным. Это может быть объяснено либо тем, что автор записки, узнав об изготовлении на Петергофской гранильной фабрике малахитовых колонн, забегает вперед, упоминая о том, что эти колонны уже поставлены во дворце; либо тем, что записка представляет собой более поздний по времени пересказ событий декабря 1837 г. и сопровождавших их эмоций, и автор нечаянно «выдает» себя, упоминая факт, о котором он не мог знать в 1837 г.

1. Дворцовая аптека и лаборатория находились в первом и подвальном этажах под Фельдмаршальским залом Зимнего дворца, созданном в 1830 г. по проекту О.-Р. де Монферрана. Здесь изготовляли лекарства для обитателей дворца. Наличие аптеки в здании не было случайным. Зимний дворец — главная императорская резиденция России — имел чрезвычайно широкие функции. На протяжении полутора столетий дворец был центром политической и представительской жизни не только Петербурга, но и всей России в целом, средоточием светской и культурной жизни столицы. Здесь проходили парадные официальные церемонии, торжественные церковные службы, устраивались балы, спектакли, концерты, зачастую для очень широкого круга приглашенных. В зданиях Эрмитажа, входивших в состав императорской резиденции, были сосредоточены колоссальные художественные ценности, а в стенах Зимнего дворца постепенно создавался своеобразный мемориал, увековечивающий славу русского оружия. В то же время дворец был местом проживания членов императорской семьи, их приближенных и сотен человек обслуживающего персонала. Кроме того, он представлял собой и грандиозный хозяйственный механизм, включавший все необходимое для обеспечения человеческой жизни в самых разных ее проявлениях: кухни, кладовые, печи, ледники, комнаты для шитья и в том числе аптеку и лабораторию. Во дворце была отведена и квартира для придворного врача, в которой он, не проживая постоянно, размещался в случае болезни кого-либо из членов императорской семьи.

2. Мемуарист называет в качестве причины пожара то, что было на слуху современников. Действительно, уже за два дня до катастрофы в Фельдмаршальском зале чувствовался запах дыма, причину которого приписали неисправности дымохода. Днем 17 декабря запах дыма усилился, и прибывшая пожарная рота обследовала возможные источники пожара: душник (отверстие от печи, выходившее в зал, откуда поступал теплый воздух), трубу на чердаке и крыше и саму печь в подвальном помещении, где и был обнаружен источник дыма. Здесь, в трубе, находившейся над очагом аптечной лаборатории, где приготовлялись лекарства для многочисленных обитателей дворца, было отверстие без задвижки, в которое, естественно, после окончания топки продолжал уходить теплый воздух. Ночевавшие в помещении «мужики-дровоносы», чтобы сберечь тепло, затыкали это отверстие рогожей. Пожарные извлекли дымящуюся рогожу, полили водой отверстие в трубе и посчитали, что мелкая неприятность, связанная с появлением дыма, ликвидирована. Однако вечером дым

появился опять. Как мы теперь знаем, при первом появлении дыма обратили внимание не на причину пожара, а лишь на мелкое следствие. Специально созданная комиссия под председательством графа А. Х. Бенкендорфа позже расследовала, почему начался пожар. (Работа следственной комиссии подробно исследована В. М. Глинкой, серьезно занимавшимся изучением истории трагедии 17 декабря (*Глинка В. М.* Пожар 1837 года // Эрмитаж: История строительства и архитектура зданий. Л., 1989. С. 188–189). Параллельно следственной комиссии выявлением причин катастрофы занималась Гоф-интендантсткая контора во главе с ее вице-президентом А. А. Щербининым, в рапорте которого было дано их скрупулезное объяснение. Прежде всего отмечалось, что при создании двух новых парадных залов — Фельдмаршальского и Петровского — в 1830 г. Монферраном была оставлена пустота — своеобразный воздушный мешок — между каменной и деревянной стенами в связи с тем, что восточная стена Петровского зала была украшена полуциркульной нишей. В основаниях деревянных падуг были оставлены незаделанные отверстия, соединявшиеся с дымоходом. Как гласил рапорт, контора «не видит никаких других вероятных причин пожара, кроме следующих: пустота между каменною и деревянною стенами в Фельдмаршальском зале должна была нагреваться от проходивших внутри каменных дымовых труб, в том числе и от лабораторной... Таким образом, все деревянные части в устройстве зала должны были расщепляться, получить большую степень сухости и приготовиться к воспламенению. При усиленном же огне в лаборатории и особенно от горевших в дымовой ее трубе 17-го числа рогож искры легко могли проникнуть в пустоту через отверстие в трубе, которое ...не было заделано кирпичом, конечно, по небрежению производивших сию работу мастеровых, и прикрывалось только трубными дверцами... От проникновения таковых искр, хотя в одном только пункте, вся деревянная надстройка сия, особенно хоры Фельдмаршальского зала и потолочные падуги, должны были разгореться в самое короткое время. Пожар действовал там скрытно...» (РГИА. Ф. 472. Оп. 2 (20/854). Д. 94. Л. 79).

Таким образом, Гоф-интендантская контора называла причиной пожара, во-первых, конструктивные недоточеты устройства душников трубы, а во-вторых — использование при декорировке залов дерева как главного строительного и отделочного материала. Данное мнение широко распространилось в обществе. Однако Монферран, которого считали косвенным виновником пожара, в феврале 1838 г. писал своему московскому приятелю, возражая против подобных обвинений: «...если свод зала Петра Великого и потолок Фельдмаршальского зала были сделаны из дерева и заштукатурены, то они были сделаны такими точно, как и все другие потолки и своды бельэтажа дворца... Только для Вас,... знайте, что я сделал несколько предложений, но что дешевизна и короткие сроки, которые были даны, заставили избрать эти легкие конструкции, оказав им предпочтение перед другими...» (Там же. Л. 75). Итак, современники обвиняли в катастрофе «мужиков-дровоносов», заткнувших трубу рогожей; а виновным считали архитектора, плохо продумавшего конструкции; потомки в советское время увидели главного ответственного за пожар в самом императоре, поскольку Николай I вникал во все мелочи строительства и, естественно, завизировал проект зодчего (*Глинка В. М.* Пожар 1837 года. С. 192). Однако за поисками виновных забылось основное — дерево в первой трети XIX века было традиционным материалом, его использование никогда не считалось ошибкой. Монферран не кривил душой, когда писал, что перекрытия Фельдмаршальского и Петровского залов в 1830 г. были сделаны такими же, как и в других помещениях дворца. Дерево при отделке интерьеров второго, парадного, этажа главной императорской резиденции использовали и К. И. Росси, и Дж. Кваренги, и Луиджи Руска. Лишь при восстановлении Зимнего дворца после пожара был учтен печальный урок — дерево употреблять перестали, заменив его на камень, металл, гончарные изделия — на материалы, менее пожароопасные. Принципиальной ошибкой Монферрана было не использование дерева, а создание воздушной пазухи между двумя залами, за состоянием которой невозможно было наблюдать.

3. Как фиксирует камер-фурьерский журнал, Николай I с императрицей Александрой Федоровной отправились на спектакль не в 7 часов вечера, как пишет мемуарист, а «35-ть минут 8-го часа» (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 146. Л. 396); в Большом театре давали

«Баядерку» («Бога и Баядерку», как называли зачастую в то время этот балет) с Марией Тальони в главной роли.

4. Мария Тальони (1804–1884) — итальянская танцовщица, выступавшая на сцене парижской Оперы, а в 1837–1842 гг. — в Петербурге. Новатор балетного искусства, актриса создала так называемый тальонизм, основные черты которого — артистичность и интимность. Некоторые специалисты считают, что именно она ввела танец на пуантах. «Умом сияет твоя легкая грация...», «Воздух, чистый и легкий, как она...», «О ты, чья нога... легкий лепесток розы, мечта, затянутая в атлас», «Царица воздуха», «Она легка как локон зыбкий», «Блаженная тень, видение Елисейских полей, играющее в голубом луче; такова ее невесомая легкость, а безмолвный полет ее прорезал пространство без малейшего колебания воздуха...», — вот лишь небольшое число эпитетов и сравнений, которыми наградили ее современники (цит. по: *Блок Л. Д.* Классический танец. История и современность. М., 1987. С. 239–240). Сравнивая романтическую манеру Тальони с искусством других пользующихся успехом танцовщиц, современник писал, что она «вызывала слезы восхищения», тогда как остальные примы — «улыбки удовольствия» (Там же. С. 251). Восторг перед искусством Тальони был всеобщ и силен, и это вызывало неприятие и глухое раздражение у одного из самых аскетичных представителей церкви: «Петербург сходит с ума в идолопоклонстве перед французскою плясавицею», — писал митрополит московский Филарет (*Корсунский И. Н.* По поводу полувека со времени возобновления Зимнего дворца // Русский архив. 1889. Кн. 3. С. 108).

5. Николай I покинул театр и вернулся во дворец сразу, как только ему сообщили о несчастье. В камер-фурьерском журнале записано, что он прибыл в Зимний в 9 часов. В это время снаружи еще не было видно никаких признаков пожара. Пожар внутри здания разбушевался уже после приезда императора. Исходя из свидетельств очевидцев, можно достаточно уверенно реконструировать и сам момент появления в здании открытого огня, и путь Николая I по Зимнему дворцу. Император вошел в здание через Салтыковский подъезд, выходящий в сторону Адмиралтейства, поднялся по Салтыковской лестнице на второй этаж и сразу зашел в комнаты младших сыновей, находившиеся в западном корпусе почти напротив лестничной площадки. Затем через Ротонду — эффектное круглое помещение в северо-западной части дворца, созданное О.-Р. де Монферраном в 1830 г., — вошел в парадную Невскую анфиладу, занимающую северный корпус дворца, и направился по ней в восточную часть здания — к Фельдмаршальскому залу, который в это время уже был заполнен густым черным дымом. Фельдмаршальский зал занимал особое положение в структуре Зимнего дворца. С главной во дворце Иорданской лестницы открывались два входа в парадные апартаменты: прямо — в Аванзал, начинающий Невскую анфиладу, и налево — в Фельдмаршальский зал, получивший свое название потому, что главным в его оформлении были портреты выдающихся русских фельдмаршалов (графа П. А. Румянцева-Задунайского, князя Г. А. Потемкина-Таврического, князя Италийского графа Суворова-Рымникского, князя М. И. Кутузова-Смоленского, графа И. И. Дибича-Забалканского, князя Варшавского графа И. Ф. Паскевича-Эриванского). Однако несмотря на репрезентативность декорировки зала, его топографическое положение — отсюда начиналась вторая парадная анфилада, подводившая к Большому Тронному (Георгиевскому) залу, и одновременно из Фельдмаршальского зала можно было попасть в так называемый Министерский коридор и квартиру министра императорского двора князя П. М. Волконского, — придавало залу еще и особые функции своеобразного гигантского парадного вестибюля, из которого можно было направиться в разные части дворца. В Фельдмаршальском зале постоянно находился военный караул, выполнявший функции охраны и информировавший прибывших о том, куда они должны следовать. Дежуривший 17 декабря здесь корнет Лейб-гвардии Конного полка барон Э. И. Мирбах зафиксировал в своих воспоминаниях начало пожара: «Около 8-ми часов... на узком пространстве между зеркальной дверью в коридор князя Волконского и портретом князя Варшавского, вилась кверху тонкая струя дыма, с сильным запахом гари. Дежурный камер-лакей привел двух солдат гоф-интендантской команды с ломами, чтобы вскрыть паркет перед зеркальной дверью. От нескольких ударов старый пол разлетелся в щепы и вместе с тем огромная дверь,

выскочив из своей рамы, упала в ту сторону, где стояли люди, которые рассыпались с криком „огонь“. Желая успокоить работавших, я старался уверить их, что нет никакого огня, и что это только простое отражение моей свечи в зеркале. Однако из всех скважин открывшейся за падением двери стены, уже совсем почерневшей, прорывался если еще не огонь, то черный густой дым, который в несколько мгновений разостлался и по целой зале, препятствуя дыханию. При всем страхе, чтобы нам не задохнуться, мне, однако, разумеется, не приходило и на мысль позволить кому-либо из солдат покинуть пост. Я собрал только ближайших к караулу часовых, стал дружески уговаривать всех покориться нашей судьбе, которой и я не избегну вместе с ними, велел присесть на корточки, так как дым был менее удушлив, и затворить двери в Петровскую и в малую аванзалу» (Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837 году // Русский архив. СПб., 1866. Т. 38. Стлб. 1195–1197). Караул был переведен из Фельдмаршальского зала в Малый Аванзал дворцовым комендантом Мартыновым. Здесь, как вспоминает Мирбах, около 9 часов услышали «из большой аванзалы мерную поступь Государя и звонкий его голос» (Там же. Стлб.1198). Николай I расспросил офицеров о происшедшем. Затем император направился в Фельдмаршальский зал и здесь приказал разбить окна, то есть допустил трагическую, но достаточно типичную ошибку. «В ту же минуту послышался звук падающих стекол, и пахнувший со двора свежий воздух привел дым в движение... Ветер со двора произвел сильный сквозняк, и в том месте, где прежде была зеркальная дверь, неожиданно сверкнул огромный огненный змей, в одну минуту, точно молния, осветивший всю залу. Этот змей вспыхивал в несколько приемов, каждый раз с большею силою, и наконец захватил одну из восьми позолоченных люстр, которая, покачиваясь под сквозным ветром, сгорела медленным огнем... Пламя, уже успевшее усилиться, вилось по карнизам и наконец, прорвавшись дверями в смежную Петровскую залу, разом уничтожило в ней бархатные, усыпанные золочеными орлами обои» (Там же. Стлб. 1189–1199). Во дворце начался пожар.

6. В начальной стадии развития пожара надеялись, что огонь можно остановить каким-нибудь механическим препятствием: была сделана попытка перегородить Невскую анфиладу — в Большом Аванзале офицеры и солдаты Лейб-гвардии Егерского полка возводили кирпичную стену до потолка. «Но надежда спасти дворец этою преградою и возведенными, на подобие ей, в трех других еще местах, не удалась», — записывает Мирбах (Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837 году. Стлб. 1199–1200). Бесполезной, как и другие подобные попытки, оказалась закладка дверных проемов в комнате перед Большой церковью в юго-восточной части здания. Огонь распространялся в верхней части залов; все современники обратили внимание на то, что в первую очередь загорались карнизы и потолки, и вскоре стало ясно, что огонь и дым уже заполонили весь чердачный этаж главной императорской резиденции. Главным конструктивным недостатком Зимнего дворца оказалось именно устройство его чердака, способствовавшее тому, что огонь распространялся в здании со сверхъестественной быстротой. Конструкции крыши — стропила и опоры — были деревянными, но главное, что на чердаке дворца не было ни одного брандмаура — сплошной стены, разграничивающей пространство на отдельные части. Именно поэтому пожар оказалось невозможно локализовать. Кирпичные стены, возводившиеся вечером 17 декабря на втором этаже, оказывались бесполезными. По сравнению с недостатком конструкции чердака ошибки, допущенные Монферраном, оставившим пустоты между деревянной и каменной стеной, плохо продумавшим размещение душников, кажутся почти ничего не значащими. Современники оставили описание чердаков дворца: «Эти огромные стропила и опоры, высушенные в течение 80-ти лет горячим воздухом под накаливаемою летним жаром железною крышею, воспламенились мгновенно, как порох; когда дым побежал с огнем, сжатым клубами, гонимыми сильными потоками воздуха, с конца на конец огромного чердака, и не встречая нигде препятствий.., везде находил только новый материал к усилению бешеной своей ярости. Кто когда-либо видел эти поистине необыкновенные чердаки дворца, глубокие, как стремнины, с висящими на середине их высоты досчатыми ходами, подобными мостам, переброшенным через пропасти; кто видел эти леса огромных дерев, стоящие теснее мачт неисчислимого и сжатого

в гавани флота; кто видел подпертые ими богатырские стропила векового здания, кто ходил там и взором проникал под эти безконечные переходы и досчатые аллеи, — тот поймет, что огонь, единожды ворвавшийся сюда, не мог уже быть утушен никакими средствами» (*Башуцкий А. П.* Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. СПб., 1839. С. 52). Во время пожара, «в час до полуночи», как сообщает граф А. Ф. Орлов (Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837 году. Стлб. 1183), была сделана попытка перегородить и чердак брандмауэром в надежде спасти северо-западную часть дворца, в которой на третьем этаже находились покои императора, а на втором — апартаменты императрицы. Подробное описание данной безнадежной попытки оставил граф А. Ф. Адлерберг (Там же. Стлб. 1183–1184). Однако мемуарист не прав, утверждая, что идеи всех мероприятий были бессмысленными, будто «Бог от всех отнял рассудок». Напротив, сама идея создания брандмауэра, который преградил бы путь огню, была правильной. Именно данная тактика позволила спасти сокровища Эрмитажа. В данном случае брандмауры создали, заложив обращенные к Зимнему дворцу окна в двух павильонах и галерее Малого Эрмитажа, воздвигнув таким образом сплошную каменную стену. Эту монолитную стену пожарные постоянно поливали из брандсбойтов. В данном случае, как отмечали современники, решающим фактором для спасения от огня зданий Эрмитажа стало время, которого не имели для спасения Зимнего дворца.

7. Жилые покои членов императорской семьи, «важнейшие части Дворца», по выражению мемуариста, к моменту пожара занимали северо-западную и западную части здания. На втором этаже северо-западного ризалита по проекту В. П. Стасова в 1826–1827 гг. были созданы апартаменты императрицы Александры Федоровны. Парадная гостиная императрицы — Яшмовая, декорированная в 1830 г. Монферраном, — служила пограничным помещением между личными и парадными покоями — из нее был вход в Концертный зал Невской анфилады. На третьем этаже ризалита над покоями императрицы Стасовым были декорированы покои императора. Для наследника сразу после переезда семьи во дворец в 1826 г. отвели часть западного корпуса, выходящую окнами на Адмиралтейство от угла северо-западного ризалита до Салтыковской лестницы. Эти комнаты, отделанные по указу Екатерины II Дж. Кваренги для ее внука — будущего императора Александра I, в детстве занимал и сам Николай Павлович. К Салтыковской лестнице с северной стороны в середине 1830-х гг. примыкали покои младших сыновей императорской четы — Николая и Михаила. С противоположной стороны западного корпуса дворца, начиная с севера (от большого круглого зала — Ротонды) три комнаты окнами во двор отвели Константину Николаевичу, и шесть — его сестрам Ольге и Александре. Ольга Николаевна впоследствии вспоминала, что старшая сестра Мария получила отдельные апартаменты в пятнадцать лет, а до этого жила вместе с сестрами (Сон юности. Воспоминания вел. кн. Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж, 1963. С. 41). Комнаты Марии Николаевны продолжали линию покоев наследника — занимали часть западного корпуса, выходившую окнами на Адмиралтейство и примыкающую к юго-западному ризалиту.

8. Малахитовая гостиная, в декорировке которой был широко использован этот поделочный камень (малахитом были облицованы колонны, пилястры и камины), создана А. П. Брюлловым уже при восстановлении дворца в 1838–1839 гг. В момент пожара на ее месте находилась Яшмовая гостиная, декорированная О.-Р. Монферраном в 1830 году, украшенная колоннами из серо-фиолетовой яшмы. Сведений о том, что пол Яшмовой гостиной до пожара был инкрустирован перламутром, на сегодняшний день в архивных документах обнаружить не удалось.

9. Около десяти часов вечера, хотя и предпринимались попытки остановить пожар (возводились брандмауэры внутри здания, огонь заливался из пожарных брандсбойтов), Николай I распорядился вызвать во дворец занимавший поблизости казармы 1-й батальон Преображенского полка, привести в готовность и прислать Павловский полк, чтобы они занимались спасением движимого имущества. Камер-фурьерский журнал фиксирует время этого распоряжения так: «Когда начинало гореть Малое Мраморное зало», то есть Малый аванзал (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 146. Л. 397). Всего в спасении вещей участвовало около 20 тысяч гвардейцев и солдат Гоф-интендантского ведомства.

10. Речь идет не о бюсте, а о большой статуе Александры Федоровны работы К. Вихмана. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала, что когда 18 декабря днем вся семья приехала к горящему Зимнему дворцу, они «...увидели, что огонь вырывается вдоль крыши, как раз над комнатами Папá. Окна лопнули и посреди пламени виден был темный силуэт статуи Мамá, единственной вещи, которую не смогли спасти, так как она придерживалась железной скобой, замурованной в стене» (Сон юности... С. 86). После пожара «из куска оставшегося в большом виде существовавшей» статуи была сделана небольшая мраморная статуя императрицы, которая стояла в Кабинете Николая I на третьем этаже (РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (82–516). Д. 269. Л. 26).

11. В воспоминаниях очевидцы рассказывают о разных эпизодах, связанных со спасением вещей из дворца; о мужестве солдат, боровшихся за спасение имущества, рвение которых «приходилось скорее умерять, чем поощрять» (Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837 году. Стлб. 1192). Так, например, в одной из комнат на половине императрицы Марии Федоровны, занимавшей южный корпус дворца, Николай I «нашел целую толпу гвардейских егерей, силившихся оторвать вделанное в стену огромное зеркало, между тем как вокруг все пылало. При виде явной опасности он несколько раз приказывал бросить эту работу; но усердие храбрецов и желание их быть полезными брало верх над повиновением; тогда Государь кончил тем, что бросил в зеркало свой бинокль, от которого оно разлетелось вдребезги» (Там же. Стлб. 1203). Рассказ Л. Р. Барановича о том, как спасали утварь Большой и Малой церквей дворца, рисует живую картину обстановки в горящем здании: «Тут, осеня себя знамением креста, смелые дружины, с криком „с нами Бог“, бросались в пламя уже вопреки приказаниям начальства и отрывали от стен святые иконы. Нельзя при этом умолчать о замечательном подвиге рядового 10-го флотского экипажа Нестора Троянова и столяра Гоф-интендантского ведомства Абрама Дорофеева, которые, после спасения их товарищами прочей утвари Большой церкви, приметив на самой вершине загоревшегося уже иконостаса значительного размера образ Спасителя, не послушались настоятельного запрещения даже подходить туда и без инструментов, с одной лишь небольшою лестницею, покусились спасти и этот образ. Лестница не доставала до половины вышины иконостаса, но то их не остановило. Цепляясь далее, с сверхъестественною, можно сказать, отвагою за карнизы и украшения, они, наконец, добрались до своей цели: Троянов снял образ и передал Дорофееву, и оба, хотя обожженные, благополучно спустясь с драгоценною своею ношею, успели отнести ее в безопасное место. Государь, свидетель их подвига, обласкав обоих, велел выдать каждому по 300 рублей и Троянова, сверх того, перевести в гвардию» (Там же. Стлб. 1193).

12. «Густо клубящий дым занимал дыхание, а карнизы и потолки, по которым вилось пламя, грозили всякую минуту падением», — говорит Л. Р. Баранович (Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837 году. Стлб. 1192).

13. Все современники фиксируют поразившее их впечатление — на площади перед Зимним дворцом, где скопилось огромное количество народа, стояла полнейшая тишина. Е. П. Самсонов, адъютант графа А. Х. Бенкендорфа по управлению делами Главной императорской квартиры и Конвоя, услышавший о пожаре в гостях за карточным столом и немедленно приехавший, пишет: «Дворцовая площадь, Главный штаб и все окрестные дома были буквально залиты светом... Сильное и незабвенное впечатление произвело на меня это зрелище, когда, прискакав на площадь, я увидал это громадное произведение архитектуры, объятое пламенем и извергающее из недр своих, подобно Везувию, адский огонь и черные столбы дыма; этот народ, в несколько десятков тысяч человек, безмолвною стеною окружавший пожарище, все без шапок (несмотря на довольно сильный мороз), некоторые крестились; но все стояли неподвижно, как громом пораженные; наконец, эта общая тишина, никогда не встречающаяся при обыкновенных пожарах: все то вместе взятое представляло великолепно потрясающую картину» (Воспоминания Е. П. Самсонова // Русский архив. 1884. Кн. 2. С. 146).

14. Обстановку во дворце и проблемы, возникавшие при спасении вещей, ярко рисует сохранившийся в РГИА рапорт одного из служащих Гоф-интендантской конторы Синицына о его действиях во время пожара. Получив распоряжение об эвакуации вещей из

кладовых так называемой камерцалмейстерской (имущественной) должности, Синицын поднялся на третий этаж дворца, где «Комиссар Гронский и Помощник Семенов объявили, что Главный Комиссар Воробьев бывших у них людей забрал в средний этаж, и что они часть бронз вынесли в Эрмитаж, к прочим же кладовым за неимением людей не приступали, приказав им самим из товарной кладовой бархаты и новые материалы выкидывать в окно на большой двор, и, вышед от них, встретил на лестнице несколько мастеровых, вбежал с ними опять в кладовую, указав работу, велел Гронскому стараться спасать также кладовую с бельем и с коврами тем же средством, ибо по леснице невозможно было, от тесноты идущих солдат с кирпичем, что-либо выносить. (Имеются в виду солдаты, которые несли кирпичи для возведения брандмауэров — *сост.*) Сбежав потом вниз во двор, испросил военный караул к выкидываемым материям... Между тем в Портретной зале (Военной галерее 1812 года — *сост.*) распространилось пламя, а в белой галерее (так называлось помещение, на месте которого после пожара был создан Гербовый зал — *сост.*) упал потолок — при общем крике спасать все вещи. Из Церкви большая часть уже выносилась — из Тронной покойной Государыни Императрицы Марии Федоровны (находилась в южном корпусе дворца — *сост.*) выносили серебро и сдирали со стен бархат, встретя в Овальной зале (один из залов в южном корпусе — *сост.*) камер-фурьеров Петрова и Грима, сказал — чтобы вещи приказывали носить не в дальние комнаты (данное свидетельство очевидца показывает, что первоначально надеялись, что пожар удастся локализовать в восточной части дворца, где он начался — *сост.*), а к Монументу Александра 1-го, а с сим словом побежал на площадь, испросил поставить караул вокруг Монумента... узнал, что кладовую с бельем спасти не могли, ибо в коридоре загорелся потолок, а кладовую с коврами захватило дымом. Обратясь опять в комнаты покойной Императрицы Марии Федоровны и усилив число солдат для выноски вещей, распоряжался снятием с мест бронз, ваз, люстр и отсылал оные, как равно и мебель, до последней возможности оставаться в тех комнатах. После, пришед на половину Государыни Императрицы Александры Федоровны (где выносили вещи по распоряжению разных особ), нашел еще некоторые тяжелые, которые с помощью найденных тут мастеровых были сняты и отправлены, — в то же время объявили мне, что на Салтыковской лестнице солдаты столпились с вещами и останавливаются выноскою, я, оставя мастеровых одному из господ флигель-адъютантов, старавшемуся снять в приемной комнате малахитовую вазу, — подбежал к лестнице Салтыковской, отделив оттуда с вещами людей, указал им ход чрез парадную лестницу покойной Императрицы Марии Федоровны (имеется в виду лестница в юго-западной части дворца, выходившая на Дворцовую площадь, которая была восстановлена после пожара и сейчас называется Октябрьской — *сост.*) — но, пришед туда, встретил, что и сию лестницу загромоздили разными тяжестями...» (РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (82/516). Д. 234. Л. 50–52). Вероятно, было достаточно много подобных случаев, когда на лестницах образовывались заторы из вещей; когда ценное имущество вместо того, чтобы вынести из горящего здания, складывали в какие-нибудь комнаты.

15. Тема судьбы, воли провидения в объяснении причин пожара звучала в самых разных слоях общества. Интересны высказывания по этому поводу митрополита московского Филарета, который увидел в уничтожении огнем Зимнего дворца «наказующую и вместе милующую десницу Всевышнего: наказующую за грехи людей истреблением на земле того, что так дорого для них, но вместе с тем и милующую самих людей и особенно тех из них, которые и для Бога, как и для народа, были по преимуществу дороги и нужны на земле и которые притом заведомо отличались благочестием и добродетелями на всю Россию» (цит. по: *Корсунский И. Н.* По поводу полувека со времени возобновления Зимнего дворца. С. 107). Филарет видел «худое предзнаменование» пожара в восхищении жителей Петербурга искусством знаменитой балерины Марии Тальони; он считал это идолопоклонством. В январе 1838 г. митрополит пишет архимандриту Антонию: «Говорят в то самое время, как она в театре бросалась в огонь, от которого должен был ее избавить бестудный (вероятно, ошибка в тексте и подразумевается «бесстыдный» — *сост.*) языческий божок, — сделался пожар, истребивший дворец» (Митрополит Филарет в его письмах к архимандриту Антонию // Русский архив. 1877. Т. 3. С. 315).

16. Спасенные вещи складывали у подножия Александровской колонны. На площадь выходило два подъезда дворца: ныне называемый Октябрьским — в юго-западной части, и Комендантский — в юго-восточной. Кроме того, вынесенные и выброшенные из окон в Большой двор вещи переправляли на площадь через открытые большие дворцовые ворота. Э. И. Мирбах так описывает обстановку на Дворцовой площади: «Вся площадь Главного штаба была загромождена диванами, столами, стульями. Портреты генеральской галереи 1812-го года, тоже спасенные, бережно сложили у подножия Александровской колонны... Горько было видеть много драгоценных вещей испорченными или перебитыми, что было неизбежно при быстроте выноски; так, например, у бесподобной статуи Кановы — Парки, прядущей нить, отломлена была рука...» (Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837 году. Стлб. 1202).

17. Николай I, которому в театре сообщили о пожаре, уехал со спектакля, не сообщив Александре Федоровне о тревоге. Уже прибыв во дворец и осознав масштабы катастрофы, император приказал сообщить императрице о пожаре и просил ее сразу отправляться в Аничков дворец, куда он уже распорядился отправить младших детей. Ольга Николаевна записала в своих воспоминаниях: «В половине десятого, когда мы как раз собирались ложиться спать, Папá неожиданно появился у нас, с каской на голове и с саблей, вынутой из ножен. „Одевайтесь скорее, вы едете в Аничков“, сказал он поспешно. В то же время взволнованный камер-лакей застучал в дверь и закричал: „Горит!.. горит!..“ Мы раздвинули портьеры и увидели, что как раз напротив нас клубы дыма и пламени вырываются из Петровского зала (окна комнат Ольги и Александры выходили в Большой двор, с противоположной стороны которого туда же выходили окна Петровского зала — *сост.*) В несколько минут мы оделись, и сани были поданы. Я еще побежала в мою классную, чтобы бросить прощальный взгляд на все, что мне было дорого. С собою я захватила фарфоровую собаку, которую спрятала в шубу, и бросилась на улицу. Там меня впихнули в сани вместе с маленькими братьями, и мы понеслись в Аничков» (Сон юности... С. 86–87). Александра Федоровна, несмотря на пожелания мужа, все-таки приехала из театра не в Аничков, а в Зимний дворец. С ней была старшая дочь великая княжна Мария Николаевна. Мемуаристы обычно говорят о том, что ее привело сюда беспокойство о фрейлине С. П. Голенищевой-Кутузовой, прикованной к постели болезнью. Действительно, Александра Федоровна позаботилась об эвакуации больной из дворца. Однако, безусловно, главным было желание императрицы увидеть свой дом. По приезде во дворец Александра Федоровна и великая княжна Мария Николаевна отправились в комнаты детей в западном корпусе, откуда через окна наблюдали за пожаром, уже охватившим всю восточную часть дворца. Как свидетельствует В. А. Жуковский, «наконец явился император и говорит императрице и Великой Княжне: „Уезжайте, через минуту огонь будет здесь“. Они простились». Императрица, «прежде, нежели совсем оставить дворец, ...захотела проститься со своим погибающим жилищем: зашла в свой кабинет и в детские горницы, в коих при свете пожарного зарева все еще было так спокойно, и, помолившись в последний раз в малой дворцовой церкви, в коей столько раз все семейство ее собиралось на молитву, с благодарной горестью покинула те места, где на каждом шагу являлись ей милые воспоминания...» (цит. по: *Божерянов И. Н.* Невский проспект. СПб., 1903. Т. 2. С. 420). После того, как во дворце стало опасно находиться, императрица отправилась не в Аничков, а в квартиру министра иностранных дел К. В. Нессельроде, находившуюся в левом крыле здания Главного штаба, окна которой выходили на Дворцовую площадь. Стоя у окна, императрица наблюдала, что происходит и как гибнет в пожаре дворец.

18. Во дворце к моменту пожара проживало около 3500 человек.

19. Фрейлина императрицы М. К. Мердер записала 18 декабря в своем дневнике: «Погода великолепная, солнце ярко блещет, но кажется бледным по сравнению с пучиною огня. Все четыре этажа пылают... Ужасно видеть чудные, громадные окна, подобные пылающим огненным печам» (Русская старина. 1900. Т. 2. С. 438). Фрейлина М. П. Фредерикс, в 1837 году еще ребенок, впоследствии вспоминала: «Помню до сих пор, какое страшное впечатление на меня произвели эти дымящиеся громадные стены, с зияющими насквозь отверстиями окон и дверей, и эти почерневшие громадные статуи, торчавшие

вдоль сгоревшей крыши, действительно, это было нечто ужасное» (Исторический вестник. 1898. Т. 71. С. 68).

20. Залы первого этажа не были уничтожены огнем, поскольку они были перекрыты каменными сводами. Здесь огонь не смог повредить конструкции (тогда как на втором и третьем этажах сгорели и деревянные перекрытия, и перегородки) и уничтожил лишь декоративную отделку. По словам М. А. Корфа, занимавшегося спасением архива Государственного Совета, хранившегося в комнатах первого этажа западного корпуса, эти помещения оказались засыпаны «штукатуркою, обвалившеюся с растрескавшихся от жары стен и потолков» (Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837 году. Стлб. 1188).

21. Пожар Зимнего дворца подействовал на жителей Петербурга и России в целом угнетающе. «И внуки поймут нашу скорбь», — считал князь П. А. Вяземский (Московские ведомости. 1838. № 32. С. 215), статью которого о пожаре современники сравнивали по мастерству изложения и глубине чувства с письмами Плиния Младшего, описывавшего извержения Везувия, уничтожившего Помпеи. Практически все ощущали, что пожар уничтожил не просто жилище императорской семьи, а важнейшее историческое здание города. На протяжении XVIII–XIX веков Зимний дворец являлся «сердцем» не только Петербурга, но и России в целом. А. П. Башуцкий писал: «Все знали, что не хитро для Царя русского выстроить и пять таких дворцов, что в утрате, причиненной пожаром, не материальная потеря печальна и отягчительна для сердца его» (*Башуцкий А. П.* Возобновление Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. С. 67). Оценивая событие, М. К. Мердер записала в своем дневнике: «Потеря тем более чувствительная, что дворец этот один из немногих памятников столицы, хранивший предания нескольких царствований».

22. Аничков дворец был подарен Александром I великому князю Николаю Павловичу к свадьбе в 1817 г. До воцарения Николай Павлович и Александра Федоровна жили здесь, вспоминая проведенные во дворце годы как «Аничковский рай». После воцарения этот дворец оставался одним из любимых мест пребывания императорской четы. Часть года (в частности, Страстную неделю перед Пасхой) они традиционно проводили здесь. Во время восстановления Зимнего дворца императорская семья жила в Аничковом дворце.

23. Зимний дворец был восстановлен в фантастически короткие сроки. Уже через несколько дней после пожара была создана «Комиссия для возобновления дворца» под председательством министра императорского двора князя П. М. Волконского. 29 декабря было утверждено «Положение о Комиссии», которое определяло обязанности ее членов, организацию и общую схему проведения работ. На возрождение здания были направлены колоссальные материальные и человеческие ресурсы (число одновременно работавших доходило до 10 тысяч человек). В результате к пасхе (марту) 1839 года — всего за 15 месяцев — основная часть дворца был возрождена.

Комментарии Т. Л. Пашковой

Н. [П.] Мещерский
Заметка из царствования императора Николая Павловича. [1830-е гг.]

До военно-судной реформы уголовные дела не только о военных лиц[ах], но даже иногда и гражданских рассматривались в комиссиях военного суда. Комиссии были временные и постоянные. Первые учреждались при полках и отдельных баталионах; вторые — при комендантских управлениях. Эти управления в столицах и некоторых больших городах назывались ордонанс-гаузом. Комиссии состо-

яли из председателя, именуемого презусом, и шести членов — асессоров (все из строевых офицеров) и аудитора[1] — чиновника. Последний заведовал по закону делопроизводством и наблюдал за исполнением формальной стороны. Так было по теории, но на практике выходило иначе: допрашивал подсудимого, свидетелей и других лиц, вызываемых в суд, аудитор; по его инициативе делалось судом то, что он признает нужным. Он писал или сочинял сентенцию[a] или приговор о подсудимом. Все это предоставлялось делать аудитору потому, что его считали военным юристом, т. е. знающим действующие в России законы. Что же, спрашивается, делали в суде презус и асессоры? Они подписывали в качестве присутствующих допросы и показания лиц, вызванных в суд, и как судьи — журналы и сентенцию. Кроме того, председатель подписывал все исходящие бумаги. Аудитор же только скреплял журналы и приговор.

Такой порядок существовал с незапамятных времен и этот-то порядок — нигде в законах не указанный — служил мотивом к тому странному взгляду, что за неправильный приговор и неполноту главная ответственность падала на аудитора. Вот уж где практика, можно сказать, резко расходилась с теориею — так именно в военно-судебном ведомстве. Чиновник исполнял по закону в суде должность секретаря, а подвергался ответственности более строгой, нежели самые судьи. Презусу и асессорам объявляли замечание за неправильный приговор, а аудитора — на гауптвахту. Взыскание с аудитора вошло в обычай, и никто из властей не хотел подумать: справедлив ли такой взгляд и согласен ли он с законами. Даже были такие рутинисты, что полагали взыскание на этого безгласного чиновника за то, что журналы оформлены косо и бумаги подшиты некрасиво и т. п. мелкие неисправности, не относящиеся к существу дела.

Это все дела давно минувших лет. Смешно и грустно вспоминать о них. Впрочем, в то время и по гражданскому ведомству было похоже на то, о чем мы сказали. Еще комиссиям в[оенных] судов отдавали предпочтение за скорое и беспристрастное производство дел[b].

Моя заметка заключается не в том, чтобы повторять многие известные азы, а в том, что[бы] вкоренившийся обычай подвергать чиновников военно-судебного ведомства за упущение по службе не менее как аресту распространялся на все аудиторские должности. Так, обер-аудиторы, состоявшие в качестве докладчиков при разных начальниках, тоже не избегали общей кары за то, что в мнениях дивизионного или корпусного командира прописано, — рукой его же, — наказание неправильное. Тогда слово неправильность в этом ведомстве понималось в широком виде. Не только в роде — наказание считалось неправильно; но и в степени, даже в мере. Напр[имер], рядового Ивана Петрова следовало за то-то прогнать шпицрутенами по закону чрез тысячу человек два раза и даже один раз, а комиссия в[оенного] суда или начальник, рассматривавший дело, полагали ограничиться одним разом чрез пятьсот человек. Приговор и мнение неправильны — казнить скрепившего эти бумаги чиновника!

---

[a] Так приговор и назывался. Д. с. с. Н. Мещерский (14 ноября 1886 г. Петербургская сторона. Большой проспект, д. № 41 и кв. 41).

[b] Отрывок подчеркнут карандашом.

Во времена оные был генерал-аудитор (ныне равный главному военному прокурору) тайный советник А. И. Ноинский. Его уважал бывший в то время министром граф Чернышев[2]. Он знал свое дело хорошо; но был суров и горд с подчиненными. Звание генерал-аудитора было соединено с званием директора аудиторского департамента. Все чиновники боялись его и смотрели на него как на своего кумира. Аккуратность во всем и строгость без милости были его принципом по службе. Но и этот представитель военно-судебной власти, так усердно исполнявший свою обязанность, не избегнул под конец жизни той кары, которые он привык щедро рассыпать на мелких своих подчиненных.

Однажды в генерал-аудиториате (ныне главный в[оенный] суд) решалось дело о каком-то штабс-капитане. Аудиториат во всеподданнейшем докладе ходатайствовал о смягчении подсудимому наказания во внимание к долголетней его службе. Государь Николай Павлович посмотрел в послужной список, приложенный в копии к докладу, и нашел, что офицер по летам очень молод и не мог долговременно служить, если бы даже начал со дня рождения. Ошибка в летах оказалась в копии списка, которая подписана генерал-аудитором и скреплена нач[альником] отделения. Замечательно, что копию эту должны были проверять помощн[ик] столоначальника, столоначальник, нач[альник] отделения, вице-директор, директор и секретарь министра. Никто из них не заметил описки в летах подсудимого. Только император увидал! Зато и досталось же за эту описку. Высочайше повелено: тайного советника Ноинского арестовать на два дня, нач[альника] отд[еления] Вознесенского — на неделю и т. д. всем чинам в прогрессивной пропорции. Впрочем, А. И. Ноинский просидел на дворцовой гаубтвахте менее суток. Все-таки отдал, так сказать, дань своему ведомству.

Публикуется впервые по: РНБ. Ф. 859. К. 4. № 11. Л. 48–49 об.

Мещерский Николай Петрович (1829–1901) — тайный советник, гофмейстер, в 1874–1880 гг. попечитель Московского учебного округа; он издал сборник «Из бумаг Н. М. Карамзина, хранящихся в Государственном архиве (СПб., 1898)». Н. М. Карамзин был его дедом по матери; его жена княгиня Мария Александровна (урожденная графиня Панина, 1830–1917) — издательница материалов родового архива Паниных.

Внимательность Николая I при работе с документами, которые он прочитывал полностью, общеизвестна. Внимательно он относился и к возрасту упомянутых лиц. Весьма яркий пример связан с именем престарелого архитектора еще екатерининских времен, Петром Васильевичем Нееловым (1749–1846) — сыном архитектора В. И. Неелова и младшего брата архитектора Ильи Васильевича. В 1762 г. он был определен в «Контору строения Села Царского» и после смерти брата занимал должность архитектора Царскосельской строительной конторы (1794–1826). Просматривая документы, связанные с выдачей жалования и пенсий лицам придворного ведомства, Николай I обратил внимание на архитектора, о котором давно ничего не слышал. В связи с этим заведующему Царскосельским правлением Якову Васильевичу Захаржевскому 24 апреля 1846 г. поступил запрос от В. Ф. Адлерберга: «Государю императору угодно знать, жив ли архитектор статский совет-

ник Неелов, в гражданском чине 5 класса, состоящий в ведомстве Ц. С. дворцового правления и которого при увольнении в 1826 г. высочайше повелено не считать в отставке». Ответ Захаржевского генералу от инфантерии В. Ф. Адлербергу гласил: «... Живущему сейчас 96 лет (родился в 1750 г.)». На самом деле, архитектору шел 97 год. См.: РГИА. Ф. 487. Оп. 7. Д. 3930. О разных предметах по Царскосельскому дворцовому правлению. 1846, 12 января – 1847, 11 января. 140 л.

Представление о работе Николая I с документами и его резолюциями дает издание: Собственноручные резолюции Николая I по Морскому ведомству/Сост. С. Огородников // Морской сборник. 1907. № 12. Неоф. отд. С. 1–29. См. также: Сборник собственноручных резолюций Николая I по Морскому ведомству: ОР РНБ. Ф. 380 (М. А. Корф). № 113. В переплете 1869 г. 493(1) л.

1. Аудитор (*лат.* auditor — слушатель) — военно-судебная должность в Австрии, Германии, России и некоторых других странах XVII – начала XX в. В России эта должность была введена Петром I в конце XVII в.; права и обязанности аудитора определялись Уставом воинским 1716 г. Аудиторы были при корпусах, дивизиях и полках. На эту должность назначались обер-офицеры, с 1797 г. ее занимали только гражданские чины. В обязанности аудитора входили: допрос подсудимого и свидетелей, ведение судебного делопроизводства, а также контроль за соблюдением в судах законов и правил судопроизводства. Права голоса в судебных совещаниях аудитор не имел. В 1867 г. в России должность аудитора была упразднена.

2. См. наст. изд., с. 171, примеч. 17.

Подготовка текста и комментарии Л. В. Выскочкова

А. Ф. Воейков

Известие о кончине императора Александра: Записка о характере правления за первые 12 лет царствования Николая I. 16 августа 1838 г.

Известие о кончине императора Александра получено в Петербурге 27-го ноября, в самое то время, когда во Дворцовой церкви, в присутствии всей императорской фамилии, совершалось молебствие о Его здравии. Фельдъегерь подал депеши военному генерал-губернатору графу Милорадовичу, и он уведомил на ухо великого князя Николая Павловича, который приказал остановить служение, вынесть налой, крест и евангелие, и первый, а с ним и все находившиеся в церкви, присягнул на верность императору Константину I-му. Князь А. Н. Голицын, тут же бывший, хотел было предварить Его Высочество о духовном завещании покойного императора; но великий князь не дал ему договорить. Это был первый шаг к величию, первый важный пример самоотвержения, данный Его Высочеством сынам своим; новая блестящая страница в Российской истории. Впоследствии император Николай явил нам много подобных: 14 декабря, в годину свирепствовавшей в Москве холеры, во время народного бунта на Сенной площади, но первый остался и первенствующим.

Грозен был день восшествия на престол императора Николая I-го, неустрашимость, с какою явился он посреди буйной толпы мятежников, для которых не было ничего священного, и сила, с какою схватил он скипетр Александра, поставили его тогда уже на высоту Его века. Но опасности, которым подвергалась царская фамилия, кровь, обагрившая в этот бедственный и вместе счастливейший день Исакиевскую площадь, и многочисленные ночные аресты, следствие открытого заговора, оставили о нем прискорбное воспоминание.

Парижские журналисты, которые до сих пор не могут простить нам взятие Парижа и ниспровержение их идола, питавшегося человеческим мясом[1], обрадовались этому случаю и дозволенные народным правом меры при открытии источника зла назвали тиранством. Но справедливо ли обвинять врача за то, что он для сохранения жизни человеку отсек член, пораженный гангреною? Здесь дело шло не о жизни одного человека, а о благоденствии 50-ти миллионов.

Лондонские парламентские крикуны и газеты, их всегдашний отголосок, издавна уже ненавидевшие Россию за ее могущественное посредничество в делах Европы, за ее более и более процветающие мануфактуры, за ее владычество на осьми морях и за Персидское наше соседство с Ост-Индиею, провозгласили российского императора врагом свободы и человечества. Только слепые не видят, что влияние России на политические дела Европы и самые ее завоевания были для них всегда спасительны, всегда благотворны. Димитрий Донской, Иоанн III и Екатерина II навсегда заслонили Христианскую Европу от набега варваров. Теперь ее храмы, памятники, города, науки, искусства безопасны от Турок, которые еще недавно стояли перед воротами Вены. Петр I облегчил давление Швеции на север Европы и на Германию; Елисавета Петровна остановила честолюбивые замыслы Фридриха II; Екатерина Великая, разоря последнее разбойничье гнездо в Крыму, сохранила вольность торговли от самоуправства англичан; император Павел I возвратил скипетр законным монархам Италии, взял под свое благодетельное покровительство Грузию; Александр восстановил опрокинутые престолы законных царей, возвратил тиару папе, независимость царствам, и порабощенным республикам, избавил народы от цепей Наполеона, обуздал крамолу в Испании и Неаполе, Николай I разорвал оковы Греции, Молдавии, Валахии и Армении. Он мощною десницею держит весы Европы и орлиным взором блюдет равновесие держав ее. Где же посягательство на ее свободу, стремление ко всеобщей Монархии? Напротив, везде правота, польза, честь, умеренность.

Ни красноречие Цицерона, ни заманчивые софизмы Вольтера не оправдают бесчеловечного гонения Протестантов и несправедливого нашествия Людовика XIV на Голландию; пагубный военный деспотизм Карла XII вечно будет возбуждать негодование потомства. Оно требует дел, а не фраз; дела оправдывают возлюбленного Царя нашего от клеветы журналистов, уничтожают коварные происки врагов благоустройства.

В последние годы своей жизни, уставший от побед, пресыщенный славою, озабоченный внешними бурями Европы, которые беспрестанно бушевали то вероломною изменою французов Людовику XVIII[2] и воцарением Бонапарта, то переворотом в Испании, то политическими взрывами в Италии, император Александр искал разделить бремя внутренних дел с человеком, достойным Его благо-

родной доверенности. Петр Великий возлагал исполнение своих намерений на полудержавного князя Меньшикова, так Екатерина Великая облекала обширною властью князя Потемкина. Выбор Александра пал на графа Аракчеева: все говорило Государю в его пользу: непоколебимая верность к Его Державному родителю, особенное благоволение императрицы Марии Феодоровны, преобразование артиллерии, восстановление военной дисциплины; не знающая границ преданность, деятельность беспримерная и необходимая при создании военных поселений, которое тогда было любимою мечтою Государя. Облеченный всею доверенностью Царя великодушного, граф Аракчеев не оправдал Его выбора. При многих похвальных качествах, из коих важнейшим были бескорыстие и неутомимость, он имел виды самые ограниченные, употреблял средства самые ненавистные. Справедливость требует упомянуть, что его бескорыстие было страдательное, деятельность мелочная, он построил военные поселения на костях человеческих, потоптал ногами грамоту дворянства[3], Учреждение губерний[4], Городовое положение[5]. Всегда карая и никогда не милуя, он приготовил отвратительную кровавую сцену, которой мы в 1831 году были горестными свидетелями в Новгородских военных поселениях[6]. Если в Новороссийском крае не повторились эти ужасы, то сим мы обязаны мудрому управлению графа Витта[7], которое вполне оценил император Александр и дальновидный Преемник Его. Высокомерное и грубое обращение Аракчеева было отчасти зародышем тайного общества декабристов и удалило от дел многих отличных генералов и сановников, ознаменовавших себя на поприще государственной службы блистательными дарованиями, полезными подвигами, человеколюбивым управлением. Низкая зависть Аракчеева не могла простить им Государева к ним благоволения и самостоятельности. Любимец и друг славнейшего, великодушнейшего из Монархов, добивался власти, а не славы, гнёл, а не облегчал народ Его. Император Николай, немедленно по восшествии на престол, отнял у него силу вредить. Неужели это прихоть самовластителя?

Жалованная грамота восприяла полное свое действие, права дворян распространены, награды за службу по выборам увеличены, создано сословие почетных граждан, которого недоставало в Российской империи. Переход от Купечества к Дворянству был несоразмерно велик и резок; для купцов не существовало никаких прав наследственных, тогда как мещане, крестьяне, ремесленники ими пользовались. Сын именитого гражданина, прекративший торговлю, обедневшая дочь Шелехова, Кулибина, Шалаурова — записывались в мещанство. Это было оскорбительно для многополезного сословия, коему Россия обязана Строгановыми, Демидовыми, Сердюковыми, оскорбительно и несправедливо. Десница царствующего императора изгладила сию несправедливость, учредя наследственное купечество и даровав ему права и преимущества, не многим меньше дворянских. Нежный отец отечества обратил и на военные поселения светлое око: народ православный избавлен новым Моисеем от рабства Египетского; и виновника столь великих дел на пользу человечества бесстыдно площадные крикуны называют азиатским варваром.

Преобразитель России издал тысячи полезных указов, Великая его преемница написала множество премудрых уставов и учреждений, но ни Петр I, ни Екатерина II не подарили Россию полным уложением. Эта слава была предоставлена Императору Николаю. При нем обнародованы Собрание законов и Свод законов Россий-

ской империи: два подвига славнейшие перехода Балкан и взятие Арзерума, два памятника несокрушимее пирамид Египетских и выше Александровой колонны. Этого мало! Действующие законы беспрестанно поясняются, сокращаются, улучшаются и заменяются другими, сообразнейшими с потребностями нынешнего времени. Обо всех таких переменах министры представляют Государственному Совету, который, зрело обсудив, подносит доклад Его Величеству. По утверждении нового закона Государем, он приводится в исполнение Сенатом. Похож ли же этот образ правления на Монгольский или Алжирский? Соедините все великое и величественное, сосредоточьте волю бесчисленного народа в одной особе; вообразите, что ум, который управляет государственным телом, помещается в одной главе; вы увидите образ Божий, вы будете иметь понятие о власти священной, отеческой и самодержавной. Таков образ правления в России.

От гражданского уложения перейдем к военному! Учреждение генерал-аудиаториата[8] есть доказательство, что император Николай дает обвиняемому все способы к оправданию. Прежде отдать офицера под военный суд значило, что он уже найден виновным: оставалось только подвести род и степень наказания, и дать приговору установленную форму. Теперь генерал-аудиториат рассматривает, надлежало ли его отдать под военный суд? Потом вникает во все подробности, часто оправдывает, еще чаще соображаясь с обстоятельствами, при которых сделано преступление, с молодостью лет, неумышленностью, ходатайствует у Государя об уменьшении наказания. И Государь, которого хотят нам представить неумолимым, всегда принимает такое ходатайство с благоволением. Никогда не могу я слушать без слез рассказы бывшего члена генерал-аудиториата, Скобелева[9] об многих случаях, где милосердие Царево явилось Божеским милосердием; никогда не могу простить одному знаменитому нашему Генералу отказ его заседать в этом священном военном судилище, где от прозорливости и правоты судей зависит честь и счастье целой жизни подсудимого[a]. Неужели вешать за ноги и гонять сквозь строй горских разбойничьих князьков приятнее душе его?

Парижские журналисты выставляют своего Наполеона другим Марк-Аврелием. Они не только выискивают анекдоты о нем, но и бессовестно их во славу ему выдумывают. Не стану упоминать здесь ни об отравлении зачумленных воинов в Сирии[10], ни об убийстве герцога Ангиенского[11], ни о похищении Испанского престола[12], ни о заточении Римского папы[13], ни о ссылке генерала Моро[14], ни о том, как удавлен в тюрьме завоеватель Голландии генерал Пишегрио[15]; приведу простую и малоизвестную черту тиранства в бытность его еще Консулом, в 1802 году. Фуше самовольно велел взять под стражу двух Бриссельских купцов, обвиняемых в продаже запрещенных товаров, и отвести в Гамскую крепость[16], вместо того чтобы судить их на месте. Бриссельский мэр, ссылаясь на закон, освободил их и жаловался Трибунату[17] на министра полиции. Трибунат отослал эту жалобу к первому консулу, который отрешил от места мэра, а купцов велел взять под арест и посадить в Гамскую крепость без всякого законного следствия.

Вы видели пример Наполеонова самоуправства; теперь представлю вам несколько образцов его вежливости. Важнейшие государственные сановники при-

---

[a] Вспомним процесс генерала Монтрезора.

нуждены были вытерпевать от него: Vous êtes un homme, de mauvaise foi, vous me trompez*. Однажды, будучи недоволен пением актеров оперного театра, на другой день он призвал их к себе и приветствовал словами: Vous avez chanté hier comme des cochons**.

Когда первый консул задумал преобразовать национальный Институт в Академии, и ни одна из них не хотела принять к себе считавшихся при Институте музыкантов и актеров, он сказал одному из них: des Mathématiciens vous se jetteront le pot de chambre sur la tête; ils ne veulent pas plus de vous***.

Еще будучи первым консулом, он вздумал танцевать на бале у супруги своей, снял с себя шпагу и протянул руку к близ стоящему офицеру. К несчастью, это был офицер знатной фамилии, которого честь оскорбилась. Он отступил назад и ждал, чтобы кто из слуг взял шпагу. Бонапарт быстро взглянул на него и сказал страшным голосом: mais tiens! Je me suis bien trompé****!, подозвал к себе генерала из снисходительных и отдал ему шпагу. Офицер, возвратясь домой, нашел повеление отправиться на другой день в Сен-Доминго.

А вот пример бесчеловечия английского народа и английского правосудия. За то, что Горейский губернатор Валь беззаконно наказал сержанта в 1782 году, его повесили в Лондоне в 1802 г., несмотря на его заслуги, на знатную фамилию, на родство с первыми людьми Государства. Король мог, Король желал, но не смел простить его и, в угождение черни, утвердил приговор. Народ непристойным образом радовался казни несчастного, и не одна чернь: ибо любопытные платили по 500 р. на наши деньги за место в тех домах, откуда видна была виселица. В том же году флота капитан Гамильтон, один из лучших английских офицеров, с бесчестьем исключен из службы за то, что он привязал Канонера к мачте. Соразмерны ли такие наказания с виною? И сколько бы не кричали гордые островитяне о филантропии, о правах человеческих, о вольности, если бы эти два жестокие приговора даны были в России? «Нет! — сказал Лафатер[18] генералу Моро. — Суворов не может быть жестокосерд; встречаясь с младенцем, он всегда приласкает его и благословит его, как меня уверяли Русские офицеры, бывшие в Цирихе». Что же сказал бы об этом философ-христианин, если бы увидел обладателя полусвета, окруженного маленькими кадетами Александровского Корпуса, которые увиваются вокруг него как дети около родного отца, или в Екатерининском институте, посреди воспитанниц, которые однажды до того были смелы, что, желая иметь по перышку из императорского султана, совсем общипали его? — он бы, без сомнения, вспомнил слова Спасителя: «Не запрещайте детям приближаться ко мне; им принадлежит царство небесное!».

Здесь кстати будет следующий анекдот: Император Николай в сопровождении французского посла, маршала Мезона[19], посетил Царскосельский корпус малолеток, и когда, по обыкновению, дети резвились вокруг Государя, он задал своему гостю трудную задачу: «Маршал! Между этими сиротками есть дети офицеров, убитых за Россию, и Польских, погибших в сражениях против России, потрудись

---

* *Пер.с фр.*: Вы бессовестный человек, вы меня обманываете.
** *Пер.с фр.*: Пели вы вчера как свиньи.
*** *Пер.с фр.*: Математики хватят вас по голове ночным горшком; вы им более не надобны.
**** *Пер.с фр.*: Вот те раз. Что за оплошность с моей стороны!

указать мне тех и других!» — Старый, исполненный чести полководец прослезился и, оборотясь к своей свите, громко произнес: «Et voilá ce qu'on appelle à Paris déspote du Nord!»*.

Назначение Начальником всех военно-учебных заведений Великого князя Михаила Павловича[20] и в начальники штаба его по сей части полковника Ростовцева[21] облегчило чадолюбивое сердце отца великой Русской семьи. Услышав об этом, родители упали на колени перед престолом всевышнего; с ними вместе.

На небеса простерли руки
Младенцев миллионы вдруг![22]

Тот только, кто видел кадетские корпуса прежние и нынешние, может достойно оценить нежную заботливость нашего Государя об этих рассадниках народной славы и силы.

По докладу о неуместной строгости цензурного устава, составленного князем Шахматовым[23], Император приказал учредить под председательством генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа Комитет для написания нового. «Чем скорее он будет готов, тем лучше, — прибавлял Государь, смеючись: «La folie, la plus courte est meilleur!»**. Таких высоких — при всей простоте своей — слов никогда не произнес бы ни Карл Великий, ни Людовик XIV, ни Фридрих II.

Если всего здесь нами сказанного мало для того, чтобы образумить французов, напомним им о возвращении из ссылки Пушкина и о неизреченной щедрости царя нашего к его осиротевшему семейству; укажем на Александра Бестужева[24], которого мы видели с оружием в руках на Исакиевской площади, и которому Государь не только позволил писать и печатать свои сочинения, но открыл путь заслужить вину, произвел в офицеры и за храбрость наградил орденом. Этот пылкий писатель погиб от собственного легкомыслия, которое было отличительною чертою его характера. Нам возразят запрещением «Телеграфа» и «Телескопа», арестованием Греча, Булгарина и Воейкова[25], как такими действиями правительства, которые показывают стеснение свободы мыслить. Очень рады случаю поговорить о таком предмете, где всего яснее видна мягкость наших полицейских мер, сравнительно с мерами французского правительства. Начнем с Н. А. Полевого![26] Знаю, что многих удивит мое о нем мнение, что же делать! Я уже решился, однажды навсегда, громко его высказать. Не отнимаю у Н. А. природного дарования, обширной памяти, начитанности, легкости писать живо и пылко. Но историк Русского народа, издатель «Московского Телеграфа» не литератор, а торгаш. Прежде, нежели приступает он к изданию журнала, к сочинению книги, высчитывает, сколько барыша это предприятие принесет ему! И это не его вина; это слабость века: Бальзак, Гюго, Жюль Жанен[27] пишут из денег, хвалят и бранят за деньги. И у нас немного таких бескорыстных журналистов, как Плетнев, таких бессеребренников писателей, как Жуковский, Баратынский, Вяземский. Смею присовокупить, что Н. А. Полевой — не Карбонар, не Якобинец; он революционер по расчету. Меркантильное его чутье пронюхало, что между недоучившимися студентами, между молодыми негодяями дворянчиками и пожилыми помещиками, не

* *Пер.с фр.*: И вот тот, кого называют северным деспотом!
** *Пер.с фр.*: Глупость, чем она короче, тем лучше.

получившими один креста, другой чина, много так называемых либералов. На них-то основал он свою систему обогащения и не ошибся. Как скоро люди, почерпнувшие просвещение из французских брошюрок, удаленные от должности за взятки, за неспособность, за лень, увидели, что Полевой явно восстает против существующего порядка, восставая на Карамзина, которого девизом было Православие, Самодержавие, Народность, как скоро невежды начитали его бредни о Новгородских мэрах, префектах, целовальниках, коих сметливый торгаш называл jury, присяжными, как скоро люди, которым терять нечего, услышали его, отважно проповедывающего революцию, жадно бросились раскупать его журнал и превозносить издателя. Один знатный и богатый московский барин принял его под свое покровительство и спускал его как злую собаку на Сиятельных и Высокопревосходительных врагов своих, поощрял его писать на них пасквили. Полевого призывали в Цензурный Комитет, делали замечания, выговоры; сменяли за него цензоров; но это только больше раздражало его. Видя, что все ему с рук сходит, он становился все наглее и наглее, наконец, до того забылся, что в разборе Трагедии: Рука Всевышнего отечество спасла[28], осмелился утверждать, что основатель царствующей династии избран был в цари партией, а не целым Государством. Беспечный издатель «Телескопа», ученый, трудолюбивый и полезный писатель под руководством других, до того близорук, что не видит дальше своего письменного стола, простодушен до глупости. Он и теперь не совсем еще верит злонамеренности и неисчислимому вреду, который мог произойти от напечатания богопротивной, ложной с начала до конца статьи сумасброда Чаадаева. Случись это во Франции, и Надеждина, и Полевого посадили бы на пять лет в тюрьму и оштрафовали бы такою суммою, которая бы равнялась всем его барышам и капитальной сумме, вместе взятым. У нас на Руси запретили только журнал, не взяли с виновного ни гроша, не посадили его в крепость и не запретили ему печатать статьи в других периодических изданиях. Заметим мимоходом, как люди во зло употребляют слово, данное им Богом для выражения идей: разорение издателя и лишение на несколько лет вольности называется во Франции свободою книгопечатания, а легкий, на несколько дней, даже часов, арест Греча, Булгарина и Воейкова, насилием. Не думаю, чтоб нашелся из Русских какой-нибудь отчаянный либерал, который бы стал защищать издателя «Телескопа» за помещение неистовой статьи Чаадаева. Были между нами сумасброды, восстававшие против царя земного, но таких, которые бы хулили православную веру, еще не было, и долго, долго не будет.

Теперь остается мне опровергнуть самое важное обвинение, взводимое завистливыми иностранцами, не чистыми на руку чиновниками, маленькими тиранами-помещиками, сутягами, плутами, подрядчиками, жидами, полицейскими крючками, поставщиками, они разинут рты от удивления, когда я шепну им, что Император Николай ничем не доказал более уважения своего к законной свободе, как учреждением корпуса жандармов. Помните, что я сказал законной.

Бессмертный творец книги о законах Монтескье, которого никто, конечно, не станет обвинять в пристрастии, написал: «Государственная свобода, коею каждый Гражданин наслаждаться должен, не есть глупая свобода делать все, что захочется; но иметь возможность делать все, что законами позволено».

Кто же смелее, благонадежнее жандармов защищает слабого против сильного, останавливает руку грабителя, наблюдает, чтобы стояли прямо весы правосудия? В учреждениях Жандармского корпуса почти перевелись тираны-помещики, судьи, явно продававшие правосудие, комиссары, поставлявшие гнилые припасы в больницы и гнилую аммуницию в полки. Уж не слышно, чтобы Исправники возили на обывательских переменных подводах коров своих[b] или утаивали взятые ими у пойманных разбойников краденые деньги[c]; чтобы священники совершали браки против воли жениха и невесты, между родными и малолетками; чтобы из церкви продавали старинные образа раскольникам[d] и за деньги хоронили замученных Господами крепостных людей, не дождавшись следствия. Уже буйные богачи помещики не секут батажьем заседателей[e]; не набирают серали из дворовых девок[f], не морят крестьян своих по семи дней в неделю на барщине; полиция не пытает подозреваемых[g], уголовная палата не приговаривает к кнуту и каторге без явной улики; земские заседатели не сильничают малолетних нищих девочек[h]; полицейские не подменяют шуб, отбитых у грабителей.

Я бы мог здесь указать на блистательные следствия дел, Жандармскими чиновниками с честью и тонкостью произведенных, на военных и гражданских губернаторов, по их представлению, за злоупотребление власти, отставленных, преданных суду, наказанных[i].

Однажды, размышляя о неисповедимых путях, которыми всеблагое провидение ведет наше отечество к высокой цели, о неограниченной власти, какую долженствовал иметь святой Владимир над сердцами подданных при озарении России Христианскою верою, о железной воле Петра при насаждении в ней просвещения и о силе духа, какою одарен монарх, вдруг задушивший треглавую гидру мятежа в Варшаве, Новгороде и Петербурге, мне пришла в голову мысль: кому бы вручили Россияне, мои современники, державу, если б осиротел престол Императорский? И я ни мало не запинаясь, отвечал сам себе — Николаю Павловичу Романову! Если найдутся неблагодарные, которые потребуют на то доказательств? Я стану отвечать, что двенадцатилетнее славное, благодетельное Его царствование есть самое лучшее оправдание причины избрания Е. И. Величества, и что народы всегда избирают в цари достойнейшего.

18 августа 1838 г.
с. Рыбацкое

---

[b] Известный случай с Балашевским исправником М...

[c] Покойный ген[ерал-] лейтенант Л. Д. Измайлов[29], дворянин, расстриженный монах Пафнутий Игн. Поливанов, И. А. Барыков.

[d] Л. А. Б. К.

[e] Случай в Переславль-Залесском уезде, Влад[имирской] губернии.

[f] Ряз[анской] губернии в Спасском уезде исправник Асеев.

[g] В Казани мнимых зажигателей при воен[ном] губ[ернаторе] Пущине[30] и гражданском А. И. Муханове[31].

[h] См. следственное об убийстве Анастасии, наложницы гр[афа] Аракчеева[32].

[i] Не все выше перечисленные злоупотребления прекращены проницательностию и деятельными мерами Жандармов; но их пребывание в соседстве с людьми порочными заставило злых исправиться; по пословице: У страха глаза велики!

Публикуется по: Отдел рукописей РНБ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 10. Авторизованная копия.

Записка публикуется по сохранившемуся в фонде Воейкова беловому экземпляру на плотной бумаге F (без водяных знаков), носящей в верхнем правом углу оттиск буквы «Н» с императорской короной в лавровых ветвях и с цифрой «I» внутри нее. Незначительная правка, вставки на французском языке и отдельные несущественные добавления сделаны, по-видимому, рукою самого Воейкова.

Записка «Известие о кончине Императора Александра» принадлежит, возможно, перу Александра Федоровича Воейкова (1778/1779–1839) — поэта, переводчика, критика и издателя. (Об А. Ф. Воейкове см.: *Колбасин Е.* Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859; *Греч Н. И.* А. Ф. Воейков. Биографический очерк // Русская старина. 1874. № 3; *Соколовский М.* Материалы для биографии А. Ф. Воейкова // Русская старина. 1908. № 1–4). К моменту написания записки А. Ф. Воейков был известен не только как автор крупных переводов (*Вольтер*. История царствования Людовика XIV и Людовика XV... Ч. 1–4. М., 1809; *Делиль Ж.* Сады, или Искусство украшать сельские виды. СПб., 1816; *Вергилий*. Эклоги и Георгики. СПб., 1816–1817), но и как выдающийся сатирик, создавший оригинальную стихотворную «галерею» эпиграмм «Дом сумасшедших» (запрещенную цензурой и опубликованную впервые только в 1857 г.); впоследствии реконструирована Ю. М. Лотманом (Поэты 1790–1810-х гг. / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. Л., 1971), распространялась в рукописи сатира Воейкова, представляла собой портретную галерею всех тогдашних известных литераторов, общественных деятелей и крупных чиновников. Член литературного общества «Арзамас» (1816), Воейков весьма плодотворно занимался издательской деятельностью, используя свои связи в писательской среде (П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, А. И. Тургенев). Вместе с В. А. Жуковским и Тургеневым Воейков в 1815–1817 гг. издал «Собрание образцовых русских сочинений и переводов» (аналогичные издания предпринимались им в 1821–1822, 1824–1826 и в 1838 гг.).

В 1820–1822 гг. Воейков — соредактор Н. И. Греча в журнале «Сын Отечества», где вел критический отдел и поместил, в частности, разбор поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». В 1822–1838 гг. Воейков — редактор газеты «Русский инвалид» (литературное приложение «Новости литературы») и журнала «Славянин», в которых, привлекая к сотрудничеству многих писателей и поэтов, выступал главным образом как критик и опытный полемист, однако в критике своих противников-конкурентов — Н. А. Полевого, Н. И. Греча, Ф. А. Булгарина — Воейков далеко не всегда отличался разборчивостью в средствах (см.: *Полевой Н.* Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. / Ред., вступ. ст. и коммент. Вл. Орлова. Л., 1934). Отголоски литературно-критической полемики отчетливо слышны и в представляемой публикации записки Воейкова, написанной на склоне лет, когда автор, оставив в забвении заблуждения юности, по иному оценивал прошлое и личность государя, при котором ему довелось жить после декабря 1825 г.

1. Весьма распространенный образ антинаполеоновской литературы, целый поток которой породили войны 1805–1807 гг. и, разумеется, 1812 г. Тематика журнальных публикаций и книг, написанных в связи с военными событиями тех лет, не была слишком уж разнообразной, но, одобренные цензурой и санкционированные правительством, напечатанные сочинения исчислялись многими десятками. Одним из наиболее различимых мотивов, звучавших в тогдашней литературе и журналистике, был мотив Наполеона. Не было, наверняка, ни одной поэмы, ни одной оды, ни одного прозаического произведения, в которых был бы обойден стороной Наполеон, и уж конечно, в них его всегда поминали недобрым словом. Такие эпитеты, как «Аттила девятогонадесять века», «хищник», «изверг», «похититель престолов», «мстительный и кровожадный», «наивеличайший убийца», «всемирный бич», «ад во плоти», «ужас вочеловеченный», «людоед» и множество других в таком же роде обильно уснащали произведения поэтов и прозаиков, откликавшихся на события 1812 и последующих годов. Такое настроение не могло не передаться многим из современников, в их числе и Воейкову, опубликовавшему в те годы ряд публицистических сочинений.

2. Если речь может идти об измене французов своему королю, то не Людовику XVIII (1755–1824), которому они до Революции не присягали как королю, и который, нося в то время имя Людовика Станислава Ксаверия графа Прованского, принял, находясь в эмиграции, имя Людовика XVIII (после смерти своего брата-короля и его сына-дофина), а о Людовике XVI (1754–1793), осужденном Конвентом по обвинению в контрреволюционном заговоре и изменнических действиях на смертную казнь.

3. Жалованная грамота дворянству — «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», — свод дворянских привилегий, оформленный законодательным актом Екатерины II от 21 апреля 1785 г., спустя 23 года после того, как аналогичный акт был обнародован императором Петром III (18 февраля 1762). Сделано это было императрицей исключительно из тех соображений, чтобы в глазах дворянства приписать это важнейшее деяние себе.

Согласно «Грамоте», дворянство резко отделялось от других сословий, подтверждалась свобода дворян от обязательной службы, от уплаты податей, дворян нельзя было подвергнуть телесному наказанию, судить их мог только дворянский суд. Лишь дворяне имели право владеть землей и крепостными крестьянами, они также владели недрами в своих имениях, могли заниматься торговлей и устраивать заводы, дома их были свободны от постоя войск, имения не подлежали конфискации. Дворянство получило право на самоуправление, составляло «дворянское общество», органом которого являлось дворянское собрание, созываемое каждые три года в губернии и уезде, избиравшее губернских и уездных предводителей дворянства, судебных заседателей и капитан-исправников, возглавлявших уездную администрацию. Жалованная грамота дворянству призвана была упрочить положение дворянства, закрепить его привилегии и содействовать большей консолидации господствующего класса. Действие Жалованной грамоты было распространено на дворянство Прибалтийских губерний, на Малороссию и Белоруссию.

4. «Учреждение о губерниях» (7 ноября 1775) — важнейший государственный акт, изменивший административно-территориальное устройство Российской империи после восстания Е. И. Пугачева; в соответствии с «Учреждением», страна делилась на 50 губерний во главе с губернаторами, вводилась должность генерал-губернатора, командовавшего находившимися в губернии войсками, во главе каждого уезда стоял капитан-исправник (земский исправник), воинские «штатные команды» в городах подчинялись городничим, но регулировалась и судебная система на местах: были учреждены палаты уголовного и гражданского суда, а также совестные суды.

5. «Городовое положение» — Грамота городам — законодательный акт, изданный правительством Екатерины II в апреле 1785 г. вместе с Жалованной грамотой дворянству; состоит из вводной части о «пользе городов» и собственно «городового положения», представляющего собой весьма обширный свод правил, заимствованных большей частью из прусских, скандинавских и остзейских источников. «Положение» устанавливало состав т. н. «общества градского» и общие принципы его самоуправления, при этом «обществу

градскому» надлежало состоять из владельцев недвижимости в черте города, купцов трех гильдий, «именитых граждан» и посадских людей. К числу организаций городского самоуправления относились собрание «градского общества», созывавшееся раз в 3 года, «общая городская дума» и «шестигласная дума» для решения текущих дел. «Грамота» устанавливала строгий контроль над вступлением в купеческое звание и мещанство, закрепляла ряд вотчинных «утеснений» торговли, охраняла монополии государства от «посягновения» городских жителей. Содержательное «ремесленное положение» вводило ряд существенных ограничений в мелком предпринимательстве. Особого практического значения «Городовое положение» как выражение стремления дворянства к установлению контроля над деятельностью остальных сословий не имело.

6. «Бунт» в новгородских военных поселениях, давно назревавший в силу тягостной регламентации повседневной жизни и вызванный противоречивыми слухами, имел место 11–21 июля 1831 г.

7. См. наст. изд., с. 236, примеч. 13.

8. Генерал-аудиториат — высший ревизионный суд в России, учрежденный по указу от 9 января 1797 г., особая канцелярия при императоре, в которой рассматривались письменные «производства» по следственным делам об офицерах и нижних чинах из дворян, решался вопрос о дальнейшем направлении этих дел и происходила их подготовка для конфирмации со стороны государя. Упразднен в ходе военно-судебной реформы 1867 г.

9. Скобелев Иван Никитич (1778–1849) — генерал-майор (1815), генерал-лейтенант (1828), с 1823 по 1826 гг. «имел обязанность и по Высочайшим повелениям был употребляем по разным поручениям», после 1831 г. состоял по военным поселениям, был членом генерал-аудиториата и инспектором резервной пехоты в Нижнем Новгороде.

10. чумные в Сирии — известный эпизод Египетской кампании генерала Бонапарта (1798–1799), описанный британским генералом Робертом Вильсоном в своей книге (*Wilson R. T.* History of the British Expedition to Egypt; to which is subjoined a Sketch of the Present State of that Country and Its means of Defence. London, 1802). «Я хотел, чтобы весь цивилизованный мир узнал об ужасном варварстве, коим запятнал себя главнокомандующий французской армии и тем запятнал свое имя позором», — писал Вильсон при посылке экземпляра «Истории британской экспедиции» австрийскому императору. Книга была отправлена также и в Петербург; император Александр I выразил автору свою признательность через российского посла в Лондоне.

Сочинение снискало Вильсону большую популярность и явилось оправданием усилий, которые прилагали тогда и впоследствии европейские державы, но главным образом Англия, в борьбе против Франции, которую все более и все чаще с тех пор олицетворяло имя Наполеона Бонапарта. Книга обвиняла генерала в преступлениях против человечности: в уничтожении трех тысяч турецких пленных и отравлении собственных солдат, заболевших чумой. Страстная инвектива Вильсона должна была пригвоздить главнокомандующего французской армии к позорному столбу, и на протяжении всей жизни Наполеона она оставалась одним из самых тяжких аргументов, которым, быть может, всегда пользовались роялисты и другие противники Бонапарта. Обвинение, как теперь вполне доказано, было от начала до конца несправедливым, основанным на слухах и личном предубеждении.

11. Имеется в виду Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде герцог Энгиенский (1772–1804) — последний представитель династии Конде. В июле 1789 г. герцог покинул Францию, эмигрировав сначала в Бельгию, затем в Швейцарию, Италию и, наконец, в Германию. С 1792 г. сражался в рядах «армии Конде» против Французской революционной армии до подписания Люневильского мира и роспуска роялистской армии. Проживал в Бадене (г. Эттенхайм) на пенсию английского правительства. После того, как в начале марта 1804 г. в Париже был арестован Ж. Кадудаль, организатор заговора на жизнь Первого Консула, по подозрению в соучастии в этом заговоре был схвачен и герцог Энгиенский, осужденный военным судом; в Венсеннском замке в ночь с 20 на 21 марта герцог был расстрелян. В настоящее время считается доказанным, что распоряжение об аресте герцога и о суде над ним было инспирировано Ш.-М. Талейраном, которому это было нужно для того, чтобы доказать Наполео-

ну свою преданность и терроризировать роялистов казнью принца из дома Бурбонов, ибо Талейран опасался за свою участь в случае реставрации королевской власти во Франции. Поэтому Талейран и передал Наполеону письмо герцога, написанное им перед казнью, только после того, как узнал о том, что герцог расстрелян, из опасений, что Наполеон отменит свое утверждение приговора (*Тарле Е. В.* Талейран. М., 1962).

12. Имеются в виду события борьбы за престол внутри династии испанских Бурбонов между Карлом IV и его сыном Фердинандом принцем Астурийским, когда по просьбе обеих сторон посредническую миссию взял на себя Наполеон, и конфликт, к которому примешивалось народное недовольство королевским фаворитом Э. Годоем, завершился отречением Карла IV (5 мая), а затем и его сына (10 мая 1808) от престола. Испанский трон занял старший брат Наполеона Жозеф.

13. В ответ на присоединение папских владений, декретированное 17 мая 1809 г. (к тому времени Рим находился во власти французов (с февраля 1808), а церковная область была включена в состав Итальянского королевства), была обнародована заранее составленная булла папы Пия VII, предававшая императора французов осуждению и анафеме. Четыре недели спустя, 6 июля 1809 г., папа должен был подчиниться распоряжению французского генерала Раде и его солдатам, которые препроводили его из Рима в Савону. Утверждение Пием VII решений Национального собора Империи 20 сентября 1809 г., вопреки предположениям прелатов, не примирило Наполеона с папой, ибо император не был до конца уверен в лояльности Св. Престола к своей политике в области церковной жизни. Поэтому из Савоны папа был перевезен во Францию, близ Парижа, и проживал в великолепном дворце в Фонтенбло до конца мая 1814 г. Отношения с папой были весьма непростыми, и Наполеон при благоприятном стечении обстоятельств вне и внутри Империи склонен был стать верховным духовным вождем, полностью подчинив себе папу и переселив его в Париж. 25 января 1813 г. в Фонтенбло папой был подписан Конкордат о порядке назначения новых епископов, что до некоторой степени смягчало отношения между светской и духовной властями, и несмотря на то, что Пий VII в конце концов заявил о своем отказе от этого акта, он был отпущен в Италию и 24 мая 1814 г. возвратился в Рим.

14. Моро Жан-Виктор (1763–1813) — французский военный деятель, выдвинулся во время войн Республики против коалиций (1792–1794). Бригадный (1793), дивизионный генерал (1794). Успешно действовал против австрийской армии во главе Северной, а затем и Рейнской армий. В 1799 г. — генеральный инспектор пехоты, помощник командующего и командующий Итальянской армией. Один из самых талантливых военачальников французской армии, Моро участвовал в перевороте 18 брюмера на стороне генерала Бонапарта. В 1800 г. во главе Рейнской армии одержал решительную победу над имперской армией при Гогенлиндене. Являясь опасным и честолюбивым соперником Наполеона, Моро фактически возглавил оппозицию недовольного высшего офицерства. В 1804 г. имел контакты с бежавшим во Францию из мест заключения генералом Пишегрю, который склонял Моро к участию в роялистском заговоре. Был ли этот заговор провокацией министра полиции Ж. Фуше, неизвестно, но неосторожное поведение Моро явилось поводом для его ареста 15 февраля 1804 г. и последующего судебного процесса, в результате которого Моро был вынесен приговор — «два года тюремного заключения», что было заменено высылкой за пределы Франции.

15. Имеется в виду Шарль Пишегрю (1761–1804) — французский военный и политический деятель. Дивизионный генерал (1793), успешно руководил боевыми действиями французских войск в австрийских Нидерландах, одержал победу над имперской армией при Жемапе (6 ноября 1792 г.) и вступил в Брюссель; тогда и позднее вел переговоры с жирондистами о свержении якобинцев. Успешными действиями Пишегрю и других французских генералов Голландия была очищена от австрийцев (1794–1795). Однако в сентябре 1795 г., уже после перехода французской армии через Рейн, Пишегрю тайно сносился с принцем Конде, за что и был в марте 1796 г. отстранен от командования. В 1797 г. был избран председателем Совета пятисот, но попытка свержения Директории (переворот 18 фрюктидора) привела к высылке Пишегрю за пределы Франции. В 1804 г. он тайно возвратился во Францию с целью организации заговора на жизнь Первого Консула, был

арестован, заключен в тюрьму, где, как полагают, покончил жизнь самоубийством (был найден в своей камере мертвым).

16. Гам — город в 70 км к северо-востоку от Парижа (департамент Сомма) и крепость, которая с давних пор и до середины XIX в. использовалась как государственная тюрьма.

17. Трибунат — представительное учреждение эпохи Консульства во Франции, созданное в соответствии с конституцией VIII года (13 декабря 1799) — ассамблея из 100 членов, избранных на 5 лет, призванная обсуждать проекты законов, предлагаемые правительством, и упраздненная в соответствии с сенатусом-консультом Империи от 19 августа 1807 г.

18. Лафатер Иоганн Каспар (1741–1801) — швейцарский писатель, автор сборника стихотворений «Швейцарские песни» (1767), романа «Понтий Пилат, или Маленькая библия» (1782–1785), драмы «Абрахам и Исаак» (1776), сборников стихов «Двести христианских песен» (1780), «Поэзия» (1781), а также философского сочинения «Физиогномические фрагменты для поощрения человеческих знаний и любви» (1775–1778).

19. Мезон Никола-Жозеф (1771–1840) — французский генерал, отличившийся еще капитаном в битве при Жеммапе (1792), неоднократно раненный, в том числе и в сражении при Алькмааре (1799), адъютант генерала Ж.-Б. Бернадотта (1797). В 1805 г. был произведен в бригадные генералы, принимал участие в прусской и польской кампаниях (1806), в сражении при Фридланде (1807) и был пожалован в бароны Империи (1808). Произведенный в дивизионные генералы на следующий день после сражения при Полоцке (1812), Мезон прикрывал отступление из России под начальством маршала М. Нея и в 1813 г. отличился участием в сражениях при Бауцене и Лейпциге (1813), был пожалован в графы Империи Наполеоном (1813) и пэры Франции Людовиком XVIII (1814), а затем и титулом маркиза (1817). В 1829 г. был произведен в маршалы Франции. В течение нескольких месяцев 1830 г. он занимал пост министра иностранных дел, затем назначен посланником в Россию (1831–1833), после чего находился на посту военного министра (1835–1836).

20. Михаил Павлович (1798–1849) — великий князь, генерал-фельдцейхмейстер и генерал-инспектор по инженерной части (1825), спустя некоторое время был назначен главным начальником Пажеского и других сухопутных корпусов (1831), после чего, уже в 1843 г., когда было принято к руководству «Положение об управлении Главного начальника военно-учебных заведений», великий князь был назначен на пост начальника военно-учебных заведений с правами военного министра.

О нем см. также наст. изд., с. 353.

21. О Ростовцеве Якове Ивановиче см. наст. изд., с. 173, примеч. 26.

22. Двустишие из «Изображения Фелицы» Г. Р. Державина («Новые ежемесячные сочинения». 1789. Ч. 41); подразумеваются те младенцы, что спаслись от смерти оспопрививанием, введенным в практику при Екатерине II.

23. Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853) — князь, в 1824 г. он был назначен директором канцелярии Министерства народного просвещения, здесь по распоряжению министра возглавил работу по составлению цензурного устава, который через четыре года получил силу закона (1828). Проходя постепенно должности члена главного правления училищ, директора департамента, товарища министра (с 1842) и, наконец, министра (с 1850), Ширинский-Шихматов с открытием в Санкт-Петербурге Археографической комиссии был назначен ее председателем и в дальнейшем принимал самое деятельное участие во всех ее изданиях. Председательствуя затем и во 2-ом Отделении русского языка и словесности Академии наук, князь был одним из деятельных сотрудников по составлению словаря церковнославянского и русского языков.

24. Бестужев (литературный псевдоним — Марлинский) Александр Александрович. См. о нем наст. изд., с. 253, примеч. 183.

25. Речь идет о журналистах и литераторах Николае Ивановиче Грече (1787–1867) и Фаддее Венедиктовиче Булгарине (1789–1859).

26. Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) — одна из заметнейших фигур русской литературы первой половины XIX в.; издатель одного из самых популярных журналов того времени «Московский телеграф», автор исторического сочинения «История русского народа», романов, повестей и рассказов.

27. Жанен Жюль (1804–1874) — французский критик-фельетонист, дебютировавший в «Фигаро» (1825), постоянно сотрудничавший в «Journal des Débats», сборник его остро-критических статей под названием «Histoire de la littérature dramatique» опубликован в Париже в 1858 г.

28. «Рука Всевышнего Отечество спасла» — пьеса Нестора Васильевича Кукольника (1809–1868), впервые представленная зрителям Александрийского театра 15 января 1834 г. Журнал «Московский телеграф», издававшийся Н. А. Полевым с 1825 г., был запрещен 3 апреля 1834 г.; непосредственным поводом послужила отрицательная рецензия Полевого на драму Кукольника.

29. Измайлов Лев Дмитриевич (1764–1834), на военной службе с 1770 г. сержантом Лейб-гвардии Семеновского полка, полковником (1797), в отставке в 1798 г., с марта 1801 г. вновь на службе, но в октябре вновь в отставке, в 1812 г. — начальник Рязанского ополчения, в 1813 г. участвовал в блокаде прусской крепости Глогау и Гамбурга. Генерал-лейтенант (1814). Как богатейший помещик (11 000 душ крепостных) Измайлов отличался своеволием и жестокостью, с 1802 г. по указу Александра I находился под надзором местных властей, в 1827 г. было начато следствие по делу о злоупотреблениях властью, с 1830 г. над имениями Измайлова была учреждена опека.

30. Пущин Павел Петрович (1769–1828) — в 1798 г. произведен в генерал-майоры и назначен комендантом в Казань, в том же году (1798) назначен туда же военным губернатором; именно по его приказанию мещанину Яковлеву, безвинно подозревавшемуся в поджогах, был вынесен смертный приговор, вследствие чего Пущин был отдан под суд, от которого освобожден только в ноябре 1804 г.

31. Имеется в виду казанский гражданский губернатор Александр Ильич Муханов, о котором известно, что он был также сенатором 8-го департамента и почетным опекуном Московского опекунского совета.

32. Анастасия Федоровна Минкина (Шумская) (ум. 10 сентября 1825) — «домоправительница» А. А. Аракчеева, убийство которой собственной дворней произошло во время отсутствия Аракчеева в инспекционной поездке.

Подготовка текста и комментарии С. Н. Искюля

Киселев
Отрывок из записок графа Киселева о государе Николае Павловиче [1856 г.]

12 мая

Когда я встречаю всех этих военных, столь осчастливленных ношением своих фуражек, так что не видно стало ни касок, ни шляп[1], я говорю себе: вернись покойный император на этот счет, он вполне мог бы убедиться, какой вес он имел у великого множества людей; перемены в управлении, им обнаруженные, лишний раз утвердили бы его в этой мысли.

Этот человек царствовал слишком долго для своей славы, слишком подавлял своим ореолом и гордостью и кончил ослеплением относительно меры своего могущества; а поскольку он окружил себя придворными и лицами, которым умел внушать страх, ему случилось уверовать, что на свете нет ничего, что не склонилось бы пред ним. Изо всех этих людей, кем он себя окружил, чьим успехам можно позавидовать?

Военный министр[2], после того, как он управлял ею 25 лет, оставил армию, не способную к действию, без оружия, без военной аммуниции;

морской министр[3] после столь же долгого срока должен был погрузить на дно единственный флот, считавшийся в России дееспособным, — именно Черноморский, между тем, как флот Балтийский давно уж был признан непригодным к какому-то ни было употреблению;

министр имуществ[4], человек большого ума, которого не держали на таком коротком поводке, как других, просто не подходил к тому делу, что ему было доверено, и вся Россия знает, что казенные[a] крестьяне после начала его министерства стали еще неблагополучнее, нет, говоря уж о переизбытке расходов и чиновников, не умеющих ничего, кроме как грабить деревню.

Еще был Орлов[5], человек умный и баловень судьбы, неизменно имевший счастье получить наиболее блестящие поручения; однако тот мир, на котором недавно поставил свою подпись, хоть и был необходим, остается унизительным для страны, не говоря о другом договоре, который был подписан безо всякого уважения к Орлову лично и с целью, которая нам враждебна[6].

Блудов[7], из которого решили сделать законодателя, оставит по себе два памятника — Уголовный кодекс и Устав земских повинностей, и оба будут свидетельствовать против него.

Министр иностранных дел[8] происходил еще от прошлого царствования.

Новых людей, подготовленных для будущего — нет; если такие вдруг появятся, это был бы дар Провидения. Досада, уничижение, просчеты убили императора ранее времени, какое было определено его физическим сложением и силой. Мир праху его! А ведь этот человек был создан, чтоб сделаться великим, был глубоко порядочен, обладал врожденным благородством — и вот, умирая, он оставил свою страну униженной, умаленной, не способной защитить себя. Кто же привел все эти несчастья, всех и вся парализовавшие? Его гордыня, а рядом с нею — бессловесность и рабство вокруг него.

24 июля

Назначение Барятинского[9] на пост наместника Кавказа — это событие, которого ждали, и все-таки оно производит впечатление. Муравьева[10] ненавидели, он был невозможен — таким его преемник не будет. Новая милость ожидает его во время коронации, ему остается разве что заслужить ее. Справедливо будет сказать, что при излишке милостей он их всякий раз отслуживал, стремясь доказать, что внимание оказано ему не напрасно. В этом человеке, следственно, есть доблесть. Такое теперь редко случается; видимо, направление, приданное нынче воспитанию, уродливо действует на этот дар природы, которая равно щедра во все времена.

Горчаков[11] — человек большого ума, но совершенно без ума от себя самого. Как могут — и до какой степени — соединяться две эти вещи? Он сам говорит о своем разумении, которое ни с чем, как он выражается, не сравнимо; о своих успехах; о состоянии, какое он получил щедротой Государя — словом, он так восхищен собою, что близким его собеседникам впору задохнуться.

Перевод с французского А. К. Гаврилова

[a] В подлиннике — коронные — *примеч. переводчика.*

Публикуется впервые по: Архив СПбИИ РАН. Ф. 121 (А. А. Сиверс). Д. 39. Записка графа Киселева о Николае I.

Писарская копия разными почерками на французском языке. По замечанию переводчика, доктора исторических наук А. К. Гаврилова, эта часть текста написана неопытным переписчиком, допускающим ошибки во французском тексте. Иногда читаются несуществующие слова: Chacot вместо chapot, unutile вместо inutile (то есть, написано русское «и») и т. д. Имена министров, не названные в подлиннике, кем-то заботливо проставлены.

Публикуется небольшой фрагмент записок, датированных 12 мая и 24 июля 1856 г.

Не совсем ясна авторская принадлежность текста. Есть сведения, что самый известный из Киселевых, министр государственных имуществ граф Павел Дмитриевич Киселев, вел дневник и оставил воспоминания. Но в данном случае, скорее всего, это не сами воспоминания П. Д. Киселева, а или воспоминания его брата дипломата Николая Дмитриевича, или какие-то материалы к воспоминаниям, так как о самом министре государственных имуществ говорится в третьем лице: «министр имуществ — человек большого ума». Стилистика текста, критические характеристики министров очень похожи на однотипные оценки либерально настроенных современников в последние годы Крымской войны, и после ее окончания. См.: *Валуев П.* Дума русского (во второй половине 1855 года) // Русская старина. 1891. Т. 70. № 5. С. 319–359.

Фрагмент является продолжением более общего введения, опубликованного в переводе с французского языка по списку, хранящемуся в фонде Зимнего дворца, в собрании великого князя Сергея Александровича (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2356) См.: Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 522–531. В Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого есть также копия опубликованного фрагмента, переписанного двоюродной теткой писателя фрейлиной Александрой Андреевной Толстой, к которой Лев Николаевич обратился за материалами во время написания повести «Хаджи Мурат». Ей принес эти записки министр народного просвещения Головин, которому была поручена редакция записок, которые не были обнародованы.

Мемуарное наследие близкого Николаю I графа П. Д. Киселева, его «начальника штаба по крестьянской части», нуждается в дальнейшем изучении. Известно, что с воспоминаниями графа П. Д. Киселева работал А. А. Заблоцкий-Десятовский — душеприказчик, служивший под началом графа в Министерстве государственных имуществ и опубликовавший биографию Павла Дмитриевича в 4 томах. В них были использованы воспоминания и опубликованы некоторые фрагменты (*Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время: В 4-х т. СПб., 1882).

Архив П. Д. Киселева до 1918 г. находился у одного из наследников А. А. Заблоцкого-Десятовского В. П. Семенова-Тянь-Шанского; затем он был передан в Петроградское отделение Центрального архивного управления. В настоящее время фонд П. Д. Киселева находится в РГИА.

Пока не удалось найти подтверждения упоминавшегося факта издания в Париже в 1883 г. «Записок графа Павла Дмитриевича Киселева» (Киселев П. Д. // Русский биографический словарь. СПб., 1897. [Т.] Ибак–Ключарев. С. 717).

Рукописные записки П. Д. Киселева цитировал (без указания на местонахождение источника) в связи с обсуждением вопроса о зарубежной прессе в 1835 г. историк литературы М. К. Лемке (*Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: По подлинным делам Третьего отделения. СПб., 1908. С. 97). О дневнике П. Д. Киселева, хранящемся в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (тогда ГБЛ), как источнике по изучению взглядов Николая I на крестьянский вопрос, упоминал историк С. В. Мироненко (*Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 112). В фонде графа П. Д. Киселева в РГИА находится также его записка с описанием последних дней жизни и смерти Николая Павловича (РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 762: Записка графа П. Д. Киселева о последних днях и смерти Николая I. 1855 г., 19 февраля). Она была полностью опубликована в известной статье Н. С. Штакельберг ([Записка графа П. Д. Киселева] // Русское прошлое: Исторические сборники. Пг.; М., 1923. С. 60–62. В ст.: *Штакельберг Н. С.* Загадка смерти Николая I). В записке, составленной сразу же после кончины Николая I, П. Д. Киселев описывает последний совместный обед с императором, состоявшийся, как обычно, в понедельник, т. е., 31 января 1855 г. Приводятся сведения о ходе болезни государя, и дается общая оценка Николая I как человека и императора: «Будут порицатели — это удел всех, а паче тех, которые принадлежат потомству, но будут и более, которые, постигнув императора Николая, воздадут ему должное» (цит. по: *Штакельберг Н. С.* Загадка смерти Николая I. С. 62).

Известны три брата Киселева: 1) Киселев Павел Дмитриевич (о нем см. наст. изд., с. 427, примеч. 4);

2) Киселев Николай Дмитриевич (1802–1869) — дипломат, с 1840 г. на различных дипломатических постах в Париже; с января 1853 г. чрезвычайный и полномочный министр в Париже, с июня 1855 г. чрезвычайный посланник и полномочный при Тосканском и Римском дворах. Умер бездетным;

3) Сергей Дмитриевич (1793–1851) — отставной полковник, московский вице-губернатор (1837–1838). Его сын Павел Сергеевич (1831–1906) принял титул и герб графов Киселевых; другой сын — Николай Сергеевич (1832–1873) — известен как собиратель и издатель материалов по русской истории.

Подробнее см.: *Минин А. С.* Министр времени Николая I — граф П. Д. Киселев: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

Публикации фрагментов записок П. Д. Киселева:

1) Записка гр. П. Д. Киселева о последних днях жизни и смерти Николая I, 18 февраля 1855 г. в ст.: *Штакельберг Н. С.* Загадка смерти Николая I // Русское прошлое: Ист. сборники. Кн. I. Пг., 1923. С. 60–62. Подлинник см.: РГИА. Ф. 958 (П. Д. Киселев). Оп. 1. Д. 762.

Новые перепечатки в 1990 и 1991 гг. в ст. Анатолия Филипповича Смирнова: 1) Загадочная смерть Николая I // Дорогами тысячелетий: Сб. ист. ст. и очерков. М., 1991. С. 134–160; 2) Разгадка смерти императора // *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 413–439.

2) Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 522–531. (Подлинник см.: *Киселев П. Д.* Записка о

государе Николае Павловиче: РГИА. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 904. Фр. яз.; копии: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2356).

1. По замечанию многих современников, в частности, А. Ф. Тютчевой, новое царствование Александра II было ознаменовано переменой военной униформы, над чем иронизировали.

2. Чернышев Александр Иванович. См. наст. изд., с. 171, примеч. 17.

3. Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869) — светлейший князь (правнук А. Д. Меншикова), генерал-адъютант (1817), 24 ноября 1824 г. в чине генерал-майора уволен в отставку, вновь включен в состав Свиты по квартирмейстерской части 6 января 1826 г. и отправлен с дипломатической миссией в Персию. В дальнейшем — контр-адмирал (1827), адмирал (1833), начальник Морского штаба (1827), с 1831 г. Главного морского штаба с переименованием в контр-адмиралы, в 1836–1855 гг. также с правами морского министра; одновременно финляндский генерал-губернатор (с декабря 1831); член Государственного Совета (с 1830). С осени 1853 г. и до февраля 1855 г. был главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму, с декабря 1855 г. кронштадтский генерал-губернатор. 6 апреля 1856 г. уволен с должности с оставлением в звании генерал-адъютанта и члена Государственного Совета.

4. Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) — граф (1839), полномочный председатель диванов (советов) Молдавии и Валахии (1829–1834), генерал-адъютант (1823), генерал от инфантерии (1834), начальник V Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (с 1836), министр государственных имуществ (1838–1856), полномочный посол во Франции (11 июля 1856–1862), член Государственного Совета (с 1834), участник всех секретных комитетов при Николае I, провел реформу государственной деревни (1837–1841).

5. Орлов Алексей Федорович (1786–1861) — граф (25 декабря 1825), впоследствии князь (1856); внебрачный сын графа Ф. Г. Орлова и вдовы Татьяны Федоровны Ярославовой (узаконен указом Сенату 27 апреля 1796 г.), брат М. Ф. Орлова; генерал-лейтенант, генерал-адъютант, в 1844–1856 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения; возглавлял русские делегации при заключении Адрианопольского (1829), Парижского (1856) мирных и Ункяр-Искелесийского (1833) союзного договоров. В 1825 г. был генерал-майором и командиром Лейб-гвардии Конного полка. Жена — Ольга Александровна, урожденная Жеребцова (умерла в 1852).

6. Имеется в виду Парижский мир 1856 г., завершивший войну России с европейской коалицией 1853–1856 гг. (Крымскую войну).

7. Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) — граф (1842), советник и поверенный в делах посольства в Лондоне (1817–1820), делопроизводитель Верховной следственной комиссии (1826), товарищ министра народного просвещения (с ноября 1826), министр внутренних дел (1832–1838), министр юстиции (1838–1839), главноуправляющий II отделением СЕИВК и председатель Департамента законов Государственного Совета (1839–1862), впоследствии председатель Государственного Совета и Комитета министров (1862–1864), президент Академии наук. Автор не совсем прав в уничижительной оценке Д. Н. Блудова, который имел мужество не всегда соглашаться с императором. Однажды это на некоторое время привело к отдалению графа от государя, но в последние годы жизни Николая I их отношения вновь стали близкими, и они часто беседовали на политические темы (РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35 (Воспоминания А. Д. Блудовой). Оп. 26. Л. 26 об.). А. С. Пушкину импонировали манифесты, составлявшиеся Д. Н. Блудовым по поручению Николая Павловича в 1830–1831 годах. Февральский манифест 1831 года он назвал «удивительно прекрасным» (*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 41). Уже после смерти Николая I в 1855 г. граф Д. Н. Блудов стал президентом Академии наук, а позднее председателем Государственного Совета и Совета министров (1862–1864).

8. К. В. Нессельроде. См. о нем наст. изд., с. 189, примеч. 2.

9. Барятинский Александр Иванович (1815–1879) — князь, генерал-фельдмаршал (1859), генерал-адъютант (1853), участник Кавказской войны, с июля 1856 г. командовал Отдельным Кавказским корпусом и наместник на Кавказе, с декабря 1857 г. главнокомандующий Кавказской армией. В мае 1860 г. уехал в отпуск, с 1862 г. в отставке.

10. Муравьев Николай Николаевич (1794–1866) — граф с титулом Карского за взятие крепости Карс в (1855), начальник русского отряда на Босфоре (1833), командир 5 пехотного корпуса (1833–1837), в 1837–1848 гг. в отставке, потом командир Гренадерского корпуса, наместник Кавказа и командующий Отдельным Кавказским корпусом (1854–1855), член Государственного Совета, брат декабриста А. Н. Муравьева и однофамилец М. Н. Муравьева-Виленского.

11. Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) — князь; государственный канцлер, лицейский сокурсник А. С. Пушкина, дипломат. Основные посты: секретарь при русском посольстве в Лондоне (декабрь 1822–1827), служил в Риме, Берлине, Флоренции; советник посольства в Вене (1833–1838), посланник при Вюртембергском дворе в Штутгардте (1841–1850), затем — при Германском союзе во Франкфурте-на-Майне (1850–1854), чрезвычайный посланник в Вене; впоследствии (указ от 15 апреля 1856 г.) министр иностранных дел (1856–1882).

Подготовка текста и комментарии Л. В. Выскочкова

ЧАСТЬ IV

ИМПЕРАТОР ПУТЕШЕСТВУЕТ

Император путешествует

Путешествием называли любую поездку императора, будь то военные действия, дипломатические переговоры или смотр войск. Ежегодно Николай I совершал поездки по России, иногда по нескольку месяцев, с весны до глубокой осени, проводя в дороге. Главной целью путешествий императора был смотр войск. Попутно он знакомился с местной администрацией, осматривал учреждения, обозревал и инспектировал состояние подвластной ему империи. В своих «Записках» знаменитый историк С. М. Соловьев резко отозвался о поездках Николая I: «Смотр стал целью общественной и государственной жизни. Вся Россия 30 лет была на смотру у державного фельдфебеля. Все делалось на показ, для того, чтоб державный приехал, взглянул и сказал: „Хорошо! Все в порядке!“ Отсюда все потянулось на показ, во внешность, и внутреннее развитие остановилось. Начальники выставляли Россию перед императором на смотр на больших дорогах — и здесь было все хорошо, все в порядке; а что дальше — туда никто не заглядывал, там был черный двор» (*Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки/Подгот. А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. М., 1983. С. 311–312).

В самом начале своего царствования Николай I в категорической форме подтвердил указ императора Александра Павловича 11 августа 1802 г. о запрещении торжественных встреч при путешествиях высочайших особ. Хотя время «потемкинских деревень» миновало, известие о предстоящем приезде государя неизменно вызывало переполох и бурную деятельность в губернии. К прибытию Николая I спешно чинили дороги, мосты и переправы, обустраивали подходящее помещение для государя и его свиты, заготавливали лошадей, приводили в порядок присутственные места, учебные и богоугодные заведения, стараясь показать их в лучшем виде и предусмотреть малейшие случайности. Чтобы обеспечить безопасность императора и не досаждать ему усиленной охраной, чины земской и городской полиции облачались в партикулярное платье.

Как видно из публикуемых заметок, у своих подданных император Николай Павлович вызывал чувства благоговения и панического страха. Корочки хлеба, оставшиеся после царской трапезы, берегли, как святыню. Императора не смели поправить, даже когда он явно оговаривался, отдавая приказания. Спустя годы с ужасом вспоминали о сделанном им взыскании. Государь был строг и сурово наказывал за провинность. Если сам оплошал, не считал для себя унизительным публично извиниться перед несправедливо обиженным им человеком. Он любил порядок и дисциплину, щедро награждал отличившихся и угодивших ему людей. В войсках всегда ждали его, рассчитывая на награды за усердие и исправность. А для мздоимцев и казнокрадов с приездом государя наступали «черные дни».

Опубликовано множество воспоминаний о путешествиях Николая I. Современников неизменно поражали спартанские наклонности императора и быстрота

его передвижения (см. об этом: *Выскочков Л. В.* Император «на почтовых»: Николай I на улицах Санкт-Петербурга и дорогах России // Петербургские чтения 97. СПб., 1997. С. 626–629). Николай I был воплощением своего царствования. Он казался могучим богатырем, всесильным повелителем громадной империи, но государственные заботы и продолжительные поездки подтачивали его от природы крепкий организм. По возвращении из поездки в Рыбинск, Ярославль и Москву в 1841 г. лейб-медик Н. Ф. Арендт «с душевным прискорбием» писал военному министру А. И. Чернышеву об ухудшении здоровья государя — у него часто болела голова, отекали ноги. Путешествуя, «император по нескольку дней сряду питается, так сказать, одним чаем и по временам сыром», — сообщал Арендт и выражал свои опасения насчет драгоценного здоровья Его Величества, «если образ жизни государя императора останется тот же» (ОР РНБ. Ф. 859. К. 37. № 18).

Безыскусные заметки, помещенные ниже, не были опубликованы прежде, вероятно, по причине незначительности описываемых в них событий. Тем не менее, мелкие подробности царских путешествий, поведения государя и его встреч с народом представляют несомненный интерес и помогают воссоздать подлинную атмосферу той далекой эпохи. Можно согласиться с мнением одного из авторов этих воспоминаний, «что всякое сообщение какого бы то ни было факта, но только именно факта, имеет свое значение, так как совокупность мелочей, как известно, почти всегда обусловливает совершение крупного целого».

Другой причиной, по которой публикуемые заметки в свое время были положены под сукно, возможно, было чересчур благоговейное отношение их авторов к памяти императора Николая Павловича, что не могло понравиться либерально настроенному редактору-издателю журнала «Русская старина» М. И. Семевскому и не отвечало преобладавшему в обществе критическому отношению к Николаю I и его правлению. Просматривая архив этого журнала, из которого преимущественно извлечены публикуемые воспоминания, нетрудно заметить, что Семевский вычеркивал из текстов восторженные отзывы о высочайших особах и неумеренные изъявления верноподданнических чувств.

Едва ли не самым примечательным эпизодом, описанным в публикуемых воспоминаниях, был перелом ключицы императора, который случился при падении в опрокинувшейся на бок закрытой коляске в час пополуночи 26 августа 1836 г. под Чембаром по дороге из Пензы в Тамбов. В связи с этим составился «заговор молчания» ямщиков, не желавших выдавать виновника злосчастного происшествия. Но все тайное становится явным, и любознательный читатель узнает, как и почему это произошло.

Небольшой уездный город Чембар Пензенской губернии до той поры был мало кому известен. Это впоследствии он прославился благодаря Белинскому и Лермонтову, а тогда многие впервые услышали о его существовании. С приездом императора тихий захолустный городок преобразился. Сюда прибыла императорская свита, срочно доставлялись съестные припасы, вина и фрукты, сновали фельдъегеря и курьеры, была усилена пожарная команда и полиция. Ежедневно публиковались бюллетени о здоровье государя. Предполагалось, что император пробудет в Чембаре не менее месяца, но он быстро пошел на поправку и уже через две недели вновь пустился в путь.

В тот год император намеревался провести смотр корпуса военных поселений в Чугуеве, куда он и следовал кружным путем через Новгород, Москву, Владимир, Нижний Новгород, Казань, Симбирск и Пензу. Происшествие под Чембаром заставило его изменить свои планы и вернуться в столицу. Через Тамбов, Козлов, Рязань и Москву 17 сентября он прибыл в Царское Село. Расстояние от Москвы до Царского Села император проделал за 41 час, в очередной раз удивив современников своей быстротой. Два дня спустя в Красном Селе состоялись малые маневры, а в начале октября парад в манеже. Император выглядел бодрым, и петербургские жители восторженно приветствовали его.

Каждый из рассказов о путешествиях императора Николая Павловича по-своему интересен, но особо выделяется среди них рассказик ямщика Померанского яма Гаврилы Пахомова, записанный священником Я. Лавровым. Священник, по-видимому, уже пожилой человек, дрожащей рукой старательно выводил каждую букву и сохранил для нас образную простонародную речь, которая нечасто встречается в мемуарных записках. К тому времени ямщика уже не было в живых, но, очевидно, этот рассказ от многократного повторения прочно, в мельчайших подробностях запечатлелся в памяти священника. В публикуемые тексты внесены лишь незначительные исправления в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Сохранены даже стилистические погрешности, нескладные выражения и ошибки в правописании, передающие характер живой разговорной речи.

Л. А. Булгакова

**Подтверждение указа 11 августа 1802 г.
о запрещении торжественных встреч при путешествиях
высочайших особ. 20 апреля 1826 г.**

На счет встречи от губернаторов при высочайшем путешествии. В именном высочайшем указе блаженной памяти государя императора Александра Павловича, 11-го августа 1802 года правительствующему сенатору данном, изображено: «Во время последнего путешествия моего чрез некоторые губернии, усмотрев, что хотя и были объявлены предварительные приказания, дабы никаких приуготовлений особенных и к отягощению обывателей, относящихся по случаю сего путешествия, чинимо не было, некоторыми местными начальствами допущены однако же были разные распоряжения тому противные, как-то в городах и селениях устроены были с известными украшениями ворота, улицы усажены деревьями и освещены огнями и тому подобные сделаны были народные приуготовления. Я признал нужным, чтоб в пресечении оных на будущее время в подобных случаях моего собственного или других особ императорского дома путешествия, Правительствующий Сенат предварительно и раз навсегда предписал: 1) чтоб ни для встречи, ни для провожания никто и нигде от начальства наряжаем не был; 2) чтоб дороги на случай путешествий особенно нигде починиваемы не были, но были бы исправляемы в обыкновенное время. 3) То же самое разумеется еще с большею силою об украшении в селениях улиц и об усаживании их деревьями без корней к напрасному только истреблению леса без пользы и единственно для виду на случай путешествия. 4) Чтоб для приема на станциях дворяне не были наряжаемы, кроме одного заседателя земского суда, или по усмотрению дворянских предводителей по одному или по два человека из дворян для распорядка подвод и исправности в платеже прогонных денег»[1].

Тверской гражданский губернатор Борисов[2], основываясь на сем указе, испрашивал разрешения, выезжать ли ему для встречи Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны во время путешествия Ее Величества чрез Тверскую губернию[3].

На сие я сделал губернатору отзыв, что означенный высочайший указ, хоть воспрещает во время путешествия высочайших особ такие встречи, для коих потребовались бы нарочитые приготовления, сопряженные с излишними издержками и с отягощением обывателей, но как за всем тем отклонение могущих встретиться затруднений в совершении таковых путешествий и доставление высочайшим особам всевозможной удобности и спокойствия в подобных случаях остается на обязанности начальников губерний, то в сем соображении относительно высочайшей особы государыни императрицы Марии Феодоровны признается соответственнейшим званию губернатора действием встретить Ее Величество на границе Тверской и проводить до границы Московской губернии.

Долгом поставляя всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величе-

ству о вышеизложенном, осмеливаюсь испросить всемилостивейшее повеление, благоугодно ли будет, чтоб от губернаторов деланы были встречи на границах губерний Вашему величеству и государыне императрице Александре Федоровне во время путешествия.

Управляющий Министерством внутренних дел[4]
Апрель 19 дня 1826 года

<Собственноручная резолюция Николая I на полях> Для меня ни под каким предлогом и совершенно никому не выезжать и не встречать вне места своего постоянного пребывания. Матушку встретить однем губернатором.

Публикуется по: РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4658. Л. 16–17. Подлинник. Данное подтверждение не вошло в ПСЗ. Вероятно, торжественные встречи императора и членов императорской фамилии продолжались, так как 24 мая 1828 г. последовал именной высочайший указ Сенату «О воспрещении военным и гражданским чинам во время путешествий Его Величества делать встречи». В нем говорилось: «Государь император высочайше повелеть соизволил: чтобы впредь, во время путешествий Его Величества никто из чинов, как военных, так и гражданских, разумея тут и градскую, и земскую полицию, ни на пространстве уездов, ни во въездах в города ни под каким предлогом не встречал и не провожал Его Величества, кроме тех случаев, в коих может последовать особое по сему предмету высочайшее повеление. Обыкновенные встречи должны быть только в однех квартирах городов, где государь император изволит останавливаться» (ПСЗ II. № 2050).

1. Указ Александра I от 11 августа 1802 г. «О нечинении никаких особенных распоряжений для встречи государя императора и членов императорской фамилии в городах и селениях на случай путешествия высочайших особ» (ПСЗ I. № 20366).

2. Действительный статский советник Василий Адрианович Борисов был тверским губернатором в 1826–1830 гг.

3. Вдовствующей императрице Марии Федоровне предстояло совершить путешествие в Калугу, где она должна была встретиться с другой вдовствующей императрицей — Елизаветой Алексеевной, выехавшей туда из Таганрога 22 апреля 1826 г. Однако в пути здоровье императрицы Елизаветы Алексеевны ухудшилось, и она вынуждена была остановиться в городке Белёве Тульской губернии, где 4 мая скончалась.

4. Во главе Министерства внутренних дел в 1823–1828 гг. стоял Василий Сергеевич Ланской (1753–1831).

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

А. Семенов

Император Николай I на Козинской станции.
(Из семейных преданий). [1830-е гг.]

Без сомнения, исторические журналы наиболее интересны тем, что они, заключая в себе хотя бы отрывочные сведения из минувшего, в общем дают много материала к характеристике прошлого и его деятелей.

На этом основании необходимо построить положение, что всякое сообщение какого бы то ни было факта, но только именно факта, имеет свое значение, так как совокупность мелочей, как известно, почти всегда обусловливает совершение крупного целого.

Эпохе царствования императора Николая Павловича и особенно его личности на страницах наших исторических журналов посвящено уже было много и воспоминаний, и отдельных монографий, но ими, конечно, далеко еще не все исчерпано.

При желании принести в общую сокровищницу и свою посильную лепту мы намерены передать здесь один момент из жизни покойного государя, когда случай близко свел с ним нашего деда, до конца дней своих благоговейно чтившего память этого поистине великого государя.

В тридцатых годах настоящего столетия, когда имел место сообщаемый нами эпизод[1], о нынешних путях сообщения еще не было и речи; в то время, как известно, железные дороги с их современным удобством заменялись почтовыми трактами, с воспоминаниями о которых тесно связаны такие термины, как «подорожная», «перекладные», «по казенной надобности» и проч.; теперь все это — «преданье старины глубокой», а если оно и осталось еще где-нибудь, так только разве на далеких окраинах, куда не совсем еще проникла цивилизация нашего «железного» века.

На одном из таких трактов, ныне замененных железнодорожною линиею Москва — Ростов, состоял станционным смотрителем Козинской, близ г. Павловска, Воронежской губ[ернии], блаженной памяти, дед. Он по существу являл собою тип тогдашнего станционного смотрителя и, по выражению князя П. Вяземского, был настоящий

Коллежский регистратор
Почтовой станции диктатор,

или, как сказал Пушкин, — «сущий мученик четырнадцатого класса...»[2].

Великий поэт в своем рассказе достаточно обрисовал, что такое станционный смотритель, его положение и его обязанности; поэтому в отношении нашего деда мы прибавим лишь только то, что он отличался строгим исполнением своего тяжелого долга и был отцом многочисленного семейства.

В описываемое время известным стало, что государь имеет отправиться на юг, кажется для личного участия в разрешении обострившегося тогда кавказского вопроса. Понятно, что с этою вестью вся дорога, по которой пролегал путь августейшего путешественника, далеко ранее до его проезда приняла необычно

оживленный вид: чинились подгнившие мосты, поправлялись рвы, прибирались станционные домишки, подтягивались и сами станционные смотрители, вытаскивая на свет божий завалявшиеся мундиры и шпажонки, откармливались захудалые лошади и приводились в исправность ямщики... Одним словом — полный застой дела и жизни сменялся кипучею деятельностью.

В общем суетливом движении не отстала и Козинская станция. В ней, как и в других, такая кипучая деятельность, благодаря заботам деда и его достойной старухи, исполнялась с еще большим рвением; бабушка была изрядная хозяйка: она при этом случае в короткий срок выказала столько уменья, ловкости и энергии, что другая не осилила бы ее труда и в более продолжительное время. Убогое помещение для царственных гостей или, как громко оно называлось, «царские комнаты», были приведены ею в надлежащий, по крайней мере опрятный, вид, внутренние, смотрительские, апартаменты подверглись фундаментальной ремонтировке — в них все белилось, мылось и прибиралось...

В назначенный день постепенное приближение государя возвещалось то и дело скакавшими фельдъегерями и курьерами. Наступавшая торжественность минуты всецело овладевала чувствами и мыслями деда, он был ажитирован до мозга костей и, прифранченный мундиром и шпагой, вглядывался в туманную даль...

Меж тем бабка, спокойная и величавая, заботилась уже о самой встрече монарха: она всю кучу детей из особой предосторожности и «на всякий случай», как говорила после, запрятала в чулан, накрыла столы белоснежными скатертями и затеплила лампады пред киотами.

Наконец на горизонте показалась черная точка; точка эта, увеличиваясь все больше и больше, приближалась все ближе и ближе... По нервам всех пробежала дрожь. Еще один момент — и государь на станции...

Но, как и часто бывает в жизни, где великое, серьезное чередуется с мелким и смешным, так и в данном случае: пустая оплошность чуть было не повела к неприятным последствиям, которые могли быть тем более печальными, что оплошность эта стряслась именно тогда, когда бы ей вовсе не следовало быть. Дело в том, что, запирая приготовленное для высокого гостя помещение, случайно оставили в нем громадного дворового пса... Он несколько времени мирился с положением заключенного, чувствуя, быть может, себя в положении «халифа на час», но когда его слуха коснулся шум необычайного движения во дворе, понятно, в нем проснулся со всею силою собачий инстинкт, призывавший к исполнению гражданского долга, и он не замедлил явиться туда по прямому сообщению, чрез окно, разбив вдребезги стекла двух оконных рам!..

Можете представить положение и ужас, охвативший станционного смотрителя?.. Провалиться бы сквозь землю, да уже поздно: государь на станции...

Он вышел из кареты, по обыкновению, серьезный и, видимо, несколько утомленный; следом за ним — наследник цесаревич, впоследствии император Александр II, тогда совсем еще юный, красивый и цветущий. Дед, растерявшийся вконец, приложил дрожащую руку к своей треуголке и на приветствие его величества не сразу ответил коснеющим языком.

Государь направился в дом. Здесь коленопреклоненная жена смотрителя имела счастие поднести его величеству собственного печения черный хлеб и соль;

проходя затем в свои покои, он как-то быстро, отрывисто спросил ее: «Это что у тебя, старуха, — свиньи что ли?».

— Детки, Ваше Величество, детки.

— Как детки?!.. Зачем они здесь?..

Новая неожиданность!.. Детишки, мал мала меньше, запертые в чулан, несмотря ни на угрозы, ни на обещание гостинца, не усидели смирно и в самый решительный момент выдали себя взрывом смеха, плача и возни. Обезумевшая мать не нашлась, что ответить государю, и он, на счастье, не ожидая ответа, прошел далее.

Между тем как ближайший по пути дальнейшего следования город Павловск готовился к торжественному приему государя, и именитые его граждане мечтали о счастии предложить ему стол, он завтракал уже в скромной Козинской станции чем Бог послал, а в том числе и поднесенным ему простым ржаным хлебом.

Отправляясь затем далее, Его Величество благодарил бабку пятьюдесятью рублями ассигнаций и на прощанье сказал ей:

— Все хорошо: чисто, хлеб вкусный — спасибо; но битые стекла вставить надо — дует, да и детей незачем прятать — не зверь, не съем...

Слова эти глубоко врезались в память покойных стариков, и в продолжении их долгой жизни, окончившейся уже в преклонных летах, они не раз и в неизменно одной и той же форме передавали их и своим детям, и детям их. Оставшиеся на столе после трапезы государя немногие корочки от поднесенного ему хлеба береглись как святыня, а заветные ассигнации долго-долго не разменивались.

Мы не вполне бы кончили наше сообщение, если бы не сказали ничего про наследника-цесаревича: впечатление, произведенное им на стариков, весьма было знаменательно — они сравнивали его с «ангелом небесным» и во всех его движениях видели что-то неземное; и не ошибались: будущий император Александр II, Царь-Освободитель, и тогда уже являл в себе много прекрасного, которым впоследствии так глубоко прониклось все его незабвенное царствование.

3-го Мая 1889 г.
г. Москва

Публикуется по: ОР РНБ. Ф. 849. К. 4. № 11. Л. 43-45 об. Писарская копия.

1. Николай I побывал в этих краях осенью 1832 и 1837 г.

2. Эпиграфом к одной из «Повестей Белкина» — «Станционный смотритель» — А. С. Пушкин взял процитированные строки стихотворения П. А. Вяземского «Станция», изменив «губернского регистратора» на «коллежского». Чина губернского регистратора не было. Станционные смотрители пользовались правами чиновников 14-го класса, низшего чина «Табели о рангах» — коллежского регистратора.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

Н. А. Докучаев
Памятный эпизод из поездки Государя Николая Павловича по России в 1836 году. (Из рассказов священника-старожила)

В вакационное время нынешнего года мне пришлось гостить у дяди моего, священника с. Домосердок А. Тр-ского[1]. Раз как-то в беседе между прочим у нас зашла речь о Чембаре и именно о пребывании государя императора Николая Павловича в этом городе, по случаю катастрофы, происшедшей с ним вблизи города.

— «Да, — произнес мой дядя, — в свое время много было толков о причине этой катастрофы; но до сих пор еще никто не мог этого выяснить, хотя в надлежащее время было даже произведено по этому поводу формальное следствие. Одни утверждают, что виноват тут ямщик, который, сидя на козлах, задремал; другие всю вину взводят на солдата Байгузова из с. Кевдо-Вершины[2]; будто бы он, желая принести жалобу государю лично и опасаясь, что местные власти его до этого не допустят, спрятался в овраге и, как только государь император с ним поравнялся, выбежал из-под моста и тем напугал лошадей. Но все эти объяснения далеки от истины».

Я, конечно, поинтересовался этим и попросил рассказать этот факт более определенно.

Он изъявил свое согласие.

— 1836 года в конце августа, — так начал рассказ мой дядя, — государю Николаю Павловичу надлежало из Пензы проехать чрез Чембар в Тамбов, где его ожидала государыня императрица. Ближайшее селение к Чембару было Кевдо-Вершина, на расстоянии 17 верст от города[3]. На эту станцию должны были выставить лошадей ямщики большого Московского тракта, крестьяне с. Кутли Мокшанского уезда[4], именно Абаронов, Суханов и Голубев.

В Кевдо-Вершину государь император прибыл уже в 11 часов ночи[5]. Ночь была ясная, безоблачная. Смена лошадей по обыкновению заняла не много времени. В число запряженных лошадей в экипаж государя императора попали и лошади Суханова с Абароновым; последний был даже назначен форейтором до Чембара.

Верстах в 6 от этого города дорога прерывается оврагом, чрез который перекинут мост[6]. Когда экипаж государя подъехал к этому мосту, лошади вдруг чего-то испугались, бросились в сторону, и экипаж сильно накренился на бок. Государь от неожиданного толчка не мог удержаться и упал, причем повредил ключицу правой руки[7]. Оставив экипаж, государь император в сопровождении своей свиты быстро пошел к Чембару пешком[8]. В полуверсте от города государя встретил начальник внутренней стражи, подпоручик Грачев, переведенный из Измайловского полка, где он служил фельдфебелем.

— А, Грачев! — произнес государь, узнавши личность последнего.

— Здравия желаю, Ваше Величество! — приветствовал Грачев.

— Знаю, что желаешь, да вот, брат, не здоровится! — и государь указал на больную руку.

— Бог милостив, Ваше Величество; будем молиться!

— Да, молитесь! — ответил задумчиво государь и молча пошел дальше.

Помещение для государя приготовлено было в новом училищном здании[9]. Устроивши государя в этом помещении, нужно было позаботиться и о скорейшей медицинской помощи. Но лейб-медик со всем штатом находился в то время за 280 верст, в Тамбове, а чтобы вызвать его, нужно было, следовательно, прождать не менее 2-х суток, между тем как помощь требовалась немедленная[10].

Призван был единственный чембарский врач — некто Цвернер, который от смущения и робости до того растерялся, что долгое время никак не мог справиться с бинтами[11]. Государь старался всячески ободрить его. Наконец, рука государя была забинтована, да так искусно, что прибывший через два дня придворный доктор был просто поражен искусством уездного врача[a].

За удачной операцией выздоровление государя пошло довольно быстро, так что через 8 дней он был в состоянии продолжать свое путешествие[12]. Пред отъездом 7-го сентября, накануне Рождества Пресвятыя Богородицы, государю угодно было принести благодарение Господу по случаю своего выздоровления и выслушать в своем помещении всенощную. Призван был местный о[тец] протоиерей и причетник. С робостию произнес о. протоиерей обычное начало всенощной, а когда вместо голоса своего причетника вдруг услышал чистый, гармонический бас самого государя, то до того смутился, что совершенно позабыл даже самый порядок службы.

— «Приидите поклонимся» следует петь, — напомнил государь, и служба, на которой государь сам и пел, и читал, пошла без перерыва.

Щедро награждены были служители церкви: о. протоиерей получил 500, а причетник 200 руб. асс[игнациями].

Между тем, ямщик, везший государя в Чембар, во время болезни его был арестован и над ним производилось следствие, которое, однако же, ничего не выяснило; ямщики заперлись: «Знать не знаем, ведать не ведаем!» И подозрение во всем этом пало на солдата Байгузова. Правда, Байгузов находился при катастрофе, — он первый помог государю высвободиться из неприятного положения, за что и получил в благодарность от государя «синенькую», т. е. 5 руб. асс[игнациями]. Но чтобы Байгузов действительно послужил главной причиной несчастия с государем, этого не доказано. Притом, весьма странным кажется и то обстоятельство, что кучера при допросе совсем не указывали на Байгузова как на главного виновника катастрофы.

Не менее сомнительного свойства и другое объяснение, будто катастрофа произошла от того, что задремал кучер; сомнительно и даже невероятно, чтобы кучер мог допустить такую капитальную оплошность, зная, кто вверен его охранению.

Дело было несколько иначе, и всю суть дела я узнал случайно, спустя уже несколько лет после описанной катастрофы.

В мае 1843-го года я поступил священником в село Кутлю Мокшанского уезда, где и пробыл священником почти до конца 1848-го года. Имение это принадлежало г. Дяткову и Легошину. Происшествие с государем императором было еще

---

[a] Впоследствии Цвернер был вызван в С.-Петербург и определен лейб-медиком Его Императорского Величества — *примеч. автора.*

в свежей памяти очень у многих. Тут-то я случайно узнал, что Абаронов, Суханов и Голубев, о которых я говорил как об очевидцах и даже действующих лицах катастрофы, были прихожанами именно моего прихода. Времени со дня катастрофы прошло уже довольно, а интерес мой узнать истину от самих очевидцев был силен. Но сколько я ни расспрашивал ямщиков, толку от них не мог добиться никакого. Как только дело касалось больного места, всегда получался один и тот же ответ: «Знать не знаем, ведать не ведаем».

Между тем, я заметил, что от Абаронова и его семейства его односельчане от мала до велика как-то сторонятся, бегают как от каких-нибудь зачумленных, презирают их, хотя в то же время титулуют самого Абаронова «царским форейтором». Что это? Простая ли насмешка над Абароновым, или в ее происхождении таятся какие-нибудь серьезные данные? У меня закралось сомнение: правда ли, что падение экипажа государя императора было делом простой случайности? Любопытство мое росло, но добиться я ничего не мог, пока, наконец, не помог мне простой случай. Идя раз по селу, я встретил ямщика Голубева, как говорится, «под хмельком» и с выражением страшного неудовольствия на лице.

— Что ты такой сердитый? — спросил я его.

— Да вот, — отвечал он мне, — опоздал придти на станцию и через это прозевал гон.

— Кто же перебил у тебя? — говорю.

— Форейтор царский, каналья Абаронов, — и Голубев при этом сплюнул.

Видя в нем возрастающий гнев на Абаронова и вспомнив, что и Голубев был действующим лицом при падении государя императора, я, надеясь что-нибудь от него выпытать по этому поводу, стал его подзадоривать против Абаронова. Между прочим кольнул его самолюбие и тем, что Абаронов-де все-таки царский форейтор, а он, Голубев, простой ямщик.

— Не понимаю, — сказал я, продолжая с ним беседу, — почему вы, как бы в насмешку и с презрением называете Абаронова царским форейтором? Ведь это вовсе не позор, а честь и даже большая честь Абаронову...

Голубев только кусал с досады губы и молчал.

— Скажи, пожалуйста, — продолжал я, — дело уже прошлое, — верно, экипаж государя упал не случайно, а есть тому какая-нибудь причина, которую вы почему-то скрываете, иначе вы не смеялись бы над Абароновым.

Голубев вдруг остановился, вздохнул и проговорил: «Эх, батюшка, вы священник, да и дело-то уже, действительно, прошлое; вам бы я, пожалуй, и сказал, да мы все трое дали зарок не говорить об этом никому. Ну, да была — не была, — продолжал Голубев, возвысив голос и махнув рукой, — вам расскажу все до капли, все равно как на духу: тут виноват во всем Абаронов, и как мы допустили этому случиться, и сами не знаем. Вот как это дело было.

Когда приказано было закладывать лошадей под экипаж государя императора, смотритель станции, а потом и сам царский кучер строго-настрого наказали нам закладывать лошадей молча — разговаривать и даже шептаться было строго запрещено, а тем более было запрещено гаркать и свистать дорогою на лошадей. Закладывать лошадей для нас, конечно, было дело привычное, дело одной минуты; форейторские лошади были Абаронова и Суханова. Абаронова лошадь, признан-

ная знатоками-ямщиками за сильнейшую, была приезжена и приучена под седло, а Суханова лошадь — послабее, приучена была ходить под рукой форейтора. Лошади приучены были отлично и на своих местах всегда шли прекрасно, так что если бы они запряжены были как следует, то ничего бы и не случилось. Но тут-то вот и вышла история! Заложив дышловых, мы увидели, что Абаронов сплутовал и вместо своей привычной лошади оседлал лошадь Суханова, которая к седлу была непривычна, да и слабее Абароновой, как я уже говорил. Видя такую проделку Абаронова, мы с Сухановым просто помертвели от страха, отлично зная, что своей лошади ему не сдержать под рукой, а лошадь Суханова не выдержит езды под седоком. Сказать же об этом смотрителю станции или царскому кучеру мы не могли, потому что говорить нам было запрещено. И наши опасения, действительно, сбылись. Как только мы стали съезжать под горку и стали осаживать разгоряченных лошадей, лошадь Абаронова, как разгоряченная более всех остальных, стала рваться и забегать вперед. Абаронов силился сдерживать ее, но, растерявшись от своей оплошности, сделать этого уже не смог, и его лошадь рвалась и рвалась вперед, пока наконец не смяла подседельную и не потащила за собою корневых. Экипаж с дороги сбился, от неожиданного поворота накренился на бок и упал, а с ним и государь император».

— Вот что я слышал от Голубева, брата его и от Суханова, — закончил свой рассказ мой дядя. Чтобы проверить этот рассказ, я неоднократно расспрашивал о том же и Абаронова, но сознания добиться от него долго не мог. Всю суть дела Абаронов раскрыл уже на смертном одре при посторонних лицах. Рассказ его вполне согласовался с рассказом Голубева с Сухановым.

— Мой грех, — говорил умирающий Абаронов, — враг меня попутал, пожалел свою лошадь, думал, что управлюсь и так. Кабы знал да ведал, что случится такая оказия, лучше бы задушил свою лошадь, чем принимать на себя такой грех.

Форейтор Абаронов умер в 1848 году от холеры, вполне примиренный с своей совестью чистосердечным раскаянием в своем необдуманном поступке.

Училищное здание, где имел временное пребывание государь император, обращено в церковь, а дом смотрителя — в пансион для 10 бедных дворянских детей.

В консисторском указе, полученном благочинным В. А. Керским чрез Н[ижне]-Ломовское правление дух[овного] училища 11-го мая 1838 года, писалось так: «Пензенская духовная консистория слушали указ Святейшего Правительствующего Синода, последовавший от 31 декабря 1837 года к Его Преосвященству, Амвросию Пензенскому и Саранскому и кавалеру[13], в коем прописано, что Святейший Правительствующий Синод слушали предложение г[осподина] синодального обер-прокурора и кавалера графа Николая Александровича Протасова[14], следующего содержания: „г[осподин] министр внутренних дел[15] сообщил ему, обер-прокурору, что дворянство Пензенской губернии на бывших в феврале того 1837 года дворянских выборах составило постановление, чтобы в ознаменование Высочайшего Его Императорского Величества посещения Пензенской губернии в 1836 году и в воспоминание выздоровления Его Величества учредить на счет всего дворянства в г. Чембаре при уездном училище пансион для 10 бедных дворянских детей; сверх сего в доме, где Его Императорское Величество изволил иметь пребывание, устроить домовую церковь, для отправления в оной во все торжественные и

праздничные дни службы и молебствия о драгоценном здравии государя императора и всего августейшего дома; для сего дворянство предположило собрать со всех помещичьих имений по числу владеемых душ единовременно 32 тысячи рублей на устроение церкви и помещения для воспитанников, и ежегодно по 5 тысяч рублей на содержание их и служителей и на жалованье священнику с причтом, предоставляя себе при выборах составлять положения о прибавках потребной суммы в случае существенной на то надобности. Вследствие сего по предварительному соглашению с господином министром народного просвещения[16] г[осподин] статс-секретарь Блудов представлял помянутое постановление Пензенского дворянства на усмотрение Комитета гг. министров. Ныне государь император по положению Комитета изволил изъявить Высочайшее соизволение на приведение в действо означенного постановления Пенз[енского] дворянства с тем, чтобы предполагаемый сбор денег с помещиков производим был тем же порядком, какой установлен дополнением к 512 ст. продолжения 4 тома устава о земских повинностях для сбора денег, жертвуемых дворянством на учреждение и содержание пансионов при гимназиях“[17]. При сем последовало собственноручное Его Императорского Величества повеление: „Благодарить чрез министра внутренних дел“. О сем высочайшем соизволении он, г[осподин] обер-прокурор, объявляет к сведению Святейшему Синоду»[18].

Церковь, освященная в том же 1838 году в честь праздника Рождества Пресвятыя Богородицы[19], существует и до сих пор, а пансион в конце пятидесятых годов упразднен.

Публикуется по: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 4282. 12 л. Ноябрь 1887 г. Автограф Н. А. Докучаева.

1. Священник с. Домосердок А. Тр-ский — вероятно, А. И. Троянский — автор воспоминаний, помещенных ниже.

2. Отставной унтер-офицер Байгузов возвращался в родное село и случайно оказался поблизости от места происшествия.

3. Село Кевдо-Вершина находилось в 14 верстах от Чембара и в 17 верстах от последней почтовой станции Мачалейки, через которую проехал государь.

4. В селе Старая Кутля Мокшанского уезда Пензенской губернии, через которое проходила почтовая дорога из Пензы в Москву, находилась большая почтовая станция.

5. В Кевдо-Вершину император прибыл уже после полуночи.

6. В бюллетене о здоровье государя сообщалось, что несчастный случай произошел в 5 верстах от Чембара.

7. У государя была сломана левая ключица вблизи грудины.

8. Как таковой свиты не было. В коляске по правую руку от Николая I ехал его постоянный спутник, шеф жандармов, главный начальник III Отделения, командующий Императорской Главной квартирой, генерал-адъютант граф А. Х. Бенкендорф, который отделался легким ушибом. На козлах экипажа сидели ямщик и камердинер государя, сильно пострадавший при падении.

9. Николай I расположился в доме уездного училища, состоявшем из трех классных комнат, зала и прихожей.

10. Николай Федорович Арендт (Аренд) (1785–1859) — лейб-медик (1829–1839), ехал вслед за государем на расстоянии одной станции.

11. Оставшись довольным сделанной чембарским уездным врачом Федором (Фридри-

хом) Христиановичем Цвернером перевязкой, император поручил ему дальнейшее лечение своей болезни, которое проходило под наблюдением Н. Ф. Арендта. В награду за лечение императора Цвернеру было выплачено 2 тысячи рублей и 5 тысяч рублей отпущено на строительство больницы, которая существует и сейчас как Белинская центральная районная больница. Лекарь Цвернер не стал лейб-медиком, как считает автор, но, действительно, был переведен в Петербург, где служил одним из врачей для пользования больных чиновников Придворного ведомства, а затем младшим врачом при госпитале Придворной конюшенной конторы Министерства императорского двора. Цвернер закончил службу в чине надворного советника, кавалером ордена Св. Анны 3-й степени.

12. Происшествие случилось в ночь на 26 августа, а 8 сентября в 9 часов утра император выехал из Чембара, пробыв в нем ровно две недели.

13. Амвросий (Морев) (1783–1854) был епископом Пензенским и Саранским в 1835–1854 гг.

14. Граф Николай Александрович Протасов (1798–1855) — обер-прокурор Святейшего Синода в 1836–1855 гг.

15. Министром внутренних дел в 1832–1839 гг. был упомянутый ниже статс-секретарь Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864).

16. Министром народного просвещения в 1833–1849 гг. был Сергей Семенович Уваров (1786–1855).

17. См.: Положение Комитета министров 19 мая 1836 г. «О порядке сбора сумм, жертвуемых дворянством на содержание пансионов при гимназиях» (ПСЗ II. № 9184).

18. См.: Постановление Комитета министров от 14 декабря 1837 г. «Об учреждении пансиона при чембарском уездном училище» (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. II. Отд. 2. № 591).

19. Николай I выехал из Чембара в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, считавшийся днем его выздоровления. На месте комнаты, служившей императору кабинетом, был сооружен алтарь.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

А. И. Троянский
Происшествие в Чембаре. [1836 г.]

В 1836 году я учился в Пензенской семинарии в риторическом классе (низшее отделение семинарии)[1], куда после каникул в первых числах сентября прибыл из дома. По прибытии в Пензу узнали мы, что Пензу посетил государь император Николай Павлович, и по причине болезни находится в г. Чембаре. Все сожалели, что с государем случилось такое несчастие — разбил лошадь и упал с экипажем, почему и старались дознать причину — от чего бы мог упасть экипаж с государем, но никто ничего узнать не мог, и как говорят, и следствие ничего не могло раскрыть. Ямщики упорно скрывали настоящую причину падения экипажа с государем.

В 1843-м году в мае месяце я переведен был на священническое место в село Старую Кутлю Мокшанского уезда, — чрез это село проходила тогда из г. Пензы на Москву почтовая дорога. По этой дороге проезжали и в г. Нижний на ярмонку[a]

[a] Так в тексте — *сост.*

купцы; армяне и персияне в дилижансах. На станции при с. Кутле построен был большой почтовый дом еще в 1824-м году к проезду императора Александра I-го. На станции содержалось несколько троек лошадей для проезжающих[2].

Однажды, проходя по улице, я случайно услыхал, что один ямщик кричит на другого: «Разошлись, а на станции-то кто остался?» — «Царский фалейтор», — был ответ. Услыхав такое название, я полюбопытствовал было, за что дана такая кличка ямщику и кому имянно?[b] Мне сказали, что Абаронову (имя забыл). Чать[c], он возил государя-то, как его под Чембаром-то ушибли, — фалейтором был. Более того, сколько я не допытывался, отчего случилось такое несчастие, ничего не мог узнать от ямщиков. Как только заведешь об этом речь с кем-либо, или уходит, или ответит, что он ничего не знает. Ямщики вообще народ скрытный; у него на первом плане нажива и деньги.

В 1848-м году в с. Старой Кутле свирепствовала холера. В августе месяце померло от нее человек до ста. Во время этой холеры я внушал прихожанам, чтобы они воздерживались от пьянства, потому что холера всего более пристает к пьяным. Не помню я, какого числа в августе месяце, во время холеры, проходя с требой, я вышел на большую улицу (церковь и священнический дом находятся в переулке, в стороне), а вперед меня саженях в 20 шел пьяный мужик и пел песню. Я спросил стоявшего у своих ворот крестьянина ямщика Дмитрия Голубева: «Кто этот поет песни и пьяный?» — «Знамо царский фалейтор, — ответил мне Голубев. — Он увез мой гон, я запоздал придти на станцию, да и пропивает деньги-то». Этого царского фалейтора Абаронова ненавидели все жители Старой Кутли собственно с того времени, как случилось несчастие с государем, а ямщики особенно. Этот случай я нашел самым удобным выведать от Голубева: отчего произошел несчастный случай с государем императором под г. Чембаром, так как по своей опытности ямщики эти не допускали ничего подобного с обыкновенными проезжающими. Ямщик Голубев рассказал следующее: «Пред проездом государя императора нас ямщиков откомандировали, — говорил он, — Абаронова, Суханова и его, Голубева, на станцию Кевдовершину, — под Чембар[3]. Пред этой командировкой Абаронов и Суханов купили в Пензе двух ценных лошадей, молодых, мало еще езжанных, и их они должны были взять с собою обеих. В течение недель двух мы, — сказал он, — лошадей всех приучали ездить шестериками. Абаронова и Суханова лошади как лучшие назначены были под государя. Вновь купленные Абароновым и Сухановым приучены были ездить в выносных, а имянно Абаронова, как сильная и более других бойкая лошадь, приучена была под седлом, а Суханова, послабее — в подручных. При такой закладке лошадей проезжали ежедневно до Чембара и обратно. Все любовались лошадьми и ездой. Лошади приучились так к езде, что лучшего было и желать нельзя», — и замолчал. Я вновь начал вызывать Голубева на продолжение рассказа, и Голубев, мотнув головой, решился досказать; но предупредил просьбою не говорить никому об этом, — и я дал слово. «Ну, сказать что ли уж все. Получили мы известие, — говорил он, — что государь в Пензе, потом — выезжает. Все со страхом ждали. Было поздно, лошадей всех вывели со

---

[b] Так в тексте — *сост.*

[c] Чать *(устар.)* — вводное слово, то же, что чай — *сост.*

двора и ждали. В полночь государь подъезжает к станции. У нас, — говорил он, — были зажжены фонари. Как только подъехал государь, мы, — сказал он, — тотчас же принялись откладывать лошадей, на коих приехал государь, и стали закладывать приготовленных. А так как смотритель станции предупреждал нас, чтобы мы закладывали лошадей молча, чтоб никто не смел ни покнуть[d], ни свистнуть, то же поутвердил и камердинер государя, с ним приехавший (камердинера он называл царским кучером), каждый из нас исполнял свою обязанность молча. Абаронов закладывал как назначенный фалейтором (он был небольшого роста, коренастый, обладал физической силою) выносных лошадей. На Абаронова никто не обратил внимания. Но Абаронов, никем не замеченный, снял с своей лошади седло и оседлал лошадь Суханова, которая приучена в подручных, и поставил свою в подручные, а Суханова под седло. Как успел он это сделать, не понимаю», — сказал Голубев. «Не заметил бы и я, — говорил Голубев, — но когда скомандовали осмотреть нашильники[4], возжи[e] и проч., осматривать стал и я. Между прочим, кучера уже сели и подобрали возжи, и стали трогать лошадей. Тут лишь я увидал проделку Абаронова, и как увидал, так и обмер на месте. Тут же подумал я — быть беде, — так и случилось. Так как Абаронова лошадь, взятая им в подручные, была много сильнее Сухановой и горячая, да и приезжена под седлом, то и начала сбивать с дороги Суханову лошадь — не приезженную под седлом и более слабую — в сторону. Абаронов, несмотря на то, что был опытный ездок и обладал хорошею силою, на которую, быть может, и надеялся, переменяя лошадей, не мог сладить с лошадьми. Его лошадь сбила подседельную на тратуар[f]. Два колеса, переднее и заднее, въехали на него (тратуар везде на дороге возвышен). Лошади сбили Абаронова с седла и, никем не управляемые, повернули в сторону, экипаж подвернулся и упал вместе с государем».

«Показали ли вы это при следствии-то?» — спросил я. — «Нет, — ответил он, — об этом умолчали». — «Почему же?» — «На всех напал страх, ничего никто не мог говорить. Как случилась эта беда, кто-то прискакал обратно и закричал: «Фельтьегорских лошадей», — ему лошадей подали. Потом еще кто-то прискакал и потребовал лошадей, а их нет. Смотритель станции со страха спрятался в конопле, его насилу нашли. Все были в страхе, чего тут говорить». — «Для чего же Абаронов переменял лошадей?» — «Чтобы облегчить свою лошадь, под седлом тяжелее. Самодур, каналья», — и изругал его. На другой день рано приглашен был я исповедывать и сообщить Св[ятых] Тайн Абаронова, но не успел, — скорая смерть от холеры опередила мой приход.

1901-го года января 2-го дня. Заштатный священник села Домосердок Городищенского уезда Алексей Иванов Троянский.

Покорнейше прошу редакцию журнала Русской Старины сообщение это как самое правдоподобное, если она найдет удобным, напечатать в журнале вашем, предварительно исправив все погрешности и слог, чего я, имея от рода 80-т лет, по слабости зрения не могу.

---

[d] Так в тексте — *сост.*
[e] Так в тексте — *сост.*
[f] Так в тексте — *сост.*

Жительство имею в сельце Дворянской Кеньше в своем имении, Городищенского уезда, Пензенской губ[ернии].

Адрес мой: почт. тел. ст. Базарная Кеньша Пензенской губернии.

Заштатный священник дворянин А. И. Троянский.

Публикуется по: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. №. 4288. 2 л. Автограф без названия, начинается словами:

В редакцию Русской Старины.

От заштатного священника Алексея Иванова Троянского.

1. Семинарии — духовно-учебные заведения, разделявшиеся на три отделения: риторическое, философское и богословское, в каждом из которых учились два года.

2. Село Старая Кутля Мокшанского уезда. См. наст. изд., с. 443, примеч. 4.

3. Станция Кевдо-Вершина. См. наст. изд., с. 443, примеч. 5.

4. Нашильник — широкий ремень от хомута к переднему кольцу дышла в упряжи.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

А. К. Майер
Два рассказа об императоре Николае I. [1840 г.]

Покойный император Николай Павлович имел обыкновение ежегодно летом инспектировать войска, расположенные в разных местностях России.

В один из таких приездов государя в Киев в 1840 году он делал смотр корпусу, которым командовал в то время генерал Кайсаров[1]. В свите государя находился и фельдмаршал Витгенштейн[2]. Желая изъявить свое благоволение корпусному командиру за отличное состояние войск, император сказал: «Паисий Сергеевич, теперь я хочу сделать тебе визит», — и тотчас пошел к дому, занимаемому Кайсаровым. Надобно знать, что дом находился чрез улицу от эспланады, на которой происходил смотр; эспланаду отделял от улицы довольно высокий барьер, который государь перешагнул очень легко; не замечая подле себя фельдмаршала, шедшего до того с ним рядом, государь оглянулся и увидел, что старик Витг[енштейн] по своему небольшому росту не может перебраться чрез слишком высокий для него барьер; тогда Николай Павлович вернулся назад и перенес старого фельдмаршала на своих руках чрез барьер. Толпа народа, следовавшая за государем, увидя такое высокое внимание венценосца к заслуженному ветерану, огласила воздух восторженным «ура!»... Государь милостиво поклонился и, перейдя улицу, вступил в квартиру генерала Кайсарова.

Свидетель этого события, коллежский советник Майер, бывший в то время старшим врачом 6-го Саперного батальона.

В 1864 году я лежал больной в 1-м военно-сухопутном (ныне Николаевском) госпитале[3], где и познакомился с штабс-капитаном фельдъегерем Миллером[4],

который рассказал мне следующий случай. Когда умер председатель Государственного Совета князь Васильчиков[5], которого отпевали в Преображенском соборе, государь, призвав меня, изволил сказать: «Поезжай в Петропавловский собор, и когда будет отходить обедня, приезжай и скажи мне». Подозревая, что государь по рассеянности вместо Преображенского собора приказывает мне ехать в Петропавловский, и, не осмеливаясь переспрашивать, я, проходя мимо двух камер-лакеев, стоявших у дверей кабинета, тихо сказал им: «Помните, куда посылает меня Его Величество». Когда обедня в Петропавловском соборе стала приходить к концу, я возвратился в Зимний дворец и доложил, что обедня в Петропавловском соборе оканчивается; государь в это время разговаривал, стоя у окна с наследником-цесаревичем; обратившись ко мне, Его Величество строго спросил: «Куда я тебя посылал?» — «В Петропавловский собор, Ваше Величество», — отвечал я. «Неправда, я посылал тебя в Преображенский; чем ты докажешь, что не туда ездил, куда был послан?». Тогда я сослался на камер-лакеев, и когда они подтвердили слова мои, то государь, надев каску и перчатки, подошел ко мне, взял под козырек и сказал: «Господин штабс-капитан, прошу меня извинить, конь об четырех ногах, да и то спотыкается».

Коллежский советник А. Майер

Публикуется по: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 4285. 2 л. Черновая рукопись 1870-х гг. без названия. В редакцию журнала «Русская старина» поступила от Дм. Лавр. Михаловского 1 ноября 1880 г.

Александр Карлович Майер — штаб-лекарь, коллежский советник.

1. Паисий Сергеевич Кайсаров (1783–1844) — генерал от инфантерии, произведен в генералы за отличие в Бородинском сражении, затем командовал авангардом казачьего корпуса генерала М. И. Платова и «летучими отрядами».

2. Петр Христианович (Петер-Христиан-Адольф) Витгенштейн (1768–1842) — генерал-фельдмаршал (с 1826), граф, с 1834 г. светлейший князь; в начале Отечественной войны 1812 г. командовал пехотным корпусом в составе 1-й Западной армии, прикрывая петербургское направление; главнокомандующий Дунайской армией во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

3. Первый военно-сухопутный Санкт-Петербургский госпиталь был открыт в 1840 г., в 1869 г. переименован в Санкт-Петербургский военный госпиталь, ныне 442 окружной военный клинический госпиталь имени З. П. Соловьева.

4. Карл Федорович Миллер — фельдъегерь, в 1847 г. подпоручик.

5. Председатель Государственного Совета князь Илларион Васильевич Васильчиков (род. в 1775) умер 21 февраля 1847 г.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

П. Н. Меншиков
Рассказ про государя Николая Павловича. [1841 г.]

В 1841 году, после бракосочетания наследника Александра Николаевича[1], государь император и наследник с супругою посетили Москву. Государь уехал обратно в Петербург 20 мая. В этот же день я отправился в Москву в почтовой карете. Случилось так, что почтовая карета подъехала к станции Рахино[2] в ту самую минуту, когда прибыл туда государь (это было 21 мая в вечернее время). Кондуктор почтовой кареты не трубил, как бы следовало по положению, подъезжая к станции; вероятно, полагал, что теперь трубить не надобно[3]. Государь посмотрел на него и приставил к губам своим руку в виде как держат трубу. Кондуктор догадался и начал трубить. Можно было заметить, что государь в хорошем расположении духа.

Мы (т. е. я и другие пассажиры) выскочили из кареты и стали в толпе, которая окружила государеву коляску, пока продолжалась (две-три минуты) перекладка лошадей. Впереди стоял такой почтенный старец, по-видимому, из ямщиков. Вдруг он подошел к государю и спрашивает: «Откуда взята молодая-то?». Уж конечно, любознательный старичок и добрые люди, около его стоявшие, хотя бы и узнали откуда, не могли бы представить себе, какое это такое государство Дармштатское, кто там владеет, — и государь повелел ответить: «Под Петербургом, у колонистов». Затем государь уехал.

Очень многие из стоявших поблизости при всем благоговейном настроении не могли не усмехнуться. Один только старик, казалось, оставался в недоумении — как это царь повелел сказать шутку.

Публикуется по: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 2362. 2 л. Б. д. Автограф Павла Никитича Меншикова, чиновника Министерства внутренних дел.

1. Бракосочетание цесаревича Александра Николаевича и принцессы Максимилианы Вильгельмины Августы Софии Марии Гессен-Дармштадтской (1824–1880), будущей императрицы Марии Александровны, состоялось 16 апреля 1841 г.

2. Маленькая станция между Крестцами и Валдаем.

3. Подъезжая к станции, полагалось трубить в почтовый рожок, чтобы станционный смотритель выходил встречать почту и ямщики выводили лошадей в хомутах для перепряжки.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

А. Л. Маринов
Эпизод из жизни императора Николая Павловича. [1843 г.]

В 1843-м году назначен был в сентябре месяце смотр войскам покойным императором Николаем Павловичем, который едва ли не чрез год посещал для этого военный город Чугуев[1]. Едва ли нужно говорить о том, с каким сердечным трепетом

все ждали государя, как каждый приучен был думать о собственной исправности и об исправности командуемой им части, как страшны были эти смотры для людей, имевших длинные руки к казенному интересу и неглижировавших своими обязанностями, и с какою верою в справедливую оценку ждали смотра люди, честно служившие. Последние были заранее уверены, что они не останутся без награждений, и, действительно, государь, зная нужду своего войска, получавшего самое скудное содержание, всегда награждал, помимо орденов и чинов, денежными единовременными пособиями как нижних чинов, так равно штаб и обер-офицеров, третным ли жалованьем, а нередко и полугодовым. Это пособие только и давало возможность поддерживать приличную обмундировку, которая обязательно возводилась до щегольства, что ответствовало вкусу императора. Смотр 43-го года окончился блистательно. В постный праздник 14-го сентября[2], на учебном чугуевском поле по приезде императора был отслужен молебен, затем начался церемониальный марш войск, государь был отменно доволен выправкой, свежим видом людей и щегольской обмундировкой. Громкое спасибо, обращенное к каждому полку, войска торжествовали. После многих движений, скомандовано было: «Слезай, вольно». Государь сошел также с лошади и остановился против 3-го кирасирского полка, командир которого полковник Москатиньев известен был за хорошего служаку, но вместе с тем за большого оригинала, не задумывавшегося в своих ответах и на такие вопросы, [на] которые не мог дать положительно удовлетворяющего ответа. Государю это было известно, и он снисходительно смотрел на эту слабость, зная полковника за честного и полезного человека. Обратившись к нему, государь спросил полков[ника]: «Москатиньев, сколько у тебя в полку 7-мивершковых лошадей?». — «380-т, Ваше Величество», — отв[етил] Москатиньев. — «А 6-тивершковых?» — «430-ть». — «А 5-тивершковых»? — «575-ть». — «А 4-хвершковых?» — «Равно с 5-тивершковыми, Ваше Величество!» — «Спасибо, что на свой счет держишь двойной комплект лошадей», — ответил император. Произведя еще несколько эволюций войскам, которые исполнялись по большей части на карьере (были случаи, когда кавалерийские аванпосты должны были на глазах государя переправляться вплавь чрез реку Донец, и не считалось это за особенную доблесть, как мы видим в настоящее время прославление за такие опыты), император собрал войска и с чувством благодарил за службу.

В этот же день приглашены были все генералы, полковые и батарейные командиры к обеденному царскому столу. Общий стол состоял из скоромных блюд, государю же приготовлен был обед из постных блюд, по случаю установленного церковью в день 14 сентября праздника Воздвижения — поста.

Немало было разговоров о чествовании императором установленных постов. Помню очень хорошо, что многие из начальствующих лиц с особенным уважением стали после этого относиться к установленным постам, а глядя на них, и в полках нашлись между офицерами подражатели. Так вообще и все примеры передаются сверху вниз. А. М.

Публикуется по: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 4286. Рукопись представляет собой один сложенный пополам лист, исписанный с обеих сторон мелким убористым почерком. Текст без названия, начинается словами:

«14 сентября 1883 года

Г. Старобельск.

В Редакцию журнала Русская Старина.

Господин Редактор,

Не пригодится ли для Вашего почтенного журнала сообщаемый мною маленький эпизод из жизни покойного Императора Николая Павловича, как лично мне известный. Примите уверения в отличном уважении покорного слуги. Александр Львович Маринов. Старобельский землевладелец».

Рукой редактора журнала М. И. Семевского на письме наложена резолюция: *«благодарить, будет напечатано при удобном случае».*

Александр Иванович Маринов — помещик Старобельского уезда Харьковской губернии.

1. Город Чугуев Змиевского уезда Харьковской губернии являлся центром военных поселений. Николай I часто посещал Чугуев для смотра войск, но в 1843 г. маршрут высочайшего путешествия пролегал по другим местам. Скорее всего, данный эпизод относится к сентябрю 1842 г.

2. Постный праздник 14-го сентября — праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, один из двунадесяти (двенадцати) великих православных праздников, установлен в ознаменование обретения в IV веке главной христианской святыни — креста, на котором по преданию был распят Иисус Христос. Поскольку крест является символом страдания и искупительной жертвы Христа, в праздник Воздвижения соблюдается строгий пост.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

И. А. Аренс
К рассказам из жизни императора Николая I. [1845–1846 гг.]

Помещенный в ноябрьской книжке «Русской Старины» за 1886 г., стр. 491, рассказ Н. Давыдова о становом приставе Обоянского уезда Миллере[1] напомнил мне аналогичный случай, имевший место в сороковых годах при проезде императора Николая через Волынскую губернию с житомирским исправником, коллежским советником Новицким, бывшим впоследствии непременным членом Волынского приказа общественного призрения и, сколько мне известно, давно уже умершим.

Не припомню с точностью, в каком именно году, но кажется, в 1845 или 1846, Николай Павлович должен был проезжать из Варшавы в Киев на маневры собранных там войск[2].

По воле государя в то время было принято за правило вообще, чтобы земская полиция, наблюдая за порядком при высочайших путешествиях, не была сама видима. Поэтому исправники и становые приставы разъезжали в таких случаях в партикулярном платье.

При таких условиях исправник Новицкий находился на последней перед

Житомиром Вильской почтовой станции, имея в готовности у подъезда тройку надежных лошадей и обезопасив свое пребывание и возможность вовремя ускакать вперед — постановкою на пригорке полицейского солдата, который, заметив издали экипаж государя, должен был дать ему знать о том условным сигналом, — продолжал делать свои последние распоряжения.

К несчастью, сигнальщик не успел выполнить данного ему поручения, а между тем вдали уже показался царский экипаж.

Новицкий, завидев его, мгновенно вскочил в повозку и поскакал по дороге в Житомир.

Покойный государь, обладая, как известно, особенною дальнозоркостью, тотчас заметил это и, узнав от станционного смотрителя, что уехавший был исправник, крикнул: «Фельдъегерь, догнать».

«Еду я, — рассказывал Новицкий, — вдруг слышу, что кто-то скачет за мной; оглядываюсь, вижу — фельдъегерь и, думая, что это обыкновенно посылавшийся передовым, начинаю еще более понуждать своего ямщика ехать скорее; но фельдъегерь настигает меня и что-то кричит; предполагая, что, вероятно, его лошади устали и что он хочет пересесть ко мне, велю остановиться и спрашиваю фельдъегеря, что ему нужно; каков же был мой ужас, когда он объявил мне, что государь велел доставить меня к себе, и что я перечувствовал, пока привезли меня обратно на Вильскую станцию, предоставляю вообразить каждому, кто знал грозный облик Николая Павловича.

На вопрос государя, куда и зачем я ехал, я доложил Его Величеству, что ехал по обязанности своей в Житомир.

После этого последовало лаконичное: „Фельдъегерь, на гауптвахту“.

Фельдъегерь, подхватив меня, помчался в Житомир и, сдав меня там на гауптвахту, поехал далее.

Между тем житомирский военный губернатор, которым был тогда генерал-лейтенант Лашкарев[3], ожидал государя на окраине города, где была устроена перепряжка лошадей для него; но не удостоился счастья представиться Николаю Павловичу, ибо царский камердинер объявил, что Его Величество изволит почивать; в сущности же этим было выражено губернатору неудовольствие за меня.

Понятно затем, что при таких обстоятельствах не только я сам, но и начальник губернии, не знали, как долго мне придется оставаться под арестом и что со мною дальше последует.

Ввиду такого положения дела губернатор, пользуясь пятидневным пребыванием государя в Киеве, сделал по эстафете запрос тамошнему генерал-губернатору, как поступить со мною, вследствие чего генерал-адъютант Д. Г. Бибиков[4] уведомил, что по всеподданнейшему докладу означенного представления государь император всемилостивейше повелеть соизволил освободить меня из-под ареста и взыскания этого не заносить в мой послужной список.

Так, сверх всякого ожидания, сравнительно благополучно окончился для меня этот печальный эпизод, но, — прибавлял Новицкий, — он такое произвел на меня потрясающее впечатление, что я без содрогания не могу об нем вспомнить».

Приведенный рассказ в свое время был очень распространен в Житомире.

Сообщил И. А. Аренс

Петербург, 9 декабря 1886 г.

Предоставляю редакции уважаемой «Русской Старины» сделать исправления, какие она сочтет необходимым.

И. А. Аренс

Эртелев пер. № 3, кв. 22[5].

Публикуется по: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 4279. 2 л. Автограф Ивана Аполлоновича Аренса. Об авторе см. предисловие к его воспоминаниям, написанное сыном — Е. И. Аренсом (Заметки бывшего интенданта армии, тайного советника И. А. Аренса о довольствии ее в турецкую кампанию 1877–1878 гг. // Военный сборник. 1910. № 1. С. 59–65).

1. Миллер посмел обогнать коляску государя и едва не поплатился за свою дерзость (*Давыдов Н.* К рассказам из жизни императора Николая I // Русская старина. Т. 52. № 11. С. 491–494).

2. Из Варшавы через Житомир в Киев Николай I проехал летом 1845 г.

3. Григорий Сергеевич Лашкарев (1788–1849) — генерал-лейтенант, сенатор, житомирский военный губернатор и волынский гражданский губернатор.

4. Дмитрий Гаврилович Бибиков (1791–1870) был киевским генерал-губернатором в 1837–1852 гг.

5. Эртелев переулок в 1923 г. переименован в улицу Чехова.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

Я. Лавров

Случай из жизни императора Николая Павловича, рассказанный ямщиком Померанского яма Гавриилом Пахомовым, умершим года три назад. [1840-е гг.]

«Много раз приходилось мне возить государя Николая Павловича на своем шестерике по Московскому шоссе, и все проходило благополучно, — так передавал свой рассказ Гаврила Пахомыч, — только один раз наказал меня Господь, чего до смерти не забуду, и должно быть за то, что смолоду я был большой зубоскал, любил пускаться на разные выдумки, чтобы посмеяться над стариками да посмешить сверстников.

Помню, дело было в конце лета, — это в сороковых годах, когда еще железной дороги не было; государь и вся царская фамилия ездили в Москву по шоссе на лошадях. Отец мой был ямщик почетный; в то время держали мы стойку и в Померанье и Бабине; я как старший из братьев с пятью работниками жил в Бабине за хозяина[1].

Обыкновенно недели за две до царского проезда выходило распоряжение, чтобы и люди, и лошади для царского проезда были назначены и занумерованы; ямщикам наклеивались нумера на шляпы, а для лошадей втыкались в землю колья, на верху которых на дощечках написаны были те же нумера, какие были у ямщиков на шляпах, и каждый ямщик два раза в день должен был приводить своих лошадей в сбруе к своему нумеру; а станционный смотритель — осмотреть, все ли в порядке.

Этих лошадей до царского проезда мы не должны были отпускать в езду ни для кого, хотя бы ехал сам Клейнмихель[a, 2]. На содержание, как ямщиков, так и лошадей, во все это время выдавался двойной оклад; лошадей кормили овсом без выгреба, а чтобы они не застаивались и не бесились, то их два раза в день объезжали после их осмотра станционным смотрителем. Какое бы нибудь средство надобно было придумать объезжать и нас — ямщиков, да, к сожалению, не было, зато мы целые дни сидели в харчевнях — пили там и ели, зубоскалили, да придумывали разные глупые штуки, кто что лучше выдумает; нам тогда никто был нипочем, — мы величали себя царским крылом.

Вот, в самый день царского проезда, мне и приди в голову сыграть глупую шутку с нашим станционным смотрителем Семеном Григорьевичем Красотиным. Это был, надобно сказать, добрейший старичок, Царство ему небесное! Наши ямщики прозвали его петухом. А за что? Наденет, бывало, Семен Григорьевич свой мундир с коротенькими хвостиками, да треуголку-шляпу, грудь выставит вперед, хвостики у мундира поднимутся, и ходит Семен Григорьевич между ямщиками; ну, настоящий петух; а ночью, чтобы мы не засыпались, особенно в такое тревожное время, хотя у нас всегда были караульные настороже, выйдет на улицу и закричит: «Лошадей!». А голос был тоненький и звонкий.

«Ребята, — говорим мы друг другу, — вставайте, петух запел», — и бежит каждый за своими лошадьми, и спешит стать к своим нумерам. Это у нас называлось тревогою.

Вот над этим-то Семеном Григорьевичем я и вздумал выкинуть шутку.

Сидим это мы в харчевне, а Семен Григорьевич проходит мимо — идет домой обедать. Я говорю: «А что, ребята, синочи[b] петух своею тревогою не дал нам выспаться. Давайте сделаем и ему тревогу». — «А как?» — «Да вот как: теперь он пообедает и пойдет отдыхать в кладовушку; я тоже будто лягу заснуть на сарае у кладовушки; а ты, Степан, погодя с полчасика, беги с улицы на двор и кричи, что есть мочи: „Государь едет“, — и тогда все заорем: „Государь едет“.». Как условились, так и сделали. Семен Григорьевич, по обыкновению, после обеда пошел в кладовушку отдохнуть; а я минут десять спустя подошел к кладовушке, тихонько задвинул снаружи защелку у двери и как ни в чем не бывало пошел на сарай, разул одну ногу, лег и жду тревоги. Настала тишина. Не прошло получаса, как раздался крик на улице: «Государь едет!». На дворе подхватили ребята: «Государь приехал!». Семен Григорьевич, услыша крик, вскочил с постели, толкнул в дверь, но дверь заперта; он кричит благим матом: «Отворите, отворите!». А у меня одна нога в сапоге, а другой сапог держу в руках и бегаю по двору будто со страху, а сам не могу удержаться от смеха, как Семен Григорьевич кричит и поскочет в дверь; вдруг он подбежал к окну, распахнул его и выскочил из него на двор в халате, да тут и присел; оказалось, что он повредил ногу; хотя высота была меньше сажени; но, верно, со страху он скочил неловко. Наш смех как кислым замело. Испугались и мы своей шутки, как увидели, что Семен Григорьевич насилу поднялся на ноги и, прихрамывая, поплелся в контору. Мы накрепко сговорились не выдавать друг друга; ходим, как сонные, — ни шуток, ни смеха не стало слышно. Приходит ночь, а спать никто из нас не ложится. Ждем Государя. Часу этак в двенадцатом ночи прискакал

[a] Клейнмихель, которого, кстати сказать, ямщики почему-то очень боялись — *примеч. Я. Лаврова.*

[b] Синочи *(устар.)* — этой ночью — *сост.*

фельтьегерь[c] и объявил, что чрез час Государь будет в Бабине. Мы засуетились. Смотрим: выходит Семен Григорьевич в мундире и треуголке, на одну ногу прихрамывает и закричал: «Лошадей!». Но уж совсем не таким голосом, как прежде, а как-то жалобно, так что нам даже жалко его стало, и никто на этот раз не сказал: «Петух запел».

Все побежали за своими лошадьми; побежал и я за своей четверкой, чтобы вести к своему нумеру, а племянник мой за своей парой выносных — он у меня ездил фалетуром[d] — на выносе (государь ездил тогда на шестерике). Веду это я лошадей мимо церкви; как ёкнуло у меня сердце — будто испугался я, а чего, и сам не знаю; это, знать, предчувствие у меня было; остановился я против церкви, снял шляпу с первым нумером, три раза поклонился на церковь Божию: «Святые Апостолы Петре и Павле (храм во имя апостолов Петра и Павла), спасите и сохраните!». Привел лошадей, поставил к первому нумеру; стою, а сам за шесток держусь, — так ли то у меня сердце-то в груди стукает, что и сказать не могу; и лошади стоят смирнехонько.

Часу во втором стал подъезжать экипаж к станционному дому (гостиницы в Бабине не было); это свита да кухня; много при этом их бывает. Выкликают нумера; наши молодцы подводят лошадей, закладывают и уезжают. Чрез полчаса слышу — выкликнули: «Первый нумер». Значит, государь приехал. Подвели мы с племянником свой шестерик. Я, как у нас водится, сряду сел на козлы, племянник верхом на выносных. Заметил я только, что в коляске сидят двое, — лиц не мог рассмотреть — темно было; это, как оказалось после, были государь Николай Павлович и наследник Александр Николаевич. Верх у коляски поднят. Только что успел я разобраться с возжами[e], как скомандовали: «Готово!». Фалетур натянул постромки у своей пары; я тронул возжами, мои подхватили дружно и поскакали ровным фельтьегерским скоком. Страх у меня совсем прошел. Я и думаю: «Вот, что значит сел за свое-то ремесло», и, если бы не с государем ехал, так и песню бы затянул. Проскакал я мимо церкви, и вот чудо: не только не сотворил молитву, даже не взглянул на храм Божий, чего никогда прежде не бывало, знать, лукавый хотел посмеяться надо мной. Сижу на козлах, перебираю возжи, как будто играю ими. Проскакал Бабино; и сряду за Бабином начинается довольно отлогий подъем в гору — версты на три, — это называется — на бугор. Вижу, лошади мои начали забирать шибче и шибче, и пока оне скакали в гору, я передернул возжи, на всякий случай намотал их еще на локти рук, чтобы лучше сдерживать, если понадобится. Пока я справлялся с возжами, лошади выскакали в гору и, как почувствовали, что им стало еще легче, понеслись во весь дух — одна перед другой. Я натягиваю возжи, не тут-то было; руки немеют, а лошади так и забирают. И теперь удивляюсь: как это я, при моей-то силе[f], не мог сдержать четверки лошадей. Уж, видно, Господь захотел меня наказать за мои грехи.

Вижу, постромки у фалитурных лошадей начинают слабеть — залягались из стороны в сторону. Я и говорю вполголоса фалитуру: «Натяни постромки». Это, чтоб он прибавил ходу. Он стегнул своих, но вижу, что оне едва уносят ноги, а не то, чтобы натянуть постромки. Немного спустя слышу сзади: верх у коляски спустился, раздался громкий и грозный голос из коляски: «Легче!». Стараюсь сдерживать,

---

[c] Любимое выражение ямщиков — *примеч. Я. Лаврова.*
[d] форейтором — *примеч. Я. Лаврова.*
[e] Так в тексте — *сост.*
[f] Пахомов был огромного роста, плотный, плечистый — настоящий атлет — *примеч. Я. Лаврова.*

нет силы, руки онемели; а лошади закусили удила, несут во весь дух. А постромки у выносных так и болтаются. Ну, думаю, либо сами мои лошади запутаются в постромках, либо сомнут выносных вместе и с фалетуром. Слышу опять голос из коляски: «Слышишь ли, легче!» — голос государя; а я как ни в чем не бывало повернулся на козлах в пол-оборота и говорю так спокойно, как с вами: «Будьте спокойны, Ваше Величество!». А сам думаю: «Если бы да не было этих выносных, пустить бы своих на волю Божию, — дорога гладкая, ровная, на дороге ни души; умаялись бы до Чудова»[3], а сам опять говорю фалетуру: «Уноси постромки!».

Не прошло и двух минут, как вижу: протягиваются чрез мои плечи руки, берут возжи дальше моих рук и начинают осаживать лошадей. Это государь, должно быть заметил, что мне не справиться с лошадьми, встал в коляске, подобрал возжи и стал Сам осаживать лошадей. Лошади пошли тише и тише, и на какой-нибудь версте Он совсем их осадил, и оне остановились. Так мы стояли минут пять, пока не подскакал фелтьегерь, что едет всегда вслед за государем.

Как только подъехал фелтьегерь, государь сказал громко: «Иностранцев!»[4]. Фельтьегерь выскочил из брички, подбежал к коляске: «Что прикажете, Ваше Величество!» — «Отдать ямщика в военную службу!» — «Слушаю, Ваше Величество!» — «Пошел!» — сказал государь, кивнув на меня головой. Я тронул возжами, и побежали мои лошади, как ничего с ними не было, обыкновенно по-фелтьегерски, что мы называем вперевалку.

Вот подъезжаем к Чудову; как взяло меня раздумье. Держу возжи, а сам плачу: «Пропал ты теперь, Пахомов; не видать тебе больше ни отца, ни матери, ни родного Померанья, и все это за Семена Григорьевича. Господи, Мать Пресвятая Богородице! спасите и сохраните меня, другу и недругу закажу: не смеяться над стариками». А слезы-то у меня, как горох, так и катятся по поддевке.

Подскакал я в Чудове к гостинице, только рассветать стало. Не знаю, уж видно Господь надоумил меня: как только осадил я лошадей, вскочил с козел, подбежал к той стороне коляски, где сидел государь, пал на колени и закричал благим матом: «Ваше Величество, помилосердствуйте!». Поднял я глаза; государя не видно; спал ли он в это время, — не знаю; только наследник приподнялся с своего места с противоположной стороны, посмотрел на меня и мне показалось, что он кивнул головой, чтобы я зашел с другой стороны. Я перебежал на другую сторону коляски, опять пал на колени и закричал: «Ваше Величество, помилосердствуйте!». Слышу голос государя: «Иностранцев! Оставить ямщика в покое!». Я, как услыхал это, пал на землю лицом и помню только, что закричал: «Век буду Бога молить за Ваше Величество!». И после того уж ничего не помню, что со мной было. Привели меня в чувство, уж спустя несколько времени, ямщики в почтовой избе и сказывали, что я так закричал и даже не своим голосом, что они испугались и отшатнулись от коляски государя; но что государь велел ямщикам меня взять и отвести в ямскую избу.

После этого случая еще лет десять возил я государя Николая Павловича на своих лошадях, и все проходило благополучно. А проезжая мимо церкви в Бабине, всегда я вспоминал этот случай: снимал всегда шляпу и творил молитву: «Святые апостолы Петре и Павле, спасите и сохраните!».

Не знаю, запомнил ли меня государь или нет, только никаким намеком не давал понять, что он меня помнит».

Рассказывая этот случай, Гаврила Пахомыч всегда плакал. Это был почтенный старик, уважаемый за свою набожность всем Помераньем. Вечная ему память!

Священник Я. Лавров
Станция Бабино
Николаевской ж[елезной] дороги,
1-го октября 1884 г.

Публикуется по: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 4284. 6 л. Автограф священника Я. Лаврова.

1. Померанье и Бабино — почтовые станции в Новгородской губернии на Московском тракте. Здание почтовой станции в деревне Померанье (арх. Л. И. Руска) сохранилось до нашего времени.

2. Граф Петр Андреевич Клейнмихель (1793–1869) в 1842–1855 гг. был главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями.

3. Чудово — старинное ямщицкое село Новгородской губернии, почтовая станция на шоссе между Петербургом и Москвой. С 1937 г. город районного подчинения.

4. Фельдъегерь Александр Петрович Иностранцев.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

[Неизвестный]
Случай в Тверской губернии. [1847 г.]

В 40-х годах государь император Николай Павлович проезжал по Тверской губернии по Корчевскому уезду. Было сделано предписание от духовного начальства священникам о том, где государь буд[ет] останавливаться и где духовенство должно будет встречать его в облачении и с Св[ятым] Крестом. Путь государя лежал по Волге чрез богатое село Кимры[1], где был в то время благочинный. Недалеко от него по самому берегу Волги находится село Михайловское, Абрамово тож. Священник этого села о[тец] Алексей[a] считался у духовного начальства человеком неспокойным и, кажется, за свои поступки, шедшие иногда несоответственно распоряжениям начальства, был даже штрафован. Опасаясь за него, начальство не включило его церкви в число мест, где государю должна б[ыла быть] сделана встреча. Обидно показалось такое распоряжение о. Алексею, и он решился вопреки начальству и вопреки убеждениям своей попадьи, пугавшей его и отрешением от места, и другими наказаниями, встретить государя в облачении и с Св. Крестом у ворот церковной ограды. Прелат побоялся участвовать в самовольной церемонии, и о. Алексей вышел один в назначенный для проезда государя день ожидать царя.

[a] Отчества и фамилии его передававший мне не помнит — *примеч. автора*.

Наконец, император едет. Проезжая около церкви и заметив стоявшего с Св. Крестом священника, он велел ехать тише, приподнялся немного в коляске, снял фуражку и сделал крестное знамение. Но этого о. Алексею показалось мало. Он громко произносит: «Царю земный! Сниди поклонитися Царю Небесному». Государь послушался, вышел из коляски, поклонился Царю Небесному, приложился к Св. Кресту и уехал. Свита царская поневоле должна была последовать примеру царя. Но первый же приложившийся ко Кресту генерал напал на о. Алексея. «Как ты смел, — кричал он на него, — такой-сякой, останавливать царя, знаешь ли ты, что тебе будет за это!» Выслушав разные угрозы, о. Алексей струсил порядком и спешил донести о случившемся о[тцу] благочинному. На беду его о. благочинный был сам сильно расстроен при проезде царя.

В Кимре в этот день б[ыл] праздник и ярмарка. Царского приезда по расписанию ждали перед обеднею. Между тем государь несколько замедлил, завернувши по дороге к одному знатному помещику. Вместо 9 часов утра он попал в Кимру часу во 2-м. В это время народ выходил из церкви от обедни. Когда на вопрос царя, почему так поздно отошла обедня, ему отвечали, что долго ждали его и не начинали службы, то он выразил свое неудовольствие, заметив, что ради его не должно было нарушать обычного порядка. Таким образ[ом] Кимрский благочинный б[ыл] тоже расстроен. Выслушав донесение о. Алексея, он насулил ему много нехорошего и немедленно сообщил о его поступке архиерею. Воротился он домой и сидел, дожидаясь каждодневно, что вот-вот придет указ консистории с приписанием того или другого наказания, да выслушивая укоризны своей сожительницы за непослушание.

Проходит в таком настроении духа месяц, другой, приходит и третий. Получается действительно указ. Но каково же было удивление и радость о. Алексея, когда он прочел, что его вызывают в Тверь для получения наперсного креста из Кабинета Его Величества[2] и 2-х тысяч рублей денег. Оказалось, что государь не только не оскорбился на своеволие о. Алексея, но даже на просьбу Преосвященного Тверского об извинении за его поступок сказал, что он желал бы, чтобы и все священники были подобны ему. В скором времени о. Алексей был переведен в Петербург.

Один из духовных
1886 г.
Октября 29

Публикуется по: ОР РНБ. Ф. 849. К. 4. № 11. Л. 46–47. Писарская копия.

1. Старинное село Кимры, расположенное на берегу Волги при впадении в нее речки Кимерки, было известно как торговый и ремесленный центр с развитым сапожным промыслом. В 1847 г. крестьяне кимрской вотчины выкупились у графини Ю. П. Самойловой на волю с землей. Ныне городской районный центр Тверской области.

2. Золотой кабинетский наперсный крест жаловался государем в награду священникам и выдавался из Кабинета Его Императорского Величества, который ведал казной, личным имуществом, кабинетскими землями и другой собственностью императорской фамилии. С 1826 г. Кабинет входил в состав Министерства императорского двора.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

ЧАСТЬ V

ЗАВЕЩАНИЕ, ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ, ПОГРЕБЕНИЕ

Духовное завещание в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича. 4 мая 1844 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.
Последние мои желания

В 1831-м году, июня 21-го, при самом развитии холеры, написал я наскоро последние мои желания. Милосердному Богу угодно было не только сохранить жизнь всему нашему тогда семейству, но по Благодати Божией оно с тех пор получило значительное приращение. Счастливые сии события изменить должны отчасти первые мои намерения; почему нужным считаю постановить следующее, как изречение последних моих желаний.

1. Любезнейшей жене моей принадлежит в Петергофе дача Александрия, и к ней приписанное имение во Гдовском уезде С.-Петербургской губернии; дача Знаменская близ Петергофа с деревнями; мыза Ропша с деревнями; мыза Дудорово с деревнями, близ Красного Села; в Москве Александринский дворец с садами; Каменец-Подольской губернии мыза Царицыно; и Таврической губернии, Ялтинского уезда дача Орианда[1].

Желаю, однако, чтоб жене моей предоставлено было пользоваться покоями Ее в Зимнем дворце, на Елагином Острову[2] и в Новом Дворце в Царском Селе[3].

Кроме того, хотя по праву наследства Николаевский Дворец (Аничков)[4] принадлежать должен старшему моему сыну, но по жизнь предоставляю пользоваться оным жене моей, ежели Ей сие угодно.

Завещаю всем детям и внучатам моим любить и чтить их родительницу и пещись об Ее успокоении, предупреждать Ее желания и стараться утешать Ее старость нежно их попечительностью. Никогда ничего важного во всю их жизнь не предпринимать, не испрося предварительно Ее совета и материнского благословения.

Младшим моим сыновьям быть до совершеннолетия в полной Ее зависимости.

2. Старшему сыну моему, Императору Александру Николаевичу[5], принадлежит по праву наследства, всемилостивейше мне пожалованный Императором Александром Павловичем, Николаевский дворец (Аничков) со всеми к нему принадлежностями и имуществом, кроме того, что ниже обозначу; равно и все в разное время к нему прикупленные мной дома и места.

3. Ему же по праву наследства принадлежит завещанное мне покойной матушкой Гатчинское имение, на тех же основаниях и условиях, которые в Ее духовной предписаны[6].

4. Ему же принадлежит в Царском Селе собственный мой Арсенал[7].

5. Мне пожалован был капитал покойной родительницей, который намерен я был разделить поровну между сыновей моих: Константина[8] и Николая[9].

До рождения сына Михаила[10], и потому часть, тогда причитавшаяся на долю

Константина, употреблена для покупки ему Стрелинского имения[11]. Потом, по рождении Михаила, оставшаяся часть капитала разделена поровну сыновьям Николаю и Михаилу. Ниже скажу, как сей капитал употреблен.

6. Сыну Константину жалую мою собственную библиотеку в Аничкове, кроме секретной части, остающейся сыну Александру[12]. Сыну же Константину предоставить все мне принадлежавшие морские модели, телескопы, трубы и рупора[13]. Равномерно и медальный мой кабинет.

7. Для сына Николая куплена мыза Знаменская[14], находящаяся в пожизненном владении моей жены; дача сия приобретена на часть капитала, причитавшуюся сыну Николаю. От жены моей зависеть будет, когда дачу угодно будет предоставить в пользу моего сына; я бы желал, чтоб сие последовало тогда, когда вступит он в брак.

8. Для сына Михаила, на капитал его, приобрел я дачи: Малую Знаменскую и мызу Галловея с деревнею Коркули[15].

9. Четырем моим сыновьям поделиться собственной моей конюшней, поровну и по жеребью[16].

10. Желаю, чтоб брату моему Михаилу Павловичу предоставлено было выбрать из Большой моей конюшни тех верховых лошадей, которых пожелает себе взять.

11. Весь наличный капитал мой, под разными наименованиями хранимый под ведением Собственной моей конторы, принадлежать должен трем моим дочерям поровну. Но как на проценты с сего капитала платились многие пенсионы, то прошу таковые принять на Государственное казначейство или на Кабинет, как императору угодно будет. Капиталы сии должны оставаться всегда в России, и дочери мои могут только пользоваться процентами с оных; разве пожелают на капиталы свои приобресть в России же недвижимую собственность.

12. Желаю, чтоб всей моей комнатной прислуге, верно и усердно мне служившей, обращены были их содержания в пенсионы. К сей же прислуге причитаю лейб-рейткнехтов[17] конюшен и кучера моего Якова.

13. Прошу Императора обратить внимание на верную и долговременную службу т[айного] с[оветника] Блока[18], состоящего при мне с 1809 года; прошу пожаловать ему пенсион, равняющийся тому содержанию, которое от меня получал.

14. С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами, дружба их ко мне никогда не изменялась. Г[енерал]-а[дъютанта] Адлерберга[19] любил я как родного брата, и надеюсь по конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Федоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей как добрая и рачительная родная. Обоим им прошу назначить в мою память пенсионы, сверх получаемых 15 т[ысяч] р[ублей] серебром. В последний раз благодарю их за братскую любовь.

15. Прошу императора милостиво призреть стариков-инвалидов, у меня живших по разным местам под названием арсенальных. Желаю, чтоб они доживали свой век на прежнем положении, разве угодно ему будет улучшить их содержание.

16. Завещаю сыновьям моим всегда любить и уважать бывших при их воспитании г[енерал]-а[дъютанта] Кавелина[20], Литке[21] и Философова[22] и г. Юрьевича[23], Корфа[24] и Лутковского. Благодарю их искренно за их попечение, заменявшее мой отцовский надзор, отвлеченный делами. Сыну моему предоставляю упрочить их

благосостояние, равно как и прочих лиц при воспитании бывших, как у братьев, так и сестер.

17. Благодарю отца-духовника Музовского[25] за его верную долговременную службу; душевно его почитав.

18. Благодарю душевно князя Петра Михайловича Волконского[26], который, несмотря на преклонные лета, с неизменным усердием и привязанностью пекся как обо мне, так и обо всем моем семействе и о моих собственных делах.

19. Благодарю г[рафа] Бенкендорфа[27] и г[рафа] Орлова[28] за неизменную их дружбу и почти безотлучное при мне нахождение и труды, и усердие, с которым выполняли все на них возлагавшееся.

20. Благодарю к[нязя] Чернышева, к[нязя] Меншикова, г[рафа] Нессельроде, г[рафа] Канкрина, г[рафа] Блудова, г[рафа] Киселева[29], за их верную службу, столь полезную государству.

21. Душевно благодарю князя Лариона Васильевича Васильчикова[30], за его постоянную ко мне привязанность; начав службу под его начальством, он был мне всегда другом, наставником и впоследствии первым помощником в государственных делах.

22. Душевно благодарю князя Варшавского[31] за его искреннюю привязанность и дружбу; и за те геройские подвиги, коими возвеличил славу нашего оружия и попрал измену.

23. Искренне благодарю всех бывших при мне господ генерал-адъютантов, генералов моей Свиты и флигель-адъютантов за верную их службу; прошу их с тою же любовью и преданностью служить моему сыну.

24. Благодарю также лейб-медиков Арендта[32], Маркуса[33], Мандта[34] и Рейнгольда[35] за их труды и попечения обо мне.

25. Благодарю славную верную гвардию, спасшую Россию в 1825-ом году, равно храбрые армии и флот; молю Бога, чтоб сохранил в них навсегда те же доблести, тот же дух, коими при мне отличались, покуда дух сей сохранится, спокойствие государства и вне, и внутри обеспечено, и горе всем врагам его! Я их любил как детей своих, старался, как мог, улучшить их состояние; ежели не во всем успел, то не от недостатка желания, но от того, что: или лучшего не умел придумать, или не мог более сделать.

26. Заклинаю детей и внучат моих любить и чтить своего государя от всей души, служить ему верно, неутомимо, безропотно до последней капли крови, до последнего издыхания, и помнить, что им надлежит примером быть другим: как служить должно верноподданным, из которых они первые.

27. Я уверен, что сын мой император Александр Николаевич будет всегда почтительным, нежным сыном, каким всегда умел быть с нами; долг этот еще священнее с тех пор, когда мать его одна! В его любви и нежной привязанности, так и всех детей и внучат, она должна обресть утешение в своем одиночестве. В обхождении с братьями своими сын мой должен уметь соединять снисходительность к их молодости и неопытности с необходимой твердостью, как <u>отец</u> <u>семейства</u>, и никогда не терпеть ни семейных ссор, ни чего-либо другого, могущего быть вредным пользе <u>службы</u>, тем паче государства, и в подобных случаях, отчего Боже нас сохрани; помнить наистрожайше, что он <u>Государь</u>, а все прочие члены семейства — <u>подданные</u>.

28. Государю и всему семейству моему завещаю любить и уважать брата моего и верного друга Михаила Павловича; он им живой пример, как им брату служить должно. При сем случае благодарю душевно Михаила Павловича за его братскую любовь и всегдашние услуги; прошу Его не оставлять добрыми советами моих детей, которых поручаю его благорасположению.

29. К сестре Марии Павловне[36] питал я с детства особую привязанность, за всегдашние Ее ко мне милости; позднее Ее дружба для меня сделалась еще драгоценнее, и ни к кому на свете не имел я толикого доверия; я чтил ее как мать, и ей исповедывал всю истину из глубины моей души.

Здесь в последний раз повторяю ей мою душевную благодарность за отрадные минуты, которые проводил в Ее беседе.

30. Благодарю душевно сестру Анну Павловну[37], короля Нидерландского[38], братьев жены моей[39], сестер Ее[40] и П. Ольденбургского[41] за их дружбу.

31. Благодарю всех меня любивших, всех мне служивших. Прощаю всех меня ненавидевших.

32. Прошу всех, кого мог неумышленно огорчить, меня простить. Я был человек, со всеми слабостями, коим люди подвержены; старался исправить в том, что за собой худого знал. В ином успевал, в другом нет — прошу искренно меня простить.

33. Я умираю с благодарным сердцем за все благо, которым Богу угодно было на сем приходящем мире меня наградить с пламенною любовью к нашей славной России, которой служил по крайнему моему разумению, верой и правдой; жалею, что не мог произвесть того добра, которого столь искренно желал. Сын мой меня заменил! Буду молить Бога, да благословит Его на тяжкое поприще, на которое вступает; и сподобит Его утвердить Россию на твердом основании, страха Божия, дав ей довершить внутреннее ее устройство и отдаля всякую опасность извне. На тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки!

34. Прошу всех меня любивших молиться об успокоении души моей, которую отдаю милосердному Богу с твердой надеждой на его благость и предаваясь с покорностию Его воле. Аминь!

Подлинное писано и подписано собственною рукою в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича: «Николай».

С подлинным верно: Александр

Царское Село
4 мая 1844 года
в день Вознесения.

Бумаги успею переписать набело..., считать сие...

Душеприказчиками моими сделать сына моего Государя Императора Александра Николаевича, брата моего Михаила Павловича и генерал-адъютантов <...> Волконского и Адлерберга.

Николай
Царское Село
4 мая 1844

При сем особая записка, которую исполнить наравне с завещанием.

Николай
Царское Село
9 мая 1844

[Особая записка]

Желаю, чтоб исполнено было сходно с требованиями, ниже изложенными.

1. Образ Чудотворца Николая, в рост мой при рождении[42], должен всегда оставаться в Аничкове.

2. Образ Богоматери, полученный мной при рождении от императрицы Екатерины II, должен быть сдан в церковь, где буду похоронен.

3. Образ Богоматери, всегда со мной возимый и которым меня благословил в поход в 1814 году покойный митрополит Амвросий, жалую сыну Александру с тем, чтобы в случае похода имел бы с собой.

4. Прочие образа в окладах разделить детям, а какие есть в Аничкове, оставить там.

5. Портрет матушки, мне ею подаренный, равно и завещанный ею мне портрет батюшки, и императора Александра Павловича жалую сыну Александру, и оставить у старшего в роде.

6. Ему же завещаю маленький медальон покойного императора и медаль парижскую, бывшую на его гробе, которые всегда со мной.

7. Ему же завещаю портрет жены моей и цесаревны, которые всегда со мной.

8. Ему же завещаю портрет Мери[43], который она мне подарила; равно портреты Олли[44] и Кости[45], которые у меня на столе.

9. Сыну Константину портрет жены моей в красном платье в рост, что у меня в Зимнем дворце.

10. Дочери Ольге портрет жены моей (с того же копия), грудной, в золотом медальоне.

11. Дочери Марии портреты жены моей карандашом, что у меня на столе.

12. Ей же статуйку из уцелевшего куска после пожара от бывшей статуи[46].

13. Ей же портрет Саши[47], что он мне подарил.

14. Сыну Александру портрет жены моей en camee[48], что в медальоне, и который я носил в Турецком походе[49].

15. Дочери Александре портрет жены в малом медальоне, который всегда ношу в дороге.

16. Сыну Николаю портрет жены моей в синем платье и золотой диадеме.

17. Сыну Михаилу портрет жены круглый с портрета Дау[50].

18. Цесаревне часы, что жена подарила мне в день 30-тилетнего нашего знакомства, и в них портрет жены. Желаю, чтобы она сподобилась насладиться подобным счастием и чтоб любила и была любима, как мы с женой себя любили.

19. Сыну Александру шпагу, которую мне пожаловал император Александр.

20. Ему же жалую пехотную полусаблю, из числа мною носимых.

Ему же палаш, который мне подарил М[ихаил] П[авлович] и который носил в генеральском мундире.

21. Сыну Константину кавалерийскую мою шпагу.

22. Ему, и Николаю, и Михаилу по полусабле пехотных, что я носил.

23. Брату М[ихаилу] П[авловичу] саблю, что подарил мне брат Константин Павлович и которую я всегда носил при кавалерийском мундире.

24. Ему же портреты Константина Павловича, что у меня в Зимнем и в Александрии.

25. Ему же часы императора Александра, которые мне завещала матушка, которые в Зимнем.

26. Максу[51] портрет его отца, который у меня в Аничкове, и что с 1814-го года у меня висит.

27. Сыну Александру часы, что жена мне подарила и прислала во время Турецкого похода, черные с золотом.

28. Сыну Константину большие карманные часы императора Александра, что всегда у меня и со мной на столе.

29. Князю Волконскому на выбор ружья охотничьи из моего Арсенала.

30. Г[рафу] Бенкендорфу кавалерийскую шпагу; и малахитовые часы и чернильницу, что у меня в Зимнем; равно вазу, изображающую мой приезд в Швет, подаренную мне покойным королем Прусским.

31. Дочери Александре портрет сестер ее, вместе, что у меня в Зимнем, Нефа.

32. Брату М[ихаилу] П[авловичу] два serre-papier[s]*, с орлами, что в Царском Селе у меня на столе и были батюшки в старом его кабинете — библиотеке в Зимнем.

33. Г[рафу] Орлову палаш, что я носил в колете[52].

34. Баронессе Фредерикс[53] бюст жены моей en biscuit[54], что в Зимнем.

35. Г[енерал]-а[дъютанту] Кавелину статую сына Александра бронзовую, в казачьем мундире.

36. Г[енерал]-а[дъютанту] Адлербергу[55] часы, что я ношу с 1815 года, и серебряную чашу, в которой я голову обкачивал (в память, что мы с ним в детстве всегда ею любили играть), и одну пехотную шпагу; а сыну его Александру[56] — портрет Владимира Федоровича[57], что в Аничкове.

37. К[нязю] Чернышеву часы и канделябры, которые он из Касселя прислал покойному императору Александру из кабинета Jerome-Napoleon, что у меня в Царском Селе в Голубой гостиной.

38. Г[енерал]-а[дъютанту] Перовскому пистолеты, которые всегда со мной бывали в дороге.

39. Фрейлине графине Тизенгаузен часы с моего стола в Царском Селе.

40. Юлии Федоровне Барановой портрет трех дочерей, Нефа, что в Большой гостиной в Зимнем.

42. Г[енерал]-а[дъютанту] к[нязю] Меншикову[58] статую Петра I-го бронзовую на коне, что у меня в Угловом кабинете в Зимнем.

43. Г[енерал]-а[дъютанту] Мейендорфу[59] serre-papier, бронзовый жокей держит лошадь, что в Нижнем кабинете в Зимнем.

44. Г[енерал]-а[дъютанту] г[рафу] Клейнмихелю[60] стол для письма стоя, что в

---

* Пресс-папье.

Большом кабинете в Зимнем, один уцелевший из мебелей, до пожара у меня бывших.

45. Камердинеру Софонову I рукомойник серебряный, который всегда употреблял.

46. Камердинеру Малышеву[61] дорожный мой чайный прибор.

47. Камердинеру Гримму I[62] дорожный рукомойник и прочие дорожные серебряные вещи, у него хранящиеся, и мебели из моих приванных комнат, за которыми имел смотрение.

48. Моим остальным камердинерам все платье, помощникам белье.

49. Жене моей предоставляю все, что ей угодно будет взять себе из моих вещей; в особенности же ей завещаю бюст Мери мраморный Рауха[63] и часы дорожные в футляре, что мне подарил сын Александр, и которые в Нижнем кабинете в Зимнем, на столе. Ей же отдать обручальное мое кольцо, равно и те два, которые мне дала при отъезде моем из Берлина по сговоре, и то, что мне дала при 25-ти лет нашей свадьбе. Равно и другое, которое мне дала в Берлине после смерти покойного короля. Прочие кольцы оставить на мне, равно как кресты и медальон, которые всегда на мне, и костяное распятие, которым матушка меня благословила в поход в 1814 году.

В заключение прошу настоятельно сына велеть устроить похороны мои как можно проще, не делать катафалков и прочих траурных убранств, что мне противно как излишний расход. Траур по мне носить 6 недель и отнюдь не долее, после чего театры открыть.

Желаю быть похороненным за батюшкой у стены, так чтоб осталось место для жены подле меня.

Аминь.

Особая статья к моим последним желаниям

29-го июля 1844-го года Богу угодно было отозвать к Себе любезнейшую дочь нашу Александру. Смиряясь пред неисповедимой волей, не ропща, сносим жестокий сей удар, с твердым упованием, что ежели так сбылось по воле Его, то сбылось к лучшему, и что Ей при Создателе Ее, чем здесь, в суетах жизни.

Молим Господа: да сохранит Нам других Нам милых.

Назначавшийся 11 статьею к дележу между трех моих дочерей наличный собственный капитал разделить ныне дочерям моим Марии и Ольге поровну.

Вещи, предназначавшиеся дочери моей Александре, оставляю сыну Александру к распределению по Его усмотрению. Медальон и печать, которые покойная дочь мне подарила на одре смерти, завещаю жене моей, а после Ее сыну Александру.

Портрет дочери Александры, что у меня на столе, — гошпиталю, строящемуся в Ее память.

Подлинное подписано и надписано Собственною рукою в Бозе почившего Государя Николая Павловича.

Николай

С подлинным верно: Александр

Петербург
3 марта 1845 года

Публикуется полностью впервые по: РГИА. Ф. 472 (Канцелярия Министерства Императорского двора). Оп. 9. Д. 29б (По духовному завещанию государя императора Николая Павловича. 1 марта 1855 – 26 декабря 1855 г.). Документ представляет собой авторизованную запись с подписью Александра II (как душеприказчика).

Отдельную группу документов РГИА составляют отложившиеся в различных фондах Императорского двора и Кабинета Его Императорского Величества духовные завещания вдовствующей императрицы Марии Федоровны, Николая I и членов его семьи, проливающие свет на имущественные отношения в доме Романовых, юридический статус дворцов и имений.

В фонде 472 находится три документа завещательного характера. Основной документ датирован 4 мая 1844 г. (Л. 9–12 об.). В нем имеется ссылка на первое духовное завещание Николая I, которое было составлено 21 июня 1831 г. в связи с эпидемией холеры. Кроме того, здесь же находится завещание неофициального характера, в котором Николай Павлович предстает как частный человек, распределяющий среди своих родных и близких ему людей свои вещи. В посткриптуме к основному духовному завещанию, датированному 9 мая 1844 г., назначаются душеприказчики и приводится «Особая записка» с распределением личных вещей родным, близким, друзьям и слугам.

После кончины дочери Александры Николаевны (29 июля 1844 г.) завещание было уточнено небольшой «особой статьей» от 3 марта 1845 г. (Л. 13–13 об.), в соответствии с которой имущество дочерей было распределено поровну между Марией и Ольгой.

Кроме упомянутого фонда копии Духовного завещания Николая имеются в РГИА: Ф. 468 (Министерство Императорского двора). Оп. 46. Д. 103.

Духовное завещание в отрывках и пересказе было опубликовано в книге Д. Н. Блудова. В упомянутой публикации отсутствует часть первой статьи завещания, посвященная перечислению имений Александры Федоровны, остальные пересказываются с отдельными цитатами и комментариями. Была полностью приведена особая дополнительная статья, составленная в 1845 г. С этого издания соответствующий текст был опубликован в сборниках документов, составленных Б. Н. Тарасовым и М. Д. Филином. Отдельные фрагменты публиковались и в других изданиях: [*Блудов Д. Н.*] Последние часы жизни императора Николая I. СПб., 1855. Текст параллельно на 4 яз. Рус. текст: с. 3–39 (см. также репринтное воспроизведение: М., 1992. С. 13–21); 2) *Блудов Д. Н.* Завещание и последние дни жизни императора Николая Первого. М., 1856; *Зотов Р. М.* Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I: В 2 ч. Ч. II. СПб., 1857. С. 286–294; Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 411–414; Император Николай Первый. М., 2002. С. 255–261; 200-летие Кабинета Его Императорского Величества: Историческое исследование. СПб., 1911. С. 457; *Белякова З. И.* Великие князья Николаевичи. В высшем свете и на войне. СПб., 2003. С. 58–59. [Духовное завещание почившего в Бозе Императора Николая Павловича: Фрагменты. 1844, 4 мая; 1845, 3 марта];

Яковлев С. П. Императрица Александра Федоровна: Биографический очерк. М., 1866 (обложка 1867). С. 212.

Новый государь Александр II после кончины отца вскрыл переданный ему еще при жизни собственноручный и адресованный на его имя пакет, на котором покойный Николай Павлович написал: «Вскрыть в день моей кончины». В постскриптуме к Духовному завещанию душеприказчиками назначались: император Александр II, великий князь Михаил Павлович, генерал-адъютант П. М. Волконский и граф Адлерберг. Вместо умерших Михаила Павловича (умер в 1849 г.) и князя П. М. Волконского (1852) Александр II назначил дополнительно великого князя Константина Николаевича и генерал-адъютанта графа А. Ф. Орлова. Ход выполнения завещания отражен в документах публикуемого дела из фонда 472.

Возникают некоторые вопросы относительно юридической принадлежности Коттеджа и всей территории Александрии при жизни Николая Павловича.

Находящаяся между Нижним парком Петергофа, Знаменской мызой, дача Александрия была подарена Николаю Павловичу Александром I в 1825 г. Об этом император сообщил брату перед самым отъездом в Таганрог 30 августа 1825 г. «Участок — бывшие огороды стоявшего в Петергофе полка, — писала великая княжна Ольга Николаевна, — был подарен моим родителям императором Александром I, знавшем их любовь к морскому побережью» (Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 186–187).

После литургии в Александро-Невской лавре император ехал в одной коляске с великим князем Николаем Павловичем и сказал, между прочим, что, как передает Н. К. Шильдер, «он думал купить для него дачу Мятлевой (Знаменское близ Петергофа), однако остановился за невероятно высокой ценою и жалует ему, по его желанию, другое место также близ Петергофа, на котором находится ныне дача Александрия» (цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. М., 1997. Кн. 1. С. 497). На следующий год после воцарения Николай I издает указ: «... строить на месте, где Меншикова руина, сельский домик, так называемый котич [коттедж], со всеми хозяйственными заведениями, с присоединением парка» (Александрия. Коттедж. Готическая капелла // Сокровища России. Вып. 35. СПб., 2000. С.1).

Строительство было поручено уроженцу шотландской столицы г. Эдинбурга Адаму Менеласу (многочисленные варианты написания его фамилии восходят к Moneylaws), с 80-х гг. XVIII века работавшему в России под началом Чарльза Камерона и Н. А. Львова. В начале царствования Николая I, за несколько лет до смерти (последовавшей в сентябре 1831 г.), Адам Менелас стал фактически первым архитектором империи. Коттедж представлял собой компактное двухэтажное здание с мансардой, окруженное ажурными чугунными аркадами и декорациями из чугуна, изготовленными на Александровском чугунно-литейном заводе. Интерьеры были выполнены в стиле неоготики. В самой же верхней части дома находился напоминающий мостик корабля Морской кабинет Николая I.

В 1829 г., в год завершения строительства, был утвержден герб «Александрии».

У входа в Коттедж, в вестибюле, посетителей встречал панцирь черепахи с гербом по рисунку В. А. Жуковского; герб повторялся также и во внутренней отделке дворца. На овальном геральдическом щите синего цвета был изображен обнаженный меч, пропущенный через венок из белых роз — любимых цветов Александры Федоровны. Одновременно это был и намек на одно из ее поэтических имен — «Белая роза». Вокруг располагалась надпись: «За веру, царя и отечество» (Жуковский В. А. — А. О. Смирновой, июнь 1844 г. // *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 346; *Шеманский А.*, *Гейченко С.* Кризис самодержавия: Петергофский коттедж Николая I. 4-е изд. М., 1932. С. 18).

Герб напоминал и о «Празднике Белой розы», данном некогда в честь будущей императрицы в Потсдаме. Во время пребывания императорской семьи в «Александрии» панцирь черепахи с гербом вывешивался на ветвях дуба. После окончания строительства Николай I подарил Коттедж Александре Федоровне. В августе 1829 г. Министерство Императорского двора объявило, что отныне дом в Петергофе — Коттедж — будет именоваться «Александрия, дача Ее Императорского Величества», в другом варианте — «Собственная Ее Величества дача Александрия» (Русские императорские яхты: Конец XVIII – начало XX века. Альбом // СПб.: ЦВММ, ГМЗ «Петергоф», ВИМАРВ и ВС. 1987. С. 109).

Название «Александрия» было многозначным. Скорее всего, Николай Павлович следовал уже сложившейся традиции называть загородные дачи в честь жен, но название можно понимать и как намек на Александра I и даже — Александра Невского (позднее церковь Александра Невского) и Александра Македонского (египетские мотивы в виде «Египетских ворот» также присутствовали в Царском Селе). Романтическое возвращение к временам рыцарства было невозможно без культа прекрасной дамы, роль которой и выпала на долю Александры Федоровны. Но Коттедж был не только символом. Несмотря на некоторые недостатки, он в целом отвечал стремлению Александры Федоровны и Николая Павловича к уединению, о котором они мечтали в молодости. Здесь же Николай Павлович выступал в роли «петергофского помещика», называя «Александрию» «своим поместьем» (*Каратыгин П. А.* Записки. Л., 1970. С. 232).

Несмотря на то, что в документах встречаются упоминания о «даче Ее Императорского Величества Александрии» и на то, что Александра Федоровна уже при жизни Николая I распоряжалась в Александрии как полноправная хозяйка (РГИА. Ф. 1338. Оп. 3 (59/122). Д. 25, 150 и др.), тем не менее, все формальности, связанные с оформлением дачи на имя Александры Федоровны, завершены не были.

Переход в собственность Александры Федоровны дачи «Александрия» в Петергофе документально был оформлен лишь в апреле 1855 г. Тогда же в ее пожизненное владение поступил Аничков дворец. Специальный указ Конторы «Собственного Нашего Николаевского дворца» гласил: «Во исполнение Духовного завещания любезнейшего родителя нашего, блаженной памяти государя императора Николая Павловича, состоящую в Петергофе дачу Александрию с фермою, садом, парком и с приписанными к ней крестьянами повелеваем признавать собственностью любезнейшей родительницы нашей государыни императрицы Александры

Федоровны, находящийся же в С.-Петербурге Собственный наш Николаевский дворец с принадлежащими к оному флигелями и отдельными домами предоставляем в пожизненное владение Ее Императорского Величества» (РГИА. Ф. 1338. Оп. 1 (61/124). Д. 304 (О недвижимых имениях, предоставленных в собственность государыне императрице Александре Федоровне, 23 апреля 1855 г.). Л. 61 об.).

После кончины Александры Федоровны в 1860 г. Аничков дворец стал собственностью Александра Николаевича.

Хотя многие члены семьи предпочитали Царское Село с его здоровым климатом, Николай Павлович искренне был привязан к петергофскому побережью. Накануне кончины, когда он призвал камер-фрау Александры Федоровны В. Рорбек, то, прощаясь с ней, добавил: «Grüsen Sie mir lieben Peterhof» (*пер. с нем.*: Кланяйтесь от меня милому Петергофу) (Письма А. Ф. Тютчевой к m-lle Грански // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 542).

Помимо «Духовного завещания» Николай I, отправляясь в Калиш и Теплице (Кульм) в 1835 г. и допуская возможность покушений в Польше, оставил 30 июля того же года своеобразное завещание — наставление сыну и наследнику цесаревичу Александру. Постоянно возвращаясь в своих мыслях к своим «друзьям по Четырнадцатому» и польскому восстанию 1830–1831 гг., он призывал Александра Николаевича: «Ежели б, чего Боже сохрани, случилось какое-либо движение или беспорядок, садись сейчас на коня и смело явись там, где нужно будет, призвав, ежели потребно, войско, и усмиряй, буде можно, без пролития крови. Но в случае упорства, мятежников не щади, ибо, жертвуя несколькими, спасешь Россию» (Завещание Николая I сыну // Красный архив. 1923. [№ 3]. С. 292–293). Император Александр Николаевич выполнит завет отца и в 1863 г. подавит новое восстание в Польше...

1. По справке, выданной конторой Николаевского (Аничкова) дворца за подписью обергофмаршала, президента Придворной конторы графа А. П. Шувалова после смерти Николая I, за Александрой Федоровной числились следующие имения: мызы Ропша и Кипень (дарственная от 1 января 1826 г., т. е. через две недели после восшествия на престол); Дудергофские горы с шестью деревнями (от 20 февраля 1826 г.); мыза Знаменская с деревнею Поязи (от 20 апреля 1835 г.); Сад Царицыно (так стала называться бывшая Софиевка близ Умани тогда Киевской губернии (от 21 апреля 1836 г.)); имение Ореанда (или, как тогда писали, Orианда) в Крыму (от 17 сентября 1837 г.); Александринский летний дворец в Москве (от 9 апреля 1855 г.); дача Александрия в Петергофе и Собственный Николаевский дворец (от 9 апреля 1855 г.). См.: РГИА. Ф. 1338. Оп. 1 (61/124). Д. 304 (О недвижимых имениях, предоставленных в собственность государыне императрице Александре Федоровне, 23 апреля 1855 г.). Л. 1 об.; там же. Оп. 1 (22/83). Д. 83/22 (О предоставлении в собственность государыне Александре Федоровне Дудергофских гор, 1826 г.); там же. Оп. 1 (61/124). Д. 304 (Указы Николая I Кабинету об Ореанде, Дудергофских горах); там же. Оп. 1 (30/96). Д. 1 (Книга прихода и расхода сумм, ассигнованных на сооружение дворцовых зданий в имении Арианда, за 1849–1853 гг.).

2. С 1817 г. Елагин остров был собственностью вдовствующей императрицы Марии Федоровны. 3 февраля 1818 г. император Александр I поручил общую застройку Елагина острова К. И. Росси, которая была завершена к 1822 г. После кончины Марии Федоровны в этом дворце была летняя резиденция Николая I. В ней царская семья жила обычно весной, но посещала дворец и летом.

3. Имеется в виду находящийся недалеко от Большого Екатерининского дворца на

территории нового Александровского парка Александровский дворец (1792–1796), построенный по проекту Д. Кваренги под руководством строительными работами братьев Нееловых. В 1817 г. интерьеры дворца были изменены архитектором В. П. Стасовым. При Александре I Александровский дворец, подобно Английскому дворцу в Петергофе, использовался как запасной жилой фонд для высокопоставленных или приближенных лиц. Николаю Павловичу этот дворец был дорог как воспоминание о днях молодости. Графиня Шуазель-Гуффье, посетившая Царское Село в 1824 г., писала: «Меня привезли в Александровский дворец, носящий это название, так как он был построен для Александра по приказанию императрицы Екатерины, согласно рисункам и планам прекрасного итальянского архитектора. Дворец этот замечателен по изяществу и по редкой гармонии всех размеров. Нижний его этаж занимал обыкновенно великий князь Николай со своей августейшей супругой, но в то время их императорские высочества были в отсутствии». (Исторические мемуары об императоре и его дворе графини Шуазель-Гуффье, рожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при российском дворе. М., 1912. С. 237–238). В конце августа 1977 г. реставрированный Александровский дворец, точнее его двенадцать залов, открылся для посетителей.

4. Восходящий к вельможным усадьбам XVIII в. Аничков дворец (на пересечении Фонтанки и Невского проспекта) перед тем как стал собственностью великого князя Николая Павловича, а затем «Собственным Его Императорского Величества дворцом», был свидетелем многих придворных событий прошлых царствований. В 1743 г. началось его строительство, осуществлявшееся учеником М. Г. Земцова Г. Д. Дмитриевым. Отделку дворца производил Ф.-Б. Растрелли. 17 марта 1751 г. была освящена придворная церковь. Через 5 лет, в 1756 г., императрица Елизавета Петровна подарила дворцовый комплекс своему фавориту А. Г. Разумовскому. В 1776 г., когда Екатерина II приобрела дворец для Г. А. Потемкина, его перестраивает в классическом варианте архитектор И. Е. Старов. Потемкин продал дворец купцу Шемякину, у которого в 1793 г. он был выкуплен казной для размещения Кабинета Его Императорского Величества — учреждения, к тому времени управлявшего всем императорским имуществом. В начале XIX в. завершается формирование ансамбля дворца. К различным работам по его переделке привлекался Луиджи Руска и архитектор Д. Кваренги, который завершил строительство монументального здания Кабинета по берегу Фонтанки и Невскому проспекту. Вскоре Аничков дворец был подарен императором своей сестре Анне Павловне в связи с тем, что она вышла замуж за принца Петра Ольденбургского. Новые отделочные работы под руководством Л. Руски производились в 1809–1811 гг. Впоследствии интерьеры дворца переделывались часто. После кончины принца Петра Ольденбургского (1812) дворец снова переходит в дворцовое ведомство, в котором он оставался до 1817 г. Тогда, в связи с бракосочетанием великого князя Николая Павловича и Александры Федоровны, Александр I подарил дворец своему брату Николаю. В 1817–1818 гг. К. Росси произвел перестройку внутренних помещений дворца.

5. Александр Николаевич (1818–1881) — старший сын Николая I, император Александр II (с 18 февраля 1855).

6. Последнюю редакцию своего завещания Мария Федоровна составила в 1827 г., за год до своей смерти. После кончины Марии Федоровны (1828), Гатчина (по завещанию императрицы) переходит к Николаю Павловичу, который сделал ее своей штаб-квартирой во время весенних и осенних маневров в Красном Селе. В 1844 г. архитектор Р. И. Кузьмин начал перестройку дворца. Он повысил Кухонное и Арсенальное каре за счет увеличения высоты первого и третьего этажей. Переделка Кухонного корпуса вместе с помещением дворцовой церкви была осуществлена в 1845–1848 гг. В 1852 г. завершились работы в Арсенальном корпусе, где Кузьмин заново отделал помещение театра, большую парадную лестницу, готические галереи в первом и втором этажах и Арсенальный зал. В Арсенальном каре Р. И. Кузьмин отделал парадные покои и личные комнаты Николая I, членов его семьи и некоторых приближенных. В то же время, чтобы сохранить доминирующее значение центрального корпуса, — надстроил на один этаж Часовую и Сигнальную башни. В самом главном здании переделали только лестницу. Эта перестройка не внесла принци-

пиально новых черт в композицию дворца. На акварелях Э. Гау начала 1870-х гг. запечатлены Тронный зал Павла I и Марии Федоровны, Зеленая и Овальная комнаты, Чесменская и Готическая галереи.

7. В 1825–1834 гг. архитектором А. Менеласом, а затем К. Тоном был перестроен бывший павильон Монбижу (середина XVIII в.). Сооружение отразило увлечение готикой. Центральное помещение второго этажа носило название Зала рыцарей. После завершения перестройки в 1834 г. Монбижу был переименован в Арсенал. В нем разместили коллекцию старинного оружия, которым так увлекался Николай I. Начало коллекции было положено в 1811 году. Она включала восточное оружие, собранное во время русско-персидских, русско-турецких войн, Кавказской войны, а также ценнейший подбор западноевропейских доспехов и оружия. Последние приобретения делались в 40–50-х гг. в Англии и Германии. В состав Арсенала вошли завещанная Николаю I коллекция Д. П. Татищева, приобретенное казной в 1852 г. русское оружие из Погодинского древлехранилища. Хранителем Арсенала с 1840 по 1863 г. был начальник I отделения Эрмитажа Ф. А. Жиль. Позднее, в 1886 г., коллекция Арсенала была передана в Эрмитаж.

8. Константин Николаевич («Кости», 1827–1892) — великий князь, второй сын Николая Павловича, генерал-адмирал (1847), впоследствии управляющий Морским министерством (1855–1880), председатель Главного комитета по устройству сельского состояния (1862–1863), наместник Царства Польского (1862–1863), председатель Государственного Совета (1865–1881).

9. Николай Николаевич («Низи»; Старший, 1831–1891) — великий князь, третий сын Николая Павловича, родившийся в Новом (Александровском) дворце, генерал-фельдмаршал (1878), генерал-адъютант ((1856); с 1852 г. командовал бригадой гвардейской кавалерии; с 1852 (фактически с 1856 г.) по 1891 г. – генерал-инспектор по инженерной части; впоследствии командир Отдельного гвардейского корпуса (1862–1864), командующий и главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1864–1880) и одновременно с 1864 г. генерал-инспектор кавалерии (1864–1891), главнокомандующий Дунайской армией во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

10. Михаил Николаевич («Миша», 1832–1909) — великий князь, младший (четвертый) сын Николая I, генерал-фельдмаршал (1878), генерал-адъютант (1856), впоследствии наместник на Кавказе (1862–1881), член (с 1855) и председатель Государственного Совета (1881–1905). В 1852 г. назначен генерал-фельдцейхмейстером, но управление артиллерией осталось в руках ее инспектора — генерала Н. И. Корфа, командовал только гвардейской конной артиллерией. В Крымскую войну находился в Крыму, участвовал в Инкерманском сражении. В 1856 г. вступил в должность генерал-фельдцейхмейстера, с 1857 г. — начальник артиллерии Гвардейского корпуса. Главнокомандующий Кавказской армией (1862–1865) и войсками Кавказского военного округа (1865–1881). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — главнокомандующий Кавказской армией.

11. В Стрельнинской мызе находился дворец, с середины XIX в. получивший название Константиновского по имени великого князя, цесаревича Константина Павловича. Дворец был спроектирован и заложен Н. Микетти в 1720 г., затем, когда Петр I утратил интерес к Стрельне и подарил дворец дочери Елизавете, его строительство продолжил М. Г. Земцов и Т. Усов. К концу 1725 г. дворец был завершен вчерне. В дальнейшем строительные работы проводились под руководством Б. Ф. Растрелли, но и Елизавета Петровна, и Екатерина II предпочитали Стрельне Царское Село. В 1797 г. Павел I подарил Стрельнинскую мызу своему сыну Константину Павловичу, который деятельно занялся благоустройством резиденции. После пожара 28 декабря 1803 г. восстановление дворца было поручено А. Н. Воронихину и Л. Руска. Новые строительные работы начались в 1847–1850 гг., когда дворец был реконструирован как резиденция великого князя Константина Николаевича. В комнатах первого этажа заново были отделаны личные покои великого князя и его супруги Александры Иосифовны. Эти работы были возложены на архитекторов А. И. Штакеншнейдера и В. Я. Лангвагена и проведены в 1847–1850-х гг.

12. В 1855 г., во исполнение духовного завещания Николая I, его так называемая

«секретная библиотека» (с коллекцией эротической графики), находившаяся в Царском Селе, перешла к наследнику — императору Александру II, остальные библиотеки — к великому князю Константину Николаевичу (*Щеглов В. В.* Собственные его императорского величества библиотеки и арсеналы. Пг., 1917. С. 44, 49, 53). Значительные суммы Николай Павлович, который был небезразличен к женщинам, тратил на закупку в европейских столицах с помощью комиссионеров фривольных рисунков. Они поступали в запечатанных конвертах в «секретную библиотеку» императора, так что к концу жизни Николай Павлович стал обладателем одной из самых больших коллекций эротической графики. В запасниках Павловского дворца-музея хранится одно из эротических полотен (предположительно Карла Брюллова), «Вакханалия». Вероятнее всего, эта картина принадлежала Николаю I. Она закрыта сверху литографией с изображением томной молодой красавицы, возлежащей в прозрачных одеждах. В золоченой раме есть замок, нужно повернуть маленький ключик — и картина откроется, как книга. Молодая дама уступит место вакханалии с изображением Вакха, нетрезвых купидонов, пьяного тигра и вакханок, предающихся любви с ослом и с сатирами. Авторство Брюллова не оспаривается, хотя «Вакханалия» им не подписана. Еще одно эротическое полотно Павловского дворца — «Марс и Венера» (Мартин Хенеслер, 1561 г.), представляющее иллюстрацию к поэме Лукиана. В центре произведения — обнаженные Вакх и Венера, на которых Вулкан накинул сеть, выставив любовников на всеобщее осмеяние. Эту картину, хранившуюся первоначально в Гатчинском дворце, Николай I также подарил наследнику.

13. Эти инструменты сохранились в фондах ГМЗ «Петергоф». См.: Русские императорские яхты: Конец XVIII – начало XX века. Альбом № 106. Поверочные солнечные часы с компасом, снабженные двумя уровнями. Принадлежали Николаю I. 1820-е гг.; № 107. Рупор (мегафон), выполненный из серебра мастером Треншелем в 1830 г. для дачи Александрия; № 108. Настольный кренометр (ставился в штурманской рубке яхт); № 109. Трехколенная зрительная труба на треноге. А. Ф. Фибиш. Посетивший Петергоф летом 1839 г. любопытный маркиз де Кюстин имел возможность осмотреть Коттедж в отсутствие императора. Вот как он описал Морской кабинет, находившийся на третьем мансардном этаже: «Под самой крышей коттеджа находится кабинет императора. Это довольно большая и очень скромно убранная библиотека. С ее балкона открывается вид на море. Не покидая этого наблюдательного пункта, приспособленного для ученых занятий, император может сам командовать своим флотом. Для этих целей у него есть труба, рупор и маленький переносной телеграф» (*Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. Пер. с фр.: В 2 т. М., 1996. Т. I. С. 274). В одном из иллюстрированных путеводителей по Коттеджу при описании Морского кабинета Николая I говорится: «На письменном столе помещены различные приборы: оптические и подзорные трубы, компас, солнечные часы, геодезический прибор, серебряный рупор Николая I. ... Выйдя на балкон, с помощью рупора он мог передавать распоряжения на башню сигнального телеграфа, построенную в парке на самом берегу залива, поддерживать связь с Кронштадтом и руководить маневрами Балтийского флота» (Александрия. Коттедж. Готическая капелла. С. 28).

14. Владельцами мызы Знаменской, располагавшейся по старой «Петергофской першпективе» возле Стрельны, были многие российские вельможи — графы Н. Ф. Головин, А. Г. Разумовский, А. П. Шувалов, семья Нарышкиных. В 1835 г. у наследников сенатора Мятлева мызу купил Николай I. Одновременно была прикуплена и соседняя мыза Крейт. По завещанию императрицы, Знаменка отошла третьему ее сыну — Николаю Николаевичу, для которого Г. А. Боссе перестроил дворец.

15. Ранее эта территория входила в состав «Гетмановской» мызы К. Г. Разумовского и имения «Монкальм» («Мой покой») княгини В. А. Шаховской. В 1816 г. «Гетмановская» мыза перешла в руки А. Галловея, который ее северо-восточную часть продал П. И. Мятлевой. Так как Мятлевы владели тогда соседней Знаменской мызой, их новая мыза была названа Малой Знаменской. В мае 1834 г. бывшая «Гетмановская мыза» и «Монкальм» (дача Галловея), а в январе 1836 г. и Малая Знаменская, были куплены Департаментом уделов для устройства здесь резиденции великого князя Михаила Николаевича. В августе 1834 г. Николай I утвердил проект перестройки деревни Коркули, которая была перенесена

на новее место, на линию шоссе. Новый усадебный комплекс Михайловки был возведен по проекту Г. Э. Боссе в 1858–1862 гг.

16. Николай Павлович любил лошадей, и в 30-х гг. на территории Александровского парка в Царском Селе архитектор Менелас начал строительство здания из красного кирпича, которое должно было стать «домом престарелых» для лошадей «седла Его Императорского Величества». Эта образцовая конюшня в шутку была названа близкими Его Величества «Дом инвалидов». Кобылы и благородные жеребцы покоились под мраморными плитами, на которых были выбиты их имена, даты рождения и смерти и основные достижения (*Труайя А.* Николай I. М., 2002. С. 126). Коневодство было страстью великого князя Николая Николаевича. Николаевский дворец на Благовещенской площади (площадь Труда), построенный в 1853–1861 гг., соединялся с Манежем, отделанным в арабском стиле. Вместе с конюшнями Манеж занимал значительную часть служебного корпуса. При Манеже находилась «зрительная» комната, которая использовалась для выставок лошадей. Личные покои Николая Николаевича украшали полотна с изображениями рысаков и упряжных лошадей. Среди них был рисунок Пип-о-де Боя (р. 1844), купленного в Англии и выигравшего многочисленные призы (*Белякова З. И.* Великие князья Николаевичи. В высшем свете и на войне. С. 95–96).

17. Всадники, сопровождавшие императорский выезд в торжественных церемониях. В связи с исполнением этого пункта уже 7 марта 1855 г. по предписанию министра Императорского двора обер-шталмейстером бароном П. А. Фредериксом был составлен список «лейб-рейткнехтам и лейб-кучерам, которые употреблялись в выезды Его Величеством в Бозе почившим Императором Николаем Павловичем, с показанием получаемого ими содержания».

18. Николай Павлович пережил чиновника Кабинета Его Императорского Величества тайного советника Блока более чем на семь лет (РГИА. Ф. 1338. Оп. 3 (57/120). Д. 61 (О смерти и погребении управляющего Собственной Его Императорского Величества конторы тайного советника Блока. 1847–1849)). Придворная контора, входившая в состав Министерства Императорского двора, в соответствии с уставом, утвержденным в 1841 г., ведала содержанием петербургских императорских дворцов, парков и садов придворного ведомства, продовольствием царской семьи, устройством придворных церемоний и придворным штатом. Некоторое время она заведовала также квартирмейстерской и камерцалмейстерской частями (убранством и меблировкой дворцов). В 1883 г. контора была преобразована в Главное дворцовое управление, просуществовавшее до 1891 г.

19. Адлерберг Владимир Федорович (Эдуард Фердинанд Вольдемар; 1791–1884) — граф (1847), генерал-адъютант (1828), генерал от инфантерии (1843); с 1817 г. адъютант Николая Павловича, управляющий Канцелярией генерал-инспектора по инженерной части (с 1823), директор Канцелярии начальника Главного штаба (с 1828), начальник Военно-походной канцелярии (с 1832), главноуправляющий почтовым департаментом (1842–1852), министр Императорского двора и уделов (август 1852–1870), член Государственного Совета (1842).

20. О Кавелине А. А. см. наст. изд., с. 175, примеч. 53.

21. Литке Федор Петрович (1797–1882) — граф (1866), генерал-адъютант (1842); с 1835 г. контр-адмирал, с 1843 г. вице-адмирал, с 1855 г. адмирал; мореплаватель и географ, участник кругосветного плавания 1812–1819 гг. и руководитель кругосветной экспедиции на шлюпе «Сенявин» (1826–1829), адмирал, воспитатель великого князя Константина Николаевича, организатор и вице-президент Русского географического общества (1845–1850 и 1857–1873), командир Ревельского и Кронштадтского портов (1850–1857), президент (с 1864) Петербургской Академии наук.

22. Философов Л. И. — генерал-адъютант.

23. Юрьевич Семен Алексеевич (1798–1865) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с 1826 г. помощник воспитателя при цесаревиче Александре Николаевиче, флигель-адъютант (1837), с 1838 г. преподавал наследнику фортификацию, историю и польский язык, устроитель гимнастических игр; с 1840 г. и до смерти почетный опекун в Петербургском Опекунском совете при Министерстве финансов и управляющий Экспедицией карточных сборов; в 1850 г. по болезни отошел от дел.

24. Корф Модест Андреевич (1800–1876) — барон, лицейский сокурсник А. С. Пушкина, государственный секретарь (1834–1843), директор Императорской Публичной библиотеки (1849–1861); впоследствии главноуправляющий II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1861–1864), председатель Департамента законов Государственного Совета (1864–1872), член Государственного Совета (с 1843), граф, мемуарист.

25. О Музовском Н. В. см. наст. изд., с. 313, примеч. 27.

26. О Волконском П. М. см. наст изд., с. 48–49, примеч. 1.

27. О Бенкендорфе А. Х. см. наст изд., с. 176, примеч. 65.

28. Об Орлове см. наст изд., с. 427, примеч. 5.

29. О Чернышеве А. И. см. наст. изд., с. 171, примеч. 17; Меньшикове А. С. — с. 427, примеч. 3; Нессельроде К. В. — с. 189, примеч. 2; Блудове — с. 171, примеч. 7; Киселеве — с. 427, примеч. 4.

30. О Васильчикове И. В. см. наст изд., с. 40, примеч. 55.

31. Паскевич Иван Федорович (1782–1856).

32. Об Аренде Н. Ф. см. наст. изд., с. 394, примеч. 5.

33. Маркус Михаил Антонович — лейб-медик императорской семьи, лечивший в 1830-х гг. Александру Федоровну и Ольгу Николаевну.

34. Мандт Мартин (Мартьян) Вильгельм (1800–1858) — домашний доктор великой княгини Елены Павловны (с 1835), с которой приехал в Петербург; с 1838 г. стал признанным авторитетом в императорской семье, с 1840 г. — лейб-медик Николая I; после его смерти выехал из России.

35. О Рейнгольте Э. И. см. наст. изд., с. 72, примеч. 17.

36. Мария Павловна (1786–1859) — великая княгиня, дочь Павла I, с 1804 г. жена Карла Фридриха, великого герцога Саксен-Веймарского, ее дочери: Августа (впоследствии королева Прусская и императрица Германская) и Мария.

37. Анна Павловна (1795–1865) — шестая дочь Павла I (восьмой ребенок), с 1816 г. в супружестве с Вильгельмом, наследным принцем Нидерландским, впоследствии королем Вильгельмом II, вступила на престол 7 октября 1840 г., овдовела 17 марта 1849 г., скончалась 17 февраля 1865 г., погребена в Дельфте в Голландии; автор заметок мемуарного характера, любимая сестра Николая I.

38. Вильгельм II (Фридрих Георг Людвиг, 1792–1849) — принц Оранский, король Нидерландов (1840–1849), с 1816 г. – супруг великой княжны Анны Павловны.

39. Фридрих-Вильгельм IV. См. о нем наст. изд., с. 383, примеч. 1.

Альбрехт Фридрих Генрих, принц Прусский.

40. Фредерика Вильгельмина Александра (урожденная принцесса Прусская), герцогиня Мекленбург-Шверинская или Стрелицкая («Александрина») (1803–1892) — младшая сестра Александры Федоровны, супруга герцога Карла Мекленбург-Стрелицкого (1899–1842); Луиза Августа Вильгельмина (1808–1870) — принцесса Прусская, сестра императрицы Александры Федоровны, жена Фридриха Нидердандского, второго сына короля Вильгельма I («тетя Луиза»).

41. Петр Георгиевич, принц Ольденбургский (1812–1881) — сын Петра Фридриха Георга и великой княжны Екатерины Павловны. В 1830 г. был вызван Николаем I в Россию, определен в Преображенский полк, полковником которого он числился с рождения; с 1834 — в отставке в звании генерал-лейтенанта, с 1841 г. генерал от инфантерии, главноуправляющий IV Отделением СЕИВК, попечитель Училища правоведения (с 1835), член Совета Военно-учебных заведений, член (1836–1842) и председатель (с 1842) департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета, президент Вольного экономического общества (с 1841), начальник Воспитательного общества благородных девиц (с 1839), сенатор (1834). В 1837 г. женился на принцессе Терезии Вильгельмине Изабелле Шарлотте — дочери герцога Нассау-Вейльбургского Вильгельма. В 1845 г. супруги получили титул Императорского Высочества. Старшая дочь Александра Фредерика Вильгельмина (1838–1900) была замужем за великим князем Николаем Николаевичем-старшим.

42. В день рождения Николая, 25 июня 1796 г., в письме к своему старинному коррес-

понденту Фридриху Гримму Екатерина II писала: «Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас и кричит он удивительно; длиною он аршин без двух вершков (61 см — *сост.*), а руки немного менее моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом» (цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование: В 2 кн. М., 1997. Кн. 1. С. 6). Рост императора Николая I был 189 см.

43. Мери называли в семье великую княжну Марию Николаевну, в отличие от Мари — цесаревны Марии Александровны.

44. Олли называли великую княжну Ольгу Николаевну.

45. Великий князь Константин Николаевич.

46. Немногие вещи, спасенные во время пожара Зимнего дворца 1837 г., особенно ценились в семье Николая Павловича.

47. Цесаревич великий князь Александр Николаевич.

48. Камея — камень с выпуклым изображением.

49. Имеется в виду 1828 г., когда в начальный период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Николай I присутствовал при осаде Варны.

50. Доу Джордж (1781–1829) — английский художник, в 1819–1829 гг. работавший в Петербурге над портретной галереей русских генералов 1812–1815 гг.

51. Максимилиан Лейхтейнбергский (Лейхтенбергский); Максимилиан Евгений Иосиф Август Наполеон (1817–1852) — герцог, сын Евгения Богарнэ (1781–1824) — пасынка Наполеона (сына императрицы Жозефины от первого брака); вице-короля Италии (1805–1813) и дочери баварского короля Масимилиана Людвига (1799–1825) принцессы Августы, брак которых был заключен в 1806 г.; первый муж Марии Николаевны (1839–1852; обручен 5 декабря 1838 г., вступил в брак 2 июля 1839 г.), президент Академии художеств, заведующий Горным институтом. Учредитель С.-Петербургского археолого-нумизматического общества (1846) и его председатель до 20 августа 1852 г. Его отец Евгений получил от тестя в 1815 г. ландграфство Лейхтенбергское и княжество Эйхштадтское.

52. Колет — мундир особого покроя Кавалергардского и Конногвардейского полков.

53. Фредерикс М. П. См. о ней наст. изд., с. 493.

54. Бисквит — вид фарфора, не покрытого глазурью.

55. В. Ф. Адлерберг. См. о нем наст. изд., с. 175, примеч. 52.

56. Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888) — граф, генерал-адъютант (1855), генерал от инфантерии (1869), сын В. Ф. Адлерберга, с 1836 г. состоял при наследнике престола, 19 февраля 1855 г. произведен в полковники, впоследствии — командующий Императорской Главной квартирой (с 1861), министр Императорского двора и уделов (1870–1882), член Государственного Совета (с 1866).

57. Т.е., его отца В. Ф. Адлерберга.

58. А. С. Меншиков. См. наст. изд., с. 427, примеч. 3.

59. Мейендорф Александр Казимирович (1798–1865) — барон; чиновник Департамента мануфактур и торговли, в 30-х гг. — агент департамента во Франции, камергер, впоследствии русский посланник в Берлине; петербургский знакомый А. С. Пушкина; брат шталмейстера Марии Федоровны Жоржа Мейендорфа.

60. П. А. Клейнмихель. См. наст. изд., с. 457, примеч. 2.

61. Малышев Иван Григорьевич — камердинер 8-го класса.

62. Гримм I — вероятно, камердинер 9-го класса Петр Федорович, один из братьев Гриммов, награжденный знаком 25 лет беспорочной службы. Его брат камердинер 9-го класса, впоследствии коллежский секретарь, Павел Федорович Гримм.

63. Раух Христиан-Даниэль (1779–1857) — прусский скульптор, в 1840 г. работавший в Санкт-Петербурге, автор бюстов Николая I и Александры Федоровны.

Подготовка текста и комментарии Л. В. Выскочкова

А. Д. Гурьев, граф, верховный маршал
Объявление его о проведении траура по случаю кончины Николая I

18 февраля 1855 г.

Объявление, коим порядком по Его Императорскому Величеству блаженные и вечной славы достойные памяти Великом Государе Императоре Николае Павловиче траур, на шесть месяцев, разделенный на четыре квартала, быть имеет, полагая в каждом по шести недель, от 18 февраля 1855 года.

Первый, второй, третий и четвертый кварталы Его Императорское Величество и их Императорские Высочества Государя Великие князья соизволят носить глубокий траур, на основании Высочайше конфирмованной статьи о чинах военных, ибо Его Императорское Величество и их Императорские Высочества соизволят носить военные мундиры. Государыни Императрицы[1] соизволят носить глубокий траур: шерстяное печальное русское платье[2] с крагеном[3], рукава длинные, около рукавов плерезы[4], на шее особый черный плоский краген с плерезами, шлей в четыре аршина[5], на голове уборы из черного крепа с черною глубокою повязкою и с двойным печальным вуалем[6] — один с шлейфом[7], а другой покороче; перчатки, веер, чулки и башмаки черные, а когда их Императорские Величества к телу Его Величества шествовать изволят, также и в день погребения, тогда соизволят иметь на голове большую крепoвую[8] каппу[9], так, чтобы все платье[a]. Великие княгини то же самое одеяние имеют, с тою разницею, что шлейфы их должны быть длиною только три аршина[10].

Второй квартал: Государыни Императрицы и их Высочества изволят носить такое же русское платье с плерезами, во всем сходно против первого; головной убор тоже с убавлением повязки и один печальный капор[11].

Их Императорские Величества и Их Высочества третий квартал изволят носить русское платье из гладкого сукна без плерезов, без крагена, обыкновенного покроя с короткими рукавами, с белыми крепoвыми манжетами; на голове маленький черный чепчик с узкими сницами[b]; перчатки, веера и башмаки черные.

Четвертого квартала первые три недели изволят носить их Императорские Величества и их Императорские Высочества камер-траур[12]: шелковое черное платье, на голове белые фиеровые[c] [флеровые] уборы, также белые веера и перчатки.

Последние три недели полутраур: шелковое черное платье, на голове кружева и черные ленты.

Дамские персоны первых четырех классов

В первом квартале имеют носить суконное русское гладкое печальное платье, рукава к оному по произволу, с крагеном; на шее черный особый плоский краген с плерезами шириною: первые два класса в 1 $^1/_2$ вершка, а третий и четвертый классы — в вершок; на голове уборы из черного крепа, с черною узкою повязкою; веера, перчатки, чулки, башмаки черные; шлейфы имеют первым двум классам по

---

[a] Далее не разобрано.
[b] Возможно, «шлицами».
[c] Вероятно, «флеровые».

два аршина[13], третьего класса полтора аршина[14], а четвертого класса по одному аршину[15], и всем четырем классам, когда будут у тела Его Императорского Величества и в день погребения, иметь большие печальные вуали; когда же из дворца выезжать имеют, тогда и надевать черные вуали из фиеров [флеров][16], которым бы лицо было завешано; и пятого, шестого и седьмого классов носить такое же платье и плерезы, шириною в три четверти вершка; дальше восьмого класса носить черное одинарное платье.

Во втором квартале носить: русское платье из гладкого сукна без плерезов и без крагенов; на головах уборы черные с узкими сницами без капора; чулки, веера и перчатки белые. В третьем квартале имеют носить камер-траур: шелковое платье, на головах уборы белые, фиеровые [флеровые], а ленты черные.

В четвертом квартале носить полутраур: русское платье и юбки шелковые, черные; на головах кружева и в первые три недели — цветные ленты. Камер-юнгферам[17] их Императорских Величеств позволяется траур против шестого класса.

Особы мужского пола

Гражданские чины при мундирах носят глубокий траур по общему положению; при мундирных фраках имеют флер на левом рукаве и кругом шляпы. Чины первого и второго классов в первом и во втором квартале имеют кареты и сани, обитые черным, без гербов, и в домах обивают черным по одной камере.

Чины первого, второго, третьего и четвертого классов, в тех же кварталах, имеют для лакеев черную ливрею, ямское одеяние для кучеров и форейторов[18] черного сукна, а также шапки и кушаки черные. Вышеописанный траур кавалеры Двора Его Императорского Величества[19] употреблять имеют и те, которые не состоят в первых классах. Чинам пятого, шестого и седьмого классов равномерно[d]. Черные ливреи для лакеев позволяются.

В третий квартал черные обои с палат и карет и ливреи с служителей снимаются.

Всем прочим мужеского и женского пола, кто бы какого звания ни был, во время траура в ординарном черном платье ходить позволяется.

Военные носят траур, особо для сего установленный.

Подписал: Верховный маршал граф А. Гурьев.

Публикуется по: ОР РНБ. Ф. 601 (Половцовы). Д. 2028.

Гурьев Александр Дмитриевич (1786–1865) — граф, действительный тайный советник (1837), сенатор (1828), член Государственного Совета (1839), в 1835–1837 гг. киевский военный губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор, в 1848–1861 гг. председатель Департамента государственной экономии Государственного Совета.

[d] Вероятно, пропущена часть текста.

1. Имеются в виду Мария Александровна и вдовствующая императрица Александра Федоровна.

2. Первые упоминания о «русских платьях» относятся ко времени Екатерины II. При посещении прусской королевской четой Петербурга в 1809 г. прусским дамам были подарены императором «русские придворные платья», сшитые по мерке. В первых записях камер-фурьерских журналов за 1826 г. неоднократно упоминается «белое русское платье» или «белое круглое платье». Более детально «русское платье» было регламентировано в указе Николая I от 27 февраля 1834 г. «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору». Парадный дамский наряд состоял из бархатного вечернего платья, имевшего разрез спереди к низу от талии, который открывал юбку из белой материи, «какой кто пожелает». По «хвосту и борту» платья, также «вокруг и на переди юбки» предписывалось иметь золотое шитье, «одинаковое с шитьем парадных мундиров придворных чинов». Платье гофмейстерины должно было быть малинового цвета, платья статс-дам и камер-фрейлин — пунцового, наставниц великих княжон — синего, фрейлин великих княгинь — как у фрейлин царицы, но с серебряным шитьем, фрейлин великих княжон — светло-синего бархата. Замужние придворные дамы должны были «иметь повойник или кокошник», а девицы — «повязку» произвольного цвета, с белой вуалью. Описанный наряд получил название «русского платья». Фасон платья приглашенных ко двору дам также должен был соответствовать тому же образцу, но платья эти могли быть различных цветов и разного шитья, но нельзя было повторять узор, назначенный для придворных дам. Несовершеннолетние великие княжны с некоторыми поправками следовали также общему стилю. Они носили русское платье без трена (шлейфа). В данном случае идет речь о «печальном русском платье» для траурных церемоний.

3. Краги — в данном случае род перчаток с большим раструбом, закрывающим часть руки почти до сгиба в локте.

4. Плерезы — белые нашивки на черном платье.

5. Аршин — русская мера длины, заимствованная с Востока и первоначально равная 72 см; с эпохи Петра I, когда трехаршинная сажень была приравнена к 7 английским футам, ее длина была установлена в 71,12 см.

6. Вуаль (*франц.* voile) — в данном случае прозрачная сетчатая ткань из тюля (кисея), прикрепляемая к дамской шляпе и закрывающая лицо.

7. Шлейф (трен) — спадающий на пол задний край женского платья; длина шлейфа регламентировалась придворным этикетом.

8. Креп — очень тонкая, прозрачная, морщинистая материя, шерстяная или шелковая.

9. Каппа — возможно, имеется в виду капор (см. примеч. 11).

10. 213,36 см — см. примеч. 5.

11. Капор — род башлыка или остроконечной шляпки, закрывающей голову, кроме лица.

12. Камер-траур — комнатный (домашний) траур.

13. 142, 24 см — см. примеч. 5.

14. 106, 68 см — см. примеч. 5.

15. 71,12 см — см. примеч. 5.

16. Флер — тонкая просвечивающая материя.

17. Среди женской прислуги были горничные разных рангов: камер-фрау, камер-юнгферы (от *нем.* Kammerjugferin — горничная), камер-медхины. Занимавшие эти низшие придворные должности женщины и девушки были горничными императрицы, великих княгинь и великих княжон. Камер-юнгферы занимались уборкой личных комнат, одеванием и раздеванием августейших хозяек.

18. Маркиз де Кюстин в 1839 г. так описал выезды придворных чинов в каретах, запряженных парами: «Лошадьми, идущими в дышле, правит кучер; мальчишка в длинном персидском халате наподобие кучерского армяка, именуемый, насколько я мог расслышать, *фалейтором* (по-видимому, от *нем.* Vorreiter), едет верхом на передней лошади, причем, заметьте, на правой, в противоположность обычаям всех других стран, где форейтор седлает левую лошадь, чтобы оставить свободной правую руку; седло у форейтора очень

плотное, мягкое, как подушка, и сильно приподнятое спереди и сзади». (*Кюстин А.* Россия в 1839 году: В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 165).

19. Лица, имеющие придворные чины или придворные звания, в частности, камергеры и камер-юнкеры.

Подготовка текста и комментарии Л. В. Выскочкова

Объявление герольдами[1] о выносе из Зимнего дворца в Петропавловский собор тела императора Николая I. 24 февраля 1855 г.

Всенародное объявление герольдами о выносе из Императорского Зимнего дворца в Петропавловский собор тела в Бозе[2] почившего императора Николая I

Накануне выноса, 26-го февраля, в десять часов пополуночи, чиновники, назначенные от Печальной Комиссии герольдами, соберутся на площадь против Зимнего дворца, верхом, в полном мундире, имея через плечо большой черный флеровый шарф. С белыми креповыми кокардами и флером на тех местах, где оный положен по их чинам постановлением о трауре; сверх того два сенатских секретаря в черных кафтанах, верхом, и при них, по распоряжению Военного начальства, конвой Кавалергардского Ее Высочества [Величества] полка[3] и четыре трубача. Герольдам и секретарям даны будут от Придворной конюшни лошади, с приличною траурною сбруею; по проиграниии трубачами на трубах пред окнами Зимнего дворца, одному из сенатских секретарей прочесть нижеозначенное объявление; то же самое потом учинить перед всеми дворцами, а затем, разделяясь на две части, в каждой с герольдом и секретарем, ехать одному герольду, с отрядом, по всей Адмиралтейской стороне; а другому (также с отрядом) — на Васильевский остров, на Петербургскую и Выборгскую стороны и читать объявление: на площади, на главных улицах и перекрестках, и, по учинению повсюду объявления, съехаться на ту же площадь против Зимнего дворца, отпустить команды по квартирам, а самим с рапортами явиться в Печальную Комиссию.

Объявление

По Высочайшему повелению Его Императорского Величества назначено быть 27-го числа сего февраля в одиннадцать часов пополуночи выносу тела в Бозе почившего Благоверного Великого Государя Императора Николая Павловича из Императорского Зимнего дворца в Петропавловский собор, где, по отправлении панихиды, начато будет чтение Святого Евангелия и будут допускаемы на поклонение телу всякого звания люди каждодневно до 5-го числа будущего марта месяца от восьми часов утра до одиннадцати пополуночи и от двух до семи часов пополудни.

Подписал: Верховный маршал Высочайше учрежденной Печальной Комиссии граф Гурьев.

Публикуется по: Прибавление к № 42 «Северной Пчелы» от 24 февраля 1855 г.: ОР РНБ. Ф. 637 (Репинский К. Г.[4]). Д. 557. Л. 1 об.

Во время нового обострения восточного вопроса накануне Крымской войны в одном из писем Николай Павлович не смог скрыть своих чувств: *«Сколько все это мне на старости прискорбно, отгадаешь. Желал бы кончить жизнь в покое!»* (цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999. С. 210; см. также: *Тютчева А. Ф.* Дневники (Фрагменты) // *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 89–90). Николай Павлович помнил о смерти и порой допускал общие фразы о бренности жизни в своих письмах.

Крымская война в еще большей степени подействовала на общее самочувствие императора. Управляющий III Отделением Л. В. Дубельт записал в дневнике 13 января 1854 г.: «Его величество страдает ногою и лежит в постели. Мандт говорит, что у него рожа, а другие утверждают, что это подагра» (*Дубельт Л. В.* Заметки и дневники // Российский архив. Вып. VI. М., 1995. С. 233). Судя по всему, в последние годы жизни император не избежал и остеохондроза. Фрейлина А. Ф. Тютчева отметила в своем дневнике 7 декабря 1854 г.: «Сегодня утром я была в арсенале, когда подошел император. Он подошел ко мне и спросил, почему вид у меня больной. Я ответила, что у меня болит спина. „У меня тоже, — сказал он, — для лечения я растираю себе спину льдом и советую Вам делать то же“. Он еще некоторое время поговорил со мной с большим участием...» (*Тютчева А. Ф.* Дневники (Фрагменты). С. 79). В неопубликованной части воспоминаний А. Д. Блудовой сохранилось свидетельство о том, что незадолго до смерти Николай I «жаловался на начало боли в горле и сказал, что опять начинает стрелять в палец ноги — подагра опять». «Я сидела, — пишет А. Д. Блудова, — подле него и посмотрела на его сапоги. Доктор Мандт перед тем говорил отцу моему, что государю нужно надевать бархатный сапог, мягкий и теплый, чтоб не застудить подагру.» (РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 21). (Возможно, имелся в виду сапог из мягкой шевровой ([мягкой кожи хромового дубления, выделанной из шкур коз — *сост.*] кожи с теплой подкладкой). Император не последовал совету. «Я должен служить во всем по порядку, — заявил он. — А уж если стану дряхл, так уж в чистую отставку пойду... Если не гожусь на службу — уйду, а пока есть сила — буду перемогаться до конца» (РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 22).

Крымская война, особенно после вступления в нее Англии и Франции, была огромным нервным потрясением для стареющего и отягощенного различными болезнями императора. Фрейлина А. Ф. Тютчева так описала Николая I в день именин цесаревны Марии Александровны 22 июля 1854 г. в Петергофе: «Сегодня утром опять имели место поздравления, затем обедня в маленькой готической церкви. Туда пришел государь. Стоя очень близко от него в церкви, я была поражена происшедшей в нем за последнее время огромной переменой. Вид у него подавленный; страдание избороздило морщинами его лицо. Но никогда он не был

так красив: надменное и жесткое выражение смягчилось; крайняя бледность, особенно выделяющая изумительную правильность черт его лица, придает ему вид античной статуи» (*Тютчева А. Ф.* Дневник (Фрагменты). С. 72).

Бóльшую часть времени Николай Павлович теперь проводит в Гатчине, он как будто скрывается в нелюбимом ранее пригороде. Обостряется болезнь императрицы. Николай I дежурит у ее изголовья, его мучит бессонница. Он с болью воспринял известие А. С. Меншикова об Инкерманском сражении 24 октября 1854 г., на которое возлагалось столько надежд. «Печальное известие» об этой неудаче, привезенное в Гатчину 31 октября, произвело в Гатчине «удручающее впечатление». «Огромная потеря, — сообщает Д. А. Милютин в своих записках, — крайне огорчила Государя» (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1843–1856 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2000. С. 291). Часто бесцельно он бродит с остановившимся взглядом по комнатам Гатчинского дворца, в дворцовой церкви шепчет молитвы. Его молитвы о здоровье Александры Федоровны и победе России. Но, подобно эпидемии гриппа, охватившей столицу, вирусы пацифизма разлагают общество. «Одна мысль, что Николай I выйдет из войны победителем, приводила в трепет — писал Е. М. Феоктистов. — Торжество его было бы торжеством системы, которая глубоко оскорбляла лучшие чувства и помыслы... и с каждым днем становилась невыносимее...» (цит. по: *Ляшенко Л.* Александр II, или История трех одиночеств. Л., 1989. С. 158). Некоторые старые недруги открыто злорадствуют и мечтают, применяя более позднюю терминологию, о «поражении своего правительства». В Сибири откровенно радовался поражению николаевской России И. Д. Якушкин. Узнав о кончине Николая I, А. И. Герцен в письме к Л. Пьянчани в марте 1855 г. писал: «Смерть Николая имеет для нас величайшее значение; сын может быть хуже отца, но все же должен быть иным, при нем не может продолжаться тот непрерывный, неумолимый гнет, какой был при его отце. Война для нас нежелательна — ибо война пробуждает националистическое чувство. Позорный мир — вот что поможет нашему делу в России» (Герцен А. И. — Л. Пьянчени, 4 марта 1855 г. // *Герцен А. И.* Сочинения: В 30 т. М., 1961. Т. 25. С. 248).

В начале 1855 г. Николай Павлович решается, наконец, из Гатчины вернуться в столицу, но настроение его еще больше омрачается безрадостными вестями из Крыма. Император старался держать себя в руках, но люди, его знавшие, видели, до какой степени он угнетен. В воспоминаниях А. М. Скабичевского сохранился такой эпизод: «Возвращаясь домой с родными из театра, я обратил внимание на высокую фигуру, медленно двигавшуюся по Дворцовой набережной в полном одиночестве. Лодочник, перевозивший нас через Неву, сообщил нам, что это — царь, что каждую ночь он по целым часам ходит взад и вперед один по набережной» (*Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М., 1987.).

«Императрица рассказывала мне, — делилась в своем дневнике от 21 февраля 1855 г. А. Ф. Тютчева, — что за последнее время цесаревичу случалось говорить: „Я не узнаю императора, у него нет прежней энергии — он слабеет, слабеет!“» (*Тютчева А. Ф.* Дневники (Фрагменты). С. 95). Об одном из последних обедов с императором, состоявшемся 31 января 1855 г., вспоминает граф П. Д. Киселев: «31 генваря, при моем докладе, государь изволил мне сказать с обыкновенною его

приветливостью: „Ты ведь не забудешь, что нынче понедельник и что мы обедаем вместе“. Я отвечал, что простудился и опасаюсь быть неприятным гостем для императрицы, на что государь возразил: „Я тоже кашляю, — жена с нами обедать не будет, и мы вдвоем будем кашлять и сморкаться“. Так и последовало, стол был накрыт в комнате Ее Величества, которую застал я на канапе и которая в сей день оставалась на диете, т. е. без обеда. Государь кашлял изредка и жаловался на спинную боль, но был покоен и даже весел...» (цит. по: *Штакельберг Н. С.* Загадка смерти Николая I //Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Кн. 1. С. 59–60; подлинник см.: РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 762. Л. 1). На следующий день Николай Павлович занемог.

По официальной версии Николай Павлович умер от пневмонии 18 февраля 1855 г., заболев незадолго до смерти гриппом. Насыщенное медицинскими подробностями заключение было опубликовано 26 февраля под названием «Описание хода болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича». Каких-либо важных медицинских документов о кончине императора не сохранилось. Известно, что недомогание началось 27 января. 31 января он уже кашлял и жаловался на боль в спине, одышку. 4 февраля исследование показало упадок деятельности в верхней доле левого легкого. Нижняя доля правого легкого была поражена гриппом. 2 февраля император уже не выходил из своего кабинета. 5 и 6 он почувствовал себя лучше, но кашель не прекращался. С 8 февраля к наблюдению за императором присоединился лейб-медик Ф. Я. Карелль. Почувствовав некоторое облегчение, император решил 9 февраля, несмотря на протесты врачей, проводить маршевые гвардейские батальоны. По возвращении он почувствовал лихорадочный приступ и тупую боль в боку, начался кашель. Несмотря на мороз, как обычно, в легком плаще и открытых санях, Николай Павлович поехал в Манеж. 10 февраля царь последний раз покинул Зимний дворец, отправившись на строевой смотр. 11 февраля врачи настояли на постельном режиме. У Николая был сильный озноб. Потом лихорадочный жар. В это время подоспело сообщение «о деле под Евпаторией». 13 и 14 февраля лихорадка продолжалась, и император почти не спал. На следующий день извержение «мокрот» сопровождалось кровью. Вечером августейший больной жаловался на подагрическую боль в большом пальце ноги. 16 февраля была сильная боль в «задних реберных мускулах с правой стороны». 17 февраля лихорадка усилилась. По официальным документам, именно в этот день медики предположили возможность летального исхода. Утром у Николая Павловича начался «легкий бред». В полдень было сильное «колотье» в левой стороне груди. К двум лечащим врачам в тот день присоединился врач наследника лейб-медик И. В. Енохин. По некоторым сведениям, Александру Николаевичу сообщили о возможности «паралича сердца». По свидетельству Л. В. Дубельта, «разнесся смутный слух о болезни государя императора» (*Дубельт Л. В.* Заметки и дневник. С. 238). До этого времени болезнь императора удавалось держать в тайне. С этого дня стали появляться бюллетени (которые вывешивались во дворце) за подписями всех трех врачей. Копии бюллетеней выдавались также некоторым сановникам, которые приезжали во дворец справляться о здоровье императора (например, П. Д. Киселеву был выдан бюллетень под № 3). Всего их было четыре, последний из них был датирован девятью часами утра 18 февраля, то есть за 3 часа

до кончины Николая I. Бюллетени были опубликованы все сразу 18 февраля. Надежда исчезла в ночь с 17 на 18 февраля. Около 3 часов ночи, по свидетельству Л. В. Дубельта, Николай Павлович спросил Мандта: «Скажите мне откровенно, какая у меня болезнь? Вы знаете, что и прежде я всегда вам приказывал предупреждать меня вовремя, если заболею тяжело, чтоб не упустить исполнения христианского долга». — «Не могу скрыть, перед Вашим Величеством, что болезнь ваша становится серьезною; у вас поражено правое легкое». — «Вы хотите сказать, что ему угрожает паралич?» — «Если болезнь не уступит нашим усилиям, то, конечно, это может последовать; но мы того еще не видим и не теряем надежды на Ваше выздоровление». — «А, теперь я понимаю мое положение, теперь я знаю, что мне делать» (Там же. С. 272–274). В других источниках (Д. Н. Блудов, А. Ф. Тютчева) этот разговор относят к 2 часам ночи. А. Ф. Тютчева описывает этот эпизод более драматически: «Мандт приложил стетоскоп к его груди и стал выслушивать. „Плохо, Ваше Величество“, — сказал врач. — „В чем же дело, — спросил государь, — образовалась новая каверна?“ — „Хуже, Ваше Величество“. — „Что же?“ — „Начинается паралич“. — „Так это смерть?“ Мандт рассказывает, что несколько мгновений он не мог произнести ни слова, потом сказал: „Ваше Величество, вы имеете перед собой несколько часов“» (*Тютчева А. Ф.* Дневники (Фрагменты).

В бюллетене № 3 о состоянии здоровья императора говорилось: «В три часа дня на 18 февраля, при сделанном исследовании впервые оказались в нижней доле правого легкого явные признаки начинавшегося паралича. Извержение мокроты за несколько уже перед тем часов сделалось гораздо затруднительнее; большой палец на ноге оставался по-прежнему нечувствителен, а кожа сухою. Появление этих опасных признаков возвестило безнадежность положения государя. Между тем головной боли и никаких нервических припадков вовсе не было; сознание совершенно ясное; даже дыхание меньше затруднительное, хотя развитие паралича в легких, по направлению снизу вверх, продолжало распространяться» (Описание хода болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича // Северная пчела. 1855. № 44). В 5 часов утра Николай продиктовал депешу в Москву, в которой сообщал, что умирает и прощается с первопрестольной. В последнюю ночь, когда уже наступил паралич легких, и дыхание становилось более стесненным и хриплым, император спросил Мандта: «Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка?». Затем прибавил: «Если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать» (Там же. С. 86). Император нашел силы проститься со всеми. Во время прощания с императрицей перед причастием Николай Павлович попросил одеть его в мундир. Протопресвитер В. Б. Бажанов выслушал последнюю исповедь Николая Павловича. В 8 часов 20 минут духовник отец Бажанов начал читать отходную. Когда священник благословил его, император сказал: «Думаю, что я никогда сознательно не сделал зла». В 10 часов он потерял способность речи. В 20 минут первого 18 февраля Николая Павловича не стало. Судя по воспоминаниям, агония царя была мучительной. Николай Павлович был требователен не только к другим, но и к себе в еще большей степени. Император должен был подавать пример и накануне смерти, уже исповедавшись и призвав наследника, сказал ему: «Учись умирать».

Вот как описывала покойного императора А. Ф. Тютчева сразу после кончины: «Император лежал поперек комнаты на очень простой железной кровати. Голова

покоилась на зеленой кожаной подушке, а вместо одеяла на нем лежала солдатская шинель. Казалось, что смерть настигла его среди лишений военного лагеря, а не в роскоши пышного дворца. Все, что окружало его, дышало самой строгой простотой, начиная от обстановки и кончая дырявыми туфлями у подножия кровати» (*Тютчева А. Ф.* Дневники (Фрагменты). С. 87–88). В дневнике от 19 февраля фрейлина А. Ф. Тютчева записала: «Вечером я пошла на панихиду. Тело государя лежит все еще на кровати, но уже одето в кавалергардский мундир. Черты застыли, лицо имеет свинцовый оттенок. Прекрасное и мягкое выражение первой минуты исчезло. Это поистине смерть со всем ужасом разрушения, смерть, неумолимо провозглашающая ничтожество и непрочность всего земного» (Там же. С. 92).

Сразу же по столице пошли слухи об отравлении, о яде, который якобы дал по просьбе Николая лейб-медик М. Мандт (об этой версии см.: *Смирнов А. Ф.* Разгадка смерти императора // *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 435–462). Слухам способствовало быстрое разложение тела покойного императора. Как отмечает А. Ф. Тютчева (и это очень похоже на покойного императора!), «он сам сделал все распоряжения на случай своей смерти и пожелал, чтобы его бальзамировали по системе Ганоло (Ганналя — *сост.*), заключающейся в том, что делается простой надрез в артерии шеи и впускается туда электрический ток» (*Тютчева А. Ф.* Дневники (Фрагменты). С. 92). Естественно, фрейлина не была точна в медицинском объяснении. Бальзамирование производилось «путем вливания в кровяные жилы жидкостей, задерживающих гниение». Для бальзамирования тела, которое должно было проходить в присутствии министра Императорского двора, были приглашены на следующий день в 9 часов утра доктор Ф. Я. Карелль, лейб-хирург И. В. Енохин, лейб-медики Э. Рейнгольд, М. Мандт и М. Маркус. Бальзамирование было произведено незадолго до этого приглашенным в Россию из Вены для работы в Медико-хирургической академии профессором анатомии прозектором Венцелем Грубером. Ему помогал Г. Ю. Шульц. Соответствующий акт был написан рукой В. Л. Грубера и скреплен подписями 21 февраля. Особое мнение составил профессор анатомии П. А. Наронович, который приписывал неудачу в бальзамировании тела императора неопытности исполнителей. Специальная комиссия рассматривала процедуру бальзамирования 23 февраля и затем отметила в своем заключении от 25 февраля: «...Если бы при бальзамировании были удалены внутренности, то сохранение тела в целостности было бы гораздо вернее; но так как внутренности оставлены неприкосновенными, к бальзамированию же было приступлено спустя значительное после смерти время, то употребленный прозекторами Грубером и Шульцем способ мы считаем более верным...» (цит. по: *Гайваронский И. В.*, *Свирса А. А.* Венцель Грубер и 18 февраля 1855 года // Морфофункциональные преобразования органов и тканей при воздействии на организм экстремальных факторов: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Е. А. Дыскина. СПб., 1998. С. 30). Участники бальзамирования и аптекари были награждены.

Тем не менее, в обществе бальзамирование тела Николая I также не осталось без внимания. В дневнике от 21 февраля А. Ф. Тютчева добавляет: «Бальзамирование произведено неудачно, и тело начинает разлагаться. Запах был очень ощутителен. Императрица-мать в залу не входила, она присутствовала на панихиде в

соседней комнате. Вернувшись к себе, я застала там Лизу Карамзину, Ольгу Смирнову и Антонину Блудову. Эта последняя сказала мне, что необходимо уговорить государя немедленно опубликовать подробности смерти императора Николая, так как в народе уже ходит множество слухов, волнующих массы и могущих привести к беспорядкам. Все поражены внезапностью смерти...» (*Тютчева А. Ф.* Дневники (Фрагменты). С. 93).

Автор последней статьи о смерти Николая I И. В. Зимин писал о трех версиях кончины императора: 1) официальная причина — смерть от «паралича легких»; 2) смерть в результате соматических причин, связанных со стрессовой ситуацией и желанием уйти из жизни, совпавших с простудным заболеванием; 3) смерть в результате отравления. В свою очередь, эта версия делится на две: а) самоубийство при помощи лейб-медика М. Мандта; б) отравление М. Мандтом как результат заговора (*Зимин И. В.* «Медики и самодержцы»: Загадка смерти Николая I // Отечественная история. 2001. № 4. С. 64. Последняя версия о заговоре и убийстве наиболее безапелляционном варианте представлена в брошюре: *Шахмагонов Н. Ф.* Великая жизнь и странная смерть. М., 1999). Все политические противники покойного императора с радостью ухватились за слухи о самоубийстве. Оно, как им казалось, подводит печальный итог и всему царствованию (Признание доктора Мандта // Природа. 2004. № 1. С. 81. С публикацией письма А. И. Михельс академику Е. В. Тарле по поводу самоубийства Николая I со ссылками на семейные предания. Статья подписана инициалами: С. М. С.). Но эти суждения были поспешны, и обстоятельный анализ врачей-специалистов не подтверждает этих слухов (*Молин Ю.* Романовы: Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002). Да и вся жизнь, служба, морально-этические христианские принципы Николая Павловича не укладывается в эту версию. Он работал до конца, составляя новые стратегические планы ведения войны.

Великая княжна Ольга Николаевна писала о своем отце: «Папа стоял как часовой на своем посту. Господь поставил его туда, один Господь был в состоянии отозвать его оттуда. И мысль об отречении была несовместима с его представлениями о чувстве долга. В то время он был на высоте своей власти, и его влияние на окружающих казалось безграничным. Позднее, когда он узнал, что существуют границы даже для самодержавного монарха и что результаты тридцатилетних трудов и жертвенных усилий принесли только очень посредственные плоды, его восторг и рвение уступили место безграничной грусти. Но мужество никогда не оставляло его, он был слишком верующим, чтобы предаваться унынию; но он понял, как ничтожен человек. Как часто он говорил нам в это время: „Когда меня не будет больше, молитесь обо мне“» (Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 237).

Основные источники:

Дубельт Л. В. Заметки и дневники // Российский архив. М., 1995. Т. VI; Завещание и последние дни императора Николая Первого. М., 1856; *Кинг Л. И.* Рассказы об императоре Николае Павловиче // Исторический вестник. 1886. № 11. С. 413–419; Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 305–

312 (см. реакцию дворника на смерть императора. С. 308); *Киселев П. Д.* 1) Записка гр. П. Д. Киселева о последних днях жизни и смерти Николая I, 18 февраля 1855 г. — В ст.: *Штакельберг Н. С.* Загадка смерти Николая I // Русское прошлое: Исторические сборники. Пг., 1923. Кн. I. С. 60–62. Подлинник см.: РГИА. Ф. 958 (П. Д. Киселев). Оп. 1. Д. 762; 2) Записка графа Киселева о государе Николае Павловиче // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 522–531; *Мандт М.* 1) Ночь с 17-го на 18-е февраля 1855 г. // Русский архив. 1884. № 1. С. 192–198; 2) О последних неделях императора Николая Павловича // Русский архив. 1905. № 2. С. 479–480;[*Чернышевский Н. Г.*] Письмо из провинции. [Январь 1860] // *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. М., 1950. Т. 7. С. 1001–1004; *Тютчева А. Ф.* Дневники (Фрагменты) // *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 43–183. См. также: Дневники (фрагменты). 1855 год // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М., 2000. Т. 2. С. 392–411; *Тютчева А. Ф.* Воспоминания // *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. С. 3–42. См. также: Воспоминания (отрывок) // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. С. 385–392.

Публицистика:

[*Блудов Д. Н.*] Последние часы жизни императора Николая Первого. М., 1855; *Панаев В. И.* Последние минуты в Бозе почившего императора Николая Павловича // Русская старина. 1892. Т. 76. С. 491–496; Описание хода болезни в Бозе почившего императора Николая Павловича // Северная пчела. 1855. № 44. 26 февраля; Последние минуты в Бозе почившего императора Николая Павловича // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 37. 18 февраля; Русский художественный листок. 1855. № 12. [Кончина Николая I; здесь же отчет из «Северной пчелы»]; *Ростислав* [*Ф. М. Толстой*]. Ночь у гроба в Бозе почившего и вечные памяти государя императора Николая I // Северная пчела. 1855. № 1; Кончина государя императора Николая Павловича // Москвитянин. 1855. Т. 2. № 5. С. 33–42; Последние минуты и кончина в Бозе почившего императора незабвенного и вечной славы достойного, Николая I. М., 1855; Последние часы из жизни императора Николая Первого. М., 1855.

Литература:

Богданов Н. Роль врачей в убийстве царей. М., 2004. С. 176–189; *Виноградов В. Н.* 1) Восточный вопрос и англо-русские отношения в 30-е годы // Советское славяноведение. 1982. № 3. С. 2–22; 2) Николай I в «Крымской ловушке» // Новая и новейшая история. 1992. № 4; 3) Князь А. М. Горчаков — министр и вице-канцлер // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 172–196; *Гайворонский И. В.*, *Свирса А. А.* 1) Венцель Грубер и 18 февраля 1855 года // Морфофункциональные преобразования органов и тканей при воздействии на организм экстремальных факторов: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рож-

дения профессора Е.А. Дыскина. СПб., 1998. С. 28–31; 2) Карьера доктора Г.Ю. Грубера // Там же. С. 109–112; *Зимин И. В.* «Медики и самодержцы»: загадка смерти Николая I // Отечественная история. 2001. № 4. С. 57–66; *Молин Ю.* Романовы: Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002; *Свирса А. А.* 1) Аномальное реноме «выборгского императора» // Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия: Материалы Российской научной конференции 25 мая 1999 г. СПб., 1999. С. 41–44; 2) «Зимние» искушения искусного бальзаматора в кривом зеркале одного ученого противостояния // Там же. С. 58–60. (Использовано «Дело о рассмотрении акта бальзамирования тела в Бозе почившего императора Николая Павловича и награждении некоторых лиц по бальзамированию тела Его Величества»: РГИА. Ф. 472. Оп. 35 (143/480). Д. 12. Л. 1–26); *Смирнов А. Ф.* Разгадка смерти императора // *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 435–462; *Шидловский А.[Ф.]* Болезнь и кончина императора Николая Павловича // Русская старина. 1896. Т. 86. № 6. С. 615–631; *Штакельберг Н. С.* Загадка смерти Николая I // Русское прошлое: Исторические сборники. С. 58–73.

1. Герольд (*нем.* Herold, *позднелат.* Heraldus, от *франкского* heriwald — военное должностное лицо) — в Западной Европе в Средние века глашатай, церемониймейстер при владетельных домах, распорядитель на рыцарских турнирах. Также специалист в составлении гербов и родословий. В России с 1722 г. существовала должность герольдмейстера, а с 1725 г. — Герольдмейстерская контора (позднее — департамент Герольдии Сената). Временные должности герольдов учреждались также во время торжественных церемониалов, связанных с торжественными событиями (как праздничными, так и печальными) в царской семье.

2. См.: *Михайловский В.* Словарь православного богослужебного языка и священных обрядов // Краткий церковно-богослужебный словарь. М.,1997.

3. В 1826–1860 гг. шефом Кавалергардского полка была Ее Императорское Высочество императрица Александра Федоровна.

4. Аннотированный указатель фондов ГПБ: Фонды русских деятелей XVIII–XX вв.: В 4 вып. Л., 1981–1984; *Репинский К. Г.* Путеводитель по архивным собраниям Отдела рукописей Российской национальной библиотеки / Сост. Л. И. Бучина, Н. А. Зубкова. СПб., 2000.

Подготовка текста и комментарии Л. В. Выскочкова

А. И. Стригоцкий
О смерти императора Николая Павловича [октябрь 1855 г.]

17-го февраля 1855 г. вечером в цирке, где показывали живые картины, я узнал, что государь Николай Павлович опасно болен. 18-го февраля в 11-м часу утра, зайдя в кондитерскую, я прочитал два бюллетеня, вышедшие о состоянии его здоровья. Вчерашние слухи подтвердились вполне. В 11 часов я сидел уже в Сенате. У меня был доклад во втором Общем Собрании. Мне сказали, что министр юстиции граф Панин[1] с своим товарищем Иличевским[2] и с директором канцеля-

рии своей Топильским[3] приехали в Сенат, потребовали Полное собрание законов 1824 г. и заперлись в одной комнате. Чиновники догадывались, что господа эти приготовляют манифест о вступлении на престол Александра II, ожидая скорой кончины Николая Павловича. Сенаторы все были опечалены и озабочены; у многих показались на глазах слезы, ходили по комнате, по присутствию, стояли кучками. Экзекутор пришел сказать, что в Сенатской церкви начался молебен об исцелении больного. Тотчас все отправились в церковь, в которую пришли и сенаторы первого Общего Собрания. Молились, преклоняя несколько раз колени, воротились затем в присутствие, куда вскоре пришел Иличевский и занял свое место за генерал-прокурорским столом. Мой секретарь, стоя посреди комнаты, начал читать записку, было уже половина первого пополудни, как кто-то из чиновников, отворив дверь в присутствие из другой комнаты, объявил, что государь скончался. Сенаторы встали с своих мест, доклад прекратился. Пришли некоторые сенаторы из первого Общего Собрания. Иличевский, обращаясь к обер-прокурору и к чиновникам канцелярии, говорил, что надобно продолжать доклад, но сенаторы не садились на свои места, некоторые громко утверждали, что они не в состоянии теперь обсуживать дела. Видя это, я приказал своим секретарям собрать бумаги и отправиться в Д[епартамен]т, а сам, надев сюртук, поехал ко дворцу (Зимнему). У подъезда, выходящего к адмиралтейству, стояло человек сто народу, большею частию из людей порядочно одетых. Подождав минут десять, я подошел ближе к дверям, отворил их и вошел во дворец. Швейцар, у которого я спросил, можно ли поклониться государю, немного замялся, но я преспокойно снял шубу, положил ее на скамейку и пошел по коридору. В одной маленькой комнатке стоял, облокотившись на перилы, обер-полицмейстер Галахов в полной форме[4]. На лице его выражалось чрезвычайное уныние. Он как будто потерялся, забыл свою обязанность и свой сан. Оставив его в этой комнатке и пройдя еще одну небольшую комнату, я очутился в смежной с тою, в которой лежал государь. Здесь у самых дверей, чрез которые входили к покойному, стояла одна дама и утирала слезы, разговаривая с каким-то чиновником, кажется доктором; здесь были еще два лакея, называемые скороходы, в шапках, несколько офицеров, несколько генералов и один камер-юнкер в мундире. Лакеи входили в комнату государя и выносили из нее разные вещи. Когда они растворяли дверь, я усмотрел в опочивальне покойника одного генерал-адъютанта подле большого письменного стола, стоявшего посредине. Министр юстиции с бумагами в руках раза два входил к покойнику. В последний раз, остановившись подле меня, он сказал одному генералу, что в дворцовой церкви скоро будет присяга, но в котором часу, не знаем, потому что час еще не назначен. Граф Панин был в виц-мундире. Мое положение становилось весьма неловким, тем более что какой-то генерал спросил по-французски подле меня стоявшего офицера, кто я такой. Простояв еще с четверть часа, я решился уйти; не попав сразу на прежнюю дорогу, зашел в одну комнату, где сидела какая-то дама, воротился назад, попал наконец в коридор, оттуда в переднюю; швейцар подал мою шубу, он помнил, что она принадлежала мне, хотя и видел меня в первый раз. Зайдя в Сенат, я узнал, что граф Панин уже там и наблюдает за печатанием манифеста[5]. На следующий день в 10 часов утра все сенаторы, митрополит, члены Синода собрались в первом общем собрании Сена-

та. Министр юстиции прочел им манифест, записал его в журнал, который тут же подписали. Панин уехал, а сенаторы пошли в Сенатскую церковь и приняли присягу, которую читал герольдмейстер Философов[6]. После сенаторов присягала канцелярия. В день смерти Николая Павловича даже у самого дворца не видно было войска. В полиции не замечено было никакой особенной деятельности. Все шло по-старому.

Стригоцкий. Октябрь 1855 г.

Публикуется по: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 3. № 22. Л. 353 об. – 355 об. Воспоминания исправляющего должность обер-секретаря 4-го департамента Правительствующего Сената, надворного советника Александра Ивановича Стригоцкого вошли в состав рукописного сборника разных неизданных сочинений в стихах и прозе.

1. Граф Виктор Никитич Панин (1801–1874) — министр юстиции (1839–1862), тайный советник, статс-секретарь, член Государственного Совета.
2. Платон Демьянович Илличевский (1802–1858) — товарищ министра юстиции, тайный советник, брат лицейского соученика А. С. Пушкина — А. Д. Илличевского.
3. Михаил Иванович Топильский (1809–1873) — директор Департамента Министерства юстиции, действительный статский советник.
4. Александр Павлович Галахов (1802–1863) — петербургский обер-полицмейстер (1847–1856), генерал-адъютант, генерал-майор.
5. Манифест «О вступлении на престол государя императора Александра Николаевича» с указом Сената опубликован 18 февраля 1855 г. (ПСЗ II. № 29045).
6. Владимир Дмитриевич Философов — герольдмейстер, статский советник.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

По поводу смерти Императора Николая I. Из записок баронессы М. П. Фредерикс. [1855 г.]

Я уже говорила, что в первые часы после смерти император Николай был чудо как хорош; но когда мы собрались опять в этот же день его кончины к вечерней панихиде и ожидали прихода царской семьи, ко мне подошел В. Б. Бажанов[1], только что я вошла в смертную комнату, со словами: «Как жаль! Образовалось большое пятно на лице, посмотрите». Действительно, я увидела на правой стороне от виска, вдоль всей щеки, громадное синевато-красное пятно. Покойник лежал еще не одетый на кровати, как в первые минуты после смерти, выражение же его лица не изменилось, оно продолжало быть спокойно величественно.

В эту ночь с 18 на 19-е и целый день 19-го производилось бальзамирование тела. Вечером 19-го перенесли останки великого императора в нижний зал на половины великих княжон по его распоряжению, найденному после его смерти и написан-

ному за несколько лет до кончины. Гроб поставлен был на катафалк, приставлено дежурство и с ночи начали пускать всех.

Утром 20-го числа я пришла осмотреть, все ли в порядке для прихода императрицы, чтоб ничего слишком тяжелого не могло бы поразить Ее Величество. Но каков же был мой ужас увидеть полное разложение тела. Лицо было страшно раздуто, красное пятно распространилось по всей поверхности обезображенного лица, невозможно было узнать нашего возлюбленного Николая Павловича! Я приложилась к его руке, и у меня моментально раздуло губы. На мой вопрос: «Что это значит?», мне объяснили, что будто бы употребили новый способ бальзамирования, и он не удался. Сейчас же сделано было распоряжение, чтобы лицо и руки были прикрыты, дабы императрица и семейство не видели бы этой страшной перемены!

Когда тело в Бозе почившего императора было выставлено в Петропавловской крепости, то на лице устроено было что-то вроде маски, густо закрытой флером.

Ради всего сказанного о кончине императора Николая I-го родилось убеждение, держащееся упорно, что Николай Павлович, видя обман со всех сторон, расшатание своей славы и безвыходное положение Севастополя — покончил сам с собою, приняв яду! Этого допустить нельзя ни в каком случае, и только те могут верить подобным лживым предположениям, которые его близко не знали и не изучили его характера. Он был слишком глубоко верующим, слишком преданным своему долгу, слишком искренно любил своего сына, которому этим поступком оставлял такое тяжелое положение, и, наконец, наложить на себя руку в трудную минуту жизни есть такое эгоистическое малодушие, которое можно допустить только в самых низких и мелких созданиях, а нашему великому царю — рыцарю во всех отношениях — такого малодушия приписать нельзя! Он это доказал и в начале и в течение всего своего царствования, так что подобную мысль необходимо отвергнуть совсем в истории императора Николая Незабвенного.

Но что доктор Мандт[2] был тайный агент врагов императора Николая I-го, как внешних, так и внутренних.., за это я поручусь. Бог ему судья, и Он один знает, что Мандт был за человек! На это мне возразят, что император Николай Павлович был так обессилен и слава его так обрушилась, что его уже не стоило бояться! Нет, это неверно; если б он остался жив, так или иначе вышел бы победителем этого минутного позора и восстановил бы Россию в своей прежней славе!.. Враги России это знали и этого-то боялись!

А что касается до самоубийства государя — на это я скажу еще одно. Увы! Ровно 10-ть лет спустя мне пришлось пережить и присутствовать при страшном событии, разыгравшемся в Ницце[3]. Ход всего этого события, конечно, с разницею в обстановке и проч. в сущности очень сходен с кончиною Николая I-го; а тут был молодой человек, полный жизни, счастия и надежд, так что о самоубийстве не могло быть и речи! Приемы медиков всегда непонятны у нас, когда идет дело о смерти императоров или их наследников!

Публикуется по: ОР РНБ. Ф. 849. К. 4. № 11. Л. 4–5. Копия, сделанная Н. К. Шильдером. Им же дано название с пометой «Глава, не напечатанная в Историческом Вестнике». См.: Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. Т. 71. № 1. С. 52–87; № 2. С. 454–484.

Баронесса Мария Петровна Фредерикс (1832–1903) — фрейлина императрицы Александры Федоровны, впоследствии была известна как благотворительница и одна из основательниц Российского общества Красного Креста. В своих воспоминаниях она подчеркивала, что считает «нравственным долгом своим оставить после себя точное и правдивое описание царской семьи». (С. 52).

1. Василий Борисович Бажанов (1800–1883) — с 1835 г. преподаватель Закона Божия детям и внукам императора Николая I и духовник Их Высочеств, с 1848 г. духовник Их Величеств, протоиерей, доктор богословия, протопресвитер Придворного и Московского Благовещенского соборов, член Святейшего Синода, обер-священник Главного штаба Его Императорского Величества, гвардейских и гренадерского корпусов.

2. Мартын (Мартин) Мартынович Мандт (1800–1858) — лейб-медик (1840–1855), тайный советник.

3. В ночь с 11 на 12 апреля 1865 г. в Ницце скончался великий князь цесаревич Николай Александрович.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

Ночной смотр
(Подражание Зейдлицу). [3 января 1856 г.]

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик,
И ходит он взад и вперед
И бьет он проворно тревогу.
На нем кирасирский мундир,
На плечах его багряница[1],
И скипетр тяжелый в руке.
Он скипетром бьет в барабан,
Могучую будит пехоту;
Встают моряки молодцы,
Встают гренадеры, уланы,
С дунайских широких равнин,
С полей Ольтеницы, Четати;
Встают из-под стен Силистрии
И с Малоазийских равнин,
И с павших твердынь Бомарзунда,
С кровавой долины Альмы,
С гористых вершин Инкермана,
С оврагов у Черной реки[2].
Но больше и гуще толпы
Встают с бастионов, курганов,
С высоких, крутых батарей,

Из длинных, глубоких траншей
Вкруг Севастополя. Тени
Несметной несутся толпой,
Сплошною, печальною массой;
В потухших очах их укор,
Геройская смерть на челе,
В чертах неподвижных презренье.
Не смотрит в смущенье на них
Венчанный стыдом барабанщик.
Он бьет в барабан и дает
Сигналы им делать ученье,
К разводным приемам зовет,
Командует марш им парадный.
Но тени недвижно стоят
И царским не внемлют призывам,
И слышится тихий их лепет,
Как шелест деревьев в лесу
В ночи, перед страшной грозою.
«Стыдись! Ты из темных могил
Опять на парад нас сзываешь,
Тяжелый урок позабыл.
Все тот же в гробу ты, как в жизни,
А опыт тебе показал,
Что ты, как дитя, заблуждался,
Что время напрасно терял
В забавах потехи воинской.
Как кукол ты нас наряжал,
На нас ты смотрел, как на кукол;
Ты думал весь мир испугать
Своею поддельною силой;
Ты думал в Европе играть
Такую же роль самодержца
И ею вертеть, как полком,
Но в час, как Европа тебя
Ни слушать, ни знать не хотела,
С упрямством безумным, слепым,
На битву ты двинул Россию,
К борьбе не готовую вовсе;
Как будто в насмешку нам дал
Парадные пушки и ружья,
Негодные вовсе в бою;
Поставил в начальники нам
Парадных своих генералов,
Отживших, пустых стариков,
Дрожавших, молчавших и кравших

Во всю их постыдную жизнь.
И в час, как Европа с тебя
Величье мишурного блеска
Победной рукой сорвала,
И ты, опозоренный миром,
Разгаданный даже своими
Созданьями жалкими, с шумом
С ходулей высоких упал
И умер с тоски и досады, —
Мы в битвах с сильнейшим врагом
Безмолвными массами гибли
[С отчаяньем мрачным, немым,][a]
С холодным презрением к жизни,
И гибли за долг свой, за честь,
Воинскую славу, за знамя,
За родину нашу святую,
Тебя проклиная в душе!»
И долго под небом полночи
Погибших героев укоры,
Как шелест деревьев неслись.
И слушал их сердце скрепя,
Зубами в досаде скребя,
Венчанный стыдом барабанщик;
Потом, посмотревши на них
Своим испытующим взором,
Вздохнув тяжело, он сказал:
«Я вижу, погибла Россия!
Увы, не в мундирах она
И выправки прежней не знает.
На армии нет эполет
И касок моих величавых;
Пальто, сюртуки и фуражки
Повсюду[3]... О, горе, о, горе!»
И руки по швам опустив,
Отправился маршем парадным
Во гроб император усопший.

Публикуется по: ОР РНБ. Ф. 849. К. 4. № 11. Л. 34–35 об. Писарская копия. Списки этого стихотворения хранятся также в фонде А. А. Краевского (ОР РНБ. Ф. 391. № 83. Л. 1–2 об.) и В. Ф. Зотова (РО ИРЛИ. Ф. 548. Оп. 1. № 8. Л. 39–40 об.). На списке Зотова поставлена дата: 3 января 1856. Сатирическое стихотворение неизвестного автора хорошо передает общественные настроения того времени. Йозеф Христиан Цедлиц (Зейдлиц, 1790–1862) — австрийский писатель и

[a] Строка из списка В. Ф. Зотова — *сост.*

поэт-романтик. Авторизованные переводы его баллад, посвященных Наполеону, принадлежат перу В. А. Жуковского («Ночной смотр», 1836) и М. Ю. Лермонтова («Воздушный корабль (Из Зейдлица)», 1840).

1. Багряница — порфира, царская мантия.

2. Имеются в виду боевые действия в Валахии у населенных пунктов Ольтеница (октябрь 1853 г.), Четати (ноябрь 1853 г.), осада русскими войсками Силистрии (ноябрь – декабрь 1853 г.), оборона Бомарзунда — русских укреплений на Аландских островах (26 июля — 4 августа 1854 г.), кровопролитные сражения в Крыму при Альме (7 сентября 1854 г.), при Инкермане (24 октября 1854 г.), при Черной речке (4 августа 1855 г.).

3. Вскоре после вступления на престол Александра II, начиная с 14 марта 1855 г., последовала череда приказов, согласно которым были произведены многочисленные изменения в военной форме. В частности, в качестве наплечных знаков различия для офицеров вместо эполет были введены погоны. Эполеты были сохранены лишь как принадлежность парадной формы одежды, а также городской и визитной. До Николая I каски с гребнем в качестве военного головного убора носили только кирасиры, драгуны, конно-артиллеристы и жандармы. Николай I лично участвовал в создании нового образца остроконечной кожаной каски, снабженной металлическими деталями. В 1844–1846 гг. кивера и другие головные уборы почти повсеместно были заменены касками, которые до 1856 г. преобладали в русских войсках. Плащ-пальто были введены в 1855 г. вместо так называемой «николаевской» шинели с пелериной и стоячим воротником. Сюртуки, первоначально являвшиеся верхней одеждой, стали одним из распространенных видов повседневной формы одежды. Фуражные шапки были введены в конце XVIII в. для фуражиров, ведавших снабжением фуражом кавалерийских и артиллерийских частей. Впоследствии фуражки видоизменились и благодаря своей практичности утвердились в войсках, потеснив другие головные уборы.

Подготовка текста и комментарии Л. А. Булгаковой

Список сокращений

ВД	—	Восстание декабристов. Документы. Л.; М., 1925–2001. Т. I–XX.
ВИМАИВ и ВС	—	Военно-исторический музей артиллерии, ракетных войск и войск связи
ГМЗ	—	Государственный музей-заповедник
ГПБ	—	Государственная публичная библиотека
ГРМ	—	Государственный Русский музей
ПСЗ	—	Полное собрание законов
Сб. РИО	—	Сборник Русского исторического общества
СЕИВк	—	Собственная Его Императорского Величества канцелярия
ЦВММ	—	Центральный Военно-морской музей

Архив СПбИИ РАН	—	Архив Санкт-Петербургского института истории российской академии наук
ВУА	—	Военно-учетный архив
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ОПИ ГИМ	—	Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР РНБ	—	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РО РНБ	—	Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
РО ПД	—	Рукописный отдел Пушкинского Дома
РАН	—	Российская академия наук
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив (ранее — Центральный государственный военно-исторический архив — ЦГВИА)
РГИА	—	Российский государственный исторический архив
РГНФ	—	Российский государственный научный фонд
РО ИРЛИ	—	Рукописный отдел института русской литературы РАН
ЦГВИА	—	Центральный государственный военно-исторический архив (ныне — РГВИА)

Указатель имен*

*Имена писателей, историков и мемуаристов, а также мифологических и литературных персонажей выделены курсивом.

Содержание

СУД. СЛЕДСТВИЕ. КАЗНЬ

КОРОНАЦИЯ

Часть II. НИКОЛАЙ I: ПИСЬМА, РЕЗОЛЮЦИИ, ПРИКАЗЫ, ЗАПИСКИ

Часть III. НИКОЛАЙ I ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Часть IV. ИМПЕРАТОР ПУТЕШЕСТВУЕТ

Часть V. ЗАВЕЩАНИЕ, ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ, ПОГРЕБЕНИЕ

Научное издание

Николай I:

Личность и эпоха
Новые материалы

Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории
Российской академии наук

Редактор *О. А. Потанина*
Корректор *Г. А. Засыпкина*
Компьютерная верстка *А. И. Азаров*
Дизайн обложки *Д. А. Топал*

Подписано в печать 01.03.2007. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 32,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 476.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел./факс: (812)702-75-78 (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru